ИСТОРІЯ

РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ,

ДРЕВНЕЙ и НОВОЙ.

СОЧИНЕНІЕ

А. Галахова.

Изданіе второе, съ перемѣнами.

ТОМЪ I.

Отдѣлъ 2: отъ Петра I до Карамзина.

Рекомендована Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, какъ пособіе для гимназій и прогимназій.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Печатано въ типографіи Морскаго Министерства, въ Главномъ Адмиралтействѣ.
1880.

120552

I. ЭПОХА ПЕТРА I.

§ 1. Восьмнадцатый вѣкъ открывается реформой государственнаго устройства, по мысли и волѣ Петра. Первая его четверть, называемая «эпохою преобразованія», имѣетъ смыслъ не всецѣлаго, кореннаго разрыва между старымъ и новымъ, а только ускореннаго перехода Россіи отъ ея особнаго существованія къ непосредственному общенію съ Европой. Она есть начальный моментъ того періода въ историческомъ развитіи, который долженъ завершиться органическимъ союзомъ собственныхъ силъ народа съ достояніемъ другихъ народовъ и такимъ образомъ національные элементы жизни возвести на степень общечеловѣческихъ.

Главнымъ предметомъ и орудіемъ реформы служило образованіе, въ которомъ различаются двѣ стихіи: прежняя, или средневѣковая, и новоевропейская. Первая господствовала преимущественно въ Кіевѣ, подкрѣпляясь польскимъ вліяніемъ; вторая была результатомъ прямыхъ сношеній съ Европою, завязанныхъ Петромъ. Оба направленія существовали одновременно, не исключая себя взаимно и тѣмъ обнаруживая историческую связь предъидущей эпохи съ эпохою преобразованія. Петръ I завелъ свѣтскія школы; но и послѣ ихъ учрежденія духовныя училища дѣйствовали на основаніи прежнихъ уставовъ. Академія въ Москвѣ даже была преобразована по примѣру кіевской. Изъ среды югозападныхъ ученыхъ, образовавшихся до реформы, Петръ выбиралъ себѣ сотрудниковъ. Учебныя руководства относятся къ двумъ разрядамъ: одни написаны по тѣмъ предметамъ, которые не были преподаваемы до реформы; другія сохраняли прежнее назначеніе, хотя нѣкоторыя изъ нихъ и подверглись въ своемъ составѣ ея дѣйствію, такъ что иное оставлено въ нихъ неизмѣннымъ, а иное приноровлено къ новымъ потребностямъ. Внѣ учебной литературы тоже явленіе: рядомъ съ переводами и сочиненіями, вызванными реформой, продолжались перепечатка старыхъ и изданіе новыхъ книгъ, которыя отвѣчали характеру прежняго образованія и нуждамъ прежняго

чтенія. Поэтому, говоря объ успѣхахъ образованія при Петрѣ, было бы противно истинѣ видѣть въ нихъ нѣчто такое, что лишено всякихъ связей съ прежнею, до-петровскою Россіею, или что порвало ихъ окончательно и насильственно.

Главнѣйшимъ орудіемъ реформы служило образованіе, а изъ образовательныхъ мѣръ первое мѣсто занимало заведеніе школъ. Такъ какъ разные роды службы требовали людей, спеціально знающихъ свое дѣло, то первыя училища были спеціальныя. По обстоятельствамъ времени, царь обращалъ особое вниманіе на образованіе военнаго сословія. Заботясь о флотѣ, онъ основалъ въ Москвѣ школы Математическую и Навигацкую (навигаціонную), а въ Петербургѣ Морскую Академію. Въ Навигацкой школѣ первыми преподавателями были англичане. Трудъ одного изъ нихъ (Фарварсона) «Эвклидовы элементы, выбранные изъ двѣнадцати Невтоновыхъ книгъ», переведенъ на русскій языкъ (1739). Въ помощники къ иностраннымъ преподавателямъ былъ опредѣленъ Леонтій Магницкій, авторъ «Ариѳметики, или науки числительной (1703)», составленной по разнымъ источникамъ, иностраннымъ и «старопреводнымъ славянскимъ». За тѣмъ явились школы инженерная и артиллерійская. Въ школѣ при московскомъ госпиталѣ, молодые люди, знающіе латинскій языкъ, обучались медицинѣ (анатоміи и хирургіи). По указу 1814 г. опредѣлено послать во всѣ губерніи по нѣскольку человѣкъ изъ школъ математическихъ, для обученія дворянскихъ дѣтей цыфири и геометріи, причемъ положенъ такой штрафъ: не позволять жениться до тѣхъ поръ, пока не выучатся этимъ предметамъ. Въ 1721 г. было предписано учредить школы, въ которыхъ дѣти приказныхъ людей могли бы пріобрѣтать познанія, нужныя хорошему подьячему; дѣти же дворянскихъ фамилій обучались «экономіи и гражданству» въ особыхъ школахъ, устроенныхъ при коллегіяхъ. Указы 1708 и 1723 г.г. имѣютъ предметомъ образованіе бѣлаго духовенства: первымъ повелѣно дѣтямъ священниковъ и дьяконовъ учиться въ школахъ греческихъ и латинскихъ, а которые не захотятъ того, тѣхъ въ попы и дьяконы не посвящать, въ подъячіе и никуда не принимать кромѣ служилаго чина; второй указъ поставилъ ученіе обязательнымъ для дѣтей священно-и-церковнослужителей. Кромѣ того еще въ 1714 г. велѣно было дьячихъ, подьяческихъ, поповыхъ и прочаго церковнаго чина, архіерейскаго дома и монастырскихъ слугъ дѣтей, кромѣ дворянскихъ, отъ 10 лѣтъ до 15 учить цыфири и геометріи (въ школахъ цыфирныхъ).

Начавъ устройство народной образованности заведеніемъ спеціальныхъ школъ, Петръ I кончилъ его учрежденіемъ Академіи

наукъ, открытой послѣ его смерти, при Екатеринѣ I (29 января 1726 г.). По особенному состоянію и нуждамъ Россіи, на Академію возложена была троякая обязанность, которую въ другихъ государствахъ несли три различныя учрежденія, ибо, какъ сказано въ указѣ 28 января 1724 г., слѣдуетъ «учинить такое зданіе, чрезъ которое не токмо распространилась бы слава государства для размноженія наукъ, но и обученіемъ оныхъ была бы польза въ народѣ». Поэтому Академія заключала въ себѣ «собственно академію», члены которой обязаны были производить открытія и усовершенствованія въ наукахъ; «университетъ», для публичнаго обученія молодыхъ людей наукамъ; наконецъ «гимназію», гдѣ преподавались начальныя основанія наукъ для подготовки учащихся къ слушанію университетскихъ лекцій или къ учительскому званію. Такимъ образомъ, будучи высшей ученой корпораціей, Академія въ тоже время была и высшимъ учебнымъ заведеніемъ, и педагогическимъ институтомъ, и гимназіей.

Для знакомства съ спеціальными предметами знанія издаваемы были особыя книги. Это—большею частію переводныя руководства къ навигаціи, артиллеріи, фортификаціи и кораблестроенію; наприм.: «Книга морскаго плаванія, Деграфа» (1701), «Основаніе и практика артиллеріи, Брауна» (1709), «Новое крѣпостное строеніе, Кугорна» (1709), «Воинскія правила, како непріятельскія крѣпости силою брати, барона Боргсдорфа» (1709), «Архитектура воинская, Штурма» (1709), «Новое голландское корабельное строеніе, Аларда» (1709), «Географія или краткое земнаго круга описаніе» (1710), «Новая манера укрѣпленія городовъ, Блонделя» (1711), «Истинный способъ укрѣпленія городовъ, Вобана» (1724), и др. Вообще книги, изданныя по повелѣнію Петра, образуютъ особый научно-литературный отдѣлъ, замѣчательный по своей цѣлесообразности преобразовательнымъ планамъ, имѣвшимъ цѣлью съ одной стороны снабдить школы учебными пособіями, а съ другой—распространить полезныя свѣдѣнія между любознательными людьми, не знавшими иностранныхъ языковъ. Еще въ 1700 году, въ пребываніе свое въ Голландіи, Петръ далъ привилегію Тессингу на заведеніе русской типографіи. Помощникъ Тессинга, занимавшійся потомъ самостоятельно типографскимъ дѣломъ, Илья Копіевскій, или Копіевичъ, издалъ много переводовъ и учебниковъ, между прочимъ «Руководеніе въ Грамматику» (1706). Въ 1707 г. онъ прибылъ изъ Амстердама въ Россію и привезъ съ собою три азбуки новоизобрѣтенныхъ русскихъ литеръ. Первою книгою, напечатанною этимъ шрифтомъ, была «Геометрія, славенски Землемѣріе (1708)», а второю—«Приклады, како пишутся ком-

плементы (1708)», т. е. образцы писемъ поздравительныхъ, соболѣзновательныхъ и другихъ, переведенные съ нѣмецкаго и положившіе начало новому эпистолярному стилю, по обычаю образованныхъ, или, какъ тогда выражались, «политичныхъ» народовъ. Далѣе слѣдовали: «Исторія о разореніи града Трои (1709)», «Квинта Курція о дѣлахъ Александра Великаго (1709)», «Кратлое описаніе о войнахъ, изъ книгъ Юлія Цезаря (1711)», «Апоѳегмата, т. е. краткихъ, витіеватыхъ и нравоучительныхъ рѣчей книги три (1712), «Разговоры Эразма (1716)», «Юности честное зерцало или показаніе къ житейскому обхожденію (1717)», содержащее въ себѣ наставленія юношамъ, какъ они должны вести себя въ обществѣ и дома.—Видя, что сочиненія для первоначальнаго обученія писались «славянскимъ высокимъ діалектомъ, а не просторѣчіемъ», отчего и оставались непонятными для дѣтей, Петръ I повелѣлъ издать для народнаго употребленія книгу, которая содержала бы въ себѣ, кромѣ буквъ и слоговъ, толкованіе закона Божія, символа вѣры, молитвы Господней и десяти блаженствъ евангельскихъ. Это повелѣніе исполнилъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, составившій «Первое ученіе отрокомъ (1720)»: книга эта была введена во всеобщее употребленіе при обученіи не только духовныхъ, но и мірянъ. Любя бесѣдовать съ учеными людьми, Петръ I захотѣлъ узнать, откуда язычники ведутъ начало своего многобожія и есть ли о томъ какое сочиненіе. Ему указали на «Аполлодора, грамматика аѳинейскаго или о богахъ», и онъ повелѣлъ перевесть эту книгу на русскій языкъ и напечатать. Изданіе ея (1725) обставлено приложеніями, нужными для уразумѣнія автора (указатель собственныхъ греческихъ именъ, съ обозначеніемъ употребленія ихъ на русскомъ языкѣ; экстрактъ изъ книги «сумнѣнныхъ» рѣчей); предисловіе написано Ѳеофаномъ, а за предисловіемъ слѣдуетъ предъувѣщаніе отъ переводчика Алексѣя Барсова. Важнѣйшія европейскія произведенія, изъ которыхъ одни, на основаніи началъ, добытыхъ развитіемъ науки и политико-общественнымъ ходомъ жизни, полагали основы реформамъ и въ жизни и въ наукѣ, а другія сообщали свѣдѣнія о политическомъ устройствѣ государствъ, ихъ законахъ, исторіи и настоящемъ состояніи, также перешли къ намъ въ переводахъ, частію изданныхъ, частію оставшихся въ рукописяхъ. Таковы: Пуффендорфа «Введеніе въ исторію европейскихъ государствъ (1718)»; его же «О должностяхъ человѣка и гражданина»: обѣ книги переведены Гавріиломъ Бужинскимъ, но переводъ второй, начатый при Петрѣ, конченъ послѣ его смерти и напечатанъ въ 1726 г. Далѣе: «О законахъ брани и мира», Гуго Гроція; «Увѣщанія и приклады политическіе», Юста Липсія; «Деньги и ку-

печество», разсужденіе Ло (Law); «О правахъ французскихъ»; «Историческій и Географическій Словарь», Морери; «Исторія о настоящемъ управленіи Турецкой Имперіи», и многія другія. Царь не ограничивался заказами той или другой работы, но дѣятельно слѣдилъ за трудившимися, давалъ имъ совѣты, часто просматривалъ и исправлялъ ими сдѣланное. Сознавая самостоятельную важность науки, независимо отъ примѣненія ея къ жизни, онъ однакожъ, будучи занятъ преобразованіемъ, цѣнилъ преимущественно, на первыхъ порахъ, ея служебное отношеніе къ государственнымъ цѣлямъ. Онъ ясно различалъ какъ сущность знанія отъ «премѣнныхъ вещей» въ немъ, такъ и прямое содержаніе книги—то, что̀ служитъ къ наученію—отъ лишнихъ ея разглагольствій. Въ одной запискѣ его синоду о церковныхъ поученіяхъ требуется единственно изъяснять «прямой путь», чтобы люди знали, въ какой именно силѣ принимать пункты христіанскаго ученія. Съ понятіемъ о существенномъ въ знаніи Петръ связывалъ понятіе о простотѣ, краткости и внятности изложенія. Ему были противны искусственные пріемы схоластики и многоглаголаніе, вводимое для расширенія книги. Въ словесномъ выраженіи не допускалъ онъ «праздной красоты», а если и разрѣшалась «сладость рѣчи», то лишь подъ условіемъ, чтобъ она облегчала достиженіе прямой цѣли, т. е. уразумѣнія существеннаго содержанія. Просторѣчіе предпочиталось высокому славянскому діалекту. Языкъ самого Петра отличался сжатостью и точностью, которымъ дивился Ломоносовъ въ похвальномъ ему словѣ. Тѣхъ же качествъ Петръ требовалъ отъ авторовъ и переводчиковъ. Замѣтивъ въ переводѣ вышеупомянутаго сочиненія Блонделя: «Новая манира укрѣпленію городовъ» нѣкоторую темноту и непонятность, онъ писалъ переводчику, Конону Зотову: «не надлежитъ рѣчь отъ рѣчи хранить въ переводѣ *(т.е. переводить слово въ слово, буквально)*, но точію, сіе *(содержаніе)* выразумѣвъ, на свой языкъ уже такъ писать, какъ внятнѣе можетъ быть» (1).

Вмѣстѣ съ учрежденіемъ школъ и печатаніемъ книгъ Петръ позаботился о сообщеніи русскимъ людямъ свѣдѣній о томъ, что дѣлается въ ихъ отечествѣ и за границей. До него иностранныя извѣстія передавались «курантами», т. е. рукописными извлеченіями изъ посольскихъ донесеній и переводами нѣкоторыхъ статей изъ иностранныхъ газетъ, преимущественно голландскихъ. Тѣмъ и другимъ завѣдывали переводчики посольскаго приказа, откуда ку-

1) Пекарскаго: Литература и наука въ Россіи при Петрѣ Великомъ, 2 т. (1862).

ранты поступали къ царю и самымъ главнымъ сановникамъ, оставаясь для публики неизвѣстными. Въ бытность за границею, Петръ видѣлъ, какимъ важнымъ значеніемъ, политическимъ и нравственнымъ, пользуется тамъ періодическая пресса: и потому изъ государственной тайны, какою были куранты, задумалъ обратить ихъ въ правительственный органъ, предавать гласности важнѣйшія свѣдѣнія о западной Европѣ и своемъ государствѣ. Онъ основалъ «Русскія Вѣдомости», первый листъ которыхъ вышелъ 2 января 1703 г. Свѣдѣнія касательно Россіи шли впереди извѣстій иностранныхъ. Государь самъ отмѣчалъ статьи въ газетахъ для перевода; даже самъ правилъ корректуру перваго листа вѣдомостей, которая и хранится въ Московской синодальной типографіи (1).

Выше сказано о новоизобрѣтенной русской гражданской азбукѣ, которая называлась также амстердамскою, по мѣсту отлитія шрифта. Въ основу ея былъ принятъ употребляемый въ Европѣ алфавитъ латинскій. Съ 1708-го года, когда первыя двѣ книги были напечатаны этимъ шрифтомъ: «Геометрія» и «Приклады», она, съ теченіемъ времени, нѣсколько измѣнялась. Въ 1709 г. русскіе наборщики подали челобитную, въ которой просили за наборъ гражданскимъ шрифтомъ платить, какъ за наборъ шрифтомъ славянскимъ, потому что первый выходилъ убористѣе. Въ 1710 г. они представили Петру I экземпляръ Азбуки съ изображеніемъ древнихъ и новыхъ письменъ славянскихъ, печатныхъ и рукописныхъ. Государь перечеркнулъ въ азбукѣ какъ заглавныя, такъ и прописныя славянскія буквы, болѣе фигурныя и потому трудныя для начертанія, и оставилъ только буквы шрифта гражданскаго, надписавъ на внутренней сторонѣ переплета слѣдующее: «сими литеры печатать историческія и манифактурныя книги, а которыя подчернены, тѣхъ въ вышеписанныхъ книгахъ не употреблять (2).

Наконецъ Петръ I возстановилъ театръ, устроенный его отцемъ и упраздненный при его братѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ. Сценическія представленія изъ царскаго дворца (Верха) были перенесены на Красную площадь въ особо устроенный «комидійный домъ» и сдѣлались доступны для всякаго чина людей. Въ 1702 г. пріѣхалъ въ Москву изъ Данцига Іоганнъ Кунштъ съ своею труппой стран-

---

1) Вѣдомости начаты съ января 1703 г. и кончены декабремъ того же г. Изданіе состоитъ изъ 39 №№, выходившихъ въ неопредѣленные сроки и различающихся объемомъ. Печатались въ числѣ 1000 экз. Полныхъ экземпляровъ похранилось только два—въ И. П. Библіотекѣ, которая издала ихъ въ 1855 и посвятила Московскому университету, въ столѣтній юбилей его существованія.

2) Азбука съ исправленіями Императора Петра Великаго и указомъ его о введеніи въ употребленіе гражданскаго шрифта. Спб. 1877.

ствующихъ актеровъ. Условіемъ піесъ поставленъ былъ русскій языкъ, почему взяты въ посольскій приказъ для ученія комидійныхъ дѣйствъ подьячіе разныхъ приказовъ. Репертуаръ Кунштовой труппы составляли піесы, служившія дальнѣйшимъ развитіемъ англійскихъ комедій, т. е. изображавшія важныя и государственныя дѣйствія (Haupt-und-Staatsactionen), но осложненныя новыми элементами подъ вліяніемъ оперы и балета. Дѣйствующими лицами въ этихъ піесахъ выступали герои, цари, великіе завоеватели, тираны, знаменитые разбойники. Главнымъ же героемъ оставался шутъ: Пикельгерингъ англійскихъ комедій, Гансвурстъ нѣмецкихъ. Въ спискѣ піесъ, переведенныхъ для московской комедіальной храмины и хранившихся въ посольскомъ приказѣ, значатся слѣдующія: «О Александрѣ Македонскомъ»; «О графинѣ тріерской Геновевѣ»; «О честномъ измѣнникѣ»; «О Франталпеѣ, королѣ эпирскомъ, и о Мирандонѣ, сынѣ его»; «Тюрьмовый заключникъ, или принцъ Пикельгерингъ»; «Сципій Африканскій»; «Два завоеванные города, въ ней же первая персона Юлій Цесарь»; «Порода Геркулесова, въ ней же первая персона Юпитеръ»; «О Баязетѣ и Тамерланѣ»; «О докторѣ битомъ (докторъ принужденный)». Петръ I не былъ, однакожъ, удовлетворенъ труппою Кунштa. Ему хотѣлось видѣть на сценѣ «тріумфальныя» комедіи, т. е. представленіе своихъ побѣдъ. Театръ долженъ былъ служить ему тѣмъ, чѣмъ была для него проповѣдь Ѳеофана Прокоповича: онъ долженъ былъ разъяснять народу смыслъ дѣяній преобразователя (1).

Торжества по случаю побѣдъ, прославленіе Петра и его сподвижниковъ, привѣтствія начальникамъ и разные другіе случаи дѣйствительно вызывали панегирики и хвалебные вирши. Такъ по взятіи Азова думный дьякъ Андрей Виніусъ произносилъ поздравительные стихи Лефорту и Шейну. Главное участіе въ сочиненіяхъ этого рода по поводу тріумфовъ принимала Славяно-греко-латинская академія: учители описывали празднества и объясняли значеніе аллегорическихъ картинъ. Сюда принадлежитъ «Преславное торжество свободителя Ливоніи (1704)», составленное префектомъ Іосифомъ Туробойскимъ и учителями, съ предисловіемъ, въ которомъ говорится, почему сюжетъ для украшенія вратъ заимствованъ не отъ божественныхъ писаній, а отъ мірскихъ историковъ или отъ стихотворцевъ, при чемъ показывается что̀ такое аллегорія. Въ 1709 г. по случаю полтавской битвы, или «преславной викторіи надъ химероподобными дѣвами—гордынею, неправдою и хищеніемъ свейскимъ», Московская академія праздновала «По-

1) Первое пятидесятилѣтіе русскаго театра, Н. Тихонравова.

литиколѣпную Апоѳеозисъ (т. е. прославленіе) великороссійскаго Геркулеса, Петра I»: посвященіе подписано тѣмъ же Туробойскимъ со всею эллино-славено-латинскою академіею. Въ изображеніяхъ аллегорическихъ авторъ воспользовался гербомъ Швеціи (левъ) и Станислава Лещинскаго (голова буйвола): «написахомъ льва, буйвола и змѣя, въ едино ярмо впряженныхъ и землю пашущихъ, на ней же финиковыя вѣтви и вѣнцы побѣдительныя возрастаютъ, яже геніуши (геніи) собираютъ на щитахъ, именемъ и гербомъ его царскаго величества украшенныхъ; надписахомъ же словеса Овидіевы: sic vos non vobis—тако вы не себѣ (пашете). Это знаменуетъ свѣйскую коллигацію (союзъ) съ Лещинскимъ и съ измѣнниками подъ побѣдительное иго его царскаго величества впряженныхъ, отъ ихъ же побѣжденія торжественная слава его царскаго величества возстаетъ и неувядающая пребудетъ». Въ честь Меншикова написана Иваномъ Кременецкимъ, обучавшимся въ Московской духовной академіи: «Лавреа или Вѣнецъ безсмертныя славы (1714)». Въ посвященіи Меншиковъ сравнивается съ солнцемъ и блескъ его славы ставится превыше сіянія драгоцѣнныхъ каменьевъ; панегирикъ заключается риторическимъ возгласомъ: «Тя Эвксинъ, тя Понтъ славитъ, тя величаетъ царская милость, тя философійская уставленія достойна почтоша, тя изряднѣе красноглаголивыя любомудрственныхъ витійствъ языка ублажиша, а въ воздаяніе вѣчныя памяти славу твою написаша». Въ 1717 г., по возвращеніи Петра изъ поѣздки за границу, напечатаны привѣтствія ему и Екатеринѣ I отъ служителей типографіи: первое прославляетъ подвиги царя на пользу Россіи; второе состоитъ изъ похвалъ царицѣ за то, что она оказала мужество въ затруднительномъ положеніи русской арміи при Прутѣ и сопровождала своего супруга въ путешествіяхъ его по иностраннымъ государствамъ. Торжественные въѣзды Петра въ Москву по заключеніи Ништатскаго мира (1721) и по возвращеніи изъ персидскаго похода (1722) были воспѣты Московскою академіей въ двухъ пѣсняхъ.

Кромѣ книгъ, оригинальныхъ и переводныхъ, издававшихся въ Россіи и для русскаго народа, издавались книги также за границею, для иностранцевъ. Въ 1705 г. Петръ отправилъ въ Германію Гюйсена, учителя царевича Алексѣя, съ порученіемъ напечатать опроверженіе брошюры Нейгебауера, которое и вышло на нѣмецкомъ языкѣ (1706) подъ заглавіемъ: «Пространное обличеніе преступнаго и клеветами наполненнаго пасквиля: Искреннее письмо знатнаго нѣмецкаго офицера». Обращая вниманіе на то, что̀ пишется въ Европѣ о его дѣлахъ, Петръ не хотѣлъ оставлять безъ

отвѣта какихъ-либо невѣрныхъ мнѣній, умышленно искажающихъ правду или смотрящихъ на событія не съ надлежащей точки зрѣнія. Такъ сочиненіе одного шведа (Краткое изложеніе войны между Швеціей и Россіей) заставило Петра поручить вицеканцлеру барону Шафирову опровергнуть превратные толки иностранца: это опроверженіе и составляетъ предметъ историко-политическаго «Разсужденія о причинахъ войны съ Карломъ XII (1717)». Въ немъ три части: первая разсматриваетъ причины, заставившія Петра начать войну съ Карломъ XII; вторая слагаетъ на шведскаго короля отвѣтственность за продолженіе войны; третья доказываетъ, что со стороны Россіи война была ведена съ умѣренностью, по обычаю просвѣщенныхъ народовъ. Заключеніе содержитъ въ себѣ отвѣтъ на толки о томъ, не лучше ли бы было вмѣсто долговременной и тягостной войны заключить миръ, хотя бы и съ уступкою. Нѣкоторыя мѣста этого отвѣта написаны самимъ Петромъ, а заключеніе (отъ словъ: «тако, любезный читателю») все принадлежитъ его перу. «Разсужденіе» замѣчательно, какъ первый опытъ русской публицистики, дающей отвѣтъ на современные толки иностранной печати о честолюбивыхъ замыслахъ Россіи.

Путешествія, совершенныя при Петрѣ, принадлежатъ также къ новымъ явленіямъ книжнаго дѣла. Отъ древнерусскихъ хожденій онѣ отличаются особою цѣлью: тогда русскіе люди отправлялись за границу преимущественно для поклоненія святымъ мѣстамъ; начиная съ Петра, они ѣздятъ въ чужія земли для знакомства съ Европою. Вниманіе путешественниковъ останавливалось главнѣйше на томъ, чѣмъ европейское отличалось отъ отечественнаго. Рѣзкія отличія и были для нихъ тѣми достопримѣчательностями, которыя они считали обязанностію занести въ свой дневникъ, напоминающій нѣкоторыми чертами разсказъ стариннаго паломника или оффиціальный докладъ статейнаго списка, а съ другой стороны представляющій новое не только въ содержаніи, но и во взглядѣ на иновѣрцевъ.

Графъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ ѣздилъ за границу, по собственной охотѣ, для наблюденій надъ военнымъ искусствомъ. Петру Великому былъ пріятенъ добровольный вызовъ приближеннаго къ нему лица на такое дѣло, которое согласовалось съ его видами: онъ снабдилъ Шереметева грамотами къ разнымъ дворамъ, гдѣ почетно встрѣчали русскаго путешественника, пріобрѣтшаго извѣстность своими воинскими подвигами. Путешествіе продолжалось около двухъ лѣтъ (1697—99). Въ это время Шереметевъ посѣтилъ Краковъ, Вѣну, Венецію, Римъ, Неаполь, Мальту. Путевыя записки его сухи и безцвѣтны, заключая въ себѣ по

обльшой части простой перечень мѣстъ и лицъ, имъ видѣнныхъ. Въ нихъ разсказаны: представленіе Шереметева польскому королю Августу, австрійскому императору Леопольду, папѣ, флорентинскому герцогу, пребываніе въ Венеціи, гдѣ онъ встрѣтилъ многихъ Русскихъ, посланныхъ туда для науки, и между ними двухъ своихъ братьевъ, и на островѣ Мальтѣ, гдѣ онъ былъ радушно принятъ мальтійскими кавалерами и посвященъ ими въ санъ рыцаря, поклоненіе въ городѣ Барѣ мощамъ св. Николая чудотворца, посѣщеніе іезуитской коллегіи въ Неаполѣ и проч.

Въ одно время съ Шереметевымъ ѣздилъ за границу графъ Петръ Андреевичъ Толстой для изученія морскаго дѣла. Дневникъ его путешествія по Италіи, на островѣ Мальтѣ и въ Венеціи описываетъ предметы, преимущественно съ внѣшней ихъ стороны, причемъ главное вниманіе останавливаетъ на монастыряхъ, церквахъ, святыняхъ всякаго рода, вѣроисповѣданіи жителей и порядкѣ ихъ богослуженія. Говоря о чужеземныхъ нравахъ и обычаяхъ, Толстой больше всего отмѣчаетъ тѣ изъ нихъ, которыми иностранцы отличаются отъ его соотечественниковъ. Такъ въ Варшавѣ онъ записалъ, что жены и дочери польскихъ сенаторовъ не ставятъ себѣ въ зазоръ ѣздить по городу въ каретахъ, что жены и дочери богатыхъ горожанъ также не считаютъ безчестьемъ сидѣть въ лавкахъ за всякими товарами. Венеціане поразили Толстова своею трезвостью, своими «невозбранными» публичными увеселеніями, вольнымъ и покойнымъ житьемъ, безъ страха, обиды и тягостныхъ податей. Онъ присутствовалъ въ неаполитанскомъ судѣ, гдѣ судились два человѣка: «подъячій записывалъ ихъ слова, подобно тому какъ и на Москвѣ»; но вотъ что для москвича было удивительно: судящіеся «говорили чинно, съ великою учтивостію, а не крикомъ».

Гр. Андрей Артемоновичъ Матвѣевъ описалъ свою поѣздку (1705) изъ Гаги въ Парижъ, для заключенія торговаго договора съ Франціей. Въ путевомъ дневникѣ его отмѣчены, между прочимъ, ясно проведенное разграниченіе королевской державы отъ должностей вельможъ, невмѣшательство послѣднихъ въ дѣла народныя, смертный законъ о взяткахъ съ народа, общественное значеніе женщинъ и обхожденіе ихъ съ мужчинами, общее безъ изъятія воспитаніе юношества, гуманное обращеніе учителей и родителей съ дѣтьми (1).

---

1) Пекарскаго: «Поѣздка гр. А. А. Матвѣева въ Парижъ» (Соврем. 1856, № 6). Путешествіе гр. Б. П. Шереметева издано сыномъ его Петромъ Борисовичемъ (1773). Рукопись путешествія гр. П. А. Толстаго хранится въ библіотекѣ

§ 2. Изъ духовныхъ лицъ Петрова времени самыми видными были Стефанъ Яворскій, митрополитъ рязанскій (1658—1722), и Ѳеофанъ Прокоповичъ, архіепископъ новогородскій (1681—1736).

Слова и проповѣди Яворскаго, по своему литературному значенію, представляютъ всѣ главныя особенности югозападнаго проповѣднаго стиля, о которомъ говорилось въ первомъ отдѣлѣ тома, при сужденіи о Галятовскомъ, Радивиловскомъ и Лазарѣ Барановичѣ. Они отличаются изысканною постройкой и часто, оставляя въ сторонѣ прямое содержаніе темы, заняты предметами и обстоятельствами побочными: существенное отходитъ на задній планъ, уступая свое мѣсто случайному; тексты насильственно примѣняются къ событіямъ или развиваемымъ мыслямъ. Такъ въ Словѣ на текстъ: «Пріимпте Духъ Святъ», проповѣдникъ не раскрываетъ главнаго предмета своей рѣчи—внутренняго дѣйствія Духа Святаго на человѣка, а даетъ слушателямъ цѣлый рядъ изысканныхъ примѣненій, изобрѣтая для каждаго чина и сословія приличный образъ, въ которомъ воспринимается имъ Духъ Святый. Такъ еще въ Словѣ о призваніи апостоловъ изъ рыболововъ, онъ входитъ въ искусственныя и пространныя сравненія людей съ рыбами. Въ Словѣ на Полтавскую битву, выразивъ чувство радости, Яворскій остановился на сравненіяхъ Карла XII съ Петромъ I, превосходство котораго ему хотѣлось показать. Эти сравненія не что иное, какъ своего рода общія мѣста, удобоприлагаемыя къ разнымъ предметамъ; въ нихъ нѣтъ ничего отличительнаго, характеристичнаго. Король шведскій уподобленъ льву, Голіаѳу, апокалипсическому звѣрю, древу видѣнному во снѣ Новуходоносоромъ; семь главъ звѣря и вѣтви древа суть шведскіе генералы, листья—воины, плоды разсыпанные—знамена и воинскіе доспѣхи. Петръ же Великій представленъ въ видѣ орла, которымъ растерзанъ левъ, новаго Израиля, поразившаго Голіаѳа, сѣкиры посѣкающей дерево. Яворскій усвоилъ многіе пріемы польскихъ іезуитскихъ проповѣдей: по ихъ примѣру любилъ онъ маскировать свои рѣчи—притчами и прилогами прикрывать обличенія лицъ и ихъ дѣйствій. Манера произнесенія поученій отличалась театральностью: оно было исполнено быстрыхъ, неожиданныхъ переходовъ и эффектовъ и сопровождалось рѣзкими тѣлодвиженіями, почему и дѣйствовало на слушателей раздражительно. Вотъ отзывъ современника о декламаторствѣ Яворскаго: «Онъ имѣлъ удивительный даръ витійства, и

казанскаго университета. Оно изложено Н. А. Поповымъ въ 7 и 8 №№ Атенея 1859 и въ статьѣ: «Гр. П. А. Толстой, біографическій очеркъ» (Древняя и новая Россія, 1875, т. I).

едва подобные ему во учителяхъ россійскихъ обрѣстися могли; ибо мнѣ довольно случися видѣть въ церкви, что онъ могъ во ученіи слышателей привесть—плакать или смѣяться, которому (чему) движеніе его тѣла и рукъ, помаваніе очей и лица премѣненіе весьма помоществовало, которое ему природа дала. Онъ, когда хотѣлъ, то часто отъ ярости забывалъ свой санъ и мѣсто гдѣ стоялъ».— Что касается до отношенія словъ Яворскаго къ преобразовательной дѣятельности Петра, то онъ не принадлежалъ къ ея сторонникамъ, не поддерживалъ ее, какъ первенствующее лице въ духовной іерархіи, т. е. какъ блюститель патріаршаго престола. Въ словахъ его на побѣды Петра выражаются оффиціальныя похвалы, но другія, болѣе искреннія поученія не соотвѣтствовали видамъ реформы, почему возбуждали неудовольствіе царя, а самого проповѣдника заставляли представлять свои объясненія и оправданія. Между «казаньями» послѣдняго рода наиболѣе впечатлѣнія и говора произвело слово «о храненіи заповѣдей Господнихъ», произнесенное на второй недѣлѣ великаго поста (17 марта 1712 г.), въ Успенскомъ соборѣ. Текстъ выбранъ изъ книги пророка Исаіи: «аще хощете и послушаете мене, благая земли снѣсте; аще не хощете, ниже послушаете, мечъ вы поястъ». Показавъ, какую мзду пріимутъ нехранящіе заповѣдей, разорители закона Божія, Стефанъ обращается къ слушателямъ съ такими словами: «Того ради не удивляйтеся, что многомятежная Россія наша доселѣ въ кровныхъ буряхъ волнуется; не удивляйтеся, что по толикихъ смятеніяхъ доселѣ не имамы превожделѣннаго мира. Миръ есть сокровище неоцѣненное; но тіи только симъ сокровищемъ богатятся, которые любятъ Господень законъ, а кто законъ Божій разоряетъ, отъ того миръ далече отстоитъ». Въ другомъ мѣстѣ слова заключается сильная выхода противъ учрежденія оберъ-фискала, которому, въ числѣ его обязанностей, предписано было смотрѣть надъ судьями въ патріаршемъ и архіерейскихъ приказахъ. Изобразивъ непорочность закона Господня, проповѣдникъ показываетъ великое различіе между нимъ и законами человѣческими: «законъ Господень непороченъ, а законы человѣческіе бываютъ порочны. А какой ми то законъ, напримѣръ: поставити надзирателя надъ судами и дати ему волю, кого хочетъ обличити, да обличитъ; кого хочетъ обезчестити, да обезчеститъ; поклепъ сложить на ближняго судію, вольно то ему; а хотя того не доведетъ, о чемъ на ближняго своего клевещетъ, то за вину не ставитъ, о томъ ему и слова не говорить: вольно то ему. Не тако подобаетъ симъ быти: искалъ онъ моей главы, поклепъ на меня сложилъ, а не довелъ: пусть положитъ свою голову; сѣть мнѣ скрылъ: пусть самъ ввязнетъ въ

узкую; ровъ мнѣ ископалъ: пусть самъ впадетъ въ онь, сынъ погибельный, чужею бо мѣрою мѣритъ. А то какова слова ему ни говорити, запинаетъ за безчестіе». Въ заключеніи, проповѣдникъ обратился съ молитвою къ св. Алексію, Божію человѣку: «О угодниче Божій! не забуди и тезоименнника твоего, а особеннаго заповѣдей Божіихъ хранителя и твоего преисправнаго послѣдователя (1). Ты оставилъ еси домъ свой: онъ такожде по чужимъ домамъ скитается; ты удалился еси родителей: онъ такожде; ты лишенъ отъ рабовъ, слугъ и подданныхъ, друговъ, сродниковъ, знаемыхъ: онъ такожде; ты человѣкъ Божій: онъ такожде истинный рабъ Христовъ. Молимъ убо, святче Божій! покрый своего тезоименнника, нашу едину надежду, покрый его въ кровѣ крылъ твоихъ, яко любимаго своего птенца; яко зѣницу, отъ всякаго зла соблюди невредимо. Дай намъ видѣти его вскорѣ всякимъ благополучіемъ изобилующа, и его же нынѣ тѣшимся воспоминаніемъ, дай возрадоватися счастливымъ и превожделѣннымъ присутствіемъ». Слово это возбудило живѣйшее любопытство современниковъ; царевичъ Алексѣй переписалъ его для собственной библіотеки; а Петръ I обратилъ вниманіе на выписанныя мѣста (о разорителяхъ закона Божія, о фискалахъ и о царевичѣ Алексѣѣ). Дѣло кончилось оправдательнымъ письмомъ проповѣдника и не имѣло для него дурныхъ послѣдствій. И въ другихъ казаньяхъ Яворскаго встрѣчаются неодобрительные отзывы о времени Петровской реформы, которое онъ называлъ временемъ изнеможенія вѣры. Гдѣ изнемогаетъ вѣра, тамъ все изнемогаетъ, говорится въ одной изъ его проповѣдей (2): «Мнози скоро отъ своея православныя вѣры каѳолическія подвижутся и прелагаются и чуждыя богомерзкія, еретическія, пространнымъ путемъ во адъ влекущія вѣры похваляютъ; свою же, юже отъ отецъ и праотецъ воспріяша, назданную на основаніи Христовомъ, воспріятую отъ апостоловъ, ругаютъ, осмѣиваютъ и уничтожаютъ. Многимъ случается, яко, едва чуждыя узрятъ земли, отлучившися отъ своего отечества, и отъ вѣры удаляются». Примѣромъ того, что нѣкоторыя выходки Яворскаго могли быть примѣняемы современными слушателями къ извѣстнымъ личностямъ, можетъ служить еще слѣдующій, введенный въ поученіе разговоръ Іоанна Крестителя съ Иродомъ. Слонъ (говоритъ Стефанъ, пользуясь книгами, описывающими нравы животныхъ), когда приходитъ къ водѣ пить, возмущаетъ ее, чтобы не видать своего мерзкаго образа. Тоже дѣ-

---

1) Царевича Алексѣя Петровича, находившагося почти три года въ чужихъ краяхъ.

2) Слово въ недѣлю третью на десять по Св. Дусѣ.

лаетъ и верблюдъ. Также поступаютъ и тѣ, которые обличаемы бываютъ проповѣдью: «возмущаютъ ю, да не увидятъ себе и свои прегрѣшенія, да мерзостей и дѣлъ своихъ беззаконныхъ не увидятъ. Бяше сицевъ верблюдъ Иродъ четверовластникъ, иже, егда слыша Іоанна Крестителя иныхъ обличающа о сицевыхъ вещахъ, которыя его не касахуся, въ сладость послушаше его. Когда глаголетъ Іоаннъ: пресвѣтлѣйшій государь! въ томъ дому сходятся пьяницы, картежники, блудники, убійства, татьбы, клеветы творящіи: слушаетъ его въ сладость Иродъ, абіе посылаетъ слуги, разгоняетъ безчинниковъ, разсыпаетъ, казнитъ. Глаголетъ Іоаннъ: тамо на прельщеніе многимъ творятся соблазны, тамо младіи безчинствуютъ, тамо безвременные крики и вопли. На сіе Иродъ: разрушу совѣты ихъ, вскорѣ соборище ихъ искореню, заключу въ темницахъ. Глаголетъ Іоаннъ: невинніи страждутъ, въ узахъ и оковахъ напрасно заключени; многихъ бьютъ напрасно на правежѣ; мнози обидими отъ сильнѣйшихъ. Глаголетъ Иродъ: осужду, испущу, освобожду ихъ. Коснуся послѣ Іоаннъ и самаго безобразія Иродова, осяза раны его, откры гробъ его мерзостнѣйшій: ваше величество! ты и самъ еси отъ другихъ злѣйшій, понеже ты подданнымъ своимъ злѣйшій образъ подаеши, отъ тебя мнози соблазняются. Почто ты удерживаеши жену братню? Не подобаетъ тебѣ держати жену брата твоего. Здѣ Иродъ тотчасъ говоритъ Іоанну: молчи! въ темницу его! за дерзость казнь да пріиметъ»!

Стефанъ Яворскій своимъ словомъ дѣйствовалъ противъ лютеранства вообще и противъ протестантскаго направленія нѣкоторыхъ русскихъ въ частности, или, какъ онъ самъ выразился, противъ «развращенія нѣкіихъ отъ нашего православія лишенниковъ (отверженниковъ), ихъ же сатана, всякихъ расколовъ начальникъ, хоботомъ вражіихъ своихъ навѣтовъ, аки звѣзды небесныя отъ неба церковнаго сими времены отторже въ путь заблужденія погибельный». Онъ и Ѳеофана Прокоповича обвинялъ въ томъ же направленіи. Книга его «Камень вѣры», изданная (1729) послѣ его смерти архіепископомъ тверскимъ Ѳеофилактомъ Лопатинскимъ, была написана по поводу появленія, 1713-го г., въ Москвѣ, между нѣкоторыми русскими послѣдователей лютеранства, что происходило отъ сожительства съ иновѣрными въ Россіи и въ чужихъ странахъ: «смѣсишася языкомъ и навыкоша дѣломъ ихъ». Изъ этихъ русскихъ, увлекшихся ученіемъ Лютера, особенно извѣстенъ Тверитиновъ. Сочиненіе названо «Камнемъ вѣры», по смыслу изреченій Священнаго Писанія, въ которыхъ Спаситель именуется камнемъ созиданія и возстанія и вмѣстѣ камнемъ претыканія и соблазна (слова Симеона Богопріимца: се лежитъ на паденіе и на

возстаніе многихъ). Отсюда вытекаетъ содержаніе и раздѣленіе книги: состоитъ она въ изложеніи догматовъ вѣры, причемъ разсмотрѣніе каждаго догмата дѣлится на двѣ части, изъ коихъ въ первой «писано отъ камня вѣры и созиданія духовнаго на утвержденіе православнымъ, а во второй обнаруживается камень претыканія на опасеніе и сохранное блюденіе правовѣрнымъ». Все сочиненіе дѣлится на три части: въ первой три догмата—о святыхъ иконахъ, о честномъ крестѣ, о мощахъ святыхъ; во второй четыре—о евхаристіи, о призываніи святыхъ, о душахъ святыхъ, о благотвореніи преставльшимся; въ третьей четыре—о преданіяхъ, о литургіи, о постахъ, о благихъ дѣлахъ. «Камень вѣры» при своемъ появленіи вызвалъ горячую и ожесточенную полемику и кромѣ того важенъ по своему отношенію къ проповѣдному слову времени императрицы Елисаветы, о чемъ скажется ниже (1).

Проповѣдная дѣятельность Ѳеофана Прокоповича была совершенною противоположностью такой же дѣятельности Яворскаго. Онъ не просто проповѣдникъ—онъ проповѣдникъ Петрова времени. Искренно преданный преобразовательнымъ планамъ Петра и самъ являя въ себѣ сильныя стремленія къ реформаторству, онъ въ своихъ поученіяхъ разъяснялъ народу истинный смыслъ дѣйствій царя, возбуждая къ нимъ сочувствіе, утверждая сознаніе ихъ необходимости и пользы. Эти поученія, согласно со взглядомъ Преобразователя, служили правительственнымъ видамъ, имѣли важное значеніе для государства: они или подготовляютъ слушателей къ мѣрамъ преобразованія, объясняя ту выгоду, какую онѣ имѣютъ принести отечеству, или оправдываютъ мѣры, указывая выгоды, уже ими принесенныя. Въ томъ и другомъ случаѣ Ѳеофанъ обнаруживаетъ большое искусство. Исходнымъ пунктомъ своихъ доводовъ онъ выбираетъ вѣроученіе, что и слѣдовало дѣлать въ его положеніи. Какъ пастырь церкви, онъ былъ обязанъ прежде всего доказать согласіе Петровыхъ дѣлъ съ духомъ Священнаго Писанія и съ уставами Церкви, очистить ихъ отъ мнимаго противорѣчія религіозному долгу и чувству. Это согласіе и составляло существенный вопросъ для паствы, которая въ новыхъ явленіяхъ боялась видѣть отступленіе отъ закона Божія. За тѣмъ Ѳеофанъ переходилъ къ другимъ доказательствамъ: онъ раскрывалъ общественную

---

1) Н Тихонравова: «Московскіе вольнодумцы начала XVIII в. и Стефанъ Яворскій»; Исторія Россіи, Соловьева, т. 16; Исторія царствованія Петра В., Устрялова, т. 6; Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ проповѣдники, Ю Самарина; Труды Кіевской Академіи, 1865, т. 1; Неизданныя проповѣди Стефана Яворскаго, Чистовича (Христ. Чтеніе, 1867).

и частную пользу преобразованій; указывалъ ихъ пользу въ практическомъ смыслѣ, наиболѣе способномъ помирить съ ними недовольныхъ и сомнѣвающихся; излагалъ утилитарное понятіе о наукѣ, единственно нужное современному большинству, которое еще не могло цѣнить ея значенія самостоятельнаго, независимо отъ примѣненій къ жизни, а измѣряло ея достоинство тою помощью, какую она приносила на службѣ или въ обществѣ. Примѣры такой живой связи съ современною дѣйствительностью представляютъ многія слова Ѳеофана. Такъ въ Словѣ на рожденіе царевича Петра Петровича (1716) онъ исчисляетъ подвиги отца его и сравниваетъ старую, до-петровскую Русь съ Россіею новою, петровскою, одолженною своимъ превосходствомъ европейскому образованію. Поѣздки Петра за границу и посылка туда же молодыхъ дворянъ для ученія возбуждали ропотъ многихъ, видѣвшихъ въ этомъ дѣлѣ нарушеніе исконнаго обычая: Ѳеофанъ, по случаю возвращенія государя изъ чужихъ краевъ (1717), произнесъ два слова, въ которыхъ объяснилъ законность и пользу путешествій для всѣхъ вообще, для правителей царствъ въ особенности. Одно изъ нихъ выставляетъ главную пользу странствій: познаніе Творца отъ познанія тварей, чѣмъ пріобрѣтается мудрость. Эту-то мудрость или философію разумѣлъ Антоній Великій, когда на вопросъ языческихъ философовъ, гдѣ книги его, отвѣчалъ, указывая на весь міръ: вотъ моя книга! «Кто же, спрашиваю, лучше читаетъ сію книгу: тотъ ли, для котораго міръ оканчивается тамъ, гдѣ онъ обозрѣваетъ свой горизонтъ, или тотъ, который, странствуя, видѣлъ рѣки и моря, и земель различіе, и временъ разнствіе, и дивныхъ естествъ множество? Не даромъ Гомеръ, желая похвалить Улисса, нарицаетъ его опытнымъ мужемъ, посѣтившимъ многіе города и видѣвшимъ многіе обычаи». Отъ общей пользы путешествія проповѣдникъ переходитъ къ пользѣ частной—для государей: оно даруетъ имъ правительственный разумъ и есть лучшая и живая школа политики, потому что предлагаетъ не на хартіи, а на самомъ дѣлѣ, не слуху, но самому зрѣнію обычаи и дѣятельность народовъ. Узнавъ эту пользу собственнымъ опытомъ, блаженный Іеронимъ совѣтуетъ для надлежащаго уразумѣнія греческихъ историковъ и стихотворцевъ посѣтить Пелопонесъ и Аттику, а для уразумѣнія ветхозавѣтной исторіи осмотрѣть Іудею и Сирію. Однимъ словомъ, странствованіе въ немногіе годы дѣлаетъ человѣка мудрѣйшимъ, чѣмъ многолѣтняя старость. Особенно же путешествіе обучаетъ дѣлу военному: на географическихъ картахъ не видно, какова та или другая крѣпость, въ чемъ ея надежная сторона и въ чемъ слабая, какія мѣста удобны или не-

удобны для переправы, расположеніе стана, боевыхъ дѣйствій. Путешествіе все это показываетъ, какъ на ладони, начертываетъ живую географію въ памяти.—Морская побѣда, одержанная кн. Голицынымъ надъ шведской эскадрой при островѣ Гренгамѣ (1720), дала оратору поводъ сочинить похвальное слово русскому флоту и убѣдительно выяснить необходимость морскихъ силъ для такой державы, какъ Россія. Ссылаясь на Шестодневъ Василія Великаго, онъ доказываетъ самимъ Богомъ предначертанную необходимость взаимнаго дружелюбія человѣковъ, съ которымъ нельзя согласить обособленнаго, замкнутаго національнаго быта. Не для того ли, спрашиваетъ онъ, между различными странами устроены моря и рѣки, чтобы по нимъ народы сообщались другъ съ другомъ, сопрягались любовнымъ, общечеловѣческимъ союзомъ? Перенесеніе начала новаго года съ сентября на январь также оправдано Ѳеофаномъ въ особомъ словѣ (1725). Короче, всѣ главнѣйшія событія и уставы Петровой эпохи находили въ немъ громкаго о себѣ проповѣдника. Онъ былъ горячимъ панегиристомъ просвѣщенія, посредникомъ между властію и подданными, цѣнителемъ двухъ временъ—отходящаго и наступившаго, между которыми завязалось состязаніе. Большою извѣстностью пользовалось слово Ѳеофана при погребеніи Петра (1725), начинающееся горестными воззваніями къ слушателямъ: «Что се есть? до чего мы дожили, о Россіяне? что видимъ, что дѣлаемъ? Петра Великаго погребаемъ!» Оно выражаетъ чувство скорби, поразившей отечество, величіе утраты. Въ немъ нѣтъ полнаго исчисленія дѣяній Петра: «краткимъ словомъ нельзя обнять безчисленной его славы, а распространяться не допускаетъ печаль, заставляющая проливать слезы и испускать стенанія». Поэтому Ѳеофанъ ограничивается краткими похвалами, въ которыхъ просвѣтитель Россіи сравнивается съ Самсономъ, Іафетомъ, Моисеемъ, Соломономъ, Давидомъ, Константиномъ. Утѣшеніемъ въ печали служитъ то, что великій монархъ, по своемъ отшествіи въ вѣчность, не оставилъ насъ убогими: «При насъ безмѣрное богатство его силы и славы. Какову Россію онъ сдѣлалъ, такова и будетъ: сдѣлалъ добрымъ любимою—любима и будетъ; сдѣлалъ врагамъ страшною—страшна и будетъ; сдѣлалъ на весь міръ славною—славною и быть не престанетъ... Оставляя насъ разрушеніемъ тѣла своего, оставилъ намъ духъ свой».

Ѳеофанъ отличается отъ Яворскаго и литературнымъ характеромъ церковнаго слова. Слова его и поученія хотя и напоминаютъ нѣкоторыми чертами прежнюю школу, такъ какъ онъ получилъ образованіе одинаковое съ своими современниками и потому иногда невольно подчинялся вкусу своего вѣка, но они отступили

120552

отъ схоластическаго направленія гомилетики, отъ искусственной постройки, отъ обычая пользоваться матеріаломъ, почерпнутымъ изъ разнородныхъ источниковъ, пріискивать хитрыя аллегоріи и символы, играть словами, толкуя ихъ по произволу. Развитіе выбраннаго текста состоитъ у Θеофана въ указаніи прямаго его смысла. Раздѣленіе слова на части условлено самимъ содержаніемъ; каждая часть наполнена матеріаломъ дѣйствительно ей принадлежащимъ; доказательства заимствуются преимущественно изъ Священнаго Писанія или твореній св. отцевъ. Однимъ изъ многихъ примѣровъ характера Θеофановыхъ поученій можетъ служить Слово по случаю Полтавской побѣды. Другіе проповѣдники, говоря на тотъ же предметъ, ограничивались выраженіемъ или чувства радости, или чувства благодарности къ Богу: отъ этого содержаніе ихъ словъ страдаетъ общностью и неопредѣленностью, ибо всякое торжество надъ врагомъ возбуждаетъ сказанныя чувства. Θеофанъ поступилъ иначе. Хотя онъ тоже имѣетъ цѣлью внушить Россіянамъ благодарность къ Богу, какъ подателю побѣдъ, но для достиженія этой цѣли разсматриваетъ величіе средствъ, приготовленныхъ непріятелемъ, истребленіе ихъ Полтавскою битвой и слѣдствія битвы. Такимъ образомъ Слово раскрыло передъ слушателями прямое значеніе того, чѣмъ именно была и что̀ именно произвела Полтавская побѣда, а не побѣда вообще. Θеофанъ осудилъ многое въ манерѣ польскихъ казнодѣевъ и ихъ подражателей, какъ это явствуетъ изъ Введенія въ богословскую систему (глава 10: о законномъ толкованіи Священнаго Писанія), изъ статьи Духовнаго Регламента о проповѣдникахъ и изъ отдѣльнаго сочиненія: «Вещи и дѣла, о которыхъ духовный учитель народу христіанскому проповѣдовати долженъ». Во главѣ церковнаго слова поставлено испытаніе слова Божія: «Испытывалъ бы проповѣдникъ отъ Священнаго Писанія (говорится въ Регламентѣ), что̀ есть воля Божія, святая, угодная и совершенная, и то бъ говорилъ». Кромѣ того, Регламентъ запрещаетъ читать казнодѣишковъ легкомысленныхъ, каковы наипаче польскіе бываютъ, а велитъ имѣть творенія Іоанна Златоустаго и по нимъ учиться слагать чистѣйшее и яснѣйшее слово. Нѣкоторыя регулы (правила) направлены противъ Яворскаго. Таковы 4-ое и 9-ое: «Обычай нѣкіимъ проповѣдникамъ есть, аще кто его въ чемъ прогнѣвитъ, на проповѣди своей мстить оному, хотя не именно терзая славу его, обаче такъ говоря, что можно слышателемъ знать, о комъ рѣчь есть: и таковые проповѣдники самые бездѣльники суть».—«Не надобно проповѣднику шататься вельми, будто въ суднѣ весломъ гребетъ. Не надобно руками спляскивать, въ бока упиратися, подскакивать,

смѣяться, да не надобѣ и рыдать; но, хотя бы и возмутился духъ, надобѣ, елико мощно, унимать слезы: вся бо сія лишняя и неблагообразная суть и слышателей возмущаютъ».

Преслѣдуя главную задачу своего краснорѣчія—разъясненіе и оправданіе реформы—Ѳеофанъ нерѣдко принужденъ былъ отражать доводы невѣжества, упорно стоявшаго на томъ, что дѣла Петровы не только общественный вредъ, но и грѣхъ противъ Бога. Отсюда въ его словахъ двойственность: положительное убѣжденіе въ истинѣ очередуется съ отрицаніемъ мнѣній, противныхъ этому убѣжденію. Отсюда же сатирическія выходки проповѣди, сходныя съ нѣкоторыми мѣстами Кантемировыхъ сатиръ: у Ѳеофана встрѣчаются портретъ ханжи, нападки на формализмъ, преданный наружному исполненію церковныхъ правилъ, на безпечность духовенства, на невѣжество знатныхъ родовъ и раскольниковъ. Сказанною двойственностію отличается и «Духовный Регламентъ (1720), написанный Ѳеофаномъ и исправленный Петромъ. Хотя онъ принадлежитъ не къ литературнымъ, а законодательнымъ памятникамъ, имѣя прямою задачею—«исправленіе чина духовнаго»—и слѣдовательно подлежа вѣдѣнію исторіи русской церкви; но при Петрѣ администрація и авторство, государственные уставы и словесныя произведенія, положеніе регулъ и выраженіе мыслей, будучи упорно направляемы къ однѣмъ цѣлямъ, тѣсно связывались между собою, почему и дополняютъ или объясняютъ себя взаимно. Онъ состоитъ изъ трехъ частей: первая показываетъ причины, почему учреждается духовная коллегія, и ея преимущество предъ управленіемъ, ввѣреннымъ одному лицу; вторая—предметы коллегіальнаго управленія; третья—обязанности правителей. Занимаясь своимъ собственнымъ предметомъ, онъ выражаетъ характеръ реформы вообще и характеръ новой образованности, и кромѣ того нѣкоторыми пунктами состоитъ въ связи съ исторіей литературы. Полагая регулы, доказывая ихъ необходимость и пользу, онъ въ тоже время отвергаетъ все имъ противорѣчащее. Похвала новымъ постановленіямъ есть вмѣстѣ и порицаніе упраздняемыхъ. Порицаніе часто переходитъ въ сильныя, даже сатирическія, выходки противъ суевѣровъ, ханжей, невѣждъ, формалистовъ. Такъ, напримѣръ, исчисляя причины коллегіальнаго духовнаго управленія, Регламентъ раскрываетъ его преимущество предъ управленіемъ «единоличнымъ». Таковы еще статьи: о мѣрѣ чести епископской; о держаніи епископовъ при посѣщеніи епархіи и объ архіерейскихъ слугахъ; о неучахъ, вкусившихъ «привидѣннаго и мечтательнаго ученія», т. е. о мнимыхъ мудрецахъ. Отношеніе Регламента къ народной литературѣ высказано тѣми его мѣстами, которыя пора-

жаютъ все, что только можетъ назваться именемъ суевѣрія, помрачающаго чистоту теологіи. Въ ряду суевѣрій поставлены апокрифическія житія святыхъ и другіе вымыслы, ведущіе человѣка къ «недоброй практикѣ», предлагающіе ему «лестный» способъ ко спасенію. Регламентъ осуждаетъ здѣсь нѣкоторыя повѣрья и обычаи, нашедшіе свое выраженіе въ литературныхъ и устныхъ апокрифахъ и другихъ памятникахъ двоевѣрной народной поэзіи. Таковы: обычай проводить въ праздности пятницу на томъ основаніи, что Пятница гнѣвается на непразднующихъ; соблюденіе поста въ двѣнадцать «именныхъ» пятницъ, приносящее будто бы многія тѣлесныя и духовныя пріобрѣтенія; поклоненіе дубу и раздача вѣтвей его народу; вожденіе простоволосой жонки, подъ именемъ Пятницы, въ церковномъ ходу и воздаваніе ей чести и даровъ. Всѣ эти и другія «непотребныя или вредныя церемоніи» Регламентъ уподобляетъ снѣжнымъ сугробамъ, возбраняющимъ идти правымъ путемъ истины, отравѣ, предлагаемой людямъ вмѣсто здоровой духовной пищи и дающей поводъ «инославнымъ» порицать православіе (1).

§ 3. Убѣжденія Ѳеофана, какъ передоваго дѣятеля новаго времени, раздѣлялись нѣкоторыми лицами духовнаго чина. Рядомъ съ его именемъ стоитъ имя архимандрита новоспасскаго монастыря, Ѳеофила Кролика († 1732), нѣсколько лѣтъ проведшаго въ Прагѣ, куда онъ былъ посланъ для перевода Буддеева нѣмецкаго лексикона на русскій языкъ. Оба они, принадлежа къ образованнѣйшимъ людямъ своего времени, видѣли въ государственной реформѣ полезный прогрессъ; оба привѣтствовали благосклонно сатиры Кантемира, не смотря на то, что сатирикъ не щадилъ темныхъ сторонъ ихъ собственнаго званія. Переводчикъ «Увѣщаній политическихъ, Липсія», іеромонахъ Симонъ Кохановскій былъ также сторонникомъ новыхъ воззрѣній. Слово въ день Благовѣщенія, произнесенное имъ въ Ревелѣ (1720), замѣчательно силою полемическаго элемента. Оно осуждаетъ ханжество, лицемѣріе и наружное благочестіе тѣхъ, которые «отъ честнаго гражданскаго сожительства» бѣгутъ въ лѣса и пустыни не ради душевнаго спасенія, возможнаго и въ мірѣ, а ради того только, чтобы избыть служебныхъ трудовъ. За тѣмъ проповѣдникъ ратуетъ противъ раскола съ его «мужицкой богословіей», противъ суевѣрія или злочестія, причисляя къ нему «сказки бездѣльныя»; онъ сходится съ Ѳеофаномъ и понятіемъ объ основахъ духовнаго краснорѣчія.

---

(1) Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ, Ю. Самарина (1844); Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время, И. Чистовича (1868).

Главное дѣло (разсуждаетъ онъ) въ томъ, что̀ проповѣдуется: если кто учитъ отъ своего мозга, а не отъ Слова Божія—не слушай и и не пріемли, кто бы онъ ни былъ; а если будетъ согласоваться съ Словомъ Божіимъ—слушай и пріемли, не взирая на санъ и лице. Гавріилъ Бужинскій, епископъ рязанскій († 1731), былъ также, по стихотворному выраженію, «глашатаемъ великихъ Петровыхъ дѣлъ». Служа оберъ-іеромонахомъ во флотѣ и сопутствуя государю въ походахъ, Бужинскій большею частію говорилъ слова на событія изъ эпохи преобразованія, наприм.: на побѣды при Полтавѣ и Гангудѣ, на взятіе Шлиссельбурга, на основаніе новой столицы, и пр. По тогдашнимъ обстоятельствамъ, пастырское ученіе соединялось у него или съ политическимъ отзывомъ, или съ разъясненіемъ того, что совершалъ преобразователь. Такъ Слово на морскую побѣду при Гангудѣ оправдываетъ желаніе Петра доставить Россіи превосходство на морѣ. Подобно «Разсужденію о войнѣ съ Карломъ XII» оно даетъ отпоръ европейскимъ и частію отечественнымъ толкамъ о чрезмѣрномъ властолюбіи русскаго монарха, доказывая, что война съ Карломъ XII была самою законною, которую необходимо было предпочесть унизительному миролюбію. Бужинскій перевелъ сочиненія Пуффендорфа: «Введеніе въ исторію европейскихъ государствъ (1718)» и «О должностяхъ человѣка и гражданина (1726)» и Стратемана «Ѳеатронъ или позоръ историческій (1724)». Предисловіе, написанное имъ къ послѣднему, замѣчательно духомъ терпимости и взглядомъ на чтеніе иностранныхъ книгъ. Послѣдователи другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій называются христіанами, а не смѣшиваются съ еретиками и богоотступниками, какъ бывало прежде. Свидѣтельствами святыхъ отцевъ переводчикъ доказываетъ пользу чтенія не только христіанскихъ авторовъ, хотя и разномудрствующихъ съ нами, но и языческихъ: все, противное въ нихъ здравому ученію (говоритъ переводчикъ), оставимъ или лучше будемъ читать, съ тѣмъ чтобы выучиться отражать ложные догматы. Къ небольшому кружку лицъ, сочувствовавшихъ дѣятельности Ѳеофана, принадлежали образованнѣйшіе воспитанники Петрова времени, сатирикъ Кантемиръ и историкъ Татищевъ. Когда Кантемиръ написалъ первую свою сатиру (1729), Ѳеофанъ привѣтствовалъ ее одобрительнымъ посланіемъ, за что авторъ посвятилъ ему особую сатиру (третью). Извѣстно также стихотворное посланіе Ѳеофана къ Кантемиру, во время преслѣдованій отъ Георгія Дашкова, архіепископа ростовскаго, и утѣшительный отвѣтъ сатирика. Во взглядахъ у Татищева было много сходнаго съ Ѳеофаномъ. Одинъ изъ ихъ разговоровъ далъ поводъ Ѳеофану къ сочиненію разсужденія: О книгѣ

Соломоновой, нарицаемой «Пѣснь пѣсней». Съ своей стороны Татищевъ, въ своей Исторіи, съ большою похвалою ссылается на указанія и замѣтки Ѳеофана. Подъ вліяніемъ бесѣды съ послѣднимъ, историкъ написалъ разговоръ «о пользѣ наукъ» (1).

Сторонники реформы уступали, конечно, въ числѣ тому разряду недовольныхъ, которые въ новомъ видѣли измѣну авторитетамъ и преданіямъ. Лица, думавшіе и мыслившіе согласно началамъ преобразованія, были для нихъ «нечестивымъ сборищемъ»: Ѳеофана они называли «ересіархомъ», Бужинскаго «евреяниномъ», Кролика «зловѣрнымъ». И хотя ихъ ропотъ не могъ при Петрѣ имѣть дѣйствія, однакожъ нѣкоторые между ними сочли долгомъ заявить опасность, которою грозили такъ называемыя ими «книги еретическія». Изъ этихъ книгъ наиболѣе возбудили полемику «Первое ученіе отрокомъ» и «Регламентъ», вмѣстѣ съ прибавленіемъ къ нему «правилъ причта церковнаго и чина монашескаго». Маркеллъ Радышевскій, архимандритъ новогородскаго юрьевскаго монастыря (въ послѣдствіи архіепископъ корельскій) доказывалъ, что «Ученіе отрокомъ» наполнено «мѣстами примрачными», несогласными съ православіемъ, что авторъ его—«новоизобрѣтатель, древняго обычая истребитель». Мысли Маркелла находили сочувствіе не только въ духовномъ чинѣ, но и между мірянами. Директоръ петербургской типографіи, Аврамовъ, тоже писалъ пункты на Ѳеофана, выставляя его «провинности къ святой церкви» и стараясь уклонить читателей отъ вѣры въ новоизданныя имъ книги (2).

§ 4. Къ историческимъ трудамъ Петрова времени относятся: «Ядро Россійской Исторіи», Манкіева (1715), и Записки гр. Матвѣева, сына Артемона Сергѣевича Матвѣева, о первомъ стрѣлецкомъ бунтѣ, бывшемъ въ 1682 г.

Сочинитель «Ядра», Манкіевъ—секретарь или переводчикъ, состоявшій при кн. Хилковѣ, посланникѣ нашемъ въ Швеціи, вмѣстѣ съ которымъ раздѣлялъ онъ восьмнадцатилѣтнее заключеніе, отъ начала шведской войны. Въ посвященіи своей книги Петру, авторъ указываетъ нравственную пользу Исторіи: изучающій эту науку находитъ въ ней безъ труда все, что многіе собирали съ трудомъ; изъ нея узнаетъ онъ добродѣтели благихъ, пороки злочестивыхъ, различныя перемѣны человѣческаго житія, непостоянство міра, стремглавныя паденія нечестивыхъ; однимъ словомъ, она показываетъ наказаніе злыхъ дѣлъ и награду за дѣла доб-

1) И. Чистовича: Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время.

2) Ibid. и Пекарскаго: Наука и литература въ Россіи при Петрѣ I.

рыя. Сочиненіе это, долго служившее учебникомъ, излагаетъ въ простомъ и обстоятельномъ разсказѣ отечественныя событія, хотя и не свободно отъ ошибочныхъ показаній. Оно гораздо выше предшествовавшихъ опытовъ систематической обработки лѣтописныхъ сказаній въ XVII в., а именно: «Краткаго повѣствованія» дьяка Ѳедора Грибоѣдова и «Синопсиса» (обозрѣнія, очерка) Иннокентія Гизіеля. Книга Манкіева, говоритъ Соловьевъ, стройнѣе. Послѣ описанія татарскаго нашествія разсказъ событій по княженіямъ почти вездѣ правиленъ, и встрѣчаются нѣкоторыя любопытныя извѣстія, до сихъ поръ не находимыя въ источникахъ. Съ большими подробностями разсказываетъ авторъ о взятіи Новгорода Делагарди; причина тому заключается въ тогдашнемъ положеніи цѣлаго русскаго народа, отчаянно боровшагося со шведами, и въ положеніи самого автора въ особенности: настоящая вражда и «полонное терпѣнье» заставили живѣе припомнить непріязнь древнюю. Книга заключается похвалою Петру, который «всю Русь художествы и вѣдѣніемъ просвѣтилъ и будто снова переродилъ» (1).

По взгляду на одно и тоже событіе Записки гр. Матвѣева рѣзко отличаются отъ Записокъ Сильвестра Медвѣдева, ученика Симеона Полоцкаго и приверженца царевны Софіи, казненнаго въ 1691 г. Достоинство послѣднихъ Записокъ состоитъ въ томъ, что онѣ отчетливо передаютъ подробности современнаго событія: Медвѣдевъ находился въ сношеніяхъ съ Шакловитымъ и стрѣльцами и пользовался актами, не всѣмъ доступными. Историкъ Татищевъ, называетъ его Записки «пристрастными», такъ какъ писавшій ихъ видимо держитъ сторону Софіи. Гр. Матвѣевъ имѣлъ, напротивъ, важныя причины смотрѣть на фактъ и дѣйствующія лица совершенно иначе: его отецъ былъ убитъ стрѣльцами, и самъ онъ, принадлежа къ числу Петровыхъ людей, видѣлъ въ замыслахъ царевны вредную помѣху реформамъ. Записки его, по отзыву Татищева, также пристрастны, но здѣсь пристрастіе опредѣлялось другими побужденіями. Составленныя много послѣ стрѣлецкаго бунта (во время котораго автору было только 16 лѣтъ), эти «Записки» лишены свѣжести впечатлѣній: онѣ смотрятъ на прошлое издали, когда уже миновался современный интересъ. Поэтому Матвѣевъ вдается въ отступленія, стараясь или раскрыть причины и слѣдствія фактовъ, или вывести какія-либо нравственныя поученія. Притомъ авторъ не довольствовался безыскуственнымъ разсказомъ: ему

---

1) Исторія Россіи, Соловьева, т. XX; его же: Писатели русской Исторіи XVIII в. (Архивъ историко-юридич. свѣдѣній, Калачова, кн. II, половина 1).

хотѣлось выказать свое образованіе и способомъ изложенія, и витіеватымъ языкомъ (1).

§ 5. Реформа возбуждала мысль и дѣятельность не только такихъ людей, которые, принадлежа къ духовному чину или дворянскому званію, по сравнительно бо́льшей образованности, могли наблюдать и хорошія и дурныя стороны того, что вокругъ нихъ происходило, но и людей грамотныхъ изъ простаго народа, одаренныхъ отъ природы здравымъ умомъ и желавшихъ высказать свои понятія о государственномъ устройствѣ. Самымъ замѣчательнымъ представителемъ взглядовъ того простонароднаго грамотнаго меньшинства, которое сочувствовало Петру и его преобразовательной дѣятельности, является крестьянинъ подмосковнаго села Покровскаго, Иванъ Посошковъ († 1726). Онъ былъ человѣкъ зажиточный: имѣлъ домъ въ Петербургѣ и крестьянъ или по крайней мѣрѣ заводъ съ приписанными къ нему крестьянами и землею, и выдалъ дочь за полковника воронежскаго гарнизона. Достаткомъ своимъ онъ былъ одолженъ торговымъ и промышленнымъ предпріятіямъ, особенно винокуренію, почему и называетъ себя «купецкимъ» человѣкомъ. Эти дѣла и предпріятія заставляли его совершать поѣздки въ разныя области Россіи, чѣмъ пріобрѣлъ онъ знакомство съ разными сословіями. Школьнаго образованія онъ не получилъ: «азъ весьма мизиренъ и ученію школьному неискусенъ, и какъ по надлежащему достоитъ писать, ни слѣда нѣсть во мнѣ, ибо самый простецъ есть». Но сочиненія его: «Зерцало» и «Отеческое завѣщаніе сыну» свидѣтельствуютъ о большой начитанности, о знаніи Св. Писанія и многихъ произведеній духовной литературы; эта начитанность, вмѣстѣ съ житейскимъ опытомъ и дѣловыми занятіями, служила ему своего рода школой, которая, благодаря большому природному уму, принесла богатые плоды. Нѣкоторое время «хромалъ онъ раскольничьимъ недугомъ», т. е. крестился двуперстнымъ сложеніемъ, и вмѣстѣ съ большинствомъ выражалъ жалобы на молодаго царя, но скоро освободился отъ того и другаго, сталъ ревнителемъ православія и сторонникомъ Петра. Сильно интересуясь дѣятельностью царя, онъ занимался вопросами нравственныхъ, экономическихъ и юридическихъ реформъ, входилъ въ сношенія съ высокими духовными лицами и вельможами и старался дѣйствовать на нихъ для осуществленія своихъ проэктовъ, для проведенія предлагаемыхъ имъ коренныхъ преобразованій. Стефану Яворскому подаетъ онъ записку о духовныхъ дѣ-

---

1) Пекарскаго: Русскіе мемуары XVIII в. въ 4 и 5 №№ Современника 1815; Наука и литер. въ Россіи при Петрѣ I (т. 1, гл. XI).

лахъ, а Ѳ. А. Головину о ратномъ поведеніи; кромѣ того ведетъ сношенія съ князьями Д. М. Голицинымъ и Ю. Я. Хилковымъ, съ митрополитомъ новгородскимъ Іовомъ, который далъ ему рекомендательное письмо къ кн. Я. Ѳ. Долгорукому. Св. Димитрій Ростовскій хвалилъ «Зерцало», какъ хорошее опроверженіе раскольничьихъ заблужденій и въ письмѣ къ монаху Ѳеологу просилъ дать свѣдѣнія объ авторѣ: «живъ ли онъ? если живъ—стану писать къ нему; если умеръ—стану его поминать».

Главный трудъ Посошкова—книга о «скудости и богатствѣ». Онъ занимался ею три года (1721—1724), «утаенно отъ зрѣнія людскаго», изъ «презельной любви къ отечеству», единственно побуждавшей его браться за перо. По его собственнымъ словамъ, онъ согласился бы скорѣе понести бѣдствіе, чѣмъ умолчать при видѣ чего-либо безполезнаго. Означенная книга есть всестороннее изслѣдованіе о состояніи Россіи при Петрѣ I, обсужденіе разныхъ государственныхъ и общественныхъ вопросовъ, указаніе неустройствъ и неправдъ, укоренившихся въ Россіи, и предложеніе мѣръ къ водворенію порядка и справедливости во всѣ отрасли управленія и народнаго быта. Слѣдя со вниманіемъ за современнымъ ему движеніемъ въ администраціи и законодательствѣ, хорошо зная положеніе нѣкоторыхъ общественныхъ классовъ, особенно крестьянскаго и купеческаго, онъ, какъ ревностный приверженецъ Петра, хотѣлъ съ своей стороны оказать посильную помощь реформѣ, тѣмъ, болѣе, что ясно видѣлъ, какъ немного такихъ, которые содѣйствуютъ ея преуспѣянію, и какъ, напротивъ, много такихъ, которые противодѣйствуютъ ей: «нашъ монархъ на гору самъ-десятъ тянетъ, а подъ гору тянутъ милліоны; то какъ дѣло его споро будетъ?». Сочиненіе состоитъ изъ девяти главъ, по числу предметовъ, о которыхъ авторъ имѣлъ возможность писать основательно, съ знаніемъ дѣла. За краткимъ вступленіемъ, главы слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ: о духовенствѣ, о воинскихъ дѣлахъ, о правосудіи, о купечествѣ, о художествѣ (мануфактурной промышленности), о разбойникахъ (уголовныхъ дѣлахъ), о крестьянствѣ, о дворянахъ, крестьянахъ и земляныхъ дѣлахъ, о царскомъ интересѣ. Недостаткомъ правильнаго образованія объясняются неровности сочиненія, въ которомъ рядомъ съ разумными мѣрами предлагаются другія, показывающія въ авторѣ самоучку. Но относительно многихъ важныхъ вопросовъ этотъ «простецъ», какъ онъ самъ себя называетъ, далеко предупредилъ своихъ современниковъ. Нѣкоторыя его мысли и планы частію уже приведены въ исполненіе, частію ожидаютъ еще осуществленія и даже служатъ предметомъ правительственныхъ заботъ нашего времени. Предста-

вимъ главнѣйшія изъ нихъ. И въ письмѣ къ Яворскому о духовныхъ дѣлахъ, и въ книгѣ «о скудости и богатствѣ» указывается низкій уровень образованія духовенства, согласно со многими другими свидѣтельствами, какъ прежде бывшими, такъ и современными Посошкову, о томъ же предметѣ: «не только отъ лютерскія или отъ римскія ереси, но отъ самаго раскола не знаютъ, чѣмъ оправити себя, и не то чтобы кого отъ невѣрія въ вѣру привести, но и того не знаютъ, что́ то есть реченіе *вѣра*, и церковныя службы како прямо отправити не знаютъ». Виною такихъ явленій ставится архіерейская оплошность, ибо архіереи полагаются на служебниковъ своихъ въ поставленіи поповскомъ; отъ пресвитерскаго небреженія много россійскаго народа въ ереси уклонилось, а есть и такіе пресвитеры, которые потакаютъ уклонившимся: «я видѣлъ многихъ стариковъ, что на исповѣди лѣтъ по сорока не бывали, ради непонужденія пресвитерскаго». Другая вина—малое книжное ученіе: поэтому надобно завести училища по епархіямъ для дѣтей священнослужителей и казеннымъ содержаніемъ обезпечить священниковъ, чтобы они, не завися отъ прихожанъ, заботились болѣе о паствѣ, чемъ о пашнѣ.—Самъ будучи крестьяниномъ, Посошковъ отлично понималъ положеніе крестьянскаго сословія, почему его мысли о неустройствахъ и потребностяхъ простонароднаго быта поражаютъ своею вѣрностью. Онъ насчитываетъ три причины скуднаго житья крестьянъ: лѣность ихъ, насиліе и небрежность помѣщиковъ, и отсутствіе правительственнаго надзора. Помѣщикамъ рекомендуется смотрѣть за гуляками и лежебоками и строго наказывать таковыхъ, чтобъ они отъ лѣности въ скудость не приходили, и въ воровство и пьянство не уклонялись. Но виноваты и сами помѣщики, своимъ произволомъ въ отношеніи къ оброкамъ и повинностямъ: «Помѣщики на крестьянъ своихъ налагаютъ бремена неудобь носимыя, ибо есть такіе безчеловѣчные дворяне, что въ работную пору не даютъ крестьянамъ своимъ ни единаго дня, еже бы ему на себя что сработать. И тако пахатную и сѣнокосную пору всю и потеряютъ у нихъ; или что наложено на ихъ крестьянъ оброку или столовыхъ запасовъ, и то положенное забравъ, еще требуютъ съ нихъ излишняго побору, и тѣмъ излишествомъ крестьянство въ нищету пригоняютъ; и который крестьянинъ станетъ мало-мало посытѣе быть, то на него и подати прибавятъ. И за такимъ ихъ порядкомъ крестьянинъ никогда обогатитися не можетъ. Отъ таковыя нужды домы свои оставляютъ (*крестьяне*) и бѣгутъ иные въ понизовые города, иные жъ въ украинскіе, а иные и въ зарубежные: тако чужія страны населяютъ, а свою пусту оставляютъ». Чтобы

ограничить помѣщичій произволъ, Посошковъ требуетъ точнаго опредѣленія повинностей и оброковъ съ крестьянъ путемъ законодательнымъ. Онъ подвергаетъ критикѣ и подушную подать, называя ее «душегубствомъ», предлагая замѣнить ее поземельнымъ сборомъ, который при томъ долженъ быть общею повинностью всѣхъ землевладѣльцевъ, безъ исключенія. Правильному и прибыльному ходу сельскаго хозяйства мѣшали черезполосныя владѣнія: Посошковъ предлагаетъ уничтожить ихъ генеральнымъ межеваніемъ (въ главѣ о дворянахъ, крестьянахъ и земляныхъ дѣлахъ). Такъ какъ по безграмотности своей крестьяне терпѣли много разныхъ бѣдъ, то Посошковъ находитъ необходимымъ неотложное, обязательное ученіе ихъ чтенію и письму. «Не малая пакость чинится крестьянамъ и отъ того», говоритъ онъ, «что грамотныхъ людей у нихъ нѣтъ.... Какой къ нимъ ни пріѣдетъ съ указомъ или и безъ указа, да скажетъ что указъ у него есть, то тому и вѣрятъ, и оттого пріемлютъ себѣ излишніе убытки, потому что всѣ они слѣпые, ничего не видятъ, не разумѣютъ... И ради охраненія отъ таковыхъ напрасныхъ убытковъ, видится, не худобъ крестьянъ и *поневолить*, чтобъ они дѣтей своихъ, десяти лѣтъ и ниже, отдавали дьячкамъ въ наученье грамоты и, научa грамотѣ, учили бы ихъ писать... И положить имъ крѣпкое опредѣленіе, чтобы безотложно дѣтей своихъ отдавали учить грамотѣ, и положить имъ срокъ года на три или на четыре. А буде въ 4 года дѣтей своихъ не научатъ, такожде кои робята и впредь подрастутъ, а учить ихъ не будутъ, то какое ни есть положить на нихъ и *страхованіе*». Наконецъ онъ ясно понималъ различіе между поденнымъ и урочнымъ трудомъ, и народно-экономическія выгоды урочной рабочей платы.—Въ главѣ о купечествѣ Посошковъ описываетъ неправильное веденіе торговли, и его соображенія по этому предмету отличаются большимъ знаніемъ дѣла, основательностью и разумностью. Онъ прямо говоритъ, что ложь и обманъ въ нашей торговлѣ могутъ считаться общимъ правиломъ: «Купечество у насъ ведется вельми неправо: другъ друга обманываютъ и другъ друга обидятъ, товары худые закрашиваютъ добрыми и вмѣсто добрыхъ продаютъ худые, а цѣну берутъ непрямую».... Посошковъ хотѣлъ стройной организаціи купеческаго дѣла и указывалъ выгоды торговли товариществами (компанейской), какъ вѣрнаго способа застраховать ее отъ непредвидѣнныхъ случайностей. Всего болѣе Посошковъ жалуется на отсутствіе правосудія, такъ какъ правду считалъ онъ основою матеріальнаго благосостоянія государства. Въ началѣ книги «о скудости и богатствѣ» онъ говоритъ: «то бо (правда) есть самое царство украшеніе и прославле-

ніе и честное богатство. Аще правда, яко въ земскихъ лицахъ, тако и въ мизерныхъ, насадится и твердо вкоренится, и вси, яко богати, тако и убозіи, между собою любовію имутъ жить, то всякихъ чиновъ люди по своему бытію въ богатствѣ довольни будутъ: понеже правда никого обидить не пускаетъ, а любовь принудитъ другъ другу въ нуждахъ помогати». Всѣ писанія Посошкова имѣютъ цѣлію уничтожить, выжечь старую неправду, и онъ твердо вѣрилъ въ радикальную силу предлагаемыхъ имъ средствъ: какъ только они приведутся въ исполненіе, такъ все измѣнится къ лучшему—«вся Россія яко со сна пробудится» (¹).

§ 6. Выше (стр. 7) были исчислены піесы, переведенныя для московской комедіальной храмины. Кромѣ того, въ Кіевѣ и въ Москвѣ представлялись школьныя драмы. Въ Кіевской Академіи издавна существовалъ обычай занимать учащихся драматическими дѣйствами, во время лѣтнихъ рекреацій. Обязанность приготовить ежегодно комедію или трагедію лежала на преподавателѣ поэзіи. Представленія производились подъ открытымъ небомъ—на горѣ, среди рощи, въ долинѣ. Москву съ школьными драмами впервые познакомилъ Симеонъ Полоцкій. Въ славяно-греко-латинской академіи развились онѣ съ начала XVIII в., когда греки уступили въ ней свое мѣсто кіевскимъ ученымъ, вызваннымъ Стефаномъ Яворскимъ, и когда преобладаніе греческаго языка уступило господству языка латинскаго, вообще образованію латинскому, согласно съ повелѣніемъ Петра: «завести въ академіи ученія латинскія», что и исполнилъ Яворскій, которому было поручено ея преобразованіе. Здѣсь представленія давались въ академической залѣ для торжественныхъ собраній. Обычай занимать воспитанниковъ драмами узаконился потомъ Духовнымъ Регламентомъ, предписавшимъ давать два раза въ годъ комедіи. Школьная драма въ Московской Академіи приняла при Петрѣ панегирическое направленіе: она славила важныя дѣянія преобразователя, его побѣды, торжественные въѣзды въ столицу, празднества въ семейномъ царскомъ кругу и т. п. Аллегоріи и символы, частію языческіе, частію христіанскіе, которыми она изобиловала, сближали ее съ средневѣковыми moralités. Примѣняясь къ текущимъ, внѣшнимъ и внутреннимъ обстоятельствамъ, прославляя мірскія дѣла и вещи, драма на глаза многихъ могла казаться преступною новостью,

¹) Сочиненія Посошкова изданы Погодинымъ въ 2 томахъ (1842 и 1863). Отеческое завѣщаніе къ сыну издано А. Поповымъ въ 1873 г. См. изслѣдованіе о Посошковѣ въ статьяхъ А. Брикнера (Ж. М. Н. П. сентябрь и октябрь 1875, январь, февраль, мартъ, апрѣль, май и іюль 1876).

почему предисловіе къ ней иногда считало долгомъ объяснять небывалую вещь примѣрами другихъ христіанскихъ странъ и тутъ же кстати обличать домашнихъ невѣждъ, «ничего не знающихъ, ничего не видящихъ и не слышащихъ, но неисходно пребывающихъ подъ своею клѣтью и при каждомъ новомъ явленіи отрыгающихъ непотребныя словеса». Вотъ нѣсколько примѣровъ тому, какъ религіозные сюжеты выводились на сцену вмѣстѣ съ политическими событіями. «Страшное изображеніе втораго пришествія Господня на землю» (представлена 1702 г.) выставляетъ характеръ польскаго сейма подъ видомъ «Самолюбія» и «Гордыни»: они разрѣшаютъ подданныхъ отъ послушанія королю Августу, желавшему соединиться съ Петромъ противъ Карла XII; «Геній», рачитель пользы королевства польскаго, приходитъ въ сенатъ, но ему не внимаютъ; «Королевство Польское» укоряетъ магнатовъ за междоусобныя распри; наконецъ «Фортуна» вручаетъ «Марсу Роксоланскому» (Петру) знаменія побѣды. — «Преславное торжество освободителя Ливоніи (1705)», на ряду съ Моисеемъ, Ангелами, Благочестіемъ, Ревностью, Хищеніемъ, выводитъ Юпитера и Феба, потомъ Ингерманландію и Ливонію, которыя отходятъ въ достояніе Россіи.—Побѣда при Полтавѣ, измѣна и бѣгство Мазепы представлены въ піесѣ: «Божіе уничижителей гордыхъ уничиженіе» (напп. 1710): въ этой піесѣ есть насмѣшки надъ хромотою— намекъ на рану, полученную Карломъ XII въ ногу, при его ночномъ наѣздѣ на казаковъ.

Изъ всѣхъ школьныхъ піесъ начала XVIII в. наиболѣе выдается трагедокомедія «Владиміръ (1705)», написанная Ѳеофаномъ Прокоповичемъ по оффиціальной обязанности, такъ какъ онъ былъ въ то время учителемъ поэзіи въ Кіевской Академіи. При ея сочиненіи онъ руководствовался тѣми правилами, которыя передавалъ своимъ слушателямъ и которыя самъ вынесъ изъ іезуитской коллегіи — мѣстѣ своего образованія. Трагедокомедія или трагикомедія, по его опредѣленію, есть смѣшанный родъ поэзіи изъ трагедіи и комедіи, т. е. такой, въ которомъ смѣшное и забавное смѣшиваются съ серьезнымъ и трогательнымъ, и лица незначительныя съ знаменитыми. Авторъ много отступилъ отъ типа піесъ, рабски воспроизводившихъ формы и пріемы западныхъ школьныхъ драмъ. Тогда какъ въ Кіевѣ содержаніе брали преимущественно изъ Священнаго Писанія и житій святыхъ, а въ Москвѣ выдвинулось содержаніе панегирическое, обусловленное политическими современными событіями, Прокоповичъ обратился къ древнерусской исторіи и взялъ важнѣйшее событіе изъ жизни Владиміра — принятіе имъ христіанства. Предметъ піесы — внутренняя

борьба князя передъ великимъ подвигомъ и его побѣда надъ тремя силами, враждебными новой религіи: міромъ, плотію и дьяволомъ. Дѣйствующія лица: Владиміръ, Философъ греческій, объясняющій ему христіанскій законъ, три жреца: Жериволъ, Куроядъ и Піаръ, изображающія самыми именами характеристическія особенности касты: обжорство, лакомство и пьянство, военачальники: Мстиславъ и Храбрый. Нѣтъ ни героевъ, ни божествъ классическаго міра, но есть небывалое въ школьной драмѣ лице—*духъ* Ярополка, погибающій отъ зависти къ брату и вызываемый невѣдомою силою изъ ада въ Кіевъ, какъ только дошла до него вѣсть, что Владиміръ хочетъ водворить въ этомъ городѣ христіанство. Актовъ пять. Въ первомъ, монологъ Ярополкова духа напоминаетъ мѣстами монологъ тѣни Тантала въ трагедіи Сенеки «Ѳіестъ»; духъ возвѣщаетъ Жериволу, какъ главному представителю язычества въ Кіевѣ, предстоящую бѣду, и Жериволъ готовится вступить въ борьбу съ намѣреніемъ Владиміра. Слѣдующіе за тѣмъ акты представляютъ развитіе дѣйствія: второй—завязку; третій—препятствія дѣлу и замѣшательства; четвертый—тяжелую внутреннюю борьбу въ душѣ Владиміра; пятый—катастрофу, т. е. сокрушеніе идоловъ и воспріятіе Христова закона. Піеса оканчивается хоромъ апостола Андрея съ ангелами. Комическій элементъ разлитъ по всей трагикомедіи. Нѣкоторыя черты жрецовъ несомнѣнно заимствованы изъ быта современнаго духовенства, чего не отрицалъ и самъ авторъ. Свобода мысли, жажда новаго, смѣлость и рѣзкость слова отличаютъ піесу. Ея герой — реформаторъ древней Россіи; ея интересъ сосредоточивается на борьбѣ новаго просвѣщенія съ старымъ невѣжествомъ; всѣ симпатіи автора обращены къ приверженцу новаго закона—Владиміру, который видитъ источникъ зла и религіозныхъ заблужденій въ отсутствіи просвѣщенія:

Родъ нашъ жестокъ и безсловный
И письменъ ненавидяй есть сему виновный (1).

Народная жизнь не была чужда школьной драмѣ. Она является въ такъ называемыхъ «интермедіяхъ» или «интерлюдіяхъ», которыя разыгрывались между отдѣльными актами или сценами. Неподдѣльный юморъ и меткая сатира составляютъ ихъ главное достоинство. Правда, комическое остается въ нихъ на первой своей ступени, наивной или непосредственной, воспринимаясь на-

---

1) Н. Тихонравова: «Трагедокомедія Ѳеофана Прокоповича «Владиміръ» (Ж. М. Н. Пр. 1879, май).

иболѣе внѣшними чувствами и угождая неразвитому вкусу; не имѣютъ онѣ также того, что называется завязкой и развязкой дѣйствія и что необходимо для полноты его развитія: каждая интерлюдія есть рядъ забавныхъ сценъ, не связанныхъ единствомъ мысли. Но въ этихъ отдѣльныхъ сценахъ выступаютъ живыя лица, съ ихъ дѣйствительными характерами, съ ихъ современными интересами и простою, разговорною рѣчью. Нѣкоторыя интерлюдіи написаны виршами; въ другихъ стихи чередуются съ прозой. Самая форма ихъ показываетъ, что онѣ слагались людьми книжными, получившими школьное образованіе, но вмѣстѣ близкими къ народу и наблюдавшими теченіе современныхъ дѣлъ. Нѣсколько рукописныхъ интерлюдій сохранилось до нашего времени. Въ одной изъ нихъ являются: раскольникъ, дьячокъ, ставленникъ, подьячіе, цыганъ, литвинъ, лѣкарь съ слугой, маркитантъ, грекъ, барышникъ, мошенники, могильникъ (копающій могилу отцу) и кобыльникъ (отыскивающій пропавшую кобылу). Раскольникъ жалуется на жестокую жизнь въ послѣднія времена міра, когда многіе старцы уже видѣли антихриста; когда, вмѣсто долгополаго платья, православные стали носить кургузый кафтанъ и круглый картузъ, и брить бороды; когда на головахъ явились парики, будто у нѣмцевъ поганыхъ. Эти обстоятельства опредѣляютъ время сочиненія піесы: указы о ношеніи иностранной одежды и о бритьѣ бородъ и усовъ послѣдовали въ 1705 г. Второй указъ особенно возбудилъ сильное недовольство, такъ что св. Димитрій Ростовскій долженъ былъ по этому поводу написать трактатъ «объ образѣ и подобіи Божіемъ въ человѣкѣ». Извѣстно также, что знаменія антихристова пришествія раскольники относили къ реформамъ Петра. Другое лице интерлюдіи, дьячекъ, оплакиваетъ судьбу дѣтей своихъ, которыхъ надобно отдать въ семинарію. Вотъ новыя данныя и для хронологіи піесы и для ея историческаго значенія: мы видѣли, что указами 1708 и 1710 г.г. велѣно было дѣтей священно-и-церковнослужителей записывать въ греческія и латинскія школы; кто отказывался отъ ученья, того не ставили ни въ попы, ни въ дьяконы, а принимали рядовымъ въ военную службу. Лихоимство подьячихъ также выставлено въ интерлюдіи: объявивъ указъ дьячку и взявъ съ него взятку, они хотѣли освободить его дѣтей отъ школы, но не выполнили обѣщанія и ушли. Потомъ мошенники крадутъ у ставленника мошну въ то самое время, какъ онъ долженъ расплачиваться съ маркитантомъ за съѣденные пироги; далѣе жидъ и раскольникъ выходятъ на ученый споръ. Сценическое правдоподобіе піесы выигры-

ваетъ еще отъ того, что лица разныхъ націй (цыганъ, грекъ, литвинъ) ведутъ разговоръ на разныхъ говорахъ (1).

II. ОТЪ СМЕРТИ ПЕТРА I ДО ЛОМОНОСОВА.

§ 7. Въ періодъ времени отъ смерти Петра I до начала дѣятельности Ломоносова выдающимися лицами по своему научному и литературному образованію долженствовали быть, разумѣется, ученики преобразователя и сторонники его реформы. Это—тѣ самые люди, которые составляли небольшой интеллигентный кружокъ, имѣя во главѣ своей Ѳеофана Прокоповича, не только какъ ревностнаго сподвижника Петровыхъ дѣлъ, извѣстнаго богослова и духовнаго оратора, но и вообще какъ писателя, сочувственно относившагося къ новымъ, на почвѣ реформы возникавшимъ явленіямъ въ области литературы и науки.

На первомъ мѣстѣ между этими немногими лицами стоитъ Татищевъ (Василій Никитичъ, 1686—1750), представляющій почтенный, достойный примѣръ русскаго человѣка, который, при замѣчательномъ образованіи, сохранилъ за собою всѣ существенныя стихіи своей народности, остался истиннымъ сыномъ своей страны и на пользу ея употреблялъ таланты и пріобрѣтенныя знанія. Ученіе, начатое въ московской артиллерійской и инженерной школѣ, находившейся въ завѣдываніи Брюса, онъ довершилъ въ Германіи, гдѣ пробылъ два года (1713 и 1714) и вполнѣ овладѣлъ нѣмецкимъ языкомъ. Серьезная умственная подготовка дала ему возможность выказать многостороннюю дѣятельность и въ администраціи и въ наукѣ: онъ былъ начальникомъ горныхъ уральскихъ заводовъ, управляющимъ Оренбургскимъ краемъ, губернаторомъ астраханскимъ, историкомъ и географомъ. Первымъ поводомъ къ занятіямъ русскою исторіей послужило представленіе, сдѣланное Брюсомъ Петру Великому о необходимости подробной географіи Россіи. Обремененный многими служебными обязанностями, Брюсъ передалъ возложенную на него царемъ работу

---

1) О старинномъ театрѣ въ Россіи см. XIV-ую главу 1-го тома сочиненія Пекарскаго: Наука и литература въ Россіи при Петрѣ I. — Русскія интерлюдіи первой половины XVIII в., съ предисловіемъ Н. Тихонравова, въ 3 книгѣ Лѣтоп. Рус. Лит. (1859). Его-же выше цитированная статья о трагедокомедіи «Владиміръ».

состоявшему при немъ Татищеву. Послѣдній, сознавая необходимость полной и вѣрной исторіи для успѣшнаго исполненія дѣла принялся собирать историческіе матеріалы. Особенно высказалась въ немъ страсть къ исторіи, когда онъ въ 1724-мъ г. былъ отправленъ Петромъ I въ Швецію для наблюденія за горнымъ дѣломъ и политическимъ состояніемъ сосѣдней намъ страны, Здѣсь Татищевъ вошелъ въ сношенія съ учеными, узналъ о существованіи важныхъ матеріаловъ для русской исторіи и составилъ планъ надлежащаго изъ нихъ выбора. Татищевъ принималъ участіе въ событіяхъ 1730 г., когда дѣйствія членовъ верховнаго совѣта, предложившихъ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ условія, возбудили повсюду негодованіе и опасенія дворянства. Имъ составлена была записка (Произвольное и согласное разсужденіе русскаго шляхетства), въ которой онъ доказывалъ незаконность предложенныхъ условій и необходимость монархическаго правленія для Россіи. Въ царствованіе Елисаветы онъ былъ отрѣшенъ отъ должности астраханскаго губернатора (1745 г.) и остальные годы жизни провелъ въ своей деревнѣ, доканчивая свой историческій трудъ.

«Духовная» Татищева сыну содержитъ въ себѣ руководство для жизни, во всѣхъ ея возрастахъ.

Обязанный самому себѣ рѣдкимъ по тому времени образованіемъ, всю жизнь проведшій на службѣ и въ ученыхъ трудахъ, опытомъ наученный многому, что не преподается въ школахъ и чего не вычитаешь изъ книгъ, Татищевъ является въ Духовной человѣкомъ разумнымъ и осторожнымъ, не способнымъ на крайности, но умѣющимъ выбрать лучшую между ними дорогу. Его уроки обнимаютъ все пространство нашей жизни: воспитаніе, службу, семейный бытъ, управленіе имѣніемъ и пр., согласно съ тѣми понятіями, которыя составляли образъ мыслей Петровыхъ птенцовъ, и тѣмъ потребностямъ, которыя вызвала реформа. Это, по выраженію Соловьева, Домострой преобразовательной эпохи.

Узнавъ на самомъ дѣлѣ важность науки для государственнаго устройства, равно какъ для частныхъ и общественныхъ нравовъ, Татищевъ рекомендуетъ ее особенному вниманію своего сына. Совѣты его начинаются съ религіознаго образованія. Чтобы пріобрѣсть основательныя познанія въ законѣ Божіемъ, нужно читать, во-первыхъ, Библію, катихизисъ и церковныхъ учителей, особенно Златоуста; во-вторыхъ, книги, составленныя Прокоповичемъ: Истолкованіе десяти заповѣдей и блаженствъ (Первое ученіе отрокомъ) и Юности честное зерцало. Первая книга, по отзыву Духовной,

можетъ служить за катихизисъ, а вторая есть лучшее нравоучительное руководство. Чтеніе миней и прологовъ разрѣшается лишь тому, кто искусился въ Священномъ Писаніи. Татищевъ боялся въ этомъ случаѣ недоразумѣній, которыя легко возникаютъ въ душѣ человѣка малоразсудительнаго, еще плохо заправленнаго въ мышленіи. Видно также, что отъ чтенія духовныхъ книгъ онъ наиболѣе требовалъ умственной пищи, подчиняя ей назидательный интересъ, и что, говоря о богословіи, разумѣлъ въ особенности догматическую его сторону. Утвердясь въ ученіи восточной церкви, надобно потомъ читать и несогласныя съ нимъ книги: лютеранскія, кальвинскія и папежскія, для того, что, имѣя всегдашнее обхожденіе съ иностранцами, Русскіе часто заводятъ съ ними разговоръ о вѣрѣ. Отъ незнанія чужихъ догматовъ легко подвергнуться соблазнамъ, особенно отъ папистовъ, весьма въ томъ коварныхъ и тѣмъ болѣе опасныхъ, что они по многимъ наружнымъ или чиновнымъ обстоятельствамъ (обрядамъ) близки къ нашему исповѣданію. Здѣсь Татищевъ напоминаетъ Курбскаго, который, опасаясь высшей образованности и діалектической ловкости іезуитовъ, тоже убѣждалъ православныхъ избѣгать религіозныхъ съ ними споровъ. Но и съ одновѣрцами не слѣдуетъ препираться о вѣрѣ, если не хочешь подать дурнаго о себѣ мнѣнія людямъ или даже потерпѣть бѣды отъ неразсудныхъ. Въ примѣръ Татищевъ приводитъ самого себя: его почитали не только еретикомъ, но и безбожникомъ. Заступники старины причисляли его къ «сборищу нечестивыхъ» за точное раздѣленіе догматизма отъ обрядности, за ясный взглядъ на неизмѣнное и временное въ священныхъ уставахъ, за критику суевѣрій, которымъ многіе предавались, какъ истинной вѣрѣ.—Отъ вѣроученія Духовная переходитъ къ свѣтскимъ наукамъ. Важнѣйшимъ изъ свѣтскихъ знаній она ставитъ правильное и складное писаніе; послѣ того идутъ: ариѳметика, геометрія, артиллерія, фортификація и другія части математики, нѣмецкій языкъ, «необходимый для извѣстія о состояніи государства нашего», русская исторія и географія, гражданскіе и воинскіе законы, для чего нужно читать уложеніе, сухопутный и морской уставы, и другіе, новѣйшіе печатные указы.—Рядъ семейныхъ обязанностей открывается важнѣйшею изъ нихъ — почтеніемъ сына къ родителямъ. Татищевъ проситъ его любить и уважать мать, не быть судьею ея слабостей, но великодушно извинять ихъ. Для вступленія въ бракъ назначенъ тридцатилѣтній возрастъ. Главныя достоинства жены—хорошее состояніе, разумъ и здоровье. Отношенія къ ней мужа должны занимать средину между грубымъ взглядомъ старины на женщину и новымъ, проти-

воположнымъ тому обычаемъ. Жена, говоритъ Татищевъ, не раба мужу, а товарищъ, помощница; однакожъ стыдно мужу и находиться подъ властію жены, какихъ примѣровъ нынѣ уже довольно видимъ. Въ слѣдъ за этимъ Духовная выражаетъ сильное негодованіе противъ этихъ новыхъ, высокопарныхъ или, вѣрнѣе, глупыхъ женъ, которыя своею безумною гордостью, подлыми пересмѣшками, пустой болтовней, дурацкою ревностью безвинно поносятъ честныхъ людей и причиняютъ имъ вредъ; такихъ женъ всегда окружаетъ ватага ханжей, бродягъ и тому подобныхъ потаскушъ и вѣстоношей, которыхъ надобно беречься, какъ злѣйшаго яда: эти звонкіе колокольчики готовы за деньги продать не только другихъ, но и себя.—Совѣты Духовной касательно службы начаты исчисленіемъ общихъ ея обязанностей: быть вѣрнымъ государю и отечеству во всякомъ дѣлѣ; о пользѣ общей радѣть, какъ о своей собственной; государю, какъ отъ Бога поставленной власти, отдавать честь и повиновеніе. Главное же повиновеніе собственно состоитъ въ слѣдующемъ: «ни отъ какой услуги, куда бы тебя ни опредѣлили, не отрицайся, и ни на что самъ не называйся». Этими словами Татищевъ былъ напутствованъ отъ своего родителя, снаряжаясь на службу. Когда я исполнялъ ихъ безусловно (говоритъ онъ)—и въ тягчайшихъ трудностяхъ благополучіе видѣлъ; а когда чего прилежно искалъ или отрекался—всегда о томъ сожалѣлъ. Обстоятельства, которыми сопровождалось вступленіе Анны Іоанновны на престолъ, заставили его въ Духовной повторить то самое, что онъ изложилъ въ упомянутой запискѣ: «съ хвалящими вольности другихъ государствъ и ищущими власть монарха уменьшить никогда не согласуйся, понеже оное государству крайнюю бѣду нанести можетъ». Обязанности службы различны по разнымъ родамъ ея: военной, гражданской и придворной. Въ совѣтахъ воину является снова златая средина: почтеннѣе всего храбрость, но запальчивость не лучше робости; опрометчивостію можно погубить даже подчиненныхъ своихъ, а робость для воина поношеніе: надобно сохранять середину. Гражданская служба была болѣе знакома Татищеву, и потому онъ говоритъ о ней подробнѣе. Къ числу вопросовъ, возникавшихъ въ ея кругу, относился вопросъ о взяткахъ. Татищевъ имѣлъ свой взглядъ на взяточничество, который объяснялъ лично Петру и которому далъ также мѣсто въ Духовной, стараясь оправдать его частію авторитетомъ, частію собственными доводами, почерпнутыми изъ многолѣтней дѣловой практики. Съ помощью своей теоріи проходилъ онъ самъ и думалъ провести сына посреди двухъ крайностей: неправеднаго кормленія, туго набивающаго карманы администратора, и безвы-

ходной бѣдности чиновника, не обезпеченнаго порядочнымъ жалованьемъ. Любопытно, какъ, въ разговорѣ съ Петромъ, онъ различалъ лихоимство отъ законной мзды за рѣшеніе дѣлъ: «лихоимство есть неправо взятое, а мзда принадлежитъ дѣлающему по должности; если я, и ничего не взявъ, противу закона сдѣлаю—повиненъ; если ради мзды присоединится къ законопреступленію лихоимство—долженъ сугубаго наказанія; когда же право и порядочно сдѣлалъ и отъ праваго возблагодареніе пріиму—ничѣмъ осужденъ быть не могу».—Пора деревенской жизни наступаетъ для дворянина въ 50 лѣтъ, изъ которыхъ не меньше 30 проведены имъ на службѣ. Надзоръ за нравственностью крестьянъ долженъ требовать первыхъ заботъ его. Для этого Духовная совѣтуетъ имѣть священника ученаго, способнаго еженедѣльными поученіями наставлять прихожанъ въ добродѣтели и обезпеченнаго приличнымъ жалованьемъ, а не пашнею, чтобъ онъ охотнѣе прилежалъ къ церкви, нежели къ землѣ и сѣнокосу. Характеристика сельскаго духовенства яркими красками изображаетъ то состояніе, въ которое оно доведено было бѣдностью, необразованностью и лѣнью. Кромѣ того Духовная настаиваетъ на обученіи крестьянъ грамотѣ, посредствомъ которой они узнаютъ законъ и страхъ Божій, на приглашеніи искуснаго лѣкаря, на заведеніи бань и аптекъ, для того чтобы народъ не гибнулъ отъ безумныхъ лѣкарствъ обманщиковъ, ворожей, шептуновъ и колдуновъ.

По характеру «Духовной» можно заключать о характерѣ другаго, важнѣйшаго сочиненія Татищева—«Исторіи Россійской». Въ совѣтахъ его сыну видны постоянное и осторожное исканіе средины во всѣхъ вещахъ, запретъ добровольныхъ порывовъ, которые часто заставляютъ человѣка напрашиваться на одни дѣла и отказываться отъ другихъ, распредѣленіе жизни единственно по расчетамъ здраваго смысла, не довѣряющаго голосу чувствъ. Всѣ эти качества убѣждаютъ, что у Татищева умъ былъ преобладающею духовною способностію и что его историческій талантъ выкажется по преимуществу въ сужденіяхъ о возможности, значеніи и внутреннемъ смыслѣ событій. Дѣйствительно, «Исторія Россійская», стоившая ему тридцатилѣтнихъ трудовъ, подтверждаетъ такое убѣжденіе. Въ строгомъ смыслѣ ее нельзя назвать прагматическимъ изложеніемъ событій: это—критическій сводъ лѣтописей, снабженный примѣчаніями, въ которыхъ, равно какъ въ «Предъизвѣщеніи объ исторіи вообще и о русской собственно», выражены взгляды автора. Татищевъ первый обратилъ надлежащее вниманіе на предметъ своихъ изслѣдованій, показавъ, что такое русская исторія и какія средства существуютъ для ея изу-

ченія. Но перевѣсъ ума надъ другими способностями отразился сухостью изложенія и односторонностью взгляда: подчиняя логическимъ соображеніямъ всѣ побужденія къ дѣйствіямъ, Татищевъ не могъ оцѣнять достойнымъ образомъ тѣ моменты въ исторіи, когда энтузіазмъ овладѣваетъ не только отдѣльными личностями, но и цѣлыми массами, и устремляетъ ихъ на подвиги, вопреки благоразумію. Въ примѣчаніяхъ же включены богословскія, философическія и политическія идеи автора—плодъ его знакомства съ Гоббесомъ, Белемъ, Локкомъ, Пуффендорфомъ, Махіавелемъ. Хотя въ одномъ мѣстѣ онъ и называетъ ихъ творенія болѣе вредительными, чѣмъ полезными; однакожъ слѣды ихъ вліянія замѣтны на многихъ его взглядахъ. Зная Беля, учившаго всѣхъ и во всемъ сомнѣваться, прочитавъ книгу Фонтенеля объ оракулахъ, которая полагаетъ правиломъ прежде вопроса о причинѣ какого-либо явленія спрашивать о возможности этого явленія, Татищевъ подвергаетъ критической пробѣ многое, что для другихъ было предметомъ непосредственнаго признанія. Подобно Ѳеофану, онъ осуждалъ пристрастіе къ формализму въ дѣлахъ вѣры, фарисейство, суевѣріе. Сличая по этому поводу прошедшее съ современнымъ, онъ не удерживался отъ порицаній послѣдняго, когда замѣчалъ, что христіане, лѣнясь изучать Священное Писаніе и «вольныя науки», не оградили себя отъ языческихъ или полуязыческихъ понятій. Не диво, говоритъ онъ, передавая сказаніе Нестора о волхвахъ, что тогда народъ, не имѣвшій довольно ума и просвѣщенія, такимъ безумнымъ баснямъ вѣрилъ, но удивительнѣе нынѣ видѣть суевѣровъ, которые разсказы и враки ханжей или пустосвятовъ паче святаго писанія и ученія мудрыхъ людей почитаютъ, каковы, напримѣръ, старовѣры или, лучше сказать, пустовѣры.... Не удивляюсь, когда люди, къ знанію Закона Божія не прилежащіе и къ разсужденіямъ невнимательные, почитаютъ за истину суевѣрныя бабьи басни и безумныхъ наукъ толкованія: дивнѣе всего, когда слышимъ ихъ отъ нѣкоторыхъ, властію избранныхъ на проповѣдь Закона Божія, на поученіе народа истинной вѣрѣ Христовой и благонравію; когда эти нѣкоторые не хотятъ ни сами разумѣть Законъ Божій, ни обучать ему народъ; когда они преданія и узаконенія человѣческія, для своихъ лакомствъ вымышленныя, передаютъ, какъ необходимо-нужное для спасенія... Критически относясь къ тому направленію, въ которомъ истина смѣшивалась съ ложью, или ложь принималась за истину, Татищевъ, какъ онъ самъ упоминаетъ въ Духовной, навлекъ на себя подозрѣніе въ вольнодумствѣ и даже безбожіи. По этой причинѣ его Исторія явилась въ печати спустя много времени послѣ того,

какъ была написана. Политическіе взгляды Татищева выразились въ той главѣ его Исторіи, гдѣ онъ говоритъ «о древнемъ правительствѣ русскомъ и другихъ въ примѣръ». Показавъ различіе трехъ формъ правленія: монархіи, аристократіи и демократіи, онъ приходитъ къ одному выводу съ вышеупомянутымъ «Разсужденіямъ шляхетства» (1).

§ 8. Другимъ замѣчательнымъ птенцомъ Петрова времени былъ Антіохъ Кантемиръ (1708—1744), сынъ господаря молдавскаго Димитрія, который въ 1711 г., послѣ Прутскаго похода, перешелъ въ подданство Россіи, получилъ отъ Петра I богатыя помѣстья и жилъ сначала въ Харьковѣ. Молодой Кантемиръ находился въ положеніи исключительномъ, сравнительно съ положеніемъ благороднаго (дворянскаго) русскаго юношества. Онъ еще дома получилъ такое образованіе, какое русскій могъ пріобрѣсти только за границей. Отецъ его, замѣчательно просвѣщенный человѣкъ своего времени, авторъ многихъ сочиненій и членъ Берлинской Академіи, и мать, урожденная княжна Кантакузенъ, изъ рода греческихъ императоровъ, заботливо наблюдали за воспитаніемъ своихъ дѣтей. Въ наставники къ нимъ былъ выбранъ ученый грекъ Кондоиди (въ послѣдствіи Аѳанасій, епископъ вологодскій). Съ раннихъ лѣтъ Антіохъ приступилъ къ основательному изученію древнихъ и новыхъ языковъ, давшихъ ему богатыя средства для дальнѣйшаго самообразованія, которое онъ и завершилъ въ Петербургѣ слушаніемъ академическихъ лекцій по математикѣ, физикѣ, исторіи и нравственной философіи. Послѣдняя особенно привлекла любознательнаго юношу и осталась навсегда любимѣйшимъ предметомъ его занятій. Эти лекціи имѣли для него значеніе высшей школы, такъ что, не выѣзжая изъ Россіи, онъ усвоилъ разнообразныя и солидныя научныя знанія и представилъ собою примѣръ европейски образованнаго человѣка, хотя желаніе его учиться въ чужихъ краяхъ и не исполнилось. Понятно, что при такой богатой умственной подготовкѣ онъ не остался безъ видной служебной дѣятель-

---

1) Татищевъ и его время, Н. Попова (1861); «Русскіе историки XVIII в.», С. Соловьева (Архивъ историко-юридич. свѣдѣній о Россіи, Н. Калачова, т. 2); его же Исторія Россіи, т. XX (1870); Новыя извѣстія о В. Н. Татищевѣ, П. Пекарскаго (Приложеніе къ IV т. Записокъ Ак. Наукъ, 1864); В. Н. Татищевъ, администраторъ и историкъ первой половины XVIII столѣтія, К. Бестужева-Рюмина (Древняя и Новая Россія, 1875, т. 1).—Духовная Т—ва сыну его Евграфу изд. въ 1773 г.; «Исторія Россійская съ самыхъ древнѣйшихъ временъ, чрезъ тридцать лѣтъ собранная и описанная», состоитъ изъ пяти книгъ: первыя три изданы Миллеромъ (1768—1774), 4-ая въ 1784 г., пятая нап. въ Чтеніяхъ въ Обществѣ Исторіи и Древностей рос. (годъ 3, книги 4, 5 и 9).

ности: двадцати двухъ лѣтъ, онъ получилъ мѣсто резидента въ Лондонѣ, а черезъ шесть лѣтъ былъ назначенъ полномочнымъ министромъ при французскомъ дворѣ. И тамъ и здѣсь онъ выказалъ достоинство какъ учеными занятіями, такъ и веденіемъ дипломатическихъ сношеній. По своему образованію онъ стоялъ на одномъ уровнѣ съ государственными сановниками и учеными наиболѣе цивилизованныхъ странъ. Въ Парижѣ онъ сблизился съ Монтескье и съ математикомъ Мопертюи: оба они отдавали полную справедливость превосходнымъ качествамъ его ума и многосторонности его знаній.—Кантемиръ стоялъ особнякомъ и въ другихъ отношеніяхъ. «Не русакъ» (родомъ), по его собственнымъ словамъ (1), онъ былъ совершенно чуждъ многихъ обычаевъ, предразсудковъ и понятій, которые природными русскими всасывались съ материнскимъ молокомъ и становились ихъ второю натурой. Ему не предстояло надобности отрѣшаться отъ многаго, что коренилось въ русской жизни и отъ чего она могла освобождаться лишь путемъ долгаго и труднаго развитія. Наконецъ, по своему общественному положенію, Кантемиръ вращался въ сферѣ высшей, имѣя дѣла и сношенія съ вліятельными сановниками и важнѣйшими духовными лицами; низшіе слои разныхъ сословій и званій оставались для него въ сторонѣ, незнаемые имъ и не возбуждавшіе къ себѣ вниманія. Всѣ указанныя обстоятельства, конечно, возвышали его надъ современниками въ смыслѣ образовательномъ, но они же, какъ увидимъ дальше, невыгодно отразились на его литературной дѣятельности, сообщивъ ей одностороннее направленіе.

Въ эпоху преобразованія обнаружилось много явленій, которыя служили матеріаломъ сатирѣ. Общество представляло разновидные классы людей, не сходившихся ни въ понятіяхъ, ни въ интересахъ. Съ одной стороны приверженцы старины, съ ихъ враждою къ новому образованію, питали надежду воротиться къ прежнимъ порядкамъ; съ другой—легкомысленные представители петровской Россіи, усвоивъ только внѣшніе признаки европеизма, въ сущности оставались невѣждами и отличались новыми недостатками, неизвѣстными ихъ предкамъ, хотя наравнѣ съ ними не находили никакой пользы въ наукѣ. Эти два класса не могли не поразить мыслящаго наблюдателя, какимъ былъ Кантемиръ, и не возбудить его сатирическаго дарованія. Сатира еще до него существовала у насъ. Она входила, какъ элементъ, во многія произведенія и народной,

1) Сочиненія Кантемира, изд. Глазунова (1867), т. I, стр. 189 (вторая эпиграмма).

и культурной словесности. Мы видѣли, что Ѳеофанъ и въ Духовномъ Регламентѣ и въ проповѣдяхъ давалъ свободу своему раздраженію и обличительнымъ выходкамъ; что интерлюдіи выводили на посмѣяніе многіе типы до-петровскаго и петровскаго времени. Поэтому открывать исторію русской сатирической поэзіи именемъ Кантемира значитъ позабывать однородныя произведенія предшествовавшей и современной ему словесности. Если онъ долженъ быть названъ первымъ нашимъ сатирикомъ, то лишь въ томъ смыслѣ, что онъ первый далъ намъ образцы сатиры, какъ особаго вида дидактической лирики, возникшаго у римлянъ. Подражая Горацію и Буало, къ которымъ надобно еще присоединить Ренье, предшественника Буало, и Ювенала, онъ началъ писать, выражаясь о немъ словами Ѳеофила Кролика, «рогатые, бодливые стихи» (cornutum carmen), бывшіе до тѣхъ поръ незнакомыми русскимъ читателямъ и заслужившіе ему отъ Ѳеофана Прокоповича имя «рогатаго пророка» (corniger vates) (1):

Не знаю, кто ты, пророче рогатый;
Знаю, коликой достоинъ ты славы.
Да почтожъ было имя укрывати? (2).
Знать тебѣ страшны сильныхъ глупцовъ нравы.
Плюнь на ихъ грозы, ты блаженъ трикраты.
Благо, что далъ Богъ умъ тебѣ толь здравый;
Пусть весь міръ будетъ на тебя гнѣвливый,
Ты и безъ счастья довольно счастливый».

Кантемиръ сочинилъ девять сатиръ силлабическими стихами, въ періодъ времени отъ 1729 по 1739 г. Онѣ выражаютъ просвѣщенное негодованіе, произведенное съ одной стороны противниками дѣлъ Петровыхъ; съ другой—невѣжественными послѣдователями реформы. Кантемиръ преимущественно имѣетъ дѣло съ первыми, считая ихъ болѣе опасными для успѣховъ цивилизаціи, тогда какъ вторые представляли наблюдателю преимущественно комическія послѣдствія лжеобразованности. Притомъ сатирикъ началъ писать въ самое неблагопріятное для наукъ время—при Петрѣ II, когда начаткамъ европейскаго образованія грозила серьезная опасность: когда Долгорукіе, самыя приближенныя къ царю лица, вмѣстѣ съ другими властными лицами, не радѣли о продолженіи дѣлъ Петровыхъ; когда сторонники реформы—самъ авторъ, Прокоповичъ и подобные имъ — должны были потерять

1) Vates—поэтъ и пророкъ.

2) Сатиры Кантемира ходили по рукамъ его пріятелей въ рукописи, безъ имени ихъ автора.

свое значеніе, скрываться въ тѣни, состоять какъ бы подъ опалой. Человѣку, убѣжденному въ пользѣ того, что дѣлалъ Петръ Великій, прискорбно было видѣть поворотъ въ противоположную сторону. Какъ литераторъ, онъ рѣшился отстаивать интересы просвѣщенія, отъ развитія и крѣпости котораго зависѣли развитіе и крѣпость литературы.

Предметами Кантемировыхъ сатиръ служатъ послѣдствія невѣжества, замѣченныя авторомъ въ окружающей его средѣ. Первая сатира (1729), имѣющая двоякое названіе: по формѣ (къ уму своему) и по содержанію (на хулящихъ ученіе), осмѣиваетъ нелюбовь къ наукѣ—главнѣйшее зло тогдашней эпохи. Выведенныя въ ней лица суть представители тѣхъ классовъ общества, которые дѣлами или мнѣніями обнаруживали эту нелюбовь. Таковы: ханжа Критонъ, помѣщикъ Сильванъ, гуляка Лука и щеголь Медоръ. Критонъ нападаетъ на ученіе изъ религіозной ревности, разумѣя подъ религіей единственно обряды: онъ называетъ науку матерью ересей и расколовъ, источникомъ безбожія, рушительницей древнихъ обычаевъ; ставитъ ей въ вину пытливость, желаніе доискиваться причинъ и слѣдствій; приписываетъ ея успѣхамъ упадокъ прежняго значенія духовенства. Короче, въ доводахъ своихъ Критонъ пользуется давно извѣстнымъ орудіемъ: еще Максимъ Грекъ обличалъ тѣхъ, которые ставили еретичество на одну доску съ истиннымъ знаніемъ и въ чтеніи Библіи видѣли прямой путь къ сумасшествію. Почти одновременно съ Кантемиромъ, Ѳеофанъ, въ Регламентѣ, разсуждалъ о заблужденіи многихъ, почитавшихъ науку виною ересей, а въ проповѣдяхъ своихъ защищалъ реформу отъ упрековъ въ противорѣчіи вѣрѣ и уставамъ церкви. Другое лице—дворянинъ Сильванъ, думающій единственно о приращеніи доходовъ, порицаетъ науку за то, что она не ведетъ къ богатству: порицаніе естественное въ устахъ того, кто «обыкъ считать злато за крайнее добро» и способенъ понимать только прикладное достоинство знаній, ихъ очевидную, непосредственную пользу для матеріальнаго быта. Независимо отъ этого, дворянство, приневоленное къ труду, имѣло особенные резоны разглашать о безполезности службы и ученія, пригоднаго, по ихъ мнѣнію, только духовенству да подьячимъ. Весельчаки и гуляки, подобные Лукѣ, говорили, что ученіе губитъ здоровье, расторгаетъ людское содружество, мѣшаетъ пріятностямъ жизни. Щеголь Медоръ, побывавшій въ чужихъ краяхъ, гдѣ заразился страстію къ модамъ, смотритъ на ученыхъ съ презрѣніемъ, предпочитая портнаго Сенекѣ, а парикмахера Виргилію. Эти четыре типа не обнимали однакожъ всего числа враговъ просвѣщенія. Было много и другихъ, съ новыми

поводами къ жалобамъ. Многіе пастыри говорили: «что въ наукѣ? какая отъ нея польза церкви? иной, сочиняя проповѣдь, забудетъ выпись (1), отчего доходамъ (2) вредъ». Судьи, спавшіе въ то время, какъ дьякъ читалъ имъ выписку изъ дѣла, негодовали на стѣсненіе лихоимства, на обязанность изучать законы и по нимъ вершить дѣла. Нѣкоторыя мѣста первой сатиры выражаютъ элегическое чувство, вызванное какъ направленіемъ общественной мысли, неблагопріятнымъ успѣху реформы, такъ и личными обстоятельствами автора, который находился въ стѣсненномъ положеніи:

Къ намъ не дошло то время, въ коемъ предсѣдала
Надъ всѣмъ мудрость и вѣнцы одна раздѣляла,
Будучи способъ одна къ высшему восходу,
Златой вѣкъ до нашего не достигнулъ роду;
Гордость, лѣность, богатство—мудрость одолѣло;
Науку невѣжество мѣстомъ ужъ посѣло:
Подъ митрой гордится то (3), въ шитомъ платьѣ ходитъ,
Судитъ за краснымъ сукномъ, смѣло полки водитъ.
Наука ободрана, въ лоскутахъ обшита,
Изо всѣхъ почти домовъ съ ругательствомъ сбита,
Знаться съ нею не хотятъ, бѣгутъ ея дружбы,
Какъ въ морѣ страдавшіе корабельной службы.
Всѣ кричатъ; никакой плодъ не виденъ науки;
Ученыхъ хоть голова полна, пусты руки.

Древніе роды, привыкнувъ пользоваться мѣстами и почестями за одно происхожденіе отъ именитыхъ предковъ, считали права свои незаконно нарушенными, когда Петръ I на самомъ дѣлѣ уничтожилъ силу разрядныхъ книгъ, поставивъ правиломъ награждать только личныя заслуги. Поэтому вторая сатира: «На зависть и гордость злонравныхъ дворянъ», въ формѣ разговора между Филаретомъ (любящимъ добродѣтель) и Евгеніемъ (благороднымъ), изображаетъ генеалогическое высокомѣріе тѣхъ, которые, не принеся никакой пользы отечеству, роптали на возвышеніе лицъ, «собою начавшихъ свой знатный родъ». Въ предисловіи къ ней авторъ объясняетъ ея связь съ первой сатирой. «Найдутся читатели», говоритъ онъ, «которые отъ одного заглавія сатиры взбунтуются противъ сатирика. Недовольно было того (скажутъ они), что онъ хулилъ неохотниковъ до науки: теперь еще безъ панцыря на дворянъ наступаетъ. Прошу терпѣливо выслушать мои резоны. Въ первой сатирѣ я защищалъ науку отъ невѣждъ, которые не

1) Выписка какой-либо статьи изъ дѣлъ, выдаваемая изъ судебнаго мѣста.
2) Отъ монастырскихъ имуществъ.
3) Невѣжество.

только ничего не знаютъ, но и ничего знать не хотятъ, и для того преслѣдуютъ всякое знаніе, проповѣдуя его безполезность и даже вредъ народу. Если я не согрѣшилъ тогда, защищая одну добродѣтель, то виноватъ ли теперь, когда всѣ добродѣтели вмѣстѣ защищаю? ибо я не имѣю намѣренія хулить благородіе, а устремляюсь противъ гордости и зависти дворянъ злонравныхъ, чѣмъ самымъ защищаю всякое благонравіе». Послѣднія слова указываютъ смыслъ сатиры, выраженный также однимъ изъ ея стиховъ: «благороднымъ дѣлаетъ насъ одна добродѣтель», и эпиграфомъ, взятымъ изъ Лабрюйера: «хорошо быть благороднымъ, но столько же хорошо быть такимъ, чтобъ тебя не спрашивали, благороденъ ли ты». Къ лучшимъ мѣстамъ сатиры относятся, во-первыхъ, изображеніе знатности и силы Евгеніева отца, къ которому съ утра стекались на поклонъ въ чаянiи его милости, и во-вторыхъ портретъ современнаго щеголя, празднаго и грубаго, не смотря на заграничную поѣздку, нарисованный въ противоположность его предкамъ, пріобрѣтшимъ знатное имя дѣятельною службою отечеству.

Въ невѣжествѣ коренился и расколъ. Сатира съ двоякимъ заглавіемъ: «На состояніе свѣта сего» (по содержанію) или «Къ солнцу» (по формѣ) смѣется надъ «богословскими рѣчами» мужика, только-что оставившаго соху; надъ ученіемъ «мнимыхъ мудрецовъ, бродящихъ по грамотѣ и сѣющихъ въ простонародьѣ крамолы»; надъ грубымъ суевѣріемъ тѣхъ лицъ, которыхъ интерлюдіи выводили подъ именемъ ставленника; надъ фальшивою набожностью купца, который сегодня кладетъ земные поклоны передъ иконой, а завтра сидитъ въ тюрьмѣ за то, что воровски провозилъ товары безъ пошлины; надъ подьячимъ, высохшимъ съ коварства и завистной злобы отъ удачи другихъ взяточниковъ, и надъ многими иными явленіями общества, въ которыхъ забытъ «божій и земскій страхъ». Она же преслѣдуетъ старыя, покрытыя плесенью тетради, т. е. суевѣрныя, апокрифическія книги, бывшія въ ходу у раскольниковъ и возникшія подъ вліяніемъ народныхъ преданій.

Наконецъ дѣйствія реформы могли получить прочную осѣдлость не насильственными мѣрами, а силою разумнаго воспитанія: и Кантемиръ, въ «Посланіи къ кн. Н. Ю. Трубецкому» (сатира на дурное воспитаніе), развиваетъ ту мысль, что большая часть нашихъ свойствъ и поступковъ, приписываемыхъ природѣ, оказывается, по зрѣломъ разсужденіи, дѣломъ воспитанія, при чемъ предлагаетъ и правила въ руководство воспитателю. Такъ какъ хулители книжной мудрости противополагали ей житейскій опытъ, говоря, что жизнь научитъ человѣка всему нужному и что слѣдо-

вательно можно обойтись безъ школы, какъ и обходились наши предки, бывшіе не глупѣе насъ, то Кантемиръ счелъ долгомъ выставить односторонность такого обветшалаго понятія. Раздѣляя взглядъ Ѳеофана, «Посланіе къ Трубецкому» доказываетъ, что человѣкъ становится умнѣе не столько отъ числа прожитыхъ лѣтъ, сколько отъ числа пріобрѣтенныхъ познаній; что жизнь обогащаетъ насъ опытностью въ позднюю пору, а наука дѣлаетъ насъ искусными и въ молодости; что старые, но неученые люди знаютъ только предметы и явленія, а ученые, хотя и молодые, понимаютъ причины явленій и сущность предметовъ. Въ этой тирадѣ, равно какъ и во многихъ другихъ, ей подобныхъ, сказалось дидактическое, или поучительное, направленіе сатиръ. Кантемиръ имѣлъ цѣлію не только осмѣивать невѣжество и ложное образованіе, но вмѣстѣ доказывать необходимость и важность ученія. Онъ часто распространяется о пользѣ знаній для личныхъ и государственныхъ потребностей. Одна изъ сатиръ его подробно разсматриваетъ, съ утилитарной точки зрѣнія, важность алгебры, геометріи, морскаго искусства, физики, астрономіи, медицины, грамматики, риторики, философіи.

Выше было сказано, что особенности воспитанія Кантемира, возвысивъ его образовательное значеніе среди русскихъ людей, были, съ другой стороны, причиною односторонности его сатиры. Эта односторонность заключается въ томъ, что онъ смотрѣлъ на недостатки современнаго ему общества съ точки зрѣнія цивилизаціи вообще, упуская изъ виду ту степень цивилизаціи, на какой стояла тогда Россія. Сатира его равно взыскательна какъ относительно личностей, которыя, по своему положенію и вліянію, могли вредить и дѣйствительно вредили успѣхамъ просвѣщенія, такъ и относительно такихъ личностей, которыя были неповинны въ своемъ невѣжествѣ и нравственной загрубѣлости. Она не различаетъ вмѣняемости преступленій отъ ихъ невмѣняемости, не указываетъ причинъ дурнаго образа жизни, не признаетъ облегчающихъ обстоятельствъ при судѣ надъ безнравственностью или невѣжествомъ. Осуждая гордыхъ и честолюбивыхъ пастырей, въ родѣ Георгія Дашкова, имѣвшихъ право и обязанность распоряжаться въ своихъ эпархіяхъ, наблюдать за ходомъ церковныхъ дѣлъ, устраивать судьбу подлежащаго его вѣдѣнію чернаго и бѣлаго духовенства, Кантемиръ въ равной мѣрѣ не щадитъ ни монаховъ, ни священнослужителей: онъ выставляетъ на показъ малознаніе послѣднихъ, чревоугодіе, бражничество, любовь къ поборамъ за требы. Въ сатирѣ «на состояніе свѣта сего» читаемъ слѣдующую тираду:

Вонъ на пастырей взглянемъ,
Такъ тутъ-то ужъ развѣ дивиться станемъ.
Хочетъ ли кто Божьихъ словъ въ церкви поучиться
Отъ пастыря, то я въ томъ готовъ поручиться,
Что, ходя въ церковь, не разъ потомъ обольется,
А чуть ли о томъ отъ нихъ и слова добьется.
Еслижъ бы онъ подошелъ къ попу на кружало,
То ужъ тамъ однихъ ушей будетъ ему мало,
Не переслушаешь рѣчь его медоточну:
Опишетъ онъ тамъ кругомъ церковь всю восточну,
Да какъ? Не ученіемъ вѣдь здравымъ и умнымъ,
Но суевѣрнымъ и мозгомъ своимъ съ вина шумнымъ;
Плететъ тутъ безъ разсмотру и безъ стыда враки:
Во первыхъ, какъ онъ искусенъ всѣ свершать браки,
Сколько разъ коло (1) стола обводити знаетъ
И какой стихъ за всякимъ ходомъ припѣваетъ.
То все это разсказавъ, станетъ поучати,
Какъ съ честью его руку должно цѣловати.
Не знаю, говоритъ, какъ тѣ люди спасутся,
Что давать намъ на церковь и съ деньгами жмутся.
Вѣдь не съ добра моя въ заплатахъ-де ряса;
Вонъ дома на-завтра нѣтъ на что купить мяса,
Все-де чертъ склонилъ людей и съ нѣмцами знаться.

Тоже самое видѣли и Посошковъ, и Татищевъ, если не точно также разсказывали о видѣнномъ; но они, какъ истые русскіе, хорошо знавшіе жизнь и обычаи своихъ соотечественниковъ, вникали въ причины неустройствъ, матеріальныхъ и нравственныхъ, почему и не обвиняли безусловно, и кромѣ того предлагали средства для ихъ устраненія. Имъ было извѣстно, что сельскому священнику, не обезпеченному содержаніемъ, состоявшему въ двоякой зависимости—отъ помѣщиковъ и крестьянъ — трудно было не дѣлать уступокъ первымъ и не сближаться со вторыми; что ему, можетъ быть, не получившему въ школѣ «умнаго и здраваго ученія», не доставало времени на духовное образованіе и на приготовленіе поученій; что необходимость принуждала его заботиться болѣе о пашнѣ, чемъ о паствѣ; что, наконецъ, нѣтъ ничего удивительнаго, если человѣку, круглый годъ осужденному съ своей семьей на скудныя яства, не имѣющему на что купить мяса, желательно при случаѣ воспользоваться хорошимъ обѣдомъ. Но всего этого Кантемиръ какъ бы не зналъ или, зная, не принималъ въ расчетъ, единственно руководствуясь требованіемъ цивилизаціи и нравственности въ ихъ безусловномъ, отвле-

1) Около.

ченномъ отъ времени и мѣста значеніи. Поэтому Тредьяковскій имѣлъ право назвать Кантемира «чужестраннымъ» человѣкомъ, когда этотъ въ одномъ письмѣ опровергалъ «Способъ къ сложенію россійскихъ стиховъ» (Тредьяковскаго),—имѣлъ право потому, что Кантемиръ, какъ «не русакъ» родомъ, не чувствовалъ ухомъ несвойственности силлабическихъ виршъ нашему языку и потому отвергалъ тоническую систему версификаціи.

Нравственное ученіе Кантемира изложено въ сатирѣ «объ истинномъ блаженствѣ» (1738) и въ «Письмахъ о природѣ и человѣкѣ» (1742). Идеалъ счастливой жизни—спокойствіе и довольство духа, а основаніемъ тому служитъ добродѣтель. Съ младенчества, говоритъ сатирикъ, привыкли мы бояться нищеты или презрѣнія толпы: отъ этого ударяемся въ другую крайность—въ стяжаніе богатства, въ исканіе почестей, тогда какъ во всѣхъ вещахъ должно знать прямую мѣру, златую средину. У всякаго дѣла свои границы: кто перейдетъ ихъ, или кто не дойдетъ до нихъ — равно глупы. Къ истинной славѣ ведутъ немногія средства: живи тихо, стремясь къ тому, что честно, что полезно тебѣ и другимъ. Награда добра въ самомъ добрѣ.

Историческое значеніе Кантемировыхъ сатиръ заключается въ ихъ отношеніи къ современному обществу. Предметъ ихъ вполнѣ національный—русскіе нравы извѣстной эпохи, почему онѣ и служатъ важнымъ источникомъ для историка Россіи. Но въ изложеніи своего предмета Кантемиръ подражалъ латинскимъ и французскимъ сатирикамъ, заимствуя у нихъ нерѣдко планъ и пріемы, а по мѣстамъ мысли и даже выраженія. Такъ первая сатира (къ уму своему) есть подражаніе сатирѣ Боало: «A son ésprit»; а вторая (объ истинномъ благородствѣ) — подражаніе 8-ой сатирѣ Ювенала, или 5-ой Боало, который также подражалъ Ювеналу. Оба элемента: національный (по содержанію) и подражательный (по формѣ изложенія) указаны самимъ авторомъ въ предисловіи, гдѣ говорится, что онъ послѣдовалъ наиболѣе «Горацію и Боало, отъ которыхъ много занялъ, къ нашимъ обычаямъ присвоивъ», и въ сатирѣ «къ Музѣ своей», гдѣ къ именамъ Боало и Горація прибавлены имена Ювенала и Персія, съ такимъ признаніемъ: «я топчу ихъ слѣды».

Въ литературномъ отношеніи сатиры Кантемира принадлежатъ не къ художественно-лирическимъ произведеніямъ, свидѣтельствующимъ о сильной творческой способности и мощномъ чувствѣ, а къ дидактическимъ стихотвореніямъ умнаго и многообразованнаго человѣка. Онъ не былъ способенъ на рѣзкое обличеніе недостатковъ: онъ сражался съ ними насмѣшкой, часто меткой и остроумной,

и поученіемъ, всегда требовавшимъ образованія и нравственности. Поэтому тонъ его сатиры не карающій, не ювеналовскій, а спокойный и ровный. Она нигдѣ не возвышаетъ голоса, никогда не поддается пафосу. Это согласовалось и съ характеромъ автора, и съ его ученіемъ о «златой срединѣ вещей», и съ его взглядомъ на сатиру, которая, по словамъ его, имѣетъ цѣлью—«исправленіе нравовъ», а средствомъ къ тому—«осмѣяніе злонравія забавнымъ слогомъ». Онъ былъ убѣжденъ, что враги гражданскихъ успѣховъ «боятся больше посмѣянія, чѣмъ гнѣва» (1).

§ 9. Въ жизни Тредьяковскаго (Василія Кирилловича, р. 1703, у. 1769) былъ также исключительный случай, сообщившій его дѣятельности отличительную особенность: онъ первый изъ Русскихъ получилъ научно-литературное образованіе во Франціи, и именно въ Парижѣ. Сынъ священника, онъ началъ обучаться, въ мѣстѣ своего рожденія (Астрахани) словеснымъ наукамъ на латинскомъ языкѣ у католическихъ монаховъ Капуцинскаго ордена, поселившихся въ городѣ съ цѣлію пропаганды, въ слѣдъ за армянами, которые получили отъ нашего правительства разныя льготы въ видахъ расширенія торговыхъ сношеній съ востокомъ. Затѣмъ онъ поступилъ (1723) въ московское Заиконоспасское училище (славяно-греко-латинская академія), гдѣ пробылъ два года, до конца риторическаго курса (1725). Неизвѣстно, какимъ образомъ и по какому поводу выбрался онъ отсюда за границу. Самъ онъ объясняетъ этотъ фактъ желаніемъ окончить науки въ «европскихъ» странахъ, особенно въ Парижѣ; но по другому свидѣтельству (истинность котораго, впрочемъ, не доказана) онъ принужденъ былъ бѣжать изъ училища, боясь наказанія за то, что написалъ подложный паспортъ іеродіакону спасскаго монастыря (при которомъ находилось училище и отъ котораго оно получило свое названіе), «приличившемуся» въ воровствѣ. Какъ бы то ни было, а въ 1726 г. Тредьяковскій находился уже въ Голландіи и жилъ у посланника Ивана Гавриловича Головкина, занимаясь французскимъ языкомъ. Слѣдующимъ годомъ (1727) прибылъ въ Парижъ—по его словамъ, «пѣшкомъ, ради крайней бѣдности». Здѣсь принялъ его къ себѣ въ домъ посланникъ кн. Александръ Борисовичъ Куракинъ, въ качествѣ наставника для своего сына Александра. Въ Парижѣ, «при щедромъ содержаніи отъ благодѣтелей»,

---

1) См. по поводу смирдинскаго изданія «Сочиненій Кантемира» мою статью въ Отеч. Зап. 1848 г., т. LXI, и С Дудышкина въ Современникѣ 1848, т. XII; «Князь Антіохъ Кантемиръ», В. Стоюнина (Сочиненія кн. А. Д. Кантемира, изд. Глазунова); Исторія Россіи, Соловьева, т. XX, стр. 276—290.

т. е. Куракиныхъ, онъ обучался богословскимъ наукамъ въ Сорбонѣ, а математическимъ и философскимъ въ университетѣ, гдѣ будто бы слушалъ лекціи Ролленя (что едва ли справедливо, такъ какъ Роллень, заподозрѣнный въ янсенизмѣ, принужденъ былъ, въ 1711 или 1712 г., удалиться на покой). Тредьяковскій былъ въ восторгѣ отъ Франціи и французовъ. Особыми стихами воспѣлъ онъ похвалы Парижу:

Красное мѣсто! драгой берегъ Сенски!
Тебя не лучше поля Елисейски!

Въ Парижѣ, говоритъ онъ, не смѣетъ явиться «деревенскій манеръ», ибо все держитъ себя благородно; этотъ городъ есть жилище, свойственное богамъ и богинямъ:

Кто тя не любитъ? развѣ бъ былъ духъ звѣрски!
А я не могу никогда забыти,
Пока имѣю здѣсь на землѣ быти!

Обработанность французскаго языка прельщаетъ его. Говоря о миѳическомъ изобрѣтателѣ поэзіи, онъ сравниваетъ его стихи съ французскими водевилями. Онъ и самъ писалъ недурные французскіе стихи, въ тогдашнемъ вкусѣ (галантномъ), по примѣру Шолье и Лафара (1). Возвратясь въ отечество (1730) послѣ трехлѣтняго пребыванія въ Парижѣ, Тредьяковскій скоро заслужилъ извѣстность вѣрностью и точностью своихъ переводовъ, изъ коихъ первымъ былъ переводъ аллегорическаго романа: «Ѣзда въ островъ любви» (2) (1730), содержащій въ себѣ описаніе различныхъ степеней любви къ женскому полу. Въ 1734 г. поступилъ на службу въ Академію Наукъ съ титуломъ секретаря, но безъ назначенія исполнять эту должность: обязанностью его было «вычищать русскій языкъ, сочиняя какъ стихами, такъ и не стихами», и переводить съ французскаго что̀ потребуется. Когда президентъ Академіи Наукъ, баронъ Корфъ, учредилъ при ней (1735) Россій-

1) Совершенно инымъ образомъ относился Ломоносовъ къ французамъ, называя ихъ въ насмѣшку «нѣжными господами», и къ французской поэзіи. «Французы», говоритъ онъ, во всемъ хотятъ натурально поступать, однако почти всегда противно своему намѣренію чинятъ... Пристойнымъ весьма символомъ французскую поэзію нѣкто изобразилъ, представивъ оную на театрѣ подъ видомъ нѣкоторыя женщины, что̀, сугорбившись и раскарячившись, при музыкѣ играющаго на скрыпицѣ Сатира танцуетъ» (Письмо о правилахъ россійскаго стихотворства).

2) Подлинникъ: Le Voyage de l'Isle d'amour, par. Paul Tallement (1663).

ское Собраніе изъ переводчиковъ, Тредьяковскій открылъ его рѣчью «о чистотѣ россійскаго языка», въ которой высказалъ, что члены (переводчики) должны не только заботиться объ усовершенствованіи природнаго языка, въ стихахъ и прозѣ, но и заняться составленіемъ Грамматики, Риторики, Стихотворной Науки и Словаря. Въ этомъ же собраніи Тредьяковскій предложилъ свой «Новый и краткій способъ къ сложенію россійскихъ стиховъ (1735)», давшій основаніе тонической версификаціи для замѣны несвойственныхъ намъ силлабическихъ виршъ. Профессорство въ Академіи онъ занялъ на перекоръ академической конференціи, не хотѣвшей, по его словамъ, впустить русскаго въ свою «компанію». Получивъ отказъ въ опредѣленіи его профессоромъ «элоквенціи» россійской и латинской, онъ обратился въ синодъ съ просьбой— освидѣтельствовать его въ способности къ преподаванію означенныхъ предметовъ. Синодальные члены выдали ему удовлетворительный аттестатъ, въ силу котораго онъ подалъ въ сенатъ доношеніе съ изложеніемъ въ немъ своихъ правъ на званіе академика. Благодаря предстательству сената и главное — покровительству вице-канцлера, гр. М. Л. Воронцова, Императрица Елисавета пожаловала ему званіе профессора (1745). Передъ вступленіемъ въ эту должность читалъ онъ въ академическомъ собраніи, на латинскомъ языкѣ, «Слово о богатомъ, различномъ, искусномъ и несходственномъ витійствѣ». Лекціи его, несомнѣнно, приносили пользу русскому юношеству; двое изъ его слушателей, Поповскій и Барсовъ, сдѣлались извѣстными литераторами и занимали профессорскія каѳедры въ московскомъ университетѣ. Кромѣ профессуры, онъ имѣлъ много другихъ занятій: сочинялъ разсужденія по предметамъ словесности и исторіи и подавалъ отзывы о чужихъ сочиненіяхъ, переводилъ и поправлялъ переводы другихъ переводчиковъ, участвовалъ въ тогдашнихъ періодическихъ изданіяхъ. Трудолюбіе его было образцовое. Уволенный по прошенію изъ Академіи (1759), онъ до самой смерти не прекращалъ своей ученo-литературной дѣятельности, которая, повторяемъ, оказала несомнѣнную пользу русскому образованію. Тредьяковскій заслуживаетъ признательности и за то, что онъ радѣлъ о замѣщеніи профессорскихъ и академическихъ мѣстъ природными русскими. На этомъ пунктѣ онъ сходился съ Ломоносовымъ, хотя и не жилъ съ нимъ въ ладу. Онъ требовалъ, чтобы Академія поступала въ точности по проекту Петра о ея учрежденіи. Получивъ отказъ въ вышесказанной просьбѣ своей, онъ въ доношеніи академической канцеляріи, между прочимъ, пишетъ слѣдующее: «обязан-

ность профессоровъ (академическихъ) не въ томъ состоитъ, чтобы не допускать россійскаго человѣка до профессорской степени, на которой онъ можетъ стоять съ честію, но чтобы только освидѣтельствовать, достоинъ-ли проситель того, чего требуетъ». Отказу придаетъ онъ значеніе отговорки: «хотя бы онъ (*русскій*) былъ и достоинъ профессорства, однако онъ намъ не надобенъ, для того что въ нашу компанію вмѣшается русскій». Когда Таубертъ, адъюнктъ и совѣтникъ Академіи, присутствовавшій въ коммиссіи для сочиненія новаго ея уложенія, представилъ свои предположенія объ улучшеніи состоянія ученаго учрежденія, Тредьяковскій протестовалъ противъ одного параграфа, какъ обиднаго національному самолюбію предпочтенія иноземныхъ ученыхъ русскимъ ихъ сотоварищамъ. Онъ находитъ, что этотъ параграфъ и противенъ естественной правотѣ, по которой каждый любитъ прежде себя самого, а потомъ уже другаго; и обиденъ нынѣшнимъ дѣйствительнымъ россійскимъ членамъ и впредь быть имѣющимъ; и неоснователенъ, потому что дѣлаетъ изъятіе изъ общихъ узаконеній единственно въ предпочтеніе однородцамъ (нѣмцамъ) и въ вѣчное предосужденіе природнымъ русскимъ. Но когда требовалось подать мнѣніе о достоинствѣ или недостаткѣ сочиненій академиковъ, Тредьяковскій не обращалъ вниманія на національность автора: имѣя въ виду единственно научную истину, онъ давалъ отзывъ по своему крайнему разумѣнію, какъ это и видимъ изъ дѣла, возникшаго по поводу рѣчи академика Миллера: «происхожденіе народа и имени россійскаго». Тредьяковскій не нашелъ въ ней никакого предосужденія Россіи.

Сочиненія Тредьяковскаго были долгое время предметомъ односторонней критики, которая обратила его имя въ синонимъ самаго несчастнаго, бездарнѣйшаго писателя. Причина тому понятна. Публика знала Тредьяковскаго только по его стихотвореніямъ; на другіе его труды она не обращала вниманія, да и не могла судить о нихъ. Легко было смѣяться надъ творцемъ «Тилемахиды» и «Деидаміи»; труднѣе было оцѣнить значеніе лекцій этого творца и достоинство его ученыхъ сочиненій по исторіи и словесности. Впрочемъ въ пользу Тредьяковскаго раздавались голоса очень почтенныхъ и авторитетныхъ людей какъ въ его время такъ и въ послѣдствіи—голоса Татищева, Новикова, Радищева, Пушкина. Тѣнь его могла, наконецъ, утѣшиться. Вотъ что говоритъ о немъ Новиковъ: «Сей мужъ былъ великаго разума, многаго ученія, обширнаго знанія и безпримѣрнаго трудолюбія; весьма знающъ въ латинскомъ, греческомъ, французскомъ, италіянскомъ и въ своемъ природномъ языкѣ, также въ философіи, богословіи, красно-

рѣчіи и въ другихъ наукахъ. Не обинуясь къ чести его сказать можно, что онъ первый открылъ въ Россіи путь къ словеснымъ наукамъ, а паче къ стихотворству, при чемъ былъ первый профессоръ, первый стихотворецъ и первый, положившій толико труда и прилежанія въ переводѣ на россійскій языкъ преполезныхъ книгъ» (1). По отзыву Пушкина, изученіе Тредьяковскаго приноситъ болѣе пользы, нежели изученіе прочихъ нашихъ старыхъ писателей; Сумароковъ и Херасковъ не стоятъ его (2).

Сочиненія Тредьяковскаго двоякаго рода: ученыя и литературныя. Къ сочиненіямъ ученымъ, имѣющимъ предметомъ словесность, относятся: «Способъ къ сложенію россійскихъ стиховъ», «О древнемъ, среднемъ и новомъ россійскомъ стихотвореніи», «О началѣ поэзіи и стихотворства», «Разговоръ объ орѳографіи», «Предъизъясненіе объ ироической піимѣ». Всѣ они выказываютъ въ авторѣ большую начитанность и многостороннія знанія.

«Способъ къ сложенію россійскихъ стиховъ (1735)» заключаетъ въ себѣ теорію тоническаго стихосложенія. Оно введено къ намъ Тредьяковскимъ. «Поздравленіе барону Корфу», написанное имъ въ 1734 г., есть первый опытъ русскихъ тоническихъ стиховъ. Тредьяковскій первый созналъ несвойственность метрической и силлабической просодіи нашему языку. Стихи, построенные по правиламъ греческой и римской версификаціи, называетъ онъ дикими, а вирши, заимствованные у поляковъ — прозаическими строками, или риѳмованной прозой. Русское стихосложеніе, учитъ онъ, должно быть основано на удареніи (тонѣ). Тоническое количество слоговъ есть душа и жизнь нашихъ стихотворныхъ метровъ. Къ этой вѣрной мысли Тредьяковскій пришелъ посредствомъ разбора народныхъ русскихъ пѣсенъ. Вотъ его слова: «Всю силу сего новаго стихотворенія (*т. е. стихосложенія*) взялъ я изъ самыхъ внутренностей свойства, нашему стиху приличнаго... Поэзія нашего простаго народа къ сему меня довела... Всѣ званія, при стихѣ употребляемыя, занялъ я у французской версификаціи, но самое дѣло у самой нашей природной, наидревнѣйшей простыхъ людей поэзіи.... Французской версификаціи я долженъ мѣшкомъ, а старинной россійской поэзіи всѣми тысячью рублями. Франціи я обязанъ за слова, но искреннѣйше благодарю, россіянинъ, Россію за самую вещь». О пригодности «Способа» можно заключать по свидѣтельству одного изъ современниковъ автора: «мы не можемъ

---

1) Опытъ истор. словаря о рос. писателяхъ (въ Матеріалахъ для исторіи рус. литературы, изданіе П. Ефремова, 1867).

2) Соч. Пушкина, изд. Анненкова, VI, 88.

(пишетъ онъ) достаточно возблагодарить Тредьяковскаго за изданныя имъ правила стихотворства, которыя были руководствомъ въ искусствѣ поэзіи для тѣхъ, кому неизвѣстны иностранные языки, и пособіемъ въ сужденіяхъ о произведеніяхъ вкуса для любителей вообще». Конечно не Тредьяковскому, а Ломоносову принадлежала честь водворенія у насъ тоническаго размѣра, но это уже зависѣло отъ недостатка таланта, а не отъ недостатка знанія: иное дѣло теоретически доказать истину нововведенія, а иное—оправдать нововведеніе на практикѣ хорошими образцами, дать читателямъ почувствовать его превосходство, утвердить его господство въ литературѣ. Для послѣдняго у Тредьяковскаго не хватало силъ.

Разсужденіе «о древнемъ, среднемъ и новомъ стихотвореніи россійскомъ (1755)» есть историческій обзоръ трехъ періодовъ нашего стихосложенія: древняго, средняго (съ XVI в.) и новаго, или тоническаго (съ 1735 г.). Къ древнему Тредьяковскій относитъ простонародныя пѣсни; къ среднему—вирши; къ новому—тоническій стихъ, имъ начатый и другими писателями утвержденный. Обзоръ отличается дѣльнымъ изложеніемъ фактовъ и основательными взглядами на свойства разныхъ родовъ стихосложенія.

Въ «Мнѣніи о началѣ поэзіи и стиховъ» замѣчательно развитіе мысли, что поэтъ и стихотворецъ не одно и тоже; что поэзія состоитъ не въ простомъ подражаніи природѣ, а въ творчествѣ; что поэтическій вымыселъ есть не ложь, а разумное представленіе предметовъ, какими они могутъ или долженствуютъ быть. Такимъ разсужденіемъ ясно отличена поэзія отъ стихотворства, художественные вымыслы отъ мѣрной рѣчи, служащей внѣшнимъ ихъ выраженіемъ.

Столь же замѣчательны сужденія о гексаметрѣ, въ «Предъизъясненіи о героической піимѣ», приложенномъ къ его «Тилемахидѣ» (1766), т. е. переводу Фенелонова романа: «Приключенія Телемака». Здѣсь основательно показано превосходство этого, величаво-благороднаго стихотворнаго метра передъ другими, его приличіе эпосу, равно какъ неприличіе ему риѳмы, которая называется «шумихой», «отроческой игрушкой», «дѣтинскою сопелкой». По ученію Тредьяковскаго, гексаметръ—достояніе грековъ и римлянъ—также свойственъ языку русскому, имѣющему свободное, не стѣсняемое опредѣленнымъ порядкомъ словорасположеніе. Природа, говоритъ онъ, даровала славяно-русской рѣчи богатство и сладость языка греческаго, важность и сановитость латинскаго: поэтому неприлично ей обрекать себя добровольно на скудость и ограниченность французскаго. Въ слѣдствіе такого взгляда, «Телемакъ», написанный

прозой, но по характеру разсказа принадлежащій къ эпическимъ повѣствованіямъ, переложенъ гексаметромъ. Эта любовь къ Фенелонову эпосу, по замѣчанію Пушкина, дѣлаетъ переводчику честь, а самый выборъ стиха доказываетъ необыкновенное въ то время чувство изящнаго.

«Разговоръ объ орѳографіи (1748)» имѣетъ предметомъ установить русское правописаніе не на словопроизводствѣ, а на словопроизношеніи. Доказательства свои онъ основываетъ на томъ, что каждая буква есть условный знакъ «звона» (членораздѣльнаго звука): слѣд. писать надобно «по звонамъ» (по выговору). Съ этимъ правиломъ «Разговоръ» связываетъ преобразованіе нашего алфавита. Такъ какъ буквы служатъ къ означенію членораздѣльныхъ звуковъ человѣческаго голоса, то русская азбука должна заключать въ себѣ столько знаковъ, сколько находится разныхъ звуковъ въ русскихъ словахъ. Посему, разсмотрѣвъ основательно оба алфавита наши: церковно-славянскій и гражданскій, Тредьяковскій исключаетъ изъ послѣдняго шесть буквъ: *з*, *и*, *щ*, *э*, *ѳ*, *ѵ*, вмѣсто *и* оставляя только *і*, а *з* и *щ* замѣняя знаками *s* (зѣло) и *шч*. Не смотря на ученую обстановку выводовъ и на авторитетъ Квинтиліана, стоявшаго за правописаніе по выговору, Тредьяковскій не достигъ своей цѣли. Причина тому въ шаткости основнаго начала, по которой самъ авторъ невольно отступалъ отъ него, т. е. писалъ многія слова не по выговору, а по принятому обычаю, и тѣмъ заподозривалъ вѣрность своей системы. Произношеніе словъ измѣняется по физіологическимъ и климатическимъ условіямъ: одни и тѣже слова въ разныхъ мѣстностяхъ выговариваются различно; допустивъ выговоръ за основу орѳографіи, мы получимъ столько орѳографій, сколько областныхъ выговоровъ. Притомъ въ разсужденіяхъ Тредьяковскаго потеряна изъ виду историческая основа нашего правописанія, которое коренится на письменномъ употребленіи языка церковно-славянскаго и до того противится попыткамъ принять всякое другое основаніе, что начертаніе словъ по выговору равнозначительно безграмотности.

Понятіе объ употребленіи языковъ церковно-славянскаго и русскаго, соотвѣтственно различному содержанію сочиненій, выражено Тредьяковскимъ еще въ предисловіи къ книгѣ: «Ѣзда на островъ любви». Славянскимъ языкомъ, говоритъ онъ, надобно писать церковныя книги; для книгъ же гражданскихъ (мірскихъ) нуженъ самый простой, разговорный русскій языкъ. «Языкъ славянскій въ нынѣшнемъ вѣкѣ очень теменъ и многіе его не разумѣютъ; онъ жестокъ моимъ ушамъ слышится, хотя прежде сего не только я имъ писывалъ, но и разговаривалъ, за что прошу

прощенія у всѣхъ, при которыхъ съ моимъ глупословіемъ хотѣлъ себя показывать особымъ славенскимъ рѣчеточцемъ».

Изъ множества переводовъ Тредьяковскаго одни служили руководствомъ къ изученію словесности и исторіи; другіе доставляли чтеніе грамотному классу, не знавшему иностранныхъ языковъ. Наибольшую пользу (по словамъ современника) принесла Боалова «Наука о стихотвореніи и поэзіи»; съ благодарностію и одобреніемъ публика приняла также «Древнюю (10 ч., 1744—62) и Римскую исторію (16 том., 1761—67 г.) Ролленя, въ дополненіе къ которой была переведена «Исторія о римскихъ императорахъ, Кревье и Ролленя» (4 т., 1767—69). Тредьяковскій переложилъ прозой и другой поэтическій кодексъ — «Посланіе Горація къ Пизонамъ». Выше сказано, что вѣрностью и точностью переводовъ онъ скоро пріобрѣлъ себѣ извѣстность, отличаясь отъ другихъ переводчиковъ тѣмъ, что хорошо зналъ не только языкъ, на которомъ написана книга, но и самое ея содержаніе.

Стихотворенія Тредьяковскаго относятся къ разнымъ родамъ поэзіи: онъ писалъ духовныя и похвальныя оды, эпистолы, басни, элегіи и другія лирическія піесы и сочинилъ трагедію: «Деидамія» (нап. 1775). Какъ стихотворецъ, Тредьяковскій является совершенно въ иномъ видѣ, чѣмъ ученый. Не имѣя вовсе творческой способности, онъ наполнялъ свои произведенія уродливыми образами. У него не было даже на столько вкуса, чтобы видѣть неблагообразіе антипоэтическихъ представленій. На внѣшнемъ выраженіи отразилась внутренняя нестройность: стихи его чрезвычайно тяжелы и грубы; прочесть страницу Тилемахиды, выучить изъ нея нѣсколько строкъ вмѣнялось въ наказаніе; удачные стихи, находимые въ этой обширной поэмѣ, почитались какимъ-то чудомъ. Главная тому причина—отсутствіе поэтическаго таланта; второстепенная—тогдашнее состояніе стихотворнаго искусства, не представлявшаго хорошихъ образцовъ. Французскіе стихи того же Тредьяковскаго легки и гладки, потому что языкъ французскій, будучи обработанъ, свободно покорялся требованіямъ версификаціи, да и самая версификація, основанная на количествѣ слоговъ, менѣе затрудняла писателей. Впрочемъ, и въ дѣлѣ стихотворства, Тредьяковскій оказалъ нѣсколько услугъ русской словесности. Мы уже знаемъ, что ему первому принадлежитъ введеніе у насъ тоническихъ размѣровъ. Знаемъ также, что отъ него идетъ начало русскаго гексаметра, хотя этотъ стихъ вышелъ въ Тилемахидѣ до того неуклюжимъ, что послѣ долгое время не рѣшались употреблять его, находя его совершенно несвойственнымъ русскому языку. Только черезъ 50 лѣтъ переводчикъ Иліады, Гнѣдичъ,

рѣшился, какъ онъ выражается, «отвязать отъ позорнаго столба стихъ Гомера и Виргилія, прикованный къ нему Тредьяковскимъ.

Тредьяковскій занимался также исторіей. Замѣчательны его «Три разсужденія о трехъ главнѣйшихъ древностяхъ россійскихъ: о первенствѣ славянскаго языка предъ тевтоническимъ; о первоначаліи Россовъ; о варяго-россахъ славянскаго званія, рода и племени (1773)». Здѣсь онъ впервые, еще до Ломоносова, является поборникомъ славянскаго происхожденія Руси, въ противоположность ученію академиковъ Байера и Миллера о ея происхожденіи скандинавскомъ. По мнѣнію его, Русь—померанскіе ружане, и отечествомъ Рюрика былъ островъ Рюгенъ (на Балтійскомъ морѣ). Выводы разсужденій отличаются научнымъ изложеніемъ. Тредьяковскій приступилъ къ рѣшенію вопроса съ знаніемъ нужныхъ для того условій и съ большою начитанностью, о которой можно судить по ссылкамъ на многія, древнія и новыя, сочиненія. Доказательства его двоякаго рода: историческія свидѣтельства и филологическія сближенія. Послѣднія любопытны натянутымъ, на сходствѣ звуковъ основаннымъ производствомъ иностранныхъ словъ, особенно историческихъ и географическихъ именъ, отъ русскихъ, съ цѣлью доказать первенство нашего языка предъ тевтоническимъ. Вотъ нѣсколько тому примѣровъ: Варяги—предварягели (отъ «варяю»—предваряю), Скиѳы—скиты («скитаться»), Кельты—желты (народъ «свѣтлорусый»), Британія—пристанія (давшая «пристань» кельтамъ), Сибирь—Сивирія или Сиверія (страна, лежащая на «сѣверѣ»), Испанцы или Иберы—уперы («упертые» морями), Германія—Холманія (страна «холмистая») или Ярманія (отъ слова «ярмо»—страна земледѣльческая), Норвегія—Новерхія или Наверхія (лежащая «на-верхъ» къ сѣверу), Италія—Удалія («удаленная» отъ сѣвера) или Выдалія («выдавшаяся» косою въ Средиземное море), и т. п. Подобныя сближенія словесныхъ звуковъ были тогда въ общемъ ходу, при несуществованіи сравнительнаго языкознанія. Байеръ слѣдовалъ такому же пріему въ своихъ толкованіяхъ. «Для насъ», говоритъ С. М. Соловьевъ, «Тредьяковскій имѣетъ значеніе, какъ противникъ Байера и Миллера, основатель ученія, которое съ немногими измѣненіями продолжается до сихъ поръ; если мы сравнимъ изслѣдованія Тредьяковскаго съ изслѣдованіями современныхъ намъ поборниковъ славянскаго происхожденія варяговъ то увидимъ, что у нихъ и методъ одинакій, и выводы тѣже» (1).

1) Изданія сочиненій Т—го: 1-ое, въ 2 ч. (1752); 2-ое, Смирдинское, въ 3 ч. (1849); «Избранныя сочиненія, изданныя П. Перевлѣсскимъ. — Жизнеописаніе Тредьяковскаго, во 2 т. Исторіи Академіи Наукъ, П. Пекарскаго, (1873).

§ 10. Изъ мемуаровъ первой половины XVIII в. особеннаго вниманія заслуживаютъ Записки княгини Натальи Борисовны Долгорукой и Записки Неплюева.

Судьба Натальи Борисовны, дочери графа Бориса Петровича Шереметева и супруги Ивана Алексѣевича Долгорукова, фаворита Петра II, была предметомъ многихъ позднѣйшихъ разсказовъ, которые справедливо видѣли въ ней идеалъ женскаго героизма. Но одни изъ нихъ вредили исторической истинѣ сентиментальной аффектаціей, другіе вымыслами воображенія или прикрасами риторики: и потому не внушаютъ такого сочувствія къ жизни героини, какъ ея собственная повѣсть, простая и вѣрная, чуждая малѣйшихъ притязаній на парадную выставку трагическихъ превратностей. Хотя Записки писаны въ 1767 г., черезъ сорокъ лѣтъ послѣ придворной катастрофы, но память давно прошедшаго до такой степени сохранилась въ нихъ живо, нравственная физіогномія лица, повѣствующаго о своей жизни, выступаетъ въ нихъ съ такою цѣльностью и чистотою, что читателю и на мысль не приходитъ заподозрить хотя на минуту ихъ правдивой, сердечной наивности.

Записки начинаются разсказомъ о жизни Долгорукой въ родительскомъ домѣ и закончены извѣстіемъ о прибытіи ея въ Березовъ, куда она, шестнадцати лѣтъ отъ роду, добровольно отправилась съ своимъ опальнымъ мужемъ и гдѣ провела одиннадцать лѣтъ среди всевозможныхъ лишеній и душевныхъ страданій. Неизвѣстно, почему она остановилась на самомъ интересномъ періодѣ своихъ приключеній. Полагаютъ, что дальнѣйшія событія были слишкомъ тягостны ея сердцу и что она не имѣла силы говорить о тѣхъ новыхъ бѣдахъ, «которыя невозможно было бы перенести смертному, еслибъ не подкрѣпляла его свыше сила Господня». Принявшись за описаніе своей жизни въ то время, когда уже постриглась въ одномъ изъ кіевскихъ монастырей, Долгорукая снисходительно смотритъ на прошлое, далеко отодвинутое назадъ и числомъ лѣтъ, и еще болѣе обѣтомъ забыть все земное. Разсказъ ея не дозволяетъ себѣ ни горькихъ жалобъ на злополучную долю, ни ѣдкихъ упрековъ людямъ. Она сама говоритъ, что «намѣрена свою бѣду писать, а не чужіе пороки обличать». Не могла она, конечно, вполнѣ воздержаться отъ порывовъ скорби, вспоминая людскую несправедливость, особенно измѣну фортуны въ придворныхъ перемѣнахъ: «лучшебъ», восклицаетъ она, «не родиться на свѣтъ тому человѣку, кому назначено на время быть великимъ, а послѣ придти въ несчастіе!» Но главное чувство, покрывающее всѣ иныя чувства—это христіанское, отреченіемъ отъ

міра сдержанное сѣтованіе страдалицы, которою «счастіе довольно поиграло» и которая была счастлива только 26 дней. отъ ея сговора съ Долгорукимъ по кончину Петра II. «За 26 благополучныхъ дней (пишетъ она) я стражду 40 лѣтъ. На каждый счастливый день приходится безъ малаго по два года счастливыхъ; да еще надобно вычесть шесть дней. Можетъ быть, и они дополнятся, если продолжится страдальческая жизнь моя. Кто знаетъ будущее?» Съ честной откровенностью, но безъ всякаго тщеславія, Долгорукая говоритъ о своей любви «къ сострадальцу»: «Во всѣхъ злополучіяхъ я была своему мужу товарищъ, и теперь скажу самую правду, что, будучи во всѣхъ бѣдахъ, никогда не раскаявалась, для чего я пошла за него. Богъ тому свидѣтель: любя мужа своего, сносила, сколько мнѣ можно было; еще и его подкрѣпляла». Нигдѣ не выражаетъ она даже намекомъ, что ея отношенія къ мужу могли бы быть иныя, а не тѣ, которыя прославили ея имя; еще менѣе могла она, зная свое достоинство, умалчивать о немъ ради ложнаго стыда—этого порожденія превратной цивилизаціи. Въ героизмѣ жены она видитъ очень понятную необходимость сердца, влагаемую въ человѣка природой, и вмѣстѣ необходимость долга, предписаннаго закономъ Божіимъ и гражданскимъ. Въ умѣ ея не существовало понятія о разладѣ между этими двумя основами супружеской вѣрности. И потому-то смущало ее поведеніе новыхъ женъ. Въ двухъ-трехъ мѣстахъ Записокъ, говоря о себѣ самой, жившей по старинѣ, не могла она не коснуться сличенія прежнихъ и позднѣйшихъ обычаевъ. Описывая затворническую жизнь свою по смерти матери, она замѣчаетъ: «въ тогдашнее время не такое было обхожденіе: очень примѣчали поступки молодыхъ или знатныхъ дѣвушекъ; тогда нельзя было такъ мыкаться, какъ въ нынѣшній вѣкъ». Совѣтъ родныхъ—отказать жениху, потерявшему значеніе при дворѣ, привелъ ее въ негодованіе. Она отдаетъ свое дѣло на судъ свѣта, какъ бы снова испытывая то самое, что переживала въ первой молодости: «Войдите въ разсужденіе, какая мнѣ это радость и честная ли это совѣсть: когда онъ былъ великъ, такъ я съ удовольствіемъ за него шла, а когда онъ сталъ несчастливъ—отказать ему! Я такому безсовѣстному совѣту согласія дать не могла; и такъ положила свое намѣреніе, отдавъ одному сердце, жить или умереть вмѣстѣ, а другому уже нѣтъ участія въ моей любви. Я не имѣла такой привычки, чтобъ сегодня любить одного, а завтра другаго; въ нынѣшній вѣкъ такая мода, а я доказала свѣту, что я въ любви вѣрна». Этотъ героизмъ женской любви и составляетъ главную идею Записокъ, а наивный, задушевный разсказъ о немъ—ихъ

главное литературное достоинство. По нравственному чувству, въ нихъ разлитому, онѣ должны занимать не послѣднее мѣсто въ избранной библіотекѣ для дѣвицъ, какъ сама героиня заняла мѣсто въ ряду знаменитыхъ россіянокъ.

Записки Неплюева (1693—1773), сенатора и конференцъ-министра въ царствованіе Екатерины II, обнимаютъ всю долголѣтнюю жизнь его. Истый воспитанникъ Петра, проведенный имъ «сквозь огнь и воду», Неплюевъ, вмѣстѣ съ другими даровитыми сторонниками преобразованій, питалъ къ нему горячую, доходившую до обожанія, привязанность. Въ реформѣ онъ видѣлъ новое рожденіе отечества, а въ реформаторѣ—втораго творца его: «на что ни взгляни въ Россіи, все его началомъ имѣетъ, и чтобы впредь ни дѣлалось, отъ сего источника черпать будутъ». Эта мысль, что Россія единственно Петру обязана своими силами, матеріальными и умственными, лежитъ въ основѣ Записокъ Неплюева. Она долгое время господствовала въ обществѣ, литературѣ и наукѣ. Администраторы, проповѣдники, историки и стихотворцы согласно повторяли ее. При поднесеніи Петру императорскаго титула, канцлеръ гр. Головкинъ сказалъ ему: «твоимъ единымъ руководженіемъ мы изъ тьмы ничтожества и невѣдѣнія вступили на театръ славы и присоединились къ образованнымъ государствамъ». Ѳеофанъ Прокоповичъ возвеличилъ новую Россію надъ древнею, до-петровскою. Предисловіе къ Запискамъ Крекшина, новгородскаго дворянина, еще громче славословитъ дѣятельность Петра: «Ты воскресилъ Россію полумертвую, воздвигнулъ спящую, изъ малосильной сотворилъ, по своему имени, подобную камню, возведя ее отъ тьмы къ свѣту, отъ незнанія къ знанію, отъ безчестія къ славѣ ...Все, что видимъ цвѣтущее и славимое въ Россіи, все сіе заботы, труды и дѣла Петра Великаго.... Отче нашъ, Петръ великій! ты насъ изъ небытія въ бытіе привелъ». Поэты называли Петра полубогомъ или богомъ: «онъ богъ, онъ богъ былъ твой, Россія». Извѣстные стихи въ честь Невтона прилагались къ личности русскаго монарха: Россія была погружена во тьмѣ; Богъ рекъ: да будетъ въ ней свѣтъ—и явился Петръ. Слова: «пробужденіе», «воскресеніе», «пакибытіе», сдѣлались синонимами реформы; ими выражался взглядъ извѣстнаго времени на великій подвигъ преобразователя. Восторженныя похвалы реформѣ не отдѣлялись отъ прославленія обычаевъ и нравовъ ея времени. Воспитанники Петра, проведенные имъ «сквозь огнь и воду», должны были въ началѣ бороться съ до-петровскою Русью; но потомъ, при встрѣчѣ съ порядками и отношеніями, возникшими въ послѣдующіе періоды, эти, нѣкогда новые, дѣятели стали защитниками петровской эпохи. Они думали

по-старому, несогласно съ новымъ образомъ мыслей. Къ числу такихъ стародумовъ принадлежалъ Неплюевъ. Замѣчателенъ отвѣтъ его Екатеринѣ II, когда она соглашалась уволить его отъ службы не прежде, какъ онъ порекомендуетъ ей, вмѣсто себя, человѣка такихъ же достоинствъ: «нѣтъ, государыня, мы Петра Великаго ученики; проведены имъ сквозь огнь и воду; инако воспитывались, инако мыслили и вели себя; а нынѣ инако воспитываются, инако ведутъ себя и инако мыслятъ: я не могу ни за кого, ниже за сына моего, ручаться». Въ словахъ Неплюева рѣзче и опредѣленнѣе обозначено сопоставленіе «прежняго съ нынѣшнимъ», примѣры котораго уже попадались намъ въ Духовной Татищева и Запискахъ Долгорукой.

§ 11. Дѣятельность Академіи наукъ, въ первый періодъ ея существованія, представляетъ нѣкоторые факты, имѣющіе не только ученое, но и литературное значеніе. Мы уже говорили, что въ 1735 г., въ президентство барона Корфа, учреждено было при академіи, для особыхъ занятій языкомъ и словесностью, «Россійское собраніе». Изъ воспитанниковъ академіи «славянскаго рода» пріобрѣлъ достойную извѣстность профессоръ ботаники Крашенинниковъ (1713—55), авторъ любопытнаго и обстоятельнаго описанія Камчатки (напп. 1755), которое онъ сочинилъ, дѣятельно участвуя во второй камчатской экспедиціи, снаряженной въ 1733 году, и которое было тогда же переведено на французскій, нѣмецкій и англійскій языки. Описаніе это, въ научномъ отношеніи, до сихъ поръ сохраняетъ свое достоинство. Языкъ его, равно какъ языкъ и другаго труда Крашенинникова—перевода Курціевой Исторіи Александра Македонскаго (1750),—отличался по тому времени замѣчательной правильностію, чистотою и пріятностью.—Съ 1728 г. Русскія Вѣдомости начавшіяся при Петрѣ I, перешли въ вѣдѣніе академіи. Миллеръ, бывшій въ то время адъюнктомъ, принявъ на себя ихъ редакцію, началъ издавать къ нимъ «Историческія, генеалогическія и географическія примѣчанія», которыя и продолжалъ по 1742 г. Главными предметами статей, какъ показываетъ самое названіе, служили: политическая исторія, генеалогія и географія. Но редакторъ этимъ не ограничивался: онъ сообщалъ свои мнѣнія о древнихъ и среднихъ временахъ, о тогдашнемъ состояніи земель и государствъ, о естествознаніи, исторіи церкви и исторіи просвѣщенія. Такимъ образомъ «Примѣчанія» имѣли въ виду, соединяя полезное съ пріятнымъ, объяснять все то, что въ Вѣдомостяхъ предлагалось какъ извѣстіе, но что, по своему интересу, возбуждало любопытство публики, нуждавшейся въ просвѣщенныхъ и научныхъ понятіяхъ о разныхъ предметахъ. Они при-

носили несомнѣнную пользу публикѣ, сообщая ей полезныя свѣдѣнія, пріучая ее къ разсужденію о всякихъ дѣлахъ. Образцами и вмѣстѣ источниками «Примѣчаній» служили иностранныя періодическія изданія, въ особенности Аддиссоновъ «Зритель», выходившій въ 1711—12 г.г. Отсюда заимствованы статьи: «о суевѣріи», «о полезномъ употребленіи времени», «о добромъ нравѣ», и пр. Изъ другаго англійскаго изданія, подъ названіемъ «Опекунъ» (1713), Примѣчанія перевели «Описаніе Сенъ-сирскаго училища» (1).

III. ОТЪ ЛОМОНОСОВА ДО КАРАМЗИНА.

§ 12. Ломоносовъ, Михаилъ Васильевичъ, именемъ котораго обозначается особый періодъ новой русской литературы, родился на дальнемъ сѣверѣ нашего отечества (Архангельской губерніи, Холмогорскаго уѣзда, въ деревнѣ Денисовкѣ), какъ бы въ доказательство того, что появленіе генія, какъ выразился о немъ Шлецеръ, не зависитъ отъ географической широты и долготы мѣста. Родъ его рожденія показывается различно: 1709, 1710 и 1711; по собственной автобіографической запискѣ—1712, а по ревизской сказкѣ даже 1715. До шестнадцати лѣтъ помогалъ онъ въ работахъ своему отцу, крестьянину, промысломъ рыбаку, ходившему на галіотѣ по Двинѣ, Бѣлому морю и Сѣверному океану для рыбныхъ промысловъ и занимавшемуся также перевозкою казенныхъ и частныхъ запасовъ изъ Архангельска въ Пустозерскъ, Соловецкій монастырь, Колу, по берегамъ Лапландіи, на рѣку Мезень. Суровая жизнь благотворно дѣйствовала на юношу: величественныя явленія сѣверной природы давали пищу его любознательности и пробуждали въ немъ поэтическое чувство; труды не дозволяли ему предаваться праднымъ мечтамъ; препятствія и опасности, укрѣпляя его волю, служили къ образованію той «благородной упрямки», съ которою онъ въ послѣдствіи стоялъ за право русскаго человѣка на умственную самостоятельность. Русской грамотѣ выучился онъ у крестьянина и скоро сдѣлался лучшимъ чтецомъ въ приходской церкви. Когда мать его умерла, отецъ женился на другой женѣ, которая не взлюбила своего пасынка. Ломоносовъ воспоминаетъ объ этомъ въ письмѣ къ И.И. Шувалову: «имѣлъ я

1) Объ ученыхъ сборникахъ и період. изданіяхъ Ак. Н., съ 1726 по 1852, г. Куника (Учен. Зап.Ак. Н. по I и III отд., т. 1, вып. 1).

отца, хотя по натурѣ добраго человѣка, однако въ крайнемъ невѣжествѣ воспитаннаго, и злую и завистливую мачиху, которая всячески старалась произвести гнѣвъ въ отцѣ моемъ, представляя, что я всегда сижу по пустому за книгами. Для того многократно я принужденъ былъ читать и учиться, чему возможно было, въ уединенныхъ и пустыхъ мѣстахъ, и терпѣть стужу и холодъ». Первыми недуховными книгами, прочтенными Ломоносовымъ, были Славянская Грамматика Смотрицкаго, Ариѳметика Магницкаго и Псалтирь, переложенная въ стихи Симеономъ Полоцкимъ. Въ послѣдствіи онъ называлъ эти книги «вратами своей учености».

Страстное желаніе учиться и невозможность удовлетворить ему на родинѣ, а также нелюбовь и наговоры мачихи побудили Ломоносова покинуть домъ отца своего и отправиться въ Москву. Получивъ паспортъ отъ управляющаго въ Холмогорахъ земскими дѣлами и взявъ у одного изъ сосѣдей китаечное полукафтанье и заимообразно три рубля, онъ тайно ушелъ 7 декабря 1730. Прибылъ въ Москву въ январѣ 1731 г. Здѣсь онъ сначала короткое время обучался ариѳметикѣ въ школѣ при Сухаревой башнѣ, затѣмъ былъ принятъ въ Заиконоспасское училище. Вотъ собственный разсказъ его о жизни въ Москвѣ въ письмѣ къ И. И. Шувалову (1753 г.): «Обучаясь въ Спасскихъ школахъ, имѣлъ я со всѣхъ сторонъ отвращающія отъ наукъ пресильныя стремленія, которыя въ тогдашнія лѣта почти непреодолѣнную силу имѣли. Съ одной стороны отецъ, никогда дѣтей кромѣ меня не имѣя, говорилъ, что я, будучи одинъ, его оставилъ, оставилъ все довольство (по тамошнему состоянію), которое онъ для меня кровавымъ потомъ нажилъ и которое послѣ его смерти чужіе расхитятъ. Съ другой стороны несказанная бѣдность: имѣя одинъ алтынъ въ день жалованья, нельзя было имѣть на пропитаніе въ день больше, какъ на денежку квасу, прочее на бумагу, на обувь и пр. Такимъ образомъ жилъ я пять лѣтъ и наукъ не оставилъ. Съ одной стороны пишутъ, что, зная моего отца достатки, хорошіе тамошніе люди дочерей своихъ за меня выдадутъ, которые и въ мою тамъ бытность предлагали; съ другой стороны школьники малые ребята кричатъ и перстами указываютъ: смотри-де, какой болванъ лѣтъ въ двадцать пришелъ латинѣ учиться»!... Эта любовь къ знанію, переселивъ всѣ «отвращающія отъ наукъ стремленія», сохранилась въ Ломоносовѣ на всю жизнь. Въ похвальную оду императрицѣ Елисаветѣ, 1747 г., онъ вставилъ извѣстное переложеніе изъ Цицерона: «науки юношей питаютъ». И позднѣе (1752), въ Письмѣ къ Шувалову о пользѣ стекла, онъ выразилъ неизмѣнную преданность наукѣ:

Велика сердцу скорбь лишиться чтенья книгъ:
Скучнѣе вѣчной тьмы, тяжелѣе веригъ!

Въ 1735 г. начальникъ Академіи наукъ баронъ Корфъ вошелъ въ сенатъ съ ходатайствомъ о выборѣ изъ школъ такихъ учащихся, которые, по своимъ познаніямъ, могли бы съ пользою слушать лекціи академическихъ профессоровъ. Въ числѣ двѣнадцати человѣкъ, привезенныхъ въ Петербургъ (1736) изъ Славяно-греколатинской академіи, находился Ломоносовъ. По совѣту саксонскаго горнаго совѣтника Генкеля послать въ Германію для изученія горнаго дѣла нѣсколько человѣкъ изъ русскихъ, Корфъ назначилъ Ломоносова и двухъ его товарищей, которые и были отправлены (1736) для предварительнаго образованія въ Марбургскій университетъ, славившійся тогда профессоромъ Христіаномъ Вольфомъ. Они должны были заниматься подъ надзоромъ знаменитаго философа. Инструкція предписывала имъ, кромѣ наукъ, изучать языки: латинскій, нѣмецкій и французскій, не оставляя упражненій и въ русскомъ. Въ исполненіе предписаннаго, Ломоносовъ въ 1738 г. послалъ донесеніе на нѣмецкомъ языкѣ о лекціяхъ, которыя онъ посѣщалъ, разсужденіе по предмету физики на латинскомъ и стихотворный переводъ Фенелоновой оды (Уединеніе) на русскомъ. Изъ аттестата, выданнаго Ломоносову въ 1739, видно, что онъ слушалъ у Вольфа математику, физику и философію. Въ томъ же году студенты выѣхали изъ Марбурга и прибыли во Фрейбергъ къ Генкелю для изученія практической металлургіи. Взятіе Минихомъ турецкой крѣпости Хотина дало поводъ Ломоносову написать похвальную оду, тоническимъ размѣромъ, въ которой онъ подражалъ частію одѣ Гюнтера (на миръ Австріи съ Турціею въ 1718 г.), а частію одѣ Буало (на взятіе Намура Людовикомъ XIV въ 1692 г.). Къ одѣ было приложено и «Письмо о правилахъ россійскаго стихотворства». Въ 1740 г., поссорившись съ Генкелемъ, Ломоносовъ уѣхалъ изъ Фрейберга въ Марбургъ, гдѣ женился на Елисаветѣ Цильхъ, дочери члена городской думы и церковнаго старшины. Того же года Академія наукъ, узнавъ отъ Генкеля о затруднительныхъ обстоятельствахъ Ломоносова, положила возвратить его въ Петербургъ. Есть извѣстіе, что, изъ опасенія попасть въ тюрьму за долги, Ломоносовъ рѣшился тайно бѣжать изъ Марбурга въ Голландію и что на дорогѣ въ Дюссельдорфъ онъ встрѣтился съ прусскими вербовщиками, которые, напоивъ его, уговорили вступить въ военную службу и отвели въ крѣпость Везель, откуда онъ ночью спасся бѣгствомъ (1).

1) Случай этотъ послужилъ сюжетомъ для піесы кн. Шаховскаго: «Ломоносовъ, или рекрутъ стихотворецъ (1816)».

Воротился Ломоносовъ въ Петербургъ 1741 г. Въ 1742-мъ получилъ мѣсто адъюнкта химіи, съ жалованьемъ по 360 р. въ годъ, считая въ томъ числѣ квартиру, отопленіе и освѣщеніе. Стѣсненныя обстоятельства препятствовали ему въ теченіи двухъ лѣтъ вызвать къ себѣ изъ Марбурга жену: она пріѣхала въ 1743 г. съ дочерью. Въ 1745 г., за ревностные труды и разныя къ пользѣ и чести Академіи оказанныя услуги, назначенъ профессоромъ химіи, съ жалованьемъ въ 660 руб. Профессорская жизнь Ломоносова представляла съ одной стороны неутомимую ученую и литературную дѣятельность, а съ другой постоянныя заботы объ образованіи русскаго юношества и вообще о распространеніи просвѣщенія въ Россіи: стремясь къ этой послѣдней цѣли, онъ велъ борьбу съ «непріятелями наукъ россійскихъ, которые не давали возрастать свободно насажденію Петра Великаго». Главнымъ непріятелемъ была академическая канцелярія, захватившая въ свои руки управленіе и хозяйственными и учеными дѣлами Академіи, такъ что ученая корпорація академиковъ находилась у нея въ зависимости и не имѣла самостоятельности; другаго непріятеля видѣлъ онъ въ Тепловѣ, написавшемъ, по порученію президента академіи гр. К. Г. Разумовскаго, новый академическій уставъ (1747), который подалъ поводъ ко многимъ несправедливостямъ, такъ какъ имъ была утверждена незаконная власть канцеляріи, мѣшавшая успѣхамъ Академіи; наконецъ къ непріятелямъ принадлежали и вообще тѣ иноземцы, которые, пользуясь разными льготами и преимуществами въ Россіи, не только относились равнодушно къ ея пользамъ, но даже выказывали высокомѣрное презрѣніе къ русскимъ и всегда и всюду давали чувствовать свое превосходство. На такихъ людей Ломоносовъ смотрѣлъ какъ на своихъ личныхъ враговъ и велъ съ ними борьбу съ увлеченіемъ и запальчивостью, которыхъ не могли истребить ни лѣта, ни сторонніе соображенія. О трудолюбіи Ломоносова можно судить по письму его къ И. Шувалову (1753 г.): «Кто по своей профессіи читаетъ лекціи, дѣлаетъ опыты новые, говоритъ публично рѣчи и диссертаціи (на академическихъ актахъ), и внѣ оной сочиняетъ разные стихи и проэкты къ торжественнымъ изъявленіямъ радости, составляетъ правила къ краснорѣчію на своемъ языкѣ и исторію своего отечества, отъ того я ничего больше требовать не имѣю». Позднѣе (1762), въ прошеніи на Высочайшее имя откровенно поставлялъ онъ на видъ свои заслуги: «Состоя на службѣ тридцать одинъ годъ, обращался я въ наукахъ со всякимъ возможнымъ раченіемъ и въ нихъ пріобрѣлъ такое знаніе, что, по свидѣтельству разныхъ академій и великихъ ученыхъ людей, принесъ ими

златную славу отечеству: таковымъ ученіемъ, одами, публичными рѣчьми и диссертаціями пользовалъ и украшалъ я Академію двадцать лѣтъ; на природномъ языкѣ разнаго рода сочиненіями грамматическими, риторическими, стихотворческими, историческими, также и до высокихъ наукъ надлежащими физическими, химическими и механическими, стиль россійскій въ эти двадцать лѣтъ несравненно вычистился передъ прежнимъ и много способнѣе сталъ къ выраженію идей трудныхъ, въ чемъ свидѣтельствуетъ общая апробація моихъ сочиненій и во всякихъ письмахъ (*сочиненіяхъ*) употребляемыя въ нихъ слова и выраженія, что къ просвѣщенію народа много служитъ; присутствуя въ канцеляріи Академіи наукъ членомъ полшеста года безъ повышенія чина и прибавки жалованья, отправлялъ я должность мою со всякимъ раченіемъ, такъ что гимназія, университетъ и географическій департаментъ пришли во много лучшее передъ прежнимъ состояніе». Покровитель Ломоносова, И. Шуваловъ находилъ въ немъ просвѣщеннаго совѣтника по своимъ планамъ, напримѣръ по основанію Московскаго университета. Въ 1757 г. Ломоносовъ назначенъ членомъ канцеляріи, а въ слѣдующемъ (1758) ему порученъ надзоръ за всею ученою и учебною частью въ Академіи: за профессорскимъ собраніемъ, за университетомъ и гимназіей, за географическимъ департаментомъ. Еще въ то время (1748), когда поднятъ былъ вопросъ объ устройствѣ академическаго университета, Ломоносовъ желалъ основанія особаго, настоящаго университета, съ раздѣленіемъ на факультеты, по примѣру университетовъ заграничныхъ, чтобы, согласно проекту Петра, профессорами были академики. Письма его къ гр. Воронцову и И. Шувалову показываютъ, какъ сильно хлопоталъ онъ объ утвержденіи грамоты или привилегіи на открытіе университета: «сіе (пишетъ онъ Шувалову въ 1760 г.) будетъ конецъ моего попеченія о успѣхахъ въ наукахъ сыновъ россійскихъ». Но грамота, за смертію императрицы Елисаветы, осталась неподписанною. Въ 1762 г. писалъ онъ къ гр. Г. Г. Орлову слѣдующее: «нынѣ время златой знатнымъ наукамъ вѣкъ возставить и отъ презрѣнія избавить возлюбленный россійскій родъ: не укосни въ отчаяніи сѣтующее учащееся здѣсь юношество оживить отрадою». Но мысли, которой такъ твердо держался Ломоносовъ, суждено было осуществиться только въ царствованіе Александра I. Одною изъ видныхъ мѣръ Ломоносова въ 1764 г. было предложеніе отправить за границу семь русскихъ студентовъ. Мѣра эта, впрочемъ не исполненная, клонилась къ прекращенію приглашеній въ Академію иностранныхъ ученыхъ и къ производству «собственныхъ природныхъ и домашнихъ, которые могли бы служить, назадъ не

оглядываясь и не угрожая контрактомъ и взятіемъ абшида, а паче всего служили бы къ чести отечеству, которой отъ иностранныхъ нашему народу приписать невозможно». Отсюда не слѣдуетъ, однакожъ, чтобы Ломоносовъ не хотѣлъ цѣнить достоинствъ тѣхъ ученыхъ мужей, которые приглашались къ намъ изъ-за границы въ нашу Академію. Напротивъ, желая видѣть своихъ соотечественниковъ на мѣстахъ академическихъ членовъ, онъ въ тоже время желалъ, чтобы эти будущіе русскіе академики не уступали въ учености чужестраннымъ, какъ показываетъ его воззваніе къ юношеству въ одѣ 1747 г.:

О вы, которыхъ ожидаетъ
Отечество отъ нѣдръ своихъ
И видѣть таковыхъ желаетъ,
Какихъ зоветъ отъ странъ чужихъ...

Умеръ Ломоносовъ въ 1765.—Первоклассные ученые (Вольфъ, Эйлеръ, Кондаминъ, Гейнзіусъ, Формей, Шлецеръ, Ноллетъ, Крафтъ) отдавали справедливость его талантамъ и трудамъ. Графы Воронцовъ и Орловъ, И. И. Шуваловъ покровительствовали ему, какъ знаменитому русскому ученому. По представленію послѣдняго, императрица Елисавета наградила его помѣстьемъ. Императоръ Павелъ, въ уваженіе его памяти и полезныхъ знаній, повелѣлъ племянника его, сына сестры, исключить изъ подушнаго оклада. При императорѣ Николаѣ I воздвигнутъ ему памятникъ въ Архангельскѣ. Въ столѣтнюю годовщину дня его рожденія (1865), въ разныхъ мѣстахъ отправлялись торжества, посвященныя воспоминаніямъ о Ломоносовѣ и сужденіямъ о его дѣятельности.

«Съ самыхъ юныхъ лѣтъ предавшись наукѣ и литературѣ, Ломоносовъ не покидалъ ихъ и продолжалъ работать и тогда, когда достигъ положенія, въ которомъ могъ спокойно пользоваться плодами своей извѣстности; онъ всегда стремился къ самостоятельности въ изысканіяхъ; не выдавалъ чужихъ мыслей за свои; не останавливался ни передъ препятствіями, ни передъ трудностями для достиженія разъ предположенной цѣли и настойчиво, честно и смѣло шелъ впередъ для достиженія ея. Вмѣстѣ съ тѣмъ Ломоносовъ горячо любилъ Россію; ему были дороги успѣхи русскихъ въ просвѣщеніи, такъ какъ въ этихъ успѣхахъ онъ справедливо видѣлъ залогъ будущаго величія и славы родины» (1). Ломоносовъ

1) Жизнеописаніе Л—ва, П. Пекарскаго (Исторія Академіи Наукъ, т. 2-ой, 1873).

былъ не только ревностнымъ сподвижникомъ просвѣщенія и патріотомъ, но и замѣчательнымъ характеромъ. Въ то время, когда общественное положеніе и ученаго, и литератора было незавидно, онъ держалъ себя благородно и мужественно: никто не могъ бы безнаказанно оскорбить его какъ человѣка. Онъ умѣлъ, говоритъ Пушкинъ, за себя постоять и не дорожилъ ни покровительствомъ своихъ меценатовъ, ни своимъ благосостояніемъ, когда дѣло шло о его чести, или о торжествѣ его любимыхъ идей. Вотъ что писалъ онъ къ Шувалову (1761[1]), когда этотъ, ради шутки, вздумалъ было мирить его съ Сумароковымъ, — такимъ человѣкомъ, который «ничего другаго не говоритъ, какъ только всѣхъ бранитъ, себя хвалитъ и бѣдное свое рѣмничество выше всего человѣческаго знанія ставитъ» ([1]): «не токмо у стола знатныхъ господъ или у какихъ земныхъ владѣтелей дуракомъ быть не хочу, но ниже у самого Господа Бога, который далъ мнѣ смыслъ, пока развѣ отниметъ». Не всегда, конечно, Ломоносовъ былъ правъ въ борьбѣ съ тѣми или другими лицами, но въ своихъ обличеніяхъ и полемикѣ онъ всегда имѣлъ высокія побужденія: любовь къ наукѣ и къ просвѣщенію согражданъ. Онъ не могъ молчать при видѣ злоупотребленій академической канцеляріи: «Я бы охотно молчалъ и жилъ въ покоѣ (писалъ онъ къ Теплову, 1761 г.), да боюсь наказанія отъ правосудія и всемогущаго Промысла, который не лишилъ меня дарованія и прилежанія въ ученіи, далъ терпѣніе и благородную упрямку и смѣлость къ преодолѣнію всѣхъ препятствій къ распространенію наукъ въ отечествѣ, что мнѣ всего дороже.... За общую пользу, а особливо за утвержденіе наукъ въ отечествѣ, и противъ отца своего роднаго возстать за грѣхъ не ставлю.... Я къ сему себя посвятилъ, чтобъ до гроба моего съ непріятелями наукъ россійскихъ бороться, какъ уже борюсь двадцать лѣтъ: стоялъ за нихъ смолода, на старость не покину» ([2]).

Въ исторіи русскаго просвѣщенія имя Ломоносова стоитъ какъ имя перваго у насъ представителя европейской науки, перваго ученаго, въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово понималось на западѣ. Кантемиръ, при всѣхъ своихъ разнообразныхъ знаніяхъ, не былъ ученымъ по профессіи; ученіе Тредьяковскаго при всемъ его трудолюбіи не имѣло ни опредѣленной системы, ни твердаго закала. Напротивъ, Ломоносовъ, при необыкновенныхъ дарованіяхъ, при страстной любви къ ученію и твердой волѣ къ дости-

---

1) Слова Ломоносова.

2) Указанное жизнеописаніе Л—ва, въ Исторіи Академіи Наукъ, П. Пекарскаго, т. 2.

женію предположенныхъ цѣлей, получилъ высшее, университетское образованіе, которое одно доставляетъ способы не только основательно усвоивать научныя знанія, но и расширять ихъ предѣлы новыми изслѣдованіями. «Между Петромъ I и Екатериною II (говоритъ Пушкинъ) Ломоносовъ одинъ является самобытнымъ сподвижникомъ просвѣщенія: онъ былъ первымъ нашимъ университетомъ», какъ бы совмѣщая въ своемъ лицѣ два факультета: наукъ естественныхъ и наукъ словесныхъ. Главнымъ предметомъ его занятій были химія и физика; вообще онъ имѣлъ бо́льшую наклонность къ естествознанію, чѣмъ къ наукамъ словеснымъ, но и въ этихъ послѣднихъ совершено имъ многое, что сдѣлало имя его незабвеннымъ и съ давняго времени заслужило ему имя «отца россійской словесности»: онъ дѣйствовалъ на ихъ пользу теоретически и практически — учеными сочиненіями и литературными образцами. Поэтому новый періодъ русской словесности собственно начинается съ Ломоносова, ибо въ искусствѣ недостаточно одной доктрины, хотя бы она отличалась полною истинностью: нужно оправлять ее примѣрами, которые дали бы не только знать, но и почувствовать читателю, что новое дѣйствительно лучше прежняго. Предшественники Ломоносова не имѣли для этого достаточныхъ средствъ.

Литературная дѣятельность Ломоносова выразилась въ его стихотвореніяхъ и двухъ похвальныхъ словахъ: Петру I и Елисаветѣ. Онъ писалъ во всѣхъ родахъ стихотворства: лирическомъ, эпическомъ и драматическомъ, но преимущественно извѣстенъ, какъ авторъ одъ. Характеръ его лирики, равно какъ двухъ трагедій: «Тамира и Селимъ» и «Демофонтъ» и двухъ пѣсенъ поэмы «Петръ Великій»—ложноклассическій, надолго имъ укрѣпленный за нашей поэзіей.

Ложный классицизмъ (псевдоклассицизмъ), названный такъ въ отличіе отъ истиннаго, античнаго (греко-римскаго) классицизма, называется еще иногда классицизмомъ «французскимъ», по высшему, блистательному его развитію во Франціи, откуда онъ проникъ и въ другія страны, такъ что литература каждой изъ нихъ болѣе или менѣе долгое время состояла подъ его вліяніемъ. Онъ появился у французовъ въ эпоху возрожденія, со второй половины XVI в., какъ результатъ знакомства съ наукой и литературой древнихъ народовъ, въ особенности грековъ. Ихъ поэтическія творенія, по своему художественному совершенству, поставлены были за образецъ и для поэтическаго творчества новаго, христіанскаго міра. Памятники собственной, національной литературы были отвергнуты

и забыты, какъ грубыя произведенія среднихъ вѣковъ, недостойныя подражанія. Но при этомъ увлеченіи образцами чуждой поэзіи, остался нерѣшеннымъ вопросъ: что значитъ подражать въ искусствѣ? Подражать поэзіи древнихъ значитъ заимствовать изъ нея общечеловѣческія понятія и чувства, а не то, что̀ въ древности было исключительно національнымъ и что не допускаетъ никакого соглашенія съ духомъ ново-христіанскихъ народовъ. Этотъ общечеловѣческій элементъ, нашедшій себѣ художественное выраженіе въ твореніяхъ древности, соотвѣтственно умственному и нравственному состоянію того времени и характеру національности, можетъ восприниматься и обрабатываться новымъ художникомъ, но уже по требованіямъ своего времени, согласно съ характеромъ своего народа, съ воззрѣніями христіанскаго міра, отличными отъ воззрѣній міра языческаго. Матеріалъ—одинъ и тотъ же, но представленіе его выйдетъ иное. Не въ такомъ смыслѣ было понято въ XVI в. подражаніе древнимъ. Оно состояло, такъ сказать, въ буквальномъ перенесеніи поэтическаго достоянія грековъ и римлянъ въ поэзію новыхъ народовъ. Слова Буало о Ронсарѣ († 1585), главномъ дѣятелѣ при образованіи псевдоклассицизма, что «муза его говорила на французскомъ языкѣ по-гречески и по-латыни», характеризуетъ не только языкъ подражательныхъ произведеній XVI-го столѣтія, въ который вводились греческія и латинскія слова, но и весь строй ихъ: содержаніе новаго міра облекалось въ античную форму, или на оборотъ античный сюжетъ являлся въ новой формѣ. Такимъ образомъ возникло, развилось и утвердилось насильственное сочетаніе разнокачественныхъ предметовъ, что и послужило причиной неправдоподобныхъ изображеній дѣйствительности, которая являлась не въ настоящемъ своемъ видѣ, освѣщалась ложнымъ свѣтомъ, проникалась несвойственнымъ ей духомъ. Поэзія не была уже воспроизведеніемъ жизни, потому что теряла главную свою основу—истинность.

Образецъ похвальной лирики псевдоклассики взяли у Пиндара и перенесли изъ его одъ поэтическій матеріалъ въ свои произведенія того же рода. Главной статьей этого матеріала была миѳологія. Что для древнихъ составляло систему религіозныхъ вѣрованій и представленій, то для стихотворцевъ христіанскаго міра обратилось въ безжизненный, механическій приборъ, который они и употребляли въ дѣло безъ всякаго сочувственнаго отношенія къ богамъ и богинямъ, не вѣруя въ ихъ существованіе, а часто и не понимая ихъ значенія. Если бы они пользовались этимъ миѳологическимъ элементомъ, какъ простымъ сравненіемъ, введеннымъ для бо̀льшей наглядности и понятнымъ каждому образован-

ному человѣку, умѣстность его не подлежала бы сомнѣнію. Такъ Пушкинъ, описавъ наводненіе 1824 г. (въ Петербургѣ), прибавилъ:

И всплылъ Петрополь, *какъ Тритонъ*,
По поясъ въ воду погруженъ.

Но въ слѣдующей строфѣ оды Ломоносова Елисаветѣ (1747 г.):

И се Минерва ударяетъ
Въ верхи Рифейски копіемъ,
Сребро и злато истекаетъ
Во всемъ наслѣдіи твоемъ.
Плутонъ (1) въ разсѣлинахъ мятется,
Что Россамъ въ руки предается
Драгой его металлъ изъ горъ,
Который тамъ натура скрыла;
Отъ блеску дневнаго свѣтила
Онъ мрачный отвращаетъ взоръ.

языческія божества выступаютъ уже съ своими аттрибутами и чудодѣйственными силами, которыхъ за ними не признаетъ ни самъ авторъ, ни читатели и которыя поэтому служатъ только безжизненной прикрасой, доказывая неискренность одушевленія. Подобное тому находится и въ благодарственной одѣ Елисаветѣ (1750): нимфа (олицетвореніе рѣки Славянки) въ девяти строфахъ разсказываетъ Невѣ о преобразованіи Царскаго Села, объ украшеніи его садами и разными произведеніями искусствъ. Ода есть лирика сильнаго одушевленія, возбуждаемаго великими міровыми силами и явленіями. Восторженное чувство выражается образами, въ которыхъ поэтъ видитъ соотвѣтствіе съ предметомъ, его произведшимъ. Заимствуются эти образы изъ окружающей поэта дѣйствительности, который при ихъ выборѣ руководствуется современнымъ ему понятіемъ о томъ, что̀ истинно велико. Мѣриломъ истиннаго величія не могутъ служить миѳологическіе образы, ничего намъ не говорящіе и ничего не внушающіе. У Пиндара миѳъ составлялъ часть сюжета. Легендарные разсказы находились въ исторической связи съ темою стихотворенія: они напоминали героевъ, бывшихъ главою семьи побѣдителя или главою государства, къ которому онъ принадлежалъ. При томъ, во времена Пиндара, греки питали живую вѣру въ героическій міръ, да и самъ поэтъ твердо держался своихъ религіозныхъ воззрѣній.

Свойства пиндарической оды, какъ разумѣла ея французская піитика, изложены Буало въ «Наукѣ о стихотворствѣ» и въ «Разсужденіи объ одѣ». Это изложеніе въ послѣдствіи было развито

---

[1]) По ошибкѣ вм. Плутуса, бога богатства.

подробнѣе. Теоретики хотѣли начертать точный путь изліянію одушевленнаго чувства: опредѣлили, изъ сколькихъ частей должна состоять ода, съ чего ее начинать, чѣмъ оканчивать. Ей слѣдовало имѣть приступъ, предложеніе, отступленіе, пареніе, названное «лирическимъ безпорядкомъ». Ученіе о послѣднемъ всего больше доказываетъ, что сущность оды не была понята настоящимъ образомъ. Въ одѣ господствуетъ сила одушевленія и смѣлый полетъ фантазіи, которая не рисуетъ образы съ эпическою отчетливостью, а переходитъ отъ одного изъ нихъ къ другому; эти переходы или скачки представляютъ только кажущійся безпорядокъ, на самомъ же дѣлѣ они подчиняются единству вдохновенной мысли. Ошибка псевдоклассическихъ одъ въ томъ и заключалась, что вмѣсто этого подчиненія являлись у нихъ намѣренные разрывы содержанія, что переходы отъ одного образа къ другому — искуственные, а не естественные сообразно развитію чувства — обозначались большею частію фигурами вопрошенія и восклицанія: «но что я зрю?» «какое зрѣлище предстало!» и т. п. Короче, являлась риторическая величавость или напыщенность вмѣсто поэтическаго одушевленія.

Но если, принадлежа по формѣ къ ложноклассическому направленію лирики, похвальныя оды Ломоносова не были одобрены Пушкинымъ, который назвалъ ихъ «утомительными и надутыми», то по жизненному своему содержанію онѣ представляютъ несомнѣнно большія достоинства. Этимъ содержаніемъ неизмѣнно служатъ тѣ мысли и желанія автора, объ исполненіи которыхъ онъ всю жизнь мечталъ и заботился. Существенный интересъ для него—наука; задушевная дума его—насажденіе и развитіе наукъ въ отечествѣ. Въ своихъ одахъ онъ всего болѣе раскрываетъ пользу просвѣщенія для Россіи и восхваляетъ тѣ лица, которымъ оно одолжено своимъ успѣхомъ. Петръ I, Елисавета и наука — таковы постоянные предметы ихъ похвалъ: Петръ I потому, что положилъ начало русскому просвѣщенію; Елисавета потому, что продолжаетъ дѣло, начатое Петромъ, но задержанное при Петрѣ II и Аннѣ Іоанновнѣ; наука потому, что она даетъ средства къ внѣшнему и внутреннему благосостоянію страны, къ раскрытію природныхъ дарованій русскаго народа, способнаго производить такихъ же ученыхъ, какихъ вызываетъ къ себѣ изъ чужихъ странъ. Всѣ три предмета (Петръ I, Елисавета и наука) нераздѣльны въ умственномъ представленіи лирика: нераздѣльно и стихотворное ихъ чествованіе. Ода 1747 г., начинающаяся описаніемъ «тишины, ограды царей и царствъ», изображаетъ благодатныя слѣдствія мира, какъ питателя наукъ; она высказываетъ желаніе, чтобы науки изслѣдовали наше обшир-

ное отечество, богатое произведеніями всякаго рода, и дали ему способы найти у себя все, что получается изъ отдаленныхъ странъ. Ода 1750 г. (благодарственная за награду, полученную Ломоносовымъ отъ императрицы) также раскрываетъ пользу наукъ для Россіи: механики, химіи, метеорологіи. Въ нихъ говоритъ искреннее чувство ученаго, не затемняемое покушеніемъ на лесть. Похвалы Петру и его дочери воздаются за ихъ дѣятельность на пользу науки. Величіе Петра есть для Ломоносова величіе образователя Россіи: «онъ просвѣтилъ насъ и сталъ великъ черезъ науки»; слава Елисаветы есть слава государыни, продолжающей дѣло образованія.

Духовныя оды Ломоносова почерпали свое содержаніе или изъ библейскихъ книгъ или изъ области естествознанія. Сюда относятся: переложеніе псалмовъ и нѣкоторыхъ мѣстъ изъ книги Іова, два Размышленія (утреннее и вечернее) о Божіемъ величествѣ. Въ нихъ есть превосходныя мѣста, свидѣтельствующія о силѣ чувства и воображенія. Но эти мѣста внушены научными изслѣдованіями, суть плодъ сознательнаго одушевленія тѣми истинами, которыя добываетъ пытливый умъ. Въ ученомъ сказывается поэтъ, и на оборотъ: поэтъ обличаетъ въ себѣ ученаго. «Размышленіе о Божіемъ величествѣ по случаю сѣвернаго сіянія» есть лучшая ода Ломоносова потому, что въ ней поэтическія представленія имѣли своей основой естествознаніе; величіе Творца сознано посредствомъ научнаго знакомства съ величіемъ природы, какъ Его творенія. Связь между натуралистомъ и поэтомъ въ лицѣ Ломоносова видна еще изъ того, что въ «Словѣ о явленіяхъ воздушныхъ, отъ электричества происходящихъ», онъ ссылается на «Вечернее размышленіе», какъ на доказательство, что мнѣніе о сѣверномъ сіяніи уже давно было имъ составлено. Да и самое названіе оды «Размышленіемъ» даетъ знать, что картина сѣвернаго сіянія, равно какъ и чувства ею возбужденныя, имѣли своимъ источникомъ научное знаніе. Первая строфа «Размышленія» описываетъ наступившую ночь, въ которой всего болѣе изумляетъ стихотворца звѣздное небо: мысль его цѣпенѣетъ и теряется отъ безчисленности звѣздъ, отъ небесной бездны, не имѣющей дна (2-ая строфа). Что такое эти звѣзды? какъ думаютъ о томъ премудрые (ученые)? Каждая звѣзда есть солнце, образующее съ своей системой (планетами и ихъ спутниками) особый міръ; въ этомъ мірѣ живутъ народы, совершается теченіе времени (кругъ вѣковъ); одни и тѣже законы управляютъ однимъ и тѣмъже естествомъ:

Для общей славы Божества
Тамъ равна сила естества.

Отъ мірозданія Ломоносовъ переходитъ къ отдѣльному явленію, видя въ немъ какъ бы нарушеніе неизмѣннаго міроваго строя:

Но гдѣ жъ, натура, твой законъ?
Съ полночныхъ странъ встаетъ заря (1)!
Не солнце ль ставитъ тамъ свой тронъ?
Не льдисты ль мещутъ огнь моря?
Се хладный пламень насъ покрылъ!
Се въ нощь на землю день вступилъ!

Любознательный авторъ снова обращается къ ученымъ, знающимъ «пути всѣхъ планетъ», и проситъ ихъ объяснить происхожденіе сѣвернаго сіянія (5 стр.), а въ слѣдующихъ за тѣмъ двухъ строфахъ (6 и 7) исчисляетъ существовавшія въ то время гипотезы о причинѣ этого явленія, которое поражало автора еще въ дѣтствѣ и изслѣдованіемъ котораго занимался онъ потомъ, какъ ученый. Послѣдняя строфа (8-ая) заключается мыслью, указанною въ заглавіи стихотворенія—мыслью о величествѣ Божіемъ, явленномъ въ твореніяхъ.

Изъ другихъ стихотвореній Ломоносова, «Посланіе къ Шувалову о пользѣ стекла (1752)» цѣнилось какъ очень хорошій образецъ такъ называемой дидактической поэзіи. Въ немъ замѣчательно выраженіе глубокой любви къ знанію вообще, къ познанію природы въ частности. Природа, по словамъ автора, была для него матерью. Естественныя науки плѣняли его, независимо отъ пользы и самостоятельнаго значенія, своею поэтическою стороною. Грозные и величественные предметы видимаго міра: громъ, огонь, происхожденіе свѣта, зарожденіе металловъ въ нѣдрахъ земли и т. п. обращаютъ на себя особенное вниманіе его пытливаго ума. Кромѣ того, «Посланіе» изображаетъ алчность, свирѣпость и фанатизмъ испанцевъ при завоеваніи Перу и Мексики, и кромѣ того разъясняетъ понятіе объ отношеніяхъ науки къ религіи, въ отпоръ безсмысленнымъ толкамъ лицемѣровъ и слабоумныхъ:

Вели всегдашню брань съ наукой *лицемѣры*:
Дабы она, открывъ величество небесъ
И разность дивную невѣдомыхъ чудесъ,
Не показала всѣмъ, что непостижна сила
Единаго Творца весь міръ сей сотворила;
Что Марсъ, Нептунъ, Зевесъ, все сонмище боговъ
Не стоятъ тучныхъ жертвъ, ниже подъ жертву дровъ;

---

[1]) Сѣверное сіяніе—aurora borealis (сѣверная, иначе полночная, заря).

Что агнцевъ и воловъ жрецы ѣдятъ напрасно....
Сіе одно, сіе казалось быть опасно:
Оттолѣ землю всѣ считали посредѣ (1).

. . . . . .

Что можетъ смертнымъ быть ужаснѣе удара,
Съ которымъ молнія изъ облакъ блещетъ яра?
Услышавъ въ темнотѣ внезапный трескъ и шумъ
И видя быстрый блескъ, мятется *слабый умъ*;
Отъ гнѣвнаго часа желаетъ гдѣ бъ укрыться;
Причины онаго изслѣдовать страшится;
Дабы истолковать, что̀ молнія и громъ,
Такія мысли всѣ считаетъ онъ грѣхомъ.
На бичъ, онъ говоритъ, я посмотрѣть не смѣю,
Когда грозитъ Отецъ намъ яростью своею.—
Но какъ Онъ насъ казнитъ, поднявъ въ пучинѣ валъ,
То грѣхъ ли то сказать, что вѣтромъ онъ нагналъ?
Когда въ Египтѣ хлѣбъ довольный не родился,
То грѣхъ ли то сказать, что Нилъ тамъ не разлился?
Подобно надлежитъ о громѣ разсуждать.

Испытаніе природы, напротивъ, ведетъ человѣка къ познанію всемогущества Божія и въ великомъ и маломъ, что и выражено слѣдующими двумя стихами эпистолы:

Великъ Создатель нашъ въ огромности чудесной!
Великъ въ строеніи червей—скудели тѣсной!

Отношеніе религіи къ наукѣ опредѣленнѣе изложено въ «Словѣ о происхожденіи свѣта» слѣдующими словами: «испытаніе натуры трудно, однако *пріятно*, *полезно*, *свято*».

а) Прежде всего Ломоносовъ заботился о примѣненіи науки къ потребностямъ матеріальнаго быта: «испытаніе природы полезно». Знаніе, отрѣшенное отъ жизни, не удовлетворяло его: онъ хотѣлъ, чтобы наука была не отвлеченностью, а орудіемъ несомнѣнныхъ выгодъ. Практическая сторона его дѣятельности выразилась многими сочиненіями, которыя онъ предлагалъ, какъ средства къ возвышенію народнаго благосостоянія — къ сохраненію здоровья и жизни, къ обезпеченію прибытковъ, къ обильнѣйшему добыванію нужныхъ вещей. Важнѣйшее изъ этихъ сочиненій—«Письмо къ И. И. Шувалову о размноженіи и сохраненіи россійскаго народа». Ломоносовъ завелъ фабрику для дѣланія разноцвѣтныхъ стеколъ; самъ занимался мозаикой и образованіемъ мастеровъ мозаичной работы, самъ вызвался учить молодыхъ людей пробирному искус-

1) Т. е. не хотѣли признать, что солнце есть центръ, вокругъ котораго обращаются земля и другія планеты.

ству. Посвящая свое время ученымъ изслѣдованіямъ, какъ дѣятельный академикъ, онъ въ тоже время подаетъ мнѣнія о лучшемъ устройствѣ академіи; читая лекціи, какъ профессоръ, пишетъ проэктъ основанія университета; выбранный въ члены академіи художествъ, произноситъ рѣчь о связи между искусствомъ и наукой, о приложеніи науки къ искусству. Въ этомъ утилитарномъ взглядѣ на знанія видимъ естественное продолженіе того же взгляда, который образовался въ эпоху реформы. Кромѣ того, съ малолѣтства привыкшій къ дѣятельности, Ломоносовъ, и въ ученомъ санѣ, требовалъ сближенія науки съ жизнію. Самый родъ его занятій укрѣплялъ практическое направленіе учености: естественныя науки не мыслимы безъ опытовъ и наблюденій; онѣ имѣютъ дѣло съ тою областью предметовъ, которая подлежитъ внѣшнимъ чувствамъ, и потому не допускаютъ чисто-отвлеченнаго, созерцательнаго направленія. Выставляя важность науки для улучшеній матеріальнаго быта, Ломоносовъ, подобно Кантемиру, опровергалъ противное тому мнѣніе; но разница между нимъ и Кантемиромъ, въ этомъ отношеніи, значительна: послѣдній только-что «показывалъ» пользу знаній, тогда какъ Ломоносовъ «доказывалъ ее на дѣлѣ»— предложеніемъ самыхъ средствъ обратить умственное достояніе въ вещественный капиталъ и употребленіемъ ихъ на дѣлѣ. Онъ не скрывалъ подъ спудомъ ничего, что могло служить потребностямъ общества. Патріотическое усердіе заставляло его предпринимать труды, которые казались безплодными въ настоящемъ, но отъ которыхъ онъ ожидалъ успѣховъ въ будущемъ, «слѣдуя примѣру рудоискателей, которые иногда безъ всякой вѣроятности сладкою надеждою питаются, и не всегда же тщетно».

б) Кромѣ пользы, Ломоносовъ ставилъ высоко самостоятельное значеніе науки: «испытаніе природы пріятно». Красота знаній въ ихъ собственной сферѣ, независимо отъ практическаго примѣненія, служила для него веселіемъ ума, душевнымъ наслажденіемъ. «Слово о пользѣ химіи» кратко, но ясно выражаетъ это понятіе о наукѣ, какъ о такомъ предметѣ, котораго цѣль заключается въ немъ самомъ, это блаженство ума, которое онъ испытываетъ, находя пищу своимъ любознательнымъ стремленіямъ, и котораго не должно смѣшивать съ другими житейскими благами, доставляемыми знаніемъ.

в) Отношеніе науки къ религіи выражено словами: «испытаніе природы свято». Мысли Ломоносова объ этомъ предметѣ изложены по поводу его наблюденій надъ прохожденіемъ Венеры передъ солнцемъ въ 1761 г. Краткій отчетъ о наблюденіяхъ сопровождается «Прибавленіемъ», написаннымъ съ цѣлію разсѣять возникшіе тогда

суевѣрные толки, вредные общему спокойствію и неблагопріятные наукѣ. Съ одной стороны легковѣрныя, непросвѣщенныя ученіемъ головы смущались пустымъ страхомъ; съ другой—грамотники осуждали занятія астрономіей, находя ихъ противными закону Божію. Ломоносовъ умалчиваетъ о первомъ разрядѣ лицъ, такъ какъ они принадлежали больше къ простонародію; но второй разрядъ состоялъ «изъ чтецовъ писанія и ревнителей православія, которое святое дѣло само по себѣ похвально, если бы иногда своимъ излишествомъ не мѣшало приращенію наукъ»: ихъ-то и имѣетъ въ виду «Прибавленіе», содержаніе котораго дополняется мыслями, разсѣянными во «Второмъ прибавленіи къ Металлургіи» и въ «Посланіи о пользѣ стекла».—Отдаленная причина мнѣнія, по которому испытаніе природы, какъ тайны Божіей, долженствовало быть запрещаемо, восходитъ къ схоластическимъ средневѣковымъ понятіямъ, когда въ изученіи естества видѣли колдовство, чернокнижіе, сношеніе съ бѣсомъ. Намъ извѣстно, что Крижаничъ, не смотря на свое образованіе, относилъ естественныя науки къ «дьявольскимъ ересямъ». Нѣкоторыя открытія, представлявшія противорѣчіе буквальному смыслу библейскихъ книгъ, бросали тѣнь на естествоиспытателей. Мнимое несогласіе между вѣрованіемъ и знаніемъ давало поводъ совершенно отвергать послѣднее, какъ тяжкій грѣхъ. Средневѣковой взглядъ на природу не исчезъ и при Ломоносовѣ, хотя Петръ I старался искоренять всякое суевѣрное предубѣжденіе, которымъ задерживается успѣхъ науки, и хотя еще до реформы Петра въ литературѣ югозападной Руси существовали переводы такихъ книгъ, какова, напр., «Священная ѳеорія земли», Бюрнета, представившая даже опытъ толковать библейскую исторію помощію естествознанія. Ломоносовъ рѣшился съ своей стороны разъяснить взаимное отношеніе науки и религіи. Онъ видитъ тѣсную ихъ связь, тогда какъ другіе полагали между ними вражду. Чѣмъ больше разумъ постигаетъ природу, говоритъ онъ, тѣмъ яснѣе открываетъ всемогущество, величіе и премудрость Мироздателя. Правда (истина) и вѣра суть двѣ родныя сестры, дщери одного всевышняго Родителя, которыя никогда не могутъ приходить въ распрю другъ съ другомъ. Благоразумные обязаны изыскивать способы къ объясненію и отвращенію мнимой вражды между ними, кажущагося междоусобія. Тѣ, кто откровенія естественныхъ наукъ почитаетъ соблазномъ для вѣры, называются, на энергическомъ языкѣ Ломоносова, «ссорщиками, производящими вражду между Божіею дщерію—натурою и невѣстою Христовою—церковью», «полкомъ свирѣпыхъ невѣждъ, которые желали бы приготовить ученымъ казнь Прометея»; «за-

вистниками, прикрывающими себя покровомъ святости», «суевѣрами и слабоумными, боящимися вникать въ таинства природы». Природа служитъ однимъ изъ двухъ способовъ удостовѣряться въ бытіи Бога и Его благодѣяніяхъ; другой способъ—откровеніе. Человѣческому роду, продолжаетъ Ломоносовъ, даны двѣ книги: въ одной Создатель показалъ свое величество, въ другой—свою волю. Первая книга—видимый міръ, Имъ созданный: смотря на огромность, красоту и стройность твореній, человѣкъ признаетъ божественное всемогущество. Вторая книга—Священное Писаніе, возвѣщающее путь ко спасенію. Тамъ физики, математики и астрономы изъясняютъ божественныя дѣйствія, вліянныя въ натуру; здѣсь церковные учители толкуютъ слова богодухновенныхъ пророковъ и апостоловъ. Тамъ открывается храмъ божеской силы и великолѣпія, изыскиваются способы къ временному нашему блаженству, соединенному съ благоговѣніемъ и благодарностью ко Всевышнему; здѣсь указуется путь къ добродѣтели, представляется награда праведнымъ, наказаніе законопреступнымъ, счастіе жизни, согласной съ Божьею волей. Сущность этихъ разсужденій сводится къ двумъ главнымъ мыслямъ. Первая показываетъ равночинное отношеніе науки и религіи. У каждаго изъ этихъ двухъ предметовъ есть особенная область и особенные способы дѣйствія. Вводить науку въ предѣлы непосредственнаго вѣрованія, и наоборотъ—значитъ не понимать ни того, ни другаго: «не разсудителенъ математикъ, ежели онъ хочетъ Божескую волю вымѣрять циркулемъ; таковъ же богословіи учитель, если онъ думаетъ, что по псалтири можно научить астрономіи или химіи». Такимъ взглядомъ признана самостоятельность знанія: Ломоносовъ отрѣшилъ философію отъ ея служенія догматикѣ, на которое она была обречена схоластицизмомъ. Вторая мысль относится къ родственному союзу двухъ равночинныхъ предметовъ: «истина и вѣра—дщери одного всевышняго Родителя». При всемъ различіи способовъ, цѣль, ими достигаемая, одна и таже: удостовѣреніе въ бытіи Бога, раскрытіе его всемогущества, премудрости и благости. Дѣйствительныхъ противорѣчій между откровеніемъ вѣры и свидѣтельствомъ науки нѣтъ и быть не можетъ. Если «достойны посмѣянія тѣ люди, которые, подобно инымъ католическимъ философамъ, дерзаютъ по физикѣ изъяснять непонятныя чудеса Божіи и самыя страшныя христіанскія тайны», то не менѣе смѣшна и другая крайность—«почитать открытія естественныхъ наукъ противными христіанскому закону». Ученые должны подражать «богомудрому святителю и глубокому философу Василію Великому, показавшему довольные примѣры, какъ содружать спорныя по-видимому со Свя-

щеннымъ Писаніемъ натуральныя правды». Здѣсь Ломоносовъ является ученикомъ Христіана Вольфа, который былъ послѣдователь Лейбница, развившій и приведшій въ систему его философское ученіе. Но одинъ изъ главнѣйшихъ пунктовъ этого ученія состоялъ въ единствѣ знанія и вѣры. Безъ сомнѣнія, Вольфъ на своихъ лекціяхъ часто касался предмета, близкаго ему по отношенію къ началамъ Лейбницевой философіи, которая нашла въ немъ своего толковника.

Въ двухъ пѣсняхъ неконченной поэмы «Петръ Великій» (1760), Ломоносовъ слѣдовалъ Виргилію и въ планѣ, и въ частностяхъ. Первая пѣснь есть сокращенное подражаніе первымъ двумъ пѣснямъ: подобно Энею, Петръ I претерпѣваетъ бурю; какъ Эней разсказываетъ Дидонѣ о разореніи Трои, такъ русскій царь разсказываетъ настоятелю Соловецкаго монастыря о стрѣлецкихъ бунтахъ. Двѣ трагедіи «Демофонтъ» (1750) и «Тамира и Селимъ» (1751) написаны не по свободному побужденію, а по желанію Шувалова. Онѣ холодны, бѣдны дѣйствіемъ и характерами, что зависѣло отъ недостатка драматическаго таланта въ авторѣ. Преобладающій въ нихъ элементъ—эпическій и лучшія мѣста принадлежатъ или къ описаніямъ или къ разсказамъ.

Похвальныя слова Ломоносова Елисаветѣ (1747) и Петру Великому (1755) относятся къ псевдоклассическому краснорѣчію. Они написаны по правиламъ схоластической риторики, въ тѣхъ формахъ, которыя были ею установлены, какъ пригодныя для всякихъ восхваляемыхъ предметовъ, и при помощи тѣхъ средствъ, какія она предлагала оратору на всевозможныя похвалы. Построенное по такой системѣ слово всегда выходило произведеніемъ искуственнаго, условнаго ораторства: вмѣсто одушевленнаго краснорѣчія являлась холодная декламація, вмѣсто искренней страсти—риторическій паѳосъ. Декламаторскій духъ господствуетъ и въ словахъ Ломоносова, особенно въ первомъ (Елисаветѣ), котораго постройка чисто схоластическая. Задачею этого слова долженствовало быть восхваленіе дѣяній Императрицы, а различные виды ея дѣятельности долженствовали служить основой для дѣленія слова на части. Вмѣсто того Ломоносовъ прославляетъ семь добродѣтелей Елисаветы: благочестіе, мужество, великодушіе, мудрость, человѣколюбіе, милосердіе и щедрость, а въ заключеніи выражаетъ желаніе, чтобы она украшалась этими добродѣтелями, какъ великими дарами Вышняго. Задача и постройка слова напоминаютъ подобный трудъ братьевъ Перекрестовыхъ: «Дары Духа Святаго (1688)», т. е. описаніе семи добродѣтелей царевны Софіи: мудрости, разума, совѣта, крѣпости, благочестія, видѣнія въ законѣ Господнемъ, страха

Божія. Похвальное слово Петру состоитъ изъ трехъ частей: въ первой изображены важнѣйшія дѣла преобразователя, во второй—препятствія, имъ преодолѣнныя, въ третьей—добродѣтели, которыя были ему необходимы для совершенія великихъ подвиговъ. Хотя оно также несвободно отъ декламаторства, но нѣкоторыя мѣста его выражаютъ искреннее чувство. Таково, напримѣръ, мѣсто, въ которомъ говорится о неутомимой и многосторонней дѣятельности Петра:

Я въ полѣ межъ огнемъ; я въ судныхъ засѣданіяхъ межъ трудными разсужденіями; я въ разныхъ художествахъ между многоразличными махинами; я при строеніи городовъ, пристаней, каналовъ, между безчисленнымъ народа множествомъ; я межъ стенаніемъ валовъ Бѣлаго, Чернаго, Балтійскаго, Каспійскаго моря и самого Океана духомъ обращаюсь: вездѣ Петра Великаго вижу, въ потѣ, въ пыли, въ дыму, въ пламени; и не могу самъ себя увѣрить, что одинъ вездѣ Петръ, но многіе; и не краткая жизнь, но лѣтъ тысяча.

Что же касается до другаго мѣста (уподобленія Петра Богу), которое считалось образцовымъ, то оно страдаетъ несообразностью. Ломоносовъ заимствовалъ его изъ Плиніева панегирика Траяну, вообще оказавшаго значительное вліяніе на похвальное слово Петру. Но естественное и понятное въ устахъ римскаго панегириста становится фальшивымъ въ устахъ панегириста русскаго. Римляне причисляли своихъ великихъ людей, даже при ихъ жизни, къ богамъ и ставили ихъ изображенія въ храмахъ; христіанство не допускаетъ такого обожествленія человѣка. Языкъ обоихъ похвальныхъ словъ исполненъ славянизмами; рѣчь, по преимуществу періодическая, построена на образецъ латинскихъ ораторскихъ словъ. То и другое сообщило панегирикамъ искусственную величавость, которая не можетъ замѣнить естественнаго, истиннаго краснорѣчія. Эта искусственность и была причиною отзыва Пушкина о Ломоносовѣ, какъ стихотворцѣ и прозаикѣ: «Ломоносовъ», говоритъ онъ, «не поэтъ, вдохновенный свыше, не ораторъ, мощно увлекающій. Однообразныя и стѣснительныя формы, въ кои онъ отливалъ свои мысли, даютъ его прозѣ ходъ утомительный и тяжелый».

Историческое значеніе похвальныхъ одъ и словъ Ломоносова состоитъ въ ихъ отношеніи къ современной эпохѣ. Оно дало Ломоносову имя «пѣвца Елисаветы». Воцареніе этой императрицы было для Русскихъ «воздвиженіемъ Петрова племени», незаконно устраненнаго отъ престолонаслѣдія. На время отъ смерти Петра II до паденія Анны Леопольдовны они смотрѣли какъ на печальный историческій эпизодъ, какъ на чужеземное господство, недоброжелательное

отечеству. Цѣлое дѣсятилѣтіе, по словамъ ихъ, Россія пребывала «въ школѣ неблагополучія», наказанная, за грѣхи свои, многими бѣдами. Вмѣстѣ съ истинной наслѣдницей престола, жившей подъ строгимъ надзоромъ, точно въ опалѣ, терпѣли и подданные «отъ хищныхъ совъ и нетопырей, сидѣвшихъ въ гнѣздѣ орла россійскаго и мысливших злое государству». Но Елисавета положила конецъ частымъ и вреднымъ перемѣнамъ: вступивъ на престолъ, она одержала побѣду надъ врагами, освободила отечество отъ чужихъ рукъ—отъ оковъ, наложенныхъ на него Биромомъ, Остерманомъ, Минихомъ и ихъ «снуздниками и эмиссаріями». По мнѣнію лицъ, оффиціально слѣдившихъ за ходомъ событій, съ ея времени наступила новая эра, которая обнаружилась и внутри Россіи и въ ея внѣшней политикѣ особыми явленіями. Во внутреннемъ управленіи, которое собственно нужно для нашего предмета, новый порядокъ обозначился паденіемъ иностранцевъ: одни изъ нихъ лишились мѣстъ; другіе, кромѣ того, потерпѣли строгія наказанія. «Петръ I», разсуждали тогда, «пользовался ихъ службою съ цѣлію даровать просвѣщеніе своимъ подданнымъ, приготовить Русскихъ для всѣхъ родовъ служебной дѣятельности. Но при его преемникахъ, особенно при Аннѣ Іоанновнѣ, эта цѣль была упущена изъ виду и самая память о преобразователѣ неблагодарно предана забвенію: чужеземные люди заняли важнѣйшія административныя мѣста и пользовались особымъ покровительствомъ, а на Русскихъ мало обращали вниманія, даже явно пренебрегали ими». Перевѣсъ нѣмецкой партіи, при дворѣ и въ администраціи, оскорблялъ народную гордость. Съ Елисаветой отношеніе партій измѣнилось: торжество перешло на сторону людей русскихъ—Бестужева-Рюмина, Воронцова, Шуваловыхъ, Разумовскихъ. Съ этимъ вмѣстѣ и низшія степени администраціи раздаваемы были преимущественно Русскимъ. Предметы Петровой дѣятельности становятся обязательными и для правительства Елисаветы. Въ разныхъ актахъ его видно постоянное намѣреніе выдвинуть впередъ «природныхъ Русскихъ». Новый регламентъ Академіи Наукъ (1747) требуетъ, чтобы впредь академія состояла «изъ природныхъ русскихъ ученыхъ», чтобы «во всѣхъ состояніяхъ, какъ военномъ, такъ и гражданскомъ, внутри и внѣ государства, образованы были ученые русскіе». Медицинская канцелярія положила тѣмъ изъ русскихъ лѣкарей, которые, обучась хирургіи и фармаціи, оказываютъ успѣхи на службѣ, не только производить награды, но «всегда предъ чужестранными чинить преимущество къ наилучшему одобренію». Въ одномъ письмѣ къ Гельвецію (отъ 27 іюля 1761 г.), И. И. Шуваловъ сѣтовалъ на правительство Анны

за его бездѣйствіе касательно народнаго образованія: «первыя мѣста въ государствѣ были заняты иностранцами, которые не радѣли о распространеніи наукъ и искусствъ въ странѣ имъ чуждой; ихъ намѣренія не позволяли имъ мыслить и дѣйствовать съ ревностью патріотовъ. Такая небрежность остановила успѣхи просвѣщенія; ревность къ ученію совершенно была погашена во многихъ изъ моихъ соотечественниковъ».

Внѣшнія и внутреннія перемѣны, произведенныя воцареніемъ Елисаветы, не только были объясняемы депешами иностранныхъ посланниковъ, но и нашли выраженіе въ литературѣ. Сильнѣе и откровеннѣе другихъ возвысило голосъ духовенство, имѣвшее много причинъ, общихъ и личныхъ, столько же ликовать при новомъ царствованіи, сколько сѣтовать на прежнее время. Проповѣди сороковыхъ годовъ (1741—51) достойны двоякаго вниманія: какъ историческій документъ и какъ литературныя произведенія. Восхваляя монархиню за благочестіе, за освобожденіе Россіи «отъ враговъ внутреннихъ и сокровенныхъ», т. е. отъ нѣмецкой партіи, онѣ съ тѣмъ вмѣстѣ воспоминаютъ замыслы протестантизма и скорбь, нанесенную имъ православію и его служителямъ. «Нынѣ совершилось наше спасеніе!» говоритъ одна изъ рѣчей на коронованіе Елисаветы: «низложенъ сатана и всѣ его аггелы!... Ты принесла намъ въ гостинецъ истинную, православную, каѳолическую церковь!» Общія причины недовольства церкви указаны Димитріемъ Сѣченовымъ († 1767), митрополитомъ новгородскимъ, въ словѣ въ день Благовѣщенія (1742): «было то неблагополучное время, когда враги наши до того вознесли свою главу, что дерзнули порочить догматы святой вѣры, догматы христіанскіе, отъ которыхъ вѣчное спасеніе зависитъ: Ходатайницу спасенія нашего на помощь не призывали и заступленія ея не требовали; святыхъ угодниковъ Божіихъ не почитали; иконамъ святымъ не кланялись; знаменемъ креста святаго гнушались; преданія апостоловъ и святыхъ отцевъ отвергали; добрыя дѣла, которыми снискивается вѣчная мзда, отметали; въ святые посты пожирали мясо, а объ умерщвленіи плоти и слышать не хотѣли; надъ поминовеніемъ усопшихъ смѣялись; существованію геенны не вѣрили». Короче: это тѣ самые догматы, о которыхъ разсуждаетъ Камень Вѣры, обличавшій лютеранъ. Отсюда понятно, почему запрещеніе книги Яворскаго при Биронѣ и судъ надъ Ѳеофилактомъ Лопатинскимъ, разрѣшившимъ ея изданіе, были важнѣйшимъ обвинительнымъ пунктомъ противъ тѣхъ людей, которые держали въ рукахъ власть при Аннѣ Іоанновнѣ, и однимъ изъ предметовъ хвалы новой государынѣ, освободившей Ѳеофилакта изъ заключенія: «книгу Ка-

мень Вѣры, во тьмѣ невѣдѣнія заключенную, на свѣтъ произвесть и освободить повелѣла», говорилъ архіепископъ новогородскій Амвросій Юшкевичъ († 1745): «которая книга, какъ напримѣръ всякому искусному мастеру инструменты, воину оружіе, плавающему кораблеику на морѣ кормило, такъ оная намъ нужная, полезная и весьма потребная... Уже къ тому приходило», продолжаетъ Юшкевичъ, «что въ своемъ православномъ государствѣ о вѣрѣ своей и устъ отворить опасно было: въ тотъ часъ бѣды и гоненія надѣйся». Понятно также, почему «вины» лютеранства, исчисленныя «Камнемъ Вѣры»: несоблюденіе постовъ, непочитаніе святыхъ и непоклоненіе ихъ иконамъ и др., служили почти постоянными темами проповѣдей при Елисаветѣ. Отъ лютеранскихъ притязаній на русскую церковь проповѣдники часто переходятъ ко вреду, причиненному иностранцами Россіи вообще: религіозная ревность находила новую пищу въ патріотизмѣ. Слово Юшкевича въ день рожденія Елисаветы (1741) раскрываетъ эту «ухищренную политику пришлецовъ, губителей отечественнаго счастія»: «Былъ ли кто изъ Русскихъ искусный, напримѣръ: художникъ, инженеръ, архитектъ, или солдатъ старый, а наипаче ежели онъ былъ ученикъ Петра Великаго,—тутъ они тысячу способовъ придумывали, какъ бы его уловить, къ дѣлу какому-нибудь привязать, подъ интересъ подвесть и такимъ образомъ или голову ему отсѣчь, или послать въ такое мѣсто, гдѣ надобно необходимо и самому умереть отъ глада, за то одно, что онъ инженеръ, что архитектъ, что ученикъ Петра Великаго.... Всѣхъ людей добрыхъ, простосердечныхъ, государству доброжелательныхъ и отечеству весьма нужныхъ и потребныхъ, подъ разными претекстами губили, разоряли и вовсе искореняли, а равныхъ себѣ безбожниковъ, безсовѣстныхъ грабителей, казны государственныя похитителей, весьма любили, ублажали, въ ранги великіе производили, отчинами и денегъ многими тысячами жаловали и награждали.... Только тѣнью, только тѣломъ здѣсь, а сердцемъ и душею внѣ Россіи пребывали. Всѣ свои сокровища, всѣ богатства, въ Россіи неправдою нажитыя, вонъ изъ Россіи за море высылали, и тамо иные въ банки, иные на проценты многіе милліоны полагали. Ежели кто сему не хощетъ вѣровати, поиди въ Голландію, въ Англію—тамо лучше увѣдаетъ». Слово Кирилла Флоринскаго, ректора московской академіи († 1743), произнесенное по тому же поводу и въ тотъ же самый годъ, отличается еще большею откровенностью: оно указываетъ прямо на лица, называя ихъ собственными именами—Остерманомъ, Минихомъ. Кромѣ общихъ причинъ недовольства, проповѣди воспоминаютъ частныя, собственно къ духовному чину

относившіяся въ то «желѣзное время, когда неправда царствовала, а правда за карауломъ сидѣла». Турецкая кампанія 1736—39 г.г. похитила многія тысячи церковниковъ, которые, отъ 15 до 40 лѣтъ, безъ разбора были взяты въ военную службу «для нынѣшней нужды въ комплектованіи арміи и гарнизоновъ», какъ сказано въ одномъ изъ указовъ. Многіе пастыри пострадали въ эпоху Биронова могущества. «Коликое гоненіе на самыхъ благочестія защитителей, на самыхъ священныхъ таинъ служителей!» восклицаетъ Сѣченовъ: «архіереевъ, священниковъ, монаховъ мучили, казнили, разстригали; непрестанныя почты и водою и сухимъ путемъ отвозятъ ихъ въ дальніе сибирскіе города, въ Охотскъ, въ Камчатку, Оренбургъ; и тѣмъ такъ устрашили, что уже и самые проповѣдники слова Божія молчали и усть не смѣли о благочестіи отверсти. И правда, духъ бодръ, а плоть немощна: не всякому-то благодать мученичества посылается».

Приведенные отрывки знакомятъ съ литературнымъ характеромъ духовнаго краснорѣчія при Елисаветѣ. Живое отношеніе къ современности, яркая картина текущихъ или недавно протекшихъ событій, наивность и грубость многихъ выходокъ, рѣзкія обличенія, переходящія то въ шутку, то въ страстную сатиру, сообщили ему интересъ, какой рѣдко находимъ и въ произведеніяхъ свѣтской словесности. Стоя за общерусское дѣло, и кромѣ того вовлеченный въ него личными побужденіями, пастырь церкви всенародно изливалъ ропотъ, который долго таился въ его душѣ и въ душѣ его слушателей. Особенный талантъ выдается въ Сѣченовѣ. Его поученія: въ день Благовѣщенія (1742) и въ день явленія иконы Казанской Богоматери (1742), принадлежатъ къ самымъ характеристичнымъ явленіямъ проповѣднаго слова. Противоположность нашей жизни христіанскимъ обязанностямъ, наполняющая цѣлую половину втораго поученія, отличается смѣлымъ, оригинальнымъ изображеніемъ пороковъ и простотою разговорнаго языка. Таковы же многія мѣста и перваго поученія. Вотъ какъ проповѣдникъ описываетъ безпечность христіанъ о душѣ и ихъ заботливость о тѣлѣ: «Поносимъ праотца нашего, что за яблоко душу продалъ; а мы за чарку винца, за ласкательство, за честишку, за малую славицу, въ судѣ за гостинецъ, въ торгу за копѣйку, въ постъ святый за курочку душу нашу промѣниваемъ. Поднеси чарку винца, поласкай, пошепчи во ухо: я тебя не оставлю; возьми и душу, готовъ и правду потерять, готовъ и вѣры отступить, готовъ и благочестіе отвергнуть. Не смѣхъ ли? имѣнія наша, мѣдь, сребро, ихъ же тля тлитъ и ржа снѣдаетъ, замка́ми и стражами утверждаемъ; а душа наша, вся отъ хитраго злодѣя діавола окрадена,

въ нищету пришла: нѣсть въ ней ни красоты, ни любви, ни богомыслія, ни правды, ни милости — о томъ и не смотримъ». Духовныя слова и рѣчи первыхъ лѣтъ царствованія Елисаветы по тону своему могутъ быть сличаемы съ проповѣдями католической лиги (1577). И тѣ и другія не скупились на крупные эпитеты врагамъ. Остерманъ и Минихъ называются дьявольскими эмиссарами, влѣзшими съ своимъ сонмищемъ въ Россію; человѣкоядными птицами, начавшими бить и терзать сѣнолиственное древо, что̀ возрасло изъ Петрова сѣмени; златыми кумирами, которымъ ихъ кліенты не устыдились поклоняться и приносить жертвы, какъ болванамъ; скудельными идолами, ихъ же сокрушилъ Господь; образами и жрецами Ваала; чадами и наслѣдницами геенны; душепагубными министрами беззаконія. Особенно привлекалъ негодованіе Остерманъ, за «злодѣйское укрывательство тестамента Екатерины I»; проповѣдники уподобляютъ его «Хрисанѳію евнуху, еретику хитрокозненному», «окаянному Симону волхву, хромому душею, совѣстію и ногами» (намекъ на подагру Остермана). Стиль проповѣдей, въ постройкѣ и пріемахъ, южно-русскій: тоже смѣшеніе наивнаго съ серьезнымъ, возвышеннаго съ тривіальнымъ. Схоластическая теорія духовнаго ораторства наложила печать свою даже на частности, каковы, напримѣръ, распространеніе проповѣди чрезъ толкованіе именъ, чрезъ сближеніе временъ событій. Развивая мысль, что «Богъ еще въ рожденіи Елисаветы опредѣлилъ ей державу», Юшкевичъ основываетъ одинъ изъ аргументовъ на томъ, что въ этотъ день (18 декабря) церковь празднуетъ память св. мученика Севастіана, «а это греческое имя толкуется на нашемъ языкѣ: достоинъ чести». Слово Флоринскаго находитъ знаменательнымъ день воцаренія «Петровой» дочери (25 ноября), когда церковь совершаетъ память священномученика Петра Александрійскаго. Встрѣчается также безразборчивое употребленіе иностранныхъ словъ вмѣсто русскихъ или церковно-славянскихъ: Сѣченовъ назвалъ Іоанна Дамаскина «философіи и богословіи прехрабрымъ кавалеромъ, монашескихъ ликовъ генераломъ».

Лирика Ломоносова была отголоскомъ тѣхъ же самыхъ чувствъ, которыя выражала и духовная, и свѣтская литература — отъ академическихъ рѣчей до надписей на иллюминаціи. Если разобрать составъ его похвальныхъ одъ, то содержаніе каждой изъ нихъ сведется къ такому ряду мыслей: стѣсненное положеніе Елисаветы и печальное состояніе Россіи по смерти Петра и Екатерины, желаніе видѣть на престолѣ Петрово племя, сѣтованіе о томъ, что желаніе долго не исполнялось, радость при желаніи исполненномъ. Выраженіе этихъ мыслей немногимъ отличается отъ оборотовъ

проповѣднаго слова: «Елисавета была оставлена судьбою»; «Россія пребывала въ глубокомъ мракѣ», или: «оскорбленный народъ сидѣлъ въ печальнѣйшей ночи»; «для русскихъ музъ наступило грозное время: онѣ обречены были на страхъ и горькія слезы»; «съ Елисаветой ночь перемѣнилась на полдень»; «подобно Астреѣ, она ввела къ намъ златыя лѣта»; «Богъ въ гнѣвѣ своемъ хотѣлъ казнить Россію потопомъ бѣдъ, но ради Елисаветы, новаго Ноя, преложилъ гнѣвъ на кротость». Что для Ломоносова «Ной и Вавилонъ бѣдъ», то для духовнаго оратора «Моисей и египетскій плѣнъ»: смыслъ сравненій — одинъ и тотъ же. Есть и другіе пункты сходства между похвальными словами Ломоносова и проповѣдями 1741—51 годовъ. Въ праздникъ коронованія императрицы, Ломоносовъ произноситъ слово Петру на томъ основаніи, что она есть истинная наслѣдница дѣлъ своего отца: слѣдов., говоритъ ораторъ, похваляя Петра, похвалимъ и Елисавету. Нераздѣльность двухъ лицъ гораздо прежде была указана Флоринскимъ: «Егда услышите мя словомъ пишуща образъ отца великаго, въ томъ же да усматриваете и дщерь великую; а егда услышите о великой дщери, тогда да разумѣвайте оживотворяющася Петра Великаго и Екатерину въ Елисаветѣ». Мы знаемъ, что Юшкевичъ подтверждалъ свою мысль толкованіемъ имени: Ломоносовъ также придавалъ особенную важность имени «Елисавета», означающему «тишину». Сближеніе событій, обычный пріемъ схоластическаго ораторства, встрѣчается у Ломоносова, какъ онъ уже встрѣчался у Флоринскаго: послѣдній находилъ знаменательнымъ день вступленія Елисаветы на престолъ; первый выводилъ знаменательное заключеніе изъ того обстоятельства, что Елисавета родилась въ годъ Полтавской битвы.

Но, при видимомъ сходствѣ, есть и существенное различіе. Главное чувство проповѣдниковъ — религіозная ревность, и важнѣйшее для нихъ достоинство новаго царствованія—возстановленіе благочестія. Главный интересъ Ломоносова — наука, и преимущественная заслуга государыни—возстановленіе просвѣщенія, начатаго Петромъ. Хотя онъ восхваляетъ и набожность Елисаветы, но гораздо больше хвалитъ ее за покровительство музамъ. Забота о размноженіи ученыхъ соотечественниковъ никогда его не покидала. Въ похвальномъ словѣ Елисаветѣ, онъ представляетъ себѣ, что государыня обратилась къ русскимъ юношамъ съ тѣми словами, которыя находятся въ академическомъ регламентѣ: обучайтесь прилежно: «я видѣть Россійскую Академію изъ сыновъ россійскихъ состоящую желаю». Поэтому оды всего болѣе раскрываютъ пользу просвѣщенія для Россіи. Взглядъ на Петра, какъ на идеалъ

монарховъ, господствуетъ также въ приступахъ и заключеніяхъ академическихъ словъ: это — своего рода панегирики монарху, который, «принявъ Россію, удаленную отъ свѣта ученія, поставилъ ее на пути яснаго сознанія», даровалъ ей «новое рожденіе». Какъ древніе поэты имѣли обычай начинать и оканчивать свои стихотворенія призываніемъ боговъ или похвалою героямъ, къ богамъ причисленнымъ, такъ и Ломоносовъ (по собственнымъ словамъ его) начиналъ и оканчивалъ свои ученыя разсужденія похвалами «божественному Петру, общему примѣру и предводителю».

Ученыя сочиненія Ломоносова, какъ по физикѣ и химіи, такъ и по словесности, отличаются строгой и стройной системой, подведеніемъ частностей подъ законы. По свойству ума своего, онъ всегда стремился къ обобщеніямъ. Онъ умѣлъ примирять крайности методовъ опытнаго и умозрительнаго, взаимно ихъ ограничивая и дополняя. Хотя онъ понималъ важность наблюденій и опытовъ, однакожъ чуждался той практики, которая довольствуется одними фактами и не даетъ никакихъ общихъ выводовъ. Въ «Словѣ о происхожденіи свѣта» онъ удивляется тѣмъ, которые, съ похвалою обращаясь въ одной химической практикѣ, выше угля и пеплу головы своей поднять не смѣютъ: «для чего же толь многіе учинены опыты въ физикѣ и химіи? для чего толь великихъ мужей были труды и жизни опасныя испытанія? для того ли только, чтобы, собравъ великое множество разныхъ вещей и матерій въ безпорядочную кучу, глядѣть и удивляться ихъ множеству, не размышляя о ихъ расположеніи и приведеніи въ порядокъ?» Съ другой стороны Ломоносовъ хотя любилъ строить теоріи, но всегда основывалъ ихъ на опытахъ и наблюденіяхъ. Наилучшимъ способомъ въ ученыхъ изслѣдованіяхъ почиталъ онъ слѣдующій: «изъ наблюденій установлять теорію, чрезъ теорію исправлять наблюденія». Расположеніе мыслей отличается у него логическою послѣдовательностью, которую онъ хвалитъ въ учителѣ своемъ Вольфѣ не оставшемся безъ вліянія на ученика въ методическомъ изложеніи знаній.

Сочиненій Ломоносова по теоріи словесности четыре: Письмо о правилахъ россійскаго стихотворства (1739), Риторика (1748), Грамматика (1755) и Разсужденіе о пользѣ книгъ церковныхъ въ россійскомъ языкѣ (1755).

«Письмо о правилахъ россійскаго стихотворства» прислано Ломоносовымъ изъ Германіи, вмѣстѣ съ его одой на взятіе Хотина (1739) въ Россійское собраніе при Академіи наукъ, о которомъ говорено выше. Тонъ его полемическій, такъ какъ оно содержитъ въ себѣ критическія замѣтки на способъ къ сложенію россійскихъ

стиховъ» Тредьяковскаго. Сходясь съ Тредьяковскимъ въ понятіи о главныхъ основахъ русской версификаціи, Ломоносовъ положительно расходился съ нимъ въ другихъ пунктахъ. Такъ «Способъ» полагалъ, что русскій гексаметръ не можетъ имѣть ни больше, ни меньше тринадцати слоговъ, и притомъ долженъ быть раздѣленъ на два полустишія (въ первомъ семь слоговъ, во второмъ шесть); что ямбическіе стихи хуже хореическихъ; что мужскія рѳомы неумѣстны въ нашемъ стихосложеніи. «Письмо», напротивъ, не видитъ причины, почему гексаметры и другіе стихотворные размѣры должны быть ограничены опредѣленнымъ числомъ слоговъ; дозволяетъ тринадцатисложнымъ стихамъ имѣть и не имѣть цезуры; находитъ, что ямбическіе стихи усугубляютъ благородство и великолѣпіе предмета, ими выражаемаго. Всѣ эти теоретическія замѣтки были приняты русскою литературою, послѣ того какъ онѣ были оправданы и утверждены на практикѣ стихотворными образцами самого Ломоносова.

«Риторика» Ломоносова—первая на русскомъ языкѣ, потому что въ школахъ преподавали эту науку на языкѣ латинскомъ—не есть трудъ самостоятельный. Она одного покроя съ школьными риторическими руководствами, по которымъ самъ авторъ обучался въ Славяно-греко-латинской академіи. Источники ея правилъ и примѣровъ уже указаны въ риторикахъ Кауссина, Помея и Готшеда (у послѣдняго заимствована глава о возбужденіи страстей); логическія понятія (о сопряженіи простыхъ идей, объ изобрѣтеніи доводовъ) взяты у Вольфа; всего же болѣе, по содержанію и расположенію, она сходна съ русской риторикой, хранящейся въ Императорской Публичной Библіотекѣ въ рукописи XVII в. Ломоносову принадлежитъ группировка заимствованнаго и примѣры какъ русскіе, такъ и переводные изъ древнихъ и новыхъ авторовъ. Въ числѣ первыхъ многіе выбраны изъ сочиненій самого автора; переводы показываютъ искуснаго переводчика: они точны и близки къ подлиннику.

Соотвѣтственно характеру древне-русской литературы, преимущественно духовной по содержанію и церковно-славянской по языку, до Ломоносова существовали только грамматики «славянскія», за исключеніемъ одной русской (студента Ададурова), «весьма несовершенной и во многихъ мѣстахъ неисправной». Главнѣйшею изъ этихъ церковно-славянскихъ грамматикъ была Мелетія Смотрицкаго (1619 г.), составленная по образцу греческихъ и латинскихъ грамматикъ и послужившая во многомъ Ломоносову. Какъ древнерусскіе азбуковники, или словари, имѣли цѣль благочестивую—истолкованіе непонятныхъ рѣчей въ Св. Писаніи,—такъ и грамматика дол-

жна была служить для исправленія церковныхъ книгъ и для правильнаго ихъ уразумѣнія: «грамотное ученіе есть дѣло Божіе. Кто пренебрегаетъ имъ даже въ чтеніи, спѣша и ошибаясь въ удареніяхъ, тотъ творитъ грѣхъ». Такимъ образомъ церковнославянскія грамматики имѣли значеніе «служебное», состоящее въ пользованіи ими при чтеніи священныхъ книгъ и пониманіи ихъ смысла. Ломоносовъ, первый, освободилъ эту науку отъ исключительнаго приложенія къ церковному дѣлу и возвелъ ее въ область самостоятельнаго, независимаго знанія. За норму русскаго языка, подлежащаго изслѣдованію въ его этимологическихъ и синтаксическихъ законахъ, онъ принялъ «разсудительное его употребленіе»: каждая грамматическая форма разсматривается, какъ существующій фактъ, который долженъ быть объясненъ, но который не можетъ быть измѣненъ по требованіямъ теоріи. Разлагая литературный языкъ на составныя части, Ломоносовъ приводитъ двѣ главныя ихъ группы: областныя нарѣчія (просторѣчіе) и языкъ церковно-славянскій. Изъ областныхъ нарѣчій онъ отдалъ предпочтеніе московскому, «не токмо для важности столичнаго города, но и для его отмѣнной красоты». Между просторѣчіемъ и церковно-славянскими формами проведены имъ границы, опредѣляемыя какъ существомъ языка, такъ и литературнымъ его употребленіемъ: онъ отмѣтилъ нѣкоторые славянизмы въ противоположность соотвѣтствующимъ русизмамъ, такъ что Грамматика его имѣетъ право быть названа «сравнительной».

Показавъ въ Грамматикѣ различіе языковъ русскаго и церковнославянскаго по грамматическимъ формамъ, Ломоносовъ различаетъ ихъ и въ отношеніи лексикологическомъ въ разсужденіи: «о пользѣ церковныхъ книгъ въ россійскомъ языкѣ». Сущность разсужденія состоитъ въ слѣдующемъ: Какъ предметы, изображаемые словомъ, различны по своей важности, такъ и русскій языкъ, чрезъ употребленіе славянскихъ словъ, имѣетъ разныя степени: высокій, средній и низкій. Эта разностепенность зависитъ отъ трехъ родовъ русскихъ словъ: къ первому относятся слова, общія славянскому и русскому языкамъ (*Богъ*, *слава*, *нынѣ*...); ко второму—славянскія, хотя и мало употребительныя, но каждому грамотному понятныя (*Господень*, *отверзаю*, *насажденный*...); къ третьему—русскія (*говорю*, *ручей*, *который*, *пока*, *лишь*). Отъ разсудительнаго употребленія этихъ трехъ родовъ реченій происходятъ три стиля: высокій, средній и низкій. Высокій стиль образуется изъ словъ славяно-русскихъ, т. е. находящихся въ обоихъ языкахъ, и словъ славянскихъ, вразумительныхъ русскому; средній изъ словъ русскихъ, съ осторожнымъ прибавленіемъ словъ славянскихъ; низкій—изъ

словъ русскихъ. Кромѣ словъ, Ломоносовъ принимаетъ въ соображеніе и формы ихъ (причастныя и дѣепричастныя). Такимъ образомъ, усвоивъ ученіе Аристотеля и Квинтиліана о трехъ родахъ слога, Ломоносовъ въ славянскомъ языкѣ видитъ средство «къ сильному изображенію идей важныхъ и высокихъ», стихію образующую высокій стиль.—Мнѣніе Ломоносова о *пользѣ* церковно-славянскаго языка привело, однакожъ, къ противоположному результату. Слѣдовавшіе за нимъ писатели, подчиняясь его авторитету, не умѣли соблюдать того «осторожнаго введенія славянскихъ словъ», которое должно соотвѣтствовать матеріи. Они думали писать высокимъ слогомъ, наполняя свою рѣчь славянщиной, такъ что подъ перомъ ихъ образовался особый литературный языкъ, названный въ насмѣшку «славено-россійскимъ» и вызвавшій, какъ увидимъ, реформу Карамзина. Впрочемъ, въ самой основѣ разсужденія о пользѣ церковныхъ книгъ заключается ошибка. Не говоря уже о произвольномъ дѣленіи стиля на три степени, оно ставитъ высокій стиль въ зависимость отъ славянскаго элемента. Внѣшнее выраженіе есть оболочка внутренняго, т. е. содержанія: послѣднимъ опредѣляется первое. Дѣло не въ выборѣ важной матеріи (предмета), а въ важности того, что оказалось при изслѣдованіи или созерцаніи этого предмета. Если умъ пораженъ мыслями, открытыми при изученіи предмета, если чувство возбуждено его истинностью или красотою, если онъ произвелъ сильное воодушевленіе въ мыслителѣ или поэтѣ, тогда содержаніе, добытое мыслителемъ или поэтомъ, будетъ непремѣнно велико и потребуетъ соотвѣтственнаго ему словеснаго выраженія. Весь вопросъ, слѣдовательно, сводится на соотвѣтствіе рѣчи содержанію, т. е. мыслямъ и чувствамъ. А на такое соотвѣтствіе русскій языкъ такъ же способенъ, какъ и славянскій: за чѣмъ же послѣднему отдавать въ этомъ отношеніи преимущество и предписывать правило, когда и въ какой мѣрѣ смѣшивать его съ первымъ? Каждое слово хорошо, если соотвѣтственно передаетъ выражаемое. Архаизмъ и неологизмъ, варваризмъ и руссизмъ, областное слово и общепринятое въ литературномъ языкѣ съ равнымъ правомъ могутъ быть употребляемы для наиболѣе удачнаго выраженія предмета или понятія, т. е. наиболѣе согласнаго съ ихъ сущностью или съ производимымъ ими впечатлѣніемъ. Самъ Ломоносовъ не рѣдко отступалъ отъ своей теоріи, поддаваясь природному чутью. Доказательствомъ служитъ первая строфа «Вечерняго размышленія о Божіемъ величествѣ», гдѣ нѣтъ ни одного славянскаго слова, а между тѣмъ описаніе наступившей ночи производитъ величественное впечатлѣніе, особенно послѣдніе два стиха:

Открылась бездна, звѣздъ полна:
Звѣздамъ числа нѣтъ, безднѣ дна.

Было бы не трудно русскія слова: *открылась, нѣтъ*, замѣнить славянскими: *отверзлась, нѣсть*, но авторъ этого не сдѣлалъ, понимая или чувствуя, что элементъ величественнаго заключается здѣсь въ мысли о неизмѣримости мірозданія и что эта мысль нисколько бы не выиграла отъ двухъ славянизмовъ. Но «Разсужденіе о пользѣ книгъ церковныхъ» не ограничиваетъ пользы славянскаго языка лишь тѣмъ, что онъ «высокія мысли сугубо возвыситъ»; оно указываетъ еще двѣ другія его выгоды: пріобрѣтеніе умѣнья соблюдать ровность слога и устраненіе «дикихъ и странныхъ сло́ва нелѣпостей» (варваризмовъ), заимствуемыхъ изъ языковъ западныхъ. Съ этой стороны справедливость взглядовъ Ломоносова не подлежитъ сомнѣнію. Вторженіе иностранныхъ словъ, пестрившихъ и искажавшихъ рѣчь нашихъ писателей, и послужило, какъ надобно думать, поводомъ къ «Разсужденію». Оно было въ большемъ ходу въ XVII в. между малорусскими учеными, которыхъ сочиненія наполнялись латинизмами и полонизмами, но приняло усиленные размѣры со времени Петровской реформы и продолжалось при Петрѣ II и Аннѣ Іоанновнѣ, какъ доказывается обиліемъ реченій, взятыхъ изъ западныхъ языковъ и безъ разбора употреблявшихся какъ въ книжной, такъ и разговорной рѣчи. Нужно было не только указать зло, но и дать средство къ его уничтоженію. Ломоносовъ и предложилъ для этого — «старательное и осторожное употребленіе сроднаго намъ кореннаго славянскаго языка купно съ россійскимъ».

Литературные образцы, данные Ломоносовымъ, не отступаютъ отъ правилъ, предложенныхъ имъ въ ученыхъ сочиненіяхъ по словесности. Между ними и не могло быть противорѣчія, такъ какъ первые (образцы) принимались не только въ соображеніе, но и въ основаніе при постановкѣ вторыхъ (правилъ). Объяснивъ пользу церковныхъ книгъ для языка русскаго, Ломоносовъ, въ концѣ разсужденія, совѣтуетъ любителямъ отечественнаго слова съ прилежаніемъ читать эти книги, *увѣрясь своимъ искусствомъ* въ общей и частной пользѣ, какая отъ того воспослѣдуетъ.

Стихъ Ломоносова, построенный согласно съ его «Письмомъ о правилахъ россійскаго стихотворства», былъ для своего времени явленіемъ необыкновеннымъ, даже безъ сравненія съ стихотвореніями Кантемира и Тредьяковскаго. Онъ выразителенъ, мужественъ и благозвученъ. И теперь, по истеченіи почти полутораста лѣтъ, многія строфы его одъ (особенно въ Одѣ выбранной изъ Іова) не

потеряли своего достоинства. Такова, наприм., извѣстная строфа о пользѣ наукъ въ одѣ 1747 («науки юношей питаютъ»), или въ одѣ 1746 г.:

Намъ въ ономъ ужасѣ (1) казалось,
Что море въ ярости своей
Съ предѣлами небесъ сражалось,
Земля стенала отъ зыбей,
Что вихри въ вихри ударялись,
И тучи съ тучами спирались,
И устремлялся громъ на громъ,
И что надуты водъ громады
Текли покрыть пространны грады,
Сравнять хребты горъ съ влажнымъ дномъ.

Создавъ стихотворную рѣчь, Ломоносовъ создалъ и языкъ, нужный для изложенія знаній, который отличается у него ясностью, точностью, выразительностью, яснымъ доказательствомъ чего служатъ его «Первыя основанія Металлургіи» (1763). Онъ имѣлъ право сказать о себѣ, что его «разнаго рода надлежащими до наукъ сочиненіями стиль россійскій вычистился и сталъ способенъ къ выраженію идей трудныхъ». Надобно жалѣть только, что немногіе изъ послѣдовавшихъ за нимъ естествоиспытателей старались подражать его ученому слогу.

Отношеніе «Риторики» Ломоносова къ его сочиненіямъ доказывается уже тѣмъ однимъ, что онъ приводилъ въ ней многіе выбранные изъ нихъ примѣры, въ подтвержденіе предлагаемаго ученія. И дѣйствительно, историческое ея значеніе состоитъ въ томъ, что она служитъ лучшимъ комментаріемъ къ литературнымъ произведеніямъ автора, особенно похвальнымъ словамъ и одамъ. Прозаическая рѣчь Ломоносова была, такъ же какъ и стихотворная, великимъ шагомъ впередъ по своей чистотѣ и строю, хотя нельзя не замѣтить, что въ этомъ строѣ, по направленію того времени, много искуственнаго и условнаго.

Что касается до «Разсужденія о пользѣ книгъ церковныхъ въ россійскомъ языкѣ», положившаго различіе между тремя родами слога и указавшаго, въ какихъ именно сочиненіяхъ долженъ быть употребляемъ каждый изъ этихъ родовъ, то Ломоносовъ не отступалъ отъ рекомендуемыхъ имъ правилъ: высокимъ стилемъ написаны у него трагедіи, оды, похвальныя слова, поэма Петръ Великій; среднимъ—разсужденія, Письмо къ Шувалову о пользѣ сте-

1) Говорится о печальномъ состояніи Россіи при Аннѣ Іоанновнѣ (Ода 6-ая, на восшествіе на престолъ Елисаветы).

кла; низкимъ (простымъ) — письма къ Шувалову и другимъ лицамъ.

Историческій трудъ Ломоносова: «Древняя Россійская Исторія отъ начала россійскаго народа до кончины Ярослава I», дѣлится на двѣ половины: одна содержитъ въ себѣ изслѣдованіе о древкостяхъ, другая—изложеніе событій. Авторъ поставилъ своею задачею—открыть свѣту древность россійскаго народа и славныя дѣла государей, въ противоположность тѣмъ сочиненіямъ иностранцевъ, которыя «высматривали пятна на одеждѣ россійскаго тѣла». Это намѣреніе видно изъ самыхъ названій нѣкоторыхъ главъ Исторіи: «о величествѣ славенскаго народа», «о дальной древности славенскаго народа». Для рѣшенія предложенной задачи было естественно искать сходства между исторіею отечественною и исторіею грековъ и римлянъ, такъ какъ они служили образцами новоевропейскому міру. Ломоносовъ находитъ его «въ порядкѣ дѣяній россійскихъ съ римскими»: «владѣніе первыхъ королей соотвѣтствуетъ числомъ лѣтъ и государей самодержавству первыхъ самовластныхъ великихъ князей россійскихъ; гражданское въ Римѣ правленіе подобно раздѣленію нашему на разныя княженія и на вольные городы, нѣкоторымъ образомъ гражданскую власть составляющему; потомъ единоначальство кесарей согласно самодержавству государей московскихъ». Такое чисто внѣшнее сближеніе двухъ различныхъ исторій объясняется чувствомъ патріотизма, отношеніями Россіи къ Швеціи, которая не могла забыть сѣверной войны, и враждою двухъ партій въ Академіи наукъ: нѣмецкой и русской. Мнѣнія академиковъ Байера и Миллера о скандинавскомъ происхожденіи Руси, «предосудительныя для русскаго народа», оскорбляли Ломоносова. Онъ, равно какъ и другіе Русскіе, не могъ примириться съ тою мыслію, что славяне водвореніемъ у нихъ порядка и государственнымъ устройствомъ одолжены не себѣ самимъ, а иноземцамъ, и въ добавокъ еще нашимъ врагамъ (Шведы—скандинавскаго племени). Поэтому вопросъ: «кто были вяряго-руссы?» рѣшается имъ иначе: онъ ведетъ ихъ, вмѣстѣ съ пруссами, отъ славянскаго рода; думаетъ, что и языкъ ихъ славянскій, только чрезъ смѣшеніе съ другими языками отдѣлившійся отъ своего корня, что самое слово «Пруссія» составлено изъ существительнаго «Русь» и предлога «по» (Порусь, Поруссія), и что Рюрикъ, первый русскій князь, славянскаго, а не скандинавскаго рода, происходитъ отъ римскаго императора Августа. Если русскія дѣла и русскихъ дѣятелей унижали передъ греческими и римскими, то «причина этому—бывшій нашъ недостатокъ въ искусствѣ, какимъ историки Греціи и Рима своихъ героевъ въ полной славѣ предали вѣч-

ности». Въ слѣдствіе сказаннаго, Ломоносовъ смотрѣлъ на свой трудъ со стороны искусства. Онъ долженъ былъ представить краснорѣчивое изложеніе отечественныхъ событій и, для выполненія обязанности, перелагалъ разсказы лѣтописей на языкъ и тонъ похвальнаго слова. Поэтому въ его исторіи риторическій элементъ преобладаетъ надъ научнымъ, историческимъ. Инаго и нельзя было требовать отъ Ломоносова: онъ взялся за трудъ безъ надлежащей къ нему подготовки, единственно по порученію Шувалова. Сочиненіе книги обратилось для него въ дѣло оффиціальное (1).

§ 13. «Установителемъ русскаго театра» считаютъ Сумарокова (Александра Петровича, 1718—1777). При Аннѣ Іоанновнѣ были двѣ труппы—италіанская и нѣмецкая: первая давала оперы-буфы, вторая—комедіи и фарсы. Переводомъ италіянскихъ комедій и интермедій занимался Тредьяковскій; въ 1736 г. напечатана переведенная имъ съ французскаго «драма на музыкѣ», т. е. опера, «Сила любви и ненависти». Въ царствованіе Елисаветы, съ котораго началось французское вліяніе на жизнь, литературу и языкъ образованнаго класса Русскихъ, открыло свои представленія французское общество актеровъ, приглашенное изъ Касселя и обязавшееся играть трагедіи и комедіи; независимо отъ этого, при дворѣ находились и нѣмецкій театръ, и италіянская опера. Но русскій театръ впервые явился не въ столицахъ, а въ провинціальномъ городѣ Ярославлѣ. Основателемъ его былъ Ѳедоръ Григорьевичъ Волковъ (1729—1763), сынъ костромскаго купца, по смерти отца переселившійся въ Ярославль, гдѣ мать его вышла во второй разъ за-мужъ за богатаго кожевеннаго заводчика Полушкина. Образовавъ изъ своихъ братьевъ и знакомыхъ купцовъ и подъячихъ небольшую труппу, онъ, въ именины своего вотчима, представилъ драму «Есѳирь». Сценою служилъ кожевенный сарай. Игра и декораціи привели въ восторгъ зрителей. Тогдашній ярославскій воевода Мусинъ-Пушкинъ вмѣстѣ съ помѣщикомъ Майковымъ уговорили ярославскихъ дворянъ и купцовъ завести театръ. Устройствомъ его занимался Волковъ, человѣкъ, выходившій изъ

---

1) Жизнеописаніе Л—ва въ I т. Исторіи Ак. Н., П. Пекарскаго (1873); Briefe v. Christian Wolff (1860); Л—въ, студентъ Марбургскаго университета, Сухомлинова (Рус. Вѣст. 1861, № 1); Л—въ, какъ натуралистъ и филологъ, Будиловича (1869) и его же: Л—въ, какъ писатель (1871); Матеріалы для біографіи Л—ва, Билярскаго (1865); Очеркъ академической дѣятельности Л—ва, Я. Грота (1865); М. В. Л—въ, біограф. очеркъ, В. Ламанскаго (1864); Л—въ и Петербургская Академія наукъ, его же (1865); Празднованіе столѣтней годовщины Л—ва въ Моск. университетѣ (1865); Къ столѣтней памяти Л—ва, Булича (1865); юбилейныя торжества по тому же случаю въ другихъ университетахъ.

ряда людей обыкновенныхъ, по свидѣтельствамъ Новикова и Фонъ-Визина: послѣдній отзывается о немъ, какъ о «мужѣ глубокаго разума, исполненномъ достоинствъ, имѣвшемъ большія знанія и даже способнымъ быть государственнымъ человѣкомъ». Узнавъ объ ярославскомъ театрѣ, Императрица приказала, въ 1752 г., отправить въ Петербургъ братьевъ Волковыхъ, какъ «заводчиковъ» драматическихъ представленій, и ихъ товарищей (Дмитревскаго, двухъ Поповыхъ, Шумскаго и другихъ). Того же года «ярославцы» дебютировали на дворцовомъ театрѣ, въ присутствіи государыни и нѣкоторыхъ знатныхъ персонъ, въ комедіи: «О покаяніи грѣшнаго человѣка». Игра ихъ понравилась, но такъ какъ они не имѣли надлежащаго образованія, то ихъ (именно: Ѳедора и Григорія Волковыхъ, Дмитревскаго и Алексѣя Попова) помѣстили въ кадетскій корпусъ для обученія иностраннымъ языкамъ и словесности.

Въ Петербургѣ, представленія русскихъ драмъ начались въ кадетскомъ корпусѣ, благодаря дѣятельности Сумарокова. Въ учебномъ курсѣ этого заведенія, гдѣ воспитывался Сумароковъ, литературное образованіе стояло на первомъ мѣстѣ. Кадеты устроили общество любителей русской словесности, въ которомъ читали опыты своихъ сочиненій и переводовъ. Сюда-то являлся и Сумароковъ съ своими стихотвореніями: нѣкоторыя изъ нихъ были напечатаны корпуснымъ начальствомъ, въ поощреніе таланта и въ награду за успѣхи. По выходѣ изъ корпуса (1740) познакомился онъ съ драматическими произведеніями Корнеля, Расина и Вольтера и задумалъ испытать собственныя силы въ трагическомъ родѣ. Трагедія его Хоревъ (1747) была первымъ образцемъ ложноклассической драмы. Кадеты сыграли эту піесу сначала въ корпусѣ (1749), а потомъ (1750) на дворцовомъ театрѣ. За Хоревомъ слѣдовали другія трагедіи: Гамлетъ, Синавъ и Труворъ, Артистона, Семира, Ярополкъ и Димиза, Вышеславъ, Димитрій Самозванецъ, Мстиславъ. Рядомъ съ трагедіями шли комедіи. Въ 1756 г. послѣдовало учрежденіе русскаго театра. Директоромъ его былъ назначенъ Сумароковъ, занимавшій эту должность около пяти лѣтъ.

Французско-классическая трагедія, образцы которой впервые даны намъ Сумароковымъ, возникла подъ двумя вліяніями: во-первыхъ, подъ вліяніемъ піитической теоріи Аристотеля и греческихъ трагедій; во вторыхъ, подъ вліяніемъ національнаго характера французовъ и состоянія ихъ общественной жизни въ XVII и XVIII вѣкахъ. Понятно, что трагическая система, сложившаяся подъ дѣйствіемъ такихъ разнородныхъ элементовъ, должна была выйти не естественнымъ и оригинальнымъ явленіемъ искусства, а искусствен-

нымъ и ложнымъ. Въ основѣ ея лежатъ двѣ цивилизаціи: античная и новохристіанская, отдѣленныя одна отъ другой многими вѣками, различныя во всѣхъ отношеніяхъ, не допускающія никакого соглашенія, или допускающія соглашеніе насильственное. Заимствуя миѳологическіе и историческіе сюжеты греческой трагедіи, французскіе писатели измѣняли ихъ по требованіямъ своего вѣка и тѣмъ искажали какъ миѳологію, такъ и исторію. Дѣйствующія лица, въ противоположность ихъ національному характеру, изображались по идеалу героическаго величія, какъ онъ сложился въ представленіи французскаго общества, въ эпоху Людовика XIV, при дворѣ котораго ложноклассическая трагедія достигла своего цвѣтущаго состоянія. Являясь не въ своемъ настоящемъ видѣ и духѣ, греки и римляне не были однакожъ и чистокровными французами. Примѣры отступленій французской трагедіи отъ ея подлинниковъ весьма часты. Такъ одна французская трагедія, имѣющая сюжетомъ судьбу Эдипа, измѣнила своему подлиннику (Эдипу Колонейскому, Софокла) въ той сценѣ, гдѣ Полиникъ приходитъ вымаливать прощеніе у оскорбленнаго имъ отца. Софокловъ Эдипъ, согласно понятіямъ своего времени о родительскомъ авторитетѣ, не только не прощаетъ сына, но даже отсылаетъ его отъ себя съ проклятіемъ. Напротивъ подражатель Софокла, какъ христіанинъ, заставилъ Эдипа изречь прощеніе, и такимъ отступленіемъ отъ подлинника исказилъ образъ страдальца: въ самомъ дѣлѣ, если главное лице піесы дѣйствительно Эдипъ, то оно не могло простить Полиника; если же это лице простило, то оно не Эдипъ. Вотъ еще нѣсколько примѣровъ. Ахиллъ, въ Расиновой трагедіи «Ифигенія въ Авлидѣ», вовсе не похожъ на Гомерова Ахилла: въ послѣднемъ нѣтъ и тѣни того рыцарскаго духа, той деликатности чувствъ и изящной вѣжливости, какою отличается первый. Да и трудно вообразить подобныя качества въ такую эпоху народной жизни, когда еще существовало принесеніе людей въ жертву. При изображеніи легендарныхъ сюжетовъ, французскіе трагики старались обходить чудесное, какъ суевѣріе, несогласное съ здравымъ смысломъ, и тѣмъ самымъ выступали изъ круга античныхъ религіозныхъ воззрѣній въ область разсудочности. Такъ въ одной трагедіи Тезей, на вопросъ придворнаго, правда ли, что онъ сходилъ въ царство тѣней, отвѣчаетъ, что здравомыслящій человѣкъ не долженъ вѣрить такой нелѣпости и что этотъ слухъ былъ имъ распущенъ изъ политическихъ видовъ. Тотъ вкусъ, тѣ нравы, обычаи и свѣтскія приличія, которые образовались въ высшемъ французскомъ обществѣ подъ вліяніемъ двора Людовика XIV и соблюденіе которыхъ было обязательно въ литературѣ, вообще противорѣчитъ

сущности трагическаго. Трагизмъ состоитъ въ сильной душевной борьбѣ, изъ которой нѣтъ исхода. Дѣйствующія лица одушевлены или нравственной идеей, или страстью, и въ такомъ положеніи открыто изливаютъ свои мысли и чувства, забывая всѣ иныя отношенія, кромѣ общечеловѣческихъ. Въ трагедіяхъ французскихъ, на оборотъ, господствуютъ строгій порядокъ, сдержанность, этикетъ; сложность дѣйствія или быстрые переходы однихъ ощущеній къ другимъ воспрещается ими, какъ оскорбленіе мѣры; онѣ избѣгаютъ патетическаго: пафосъ замѣняется у нихъ риторствомъ, ровное теченіе котораго только по временамъ, и то съ расчетомъ, возмущается страстными выходками. Главный законъ трагической системы французовъ заключается въ трехъ единствахъ (дѣйствія, времени и мѣста), «внѣ которыхъ нѣтъ спасенія» (hors des trois unites il n'y a point de salut): единое дѣйствіе, изображаемое въ піесѣ, должно, отъ начала до конца, происходить въ одномъ и томъ же мѣстѣ, въ теченіе 24-хъ часовъ. Онъ основанъ на невѣрно истолкованномъ ученіи Аристотелевой піитики и на одностороннемъ знакомствѣ съ трагедіями грековъ. Другою основою служило ложное понятіе французской теоріи о такъ называемомъ очарованіи, подъ которымъ она разумѣла не полноту и силу впечатлѣнія, производимаго на зрителей представленіемъ піесы, а обманъ, т. е. приведеніе зрителей въ такое состояніе, чтобы они вымыслъ автора приняли за дѣйствительность и чувствовали бы себя не въ театрѣ, а въ жизни, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ происходило событіе. Но такое самозабвеніе невозможно: какого бы совершенства ни достигли механическая и декоративная части театра, какимъ бы искусствомъ ни отличалась игра актеровъ, піеса, при первомъ же поднятіи занавѣса, представитъ зрителю многія неправдоподобныя вещи и слѣдов. разочаруетъ его: напримѣръ, зритель услышитъ, что греки говорятъ не на своемъ языкѣ, а на чужомъ, и говорятъ стихами, а не прозой, чего не было и не бываетъ. Между тѣмъ малая мѣра времени, отведенная французскими теоретиками трагедіи, стѣснила объемъ дѣйствія и сдѣлала невозможнымъ всестороннее раскрытіе характеровъ. Дѣйствующія лица являются въ нихъ не какъ цѣльныя личности, съ многообразными качествами, а только одною своею стороною, съ однимъ чувствомъ или страстью (любовь, ненависть, честолюбіе, великодушіе...), которая и остается при нихъ во все продолженіе дѣйствія. Это и неестественно и утомительно. Чтобы познакомить зрителя съ тѣмъ, что предшествовало событію, служащему сюжетомъ драмы, французы большею частію посвящали первый актъ экспозиціи, т. е. изложенію завязки. Такое изложеніе образуетъ

эпическую часть піесы и своимъ характеромъ противорѣчитъ сущности драмы, которая требуетъ дѣйствія, а не разсказа о дѣйствіи, требуетъ овладѣть воображеніемъ зрителя съ первой же сцены. При главныхъ дѣйствующихъ лицахъ состоятъ очень часто ихъ наперсники и наперсницы: они, какъ довѣренныя лица, выслушиваютъ или повѣствованіе о судьбѣ героя и героини или ихъ исповѣдь чувствъ и мыслей—тоже эпическій элементъ, непригодный въ драмѣ, которая какъ о внѣшней исторіи, такъ и о внутреннемъ мірѣ всѣхъ лицъ даетъ знать зрителю посредствомъ ихъ дѣйствій и соотвѣтственныхъ рѣчей. Къ эпическому же элементу относятся донесенія вѣстниковъ о томъ, что происходило внѣ сцены; въ этомъ случаѣ французскіе трагики любили выказывать свое стихотворное искусство и потому удлиняли разсказъ не въ мѣру: въ Федрѣ (Расина) Тезей выслушиваетъ долгій разсказъ объ ужасной смерти Ипполита, а въ Гораціяхъ (Корнеля) Камилла столь же долгій разсказъ о смерти Куріацевъ. Разскащики какъ бы забыли, въ какомъ душевномъ положеніи должны были находиться и отецъ при вѣсти о гибели сына, и дочь Горація при вѣсти о гибели любимаго ею жениха. Разсудочность, преобладающая стихія въ духовномъ складѣ французовъ, внесла въ трагедію элементъ резонерства: страсть не мѣшаетъ героямъ и героинямъ расчитывать и размѣривать свое собственное положеніе, останавливаться съ запросами надъ своимъ чувствомъ.

Въ трагедіи дѣйствіе производится двумя дѣятелями: характерами лицъ и положеніями (ситуаціями), въ которыхъ лица находятся. Взаимное отношеніе этихъ дѣятелей, внутренняго (характера) и внѣшняго (положенія), даетъ начало двумъ трагическимъ системамъ: въ одной—положенія обусловлены характеромъ, въ другой—характеръ опредѣляется положеніями. Французско-классическая трагедія слѣдовала второй системѣ. Трагики выбирали необычайныя положенія, ставили среди ихъ личность и завязывали борьбу между ея чувствами съ одной стороны и данными обстоятельствами съ другой. Въ ряду страстей, овладѣвающихъ душею человѣка, они останавливали свое вниманіе чаще всего на любви. Она являлась у нихъ даже тамъ, гдѣ не была извѣстна ни исторіи, ни преданіямъ: Расинъ надѣлилъ ею Ипполита (въ Федрѣ), тогда какъ у Еврипида (въ трагедіи Ипполитъ), которому подражалъ Расинъ, оригинальность Тезеева сына и состоитъ именно въ свободѣ сердца. Выше сказано, что герои и героини французскихъ трагедій выступали передъ зрителями не въ полнотѣ своего характера, а только съ одною его стороною: поэтому авторы и употребляли все свое искусство на изображеніе этой стороны. Отъ

достоинства изображенія зависѣло достоинство піесы. Этой-то французской трагической системѣ подражалъ Сумароковъ, слѣд. все, о ней сказанное, примѣняется и къ его піесамъ. Онъ самъ гордился тѣмъ, что «явилъ Расиновъ театръ Россамъ». Сущность подражательныхъ его трагедій—представленіе одной какой-либо страсти, а не цѣльнаго характера—была опредѣлена еще Карамзинымъ, сказавшимъ, что «Сумароковъ болѣе описывалъ чувства, нежели изображалъ характеры въ ихъ естественной и нравственной истинѣ». Главное мѣсто между этими чувствами занимаетъ любовь. Изъ ея столкновенія съ долгомъ образуется борьба, на которую нерѣдко указываютъ сами дѣйствующія лица, приведенныя въ необходимость выбрать одно изъ противоположныхъ влеченій и восклицающія въ припадкѣ отчаянія: «о должность (*долгъ*)! о любовь!» Крупные таланты, какъ напримѣръ Расинъ, умѣли съ успѣхомъ бороться съ стѣснительными условіями системы; у нихъ одна и таже страсть принимала, смотря по лицу, различный характеръ: любовь Герміоны (въ трагедіи Андромаха) отлична отъ любви Роксаны (трагедія Баязетъ), и ревность Федры отлична отъ ревности Герміоны. И въ изображеніи одного лица они представляли полное развитіе страсти со всѣми ея перипетіями, отъ первой вспышки до катастрофы. Сумароковъ не владѣлъ такимъ искусствомъ: Оснельда въ Хоревѣ, Семира въ трагедіи того же имени, Ильмена въ Синавѣ и Труворѣ и любятъ и выражаютъ свою любовь одинаково. Всепоглощающее дѣйствіе страсти доведено имъ до крайности въ Димитріи Самозванцѣ. Этотъ чудовищный тиранъ и думаетъ и говоритъ только о злодѣйствахъ, хотя на самомъ дѣлѣ онъ вовсе не такъ страшенъ, какъ бы слѣдовало ожидать по его словамъ. Онъ злобствуетъ и на себя самого: онъ желалъ бы «самъ съ собою раздѣлиться», чтобы наслаждаться собственною мукой; умирая, онъ восклицаетъ: «ахъ, если бы со мной погибла вся вселенна!» Такой «врагъ людей и естества», какъ называетъ себя Самозванецъ, стоитъ дѣйствительно «внѣ природы» и производитъ скорѣе комическое, чѣмъ трагическое впечатлѣніе. О вѣрности лицъ временнымъ и мѣстнымъ отличіямъ и говорить нечего: ихъ рѣчи, мысли, чувства и поступки несогласны ни съ характеромъ эпохи, въ которую они жили, ни съ характеромъ народа, къ которому принадлежали. Не смотря на свои варяжскія или славяно-русскія имена, они еще дальше отстоятъ отъ нашей исторіи, чѣмъ истинные греки и римляне отъ грековъ и римлянъ французской трагедіи.—Въ піесахъ Сумарокова можно указать многія заимствованія изъ Расина и Вольтера. Ильмена походитъ на Альзиру (въ трагедіи Вольтера того же имени); разсказъ Вѣст-

ника о смерти Трувора (3-ье явленіе 5-го акта) напоминаетъ разсказъ Терамена о смерти Ипполита, въ Федрѣ; Синавъ и Труворъ, Мстиславъ и Ярославъ, какъ братья-соперники по любви, имѣли образцами Митридата, Британника, Никомеда и другія французскія драмы. Положеніе Ростислава, въ борьбѣ между любовью къ Семирѣ и долгомъ къ отцу и отечеству, подобно положенію Брутова сына, Тита, который измѣняетъ Риму изъ любви къ Туллiи, дочери Тарквинія (въ трагедіи Вольтера: Брутъ). Сумарокову извѣстенъ былъ и Шекспиръ въ псевдо-классическихъ передѣлкахъ, какъ видно по трагедіи Гамлетъ и по нѣкоторымъ мѣстамъ въ другихъ піесахъ: монологъ Самозванца «Не твердо на главѣ моей лежитъ вѣнецъ» (7-ое явленіе 2-го акта) есть подражаніе монологу Ричарда III; слова Ильмены о загробной жизни: «Ты самъ меня, ты самъ сей смертью поражаешь» (3-ье явленіе 5-го акта) сходны съ тревожными сомнѣніями Гамлета въ знаменитомъ монологѣ: «быть или не быть?»

Было бы излишнимъ почетомъ для Сумарокова ставить его лицемъ къ лицу съ Расиномъ, «котораго театръ явилъ онъ Россамъ», но столь же было бы однакожъ несправедливо отрицать въ немъ драматическое дарованіе и его заслуги русской сценѣ. Піесы его—первыя въ своемъ родѣ, и нѣкоторыя изъ нихъ содержатъ въ себѣ эффектныя сцены; въ нихъ есть движеніе—необходимая принадлежность драмы, котораго чужды эпико-лирическія трагедіи Ломоносова, почему послѣднія и не имѣли сценическаго успѣха, тогда какъ трагедіи Сумарокова нравились и образованному обществу, находившему въ нихъ знакомыя имъ свойства французской драмы, и публикѣ малообразованной, для которой онѣ были пріятной новостью и которая приходила отъ нихъ въ восторгъ и заучивала наизусть лучшія трагическія тирады. Должно поставить въ заслугу Сумарокову и то, что за трагическими сюжетами онъ большею частію обращался къ отечественной исторіи, а не къ греческой и римской. Наконецъ несомнѣнное достоинство трагедій Сумарокова заключается въ ихъ отношеніи къ идеямъ XVIII вѣка. Дѣйствующія лица часто разсуждаютъ о томъ, что̀ обращало на себя вниманіе образованныхъ людей у насъ и въ Европѣ. Голосъ «просвѣтительной эпохи» всего слышнѣе въ монологахъ и сентенціяхъ, написанныхъ подъ вліяніемъ Вольтера, влагавшаго въ уста героевъ свои собственныя мнѣнія. Такъ Димитрій Самозванецъ бесѣдуетъ съ своимъ наперсникомъ Парменомъ о злоупотребленіи папскаго могущества, о бѣдствіяхъ, причиненныхъ фанатизмомъ въ новомъ свѣтѣ. Мысль Монтескье о чести, какъ основѣ героическихъ дѣлъ, высказана въ «Мстиславѣ»: трагедія эта, благодаря

выраженію возвышенныхъ мыслей, долго держалась на сценѣ. По разнымъ мѣстамъ разсѣяны изреченія касательно правъ и обязанностей власти. Статья современнаго журнала: «Mercure de France» (апрѣль 1755 г.), разбирая Синава и Трувора, видитъ особенную заслугу Сумарокова въ томъ, что онъ славитъ правосудіе и человѣколюбіе, ополчается противъ неправды и жестокости. Піесы перваго нашего трагика игрались и при дворѣ, и на публичномъ театрѣ, и въ школахъ: способствуя распространенію вкуса къ сценическому искусству, какъ одному изъ высшихъ удовольствій человѣка, онѣ съ тѣмъ вмѣстѣ возбуждали въ зрителяхъ чувства патріотизма, правды, чести, великодушія, гуманности.

Другая сторона литературнаго таланта Сумарокова высказалась въ сатирѣ, имѣвшей цѣлію, какъ онъ самъ говоритъ, «обличеніе презрительныхъ вещей». Къ этому роду его сочиненій, кромѣ собственно сатиръ, относятся: комедіи, нѣкоторыя басни и пѣсни, полемическія и многія другія статьи, въ стихахъ и въ прозѣ. Комедіи его, по отзыву современниковъ, не пользовались большимъ успѣхомъ: онѣ бѣдны содержаніемъ, исполнены несообразностей въ дѣйствіи и переносятъ чужіе нравы на русскую цѣну; но за то въ нихъ много смѣхотворной остроты, искренне-горячаго, наивнаго раздраженія, которое было свойственно нраву сатирика, и вѣрныхъ указаній на современные недостатки. Какой бы образецъ ни имѣлъ передъ собою писатель, онъ все же сынъ своего времени, видитъ окружающія его явленія и не можетъ не воспроизводить ихъ, хотя часто и отступаетъ отъ дѣйствительности, подчиняясь вліянію иностранной литературы. Басни, большею частію переведенныя изъ Лафонтена и почитавшіяся «сокровищемъ россійскаго Парнасса», сами по себѣ не имѣютъ значенія; достоинство ихъ заключается въ указаніяхъ на современные нравы: это— также сатиры, только въ формѣ апологовъ.

Основныя тэмы Кантемировыхъ сатиръ: невѣжество и лжеобразованіе, перешли по наслѣдству къ дальнѣйшимъ сатирикамъ, съ тѣми, конечно, измѣненіями, которыя приноситъ съ собою жизнь общества, смѣняющая одни его недостатки другими, и развитіе понятій о качествахъ истиннаго просвѣщенія. «Презрительныя вещи» временъ Сумарокова происходили также или отъ великаго невѣжества, или отъ самонадѣянной, поверхностной цивилизаціи. Въ первомъ ихъ отдѣлѣ стоятъ: несправедливость судей, ябедничество, высокомѣріе знатныхъ родовъ, ханжество, суевѣріе, взиманіе незаконныхъ процентовъ ростовщиками, незаконное «домостроительство»; во второмъ: невѣріе, безсмысленное подражаніе иностранцамъ, литературный педантизмъ.

*

«Эпистола къ неправеднымъ судьямъ», «Сатира о худыхъ судьяхъ», «Письмо о заразительной болѣзни», «Почтеніе автора къ приказному роду», многія мѣста комедій и другихъ сочиненій преслѣдуютъ недостойныхъ исполнителей закона за ихъ безграмотность, злонамѣренную запутанность дѣлъ и лихоимство. Источникомъ судейской неправды Сумароковъ признаетъ невѣжество: «бездѣльство полагаетъ основаніе храма ея, безумство созидаетъ оный, непросвѣщенная сила, а иногда и смѣсившаяся съ пристрастіемъ, укрѣпляетъ оный». Бездѣльникова кража для него предпочтительнѣе взятокъ: «судья-грабитель хуже вора, гаже всѣхъ тварей». Вся кровь его волновалась при мысли о богатствѣ, нажитомъ похитителями правосудія, когда онъ видѣлъ великолѣпныхъ господъ, которыхъ «отцы ходили въ чирикахъ, дѣды въ лаптяхъ, а прадѣды босикомъ». Раздраженіе противъ подъячихъ выливалось у него то въ комической, то въ серьезной формѣ. Онъ называлъ ихъ «хамовымъ отродьемъ», «крапивнымъ сѣменемъ», «наперсниками бѣсовъ»; онъ справедливо думалъ, что обличеніе неправедныхъ судей должно извлекать слезы:

Сатирой ли сіи я строки нареку,
Коль слезный ими токъ у бѣдныхъ извлеку?

Стрѣлы его сатиры падали не на одну приказную мелочь: въ «Письмѣ» объ утѣсненной истинѣ (1759) онъ ропщетъ на Юпитера, который поразилъ громомъ низшихъ подъячихъ, пощадивъ главныхъ грабителей. Вмѣстѣ съ обличеніемъ козней ябеды, сатирикъ предлагалъ и средства искоренять ихъ. Первымъ средствомъ должно было служить образованіе приказнаго рода; вторымъ— систематическій сводъ законовъ. Въ «Похвальномъ словѣ Екатеринѣ II», Сумароковъ обращается къ ней съ такими словами: «Повели предъ писцами разогнути книгу естественныя грамматики, начало нашего предъ прочими животными преимущества, которыя многіе наши писцы и по имени не знаютъ. Повели имъ научиться изображати дѣла ясно, мыслить обстоятельно и порядочно, дабы знало общество, что́ написано.... Я, какъ сынъ и членъ отечества, не того желаю, чтобы древніе законы испровержены, а новые установлены были, но чтобы они при случаяхъ исправляемы были. На что нѣтъ закона, или не обстоятеленъ законъ, или не ясенъ, на то бы законъ сочинился, исправился и изъяснился.... Участныя (частныя) законовъ исправленія въ нѣсколько лѣтъ соберутъ къ усовершенному уложенью довольно вещества».

Въ слѣдъ за Кантемиромъ и Ломоносовымъ, Сумароковъ показываетъ вредное вліяніе ханжества и суевѣрія на истинную добро-

дѣтель и на истинное просвѣщеніе. «Похвальное слово Петру» (1759) исчисляетъ пользу паденія суевѣровъ: «возсіяло благочестіе въ полной истинѣ и стрѣлы ненасытныя злобы притупилися». Эти стрѣлы, «защищая невѣжество, корысть тунеядцевъ, легкомысліе тщетныхъ людей, устремлялись противъ ученія и премудрости, противъ разума и совѣсти, противъ благополучія подданныхъ и противъ законной власти обладателей». «Ода наслѣднику престола, Павлу Петровичу (1771), выхваляетъ его законоучителя, митрополита Платона, который, какъ новый Ѳеофанъ, украшаетъ разумъ правдой, не внемля наглому лицемѣрству и не повинуясь суевѣрію. Самыя рѣзкія черты означенныхъ недостатковъ видимъ въ рѣчахъ Чужехвата (ком. Опекунъ). Напротивъ, Тимантъ (въ ком.: Матьсовмѣстница дочери) есть образъ человѣка, который не можетъ быть ни суевѣромъ, ни атеистомъ, потому что имѣетъ основательное понятіе о Богѣ и о природѣ.

Величаніе знатнымъ родомъ, при отсутствіи полезной дѣятельности, осмѣяно въ сатирѣ о благородствѣ и въ нѣкоторыхъ комедіяхъ. Такихъ людей Сумароковъ ставитъ на одну доску съ тунеядцами. Перемѣну въ понятіяхъ о человѣческомъ и гражданскомъ достоинствѣ онъ ведетъ отъ реформы Петра: «Въ то время, когда Петръ I началъ преобразованіе Россіи, нагое (т. е. лишенное всякихъ заслугъ) благородство было главное достоинство, а украшеніе благородства гордость: преобразователь уничтожилъ значеніе такой гордости». Въ противоположность дворянской спеси, истинное благородство представлено въ лицѣ Валерія (ком. Опекунъ) и Октавія (ком. Нарцисъ).

Кащей (комедія Лихонмецъ), представляетъ, въ подражаніе Мольерову Гарпагону, скупаго и въ тоже время ростовщика, взимающаго за ссуду денегъ свыше указныхъ шести процентовъ. Онъ беретъ по двѣнадцати и по пятнадцати со ста, вопреки уставу о банкахъ (1754). На положеніе устава жалуется и другое лице, Салидаръ, въ комедіи «Приданое обманомъ»: «прежде сего брали по 15, по 20 руб. и больше со ста, а нынѣ только по 6 руб. приказано брать; не разоренье ли это?»

«Домостроительствомъ» (въ статьѣ того же названія) Сумароковъ называетъ «пріумноженіе изобилія». Если оно состоитъ «въ блаженствѣ не одного помѣщика, а всей деревни», тогда оно законно; если же, обогащая одного помѣщика, въ конецъ разоряетъ крестьянъ, тогда оно есть «ядъ имперіи» и должно быть названо «доморазорительствомъ». Тотъ въ большомъ заблужденіи, кто почитаетъ экономомъ жаднаго помѣщика, который на свое великолѣпіе, на заточеніе злата и сребра въ сундуки, на заведе-

ніе мануфактуръ и другихъ вымысловъ отягощаетъ крестьянъ: такая экономія противна моральному и политическому праву, раздражаетъ Божество и человѣчество. Утвердимъ же нашу помѣщичью власть на человѣколюбіи. Тѣло безъ головы быть не можетъ, однако и мизинецъ ноги есть членъ тѣла. Будучи главою своихъ подданныхъ, помѣщикъ обязанъ беречь и мизинецъ, ибо голова и мизинцу сострадаетъ».

Самонадѣянной, поверхностной цивилизаціи сатирикъ приписываетъ болѣе вреда, чѣмъ великому невѣжеству. Она пораждаетъ невѣріе, которое хуже суевѣрія: «атеисты тоже, что сумасшедшіе и не могутъ быть честны; суевѣры добродѣтель колеблютъ, ханжи разрушаютъ, атеисты истребляютъ». Сумароковъ отличаетъ людей, не познающихъ Божества по недоумѣнію, отъ такихъ, которые становятся безбожниками въ слѣдствіе излишнихъ умствованій: «истинное образованіе увѣряетъ насъ въ бытіи Бога и его премудрости; ложная образованность ведетъ къ противному». Невѣрующіе суть «непросвѣщенные умствователи, отторгнутые злосердіемъ и коркою науки отъ добродѣтели и отъ естественныя простоты. Не пустившіеся въ море отъ брега люди (простые, необразованные) видятъ единый брегъ; достигшіе другаго брега люди (вполнѣ образованные) знаютъ оба брега; а посреди водъ безъ кормила носимые бурею (полуобразованные) не видятъ ни единаго брега и, заблуждаяся по глубинѣ морской, о первомъ брегѣ не мыслятъ, а другаго не знаютъ и, плывя безъ кормила, ждутъ ежеминутно своей погибели». Такъ какъ безвѣріе по большой части заражало умы, знакомые съ ученіемъ французскихъ энциклопедистовъ, то Сумароковъ нападаетъ вообще на излишество философіи и въ частности на современную философію во Франціи. Комедія: «Ядовитый», въ лицѣ Геростата, указываетъ слѣдствія вредныхъ умствованій, эгоизмъ лжефилософа.

Въ современныхъ петиметрахъ Сумароковъ порицаетъ развращенное сердце, легкомысленныя понятія о нравственности, пристрастіе къ французскимъ модамъ и французскому языку, незнаніе языка роднаго, пренебреженіе всѣмъ отечественнымъ. Петиметръ Дюлижъ (ком.: Чудовищи и Пустая ссора) есть достойный выродокъ внѣшняго, поверхностнаго образованія. Онъ тоже въ кругу мужчинъ, что Минодора (Мать-совмѣстница дочери) между женщинами. Преслѣдуя глупыхъ модниковъ, Сумароковъ нерѣдко смѣшитъ читателей наивными выходками своего запальчиваго гнѣва. Такъ, напримѣръ, дѣйствіе реформы на петиметровъ онъ полагаетъ лишь въ томъ, что они «изъ человѣковъ ненапудренныхъ превратились въ напудренную скотину».

Въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ Сумарокова выставлены слабыя стороны современныхъ литераторовъ, особенно педантизмъ, не смотря на то, что онъ самъ былъ педантъ, «ставившій, по выраженію Ломоносова, свое рнемичество выше всего человѣческаго знанія». У него происходили частыя столкновенія съ Ломоносовымъ и съ Тредьяковскимъ: и потому какъ порицанія такъ и похвалы собратамъ по ремеслу обусловливались у него расположеніемъ духа въ текущую минуту. Въ одной эпистолѣ онъ совѣтуетъ молодымъ стихотворцамъ подражать Ломоносову, и осмѣиваетъ Тредьяковскаго, подъ именемъ Штивеліуса:

И съ пышнымъ Пиндаромъ взлетай до небеси,
Иль съ Ломоносовымъ гласъ громкій вознеси:
Онъ нашихъ странъ Мальгербъ [1]), онъ Пиндару подобенъ;
А ты, Штивеліусъ, лишь только врать способенъ.

Въ другой же эпистолѣ (о русскомъ языкѣ, 1748) тотъ же самый русскій Малербъ, русскій Пиндаръ, задѣтъ за похвальныя оды, на ряду съ Штивеліусомъ:

Одинъ *(Ломоносовъ)*, послѣдуя несвойственному складу,
Влечетъ въ Германію россійскую Палладу
И мня, что тѣмъ онъ ей пріятства придаетъ,
Природну красоту съ лица ея беретъ.
Другой *(Тредьяковскій)*, не выучась такъ грамотѣ, какъ должно,
По-русски, думаетъ, всего сказать не можно
И, взявъ пригоршни словъ чужихъ, сплетаетъ рѣчь
Языкомъ собственнымъ, достойну только сжечь;
Иль слово въ слово онъ въ слогъ русскій переводитъ,
Которо на себя въ обновѣ не походитъ.

Замѣчательны выходки Сумарокова противъ громкихъ одъ и надутаго слога, какъ противодѣйствіе стихотворческому риторству. Онъ требовалъ простоты и естественности, къ которымъ стремился самъ по влеченію здраваго смысла. «Всего болѣе», говоритъ онъ, «совѣтую несмысленнымъ стихотворцамъ упражняться въ одахъ; ибо многіе читатели, да и сами нѣкоторые лирическіе стихотворцы, разсуждаютъ тако, что никакъ невозможно, чтобъ была ода великолѣпна и ясна: по моему мнѣнію, пропади такое велнколѣпіе, въ которомъ нѣтъ ясности». Подъ именемъ «вздорныхъ одъ» Сумароковъ писалъ пародіи на торжественную лириву. Строфа четвертой оды (1743) Ломоносова, начинающаяся стихами:

Фиссонъ шумитъ, Багдадъ пылаетъ....

1) Малербъ (Malherbe).

дала поводъ сатирику сочинить подобную оду, гдѣ также есть строфа:

Атлантъ горитъ, Кавказъ пылаетъ....

Требованіе природной простоты отъ поэтовъ изложено имъ въ статьѣ: «о неестественности». Въ письмѣ къ Шувалову (16 октября 1753 г.), Ломоносовъ оправдывалъ находимыя у него «надутыя выраженія» примѣрами древнихъ и новыхъ стихотворцевъ, сочиненія которыхъ исполнены «высокопарныхъ мыслей». Тредьяковскій выведенъ также въ комедіи «Трессотиніусъ» (1750) ухаживающимъ за одной молодой дѣвицей и подносящимъ ей пѣсенку:

Красоту на вашу смотря, распалялся я, ей, ей!
Изволь меня избавить ты отъ страсти тѣмъ моей!
Бровь твоя меня пронзила, голосъ кровь зажогъ,
Мучишь ты меня, Климена, и стрѣлою сшибла съ ногъ, и т. д.

Въ этой же піесѣ Трессотиніусъ вступаетъ въ споръ съ другимъ педантомъ Бобембіусомъ о буквѣ *т* (*твердо*), какъ правильнѣе писать ее—о трехъ ли ножкахъ, или объ одной (Тредьяковскій, печатая свои сочиненія, держался втораго начертанія).

Трессотиніусъ. Я содержу, что *твердо* объ одной ногѣ правильнѣе, ибо у грековъ, отъ которыхъ мы литеры получили, оно объ одной ногѣ, а треножное *твердо* есть нѣкакій уродъ.

Бобембіусъ. Мое *твердо* о трехъ ногахъ и для того стоитъ твердо, ergo оно твердо; а твое *твердо* нетвердое, ergo оно не твердо. Твое *твердо* слабое, ненадежное, а потому презрительное, гнусное, позорное, скаредное.

Кромѣ того Тредьяковскій является еще въ комедіи «Чудовища», подъ именемъ «Критиціондіуса», т. е. придирчиваго критика-педанта.

Въ характерѣ Сумарокова заключались многія условія его сатирическаго таланта. Раздражительный, тщеславный и хвастливый, онъ постоянно являлся съ этими качествами и въ семейномъ кругу, и въ общественной жизни, и въ своемъ авторствѣ. Письма его—столь же вѣрное зеркало его личности, сколько и надежный ключъ къ его сочиненіямъ—исполнены страстныхъ выходокъ досады и гнѣва, которыя, по замѣчанію Екатерины II, умѣстны въ трагедіи, а не въ корреспонденціи. Скромностью онъ не отличался. Онъ безъ церемоніи ставилъ свое имя подлѣ имени Вольтера. Его наивныя слова: «неужели Москва болѣе повѣритъ подъячему,

нежели Вольтеру и мнѣ?»—въ своемъ родѣ классическія и потому обратились въ пословицу. Самохвальство, которому подвержены были и Тредьяковскій и Ломоносовъ, доходило у него до комизма каждый разъ, какъ только онъ касался своихъ заслугъ русскому театру и русской литературѣ: «Что только видѣли Аѳины и видитъ Парижъ, то нынѣ Россія стараніемъ моимъ увидѣла... До чего въ Германіи многими стихотворцами не достигли, до того я одинъ, и въ такое еще время, въ которое у насъ науки словесныя только начинаются и нашъ языкъ едва чиститься началъ, однимъ своимъ перомъ достигнуть могъ» (статья: о «копистахъ»). «Каково мое перо, о томъ и по худымъ переводамъ всѣ ученѣйшіе въ Европѣ знаютъ и ту мнѣ похвалу сплетаютъ, которая превосходитъ желаніе авторовъ и тѣхъ народовъ, въ которыхъ науки созрѣли и утвердилися... Если бы такимъ перомъ, каково мое, описана была вся Европа, не дорого бы стоило Россіи, ежели бы она и триста тысячъ рублевъ на это безвозвратно употребила (статья: «о путешествіяхъ»). Задорное самолюбіе сатирика находило также пищу въ затрудненіяхъ и хлопотахъ, которыя онъ встрѣчалъ, какъ директоръ театра; въ бѣдныхъ средствахъ для жизни, или, по его словамъ, «въ крайнемъ убожествѣ», изъ котораго онъ не могъ выбиться, хотя для русской сцены «трудился побольше Расина и Вольтера»; наконецъ въ современномъ состояніи общества, которое хотя и признавало громкую славу иныхъ литераторовъ, но не давало литературѣ равныхъ правъ съ другими сферами дѣятельности. Ироніей и горечью отзывается его жалоба Шувалову на стѣснительныя обстоятельства: «мои упражненія ни съ придворными, ни съ статскими ни малѣйшаго сходства не имѣютъ, и ради того я ни у кого не стою на дорогѣ, а труды мои ни чьихъ не меньше и нѣкоторую пользу приносятъ, ежели словесныя науки на свѣтѣ пользою называются» (письмо 15 ноября 1759). Не меньше горечи и въ отвѣтѣ на вопросъ: что бы я дѣлалъ, еслибъ былъ великій человѣкъ и малый господинъ? «Я бы, по многомъ моемъ стараніи показывать моему отечеству и свѣту заслуги, никого бы никакою докукою не отягощалъ и полагалъ бы надежду на достоинство свое и на заслуги отечеству; а когда бы въ томъ обманулся, такъ бы я по многомъ своемъ терпѣніи сошелъ съ ума и былъ бы такой человѣкъ, какіе не только ничего не дѣлаютъ, но и ни о чемъ не думаютъ». Поставленный вниманіемъ двора и нѣкоторыхъ вельможъ въ среду высшаго круга и частію самъ принадлежа къ нему по своему рожденію (онъ былъ сынъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника), Сумароковъ имѣлъ много поводовъ выказывать черты своего нрава. Живая натура его не

могла сносить ни пренебреженія къ наукѣ и словесности, ни нападокъ на собственную личность, ни похвалъ литературнымъ совмѣстникамъ. Большихъ усилій стоило ему воздерживаться отъ споровъ, которые могли быть ему непріятны или которые другимъ могли доставить неудовольствіе. Тѣ случаи, когда онъ оказывался «смирнымъ», почитали рѣдкимъ явленіемъ. Всѣ эти стороны оригинальнаго темперамента Сумарокова отразились на его сатирѣ— искренней, рѣзкой, полной огня и движенія и представляющей живыя связи съ дѣйствительностью. Въ этомъ ея достоинство. Она не страдаетъ отвлеченностью, имѣющею мѣсто тамъ, гдѣ сатирикъ занятъ изображеніемъ безнравственныхъ явленій, свойственныхъ человѣку вообще, безъ различія времени и мѣста. Напротивъ, она обличаетъ современныя ей «презрительныя вещи», которыя не только поражали, но и раздражали ея автора. Сочувствіе и антипатія, равно горячія, выказывались у Сумарокова торопливо и тревожно. Онъ также легко передавалъ бумагѣ свои чувства, какъ легко зараждались они въ душѣ его по слѣдамъ событій. Такое наблюденіе и представленіе темныхъ сторонъ современности заслужили его сатирамъ названіе «общественной критики», а самому автору «критика общественныхъ нравовъ». Кн. Вяземскій справедливо находитъ въ немъ съ этой стороны нѣкоторое сходство съ Бомарше.

Сатирами и трагедіями не ограничивалась дѣятельность Сумарокова. Онъ писалъ во всѣхъ родахъ словесности, поэтическихъ и прозаическихъ, сколько по характеру тогдашняго авторства, которое стремилось къ универсальности, столько жъ изъ соперничества съ Ломоносовымъ, который трудился по разнымъ отраслямъ науки и литературы, а равно изъ желанія подражать Вольтеру, этому «всеобъемлющему уму», какъ его тогда величали. Въ длинномъ спискѣ сочиненій Сумарокова читатель встрѣчаетъ лирическія и драматическія піесы всѣхъ видовъ, ораторскія рѣчи, статьи историческія, нравственно-философическія, филологическія, критическія и пр. Такое разнообразіе дѣятельности, хотя и бывающее въ ущербъ ея внутреннему значенію, какъ нельзя больше приходилось ко времени. При развитіи вкуса къ чтенію и театральнымъ зрѣлищамъ, большинство грамотныхъ нуждалось не въ кабинетной учености, а въ живомъ, впечатлительномъ талантѣ, который любитъ являться въ обществѣ, чтобы людей посмотрѣть и еще болѣе себя показать, которому не сильное, но многостороннее образованіе даетъ возможность сближаться съ публикой, угадывать ея наклонности и доставлять ей популярный матеріалъ для чтенія. Такимъ талантомъ былъ именно Сумароковъ. Онъ, по сло-

вамъ Карамзина, сильнѣе дѣйствовалъ на массу читателей, чѣмъ Ломоносовъ, потому что избралъ обширнѣйшую сферу, потому что масса любитъ наиболѣе того, кто ей по плечу, кого она легко понимаетъ. Этимъ объясняется громкая слава Сумарокова и всѣ наименованія его «русскимъ Расиномъ», «русскимъ Лафонтеномъ» и т. п. У него были поклонники между видными лицами: такъ Елагинъ величалъ его «открытелемъ таинства любовной лиры, защитникомъ истины, гонителемъ пороковъ». Съ другой стороны имѣлъ онъ и хулителей. Одно изъ французскихъ стихотвореній гр. Андрея Шувалова обидно характеризуетъ его какъ трагика: «ce copiste insensé des défauts de Racine». Ломоносовъ, свысока смотрѣвшій на риѳмичество Сумарокова, смѣялся надъ нимъ, что онъ «сочинялъ любовныя пѣсни и тѣмъ весьма счастливъ, для того, что вся молодежь, т. е. пажи, коллежскіе юнкера, кадеты и гвардіи капралы такъ ему послѣдуютъ, что онъ передъ многими изъ нихъ самъ на ученика походитъ». Сумароковъ могъ бы отвѣчать своему сопернику, что надобно же что-нибудь читать и молодежи; что молодежь, по лѣтамъ или образованію, не въ силахъ читать сочиненій ученыхъ, которыя могутъ быть цѣнимы только учеными, составляющими небольшую долю общества (1).

§ 14. Изъ сношеній Петра Великаго съ Лейбницемъ видно, что послѣдній указывалъ на Москву, Кіевъ, Астрахань и Петербургъ, какъ на такіе города, которые преимущественно должны быть выбраны для учрежденія академій, университетовъ и гимназій. Согласно этому совѣту, Петръ I успѣлъ основать только въ Петербургѣ Академію Наукъ, при которой находились университетъ и гимназія. Но академическій университетъ «не имѣлъ», какъ говоритъ Ломоносовъ, «не только дѣйствія, но даже имени», а гимназія, въ царствованіе Елисаветы, «пришла еще въ худшее противъ прежняго состояніе: въ семь лѣтъ ни единъ школьникъ въ достойные студенты не доучился». Впрочемъ, и при надлежащемъ устройствѣ курсовъ, университетъ едва ли приносилъ бы ожидаемую пользу по своей отдаленности отъ центральныхъ и южныхъ губерній и по своей зависимости отъ Академіи. Болѣе и болѣе сознаваемая необходимость высшаго образованія требо-

---

1) Очерки жизни и избранныя сочиненія С—ва, изданные С. Глинкой (1841); С—въ и современная ему критика, Н. Булича (1854); С—въ, В. Стоюнина (1856); Новые матеріалы для біографіи С—ва, ст. Лебедева (Библ. Записки 1858, №№ 14 и 15); Письма Лом—ва и С—ва къ И. Шувалову, Я. Грота (Приложеніе къ 1 т. Записокъ Ак. Н. 1862). — Полное собраніе сочиненій С—ва издано Н. Новиковымъ (1781—82; 2-ое изд. 1787).

вала новаго, самостоятельнаго учрежденія, и въ виду этой потребности, стараніями И. И. Шувалова, возникъ Московскій университетъ (1755). Основаніе его, какъ въ проэктѣ, такъ и въ утвердившемъ его именномъ указѣ, связано съ мыслью о пользѣ просвѣщенія, даннаго Россіи Петромъ: посредствомъ наукъ Петръ Великій возвысилъ наше отечество; науками одни народы пріобрѣтаютъ себѣ славу и превосходство надъ другими, дикими и необразованными; источникъ всякаго добра есть просвѣщенный разумъ, а источникъ всякаго зла—невѣжество; распространеніемъ знаній истребляются суевѣрія, расколы и ереси. Кромѣ главной цѣли, университетское образованіе имѣло также въ виду готовить русскихъ наставниковъ въ замѣнъ иностранцевъ, которымъ родители ввѣряли обученіе дѣтей своихъ и нравственный надзоръ за ними, но которые почти всегда оказывалить неспособными ни къ тому, ни къ другому. Въ началѣ своего существованія, новоучрежденный университетъ состоялъ изъ трехъ факультетовъ: юридическаго, медицинскаго и философскаго. Попеченіе о богословскихъ наукахъ предоставлено было синоду. Но университетъ безъ гимназіи «тоже, что пашня безъ сѣмянъ», писалъ Ломоносовъ къ Шувалову; въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, приготовляющихъ юношество къ слушанію лекцій, заключается «главное дѣло, основаніе и начало къ происхожденію ученыхъ Россіянъ»: и потому въ одинъ годъ съ университетомъ были открыты въ Москвѣ двѣ гимназіи—для дворянъ и для разночинцевъ.

Заслуги Московскаго университета для науки и литературы такъ важны, что его исторія есть въ тоже время исторія русскаго образованія. Онъ былъ центромъ умственной дѣятельности, простиравшей свое вліяніе на всѣ концы нашего отечества. Въ немъ по-преимуществу зачиналось и поддерживалось движеніе просвѣтительныхъ началъ, которыя давали ростъ и крѣпость общественному сознанію. Благодаря ему, древняя столица Россіи сдѣлалась вождемъ ея высшихъ, духовныхъ интересовъ. Его столѣтній юбилей (1855) имѣлъ значеніе не областнаго, а всероссійскаго торжества, понятнаго каждому патріоту. Состоя своимъ началомъ въ связи съ Ломоносовымъ, «первымъ русскимъ университетомъ», по выраженію Пушкина, онъ въ дальнѣйшемъ своемъ дѣйствіи связанъ и съ исторіей другихъ нашихъ университетовъ, и съ важнѣйшими моментами въ исторіи русской науки, русской литературы, русскаго слова. По всѣмъ этимъ предметамъ онъ несъ ревностную службу и богатъ почетными преданіями. Излагая науки, университетскія лекціи приносили пользу и отечественной словесности: послѣдняя озарялась тѣмъ свѣтомъ, который исходилъ отъ первой. Между

именами самихъ профессоровъ мы встрѣчаемъ имена достойныхъ литераторовъ. Первый профессоръ изъ русскихъ, Поповскій (1730—1760), столько же принадлежитъ исторіи Московскаго университета, сколько и исторіи русской литературы. Онъ преподавалъ философію и краснорѣчіе, которое самъ слушалъ у Тредьяковскаго и Ломоносова. Философическія лекціи онъ открылъ «рѣчью о пользѣ и важности философіи». Наука наукъ представлена точнымъ изображеніемъ храма вселенной. Предметъ ея—«главнѣйшія и самыя общія правила, строгое доказательство каждой истины, раздѣленіе правды отъ неправды». Необходимость ея изученія состоитъ въ томъ, что она дѣйствуетъ на атеистовъ, убѣждая ихъ въ бытіи Бога «правильнымъ и необманчивымъ познаніемъ натуры». Этотъ возвратъ невѣрующаго къ вѣрѣ путемъ знанія напоминаетъ извѣстный намъ взглядъ Ломоносова на родственный союзъ науки и религіи. Другая часть рѣчи касается изложенія философіи. Разсуждая обо всемъ, что ни есть въ мірѣ, философія не можетъ довольствоваться латынью; профессоръ русскаго университета долженъ передавать ее слушателямъ на языкѣ русскомъ, способномъ выражать всевозможныя мысли: «нѣтъ такой мысли, кою бы по-россійски изъяснить было невозможно». Замѣчательны, по своей новизнѣ и смѣлости, эти нападки на латинскій языкъ, общепринятый въ тогдашнемъ ученомъ мірѣ, это желаніе излагать философскія истины отечественнымъ словомъ и тѣмъ дѣлать ихъ доступнѣе и популярнѣе для русскаго юношества. Литературные труды Поповскаго носятъ на себѣ явственный характеръ дидактизма. Достоинство ихъ въ ясномъ и точномъ выраженіи истинъ, къ которому только и былъ способенъ ихъ авторъ, лишенный поэтическаго дара, и которое цѣнилъ онъ выше другихъ качествъ, какъ ученый. Наука не вдохновляла его, какъ Ломоносова, но давала ему поводъ излагать ея содержаніе въ правильномъ, выразительномъ стихѣ. «Посланіе къ Шувалову о пользѣ наукъ и о воспитаніи юношества (1756)» написано въ стилѣ «Посланія о пользѣ стекла», хотя и уступаетъ ему достоинствомъ. Бѣдность оригинальной литературы обратила вниманіе Поповскаго на переводы иностранныхъ сочиненій. Занятія этимъ предметомъ онъ справедливо называлъ настоятельнымъ, достохвальнѣйшимъ дѣломъ. Вѣрный своему направленію, онъ выбиралъ для перевода дидактическія поэмы и другія стихотворенія въ томъ же родѣ. Особенно прославилъ его «Опытъ о человѣкѣ, Попа (1757)», переданный не съ подлинника, а съ французскаго перевода, и имѣвшій нѣсколько изданій. Современники высоко цѣнили умѣнье Поповскаго находить точныя и образныя выраженія для мыслей ан-

глійскаго стихотворца. Переводъ «Горацієва Посланія къ Пизонамъ (1763)» отличается еще бо̀льшимъ искуствомъ въ версификаціи и бо̀льшею обработанностью языка.

Другимъ профессоромъ изъ русскихъ былъ Барсовъ (1730—1791). Сначала приглашенный на каѳедру математики, а потомъ занявшій мѣсто Поповскаго, онъ, при самомъ открытіи Московскаго университета, произнесъ рѣчь о пользѣ его учрежденія. Здѣсь изложена польза университетскаго, т. е. «весь кругъ просвѣщающаго разумъ ученія», особенно философіи. Во взглядѣ на этотъ предметъ, онъ, подобно своему предшественнику въ преподаваніи краснорѣчія, сходится съ Ломоносовымъ—признаетъ содружество науки и вѣры. Онъ говоритъ: «Было время, когда разумъ нашъ достаточенъ былъ къ совершенному познанію нашего благополучія, воля покорялась разуму безъ упорства и самое благополучіе въ рукахъ нашихъ находилось. Нынѣ преступленіемъ праотца нашего, громкимъ паденіемъ высоты естества нашего, мы лишены толикихъ преимуществъ». Чѣмъ же человѣкъ можетъ вознаградить уронъ, причиненный грѣхопаденіемъ? Науками: онѣ должны «возвратить намъ первоначальное естество наше, возвратить насъ естеству нашему». Изъ учебныхъ сочиненій Барсова замѣчательна доселѣ остающаяся въ рукописи «Обстоятельная Россійская Грамматика». Авторъ хотѣлъ въ орѳографіи слѣдовать своему учителю, Тредьяковскому, т. е. основывать ее «на звонахъ». Онъ возстаетъ противъ производства словъ, потому что излишняя къ нему привязанность даетъ мѣсто не только затрудненіямъ, но даже нелѣпостямъ: «было бы странно, говоритъ онъ, писать «стлой», вм. «слой» (отъ глагола «стелю»), «стклянка» вм. «склянка» (отъ сущ. «стекло»), «одиннадесять» вм. «одиннадцать», и пр. Производство часто подчиняется употребленію вообще, и особенно употребленію, основанному на благозвучіи, хотя такое подчиненіе можетъ довести языкъ до того, что и не узнаешь, откуда произвести какое слово». Барсовъ пытался также, по примѣру Тредьяковскаго, сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ нашей азбукѣ. Одна выписка изъ его рукописей: «Сводъ бытій россійскихъ», напечатанная въ Московскомъ Журналѣ 1792 г., даетъ понятіе о задуманной имъ реформѣ: буква *и* вездѣ замѣнена буквою *і*, для которой принятъ знакъ съ краткимъ; буква *ъ* въ концѣ словъ уничтожена, а въ серединѣ замѣнена апострофомъ. Эти орѳографическія новизны не были приняты публикою, которая держалась прежняго обычая, да и самъ нововводитель въ послѣдствіи отъ нихъ отказался (1).

---

1) Исторія Москов. университета, соч. Шевырева. Жизнь и дѣятельность Поповскаго и Барсова въ Біографич. Словарѣ профессоровъ Москов. Универси-

§ 15. Къ мемуарамъ времени императрицы Елисаветы относятся: записки князя Шаховскаго, Нащокина и Данилова.

Записки кн. Якова Петровича Шаховскаго (1705—1772), доведенныя до 1766 г., интересны какъ содержаніемъ, такъ и добротою нравственнаго впечатлѣнія. Въ періодъ сорокалѣтней службы своей, онъ имѣлъ сношенія съ важнѣйшими людьми временъ Анны и Елисаветы: Бирономъ, Волынскимъ, Минихомъ, Головкинымъ, Шуваловыми, которые, и въ славѣ и въ паденіи, обстоятельно изображены его разсказомъ. Онъ не только былъ свидѣтелемъ придворныхъ перемѣнъ и государственныхъ событій, но и самъ участвовалъ въ важныхъ дѣлахъ духовнаго и гражданскаго вѣдомства, по званію оберъ-прокурора синода и оберъ-прокурора сената: подавалъ проэкты, останавливалъ злоупотребленія, заботился о справедливѣйшемъ ходѣ администраціи. Нравственное впечатлѣніе Записокъ производится благороднымъ образомъ мыслей и дѣйствій ихъ автора, для котораго совѣсть и гражданскій долгъ служатъ главнѣйшими основами жизни. Будучи отъ природы «неробкаго духа», Шаховской еще болѣе укрѣпилъ его строгими правилами воспитанія—стыдиться всего дурнаго, всему предпочитать добродѣтель и справедливость, твердо слѣдовать примѣру людей, оставившихъ по себѣ похвальную память. Нравственныя внушенія принесли свои плоды: Шаховской не измѣнялъ правдѣ во все время своего служебнаго поприща, о которомъ говоритъ открыто, съ сознаніемъ его достоинства. Не взирая на лица, не соблазняясь выгодами, онъ думалъ единственно о пользѣ отечества, о точномъ исполненіи законовъ. Неподкупный патріотизмъ и уваженіе къ законности нажили ему многихъ враговъ: по неудовольствію съ гр. Петромъ Ивановичемъ Шуваловымъ, сильнымъ вельможею при дворѣ Елисаветы, онъ незаслуженно подпалъ гнѣву императрицы, но изъ всѣхъ невзгодъ вышелъ чистымъ, съ спокойствіемъ и ровностію духа, отличающими достойнаго человѣка.

Большая часть сухихъ и краткихъ Записокъ Нащокина (1707—1761) относится также къ царствованію Елисаветы. Онъ отмѣчалъ въ нихъ «достопамятные случаи», которые самъ видѣлъ или о которыхъ дошли до него слухи. Иногда приводятся выписки изъ книгъ о замѣчательныхъ событіяхъ, наприм.: о поимкѣ сирены въ

тета, 2 ч. (1855); о Барсовѣ еще въ 4 т. Исторіи Рос. Академіи, М. Сухомлинова (1878). Сношенія Петра съ Лейбницемъ въ 1 т. Изслѣдованія Пекарскаго: Наука и лит. при Петрѣ (гл. 2). О самомъ Шуваловѣ см.: Жизнь Шувалова, писанная племянникомъ его, кн. Ѳ. Н. Голицынымъ (Москв. 1853, № 6); Благодарное воспоминаніе о Шуваловѣ, рѣчь проф. С. Соловьева, 12 января 1855; И. И. Шуваловъ, г. Бартенева (Рус. Бесѣда, 1857, № 1).

Ютландіи, о смерти профессора Рихмана, убитаго молніею во время опытовъ надъ грозовымъ электричествомъ. Послѣдняя статья достойна вниманія, какъ свидѣтельство чувствъ, возбужденныхъ печальной кончиной естествоиспытателя между людьми малообразованными, хотя и любившими чтеніе. Въ то время, какъ Ломоносовъ, въ письмѣ къ Шувалову, скорбитъ объ участи своего сотоварища по академіи и его семейства, боясь, чтобъ этотъ случай не былъ перетолкованъ противъ любезныхъ ему наукъ, разсказъ Нащокина отзывается не только неуваженіемъ къ опаснымъ трудамъ ученаго, но даже насмѣшкою надъ ними. Судьбу Рихмана, «старавшагося машиною удержать громъ и молнію», Нащокинъ сравниваетъ съ судьбою Эсхила, который также погибъ «чрезъ астрономію, когда сидѣлъ внѣ града на открытомъ мѣстѣ и когда орелъ, принявъ его лысую голову за камень, опустилъ на нее пойманную черепаху». Такимъ образомъ «вымыселъ Рихмана, какъ и греческій трагикъ, получилъ нечаянный конецъ», заключаетъ авторъ Записокъ, принадлежавшій, какъ надобно полагать, къ числу тѣхъ грамотниковъ, которыхъ разумѣлъ Ломоносовъ, говоря о согласіи вѣры съ наукой.

Для исторіи нравовъ въ царствованіе Анны и Елисаветы очень важны «Записки артиллеріи маіора Данилова (1722—1790)», писанныя имъ въ 1771 г. Семи лѣтъ посадили его за азбуку: слѣд. ученіе его относится ко времени Петра II и Анны. Авторъ обстоятельно знакомитъ съ характеромъ этого ученія, состоявшаго въ механическомъ затверживаніи уроковъ. Первымъ наставникомъ его былъ пономарь Филиппъ Брудастый—типъ старинныхъ дидаскаловъ, вооруженныхъ розгой, въ которой они видѣли единственное образовательное средство. Потомъ Даниловъ поселился въ домѣ тетки своей, Матрены Петровны, и продолжалъ «словесное ученіе, состоявшее изъ двухъ книгъ: Часослова и Псалтыри», подъ надзоромъ дворовaго человѣка, который соединялъ въ своемъ лицѣ должности наставника и компаньона. Тетка была въ своемъ родѣ Простакова. Портретъ ея стоитъ комическаго характера: «Она грамотѣ не знала; только всякій день, разогнувъ большую книгу на столѣ, акаѳистъ Богородицѣ всѣмъ въ слухъ громко читала. Вдова охотница великая была кушать у себя за столомъ щи съ бараниной; только, признаюсь, сколько времени у ней я ни жилъ, не помню того, чтобъ прошелъ хотя одинъ день безъ драки: какъ скоро она примется свои щи любимыя за столомъ кушать, то кухарку, которая готовила тѣ щи, притаща люди въ ту горницу, гдѣ мы обѣдаемъ, положатъ на полъ и станутъ сѣчь батожьемъ немилосердно, и потуда сѣкутъ и кухарка кричитъ, пока не пере-

станетъ вдова щи кушать; это такъ ужъ введено было во всегдашнее обыкновеніе, видно для хорошаго аппетиту». Въ родномъ племянникѣ Матрены Петровны, товарищѣ Данилова по ученію, готовился своего рода Митрофанъ (лице въ комедіи «Недоросль»): не онъ былъ наказываемъ за проступки, а Даниловъ и челядинецъ-учитель, въ страхъ провинившемуся. Однажды, послѣ такой шемякинской расправы, вдова, поцѣловавъ своего роднаго племянника, сказала ему: «чаятельно ты, Иванушка, давича испугался, когда сѣкли твоихъ товарищей; не бойся, голубчикъ, я тебя никогда сѣчь не стану». Интересно также изображены въ «Запискахъ» гр. Петръ Ивановичъ Шуваловъ и жена его.

§ 16. Василій Григоровичъ (1702—1747), болѣе извѣстный подъ именемъ «Барскаго», по волынскому городу Бару, гдѣ жили его предки, служитъ образцомъ самаго усерднаго пилигримства. Получивъ образованіе въ академіяхъ Кіевской и Львовской, онъ изъ Львова отправился (1723) на востокъ для обозрѣнія св. мѣстъ. Послѣ десятилѣтняго странствованія по Италіи, Греціи, Палестинѣ, Египту и Аравіи, принялъ монашество въ Дамаскѣ и по собственному его желанію уволенъ для продолженія наукъ на островъ Патмосъ, гдѣ пробылъ шесть лѣтъ. Около года занимался на Аѳонѣ описаніемъ монастырей и другихъ достопримѣчательностей. Отсюда ходилъ въ греческія области и потомъ черезъ Царьградъ воротился въ отечество. Во время своего путешествія Григоровичъ часто мѣнялъ свою фамилію, называясь то «Барскимъ», то «Кіевскимъ» по родинѣ, то «Плакою» по гречески, или «Альбовымъ» по латинѣ, отъ фамиліи Бѣляевъ. Записки его изданы въ 1778 г. литераторомъ Рубаномъ, подъ заглавіемъ: «Пѣшеходца Василія Григоровича Барскаго-Плаки-Албова, уроженца кіевскаго, монаха антіохійскаго, путешествіе къ св. мѣстамъ, въ Европѣ, Азіи и Африкѣ находящимся, предпріятое въ 1723 и оконченное въ 1747 г.». Самая значительная часть ихъ посвящена описанію горы Аѳонской. Въ XVIII в. онѣ служили для многихъ классовъ публики такимъ же интереснымъ чтеніемъ, какимъ для древнерусскаго періода служило «Хожденіе Данінла». Онѣ долгое время оставались рукописными. Списки ихъ особенно были распространены въ Малороссіи и сопредѣльныхъ съ нею губерніяхъ. Напечатанныя по порученію и на иждивеніи Потемкина, онѣ имѣли потомъ нѣсколько изданій. Успѣхъ ихъ объясняется теплымъ чувствомъ вѣры, которое не покидало странника среди всѣхъ опасностей и лишеній, интересомъ содержанія и безпристрастіемъ разсказа. Иностранцы, посѣщавшіе Палестину и другія святыя мѣста,

или вовсе умалчивали о православномъ богослуженіи, или отзывались о немъ недоброжелательно, выхваляя только своихъ одновѣрцевъ. Григоровичъ же, по замѣчанію издателя его Записокъ, «и собственныхъ слабостей не скрываетъ, и доброе у чужеземцевъ хвалитъ, и чудесъ не опровергаетъ, и суевѣріемъ своей совѣсти не помрачаетъ».

§ 17. Разсматривая похвальныя оды Ломоносова, мы опредѣлили характеръ духовнаго ораторства при Елисаветѣ. Къ именамъ Амвросія Юшкевича, Кирилла Флоринскаго и Димитрія Сѣченова надобно присоединить еще имя псковскаго епископа, Гедеона Криновскаго (1726—1763). Лучшее изъ его словъ произнесено по случаю лиссабонскаго землетрясенія (1755). Пораженные грознымъ событіемъ, современные философы и богословы смотрѣли на него съ разныхъ точекъ зрѣнія. Вольтеръ написалъ дидактическую поэму: «Разрушеніе Лиссабона», въ которой отвергаетъ оптимизмъ, распространенный англійскими мыслителями и изложенный Попомъ въ «Опытѣ о человѣкѣ». Проповѣдникъ слова Божія взглянулъ на ужасы природы въ духѣ религіознаго ученія. Различныя бѣдствія, равно какъ и всѣ другія явленія въ жизни человѣка и вещественнаго міра, имѣютъ источникомъ не естество (какъ думала школа французскихъ энциклопедистовъ), а противо-христіанское поведеніе наше: такова тэма слова. Криновскій, подобно Златоусту, объятъ страхомъ не ради землетрясенія, а ради вины землетрясенія; онъ боится не того, что разрушаются города и гибнутъ ихъ жители, а того, что Богъ гнѣвается на землю: ибо вина землетрясеній есть гнѣвъ Божій, а вина гнѣва Божія—наши грѣхи. Отъ картины современныхъ бѣдствій ораторъ переходитъ къ мысли о страшномъ судѣ, которому они какъ бы служатъ предвѣстниками.

§ 18. Первымъ учено-литературнымъ журналомъ въ Россіи были «Ежемѣсячныя сочиненія, къ пользѣ и увеселенію служащія» (1755—1764) (1). Поводомъ къ его изданію служило предложеніе академика Миллера, извѣстнаго своими важными трудами по русской исторіи. Въ этомъ предложеніи академической конференціи объяснялось, что издаваемыя академіею на русскомъ языкѣ «Содержанія ученыхъ разсужденій», по своей спеціальности, приносятъ незначительную пользу только части русской публики и что большинству любознательныхъ читателей нужно другое, полное и все-

1) Такъ назывался онъ въ первые три года изданія (1755—1757); потомъ (1758—1762) «Сочиненія и переводы, къ пользѣ и увеселенію служащія;» наконецъ (1763—1764) «Ежемѣсячныя сочиненія и извѣстія о ученыхъ дѣлахъ».

стороннее, періодическое изданіе, которое доставляло бы имъ пищу для ума и средства къ дальнѣйшему саморазвитію. Академія согласилась съ мыслію Миллера и возложила на него редакцію.

Самое названіе журнала показываетъ, что онъ наполнялся статьями серьезнаго и легкаго содержанія, по образцу иностранныхъ повременныхъ изданій, которыя старались соединять полезное съ пріятнымъ: въ Гамбургѣ, Ганноверѣ и другихъ мѣстахъ также выходили «сочиненія, къ пользѣ и увеселенію служащія». Программа Миллерова ежемѣсячника обстоятельно изложена въ «предувѣдомленіи». «Мы будемъ», говоритъ издатель, «предлагать всякія сочиненія, какія только обществу полезны быть могутъ, а именно: не одни только разсужденія о собственно такъ называемыхъ наукахъ, но и такія, которыя въ экономіи, въ купечествѣ, въ рудокопныхъ дѣлахъ, въ мануфактурахъ, въ механическихъ рукодѣліяхъ, въ архитектурѣ, въ музыкѣ, въ живописномъ и рѣзномъ художествахъ и въ прочихъ какое ни есть новое изобрѣтеніе показываютъ или къ поправленію чего-нибудь поводъ подать могутъ... Одни токмо тѣ сочиненія выключены, кои ради глубокаго ихъ смысла не всѣмъ ясны и вразумительны бываютъ; ибо мы за правило себѣ приняли писать такимъ образомъ, чтобъ всякій, какого бы кто званія или понятія ни былъ, могъ разумѣть предлагаемыя матеріи... Стихотворческія сочиненія принимаемъ мы наипаче для того, что въ нихъ многое весьма сильнѣе и пріятнѣе изображается, нежели простымъ слогомъ; къ тому жъ мы за должность свою признаваемъ писать не токмо для пользы, но и для увеселенія читателей... Есть еще другія піитическія сочиненія, которыя не требуютъ, чтобъ написаны были стихами, а именно: правоучительныя притчи, сны, повѣсти и подобныя тому описанія. Изображенныя такимъ простымъ слогомъ піитическія вымышленія не меньше полезны, коль и пріятны: того ради намѣрены мы временемъ сообщать и такія сочиненія, а притомъ чаемъ, что и переводы всякихъ полезныхъ и пріятныхъ матерій, взятыхъ изъ иностранныхъ книгъ, не непріятны будутъ читателямъ». Эти слова знакомятъ насъ съ цѣлью, направленіемъ и составомъ «Ежемѣсячныхъ сочиненій». Мы узнаемъ, что рядомъ съ оригинальными статьями они предлагали и переводы, которые въ то время, при незначительномъ еще развитіи нашей литературы и науки, имѣли гораздо большее значеніе, чѣмъ теперь; что тѣ и другія статьи должны были отличаться общедоступнымъ изложеніемъ; что хотя онѣ не группировались на отдѣлы, какъ въ журналахъ позднѣйшей эпохи, а печатались одна за другою, безъ всякой заранѣе опредѣленной классификаціи, однакожъ могутъ быть сведены къ

тремъ разрядамъ: а) на первомъ планѣ стояли сочиненія ученыя, собственно къ пользѣ служащія; б) за ними слѣдовали стихотворенія, служащія для увеселенія читателей; в) средину между тѣми и другими занимали статьи полезно-увеселительныя, то есть «изображенныя простымъ слогомъ піитическія вымышленія». Послѣдніе два отдѣла составляли литературный элементъ журнала, уступавшій въ объемѣ и достоинствѣ элементу ученому, которому посвящался первый отдѣлъ.

Въ ряду статей перваго отдѣла, относящихся ко всѣмъ отраслямъ знанія, главное мѣсто отведено исторіи нашего отечества. Твердо убѣжденный, что все русское должно быть интересно для Русскихъ, Миллеръ преимущественно заботился о такихъ сочиненіяхъ, которыя имѣютъ предметомъ прошлое и настоящее Россіи: ея исторію, географію и статистику. На страницахъ его журнала встрѣчаемъ критическія изслѣдованія объ отдѣльныхъ вопросахъ исторіи и опыты прагматическаго изложенія событій; сочиненія, обнимающія исторію всей Россіи и историческія монографіи ея областей или городовъ; описаніе политическаго состоянія государства, или внутренняго быта нашихъ предковъ и т. п. Наибольшая часть трудовъ по этимъ предметамъ принадлежитъ самому издателю. Таковы, напримѣръ: «о лѣтописи Нестора и ея продолжателяхъ», «о началѣ и происхожденіи казаковъ», «извѣстія о запорожскихъ казакахъ», «опытъ новѣйшей исторіи о Россіи», «краткое извѣстіе о началѣ Новгорода и о происхожденіи россійскаго народа», нѣсколько главъ «Сибирской исторіи». Назначая свое изданіе не для спеціалистовъ, а для массы читателей, Миллеръ необходимо долженъ былъ заботиться о томъ, чтобы ученыя статьи выходили общезанимательными по содержанію и простыми по формѣ. Онѣ имѣли цѣлію не столько обогащеніе науки новыми свѣдѣніями и открытіями, сколько распространеніе въ средѣ общества тѣхъ истинъ, которыя уже были доказаны и приняты ученымъ міромъ. Поэтому спеціальныя и сухія изслѣдованія не могли найти себѣ мѣста въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ». Исключеніе изъ этого правила было допущено только для изслѣдованій о прежней судьбѣ и современномъ бытѣ Россіи. Здѣсь, ради важности предмета, извинялись спеціальность содержанія и сухость изложенія. Къ первому же отдѣлу журнала слѣдуетъ причислить статьи критическія и библіографическія, которыя Миллеръ помѣщалъ подъ именемъ «извѣстій о ученыхъ дѣлахъ» и которыя заключаютъ въ себѣ обзоры замѣчательнѣйшихъ книгъ, иностранныхъ и русскихъ.

По второму отдѣлу «Ежемѣсячныхъ сочиненій» главными со

трудниками Миллера были Ломоносовъ, Сумароковъ, Херасковъ и другіе извѣстнѣйшіе писатели того времени. Ихъ-то разумѣло «предувѣдомленіе», объявляя, что «такіе стихотворцы, какихъ Россія нынѣ имѣетъ, достойны, чтобъ потомкамъ въ примѣръ поставлены были». Большую часть стихотвореній доставилъ Сумароковъ.

Отдѣлъ полезно-увеселительныхъ сочиненій соотвѣтствовалъ тому, что въ современныхъ журналахъ извѣстно подъ именемъ беллетристики. Онъ наполнялся не романами и повѣстями, представляющими художественное изображеніе дѣйствительности, а статьями дидактическаго направленія, посвященными развитію нравственно-философскихъ идей, преимущественно въ аллегорической формѣ, т. е. въ формѣ сновъ, притчъ, сказокъ и т. п. Нѣкоторыя статьи даже озаглавлены словомъ «аллегорія». Дидактизмъ господствовалъ въ европейской словесности XVIII в. и всего болѣе выразился особымъ видомъ сатиры, которая только своимъ внѣшнимъ видомъ относилась къ литературнымъ произведеніямъ, а по содержанію входила въ область науки. Эта сатира имѣла цѣлію преслѣдовать не какіе-либо особенные недостатки извѣстной страны въ извѣстную эпоху, а пороки и слабости общечеловѣческіе, существующіе во всѣ времена и у всѣхъ народовъ. Характеръ ея нѣсколько опредѣляется самыми заглавіями статей, наприм.: «сонъ о порокахъ и жалобахъ человѣческихъ», «разговоръ между любовью и разумомъ», «сонъ о роскоши», «о благоразуміи», «о людяхъ, обѣщаній своихъ не исполняющихъ», и пр. За подобными «піитическими вымышленіями» Миллеръ обращался къ иностраннымъ источникамъ. Англійскіе журналы: «Говорунъ», «Зритель» и «Опекунъ», издававшіеся Стилемъ и Аддисономъ, доставили ему значительное количество матеріаловъ. Оригинальныхъ статей въ третьемъ отдѣлѣ немного. Знаменитый Суворовъ сочинилъ для него два разговора въ царствѣ мертвыхъ: одинъ, между Кортецомъ и Монтезумой, доказываетъ, что героямъ потребны благость и милосердіе; другой, между Александромъ Великимъ и Геростратомъ, различаетъ истинную любовь къ славѣ и простое желаніе извѣстности.

Миллеръ выполнилъ свою журнальную программу съ умомъ, знаніемъ дѣла и крайнею добросовѣстностію. «Ежемѣсячныя сочиненія» имѣли большой успѣхъ: они совершенно пришлись по вкусу публики, удовлетворяя дѣйствительнымъ ея потребностямъ, и потому публика читала ихъ съ жадностью, какъ свидѣтельствуетъ митрополитъ Евгеній. Отражая въ себѣ до нѣкоторой степени все состояніе тогдашней словесности, иностранной и оте-

чественной, они передавали любознательнымъ людямъ множество полезныхъ свѣдѣній по всѣмъ отраслямъ наукъ. Нѣкоторыя изслѣдованія, помѣщенныя въ первомъ ихъ отдѣлѣ, сохраняютъ цѣну и въ настоящее время.

Съ 1756 г. при московскомъ университетѣ началось изданіе «Московскихъ Вѣдомостей». Первыми редакторами ихъ были Поповскій и Барсовъ. Онѣ содержали въ себѣ извѣстія о замѣчательныхъ событіяхъ въ Россіи и западной Европѣ, о промышленной и общественной жизни въ Москвѣ. Черезъ нихъ, какъ черезъ свой органъ, университетъ знакомилъ публику со всѣми новостями касательно курсовъ ученія, профессоровъ, студентовъ и академическихъ торжествъ. Впрочемъ, въ первыя семь лѣтъ своего существованія (1755—1762), Московскія Вѣдомости имѣли чисто-оффиціальный характеръ. Литературныхъ статей въ нихъ почти не было.—Подражая Миллеру, Сумароковъ, въ 1759 г., издавалъ ежемѣсячникъ, подъ названіемъ: «Трудолюбивая Пчела». Большая часть статей, здѣсь помѣщенныхъ, принадлежитъ самому издателю. Въ то время литераторъ, принимавшій на себя изданіе журнала, долженъ былъ нести дѣйствительную, а не номинальную отвѣтственность передъ публикой. При маломъ числѣ пишущихъ, онъ не всегда могъ расчитывать на стороннюю помощь и часто одинъ несъ бремя журнальной работы. Поэтому неудивительно читать въ примѣчаніи къ майской книжкѣ Трудолюбивой Пчелы: «весь сей мѣсяцъ сочиненія Александра Сумарокова». Лучшую часть журнала, вообще слабаго, составляли прозаическія статьи издателя, принадлежащія къ области сатиры, которая имѣетъ предметомъ не общечеловѣческіе недостатки, какъ въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ», а недостатки современнаго русскаго общества. Сотрудники Сумарокова доставляли ему преимущественно переводы съ древнихъ языковъ: изъ Горація, Овидія, Ливія, Лукана, Лукіяна, Ксенофонта, Віона. Переведено также нѣсколько статей изъ англійскаго «смотрителя» (т. е. Аддисонова Зрителя).—Между другими журналами, выходившими въ 1759—63 г.г., наиболѣе замѣчателенъ журналъ Рейхеля, профессора московскаго университета: «Собраніе лучшихъ сочиненій къ распространенію знанія и къ произведенію удовольствія», выходившій въ 1762 г., по книжкѣ черезъ каждые три мѣсяца. Уже самое названіе сборника даетъ знать, что издатель его намѣревался слѣдовать по пути, указанному Миллеромъ, т. е. соединять въ своемъ изданіи полезное съ пріятнымъ. Намѣреніемъ его было передать на русскій языкъ лучшія иностранныя сочиненія по физикѣ, экономіи, нравоученію, политической и ученой исторіи. Особенно заботился онъ о тѣхъ

читателяхъ, «которые не имѣютъ склонности къ глубокомысленнымъ разсужденіямъ». Переводчиками были студенты московскаго университета, между которыми нерѣдко встрѣчается имя Фонъ-Визина (¹).

§ 19. Литература времени Екатерины II, сохраняя, по формѣ, ложноклассическое направленіе, данное ей Ломоносовымъ, въ тоже время, по содержанію, становится органомъ просвѣтительныхъ идей и стремленій XVIII вѣка, которыми интересовались всѣ мыслящіе и образованные люди и которыя стали выражаться еще въ царствованіе Елисаветы, какъ это мы видѣли, говоря о трагедіяхъ Сумарокова. Такимъ образомъ двоякое вліяніе французской литературы на нашу, начавшееся въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія (вліяніе по формѣ и по образу мыслей) со вступленія на престолъ Екатерины II принимаетъ большую силу и большіе размѣры. Сама Императрица подала тому примѣры своими сочиненіями, изъ коихъ «Наказъ» стоитъ на первомъ планѣ, излагая начала, выработанныя современною наукою. Къ нему примыкаютъ другія ея произведенья, связанныя съ нимъ и между собою согласіемъ основныхъ воззрѣній. Первымъ дѣломъ Екатерины, по ея вступленіи на престолъ, было даровать Россіи новую, органическую систему законовъ. Чтобы узнать истинныя нужды народа, она повелѣла учредить въ Москвѣ коммиссію изъ депутатовъ отъ всѣхъ званій и сословій, для сочиненія проэкта новаго уложенія. Въ руководство же коммиссіи при ея работахъ написала инструкцію или «Наказъ», заключающій въ себѣ положенія, на которыхъ долженствовала воздвигнуться законодательная система. Содержаніе его заимствовано изъ Монтескье («о духѣ законовъ») и Беккаріи («о преступленіяхъ и наказаніяхъ»). Оно отвѣчало современной потребности — примѣнить къ законамъ начала истины и человѣколюбія. Карамзинъ, въ похвальномъ словѣ Екатеринѣ, опредѣляетъ характеръ ея царствованія такими словами: «Екатерина уважала въ подданномъ санъ человѣка, нравственнаго существа, созданнаго для счастія въ гражданской жизни. Петръ I возвысилъ насъ на степень образованныхъ людей; Екатерина хотѣла обходиться съ нами, какъ съ людьми образованными». Въ манифестѣ «объ учрежденіи коммиссіи для сочиненія проэкта новаго уложе-

---

¹) «Очерки русской журналистики, В. Милютина» (Современникъ 1851 г., т.т. XXV и XXVI); «Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755—1764 г.г., П. Пекарскаго» (въ приложеніи къ XII т. Записокъ Ак. Н., 1857); Историческое розысканіе о рус. повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 г., А. Неустроева (1874).

нія» она объявила желаніе—видѣть русскій народъ столько довольнымъ и счастливымъ, сколь далеко человѣческое довольство и счастіе простираться могутъ. «Наказъ», данный ею коммиссіи, поставляетъ предметомъ самодержавія—наивозможно большее благо Россіи: «Мы думаемъ и за славу себѣ вмѣняемъ сказать, что Мы сотворены для нашего народа. Боже сохрани, чтобы былъ какой народъ больше процвѣтающъ на землѣ».

Но возможное совершенство гражданскаго благоденствія существуетъ только при народной нравственности. Только тотъ народъ имѣетъ право имъ пользоваться и дѣйствительно пользуется, въ которомъ развито чувство долга, законности, справедливости, который свои дѣйствія уклоняетъ отъ зла, какъ источника бѣдствій, и направляетъ къ добру, убѣжденный въ его необходимости для счастія. Чтобы нравственно возвысить народъ, надобно ему дать надлежащее воспитаніе. Императрица въ этомъ пунктѣ, равно какъ и во многихъ другихъ, держится ученія Монтескье и Беккаріи. Слѣдуя первому, «Наказъ» говоритъ, что «правила воспитанія суть первыя основанія, пріуготовляющія насъ быть гражданами»; слѣдуя второму, онъ видитъ въ воспитаніи самое надежное, хотя и самое трудное средство не только отвращать людей отъ преступленій, но и дѣлать ихъ лучшими. Требованіе современной философіи—замѣнить многосложныя и традиціонныя постановленія, управлявшія обществомъ, простыми, здравыми правилами, извлеченными изъ природы человѣка, легло въ основаніе и новой педагогической системы. Авторитетами въ ея области были Локкъ и Руссо. Воспитаніе, устроенное по ихъ руководству, служило радикальной отмѣной прежняго, перевоспитаніемъ. Оно долженствовало произвести полную реформу общества, создать «новую породу людей».

Мысль о созданіи новой породы людей силою воспитанія обращалась въ кругу физіократовъ. Кене смотритъ на общественное воспитаніе, какъ на единственное средство противъ злоупотребленій: послѣднія невозможны, если нація просвѣщена. Государство, по ученію физіократовъ, обязано не только управлять народомъ, но и давать ему извѣстный видъ, не только преобразовывать людей, но и вполнѣ измѣнять ихъ. Воспитывая гражданъ, оно можетъ дѣлать изъ нихъ все, что ему угодно. Этотъ взглядъ подробнѣе развитъ французскимъ министромъ Тюрго въ запискѣ его, поданной Людовику XVI (1775). Пораженный печальнымъ состояніемъ современной жизни, Тюрго полагаетъ корень зла въ отсутствіи плотнаго государственнаго состава. Общество состоитъ изъ различныхъ классовъ, дурно между собою связанныхъ. Каж-

дый занятъ только собственнымъ интересомъ, никто не выполняетъ своихъ обязанностей, не знаетъ своихъ отношеній къ другимъ. Чтобъ уничтожить духъ разъединенія и безурядицы, замѣнивъ его духомъ порядка и единства, необходимо направить силы націи къ общему благу, сплотнить всѣ части государства по опредѣленному плану, такъ чтобы отдѣльные граждане были крѣпко привязаны къ семейству, семейства къ деревнѣ или городу, города и деревни къ округамъ, округи къ провинціямъ, провинціи къ цѣлому государству. Наилучшее для этого средство—новая, централизованная система воспитанія. Тюрго предлагаетъ учредить «совѣтъ народнаго образованія», который дѣйствовалъ бы въ одномъ духѣ и по однимъ началамъ, и въ вѣдомствѣ котораго находились бы всѣ ученыя и учебныя заведенія, отъ академій до элементарныхъ школъ. Въ томъ же духѣ слѣдуетъ составить учебныя руководства, чтобы изученіе обязанностей гражданина, какъ члена семейства и вмѣстѣ члена государства, было краеугольнымъ камнемъ для всѣхъ прочихъ знаній. Въ этомъ воспитательномъ механизмѣ обращается вниманіе на два коренные недостатка дотолѣ существовавшей педагогической системы: во первыхъ, на развитіе спеціальнаго образованія въ ущербъ общему гражданскому ученію; во вторыхъ, на отсутствіе нравственнаго элемента. Тюрго жалуется на слабость той науки, которая излагаетъ общественныя обязанности человѣка. У насъ, говоритъ онъ, есть методы и учрежденія для образованія геометровъ, физиковъ, живописцевъ, и нѣтъ ничего подобнаго для образованія гражданъ. Всѣ усилія наши стремятся къ приготовленію ученыхъ. Не достигшіе этой цѣли оставляются безъ вниманія и становятся ничѣмъ. Новая система воспитанія должна образовать на всѣхъ ступеняхъ общества людей добродѣтельныхъ и полезныхъ, души правдивыя, сердца чистыя, ревностныхъ гражданъ. Но еще прежде Тюрго мыслящіе люди во Франціи поставляли на видъ недостатокъ общаго и нравственнаго элемента въ образованіи, иначе: недостатокъ воспитанія при многостороннемъ ученіи. Противъ него вооружался Дюкло († 1772), въ Considérations sur les moeurs de ce siècle. Отзывъ его перефразированъ фонъ-Визинымъ, въ «Письмахъ изъ Франціи»: «Воспитаніе во Франціи ограничивается однимъ ученіемъ. Нѣтъ генеральнаго плана воспитанія, и все юношество учится, а не воспитывается. Главное стараніе прилагаютъ, чтобъ одинъ сталъ богословомъ, другой живописцемъ, третій столяромъ; но чтобъ каждый изъ нихъ сталъ человѣкомъ, того и на мысль не приходитъ».

Съ педагогическими воззрѣніями физіократовъ имѣетъ много сходнаго генеральный планъ воспитанія, задуманный Екатериною. Оф-

фиціальное его изложеніе содержится частью въ Наказѣ (въ статьѣ: о воспитаніи) и полнѣе въ докладахъ Бецкаго († 1795), президента академіи художествъ, которому Екатерина поручила выполненіе воспитательныхъ реформъ; неоффиціальное — въ литературныхъ произведеніяхъ. Подобно физіократамъ, Бецкій признаетъ могущество воспитанія, которымъ «даруется новое бытіе и производится новый родъ подданныхъ»; подобно имъ, возлагаетъ на государство обязанность воспитывать народъ; подобно имъ, отъ новой педагогической системы ждетъ искорененія двухъ главнѣйшихъ недостатковъ прежней: односторонности спеціальнаго образованія и пренебреженія нравственнымъ началомъ при развитіи человѣческихъ способностей. Не слѣдуетъ однакожъ заключать отсюда, что Бецкій заимствовалъ свои понятія у физіократовъ. Этого не могло быть уже и потому, что первый докладъ Бецкаго о воспитаніи юношества обоего пола относится къ 1764 г., слѣдов. предшествовалъ не только запискѣ Тюрго, поданной въ 1775 г., но даже книгѣ Дюкло, изданной въ 1765 г., и тѣмъ сочиненіямъ французскихъ экономистовъ, которые разсуждаютъ объ устройствѣ центральнаго, взятаго на себя правительствомъ воспитанія. Мы указали на сходство педагогическихъ воззрѣній въ двухъ различныхъ странахъ, какъ на замѣчательный фактъ общаго настроенія мысли въ той средѣ образованнаго класса, которая усвоивала философическіе взгляды XVIII в.

Правила воспитанія изложены Бецкимъ: въ упомянутомъ докладѣ 1764 г.; въ разсужденіяхъ, служащихъ руководствомъ къ новому уставу сухопутнаго кадетскаго корпуса (1766); въ краткомъ наставленіи о воспитаніи дѣтей отъ рожденія ихъ до юношества (1766), и въ генеральномъ планѣ воспитательнаго дома (1763 и 1767). Всѣ эти работы, вмѣстѣ со многими другими постановленіями, изданы отдѣльною книгою, въ 3 ч.: «Собраніе учрежденій и предписаній, касательно воспитанія въ Россіи обоего пола благороднаго и мѣщанскаго юношества (1789—91)». Извлекаемъ изъ нихъ сущность педагогическихъ реформъ.

Образованіе при Петрѣ и ближайшихъ его преемникахъ имѣло своею задачею—усвоить европейскую цивилизацію на столько, на сколько она была пригодна для матеріальныхъ потребностей государства. Это было собственно «ученіе», т. е. пріобрѣтеніе спеціальныхъ знаній, какъ средствъ для успѣшнаго отправленія той или другой службы. Образованіе, въ исключительныхъ видахъ практической пользы, не только страдало односторонностью, но оказалось несостоятельнымъ даже въ своей ограниченной сферѣ. Недостаточные его успѣхи объясняетъ Бецкій слѣдующимъ образомъ:

«Хотя съ давняго времени Россія имѣетъ академію и разныя училища, и много издержано на посылку юношества въ чужіе краи для обученія наукамъ и художествамъ; однакожъ мало получено отъ того существительныхъ (существенныхъ) плодовъ. Причина этому не въ недостаткѣ способностей у русскаго человѣка: напротивъ, провидѣніе щедро надѣлило его дарами; а въ недостаткѣ средствъ къ достиженію цѣли или въ выборѣ средствъ дурныхъ. Дворяне, отправленные за границу еще при Петрѣ I, скоро и хорошо выучились тому, чему должны были выучиться; но по возвращеніи въ отечество, увидѣвъ открытую имъ дорогу почестей, на которыя они имѣли право по образованію, перестали заниматься науками. Другіе, взятые въ ученіе изъ простаго народа, также оказали быстрые успѣхи, но потомъ еще скорѣе обратились къ прежнему невѣжеству». Отъ внѣшняго усвоенія европейской цивилизаціи произошла въ послѣдствіи другая односторонность: въ замѣну старинаго невѣжества, возникло невѣжество инаго рода—ложное, превратное образованіе. Удаляясь отъ простоты своихъ предковъ, новое поколѣніе вмѣстѣ съ нею теряло и благонравіе. Еще Кантемиръ вооружался противъ пороковъ, сопутствующихъ полуобразованности, и требовалъ истиннаго благородства, честности, гражданскихъ заслугъ. На нихъ-то обратила вниманіе Екатерина. Доклады Бецкаго сѣтуютъ на упущеніе изъ виду нравственности—главнѣйшаго предмета педагогическихъ заботъ: «Опытъ доказалъ, что одинъ только украшенный или просвѣщенный разумъ не производитъ еще добраго, прямаго гражданина; напротивъ, онъ становится вреднымъ для того, у кого съ юныхъ лѣтъ не вкоренена въ сердце добродѣтель. Отъ небреженія нравственности, отъ ежедневныхъ дурныхъ примѣровъ привыкаетъ онъ къ мотовству, своевольству, безчестному лакомству, непослушанію. При такомъ недостаткѣ нравственнаго воспитанія напрасно ласкать себя ожиданіемъ истинныхъ успѣховъ въ наукахъ и искуствахъ».

Какимъ же образомъ уничтожить слѣдствія мнимаго просвѣщенія, состоящаго въ одностороннемъ стремленіи къ европейской цивилизаціи? Одно ученіе безспильно производитъ истинно-хорошихъ людей, истинно полезныхъ гражданъ: кромѣ просвѣщенія ума наукой, необходимо облагороженіе сердца. Необходимо поставить на первомъ планѣ воспитаніе нравственное, посредствомъ котораго знаніе не только соединяется съ добродѣтелью, но и подчиняется добродѣтели. Таково и было намѣреніе Екатерины: она хотѣла, «чтобы съ изящнымъ разумомъ соединялось изящное сердце». Руководствуясь Локкомъ, она хотѣла, чтобы молодой человѣкъ выходилъ изъ школы или изъ родительскаго дома не столько

ученымъ, сколько благовоспитаннымъ. Надлежащее воспитаніе долженствовало быть всесторонним развитіемъ способностей человѣка—тѣлесныхъ, умственныхъ и нравственныхъ, но такъ, чтобы элементъ нравственный (благонравіе) занималъ первое мѣсто. Успѣхамъ въ наукахъ предпочиталось хорошее поведеніе: въ «Уставѣ академіи художествъ» предписано «паче всего разсматривать похвальное поведеніе и благонравіе учениковъ; «Разсужденія, служащія руководствомъ къ новому уставу кадетскаго корпуса», объявляютъ, что главное намѣреніе при заведеніи училищъ—«не науки только и художества умножать въ народѣ, но вкоренять въ сердцѣ добронравіе». Тоже самое въ планѣ коммерческаго училища (1772); первымъ и главнымъ предметомъ, съ начала пріема и до выпуска, — физическое и нравственное, т. е. приведеніе дѣтей въ твердость сложенія тѣлеснаго и направленіе сердца и разума къ добродѣтели».

Воспитаніе, обязанное произвести «новую породу людей», не достигнетъ своей цѣли (такъ разсуждалъ Бецкій), если дѣти останутся при породѣ старой—при своихъ родителяхъ, которые воспитывались иначе или не воспитывались никакъ. Умъ прежняго поколѣнія, зараженнаго ложными понятіями, и нерѣдко его дурная нравственность оказали бы вредное вліяніе на поколѣніе молодое. Поэтому педагогическій планъ Бецкаго могъ быть исполненъ не иначе, какъ учрежденіемъ особыхъ воспитательныхъ училищъ, которыя принимали бы дѣтей въ самомъ раннемъ возрастѣ и удерживали бы ихъ до 18 или 20 лѣтъ, не допуская сообщеній съ другими, такъ чтобы и съ ближайшими родственниками дѣти могли видаться только въ назначенные дни и въ присутствіи надзирателей или надзирательницъ. Обязанность начальства въ этихъ «закрытыхъ воспитательныхъ заведеніяхъ» опредѣлялась характеромъ новаго воспитанія. Оно должно было, по наставленію «Наказа», «вселять въ юношество страхъ Божій, утверждать юныя сердца въ похвальныхъ склонностяхъ, пріучать ихъ къ основательнымъ и приличнымъ ихъ состоянію правиламъ, возбуждать въ нихъ охоту къ трудолюбію, чтобы они страшились праздности, какъ источника всякаго зла и заблужденія, научать пристойному въ дѣлахъ и разговорахъ поведенію, учтивости, благопристойности, соболѣзнованію о бѣдныхъ, несчастныхъ, отвращенію отъ всякихъ дерзостей; обучать домостроительству, отвращать отъ мотовства, вкоренять склонность къ опрятности и чистотѣ, однимъ словомъ—наставлять всѣмъ добродѣтелямъ и качествамъ, которыя образуютъ прямыхъ гражданъ, полезныхъ обществу членовъ, служащихъ ему украшеніемъ».

Новое воспитаніе должно было произвести у насъ и среднее сословіе, или «людей третьяго чина», къ которому «Наказъ» причисляетъ: а) не дворянъ и не хлѣбопашцевъ, упражняющихся въ художествахъ, наукахъ, мореплаваніи, торговлѣ и ремеслахъ; б) не дворянъ, вышедшихъ изъ воспитательныхъ домовъ и училищъ духовныхъ и свѣтскихъ; в) дѣтей приказныхъ. Бецкій, указавъ малую пользу отъ образованія людей, взятыхъ изъ «подлости» (простаго званія), прибавляетъ: «отъ сего и людей такого состоянія, которое въ другихъ мѣстахъ третьимъ чиномъ или среднимъ называютъ, Россія до сего времени и произвести не могла». Въ видахъ образованія этого сословія учреждены были при кадетскомъ корпусѣ и при академіи художествъ воспитательныя мѣщанскія училища. Воспитанники ихъ, равно какъ питомцы воспитательнаго дома и коммерческаго училища, отличные по благонравію и успѣхамъ, получали потомственную свободу. По поводу званія, къ которому должно готовить питомцевъ воспитательнаго дома, Бецкій говоритъ: «Извѣстно, что въ государствѣ (русскомъ) два чина только установлены: дворяне и крѣпостные; но какъ по привилегіямъ, жалованнымъ сему учрежденію, воспитанники и потомки ихъ вольными пребудутъ, то они слѣдовательно составятъ третій чинъ въ государствѣ».

Устройство новаго воспитанія, какъ основа общественному благоденствію, составляло, по мнѣнію современниковъ, высшую степень въ развитіи нашей гражданственности. Правительство и образованные люди сознавали его важность. Это сознаніе выражено обращеніемъ Бецкаго къ Екатеринѣ, въ генеральномъ планѣ воспитательнаго дома: «Петръ Великій создалъ въ Россіи людей; Ваше Величество влагаете въ нихъ души». Тоже самое сказано Сумароковымъ въ «Надписи къ статуѣ Петра I»:

Петръ далъ намъ *бытіе*, Екатерина *душу*,

и Херасковымъ, въ эпилогѣ къ повѣсти «Нума»:

Почтенья къ тѣмъ святымъ словамъ я ввѣкъ не рушу:
Петръ Россамъ далъ *тѣла*, Екатерина *душу*.

Обширный планъ воспитанія по указаннымъ идеямъ началъ приводиться въ исполненіе учрежденіемъ новыхъ училищъ и преобразованіемъ прежнихъ. Въ Петербургѣ основано было воспитательное общество для благородныхъ дѣвицъ при воскресенскомъ (смольномъ) монастырѣ (1764) и при немъ такое же общество для дѣвицъ мѣщанскаго сословія (1765); преобразованы: академія художествъ, при которой учреждено воспитательное училище для мѣщанъ (1764), и сухопутный кадетскій корпусъ (1766), при кото-

ромъ также учреждено училище для образованія мѣщанскихъ дѣтей (1772). Въ Москвѣ училища Екатерининское (1764) и Коммерческое (1772). Помощникъ Бецкаго былъ профессоръ Барсовъ: имъ написанъ уставъ воспитательнаго дома, учрежденнаго въ Москвѣ (1763) по образцу уставовъ воспитательныхъ домовъ въ Голландіи, Франціи и Италіи, которые видѣлъ Бецкій во время своего путешествія.

Но такъ какъ намѣреніе правительства основать закрытыя воспитательныя училища во всѣхъ важнѣйшихъ городахъ Россіи не могло осуществиться за недостаткомъ денежныхъ средствъ и нужнаго числа наставниковъ, то въ послѣдствіи прибѣгли къ учрежденію «народныхъ училищъ». Это были не воспитательныя, а учебныя заведенія, хотя они открывались на однихъ и тѣхъ же началахъ съ первыми. И тамъ и здѣсь исходною точкою служили понятія, что въ воспитаніи юношества заключается единственное средство для утвержденія гражданскаго счастія; что воспитаніе, просвѣщая разумъ, украшаетъ душу и, склоняя волю къ добру, дѣлаетъ человѣка благонравнымъ; что сѣмена полезныхъ знаній необходимо насаждать въ сердцахъ отроковъ съ младенчества, дабы они въ юношествѣ возрасли, а въ возрастъ мужества созрѣли и приносили обществу достойный плодъ. Особая коммиссія (1782) сочинила планъ народныхъ училищъ, пріискала преподавателей, составила учебныя руководства. Уставъ, ею изданный (1786), образуетъ первый періодъ въ исторіи учебныхъ заведеній, подвѣдомственныхъ министерству народнаго просвѣщенія. Народныя училища были двухъ родовъ: «главныя», или «четырехклассныя», и «малыя», или «двуклассныя». Первыя находились въ губернскихъ городахъ; вторыя въ уѣздныхъ. Для подготовки учителей была назначена учительская семинарія, въ Петербургѣ. Устройствомъ учебной части занимался преимущественно Янковичъ де Мириево (1741—1814), родомъ сербъ, бывшій директоромъ темесварскихъ училищъ и вызванный въ Россію, по рекомендаціи Іосифа II.

§ 20. Начала новаго воспитанія, указанныя одною статьею «Наказа» и «докладами» Бецкаго, подробнѣе раскрыты педагогическими сочиненіями самой императрицы, изъ которыхъ одни содержатъ въ себѣ ея понятія о воспитаніи, а другія, согласно этимъ понятіямъ, даютъ матеріалъ для дѣтскаго чтенія. Къ первому роду сочиненій относится «Инструкція кн. Н. И. Салтыкову» при назначеніи его воспитателемъ великихъ князей Александра Павловича и Константина Павловича; ко второму—дѣтская библіотека, написанная для ея внуковъ: «Сказка о царевичѣ Февеѣ», «Сказка о

царевичѣ Хлорѣ», «Выборныя россійскія пословицы», «Записки, содержащія въ себѣ разсказы и разговоры», и «Гражданское начальное ученіе». Если, при составленіи «Наказа», Екатерина обратилась къ Монтескье и Беккаріи—главнымъ авторитетамъ въ законодательствѣ, то педагогическая ея система держится на ученіи Монтеня и преимущественно Локка. Монтень, французскій философъ XVI в. († 1592), въ своихъ «Опытахъ» показалъ недостатки современнаго ему воспитанія и предложилъ средства замѣнить его другимъ, болѣе раціональнымъ; Локкъ († 1704), въ книгѣ «о воспитаніи», построилъ новую педагогическую систему.

Недостатки воспитанія, въ XVI и XVII в., проистекали, съ одной стороны, отъ непониманія дѣтской природы, а съ другой — отъ непониманія будущаго назначенія дѣтей. Исключительное вниманіе обращалось на пріобрѣтеніе знаній, именно—на изученіе древнихъ языковъ, въ особенности латинскаго; укрѣпленіе же тѣла и образованіе нравственнаго чувства были совершенно выпущены изъ виду. Способъ обученія подавлялъ всякую возможность самостоятельнаго умственнаго развитія: уроки затверживались наизусть механически, такъ что память играла важнѣйшую роль, не давая никакого простора другимъ способностямъ. Строгая дисциплина служила необходимою принадлежностію ученія: въ грубомъ обращеніи съ дѣтьми, въ тѣлесныхъ наказаніяхъ видѣли наилучшее средство къ успѣхамъ; педагогъ являлся не снисходительнымъ другомъ юношества, а строгимъ дидаскаломъ, вооруженнымъ указкою и розгой. Монтень и Локкъ выходятъ изъ другихъ, совершенно противоположныхъ тому требованій. Они расширяютъ сферу воспитанія, разумѣя подъ нимъ развитіе всѣхъ элементовъ человѣческаго состава: тѣлеснаго, умственнаго и нравственнаго, и только измѣняя ихъ относительную важность. Главными условіями образованія полагаются естественность и свобода. Механическое пріобрѣтеніе знаній замѣнено нормальнымъ развитіемъ мыслительной способности, которая отъ того становится самодѣятельною, способною легко усвоять все, что ей ни сообщаютъ. Воспитатель долженъ быть только помощникомъ, руководителемъ юношества. Тѣлесныя наказанія и вообще грубыя принудительныя мѣры, поселяющія въ дѣтяхъ робость или упрямство, устранены вовсе. Мѣсто ихъ заступаютъ благородныя побужденія: «честь», стремящаяся къ пріобрѣтенію и сохраненію любви ближнихъ, и «стыдъ», происходящій отъ сознаннаго невниманія или презрѣнія ближнихъ. Главная цѣль воспитанія—развить нравственное чувство и укрѣпить тѣло; ученіе стоитъ на послѣднемъ планѣ. Каждый человѣкъ долженъ быть не столько ученымъ, сколько благовоспитан-

нымъ; а высшее достоинство благовоспитаннаго — добронравіе, добродѣтель. Педагогическая система Екатерины II построена на тѣхъ же основаніяхъ, т. е. на естественности, свободѣ, терпимости и кроткомъ обхожденіи. Исключительное развитіе ума замѣщено образованіемъ всестороннимъ, воспитаніемъ. Главнѣйшій долгъ наставника—склонять волю дѣтей къ благимъ дѣйствіямъ, направлять ихъ къ жизни добродѣтельной. За тѣмъ слѣдуютъ заботы объ укрѣпленіи тѣла, такъ чтобы оно было способно выносить труды и лишенія: «здравое тѣло и умонаклоненіе къ добру (сказано во введеніи къ «Инструкціи») составляютъ все воспитаніе». Собственно ученіе лишено самостоятельности. Екатерина смотритъ на него, какъ на дополненіе къ нравственному образованію: «ученіе, или знаніе, да будетъ единственно отвращеніемъ отъ праздности, способомъ къ познанію естественныхъ способностей, привычкой къ труду и прилежанію». Необходимымъ условіемъ развитія постановлено возбужденіе дѣтской самостоятельности. Дѣло воспитателя ограничивается разумною, въ извѣстныхъ предѣлахъ заключенною, помощью: онъ старается, чтобы воспитанники сами доходили до познанія нужныхъ вещей, а не прямо показываетъ эти вещи. Суровое обхожденіе съ дѣтьми не только безполезно, но и вредно: оно уничтожаетъ бодрость духа и веселость нрава—драгоцѣннѣйшія качества всѣхъ возрастовъ. Наказаніе должно заключаться въ стыдѣ, а награда въ чести: «хвалы, даваемыя хорошему поведенію, хулы и пренебреженія — достойному хулы, суть тѣ способы, коими поощряется хорошее и отвращается дурное поведеніе».

Книги для дѣтскаго чтенія, написанныя Екатериною, выражаютъ педагогическія начала въ формѣ наставленій или разсказовъ. Онѣ относятся къ «Инструкціи», какъ примѣры къ правиламъ, или какъ изъясненіе и повтореніе правилъ. Въ нихъ представлены лица, образованныя по извѣстной системѣ, разсказаны дѣйствія этихъ лицъ и даны совѣты, вытекающіе изъ основныхъ понятій о воспитаніи. Аллегорическая «сказка о Хлорѣ (1782)», сынѣ русскаго царя, жившаго еще до временъ кіевскаго князя Кія, повѣствуетъ, какъ этотъ царевичъ былъ похищенъ киргизскимъ ханомъ, который плѣнился его красотою, умомъ и дарованіями и заставилъ его искать розу безъ шиповъ, т. е. добродѣтель, доставляющую человѣку полное, ничѣмъ неотравляемое наслажденіе. Фелица, жена хана, руководствуетъ царевича. Она даетъ ему въ спутники своего сына, Разсудокъ. Съ помощью честности и правды, Хлоръ преодолѣлъ всѣ препятствія и на вершинѣ горы нашелъ желанную розу. Нравственный смыслъ сказки въ томъ, что истин-

ное счастіе пріобрѣтается добродѣтелью, которая невозможна безъ путеводства разума. И въ главной мысли и въ частностяхъ сказка тѣсно связана съ Инструкціей. Главная мысль—искаше добродѣтели—указываетъ на основную цѣль воспитанія, которое должно было развивать умонаклоненіе къ добру, вкоренять въ сердце добронравіе. Нашедъ розу, царевичъ болѣе и болѣе заслуживалъ любовь, отъ того что болѣе и болѣе укрѣплялся въ добродѣтели. Что въ Инструкціи говорится о дѣтскихъ забавахъ, веселости нрава, смѣлости, самодѣятельности, пустомъ страхѣ, добромъ примѣрѣ наставниковъ, то самое встрѣчаемъ въ сказкѣ. Царевичъ надѣленъ именно тѣми качествами, какихъ требуетъ Инструкція отъ воспитанниковъ: не смотря на дѣтскій возрастъ свой, онъ смѣется надъ нелѣпыми угрозами киргизцевъ—оборотить его въ летучую мышь или коршуна; самъ идетъ къ хану, не дозволяя нести себя на рукахъ; вошедъ въ ханскую кибитку, удивилъ всѣхъ присутствующихъ учтивствомъ и благопристойностью.

Содержаніе сказки «о Февеѣ красномъ солнышкѣ (1782)» самое простое и немногосложное: она описываетъ воспитаніе, свойства и дѣла царевича, который жилъ въ послушаніи при своихъ родителяхъ, потомъ женился и мудрымъ правленіемъ заслужилъ себѣ славу и народную любовь. Физически и нравственно Февей воспитанъ по правиламъ Инструкціи: его не пеленали, не кутали, не баюкали, не качали; игрушки сообщали ему познаніе обо всемъ окружающемъ, что̀ не превышало его дѣтскаго понятія; въ болѣзни пріучился онъ быть терпѣливымъ; лѣтомъ и зимою гулялъ на открытомъ воздухѣ: умѣлъ ѣздить верхомъ, стрѣлять изъ лука и ружья, метать въ цѣль копьемъ и проч. Сердце имѣлъ царевичъ доброе: былъ жалостливъ, щедръ, учтивъ, привѣтливъ, всѣмъ доброхотенъ; вездѣ и всегда повиновался истинѣ и здравому разсудку; любилъ говорить и слушать правду; лжи гнушался до того, что не прибѣгалъ къ ней даже въ шуткахъ. Ласкательства онъ не терпѣлъ. Когда стихотворцы, по случаю его выздоровленія, написали пѣсни, исполненныя необычайныхъ похвалъ, онъ обратился къ приставникамъ съ такими словами: «не дайте возгордиться душѣ моей, и для того ежедневно, какъ только пробуждусь отъ сна, говорите мнѣ: Февей, вставай съ одра и помни, что ты такой же человѣкъ, какъ и мы». Эти черты Февеева нрава дополняетъ боярин Рѣшемыслъ, мудрый совѣтникъ его отца: «разговаривая съ кѣмъ либо, Февей ведетъ свою рѣчь такъ, будто ищетъ благоволенія, и не даетъ ни малѣйшаго знака, что говоритъ изъ одной милости; въ немъ нѣтъ надменности: онъ любитъ

ближняго, какъ самого себя, и, будучи самъ человѣкъ, всегда помнитъ, что разговариваетъ съ человѣкомъ».

«Гражданское начальное ученіе (1783)» есть собраніе краткихъ изреченій, вопросовъ и отвѣтовъ. Вопросы и отвѣты сообщаютъ нѣкоторыя познанія; въ изреченіяхъ же передаются нравственныя правила. Названіемъ книжки опредѣляется ея цѣль—дать понятіе о предметахъ, нужныхъ гражданину, и объ его обязанностяхъ. Нѣкоторыя изреченія взяты прямо изъ «Наказа», наприм.: «законы можно назвать способами, коими люди соединяются и сохраняются въ обществѣ и безъ которыхъ бы общество разрушилось»; «равенство всѣхъ гражданъ состоитъ въ томъ, чтобы всѣ подвержены были тѣмъ же законамъ»; «вольность есть право все то дѣлать, что законы дозволяютъ»; «все, что въ законѣ называется наказаніе, дѣйствительно не что иное есть, какъ трудъ и болѣзнь», и пр. Есть нѣсколько мѣстъ общихъ съ «Инструкціей»; таковы: раздѣленіе жизни человѣческой на возрасты; мысль о любви къ ближнему и справедливости—двухъ великихъ путяхъ, принадлежащихъ человѣку; мысль о томъ, чѣмъ дитя оказываетъ благодарность родителямъ, и пр.

«Выборныя россійскія пословицы (1782)» относятся также къ разряду нравственныхъ изреченій и правилъ. Выборъ сдѣланъ не случайно: имъ управляло намѣреніе—представить такія пословицы, которыя соотвѣтствуютъ условіямъ и требованіямъ воспитанія. Поэтому мысли выбранныхъ пословицъ приводятся и въ «Гражданскомъ начальномъ ученіи», и въ «Инструкціи», иногда одними и тѣми же словами. Такъ, напримѣръ, въ «Гражданскомъ ученіи» говорится: «долгъ родителей есть дать дѣтямъ ученіе»; «ученіе въ счастіи человѣка украшаетъ, въ несчастіи же служитъ прибѣжищемъ»; «кто говоритъ, что хочетъ, тотъ услышитъ, чего не хочетъ»; а въ «Выборныхъ пословицахъ»: «умѣлъ дитя родить, умѣй и научить»; «ученье въ счастьѣ красота, а въ несчастьѣ прибѣжище»; «кто говоритъ, что хочетъ, услышитъ, чего не хочетъ». Отношеніе пословицъ къ «Наказу» указываютъ тѣ изъ нихъ, которыми дается понятіе о законахъ и ихъ исполнителяхъ: «всуе законы писать, когда ихъ не исполнять»; «гдѣ добрые судьи поведутся, и ябедники переведутся»; «милость—хранитель государства». Въ иныхъ пословицахъ выставлены тѣ качества, какія, по Инструкціи, слѣдовало поселять въ сердцахъ дѣтей: кроткое обращеніе не только съ людьми, но и съ животными, привѣтливость, скромность, послушаніе (наприм.: «добрый привѣтъ и кошкѣ пріятенъ»; «кто ласково принимаетъ, того любви всякій желаетъ»;

«кто смиреніемъ себя украшаетъ, тотъ честностію укрѣпляетъ»; «упрямство есть порокъ слабаго ума») (¹).

§ 21. Сатирическія статьи императрицы Екатерины, извѣстныя подъ именемъ «Былей и небылицъ», печатались въ «Собесѣдникѣ любителей россійскаго слова (1783—1784)»,—сборникѣ сочиненій въ стихахъ и прозѣ, который издавался отъ академіи наукъ, по желанію ея директора, княгини Екатерины Романовны Дашковой (см. ниже). Онѣ продолжали дѣло журнальной сатиры семидесятыхъ годовъ, дополняя ее новыми картинами общественныхъ недостатковъ. Въ нихъ, какъ показываетъ названіе, смѣшаны дѣйствительность и вымыслы, но такіе, которые не лишены правдоподобія. Содержаніе ихъ, по словамъ самого автора, взято «изъ обширнаго моря естества»; онѣ наполнены тѣмъ, что «въ людяхъ водится»; короче, описываютъ «умоположеніе человѣческое». Подъ неточнымъ словомъ «умоположеніе» или «умствованіе» разумѣется то самое, что Монтескье называетъ «esprit général» и что, по его ученію, занесенному въ «Наказъ» (§ 46), раждается отъ вѣры, климата, законовъ и другихъ условій народной жизни. Характеръ изображеній въ «Быляхъ и небылицахъ»—легкій и веселый. Онѣ избѣгали всего «гнуснаго», «отвращающаго», и потому отказались отъ изображенія ябедника и мздоимца, которое предложилъ Фонъ-Визинъ (см. Письмо къ сочинителю Былей и небылицъ) и которое своимъ темнымъ цвѣтомъ не согласовалось бы съ легкой ясностью ихъ описаній. Авторъ ихъ ограничился насмѣшкой и шуткой, строго исключивъ все, что «не въ улыбательномъ духѣ», что можетъ возбудить или горесть или скуку. На основаніи двухъ пословицъ: «съ людьми браниться никуда не годится» и «съ грѣхами бранись, а съ людьми мирись», онъ имѣлъ дѣло только съ пороками и слабостями, думая исправить ихъ насмѣшкой. Но, будучи веселыми и забавными, «Были и небылицы» однакожъ отвергаютъ пустые предметы, которые не стоятъ ни вниманія публики, ни правительственныхъ заботъ; «глубокомысліе» и «полномысліе» предпочитаютъ онѣ другимъ качествамъ сочиненій: только первое требуется облечь ясностью, а второе легкостью слога. Форма ихъ состоитъ въ передачѣ собственныхъ разсказовъ, мыслей и взглядовъ автора какому-то дѣдушкѣ (почему онѣ назывались также «Разговорами дѣдушки») и двумъ друзьямъ его, изъ которыхъ одинъ, какъ Демокритъ, «болѣе смѣется, нежели плачетъ», а другой, какъ Гераклитъ, «болѣе плачетъ, нежели смѣется».

¹) О педагогическомъ значеніи сочиненій Екатерины Великой, Н. Лавровскаго (1856), и мой отчетъ объ этой книгѣ въ 12 № Отеч. Зап. 1856 г.

*

Искуственность, высокопарность, темнота совершенно изгнаны; въ «завѣщаніи», окончательной статьѣ «Былей и небылицъ», предписано «за смѣхомъ, за умомъ, за прикрасами не гоняться», «ходулей не употреблять, гдѣ ноги могутъ служить», «краснорѣчіе допускать лишь въ томъ случаѣ, когда само собою явится». Разнообразію сатирическихъ замѣтокъ помогаютъ умышленныя уклоненія отъ главной мысли, переходы отъ важныхъ предметовъ къ неважнымъ, и на оборотъ. Въ этомъ случаѣ Екатерина подражала манерѣ англійскихъ юмористовъ. Стернъ, въ одной главѣ своего романа «Тристрамъ Шанди», признается, что онъ часто убѣгалъ отъ предмета на далекое разстояніе, стараясь однако, чтобы въ его отсутствіе дѣло не остановилось. Замѣчательны совѣты «завѣщанія» касательно языка «Былей и небылицъ»: оно требуетъ слога гладкаго, легкаго; краткія и понятныя выраженія предпочитаетъ длиннымъ и кругловатымъ; запрещаетъ пользоваться безъ нужды иностранными словами, которыя легко могутъ быть замѣнены словами русскаго языка, сильнаго и богатаго; реченія и обороты, сами собою представляющіеся, какъ бы текущіе, должны брать верхъ надъ другими. Въ этомъ отношеніи «завѣщаніе» сходится съ главою «Наказа» о составленіи и слогѣ законовъ. Наконецъ особый пунктъ «завѣщанія» возбраняетъ прибѣгать къ стихотворческимъ «изображеніямъ и воображеніямъ», чтобъ не заходить въ чужія межи. Это касается собственно императрицы, которая не писала стиховъ, чѣмъ и объясняется стихъ Фелицы, оды Державина: «коня парнасска не сѣдлаешь». Когда нужно было дать ея мыслямъ стихотворную форму, какъ напр. въ операхъ, она поручала эту работу своимъ статсъ-секретарямъ: Елагину, Храповицкому. Въ «Инструкціи кн. Салтыкову» сказано, чтобъ и великихъ князей не учить ни музыкѣ, ни виршамъ. То и другое Екатерина находила безполезнымъ, почему и помѣстила въ Гражданскомъ начальномъ ученіи разсказъ объ Александрѣ Македонскомъ, гдѣ между прочимъ читаемъ: «началъ было онъ учиться музыкѣ съ успѣхомъ, но когда отецъ его спросилъ, не стыдно ли ему столь искусно играть,—уменьшилъ охоту къ такой наукѣ, на которую много времени для полученія искусства теряется безъ пользы иной, окромѣ забавы» (1).

О драматическихъ своихъ піесахъ Екатерина II отзывалась скромно, хотя и признавала въ себѣ нѣкоторое дарованіе. Посылая Вольтеру французскій переводъ комедій: «О время! (1772)» и

1) См. мою статью о Былях и небылицах (Отеч. Зап. 1856, № 10); Я. Грота: Сотрудничество Екатерины II въ Собесѣдникѣ.

«Именины госпожи Ворчалкиной (1772)», она писала: «у автора много недостатковъ; онъ не знаетъ театра; интриги его піесъ слабы. Нельзя того же сказать о характерахъ: они взяты изъ природы и выдержаны. Кромѣ того, у него есть комическія выходки; онъ заставляетъ смѣяться; мораль его чиста и ему хорошо извѣстенъ народъ». Но бѣдность поэтическаго значенія ея драмъ выкупается ихъ отношеніемъ къ современной эпохѣ. Императрица пользовалась ими, какъ орудіемъ сатиры, какъ литературной формой для выраженія своихъ идей. Съ этой стороны современные писатели и находили ихъ «достойными почтенія и благодарности». Комедія «О время!» побудила Новикова приписать ея автору журналъ «Живописецъ». «Вы первый», говорится въ посвященіи, «съ такимъ удовольствіемъ и остротою заставили слушать ѣдкость сатиры съ пріятностію и удовольствіемъ; вы первый съ такою благородною смѣлостію напали на пороки, въ Россіи господствовавшіе». Отвѣтъ автора, помѣщенный въ томъ же журналѣ, замѣчаетъ: «при сочиненіи комедіи не бралъ я находящихся въ ней умоначертаній ни откуда, кромѣ собственной моей семьи (т. е. Россіи), слѣд., не выходя изъ дому своего, нашелъ въ немъ одномъ къ составленію забавнаго позорища довольно обширное поле для искуснѣйшаго пера, а не для такого, каковымъ я свое почитаю».

Цѣль комедіи: «О время!»—осмѣять ханжество, суевѣріе и страсть къ вѣстямъ и сплетнямъ, представленныя въ лицѣ трехъ женщинъ: Ханжахиной, Чудихиной и Вѣстниковой. Съ характеромъ Ханжахиной знакомитъ ея служанка Мавра: «она наполнена пустосвятствомъ, весьма зла, добродѣтелей ищетъ въ долгихъ молитвахъ и наружныхъ обыкновеніяхъ и обрядахъ, наблюдаетъ строго дни праздничные, къ обѣднѣ всякій день ѣздитъ, свѣчу передъ праздникомъ всегда ставитъ, мяса по постамъ не ѣстъ, ходитъ въ шерстяномъ платьѣ и ненавидитъ всѣхъ тѣхъ, кои ея правиламъ не слѣдуютъ». У Чудихиной каждый день новыя примѣты; всего она боится, отъ всего обмираетъ; суевѣрная до безконечности, она, кромѣ того, безстыдная ссорщица и сплетница. Вѣстникова — жеманная, высокомѣрная, злорѣчивая вѣстовщица, любящая на старости наряды.

Ханжество и суевѣріе должны были казаться автору комедіи смѣшными и нелѣпыми уже потому одному, что они противорѣчили разуму, которому просвѣщеніе XVIII в. старалось доставить торжество и въ знаніи, и въ жизни. Вредя истинѣ, они могли также вредить человѣколюбію, т. е. возбуждать нетерпимость, готовую на странныя или опасныя обвиненія. Въ одномъ письмѣ

своемъ (1766), Екатерина выразила необходимость оградить общественное спокойствіе отъ всего, что̀ входитъ въ область пустыхъ вѣрованій и нетерпимости. Къ числу правилъ, «весьма важныхъ и нужныхъ», «Наказъ», въ § 497, относитъ осторожность при изслѣдованіи дѣлъ о волшебствѣ и еретичествѣ: обвиненіе въ сихъ двухъ преступленіяхъ можетъ чрезмѣрно нарушить тишину, вольность и благосостояніе гражданъ и быть еще источникомъ безчисленныхъ мучительствъ, если въ законахъ предѣловъ оному не положено; ибо какъ сіе обвиненіе не ведетъ прямо къ дѣйствіямъ гражданина, но больше къ понятію, воображаемому людьми о его характерѣ, то и бываетъ оно очень опасно по мѣрѣ простонароднаго невѣжества.—Если корень суевѣрія—невѣжество, то оно должно искореняться наукой и воспитаніемъ: «Инструкція» требуетъ «отдалять отъ глазъ и слуха питомцевъ все, что устрашаетъ мысли, всякія пугалища, стѣсняющія умъ и душу»; при свидѣтельствѣ московскихъ школъ и пансіоновъ, по указу 1785, повелѣно было смотрѣть строго, чтобы въ нихъ не были терпимы соблазнъ, развратъ и *суевѣріе*. Преслѣдуя послѣднее, философія старалась объяснять необычайныя явленія жизни законами природы: поэтому на всѣ доводы, что суевѣріе есть порокъ, что «нравоученіе закона запрещаетъ вѣрить нелѣпымъ баснямъ», Ханжахина отвѣчаетъ: «такъ, вы ничему нынѣче не вѣрите; у васъ все натура!»

Ханжахина заражена не однимъ пустосвятствомъ, но и скупостью: она очень часто твердитъ своей прислугѣ о постѣ и воздержаніи, особенно при раздачѣ мѣсячины и указнаго; занявъ у купца деньги по шести процентовъ, сама отдаетъ ихъ въ ростъ по шестнадцати. Комедія смѣется надъ этимъ недостаткомъ, но вмѣстѣ порицаетъ и роскошь, которая втягивала дворянство въ долги и заставляла его обманывать заимодавцевъ. Она сличаетъ искренность и простоту прежняго времени съ новыми обычаями, и перевѣсъ оказывается не на сторонѣ послѣднихъ: «Что касается до нынѣшней роскоши», говоритъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ (Непустовъ), «я и самъ ея не люблю, равно какъ и старинную искренность почитаю. Похвальна, весьма похвальна старинная вѣрность дружбы и твердое наблюденіе даннаго слова, дабы въ несодержаніи его не было стыдно. Жаль, поистинѣ жаль, что нынѣ ничего не стыдятся, и многіе молодые молодцы, произнося ложь и обманывая заимодавцевъ, а боярыньки, дерзко противъ мужей поступая, мало отъ чего когда краснѣются». Злостная или вынужденная несостоятельность дворянскаго слова часто обличается сочиненіями Екатерины II. Въ «Именинахъ госпожи Ворчалкиной», Геркуловъ бьетъ палкой Фирлюфюшкова за неплатежъ долга, приговаривая: «не обма-

нывай честныхъ людей; держи данное свое слово; не дозволяй поступать съ собою какъ съ бездѣльникомъ; плутовъ бьютъ, обманщиковъ бьютъ, бездѣльниковъ бьютъ». По поводу этой сцены Екатерина писала Новикову (въ Живописцѣ): «Дошло до меня, что нѣкоторые критики за неприличное поставляютъ, что г. Фирлюфюшковъ за безстыдное словонесдержаніе палкою наказанъ. Я не стану приводить здѣсь, бывало ль таковое гдѣ-нибудь дѣйствіе или нѣтъ, ниже хочу извинять поступокъ Геркулова: онъ, дѣйствительно, въ обыкновенномъ общежитіи жестокъ. Но себя я легко могу оправдать, сославшись на самое Уложеніе. Въ немъ господа критики найдутъ, чему за несдержаніе слова и за бездѣльство люди подвергаются». Самъ Геркуловъ и другое лице той же комедіи, Спесовъ, зараженный барскою спесью, не лучше Фирлюфюшкова: они также промотали свое имѣніе, также жили въ долгъ, также прибѣгали къ обманамъ для поправленія разстроенныхъ дѣлъ. «Были и небылицы» описываютъ трехъ барынь, изъ которыхъ одна до того бережлива, что даже кредиторамъ не платитъ; другая три года оставалась должна разнощику за апельсины; а третья ничего не находила по своему вкусу на биржѣ, потому что ей ничего не хотѣли дать въ долгъ. Въ томъ же сочиненіи говорится о какомъ то «обществѣ незнающихъ». Одинъ изъ его членовъ, на вопросъ: откуда и какъ имѣетъ пропитаніе? отвѣчалъ, что живетъ въ долгъ; а на вопросъ: какъ и когда платить намѣренъ? отвѣчалъ, что о томъ нисколько не заботится. Все это метки черты сатиры, согласной, и въ выборѣ предмета, и во взглядѣ на предметъ, съ указаніями другихъ современныхъ сочиненій. Къ числу новыхъ обычаевъ, противныхъ строгости прародительскихъ нравовъ, принадлежалъ нравственный безпорядокъ домашней жизни. Въ модникахъ явились развратные мужья, въ модницахъ невѣрныя жены, «дерзкія боярыньки», потерявшія способность краснѣть отъ своего зазорнаго поведенія. Число тѣхъ и другихъ было значительно: «всѣхъ ихъ не перезнаешь», по словамъ ком. «Вѣстникова съ семьею». Поэтому служанка Ханжахиной даетъ такой совѣтъ жениху своей барышни: «чуръ не жить съ ней по модѣ; берегитесь, а то вы будете заплачены тою же монетою, какъ и другіе». По расчету «Былей и небылицъ», отношеніе добропорядочныхъ супруговъ къ дурнымъ мужьямъ и женамъ весьма неутѣшительно. Легкомысленнымъ дѣвушкамъ, мечтающимъ о привольномъ замужествѣ, комедіи Екатерины II иногда ставятъ въ примѣръ дѣвицъ скромныхъ и разумныхъ. Въ ком. «Недоразумѣнія (1788)», одно дѣйствующее лицо говоритъ другому: «Не увѣришь ты меня никакъ, чтобъ было лучше выйти за природнаго дурака,

нежели за разумнаго человѣка. Сбыслава воспитана честно; она по замужествѣ чрезъ нѣсколько недѣль мужа не покинетъ, какъ недавно слышно было, что сотворила таковой соблазнъ дочь нашего сосѣда, дерзко вышедъ съ умысломъ, чтобъ покинуть мужа».

Кромѣ главныхъ своихъ предметовъ, ком. «О время!» касается недостатковъ современнаго воспитанія. Она выставляетъ, съ одной стороны, строгое обращеніе съ дѣтьми и держаніе дѣвицъ въ полномъ невѣжествѣ; съ другой, модное воспитаніе женскаго пола, образующее «новосвѣтскихъ госпожъ». Сынъ Чудихиной—одинъ изъ предшественниковъ Недоросля. Безотчетно привязанная къ старинѣ, руководясь не здравымъ разсудкомъ, а предубѣжденіями, она увѣрена, что свѣтъ сталъ превратенъ съ тѣхъ поръ, какъ врагъ принесъ къ намъ чужія науки. На новыя учрежденія, особенно воспитательныя, она смотритъ непріязненно: «На что дѣвокъ учить грамотѣ? имъ ни къ чему грамота не надобна: меньше дѣвка знаетъ, такъ меньше вретъ. Я принуждена была матушкѣ своей побожиться, что до 50 лѣтъ пера въ руки не возьму. Да полно что! нынѣче и дѣвокъ-то всему, сказываютъ, въ Питерѣ учатъ. Быть добру!» Въ этихъ словахъ слышится голосъ Простаковой, явившейся черезъ десять лѣтъ послѣ Чудихиной.

Ком.: «Именины г-жи Ворчалкиной», въ главномъ лицѣ своемъ, отъ котораго и получила названіе, изображаетъ недовольство настоящимъ временемъ, легковѣріе и ворчливость. У ней собирается общество тѣхъ людей, «кои весь свѣтъ на словахъ перелить въ состояніи, людей мыслей высокихъ и съ острополезными выдумками, словомъ—людей праздношатающихся». Ворчалкина осуждаетъ всѣ учрежденія и дѣйствія правительства. Когда зашелъ разговоръ о новой комедіи (О время!), въ которой будто бы описаны ея кума и сватья, и когда знакомый ея замѣтилъ, что піесъ, выводящихъ на сцену личности, не дозволили бы играть, она отвѣчала: «И, батюшка! свѣтъ нынѣче таковъ: всему дурному потачка есть. Кому смотрѣть? кому запретить? и сами тѣ, комубъ не допускать-то надобно было, хохочутъ изо всей мочи, когда руганье другимъ слышатъ». Воспитательные дома также ей не нравятся: «видишь, каковъ нынѣ свѣтъ-атъ развратенъ! подкидышковъ.... что ужъ этого больше?.. подкидышковъ подбираютъ, да кормятъ, да за ними ходятъ, какъ будто за благородными!» Все, что ни дѣлается на пользу государственнаго устройства, толкуетъ она въ дурную сторону: «Какой нынѣче кредитъ! казна только что грабитъ: я съ нею никакого дѣла имѣть не хочу! И такъ я,

бѣдная вдова, принуждена была за пятнадцать лѣтъ заплатить какую-то недоимку вмѣсто покойнаго мужа моего. Съ мертвыхъ дерутъ: теперь ужъ онъ умеръ, а какъ взяли, такъ взяли». Екатерина II не могла одобрять тѣхъ строгихъ судей, которые порицали проэкты и дѣйствія правительства ради одного порицанія, не умѣя или не желая замѣчать въ нихъ ничего добраго. Она ихъ сравниваетъ съ «плачущими Маремьянами», по пословицѣ: «Маремьяна старица за весь міръ печальщица». Эти недовольные «обо всемъ въ мірѣ криво и косо пекутся, и отъ нихъ уже въ десяти шагахъ слышенъ духъ скрытой зависти противъ ближняго». Въ «Быляхъ и небылицахъ» одинъ чудакъ остановился на тѣхъ понятіяхъ о вещахъ, какія имѣлъ сорокъ лѣтъ назадъ, хотя вещи существенно измѣнились: «онъ не ѣдетъ жить въ деревню, боясь разбойниковъ по большой дорогѣ, и о бывшихъ говоритъ, какъ будто нынѣ состоялись; понынѣ жалуется еще на несправедливость воеводъ и ихъ канцелярій, коихъ однако ужъ нигдѣ нѣтъ; жалуется на внутреннія пошлины по городамъ, какъ притѣсняющіе торги, хотя сняты съ 1753 г.; вотчинную и юстицъ-коллегіи приплетаетъ ко всякимъ спорамъ, тяжбамъ и ябедамъ, мануфактуръ-коллегію къ фабрикамъ, камеръ-коллегію къ доходамъ». Изъ отвѣтовъ Екатерины на вопросы Фонъ-Визина видно, что она осталась недовольна послѣдними. Она видѣла въ ихъ авторѣ недовѣрчивость «ко времени и знаніямъ, истребляющимъ всевозможные недостатки», которые происходятъ или «отъ того, что вездѣ, во всякой землѣ и во всякое время родъ человѣческій совершеннымъ не родится», или отъ того, что молодой народъ не можетъ выказывать доблестей, свойственныхъ установившейся цивилизаціи и чуждыхъ цивилизаціи установляющейся. Одна изъ дочерей Ворчалкиной, Олимпіада, есть образецъ модной барышни. Она считаетъ обязанностью окружать себя поклонниками. Ея рѣчь испещрена словами изъ лексикона щеголихъ: «славенъ безпримѣрно», «ужесть», «болванчикъ» (обожатель), «маханье» (любезничанье, волокитство), «давать себѣ воздухи» (se donner des airs). Моды, вредныя какъ побужденіе къ мотовству и какъ свидѣтельство нашей перемчивости, были, кромѣ того, смѣшны своимъ безвкусіемъ. Обильное употребленіе румянъ и бѣлилъ, высокая головная уборка, растрепанная прическа отличались уродливостію. Сами французы начали, подъ конецъ, смѣяться надъ дамскимъ туалетомъ ихъ изобрѣтенія, особенно надъ головной уборкой, какъ бы нарочно придуманной для того, чтобы отнять у лица всякое выраженіе или превратить его въ каррикатуру. «Настало время, что лице съ трудомъ отыщешь въ кудряхъ, на которыхъ невѣдомо-что наклокочено: сзади

головы-четыреугольникъ преширокій, спереди-треть лица закрыта; со лбомъ же всѣ поссорились: покрытъ онъ весь волосами; у иной брови къ тому еще размазаны колесомъ, какъ будто мостъ отъ носу къ вискамъ» (ком. Недоразумѣнія). «Были и небылицы» часто задѣваютъ моды своими насмѣшками. Онѣ описываютъ узкіе башмаки дочери архангельскаго купца, на высокихъ и тонкихъ каблукахъ, подобно куликовой шейкѣ; приводятъ выдержки изъ «записной книжки двоюродной сестры», которая встаетъ съ постели въ первомъ часу по полудни, съ гордостью говоритъ: «у насъ въ Парижѣ», мечтаетъ о балахъ, ужинахъ, любезникахъ. «Парикмахеръ», отмѣтила она въ своей книжкѣ, «сегодня чесалъ мнѣ волосы такъ порядочно, что я принуждена была болѣе часа растрепываться, чтобъ въ люди можно было показаться». Подъ пару Олимпіадѣ, выведенъ въ комедіи Фирлюфюшковъ: жалкій петиметръ, воспитанный, какъ и сынъ Бригадира, гувернерами и мѣшающій русскія фразы съ французскими; трусъ, желающій казаться храбрымъ; обманщикъ, толкующій о чести и благородствѣ.

Комедія: «Недоразумѣнія (1788)» названа отъ недоразумѣній, возникшихъ между двумя лицами: женихомъ и его невѣстой. Главный здѣсь характеръ—госпожа Гостякова. Въ ея лицѣ представлено помѣшательство дворянъ на проэктахъ, безъ малѣйшаго знанія дѣла. Къ такимъ-то дворянамъ относятся слова слуги Антипа, въ «Именинахъ Ворчалкиной»: «много видалъ я на своемъ вѣку, какъ господа, ухватившись за проэкты, чтобъ скорѣе разбогатѣть, закладываютъ деревни, а потомъ проэктъ не удался, деревни пропали и господинъ пошелъ по міру». У Гостяковой двѣ-три фабрики и нѣсколько заводовъ; она заставляетъ крестьянъ своихъ боронить, когда вездѣ пашутъ, и пахать, когда надобно боронить; румяны, приготовляемыя на ея заводѣ, нейдутъ съ рукъ, потому что для богатыхъ людей нехороши, а для бѣдныхъ дороги; полотняная фабрика стоитъ безъ дѣйствія, за неимѣніемъ пряжи; вздумала она разводить ревень и хлопчатую бумагу, но ихъ бьютъ морозы; наконецъ, желая достать денегъ, велѣла разломать старый домъ свой въ Можайскѣ и кирпичи продать въ Москвѣ. Выведенный изъ терпѣнія пустыми затѣями госпожи, дворецкій говоритъ о ней: «Затѣи новыя всякій часъ! вчера приказала ленъ и пеньку сѣять на лучшихъ земляхъ, а на изнуренныхъ десятинахъ безъ удобренія велѣла сѣять рожь: кто слыхалъ подобное? Ея бы дѣло принимать гостей». На помощь промотавшимся дворянамъ являлись проидохи или глупцы, завѣряя ихъ въ успѣхѣ предлагаемыхъ выдумокъ. Одинъ изъ такихъ прожектеровъ—Некопѣйковъ

(въ Именинахъ Ворчалкиной), проторговавшійся купецъ, который хотѣлъ было устроить свои дѣла на счетъ заимодавцевъ и азартныхъ игроковъ, но остался съ пустымъ карманомъ: онъ толкуетъ объ употребленіи крысьихъ хвостовъ съ пользою, о постройкѣ секретнаго флота, объ устройствѣ въ Китаѣ вольной и безпошлинной гавани, и пр. Есть другое лице въ піесѣ, замѣчательное по отношенію къ дурному воспитанію: это Иготинъ. Учитель-иностранецъ, которому онъ съ малолѣтства попалъ въ руки, совершенно исказилъ его, или, говоря словами комедіи, «исковеркалъ». Постоянно слыша отъ своего наставника, что надобно стараться быть лучше другихъ, и въ тоже время привыкнувъ къ безразборчивому осмѣянію и опорочиванію ближнихъ, Иготинъ началъ и думать и поступать по-своему, на перекоръ всему, что ни замѣчаетъ: отсюда духъ нестерпимаго противорѣчія и упорства, грубое и надменное обхожденіе, презрительный разговоръ. Другой наставникъ Иготина, Потачкинъ, былъ лицемѣръ, ласкатель и въ добавокъ стихотворъ: онъ во всемъ потакалъ своему питомцу, замѣняя ему, въ случаѣ нужды, и шута. Воспитаніе служитъ также предметомъ комедіи «Вѣстникова съ семьею». Здѣсь, кромѣ гувернера, бывшаго прежде кучеромъ, выведена молодая дѣвушка, глуповатая отъ природы и еще болѣе отупѣвшая отъ побоевъ: мать, за дѣло и за бездѣлье, безпрестанно тузила ее въ голову и такимъ обращеніемъ слабоумную дочь свою сдѣлала полоумной.

Комедія: «Вотъ каково имѣть корзину и бѣлье! (1786)» есть вольное переложеніе или передѣлка на русскіе нравы Шекспировыхъ «Виндзорскихъ кумушекъ». Дѣйствующія лица названы русскими именами (напр. Фальстафъ—Полкадовымъ). Піеса имѣетъ цѣлью выставить смѣшную и вмѣстѣ вредную сторону путешествій, совершаемыхъ молодыми людьми, не съ тѣмъ, чтобы учиться, а съ тѣмъ, чтобы праздно проводить время, сыпля деньги на удовольствія и проматывая имѣніе. Драматическая пословица: «Путешествія Промотаева (1788)», самымъ именемъ главнаго лица показываетъ, какъ путешественникъ употребилъ свое время внѣ отечества; а заключительныя слова ея: «хорошо тому лгать, кто пріѣхалъ издалека», относятся къ тѣмъ небылицамъ, которыя онъ разсказывалъ въ отечествѣ послѣ своихъ странствій. За Полкадовымъ тотъ же грѣхъ и еще нѣкоторые другіе: онъ тщеславно повторяетъ «chez nous à Paris»; изъ поѣздки по Европѣ вывезъ онъ запасъ свѣдѣній единственно о завивкѣ кудрей по послѣдней модѣ, о новѣйшемъ покроѣ фраковъ, объ удобнѣйшей запряжкѣ восьмерика, о красивой обуви и картежной игрѣ. Екатерина до-

пускала пользу путешествій, но только на извѣстныхъ условіяхъ. Въ ком.: «Разстроенная семья осторожками и подозрѣніями» (1787), отецъ даетъ такой отвѣтъ сыну на его просьбу побывать въ чужихъ земляхъ: «никто изъ своего отечества не долженъ ѣхать, не избравъ себѣ напередъ образъ жизни и службы, въ пользу которой и ѣзда расположена быть должна, дабы она обратилась въ добро какъ ѣздоку, такъ и общему дѣлу». Прежде чѣмъ отправиться въ путешествіе, царевичъ Февей долженъ доказать на опытѣ послушаніе отцу, душевную твердость, терпѣніе въ несчастіи, умѣренность въ счастіи, смѣлость и щедрость, великодушіе и кротость.

Любя русскую исторію, Екатерина брала изъ нея сюжеты для представленія ихъ въ драматической формѣ. Къ такимъ піесамъ относятся: «Историческое представленіе изъ жизни Рюрика (1786)» и «Начальное управленіе Олега (1786)», написанныя, въ подражаніе Шекспиру, «безъ сохраненія обыкновенныхъ театральныхъ правилъ», т. е. безъ соблюденія трехъ единствъ, по образцу ложноклассическихъ французскихъ трагедій. Идея первой піесы—величіе и торжество милосердія. Правленіе Рюрика есть правленіе мудраго, кроткаго, человѣколюбиваго монарха, по образцу Наказа: онъ любитъ правду, милосердіемъ побѣждаетъ враговъ и въ виновномъ видитъ человѣка, который рожденъ со страстями, слабостями и пороками, и совершаетъ преступленія иногда по легкомысленности. Онъ прощаетъ Вадима, Гостомыслова внука, поднявшаго противъ него новогородскую область. Нѣкоторыя рѣчи дѣйствующихъ лицъ одного духа съ правилами Инструкціи и Гражданскаго ученія: онѣ (какъ сказано въ примѣчаніяхъ ко 2-му изданію драмы) «изъявляютъ собственное сердце и душу автора; въ нихъ, какъ въ зеркалѣ, читатель находитъ свойства его характера, черты его умствованій, наклонностей и желаній». Слова Рюрика новгородскому посаднику Добрынину, что «любящій истину почитаетъ ее даже и въ томъ случаѣ, когда она непріятна», перешли въ піесу изъ Гражданскаго ученія: «правду любящій не отвращаетъ друзей говорить истину, слушаетъ и терпитъ непріятныя рѣчи и про самого себя». Когда супруга Рюрика, Эдвинда, говоритъ ему: «не наказанъ ли Вадимъ ужъ тѣмъ, что не имѣлъ въ своихъ намѣреніяхъ успѣха и что подверженъ всенародному осужденію», то въ этой рѣчи слышны и голосъ законодателя, который въ Наказѣ положилъ правиломъ, что наибольшая кара за злое дѣло состоитъ въ изобличеніи, и голосъ Инструкціи, что никакое наказаніе не можетъ быть полезно, если не соединено со стыдомъ, что учинили дурно. Вообще послѣднія сцены пятаго акта явно

внушены статьями Наказа о преступленіяхъ и наказаніяхъ.—«Начальное управленіе Олега» представляетъ дѣйствія этого князя: заложеніе Москвы, устройство Кіева, женитьбу Игоря и походъ къ Цареграду. Піеса написана не безъ мысли о восточномъ, или греческомъ, проэктѣ, главнымъ ревнителемъ котораго былъ Потемкинъ. Олегъ прибиваетъ Игоревъ щитъ къ столбу на ипподромѣ, чтобы узрѣли его тутъ позднѣйшіе потомки. Кромѣ того, въ пьесѣ отражается нравственное ученіе Екатерины. Олегъ не суевѣръ, хотя и язычникъ: онъ почитаетъ обманчивыми примѣты жрецовъ. Какъ Инструкція требуетъ вселять въ воспитанниковъ бодрость духа; какъ Гражданское ученіе полагаетъ между качествами великодушнаго человѣка бодрость духа, терпѣніе въ печали, болѣзни и несчастіи: такъ и Олегъ восхваляетъ это свойство героевъ: «Человѣкъ аки шаръ; счастіе и несчастіе, играющія между собою, кидаютъ его изъ угла въ уголъ къ стѣнамъ горницы; не повреждается душевно отъ того лишь тотъ, кто довольно имѣетъ въ себѣ твердости, чтобъ бодрость духа его не понесла урона отъ чрезвычайной скорби, или же не позабылась при безмѣрной радости» (1).

§ 22. По поводу педагогической системы Екатерины II явились многія произведенія, разъяснявшія и укрѣплявшія новыя начала воспитанія. Голоса ихъ сливались во едино съ голосомъ правительства. «Слово на открытіе Академіи художествъ», Сумарокова, какъ бы повторяетъ мысль Бецкаго о превосходствѣ благонравныхъ людей предъ учеными: «Возсіяли науки и погибла естественная простота, а съ нею и чистота сердца. Полезнѣе быть неученымъ прежнихъ незлобивыхъ вѣковъ, нежели нынѣшнихъ ученымъ и ко вреду общества безъ воспитанія возращеннымъ. Лучше безумный (т. е. неумный) и честный человѣкъ, нежели разумный и безчестный». «Слово о воспитаніи (1765)», митрополита Платона, развиваетъ мысль о томъ, что воспитаніе есть предуготовленіе къ добродѣтели. Проповѣдникъ опредѣляетъ его и отрицательно, и положительно. «Оно не состоитъ въ нѣжностяхъ тѣлесныхъ, въ увеселеніяхъ чувственныхъ, въ обученіяхъ, которыя только своею наружностію поражать обыкли; оно состоитъ въ должности быть прилежну, въ домостроительствѣ тщательну, въ трудахъ нелѣностну, къ бѣдности другихъ сожалительну, въ счастіи не вознослиру, въ несчастіи не унылу, къ общей пользѣ ревностну, во всякихъ обхожденіяхъ быть искренну, ласкову, снисходительну: въ семъ состоитъ существенная воспитанія сила».

---

1) Драматическія сочиненія Екатерины II, М. Лонгинова.

Медикъ Леклеркъ въ разсужденіи о воспитаніи, произнесенномъ въ началѣ курса передъ кадетами, говоритъ: «человѣческое сердце подобно корню; о устроеніи его надлежитъ имѣть неусыпное попеченіе; наставленіе есть, такъ сказать, стебель онаго, а полезныя познанія—отрасли. Добронравіе есть первое или паипаче единое вещественное (существенное) свойство, требуемое въ наставникѣ, но оное въ нынѣшнемъ вѣкѣ столь же рѣдко, сколь науки сдѣлались общими». Слова эти, показывая, что добродѣтель и ученость рѣдко совмѣщаются, вмѣстѣ съ тѣмъ отводятъ ученію подчиненное мѣсто въ дѣлѣ воспитанія: познанія—только отрасли, корень же—хорошо (т. е. добродѣтельно) устроенное сердце. «Въ сей философскій вѣкъ поспѣшествовали не мало ученію тѣмъ, что доказали, что прежде всего надлежитъ укрѣпить тѣло, исправить чувства, дабы послѣ можно было понятія наши привести въ совершенство. Сіе открытіе есть драгоцѣннѣйшій даръ, учиненный философіею общественному порядку». Воспитаніе, разсуждаетъ княгиня Е. Р. Дашкова, состоитъ не въ однихъ внѣшнихъ талантахъ, не въ одномъ знаніи иностранныхъ языковъ, даже не въ одномъ научномъ образованіи. Истинное, совершенное воспитаніе заключаетъ въ себѣ три, соединенныя въ одное цѣлое, начала: воспитаніе физическое, нравственное и школьное или классическое. Послѣднее, по понятію Дашковой, требуетъ прежде всего изученія отечественнаго языка, потомъ языковъ древнихъ съ цѣлію заимствовать высокія мысли и красоты изъ греческихъ и римскихъ писателей, наконецъ нѣмецкаго, французскаго или англійскаго для сношеній съ иностранцами (1).

Но наилучшее представленіе новыхъ педагогическихъ началъ видимъ въ комедіяхъ Фонъ-Визина: «Бригадиръ (1764)» и «Недоросль (1782)». Онѣ служатъ блистательными памятниками дѣятельности ихъ автора, достоинство которой есть достоинство просвѣщеннаго, сознательнаго ея отношенія къ предметамъ гражданскаго благоустройства, въ особенности къ воспитанію. Первая изображаетъ внѣшній лоскъ европеизма, сообщаемаго французскими гувернерами и пребываніемъ въ Парижѣ; вторая—невѣжественное ученіе дома, подъ вліяніемъ родителей грубыхъ или ослѣпленныхъ животною любовію къ своимъ дѣтямъ.

Сюжетъ первой комедіи незначителенъ: ея завязка—взаимная любовь Добролюбова и дочери Совѣтника, Софьи, которую, противъ воли, положили выдать за Бригадирова сына, Иванушку, и забавныя отношенія Бригадира и сына его къ Совѣтницѣ, а Совѣтника

---

1) Исторія Рос. Академіи, М. И Сухомлинова, I, 26.

къ Бригадиршѣ; развязка—обнаруженіе этихъ отношеній, въ слѣдствіе чего предполагаемый бракъ не состоялся, и Софья становится невѣстой Добролюбова. Но, при неважности сюжета, важенъ смыслъ комедіи, ея содержаніе. Оно не отвѣчаетъ ея названію, ибо главное лице въ ней вовсе не Бригадиръ. Равнымъ образомъ не указывается оно и заключительными словами Совѣтника, съ которыми онъ, какъ съ нравоученіемъ, обратился къ партеру: «говорятъ, что съ совѣстью жить худо; а я самъ теперь узналъ, что жить безъ совѣсти всего хуже». Сентенція эта, вполнѣ справедливая, относится къ нѣкоторымъ только лицамъ и наиболѣе къ самому Совѣтнику; но она не касается ни Добролюбова, ни Софьи, ни Бригадирши. За объясненіемъ смысла піесы надобно обратиться къ тѣмъ безцвѣтнымъ въ драматическомъ значеніи лицамъ, которыя справедливо называются резонерами, такъ какъ ихъ роль ограничена единственно разсужденіями. Имъ авторъ передалъ право толковать идею сочиненія. Въ «Бригадирѣ» это право предоставлено Добролюбову. Онъ и Софья образуютъ второй рядъ дѣйствующихъ лицъ, совершенно отличный отъ перваго, болѣе многочисленнаго—Бригадира съ женой и сыномъ, Совѣтника и Совѣтницы. Слѣдуя французскимъ драмамъ, Фонъ-Визинъ разставлялъ своихъ героинь и героевъ въ симметрической противоположности, подобно шашкамъ на шахматной доскѣ: на одной сторонѣ все хорошее, на другой—все дурное. Добролюбовъ—портретъ, написанный въ противоположность портрету Иванушки. По его фамиліи видно, что онъ любитъ добро; а внушеніе этой любви, «благонравіе», образуетъ, какъ мы знаемъ, главную цѣль новаго воспитанія. Когда Иванушка, поссорясь съ отцемъ, обратился къ Добролюбову съ словами: «вы, конечно, сами знаете много дѣтей, которыя дѣлаютъ честь своимъ отцамъ», послѣдній отвѣчалъ: «а еще больше такихъ, которыя имъ дѣлаютъ безчестье; правда и то, что всему причиной воспитаніе». Это дурное воспитаніе, какъ причина безчестья, представлено въ лицѣ Бригадирова сына: избалованный глупою матерью, онъ былъ отданъ въ пансіонъ, содержимый какимъ-то французскимъ кучеромъ, и завершилъ свое образованіе въ Парижѣ. «Онъ сдѣлался повѣсою», говоритъ его отецъ: «и тѣмъ хуже, что сдѣлался онъ повѣсою французскою; худы русскіе, а французскіе еще хуже». Иванушка гордится тѣмъ, что по духу онъ принадлежитъ Франціи, хотя его тѣло родилось въ Россіи. Влюбленный въ Совѣтницу, онъ находитъ въ ней единственный, но за то неисправимый недостатокъ: «все несчастіе мое состоитъ въ томъ, что ты Русская». Совѣтница, относительно понятія о томъ, какова должна быть женщина «новой породы людей», тоже, что Иванушка

по отношенію къ идеалу добродѣтельнаго, благонравнаго мужчины: она съ претензіями на свѣтскость, поклонница модъ, кокетка, зараженная пристрастіемъ ко всему французскому и легко смотрящая на обязанности супруги. Это—внѣшность европейской жизни, быстро усвоенная русскою женщиной, безъ всякой мысли о томъ, что такое истинно-европейское образованіе, и безъ малѣйшаго знакомства съ своимъ отечествомъ. Совсѣмъ другое дѣло Софья, столько же благоразумная и нравственная, сколько Совѣтница неразумна и безнравственна. Софья не выходитъ изъ повиновенія родителямъ, хотя и понимаетъ ихъ несправедливые съ собой поступки; не измѣняетъ слову, которое дала жениху своему, хотя и не предвидитъ благопріятнаго оборота въ своей судьбѣ.

«Отверзая новыя врата просвѣщенію, монархиня въ тоже время и тѣмъ же самымъ полагаетъ новую преграду ябедѣ и коварству»: такъ говоритъ Фонъ-Визинъ въ письмѣ къ «Сочинителю былей и небылицъ», т. е. къ самой Екатеринѣ. Однимъ изъ первыхъ ея распоряженій, по вступленіи на престолъ, были мѣры противъ взяточниковъ. Въ указѣ 1762 г. іюля 18 значится: «Съ истиннымъ огорченіемъ отъ давняго времени слышали довольно, а нынѣ и дѣломъ самымъ увидали, до какой степени въ государствѣ нашемъ лихоимство возросло, что едва ли есть малое самое мѣсто правительства, въ которомъ бы божественное сіе дѣйствіе, судъ, безъ зараженія сей язвы отправлялся: ищетъ ли кто мѣста—платитъ; защищается ли кто отъ клеветы—обороняется деньгами; клевещетъ ли кто на кого—всѣ происки свои хитрые деньгами подкрѣпляетъ. Многіе судящіе освященное свое мѣсто, въ которомъ они именемъ нашимъ должны показать правосудіе, въ торжище превращаютъ, вмѣняя себѣ ввѣренное отъ насъ званіе судіи безкорыстнаго и нелицепріятнаго за пожалованный будто бы имъ доходъ въ поправленіе дома своего, а не за службу, приносимую Богу, намъ и отечеству, и мздопріимствомъ богомерзкимъ претворяютъ клевету въ праведный доносъ, разореніе государственныхъ доходовъ въ прибыль государственную, а иногда нищаго дѣлаютъ богатымъ, а богатаго нищимъ». За указаніемъ сильно распространеннаго зла послѣдовали вскорѣ нѣкоторыя мѣры къ его прекращенію: манифестомъ 15 декабря 1763 г. предписано «наполнить судебныя мѣста достойными и честными людьми, положивъ имъ довольное жалованье». «Бригадиръ», по поводу этого предмета, также представляетъ просвѣщенное отношеніе къ современнымъ нравамъ и современнымъ понятіямъ объ улучшеніи нравовъ. Въ лицѣ Совѣтника выведенъ старинный подьячій,—прямая приказная строка, по отзыву его жены. Онъ бралъ и съ виноватаго и съ

праваго: съ виноватаго за вину, съ праваго за правоту. Послѣ вышеозначеннаго указа о лихоимствѣ, онъ вышелъ въ отставку и удалился въ деревню, неправедно имъ нажитую. Чтобы выразить нѣсколько мыслей о поднятомъ тогда вопросѣ, комедія навязала Добролюбову какой-то процессъ. Въ разговорѣ съ Совѣтникомъ, онъ показываетъ, что прошло то время, когда «всякій, и съ правымъ, и съ неправымъ дѣломъ, шелъ въ приказъ и могъ, подружась съ судьею, получить милостивую резолюцію»; что «если корыстолюбіе нашихъ лихоимцевъ перешло всѣ предѣлы, то всякій, не находившій въ учрежденныхъ мѣстахъ своего права, могъ идти прямо къ высшему правосудію». Но страхъ наказанія за лихоимство породилъ другую бѣду, указываемую Добролюбовымъ—судейскія проволочки: «большая часть судей нынѣче взятокъ хотя и не берутъ, да и дѣлъ не дѣлаютъ». Есть также указаніе на безграмотность подьячихъ, какъ на одну изъ многихъ причинъ дурнаго состоянія правосудія, обратившагося въ кривосудіе: «сколько у насъ исправныхъ секретарей (говоритъ Совѣтникъ), которые экстракты сочиняютъ безъ грамматики! любо—дорого смотрѣть! У меня на примѣтѣ есть одинъ, который что когда напишетъ, такъ иной ученый и съ грамматикою вовѣки того разумѣть не можетъ». Такимъ образомъ идея комедіи какъ бы двоится: съ одной стороны (и это главное) въ ней изображены вредныя и смѣшныя послѣдствія ложнаго образованія, сообщаемаго иностранцами; съ другой стороны—лихоимство и ябедничество, которымъ правительство старалось положить преграды.

Литературная критика справедливо находитъ въ «Бригадирѣ» многіе недостатки. Главный изъ нихъ тотъ, что между сюжетомъ комедіи и ея основною мыслью нѣтъ внутренней связи. Дурное воспитаніе и лихоимство могли быть представлены помимо любви Добролюбова и Софьи,—любви, въ которой не было никакой надобности и которая служитъ не болѣе, какъ общимъ мѣстомъ французскихъ драмъ XVIII в. Отсюда и происходитъ, что лица, нужныя для завязки и развязки піесы, совершенно не нужны по отношенію къ идеѣ, тогда какъ лица Бригадира, Бригадирши, Иванушки, Совѣтника и Совѣтницы, второстепенныя относительно сюжета, необходимы для выраженія идеи, и слѣдов. по отношенію къ ней главныя. Другой недостатокъ — неорганическое развитіе дѣйствія и характеровъ. Лица выходятъ на сцену и сходятъ со сцены по волѣ автора, а не въ силу естественнаго, необходимаго хода дѣйствія; характеры ихъ какъ явились съ перваго раза, такъ и сохранили тотъ же видъ. Постановка ихъ очень удачна, но дальнѣйшаго движенія въ нихъ нѣтъ: они обращены къ зри-

телю постоянно одною стороною и не выказываютъ другихъ сторонъ; притомъ же они проводятъ время не столько въ дѣйствіи, сколько въ разговорахъ. Наконецъ піеса переступила мѣру смѣшнаго. Кн. Вяземскій справедливо замѣтилъ, что Бригадиръ болѣе комическая каррикатура, нежели комическая картина. Увлекаемый комическимъ настроеніемъ и желая во что бы ни стало смѣшить зрителей, Фонъ-Визинъ иногда заставляетъ дѣйствующія лица говорить то, чего они не могли бы сказать по своему характеру или положенію. Поэтому въ одномъ мѣстѣ піесы даже оказалось странное противорѣчіе: Совѣтникъ вышелъ и чрезвычайно худымъ и чрезвычайно дороднымъ. Бригадирша замѣчаетъ ему, что онъ «съ поста и молитвы скоро будетъ походить на усопшаго»; а чрезъ нѣсколько времени онъ самъ разсказываетъ Бригадиру, что въ коллегіи, гдѣ онъ служилъ президентомъ, былъ одинъ канцеляристъ чуть не въ-пятеро его толще: и Бригадиръ не вѣритъ такой невиданной толщинѣ. «Но», какъ замѣчаетъ кн. Вяземскій, «каррикатурный отпечатокъ Бригадира не признакъ безвкусія, а выраженіе ума оригинальнаго, поэзія веселости». Дѣйствительно, комедія исполнена забавныхъ, истинно-комическихъ положеній. Лучшее лице ея—Бригадирша, списанная авторомъ съ дѣйствительности. Подлинникомъ этого лица послужила мать одной дѣвушки, которою Фонъ-Визинъ былъ заинтерисованъ—«дура набитая». Бригадирша, по словамъ гр. Н. И. Панина, часто слушавшаго чтеніе комедіи, «всѣмъ родня: никто не можетъ сказать, чтобы не имѣлъ у себя подобной или бабушки, или тетушки, или какой нибудь свойственницы». Онъ же назвалъ «Бригадира» первою комедіею въ русскихъ нравахъ. Благодаря живому отношенію къ современности, воплощенной въ нѣсколькихъ живыхъ лицахъ, «Бригадиръ» имѣлъ великій успѣхъ. «Вліяніе, имъ произведенное (таковъ отзывъ кн. Вяземскаго), можно опредѣлить тѣмъ, что отъ нея званіе бригадира обратилось въ смѣшное нарицаніе. Нарицаніе пережило и самое званіе: бригадировъ уже нѣтъ по табели о рангахъ, но есть еще (или по крайней мѣрѣ былъ) родъ свѣтскихъ старовѣровъ, къ которымъ имя сіе примѣняется».

Если послѣднія слова, которыми Совѣтникъ заключаетъ комедію «Бригадиръ» не указываютъ существеннаго ея смысла, то въ «Недорослѣ», напротивъ, такія же слова прямо идутъ къ дѣлу. При видѣ отчаяннаго положенія Простаковой, матери Митрофана (Недоросля), восклицающей: «погибла я совсѣмъ! отъ стыда никуда глазъ показать нельзя! нѣтъ у меня сына!», Стародумъ, дядя Софьи, жившей въ домѣ Простаковыхъ, говоритъ: «вотъ злонравія достойные плоды!» Именно такъ, а не иначе, потому что цѣль

піесы—представить дурное воспитаніе, невѣжество и злоупотребленіе домашней власти. Послѣдніе два предмета коренятся въ первомъ: причина ихъ—дурное воспитаніе или отсутствіе воспитанія; отсюда необходимо проистекаетъ злонравіе, тогда какъ хорошее воспитаніе есть источникъ благонравія. Тотъ же самый Стародумъ желаетъ, чтобы при наукахъ не забывалась главная цѣль всѣхъ знаній человѣческихъ—благонравіе: «какъ скоро всѣ увидятъ, что безъ благонравія никто не можетъ выйти въ люди, тогда всякій найдетъ выгоду быть благонравнымъ и всякъ хорошъ будетъ». Такъ какъ въ противоположность злонравной Простаковой выведена Софья, то, разумѣется, послѣдняя отличается благонравіемъ. Въ разговорахъ съ нею, Стародумъ постоянно напираетъ на это качество: «прямую цѣну уму даетъ благонравіе»; «какого воспитанія ожидать отъ матери, потерявшей добродѣтель? какъ ей учить благонравію, котораго въ ней нѣтъ?» На вопросъ Софьи, отъ чего происходятъ страшныя несчастія въ семейной жизни, Стародумъ отвѣчаетъ: «отъ того, что при нынѣшнихъ супружествахъ рѣдко съ сердцемъ совѣтуются. Дѣло о томъ, знатенъ ли, богатъ ли женихъ, хороша ли, богата ли невѣста; о благонравіи вопросу нѣтъ. Никому и въ голову не приходитъ, что добродѣтель все замѣняетъ, а добродѣтели ничто замѣнить не можетъ». Такимъ образомъ Фонъ-Визинъ положительно ставитъ ученіе ниже нравственнаго образованія и не придаетъ никакой цѣны уму, если онъ не соединенъ съ благороднымъ сердцемъ. Въ разговорахъ между Стародумомъ, Правдинымъ и Софьею, то и дѣло повторяется мысль о воспитаніи, какъ средствѣ внушить человѣку добродѣтель. «Прямое достоинство въ человѣкѣ есть душа. Безъ нея просвѣщеннѣйшая умница—жалкая тварь. Невѣжда безъ души—звѣрь... Съ великимъ просвѣщеніемъ можно быть великому скареду... Умъ, коль онъ только что умъ, самая бездѣлица. Съ пребѣглыми умами видимъ мы худыхъ мужей, худыхъ отцевъ, худыхъ гражданъ. Прямую цѣну уму даетъ благонравіе: безъ него умный человѣкъ—чудовище... Наука въ развращенномъ сердцѣ есть лютое оружіе дѣлать зло. Просвѣщеніе возвышаетъ одну добродѣтельную душу». Вѣра въ силу воспитанія, которое искореняетъ общественные недостатки и творитъ достойныхъ гражданъ, была общимъ убѣжденіемъ передовыхъ людей Екатеринина времени. «Припомните слова мои», говоритъ императрица въ Быляхъ и небылицахъ: «всѣ теперешніе пороки ничего не значатъ; они схожи на стекающее полноводіе; вода же, пришедъ въ прежнія границы и берега свои, возъимѣетъ теченіе естественнѣе прежняго: берега суть воспитаніе». Взглядъ Фонъ-Визина выра-

женъ въ одной сценѣ между Стародумомъ и Правдинымъ (дѣйствіе V, явленіе I), которая, по замѣчанію кн. Вяземскаго, приноситъ честь и писателю, и государю, въ царствованіе коего она написана: «Гдѣ государь мыслитъ, гдѣ онъ знаетъ, въ чемъ его истинная слава, тамъ человѣчеству не могутъ не возвращаться его права; тамъ всѣ скоро ощутятъ, что каждый долженъ искать своего счастья и выгодъ въ томъ, что законно... Великій государь есть государь премудрый. Его дѣло показать людямъ прямое ихъ благо. Слава премудрости есть та, чтобъ править людьми, потому что управляться съ истуканами нѣтъ премудрости. Достойный престола государь стремится возвысить души подданныхъ. Мы это видимъ своими глазами... Несчастіямъ людскимъ, конечно, причиною собственное ихъ развращеніе; но способы сдѣлать людей добрыми въ рукахъ государя. Чтобы въ достойныхъ людяхъ не было недостатку, прилагается нынѣ особливое стараніе о воспитаніи. Оно и должно быть залогомъ благосостоянія государства».

Въ «Недорослѣ», какъ и въ «Бригадирѣ», главныя лица разставлены симметрично: на одной сторонѣ идеалы, на другой—крайнія отступленія отъ идеаловъ. Къ первому разряду лицъ относятся: Стародумъ, Правдинъ, Софья и Милонъ; ко второму: Простаковы (мужъ и жена), Митрофанъ и Скотининъ. Представимъ краткую характеристику тѣхъ и другихъ, начавъ съ Недоросля, не потому только, что онъ далъ свое названіе комедіи, но и потому, что онъ дѣйствительно главное лице въ ней, служа по преимуществу къ выраженію ея идеи—дурнаго воспитанія. Такъ какъ недорослей не существуетъ уже болѣе, то и слѣдуетъ, за объясненіемъ ихъ значенія, отнестись къ исторіи. Матеріалы для знакомства съ ними находятся частію въ оффиціальныхъ актахъ, частію въ литературныхъ памятникахъ. Недоросли ведутъ свое начало отъ реформы Петра: его грозными указами повелѣно было дворянскимъ дѣтямъ явиться на службу немедленно; въ случаѣ неповиновенія, высылкой ихъ распоряжалось мѣстное начальство; не получившіе свидѣтельства въ томъ, что выучились наукѣ, не могли ни поступать на службу, ни жениться. По смерти Петра, правительство также постоянно озабочивалось судьбою недорослей: въ 1727 г. состоялся сенатскій указъ о высылкѣ ихъ изъ герольдмейстерской конторы въ адмиралтейскую коллегію; возрастъ былъ назначенъ отъ 12 до 17 лѣтъ; молодые дворяне, ничему не научившіеся, отдавались въ матросы. Императрица Анна подтвердила это распоряженіе сената (указами 1736 и 1737 г.). Всѣхъ малолѣтнихъ дѣтей, начиная съ семи лѣтъ, должно было представлять на экзаменъ, или «смотръ»—въ Петербургѣ въ герольдію, а въ

Москвѣ и другихъ городахъ къ генералъ-губернаторамъ и губернаторамъ для повѣрки возраста и для испытанія, чему мальчикъ дома учился. За тѣмъ, въ двѣнадцать лѣтъ, онъ долженъ былъ явиться на второй смотръ и доказать, что онъ умѣетъ «совершенно читать и чисто писать». Послѣ этого родители могли держать недоросля дома не иначе, какъ давъ письменное обязательство, что онъ, кромѣ одного изъ двухъ иностранныхъ языковъ (нѣмецкаго или французскаго) и закона Божія, будетъ обучаемъ ариѳметикѣ и геометріи. Въ пятнадцать лѣтъ молодой человѣкъ подвергался новому смотру и могъ быть отпускаемъ къ родителямъ только подъ тѣмъ условіемъ, что сверхъ ариѳметики и геометріи будетъ учиться географіи, исторіи и артиллеріи. Въ двадцать лѣтъ онъ обязанъ былъ поступить непремѣнно на службу. Указы о недорослѣхъ при Елисаветѣ относятся къ 1742 и 1747 гг. Многіе родители не хотѣли разстаться съ своими дѣтьми, держали ихъ при себѣ дома, какъ можно болѣе отдаляя срокъ поступленія ихъ на службу или думая о томъ, какъ бы скорѣе выручить ихъ изъ службы. Такъ было и въ то время, когда явилась комедія Фонъ-Визина. Изъ современныхъ свидѣтельствъ о жизни и воспитаніи недорослей самымъ вѣрнымъ служатъ «Записки маіора Данилова», о которыхъ сказано выше. Въ племянникѣ Матрены Петровны, по безнравственному баловству ея, готовился своего рода Митрофанъ. Много яркихъ указаній на образъ жизни дворянъ и ихъ дѣтей-недорослей встрѣчается въ сатирическихъ журналахъ 1769—74 г.г. и другихъ литературныхъ произведеніяхъ. Такъ «Всякая всячина» (1769), въ одномъ изъ своихъ еженедѣльныхъ листовъ, содержитъ разсказъ епифанскаго дворянина объ ученіи его сначала у дьячка, съ которымъ онъ въ четыре года могъ съ нуждою разбирать букварь, а потомъ у француза, который былъ выгнанъ изъ дому за то, что хотѣлъ принуждать тринадцатилѣтняго ребенка. Слѣдствія такого воспитанія изображены въ «Живописцѣ» (1774). Это же изданіе заключаетъ въ себѣ письма къ Фалалею отъ его матери, отца и дяди, чрезвычайно похожихъ на Простакову, Простакова и Скотинина. Къ журналамъ присоединяются комедіи Екатерины. Хотя ни одна изъ нихъ не имѣла прямаго намѣренія выставить недорослей; однакожъ нѣкоторыми сценами онѣ даютъ понятія о той средѣ, въ которой росли и выростали лица, подобныя Митрофану. Такъ въ комедіи: «О время! (1772)», изъ разсказа госпожи Чудихиной о ея восьмнадцатилѣтнемъ сынѣ Николашкѣ узнаемъ многія черты молодаго провинціальнаго дворянства: Николашка всю зиму не сходилъ съ лежанки; въ болѣзни ничего не ѣлъ, кромѣ блиновъ

и сластей; мать спала у него въ головахъ, чтобы ночью чего-нибудь ему не причудилось; онъ только что кончилъ азбуку, но часослова не начиналъ; въ Питеръ не ѣздилъ и числился въ уѣздной командѣ; за малограмотность не давали ему и капральства, хотя мать его и даривала, кому надлежитъ. Приведенныя свидѣтельства достаточно объясняютъ лице недоросля. Мы видимъ, что онъ не только существовалъ дѣйствительно, но и былъ предметомъ законодательныхъ мѣръ съ одной стороны, литературныхъ изображеній съ другой. Эти изображенія предшествовали комедіи Фонъ-Визина, которая поэтому состоитъ съ ними въ исторической связи, но превосходитъ ихъ художественнымъ достоинствомъ: въ преемственныхъ характеристикахъ одного и того же типа, Митрофанъ занимаетъ между ними первое мѣсто. Какъ представлено его образованіе въ комедіи? Грамотѣ, часослову и псалтири онъ учится у дьячка Кутейкина, ариѳметикѣ, или цыфири, у отставнаго сержанта Цыфиркина, по-французски и всѣмъ наукамъ у Вральмана, который «ребенка (Митрофану 16 лѣтъ) не неволитъ». Вральманъ оказался кучеромъ, что̀ не выходитъ изъ предѣловъ вѣроятія. Подобные случаи могли быть и прежде и послѣ «Недоросля». Иванушка воспитывался въ пансіонѣ, содержимомъ французскимъ кучеромъ: чѣмъ же сынъ Простаковой лучше бригадирова сына? Въ комедіи: «Госпожа Вѣстникова съ семьею (1772)», императрица Екатерина заставляетъ старую Вѣстникову такъ отзываться о наставникѣ своего внука: «Ужасть какъ мнѣ хочется выгнать эту харю изъ дому. Да ужъ и обѣщали мнѣ достать какого-то другаго учителя, который гдѣ-то былъ скороходомъ; а этотъ пусть себѣ по прежнему опять пойдетъ въ кучера къ кому-нибудь». При родителяхъ-невѣждахъ легко было являться учителямъ-самозванцамъ. «Записки Порошина» (1764—65) разсказываютъ, что къ одному московскому дворянину поступилъ въ учителя чухонецъ, выдавъ себя за француза, и выучилъ дѣтей его вмѣсто французскаго языка чухонскому. Но какъ ни плохо шло образованіе Митрофана, все же оно было шагомъ впередъ. Родители и дядя недоросля совершенно безграмотны: Скотининъ отъ роду ничего не читывалъ; Простаковъ воспитанъ, какъ красная дѣвица старыхъ временъ; Простакова гордится тѣмъ, что она можетъ получать письма, но читать ихъ всегда велитъ другому, и потому понятна ея ненависть къ новому образованію женскаго пола: «вотъ до чего дожили! къ дѣвушкамъ письма пишутъ! дѣвушки грамотѣ знаютъ!» Дѣдъ Митрофана не хотѣлъ и слышать о школѣ: «прокляну ребенка», кричалъ онъ, «который что-нибудь перейметъ у бусурмановъ, и не будь тотъ Скотининъ, кто чему-нибудь учиться за-

хочетъ». Въ противоположность семейству Простаковыхъ, Милонъ и Софья служатъ образцами людей «новой породы», произведенныхъ добрымъ воспитаніемъ. О Софьѣ мы уже говорили. Что касается до Милона, то, при всей его молодости, Стародумъ видитъ въ немъ и почитаетъ добродѣтель, украшенную разсудкомъ просвѣщеннымъ; другими словами, Милонъ соединяетъ «съ изящнымъ умомъ изящное сердце».

Стародумъ и Правдинъ—резонеры. Они прикомандированы къ піесѣ, а не входятъ въ нее, какъ живые члены драматическаго организма. Грѣша противъ условій драмы, обѣ роли весьма важны своимъ служебнымъ отношеніемъ къ идеѣ и цѣли комедіи. Стародумъ особенно былъ для того нуженъ: ему авторъ «Недоросля» передалъ свой обличительный голосъ. Читатели нашего времени могутъ находить его рѣчи утомительными и скучными, но въ эпоху Екатерины II онѣ выслушивались съ напряженнымъ вниманіемъ, потому что правдивой и смѣлой сатирой обличали самые видные недостатки. Авторъ понималъ силу резонерства Стародума, почему и говоритъ въ письмѣ къ этому вымышленному лицу (1788): «Я долженъ признаться, что за успѣхъ комедіи моей одолженъ я вашей особѣ. Изъ разговоровъ вашихъ съ Правдинымъ, Милономъ и Софьею составилъ я цѣлыя явленія, кои публика и донынѣ съ удовольствіемъ слушаетъ». Потому-то, задумавъ издавать «періодическое сочиненіе, посвященное истинѣ», Фонъ-Визинъ назвалъ его именемъ «Стародума». Поэтому же Стародумъ, въ отвѣтѣ на письмо, разумѣлъ самого себя, выражая открыто и благородно, что «человѣкъ съ дарованіемъ можетъ въ своей комнатѣ, съ перомъ въ рукахъ, быть иногда полезнымъ совѣтователемъ государю, а иногда спасителемъ согражданъ своихъ и отечества». Значеніе Стародума видно изъ его имени: это—человѣкъ, «думающій постарому», въ противоположность людямъ Екатерининa вѣка, которые думаютъ и поступаютъ по-новому. Теперь не въ обычаѣ предварительно знакомить зрителя съ дѣйствующими лицами посредствомъ ихъ именъ или фамилій; но тогда было почти общимъ правиломъ отмѣчать названіемъ лица его характеръ, его нравственную физіономію. Отецъ Стародума «служилъ Петру Великому и далъ своему сыну наилучшее воспитаніе по тому времени, когда еще не умѣли чужимъ умомъ набивать пустую голову». Это воспитаніе состояло въ одномъ правилѣ: «имѣй сердце, имѣй душу—и будешь человѣкъ во всякое время». Есть основаніе думать, что черты стародумства Фонъ-Визинъ припоминалъ въ почтенныхъ качествахъ отца своего, «кои въ нынѣшнемъ обращеніи свѣта едва ли сохранить можно» (Чистосердечное признаніе въ дѣлахъ

моихъ и помышленіяхъ). Человѣкъ стараго вѣка среди людей новосвѣтскихъ, «гдѣ всего чаще первая встрѣча бываетъ—умы, развращенные въ своихъ понятіяхъ, сердца, развращенныя въ своихъ чувствіяхъ»: вотъ кого представилъ Фонъ-Визинъ въ Стародумѣ, кто бы ни служилъ ему оригиналомъ. Стародумъ есть идеалъ нравственнаго совершенства, прямо-противоположный безнравственному состоянію, возникшему изъ превратной цивилизаціи, которая не лучше старинаго невѣжества и на которую указывалъ Бецкій въ своихъ докладахъ. Въ чемъ же заключается высшее достоинство человѣка? По мнѣнію Стародума, или Фонъ-Визина (что одно и тоже), оно заключается въ честности. Стародумъ гордится этимъ качествомъ и называетъ себя «другомъ честныхъ людей». Тоже названіе Фонъ-Визинъ хотѣлъ перенесть на журналъ свой. Въ племянницѣ своей Стародумъ видитъ «сердце честнаго человѣка»: наилучшая похвала, какую только онъ могъ ей сдѣлать. Милонъ возбуждаетъ къ себѣ его сочувствіе, между прочимъ, и тѣмъ, что онъ племянникъ графа «Честана». И въ другихъ сочиненіяхъ, авторъ Недоросля остался вѣренъ своему взгляду на честность, какъ на высшую степень нравственности. «Каллисѳенъ», главное лице греческой повѣсти того же имени, можетъ быть сравниваемъ съ Стародумомъ. На письмѣ его къ Аристотелю послѣдній положилъ такую отмѣтку: «вотъ что честный человѣкъ въ два дня сдѣлать можетъ!» Въ «Жизни гр. Н. И. Панина», Фонъ-Визинъ не могъ придумать ему лучшаго панегирика, какъ сказавъ, что «гласомъ цѣлой націи было дано ему титло честнаго человѣка». Наконецъ одинъ изъ «Вопросовъ», предложенныхъ имъ Екатеринѣ II, начинается слѣдующимъ образомъ: «Имѣя монархиню *честнаго* человѣка», и пр. Будучи главнѣйшимъ достоинствомъ сердца, честность нераздѣлима и совмѣщаетъ всѣ другія хорошія качества: «умнаго человѣка легко извинить можно, если онъ какого-нибудь качества не имѣетъ; честному человѣку никакъ простить нельзя, если недостаетъ въ немъ какого-нибудь качества сердца: ему необходимо всѣ имѣть надобно. Честный человѣкъ долженъ быть совершенно честный человѣкъ». Изложенное понятіе Фонъ-Визина не принадлежитъ собственно ему, а заимствовано или прямо изъ упомянутаго сочиненія Дюкло: «Considérations sur les moeurs de ce siécle», который различаетъ слова: «probité», «vertu», «honneur», или изъ словаря французскихъ синонимовъ, принявшаго это различеніе на свои страницы. Фонъ-Визинъ воспользовался имъ въ «Опытѣ россійскаго сословника», съ тою перемѣною, что на первомъ планѣ поставилъ

честь, возвысивъ ее и надъ добродѣтелью, и надъ безпорочностью:

Безпорочный бываетъ таковымъ по воспитанію, для собственныхъ выгодъ и повинуясь законамъ; *добродѣтельный* слѣдуетъ часто въ дѣлахъ своихъ разсужденію; но *честный* человѣкъ не закону повинуется, не разсужденію слѣдуетъ, не примѣрамъ подражаетъ: въ душѣ его есть нѣчто величавое, влекущее его мыслить и дѣйствовать благородно. Онъ кажется самъ себѣ законодателемъ. Въ немъ нѣтъ робости, подавляющей въ слабыхъ душахъ самую добродѣтель. Онъ никогда не бываетъ орудіемъ порока. Онъ въ своей добродѣтели самъ на себя твердо полагается.

Въ отношеніи къ логикѣ здѣсь повторена ошибка французскаго автора: видовое понятіе (честь) смѣшано съ родовымъ (добродѣтель). Но Фонъ-Визину было нужно не точное разграниченіе и размѣщеніе понятій, а представленіе высшаго достоинства человѣка. Честность не видъ добродѣтели или безпорочности, предметъ не подчиненный имъ и даже не равночинный, а возвышающійся надъ ними; образцовый, примѣрный человѣкъ есть человѣкъ честный: такъ онъ думалъ, побуждаемый извѣстнымъ намѣреніемъ, въ силу котораго допустилъ логическую несообразность. А намѣреніемъ его было выставить дурно-воспитанныхъ дворянъ. Слова Правдина: «надобно, чтобъ всякое состояніе людей имѣло приличное себѣ воспитаніе», согласны съ правиломъ Инструкціи: «всякое доброе воспитаніе учреждено быть должно, смотря на того, кому оное дается». Митрофанъ—дворянинъ; дворянству въ особенности вмѣняется «Наказомъ» честь и воспрещены унизительныя дѣйствія; совершенство же сохраненія чести состоитъ «въ любви къ отечеству и наблюденіи всѣхъ законовъ и должностей» (Нак. §§ 373—374). Потому не удивительно встрѣтить въ рѣчахъ Стародума рѣзкія выходки противъ недостойныхъ дворянъ вообще, противъ знатныхъ дворянъ въ частности, которые, не смотря на свою знатность, «владѣли искусствомъ проманивать, т. е. не исполнять обѣщаемаго, питая одною тщетною надеждою». Изъ 13-го вопроса Екатеринѣ II видно, что въ сердцахъ дворянъ поселилась безчувственность къ достоинству благороднаго званія, что титло дворянина не было уже знакомъ душевнаго благородства. Надлежало «возвысить упадшія души дворянства». Но чтобы достигнуть этого, надлежало возвысить понятіе о чести, какъ главной принадлежности дворянства. Фонъ-Визинъ—самъ дворянинъ—то и сдѣлалъ: честь поставлена имъ на первомъ планѣ; добродѣтель и безпорочность отодвинуты на второй планъ. Нравственный упадокъ дворянства представленъ

Фонъ-Визинымъ во многихъ мѣстахъ, между прочимъ въ письмѣ къ Екатеринѣ по поводу «Вопросовъ». Увидѣвъ изъ ея отвѣтовъ, что она осталась недовольна нѣкоторыми вопросами, въ томъ числѣ и 13-мъ, Фонъ-Визинъ даетъ такое объясненіе: «Мнѣ случилось по своей землѣ поѣздить. Я видѣлъ, въ чемъ большая часть носящихъ имя дворянина полагаетъ свое любочестіе. Я видѣлъ множество такихъ, которые служатъ или паче занимаютъ мѣста въ службѣ для того только, чтобы ѣздить на парѣ. Я видѣлъ множество другихъ, которые пошли тотчасъ въ отставку, какъ скоро добились права вирягать четверню. Я видѣлъ отъ почтеннѣйшихъ предковъ презрительныхъ потомковъ. Словомъ, я видѣлъ дворянъ раболѣпствующихъ. Я дворянинъ,—и вотъ что растерзало мое сердце». Однимъ изъ крупныхъ недостатковъ современнаго дворянства Стародумъ признаетъ отсутствіе надлежащаго, прямаго разума, и въ слѣдствіе того непониманіе смысла въ словѣ «должность»: «Непрямой разумъ полагаетъ свое счастье не въ томъ, въ чемъ надобно»; а «должность есть тотъ священный обѣтъ, которымъ обязаны мы всѣмъ тѣмъ, съ кѣмъ живемъ и отъ кого зависимъ». Еслибъ у людей былъ прямой разумъ; «еслибъ такъ должность исполняли, какъ объ ней твердятъ: всякое состояніе людей осталось бы при своемъ любочестіи и было бъ совершенно счастливо. Дворянинъ, напримѣръ, считалъ бы за первое безчестье не дѣлать ничего, когда ему есть столько дѣла: есть люди, которымъ помогать; есть отечество, которому служить. Тогда не было бъ такихъ дворянъ, которыхъ благородство, можно сказать, погребено съ ихъ предками. Дворянинъ, недостойный быть дворяниномъ,—подлѣе его ничего не знаю». На замѣчаніе Софьи, что люди согласились полагать счастіе въ богатствѣ и знатности, Стародумъ отвѣчаетъ: «Степени знатности расчитываю я по числу дѣлъ, которыя большой господинъ сдѣлалъ для отечества, а не по числу дѣлъ, которыя нахваталъ на себя изъ высокомѣрія; не по числу людей, которые шатаются въ его передней, а по числу людей, довольныхъ его поведеніемъ и дѣлами».

Согласно своимъ понятіямъ о достоинствѣ и обязанностяхъ дворянъ, Фонъ-Визинъ распорядился съ недорослемъ. Правдинъ говоритъ послѣднему: «съ тобой, дружокъ, знаю, что дѣлать,—ступай-ка служить». Тоже самое говорилъ Бригадиръ своей женѣ объ Иванушкѣ: «жена, не балуй ребенка; запишемъ его въ полкъ; пусть онъ, служа въ полку, ума набирается». Другаго исхода Митрофану и не было, по тогдашнему времени. Дальнѣйшее пребываніе при родителяхъ сдѣлало бы его окончательно злонравнымъ. Въ воспитательныя заведенія, находившіяся подъ управле-

ніемъ Бецкаго, онъ поступить не могъ, какъ потому, что служилъ бы дурнымъ примѣромъ для другихъ, тогда какъ цѣль Бецкаго состояла именно въ устраненіи всякаго вреднаго вліянія на воспитанниковъ, такъ и потому, что Митрофану было 16 лѣтъ, а въ означенныя заведенія принимали дѣтей ранняго возраста, когда семейная среда не оставила еще замѣтныхъ слѣдовъ на юномъ умѣ и сердцѣ. Народныя училища еще не существовали. Если бы Митрофанъ и пристроился гдѣ-нибудь, то безъ надежды на успѣхъ: ему не давалась даже грамота, не говоря уже о наукахъ. Оставалось служить. Служба имѣла большую важность для Фонъ-Визина въ то время, когда «у насъ было не стыдно *ничего не дѣлать*» (12-ый вопросъ Екатеринѣ); когда главное стараніе большей части дворянъ состояло въ томъ, чтобы поскорѣе сдѣлать дѣтей своихъ, *не служа*, гвардіи унтеръ-офицерами» (7-ой вопросъ); когда всякій только и смотрѣлъ, какъ бы на покой. Праздность, коренной порокъ многихъ дворянъ Екатерининa вѣка, заставляла ихъ бояться должности какъ огня. «Что за радость выучиться?» замѣчаетъ Простакова Правдину. «Мы это видимъ своими глазами и въ нашемъ краю. Кто посмышленѣе, того свои же братья выберутъ еще *въ какую-нибудь должность*». Нападая на дворянское ничегонедѣланіе, Фонъ-Визинъ мѣтилъ не въ небывалое, а въ дѣйствительное, сильно распространенное зло, которое привело его къ строгому, исключительному правилу: дворянину позволяется выдти въ отставку только въ томъ случаѣ, когда онъ увѣренъ, что его служба не приноситъ отечеству прямой пользы.

Кромѣ невѣжества и дурнаго воспитанія, «Недоросль», сказали мы, изображаетъ также неизбѣжный результатъ ихъ—злоупотребленіе помѣщичьей власти, въ лицѣ Простаковой, «презлой фуріи, которой адскій нравъ дѣлаетъ несчастье цѣлаго дома». Эту домашнюю тиранію останавливаетъ отъ имени правительства чиновникъ Правдинъ. Чуждый внутренняго отношенія къ сюжету, онъ важенъ, какъ органъ «человѣколюбивыхъ видовъ высшей власти». Ему предписано «замѣчать тѣхъ злонравныхъ невѣждъ, которые, имѣя надъ людьми своими полную власть, употребляютъ ее во зло безчеловѣчно». Онъ беретъ въ опеку домъ и деревни Простаковой, такъ какъ ея «злонравіе въ благоучрежденномъ государствѣ терпимо быть не можетъ»; вмѣстѣ съ тѣмъ предостерегаетъ и Скотинина, приказывая ему повѣстить всѣмъ Скотининымъ, чтобъ они людей своихъ побольше любили, или бы по крайней мѣрѣ не трогали ихъ. Распоряжаясь такимъ образомъ, онъ дѣйствовалъ по силѣ «Наказа» и «Учрежденія для управленія губерній (1775)».

Въ Наказѣ говорится: «какого бы рода покорство ни было, надлежитъ, чтобы законы гражданскіе злоупотребленія рабства отвращали (§ 254)»; «Петръ I узаконилъ въ 1722 г., чтобы безумные и подданныхъ своихъ мучащіе были подъ смотрѣніемъ опеки: по первой статьѣ сего указа чинится исполненіе, а послѣдняя для чего безъ дѣйства осталася—неизвѣстно (§ 256)». Приведеніе этой мѣры въ дѣйствіе учинено Учрежденіемъ о губерніяхъ. Въ разговорѣ съ Милономъ, Правдинъ указываетъ на связь своей роли съ этимъ законодательнымъ памятникомъ: «Ты знаешь образъ мыслей нашего намѣстника. Съ какою ревностію помогаетъ онъ страждущему человѣчеству! Съ какимъ усердіемъ исполняетъ онъ тѣмъ самымъ человѣколюбивые виды высшей власти! Мы въ нашемъ краю сами испытали, что гдѣ намѣстникъ таковъ, каковымъ изображенъ намѣстникъ въ Учрежденіи, тамъ благосостояніе обитателей вѣрно и надежно». Въ «Учрежденіи» же о намѣстникѣ говорится слѣдующее: «Намѣстникъ не есть судья, но оберегатель изданнаго узаконенія, ходатай за пользу общую и государеву, заступникъ утѣсненныхъ и побудитель безгласныхъ дѣлъ. Нося имя государева намѣстника, долженъ онъ показать въ поступкахъ своихъ доброхотство, любовь и соболѣзнованіе къ народу... Онъ имѣетъ пресѣкать всякаго рода злоупотребленія, а наипаче роскошь безмѣрную и разорительную, обуздывать излишества, безпутства, мотовство, тиранство и жестокости».

И содержаніемъ, и драматическимъ достоинствомъ «Недоросль» выше «Бригадира», хотя нѣкоторыми сценами и лицами отступаетъ отъ требованій истинной комедіи. И здѣсь также главная погрѣшность—внѣшнее отношеніе идеи къ завязкѣ. Милонъ и Софья введены безъ всякой пользы для дѣйствія, изъ одного желанія показать лица прямо противоположныя семейству Простаковыхъ; взаимная любовь ихъ нисколько не вяжется съ ходомъ піесы, угождая только обычаямъ ложно-классицизма. Другой недостатокъ «Недоросля» кн. Вяземскій находитъ въ неподвижности событія, иначе въ отсутствіи драматизма: изъ всѣхъ явленій, говоритъ онъ, едва ли найдется треть, и то короткихъ, входящихъ въ составъ самого дѣйствія и развивающихся изъ него какъ изъ клубка. Развязка есть своего рода deus ex machina: она производится не ходомъ обстоятельствъ, а волею Стародума, по праву родства, или волею Правдина, по силѣ закона. Дѣйствующія лица могутъ быть раздѣлены на нѣсколько категорій. Къ истинно-комическимъ относятся: Простаковъ, Простакова, Митрофанъ, Еремеевна и Тришка. Лучшій характеръ, выдержанный до конца — Простакова. Скотининъ, Вральманъ, Кутейкинъ и Цыфиркинъ, также взятые изъ

русской жизни, переходятъ въ каррикатуру. Первый изъ нихъ, по остроумному замѣчанію кн. Вяземскаго, нарисованъ въ родѣ театральныхъ героевъ классической трагедіи и говоритъ о любви своей къ свиньямъ, какъ Дмитрій Самозванецъ Сумарокова о любвѣ къ злодѣйствамъ. Кутейкинъ не могъ такъ наивно разсказывать о своихъ неудачахъ въ ученіи: надобно быть черезъ чуръ глупымъ, чтобы хвалиться плохимъ аттестатомъ, а онъ вовсе не такой дуракъ. Вральманъ неправдоподобенъ не тѣмъ, что онъ изъ кучеровъ попалъ въ учители: дѣло въ то время возможное, а тѣмъ, какъ онъ отзывается о себѣ и о Митрофанѣ. Наконецъ Стародумъ и Правдинъ—резонеры: этимъ словомъ достаточно указывается ихъ противорѣчіе сущности драмы, которая выводитъ лица для дѣйствія, а не для разсужденій. Успѣхъ «Недоросля», говоритъ кн. Вяземскій, былъ рѣшительный. Нѣкоторыя изъ именъ дѣйствующихъ лицъ сдѣлались нарицательными и донынѣ употребляются въ народномъ обращеніи. Нравственное вліяніе піесы заключается въ сознаніи образа дѣйствій, противоположнаго тому, которое въ ней изображено: «авторъ, въ начертаніи картины, далъ лицамъ смѣшное направленіе, но смѣшное хотя у него на первомъ планѣ, не мѣшаетъ разглядѣть гнусное, ненавистное въ перспективѣ. Въ семействахъ Простаковыхъ трагическія развязки не рѣдки. Архивы уголовныхъ дѣлъ нашихъ могутъ представить тому многочисленныя доказательства». Общественное значеніе «Недоросля» такъ важно, что эта комедія (обращаемся снова къ мнѣнію кн. Вяземскаго) есть не только хорошее сочиненіе, но и доброе дѣло, патріотическая заслуга. Служа примѣромъ благороднаго согласія между литературою и видами правительства, она въ тоже время представляетъ примѣръ полезнаго взаимнодѣйствія литературы и общества. Ея авторъ имѣлъ право отнести къ себѣ тѣ самыя слова, которыя онъ заставилъ написать Стародума и часть которыхъ мы привели выше: «въ томъ государствѣ, гдѣ писатели наслаждаются дарованною намъ свободой, имѣютъ они долгъ возвысить громкій гласъ свой противъ злоупотребленій и предразсудковъ, вредящихъ отечеству, такъ что человѣкъ съ дарованьемъ можетъ въ своей комнатѣ, съ перомъ въ рукахъ, быть иногда полезнымъ совѣтователемъ государю, а иногда и спасителемъ согражданъ своихъ и отечества».

Другія сочиненія Фонъ-Визина также служатъ свидѣтельствомъ той высоты, которой достигаетъ литература, будучи сознательнымъ выраженіемъ просвѣщенныхъ стремленій общества. Они имѣютъ предметомъ не матеріальное могущество Россіи, не политическое ея значеніе, не славу побѣдъ и завоеваній, а задачи и дѣла внут-

ренняго устройства, успѣхи гражданственности. И въ этомъ кругу гражданскихъ интересовъ они обращаютъ вниманіе не столько на фактическую сторону, сколько на смыслъ и основаніе фактовъ. Ни одинъ изъ современныхъ вопросовъ не былъ ими обойденъ или незамѣченъ. Во всѣхъ мнѣніяхъ Фонъ-Визина слышенъ голосъ передоваго человѣка своей эпохи, а въ нѣкоторыхъ и голосъ замѣчательнаго публициста. Намъ уже извѣстно, какъ онъ смотрѣлъ на воспитаніе, правосудіе, обязанности дворянства, отношеніе помѣщиковъ къ крестьянамъ. «Письмо Взяткина», хотя и вымышленное, не хуже подлинныхъ документовъ даетъ понятіе о потворствѣ беззаконію и плутнямъ. «Разговоръ у кн. Халдиной», разсуждая о средствахъ приготовить достойныхъ судей и адвокатовъ, предлагаетъ учредить въ университетѣ каѳедру политической науки, подъ которой разумѣется наука о «благочиніи, коммерціи и государственныхъ доходахъ». Гласность должна была съ своей стороны оградить законное теченіе дѣлъ, устрашая неправду приговоромъ общественнаго мнѣнія, какъ видно изъ 5-го вопроса Екатеринѣ: «отъ чего у насъ тяжущіеся не печатаютъ тяжбъ своихъ и рѣшеній правительства?» По поводу отвѣта императрицы: «отъ того, что вольныхъ типографій до 1782 г. не было», Фонъ-Визинъ писалъ къ ней: «Отвѣтъ вашъ подаетъ надежду, что размноженіе типографій послужитъ не только къ распространенію человѣческихъ знаній, но и къ подкрѣпленію правосудія. Способомъ печатанія тяжбъ и рѣшеній гласъ обиженнаго достигнетъ во всѣ концы отечества. Многіе постыдятся думать то, чего дѣлать не страшатся. Всякое дѣло, содержащее въ себѣ судьбу имѣнія, чести и жизни гражданина, купно съ рѣшеніемъ судившихъ, можетъ быть извѣстно всей безпристрастной публикѣ: воздастся достойная хвала праведнымъ судіямъ; возгнушаются честныя сердца неправдою судей безсовѣстныхъ и алчныхъ». «Письмо отъ Стародума (1788)» показываетъ истинную причину малаго у насъ числа свѣтскихъ ораторовъ. Эта причина заключается не въ недостаткѣ національнаго дарованія, которое способно ко всему великому, не въ недостаткѣ русскаго языка, котораго богатство и красота удобны ко всякому выраженію, а въ недостаткѣ случаевъ, при которыхъ можетъ выказываться даръ политическаго краснорѣчія. Знаменитые «Вопросы Екатеринѣ II» затрогиваютъ важнѣйшіе государственные и общественные интересы. Вѣроятно по порученію начальства, Фонъ-Визинъ перевелъ съ французскаго языка книгу о среднемъ сословіи и сочинилъ о томъ же разсужденіе; ему также, какъ свидѣтельствуетъ кн. Вяземскій, принадлежитъ одно политическое сочиненіе, написанное, по заказу гр. Н. И.

Панина, для наслѣдника престола, великаго князя Павла Петровича. Не смотря на свою образованность, заимствованную съ запада, Фонъ-Визинъ различалъ дурныя стороны европейской жизни и видѣлъ вредъ, наносимый отечеству легкомысленнымъ усвоеніемъ ея внѣшности. Дѣятельность его была всегда направлена на раскрытіе сущности и пользы тѣхъ началъ, безъ которыхъ, по современнымъ понятіямъ, не могли совершиться улучшенія ни въ государствѣ, ни въ обществѣ, ни въ семейномъ быту. Поэтому Фонъ-Визинъ болѣе чѣмъ кто-нибудь имѣетъ право называться литераторомъ Екатерининa вѣка: мѣры правительства, состояніе и потребности общества находили въ немъ разумнаго истолкователя. Независимо отъ своего содержанія, литературные труды Фонъ-Визина обличаютъ рѣдкій талантъ сатирика. Въ его сатирѣ не остроуміе только, но и сила, которая клеймитъ недостатки ума или нравственности. «Чистосердечное признаніе въ дѣлахъ моихъ и помышленіяхъ», къ сожалѣнію не конченное, есть примѣръ любопытной автобіографіи, которая не останавливается на одной семейной жизни автора, но даетъ понятіе о характерѣ тогдашняго университетскаго образованія, о замѣчательныхъ современникахъ, объ увлеченіи общества французскими энциклопедистами. «Письма изъ Франціи къ П. И. Панину (1777—1778)» представляютъ положеніе этого государства не задолго до революціи. «Письмо къ Козодавлеву о планѣ россійскаго словаря (1784)» содержитъ въ себѣ много дѣльныхъ и остроумныхъ замѣчаній о языкѣ и грамматикѣ. «Всеобщая придворная грамматика (1788)», по меткости и замысловатости сатиры, можетъ стать на ряду съ капитальными произведеніями въ этомъ родѣ. «Стародумъ, или другъ честныхъ людей», судя по нѣсколькимъ статьямъ, заготовленнымъ для этого изданія (1788), вышелъ бы однимъ изъ лучшихъ органовъ нашей журналистики. «Поученіе, говоренное въ Духовъ день іереемъ Василіемъ (1783)», служа критикою на сельскихъ проповѣдниковъ, вмѣстѣ съ этимъ даетъ примѣръ, хотя и односторонній, какъ и о чемъ должно говорить съ простонародьемъ въ церковныхъ бесѣдахъ. «Слово на выздоровленіе в. к. Павла Петровича (1771)» предлагаетъ ему совѣты въ духѣ «Наказа» и вообще воззрѣній XVIII в.

Фонъ-Визинъ род. 1745 г. въ Москвѣ, гдѣ отецъ его состоялъ на службѣ. Отъ природы получилъ онъ доброе сердце, чрезвычайную чувствительность и острый умъ. Когда онъ выучился грамотѣ, отецъ заставлялъ его читать церковныя книги на всенощной службѣ, отправлявшейся на дому: «этому чтенію», говоритъ онъ въ своихъ мемуарахъ (Чистосердечное признаніе въ дѣлахъ моихъ и помышленіяхъ),

обязанъ я знаніемъ русскаго языка, котораго невозможно знать безъ языка славянскаго. Одиннадцати лѣтъ отдали его въ гимназію при московскомъ университетѣ, только что основанномъ: здѣсь онъ пріобрѣлъ нѣкоторыя познанія въ языкахъ латинскомъ и нѣмецкомъ, а также въ словесности; французскому языку выучился онъ позднѣе. Въ 1758 г. директоръ университета, И. И. Мелиссино, отправляясь въ Петербургъ, взялъ съ собою десять лучшихъ воспитанниковъ для представленія куратору (попечителю) И. Шувалову. Въ числѣ ихъ находился и Фонъ-Визинъ. Въ домѣ дяди своего онъ познакомился съ извѣстными актерами: Волковымъ и Дмитревскимъ. Театръ привелъ его въ восхищеніе, особенно игра комика Шумскаго. Произведенный въ студенты (1759), поступилъ на философскій факультетъ, гдѣ слушалъ лекціи логики у профессора Шадена. Въ тоже время занимался онъ переводами, изъ коихъ напечатаны: «Басни Гольберга» (1761) и «Жизнь Сиѳа, царя египетскаго» (1762—1768). Въ 1762 г. Фонъ-Визинъ поступилъ на службу въ гвардію, но вскорѣ перешелъ въ иностранную коллегію. Канцлеръ гр. Воронцовъ поручалъ ему, какъ знающему иностранные языки, переводъ важнѣйшихъ бумагъ. Въ 1763 г. онъ былъ прикомандированъ для нѣкоторыхъ дѣлъ къ кабинетъ-министру И. П. Елагину, который также любилъ словесность и оказывалъ покровительство молодымъ писателямъ. Самимъ Елагинымъ Фонъ-Визинъ былъ доволенъ, но много испыталъ непріятностей отъ своего сослуживца Лукина, драматическаго автора того времени, который старался ему вредить во мнѣніи ихъ общаго начальника. Служба не мѣшала литературнымъ занятіямъ Фонъ-Визина: онъ написалъ комедію «Бригадиръ» и перевелъ поэму Битобе: «Іосифъ». Комедія была читана и передъ императрицею, и у наслѣдника престола, и у многихъ вельможъ. Авторъ читалъ ее мастерски, потому что «имѣлъ даръ принимать на себя лице и говорить голосомъ весьма многихъ людей». Она понравилась всѣмъ и была оцѣнена по достоинству. Въ концѣ 1769 г. Фонъ-Визинъ перешелъ отъ Елагина къ гр. Н. И. Панину, который управлялъ иностранными дѣлами и кромѣ того былъ воспитателемъ наслѣдника престола, Павла Петровича. Отношенія къ нему новаго начальника оставались самыми дружелюбными съ начала и до конца служебнаго поприща. Фонъ-Визинъ, состоя при немъ въ званіи секретаря, удостоенъ былъ полной его довѣренности и былъ непоколебимо ему преданъ. Переписка его со многими дипломатами того времени служитъ свидѣтельствомъ и непосредственнаго участія его въ дѣлахъ, и уваженія снисканнаго имъ независимо отъ мѣста. Въ 1773 г. состояніе его увеличилось. Гр. Панинъ, окончивъ воспитаніе наслѣдника и получивъ отъ императрицы въ награду 9000 душъ, отдалъ половину изъ нихъ тремъ своимъ секретарямъ. Фонъ-Визину досталось 1180 душъ. Кромѣ того онъ женился на богатой вдовѣ, что дало ему возможность жить привольно, приглашать и угощать своихъ пріятелей, въ числѣ которыхъ находились Державинъ, Домашневъ, Богдановичъ, Княжнинъ, Козодавлевъ, Дмитревскій... Литературными же противниками его были А. С. Хвостовъ и кн. Горчаковъ. Но нелегко было вести съ нимъ литературную войну, такъ какъ онъ обладалъ сильнымъ остроуміемъ и чрезвычайною находчивостью какъ въ разговорѣ, такъ и на письмѣ. Фонъ-Визинъ три раза ѣздилъ за границу. Первое путешествіе

(1777—1778) было предпринято по нездоровью жены его; цѣлью поѣздки былъ Монпелье, въ которомъ онъ оставался около двухъ мѣсяцевъ, и кромѣ того прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Парижѣ. Этой поѣздкѣ одолжены своимъ появленіемъ «Письма изъ Франціи къ гр. П. И. Панину», замѣчательныя какъ по изображенію состоянія французскаго общества, за десять лѣтъ до революціи, такъ и по отзывамъ объ энциклопедистахъ, которымъ Фонъ-Визинъ не сочувствовалъ, потому что ихъ «ученіе хотя и уничтожаетъ предразсудки, но въ тоже время вырываетъ съ корнемъ добродѣтель». Въ 1782 г. явилась комедія «Недоросль», имѣвшая необычайный успѣхъ; этого же года напечатаны въ «Собесѣдникѣ любителей россійскаго слова» его знаменитые «Вопросы», съ отвѣтами на нихъ автора «Былей и Небылицъ» (Императрицы Екатерины II), и объяснительное или оправдательное письмо его къ тому же автору. Смерть гр. Н. И. Панина (1783) сильно подѣйствовала на здоровье Фонъ-Визина: онъ вышелъ въ отставку и поѣхалъ въ Италію, гдѣ прожилъ около восьми мѣсяцевъ (1784—1785). По возвращеніи въ Москву, былъ пораженъ апоплексическимъ ударомъ, лишившимъ его языка, лѣвой руки и ноги. Для поправленія здоровья совершилъ онъ третье путешествіе (1786—1787) въ Вѣну, Карлсбадъ, Тренцинъ (въ Венгріи). Изъ всѣхъ своихъ путешествій Фонъ-Визинъ вынесъ очень невыгодное мнѣніе о заграничной жизни и состояніи заграничнаго общества. Въ 1788 г. намѣревался издавать журналъ: «Другъ честныхъ людей, или Стародумъ», но не получилъ на то разрѣшенія. Смерть Потемкина (1791) внушила ему «Размышленіе о суетной жизни человѣческой». Умеръ 1792 г. Представитель благороднаго образа мыслей въ свое время, Фонъ-Визинъ отличался самостоятельнымъ характеромъ и держалъ себя независимо. Онъ былъ «другомъ честныхъ людей», потому что главное достоинство человѣка полагалъ въ честности. Эта мысль выражена имъ въ разныхъ мѣстахъ его сочиненій (1).

§ 23. Раскрытію предразсудковъ и злоупотребленій Екатерининa вѣка были посвящены многія періодическія изданія. Наибольшее движеніе сатирической журналистики относится къ 1769—1774 г. Въ это семилѣтіе явились: Всякая всячина (1769—1770), И то и се (1769), Ни то ни се (1769), Поденьщина (1769), Смѣсь (1769), Трутень (1769—1770), Адская почта (1769), Полезное съ пріятнымъ (1769), Парнасскій Щепетильникъ (1770), Пустомеля (1770), Трудолюбивый Муравей (1771), Старина и новизна (1772—1773), Вечера (1772), Живописецъ (1772),

---

1) Фонъ-Визинъ, кн. П. А. Вяземскаго (1848); Разборъ Смирд. изданія сочиненій Фонъ-Визина, С. Дудышкина (От. Зап. 1847, №№ 8 и 9); Замѣтки по поводу Смирд. изданія рус. авторовъ, Н. Тихонравова (Моск. Вѣд. 1852, № 6); О жизни и сочиненіяхъ Фонъ-Визина, г. Пятковскаго, въ Глазунов. изд. сочиненій Фонъ-Визина, подъ редакціей П. Ефремова (Рус. писатели XVIII в., 1866).

Мѣшанина (1773), Кошелекъ (1774). Впрочемъ, сатирическое направленіе журналистики продолжалось и послѣ 1774 г., хотя съ меньшею противъ прежняго силою, въ Разскащикѣ забавныхъ басенъ (1781), Почтѣ духовъ (1789), Зрителѣ (1792). Своимъ содержаніемъ и частію заглавіемъ означенныя изданія состоятъ въ связи съ журналами Миллера и Сумарокова. «Полезное съ пріятнымъ», «Смѣсь», предлагающая чтеніе серьезное и легкое, даютъ знать о Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ, «къ пользѣ и увеселенію» служащихъ; «Трудолюбивый муравей» указываетъ на «Трудолюбивую пчелу». Кромѣ статей обличительныхъ, какъ главнаго своего элемента, журналы 1769—74 г. заключаютъ въ себѣ статьи, писанныя собственно для увеселенія. Издатель «Всякой всячины» поставилъ себѣ двоякую цѣль: «иногда дать читателямъ полезныя наставленія, иногда заставить ихъ смѣяться». Сочиненія, имѣвшія цѣлью возбудить смѣхъ, образовали сатирическій, преобладающій отдѣлъ журнала; изъ наставленій, облеченныхъ въ легкую форму, составился отдѣлъ поучительный. Моральный характеръ этого втораго отдѣла, общій у журналовъ 1769—74 г. и Миллерова ежемѣсячника, виденъ уже изъ того, что заглавія многихъ статей выражались нравоучительными сентенціями, наприм.: «неблагодарность вреднѣйшій есть порокъ», «упрямство есть порокъ слабаго ума», «привычка есть второе естество», и т. п. Но при этомъ сходствѣ есть и значительныя различія. Содержаніе Миллерова ежемѣсячника разнообразнѣе. Какъ учено-литературное изданіе, онъ предлагалъ статьи двоякаго рода: наукѣ отведено было главное мѣсто; стихотворенія и моральная сатира стояли на заднемъ планѣ. Напротивъ, журналы Екатерининa вѣка, чисто-литературные, дали первенство сатирѣ; за нею слѣдовали сочиненія поучительныя; а наука заходила въ нихъ какъ бы случайнымъ образомъ. Второе различіе опредѣляется характеромъ сатирическаго отдѣла: сатира Ежемѣсячныхъ сочиненій общая и отвлеченная, тогда какъ журнальная сатира второй половины прошлаго столѣтія имѣетъ предметомъ недостатки современнаго ей русскаго общества. По этому качеству журналы 1769—74 г. родственны «Трудолюбивой пчелѣ», но берутъ надъ нею верхъ многосторонностью обличеній. Въ подражательной формѣ излагали они собственный матеріалъ, или же, заимствуя содержаніе изъ иностранной литературы, примѣняли его къ отечественнымъ нравамъ. Такъ, напримѣръ, статья Аддисонова Зрителя «о суевѣріи» передѣлана «Всякой всячиной» въ разсказъ «о суевѣрной жительницѣ замоскворѣчья».

Общее направленіе журналовъ 1769—74 г. различалось по ихъ

взгляду на значеніе, цѣль и условія сатиры. Одни, принявъ за правило «цѣлить не въ личности, а единственно въ пороки», требовали отъ автора «добросердечія», по которому онъ изрѣдка касается нравственныхъ недостатковъ, изъ боязни оскорбить человѣчество, и главное вниманіе обращаетъ на примѣры людей, украшенныхъ совершенствами. По мнѣнію другихъ, сатира долженствовала быть открытою и рѣзкою, затѣмъ что снисхожденіе къ порокамъ есть не человѣколюбіе, а пороколюбіе; что больше человѣколюбивъ тотъ, кто исправляетъ ближнихъ, нежели тотъ, кто потакаетъ ихъ проступкамъ; что вымыслы, далекіе отъ дѣйствительности, и отвлеченная мораль не приведутъ ни къ чему. Оба взгляда переходили иногда въ крайность: полемизируя съ издателемъ «Всякой всячины», «Трутень» уполномочивалъ сатиру «критиковать» не порокъ вообще, безъ отношенія его къ лицу, а самое лице порочнаго (скрывая однакожъ его имя), на томъ основаніи, что «зеркало не виновато, коли рожа крива». Но какъ бы ни смотрѣли означенные журналы на обязанности сатирика, всѣ они оказали пользу современникамъ, выполняя прямое назначеніе литературы быть не только зеркаломъ общества, каково оно есть, но и указателемъ того, какимъ оно должно быть. Они честно служили и дѣлу европейскаго образованія, которое, по примѣру Петра, водворяла у насъ Екатерина, и дѣлу русской національности, которая нуждалась въ защитѣ отъ односторонности и крайности чужеземныхъ вліяній. Изъ трехъ задачъ, предложенныхъ «Всякой всячинѣ» ея издателемъ, первыя двѣ, какъ намъ уже извѣстно, требовали сатиры и наставленій, а послѣдняя состояла въ томъ, чтобы «говорить Русскимъ о Русскихъ, не представляя имъ умоначертаній, которыхъ они не знаютъ». Искоренять невѣжество и водворять въ отечествѣ западную цивилизацію, но только на основахъ національныхъ, съ сохраненіемъ своей самобытности и уваженія къ родной странѣ и ея исторіи: вотъ чего хотѣли журналы 1769—74 г. Мѣрою ихъ успѣховъ въ этомъ предпріятіи измѣряется ихъ достоинство. Къ лучшимъ изъ нихъ, по литературному и общественному значенію, принадлежатъ: «Всякая всячина», «Трутень» и въ особенности «Живописецъ». Издателемъ перваго журнала былъ Козицкій († 1775), адъюнктъ академіи наукъ, а въ послѣдствіи статсъ-секретарь Екатерины, извѣстный многими переводами и сотрудничествомъ въ «Трудолюбивой пчелѣ»; издателемъ двухъ остальныхъ—Новиковъ, о дѣятельности котораго на пользу русскаго образованія будетъ сказано ниже.

Независимо отъ своего главнаго направленія, нравоучительно-сатирическіе журналы Екатерининa вѣка представляютъ и другія

замѣчательныя особенности, которыя дали имъ значеніе, сходное съ значеніемъ англійскихъ и частію нѣмецкихъ періодическихъ изданій того же рода. Въ Англіи, еженедѣльные журналы: Болтунъ, Зритель и Опекунъ, издававшіеся Стилемъ и Аддисономъ въ 1709—1714 г., служили противодѣйствіемъ ложно-классическому вкусу Драйдена и Попа и рѣшительнымъ поворотомъ англійской литературы отъ французскаго вліянія къ народности. Заимствуя содержаніе изъ дѣйствительной жизни, отличаясь трезвымъ на нее взглядомъ и вѣрнымъ ея изображеніемъ, изящные по формѣ, они оказали сильное дѣйствіе на понятія и нравы общества. Нѣмецкія подражанія Стилю и Аддисону, далеко уступающія своимъ образцамъ, относятся къ 1721—29 г. Въ это время издавались: «Разсужденія живописца» и его продолженіе—«Живописецъ нравовъ», «Патріотъ», «Разумныя обличительницы» и «Честный человѣкъ». Исчисленные еженедѣльные листы давно были извѣстны нашей журналистикѣ. Начавъ изданіе примѣчаній къ Вѣдомостямъ съ 1728 г., Миллеръ, въ предисловіи, говоритъ: «По примѣру моралическихъ понедѣльныхъ писемъ (die moralischen Wochenschriften), «Патріотъ» (ревнитель о пользѣ отечества) усталъ отъ соревнованія; «Хулительницы» (которыя всѣ недобродѣтели хулятъ) перестали хулить; а какъ долго «Бидерманъ» (честный человѣкъ, такожде о добрыхъ и злыхъ дѣлахъ разсуждающій) роптать будетъ, время покажетъ». Въ одномъ нумерѣ «Всякой всячины» упомянуто о журналахъ англійскихъ (Зритель, Пустомеля) и французскихъ (Новый Менторъ, Мизантропъ), на которыхъ она походитъ. Болѣе другихъ славился и вызывалъ подражанія Зритель. Его названіе, равно какъ и названіе Болтуна, перенесены были на наши изданія (Пустомеля, Зритель). Можетъ быть и «Живописецъ» одолженъ своимъ именемъ нѣмецкому «Живописцу нравовъ» (Der Maler der Sitten). Слѣдуя Стилю и Аддисону, наши нравоучительно-сатирическіе журналы выбрали предметомъ своихъ изображеній обыкновенную домашнюю жизнь, которая не смѣла являться въ поэзіи при шумѣ торжественныхъ одъ и блескѣ героическихъ сюжетовъ на сценѣ. Этимъ они отрѣшились отъ ложно-классическихъ условій и вывели нашу литературу изъ тѣсной сферы высшаго общества въ просторную область средняго класса. Предисловіе къ пятому изданію «Живописца» (онъ имѣлъ шесть изданій) объясняетъ его успѣхъ тѣмъ, что «онъ пришелъ на вкусъ мѣщанъ нашихъ; ибо у насъ тѣ только книги третьими, четвертыми и пятыми изданіями печатаются, которыя симъ простосердечнымъ людямъ, по незнанію ихъ чужестранныхъ языковъ, нравятся». Въ подтвержденіе своего мнѣнія, Новиковъ

ссылается на тѣ книги, «кои отъ просвѣщенныхъ людей никакого уваженія не заслуживаютъ и читаются только мѣщанами: Троянская исторія, Синопсисъ, Юности честное зерцало, Совершенное воспитаніе дѣтей, Азовская исторія и другія; напротивъ того, книги, на вкусъ нашихъ мѣщанъ не попавшія, весьма спокойно лежатъ въ хранилищахъ, почти вѣчною для нихъ темницею назначенныхъ». Изъ этихъ словъ видно, что Живописецъ, на ряду съ прочими журналами 1769—74 г., для мѣщанской среды читателей имѣли значеніе народныхъ книгъ, изъ которыхъ одна (Троянская исторія) даже попала въ списокъ сочиненій, указанныхъ предисловіемъ. Издатель журналовъ: «И то и се» и «Парнасскій Щепетильникъ», Чулковъ, обозначилъ это мѣщанское направленіе еще яснѣе и рѣшительнѣе: стараясь придать своимъ статьямъ характеръ простонародности, онъ наполнялъ ихъ поговорками и пословицами, сообщалъ извѣстья о повѣрьяхъ и обычаяхъ народа, и нѣкоторые его праздники описалъ въ шутливыхъ стихахъ. Изображенія повседневнаго русскаго быта въ изданіяхъ 1769—74 г. освобождены отъ всякой идеализаціи: онъ показывается ими въ своемъ настоящемъ видѣ, съ неподдѣльными достоинствами и недостатками, не обманывая читателя ложнымъ цвѣтомъ или ложнымъ тономъ. Прямой взглядъ на общество спасалъ издателей отъ украшеній и преувеличеній. «Живописецъ» смѣется надъ «пастушескими сочиненіями», въ которыхъ поэтъ на нѣжной лирѣ воспѣваетъ небывалое и невозможное блаженство, какой-то златой вѣкъ, находя его у поселянъ, а самъ постоянно пребывая въ городѣ по двумъ причинамъ: «во-первыхъ за тѣмъ, что въ нашихъ долинахъ зимою бываетъ много снѣга; во-вторыхъ потому, что еслибъ идилликъ туда переселился, то совершенно позабылъ бы блаженство жизни». Чтобы показать, «какъ весело живутъ россійски пастушки», «Вечера» помѣстили эклогу-сатиру на фальшивое представленіе сельской жизни въ идиліяхъ Дезульеръ и Флоріана и русскихъ имъ подражателей.

Журналы 1769—74 г. выбирали цѣлію своихъ нападковъ тѣ явленія въ жизни общества, которыя противорѣчили гуманнымъ началамъ XVIII в., оскорбляя въ человѣкѣ достоинство его личности. Филантропическій характеръ ихъ наиболѣе виденъ въ статьяхъ о матеріальномъ и нравственномъ состояніи крестьянъ. «Отрывокъ путешествія въ ***, И. Т.» и «Письмо уѣзднаго дворянина къ Θалалею (въ Живописцѣ), «Копіи съ крестьянскихъ отписокъ» и «Копія съ помѣщичья указа» (въ Трутнѣ), «Рѣчь о существѣ простаго народа» и «Сатирическое письмо отъ камчадала» (въ Смѣси), при различіи формъ и тона, выражаютъ равно сочувствіе

къ низшимъ классамъ общества, или, какъ тогда ихъ называли, къ «подлымъ» людямъ. Живописецъ осуждаетъ это названіе, получившее отъ времени обидный смыслъ: «подлыми людьми», говоритъ онъ, «должны называться тѣ, которые дѣлаютъ худыя дѣла». Не порывая связи съ Кантемиромъ, журнальная сатира семидесятыхъ годовъ продолжаетъ начатую имъ войну противъ упорнаго сопротивленія наукѣ и противъ модной переимчивости иноземнаго. Подобно Кантемиру, она сопровождаетъ свои портреты «благородныхъ невѣждъ» разсужденіями о пользѣ знаній, образующими ея дидактическій элементъ; подобно ему, отвергаетъ мнѣніе, что опытъ житейскій служитъ замѣной образованія, въ которомъ поэтому будто бы и нѣтъ надобности. Многія статьи въ журналахъ Екатеринина времени посвящены воспитанію, какъ средству приготовлять гражданъ и устроивать благоденствіе. Теоретическими сужденіями объ этомъ предметѣ (въ изданіи: «Пріятное съ полезнымъ») подкрѣпляются извѣстные намъ педагогическіе взгляды Наказа и Бецкаго. Они совѣтуютъ съ самаго малолѣтства вкоренять въ юное сердце понятіе о чести и справедливости; внушать дѣтямъ наклонность къ труду; кроткимъ съ ними обращеніемъ пріучать ихъ къ человѣколюбію: «если кто хочетъ сдѣлать своихъ дѣтей честными людьми, тотъ долженъ быть имъ истиннымъ родителемъ, а не строгимъ и жестокосердымъ судьею; надлежитъ имъ доказать, что ихъ любишь: ибо когда они въ томъ удостовѣрятся, то и тебя взаимно любить будутъ; они тебя будутъ бояться не такъ, какъ властелина, но какъ любезнаго друга, коего почитаютъ и опасаются оскорбить». Картины воспитанія, въ духѣ обычаевъ и правилъ до-петровской старины, принадлежатъ къ лучшимъ страницамъ Всякой всячины, Трутня, И то и се, Живописца. Мы уже имѣли случай упомянуть о нѣкоторыхъ, поставивъ ихъ въ связи съ комедіей Фонъ-Визина. Въ дополненіе къ нимъ прибавимъ: разсказъ о Степанидѣ Богдановнѣ, которая дозволяла своимъ дѣтямъ бить людей и мучить животныхъ (Всякая всячина); письмо дворянина о дурномъ его воспитаніи въ домѣ родителей, тирански поступавшихъ съ прислугой (Живописецъ); описаніе ученія грамотѣ у особаго рода учителей, называвшихся «мастерами» (И то и се). Много также картинъ той среды, которая благопріятствовала дурному воспитанію. «Всякая всячина» изображаетъ старинный обычай дворянства окружать себя большою дворней, держать въ дому, для «потѣшнаго дѣла», приживалокъ, барскихъ барынь, сказочниковъ, дураковъ и дуръ; «Письма къ Ѳалалею» (въ Живописцѣ) предлагаютъ вѣрно-схваченныя типическія черты людей, закоснѣлыхъ въ невѣ-

жествѣ, суевѣріи, ложной набожности и грубости. Часто преслѣдуетъ сатира деревенскихъ трутней, поспѣшавшихъ оставить службу и удалявшихся въ свое помѣстье на покой. «Съ тѣхъ поръ», пишетъ «Смѣсь», «какъ россійское дворянство подарено вольностію, многимъ захотѣлось отвѣдать сего пріятнаго подарка: такое лакомство завело нѣкоторыхъ въ неограниченную праздность, гдѣ они въ самомъ дѣлѣ доказываютъ, что они вольны». Для примѣра, какъ не должно жить дворянину, журналъ этотъ упоминаетъ объ Отдыхаловѣ и Досужниковѣ: одинъ почти не сходитъ съ голубятни, другой почти безъ просыпу спитъ. Обличенія лихоимства, ябеды, судейскихъ проволочекъ и приказной безграмотности прибавляютъ новые факты къ исторіи той «застарѣлой неправды», противъ которой писали Посошковъ, Кантемиръ, Сумароковъ, Фонъ-Визинъ. «Нравоучительныя заповѣди подьячимъ» (Всякая всячина) остроумно излагаютъ десять главныхъ грѣховъ «крапивнаго сѣмени». Гуманныя понятія объ уголовномъ судѣ нашли себѣ отголосокъ въ разсказѣ «Трутня», какъ одинъ судья пыталъ невиннаго, подозрѣвая его въ покражѣ часовъ. Авторъ разсказа замѣчаетъ между прочимъ: «видно, судья не заглядывалъ въ тѣ указы, коп безпристрастнымъ быть повелѣваютъ. О просвѣщеніе, даръ небесный! расторгни скорѣе завѣсу незнанія и жестокости для защищенія человѣчества!» Этими словами указано вѣрнѣйшее средство противъ неправеднаго судопроизводства. Должность прокурора, который былъ «окомъ правосудія», надзирая за точнымъ исполненіемъ законовъ, вызвала жалобы крючкотворцевъ: наставительное письмо дяди къ племяннику (Трутень) отзывается о молодомъ и ученомъ прокурорѣ, какъ о выскочкѣ, серьезно смотрѣвшемъ на судейскую науку, тогда какъ она состоитъ въ умѣньѣ «искусно пригибать указы по своему желанію».

Крайности иноземнаго, преимущественно французскаго вліянія, были преслѣдуемы журнальною сатирою съ особеннымъ негодованіемъ. «Кошелекъ», посвященый «отечеству», поставилъ исключительною своею цѣлію защиту русскихъ отъ мнѣнія тѣхъ людей, «коп, обольщены будучи нѣкоторыми снаружи блестящими дарованіями иноземцевъ, не только что чужія земли предпочитаютъ своему отечеству, но еще, ко стыду цѣлой Россіи, и гнушаются своими соотечественниками, и думаютъ, что Россіянинъ долженъ заимствовать у иностранныхъ все, даже и до характера, какъ будто бы природа, устроившая всѣ вещи съ такою премудростію и надѣлившая всѣ области свойственными климатамъ ихъ дарованіями и обычаями, столько была несправедлива, что одной Россіи, не давъ свойственнаго народу ея характера, опредѣлила ски-

таться по всѣмъ областямъ и занимать клочками разныхъ народовъ разные обычаи, чтобы изъ сей смѣси составить новый, никакому народу несвойственный характеръ». Названіе журнала должно было объясниться въ обѣщанной имъ, но не помѣщенной, статьѣ: «Превращенія русскаго кошелька во французскій»; вѣроятно, Новиковъ разумѣлъ введеніе «кошельковъ», которые привязывались къ парикамъ, и другихъ французскихъ модъ, за что дорогою цѣною расплачивались кошельки русскихъ петиметровъ. Самое вредное дѣйствіе галломаніи оказывалось на воспитаніи русскаго юношества невѣжественными или безнравственными гувернерами и гувернантками: поэтому тѣмъ и другимъ, равно какъ и довѣрчивымъ родителямъ, часто достается отъ журналовъ. Патріотическая сатира ихъ на этомъ предметѣ примыкаетъ непосредственно къ правительственнымъ мѣрамъ, къ «Бригадиру» Фонъ-Визина и голосамъ другихъ просвѣщенныхъ людей, старавшихся охранять нашу молодежь отъ вліяній, противныхъ характеру и достоинству русскаго народа. Въ указѣ объ основаніи московскаго университета сказано, что «у большей части помѣщиковъ жили на дорогомъ содержаніи учителя, изъ которыхъ многіе не только преподавали науки, но и сами ничего не знали; иные же родители, не имѣя знанія въ наукахъ или по необходимости не сыскавъ лучшихъ учителей, принимали такихъ, которые лакеями, парикмахерами и другими подобными ремеслами всю жизнь свою препровождали». Другимъ указомъ (1757) предписано экзаменовать всѣхъ иностранцевъ, принимающихъ на себя обученіе дѣтей. При Екатеринѣ II (указъ 1784 г.) должны были также подвергнуться испытанію всѣ содержатели частныхъ пансіоновъ и школъ. Въ рѣчи профессора московскаго университета Шадена: «о правахъ родителей касательно воспитанія дѣтей», есть сильная выходка противъ гувернеровъ-иностранцевъ: «Врагами дѣтей своихъ готовы мы назвать тѣхъ отцевъ и матерей, которые, желая пріискать учителя, разсылаютъ своихъ слугъ по перекресткамъ и площадямъ, какъ будто добрый и образованный наставникъ такая мелочь, что его можно найти вездѣ! Что удивительнаго, если слуги находятъ заразу воспитанія, людей раболѣпныхъ, негодныхъ тварей, носящихъ только образецъ человѣческій!» Мессельеръ, членъ французскаго посольства при нашемъ дворѣ въ царствованіе Елисаветы, и графъ Сегюръ, извѣстный дипломатъ и писатель, съ крайнимъ изумленіемъ и жалостью говорятъ о непростительной довѣрчивости, съ которою Русскіе принимали къ себѣ въ домъ зазорныхъ выходцевъ изъ Франціи. Путешествія за границу дѣтей вельможъ и богачей, безъ надлежащей къ тому подготовки, стоили иноземнаго воспи-

танія. Предоставленные самимъ себѣ, молодые люди жадно бросались на удовольствія парижской жизни, забывая главную цѣль поѣздки — образованіе, и большею частію возвращались на родину съ пустою головою, развращеннымъ нравомъ и привычкой къ роскоши. Они, по словамъ «Бригадира», выходили французскими повѣсами, несравненно худшими русскихъ. «Трутень» жалуется, что наша молодежь вывозила изъ чужихъ земель только свѣдѣнія о томъ, какъ тамъ одѣваются, какія бываютъ зрѣлища и увеселенія, а никто не разскажетъ о нравахъ, учрежденіяхъ и законахъ просвѣщенныхъ народовъ. Онъ же, какъ бы въ подражаніе Сумарокову, уподобившему петиметра напудренной скотинѣ, помѣстилъ въ своихъ сатирическихъ вѣдомостяхъ замѣтку о «россійскомъ поросенкѣ, который ѣздилъ по чужимъ землямъ для просвѣщенія своего разума, а воротился совершенной свиньею, и котораго желающіе могутъ видѣть безденежно по многимъ улицамъ города. Господство моды, со всѣми ея аттрибутами въ обращеніи и костюмѣ, служило предметомъ частаго осмѣянія въ разныхъ формахъ. Журнальной сатирѣ особенно не нравилось вліяніе моды на родное слово; она негодовала на разговорный языкъ великосвѣтскихъ людей, представлявшій «смѣсь французскаго съ нижегородскимъ»: иностранныя реченія и фразы или цѣликомъ вставлялись въ русскую рѣчь, или переводились буквально на перекоръ ея складу; общеупотребительнымъ русскимъ словамъ придавался новый смыслъ; искажались даже грамматическія формы отечественной рѣчи. Еще въ «Бригадирѣ» разговоры Совѣтницы пересыпаны словами: сентименты, пассія, коммоднѣе, капабельно, диспютировать и др. «Живописецъ» напечаталъ «опытъ моднаго словаря щегольскаго нарѣчія»: здѣсь объяснены нѣкоторыя слова въ томъ смыслѣ, какой имъ придавался петиметрами и модными женщинами. Этими «новоманерными» словами испещрено «письмо Щеголихи къ Живописцу». Изъ вышесказаннаго о «Быляхъ и небылицахъ» Екатерины II видно, что въ предметахъ своей сатиры онѣ сходились съ сатирическими изданіями. «Почта Духовъ (1789)» и «Зритель (1792)» также относятся къ нимъ, по своему направленію. Первый изъ этихъ журналовъ издавался И. Крыловымъ (баснописцемъ) по образцу «Адской почты», т. е. въ формѣ переписки между вымышленными безплотными существами: водяные, воздушные и подземные духи сообщаютъ одному волшебнику извѣстія обо всемъ, ими видѣнномъ. Предметъ ихъ сообщеній—пороки, слабости и смѣшныя стороны современнаго общества. «Духи», говорится въ «извѣстіи» о журналѣ, «не любятъ крючкотворцевъ, ростовщиковъ и лицемѣровъ, не жалуютъ

щегольства, волокитства и мотовства, и потому не могутъ ужиться въ нынѣшнемъ просвѣщенномъ вѣкѣ видимыми». Половина писемъ принадлежитъ Крылову; другія написаны А. Радищевымъ. Обличенія Крылова направлены преимущественно противъ французскаго вліянія на дворянское сословіе. «Зритель» выходилъ подъ редакціей Крылова и Клушина. Его задачею было «представлять порокъ во всей его гнусности, дабы всякъ получилъ къ нему отвращеніе, а добродѣтель во всей красотѣ, дабы плѣнить ею читателя» (1).

§ 24. На ряду съ Фонъ-Визинымъ, по тѣсному соотношенію съ эпохой Екатерины II, слѣдуетъ поставить Державина (1743—1816). Сочиненія его изображаютъ всѣ важнѣйшія событія и всѣхъ главнѣйшихъ дѣятелей ея царствованія, почему современники и назвали его «пѣвцомъ Екатерины»,—названіе, навсегда оставшееся при его имени. Самъ онъ смотрѣлъ на себя съ той же точки зрѣнія. «Превознесу тебя, прославлю, *тобой* безсмертенъ буду *самъ*», говоритъ онъ въ «Видѣніи мурзы», не отдѣляя такимъ образомъ своей извѣстности отъ величія государыни. Въ «Приношеніи» (посвященіи) ей собранія своихъ сочиненій, онъ называетъ свое безсмертіе отголоскомъ ея славы: «лира моя пребудетъ громкою подъ твоимъ именемъ:

Ты *славою*—твоимъ *я эхомъ* буду жить.

Этимъ «эхомъ» по преимуществу служили оды и другія стихотворенія, соотвѣтственно лирическому таланту, которымъ Державинъ былъ одаренъ въ сильной степени. Они могутъ быть названы «поэтическою лѣтописью» царствованія Екатерины. Цѣнность этой лѣтописи, независимо отъ ея внутренняго значенія, возвышается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что поэтъ былъ крупнымъ лицемъ въ администраціи и занималъ видное мѣсто въ высшемъ обществѣ: самъ сановникъ, онъ коротко зналъ и многихъ другихъ сановниковъ, состоялъ съ ними въ непосредственныхъ, близкихъ сношеніяхъ, имѣлъ средства наблюдать ихъ жизнь и характеръ, видѣть побужденія, которыми они руководствовались, оцѣнивать пользу или вредъ ихъ административныхъ распоряженій, достоинства и недостатки ихъ нравственныхъ качествъ. Кромѣ того, по своему горячему темпераменту, который часто не зналъ сдержки, Державинъ не любилъ молчать, а напротивъ любилъ высказывать и высказываться. Все это сообщало его произведеніямъ жизненность, такъ что они даютъ читателю возможность знакомиться и съ ха-

1) А. Аѳанасьева: Русскіе сатирическіе журналы прошлаго вѣка (1859). О Крыловѣ, какъ сатирикѣ, сказано подробнѣе во II т. И. Р. С.

рактеромъ времени, и съ характеромъ самого автора, почему справедливо объ нихъ сказано, что, изображая факты Екатерининской эпохи, они сами по себѣ составляютъ замѣчательный ея фактъ, который занимаетъ почетное мѣсто не только въ исторіи русской словесности, но и въ исторіи Россіи вообще.

Поэзія Державина, въ своемъ развитіи, представляетъ два направленія: первое идетъ отъ начальныхъ опытовъ въ стихотворствѣ (1770) до оды «Успокоенное невѣріе (1779)», которая служитъ переходомъ ко второму, вполнѣ раскрывшемуся въ одѣ «Фелица» (1782). О томъ и другомъ мы имѣемъ свидѣтельство самого Державина: «Правила поэзіи почерпалъ я изъ сочиненій Тредьяковскаго, а въ выраженіи и слогѣ старался подражать Ломоносову, но такъ какъ не имѣлъ его таланта, то это и не удавалось мнѣ. Я хотѣлъ парить, но не могъ постоянно выдерживать, изящнымъ подборомъ словъ, свойственныхъ одному Ломоносову великолѣпія и пышности рѣчи. Поэтому, съ 1779 года, избралъ я совершенно особый путь, руководствуясь наставленіями Батте и совѣтами друзей моихъ, Львова, Капниста и Хемницера, причемъ наиболѣе подражалъ Горацію». Совѣты такихъ людей, безъ сомнѣнія, могли указать Державину невѣрность избраннаго имъ пути, который неминуемо велъ къ насильственному паренію, ложной величавости: Н. А. Львовъ въ поэзіи выше всего ставилъ простоту и естественность, зналъ цѣну народнаго языка и сказочныхъ преданій; Хемницеръ, какъ въ жизни, такъ и въ стихотворствѣ, отличался простотою; Капнистъ, подобно другимъ писателямъ изъ малороссовъ, менѣе чѣмъ великорусскіе авторы, подчинялся искусственнымъ пріемамъ и болѣе слѣдовалъ влеченію къ природѣ и дѣйствительной жизни. Гораціанскія оды не остались также безъ вліянія на перемѣну направленія: не зная латинскаго языка, Державинъ знакомился съ ними по нѣмецкимъ переводамъ, или по русскимъ, которыя дѣлалъ для него Капнистъ. Лучшее изъ стихотвореній перваго періода—«Пѣснь Петру Великому» (1776), написанная по поводу изготовленія ему памятника Фальконетомъ. Она очень уважалась масонами за выраженныя въ ней похвалы качествамъ преобразователя: человѣколюбію, смиренію, христіанскому братству и равенству. На переходѣ отъ перваго періода къ Фелицѣ явились стихотворенія, положившія основаніе громкой извѣстности поэта: «На рожденіе въ сѣверѣ порфироднаго отрока» (Александра I), «На смерть кн. Мещерскаго» (обѣ 1779 г.), «Къ первому сосѣду» (1780) и «Властителямъ и судьямъ» (1780). Послѣднее, заимствованное изъ 81-го псалма, особенно выдается

силою стиха, смѣлостью мысли и даже художественной мѣрой, такъ рѣдко встрѣчающейся у Державина.

Сущность втораго направленія опредѣлена самимъ поэтомъ въ стихотвореніи «Памятникъ» (1796), заключающемъ его поэтическую дѣятельность въ царствованіе Екатерины. Здѣсь, подражая одѣ Горація «Къ Мельпоменѣ», онъ объясняетъ свою славу и право на безсмертіе тѣмъ, что первый дерзнулъ

..... въ забавномъ русскомъ слогѣ
О добродѣтеляхъ Фелицы возгласить,
Въ сердечной простотѣ бесѣдовать о Богѣ
И истину царямъ съ улыбкой говорить.

И такъ «забавный русскій слогъ», которымъ поэтъ возглашалъ о дѣлахъ Екатерины, и «улыбка», которою онъ сопровождалъ свои правдивыя наставленія царямъ: вотъ характеристика его поэзіи. Она подтверждается многими другими піесами Державина, равно какъ и присоединенными къ нимъ поясненіями. «Видѣніе Мурзы» говоритъ тоже самое, только замѣняя улыбку шуткой, а истину правдой:

И въ шуткахъ правду возвѣщу;

а въ примѣчаніяхъ къ «Памятнику» прямо указано, что «Державинъ былъ первый изъ русскихъ писателей, сочинявшій лирическія піесы въ забавномъ слогѣ». Это сочетаніе двухъ противоположныхъ тоновъ, возвышеннаго и забавнаго, и составляетъ отличіе его лирики. Мѣстами оно пробивалось въ самыхъ первыхъ его піесахъ, но со всею ясностью обнаружено «Фелицей» (1782), въ которой достоинствамъ царевны противополагаются недостатки и слабости самого пѣвца, принадлежавшія собственно приближеннымъ императрицы: Потемкину, гр. Орлову, кн. Вяземскому и др. Оригинальность его такъ пріятно поразила современниковъ, что они тотчасъ же ее замѣтили и оцѣнили по достоинству. Вскорѣ за появленіемъ «Фелицы», напечатано было нѣсколько похвальныхъ стихотвореній ея автору. «Письмо къ Ломоносову», Козодавлева, говоря о новомъ парнасскомъ пути, проложенномъ Державинымъ, прибавляетъ, что

.....кромѣ пышныхъ одъ,
Во стихотворствѣ есть «иной хорошій родъ».

Признаки «инаго стихотворнаго рода» указаны его противоположностью «пышнымъ одамъ». «Оды», замѣчаетъ одна статья «Собесѣдника», въ первой книжкѣ котораго напечатана «Фелица», «на-

полненныя именами баснословныхъ боговъ, наскучили и служатъ пищею мышамъ и крысамъ; «Фелица» написана совсѣмъ инымъ слогомъ, какъ прежде такого рода стихотворенія писались». Костровъ, въ «Письмѣ въ Державину», привѣтствовалъ поэта за обрѣтеніе имъ непротоптаннаго пути, за умѣнье безъ лиры и Пегаса воспѣть Фелицыны дѣла, за небывалое искусство въ одно и тоже время «и важно пѣть и играть на гудкѣ». Онъ признается, что нашъ слухъ почти оглохъ отъ громкихъ тоновъ: пора оставить облака, чтобы, летя съ высоты, не сломать себѣ рукъ и ногъ; пора заводить болѣе скромныя пѣсни, слѣдуя за Державинымъ, «установителемъ новаго вкуса» въ стихахъ.

Какимъ бы именемъ ни означали особенность той стихіи, которою отличается лирика Державина: забавнымъ ли тономъ, простотою ли слога, или шуткой,—фактъ остается неизмѣннымъ при всѣхъ возможныхъ эпитетахъ. Онъ первый низвелъ хвалебныя пѣснопѣнія съ мнимо-олимпійской высоты, показавъ на дѣлѣ, что простота и естественность, которыхъ они чуждались, такъ же приличны одѣ, какъ и всѣмъ прочимъ родамъ и видамъ поэзіи. «Разъявъ анатомическимъ ножемъ слогъ Державина», говоритъ Гоголь, «увидишь необыкновенное соединеніе самыхъ высокихъ словъ съ самыми низкими и простыми, на что бы никто, кромѣ его, не отважился. Кто бы посмѣлъ, кромѣ его, выразиться такъ, какъ выразился онъ въ одномъ мѣстѣ о величественномъ мужѣ, въ ту минуту, когда онъ все уже исполнилъ, что нужно на землѣ:

И смерть, какъ гостью, ожидаетъ,
Крутя, задумавшись, усы?

Кто, кромѣ Державина, осмѣлился бы соединить такое дѣло, каково ожиданіе смерти, съ такимъ ничтожнымъ дѣйствіемъ, каково крученіе усовъ?» Въ сочетаніи двухъ тоновъ, величественнаго и забавнаго, послѣдній нерѣдко восходитъ у Державина до строгаго обличенія и грозной кары, что и породило особыя, двухстихійныя стихотворенія, которыя могутъ быть названы «одами-сатирами», или «сатирами-одами», смотря потому, на сторонѣ какой стихіи оказывается преимущество. Въ нихъ, съ картиною важныхъ отступленій отъ нравственнаго идеала, представлена картина достоинствъ, въ большей или меньшей мѣрѣ идеальныхъ. Такъ «Вельможа» (1794) изображаетъ черты истинной знатности, противополагая ее ложному барству; такъ и въ «Фелицѣ» доблести киргизъ-кайсацкой царевны ярче выступаютъ въ сравненіи съ недостатками окружающихъ ее особъ. Обличенія сатиры умѣряются образами государ-

ственнаго величія, мужественнаго патріотизма и нравственной стойкости. Передъ лицемъ человѣка, который есть ложь и клевета на человѣчество, возвышается «прямой герой», строгій къ самому себѣ, крѣпкій своею правдой, недвижимый ни страстями, ни несчастіями. Къ этимъ одамъ-сатирамъ, составляющимъ характеристическій отдѣлъ Державинской лирики, относятся, сверхъ «Вельможи», стихотворенія: «На счастіе» (1789), «Мой истуканъ» (1794) и нѣкоторыя другія.

Къ стихотвореніямъ втораго періода должны быть отнесены прежде всего тѣ, которыя имѣютъ своимъ предметомъ прославленіе Екатерины II: «Фелица», «Благодарность Фелицѣ» (по полученіи подарка за первую оду), «Видѣніе Мурзы» (гдѣ отражаются обвиненія, взведенныя на автора за туже оду), «Изображеніе Фелицы». За тѣмъ слѣдуютъ: «Рѣшемыслу» (въ честь Потемкина), «Осень во время осады Очакова», «Памятникъ герою» (кн. Н. В. Репнину), «Ко второму сосѣду», «Водопадъ» (на смерть Потемкина), «Приглашеніе къ обѣду» и др.—Не слѣдуетъ, однакожъ, думать, что Державинъ, ступивъ на новый путь, совершенно простился съ торжественной лирикой: онѣ шли своимъ чередомъ, какъ доказываютъ оды «На взятіе Измаила», «На взятіе Варшавы», «На побѣды Суворова въ Италіи», «На переходъ Альпійскихъ горъ». Слова императрицы: «я по сіе время не знала, что *труба* ваша такъ же громка, какъ и *лира* пріятна», сказанныя Державину во дворцѣ, по прочтеніи оды «На взятіе Измаила», даютъ знать, что она и современники ея отличали тѣ произведенія, въ которыхъ являлся забавный, или шутливый слогъ, отъ собственно похвальныхъ стихотвореній, настроенныхъ на высокій тонъ. Въ тѣхъ одахъ, которыя славятъ подвиги Суворова, выказывается вліяніе Оссіановой поэзіи. Такъ картина полуночи на Эвксинскомъ понтѣ (на взятіе Измаила, 1791) снята съ картинъ, часто встрѣчающихся въ древне-шотланскихъ пѣсняхъ, собранныхъ и изданныхъ Макферсономъ. Первыя двѣ строфы оды «На побѣды въ Италіи» (1799) изображаютъ пиршество скальдовъ и туманный ликъ героя, внимающаго ихъ пѣснямъ. Въ одѣ «На переходъ Альпійскихъ горъ» (1799) прямо говорится объ Оссіанѣ, «пѣвцѣ тумановъ и морей», котораго любилъ читать Суворовъ въ посвященномъ ему переводѣ Кострова (1). Вѣроятно, тотъ же самый переводъ познакомилъ съ образами сѣверной поэзіи и Державина, хотя для знакомства могли служить и другіе, прежде изданные

1) Оссіанъ, сынъ Фингалова, бардъ третьяго вѣка (1792).

источники, напримѣръ «Поэмы древнихъ бардовъ, въ переводѣ А. Дмитріева (1788). Прибавимъ, что «Разсужденіе Державина о лирической поэзіи» даетъ краткую характеристику пѣсенъ, приписанныхъ барду третьяго вѣка. Излагая ея свойства у разныхъ народовъ, авторъ говоритъ: «скальдъ шкотовъ (шотландцевъ) видитъ въ облакахъ летающія тѣни своихъ предковъ, мечи на ихъ бедрахъ изъ сѣвернаго сіянія, мрачную, безмолвную природу и кровавыя брани.»

Кромѣ «возглашенія о добродѣтеляхъ Фелицы» и «шутливаго высказыванія правды царямъ», «Памятникъ» ставитъ Державину въ заслугу его «бесѣды о Богѣ». Здѣсь разумѣется его религіозная поэзія, или духовныя стихотворенія. Объ одномъ изъ нихъ (Властителямъ и судьямъ) уже было сказано. Другое—«Богъ» (1784)—наиболѣе возбудило похвалъ и всегда почиталось образцовымъ. Этой одѣ и одѣ «Фелица» поэтъ одолженъ упроченіемъ своей литературной славы: его нерѣдко величали пѣвцомъ Фелицы или пѣвцомъ Бога. Въ послѣднемъ пѣснопѣніи онъ изображаетъ вѣчность, безконечность, всемогущество и другія свойства Творца, входящія въ катехизическое опредѣленіе Непостижимаго, противополагая имъ ничтожество человѣка—существа скоропреходящаго, ограниченнаго, слабаго, которое лишь потому не есть ничтожество, что въ немъ отражается образъ и подобіе его Создателя. Величіе образовъ и сила поэтическаго взмаха справедливо отвели этому гимну почетнѣйшее мѣсто въ отдѣлѣ духовной лирики. Къ этому же отдѣлу принадлежатъ тѣ піесы, въ которыхъ выраженъ религіозный скептицизмъ, навѣянный вліяніемъ французской литературы XVIII в., но недолго владѣвшій умомъ поэта. Таковы: «Успокоенное невѣріе», «Истина», «Безсмертіе души», «Правосудіе», «На безбожниковъ», «Громъ», «Тлѣніе и Нетлѣніе». Въ первой піесѣ говорится, что человѣческая жизнь невыносима, если она такова, какъ представляютъ ее атеисты. Поэтъ хочетъ внимать не имъ, а голосу Творца, повелѣвающаго надѣяться, вѣрить и быть счастливымъ. Доказательствамъ безсмертія и опроверженію противной тому мысли посвящено «Безсмертіе души» (нач. 1785, кон. 1796). «Живъ Богъ—жива душа моя!» увѣренно восклицаетъ поэтъ. Можетъ ли, спрашиваетъ онъ, умереть духъ—тонкій, мудрый, сильный, сущій въ единый мигъ и тамъ и здѣсь, неосязаемый, незримый, въ желаньѣ, памяти и умѣ содержимый непостижимо, живующій внутри и внѣ человѣка? Рядъ вопросовъ, наполняющихъ нѣсколько строфъ этого духовнаго стихотворенія, имѣетъ сходство съ рѣчью Братановскаго на погребеніе Бецкаго (1795). Можетъ статься, Державинъ и подражалъ проповѣднику, который

въ то время славился своимъ краснорѣчіемъ. Подражательность еще болѣе замѣтна въ «Тлѣніи и Нетлѣніи» (1813),—піесѣ, служащей какъ бы дополненіемъ оды «На смерть Кутузова» (1813). Державинъ употребляетъ тотъ же оборотъ, которымъ пользовался упомянутый духовный ораторъ: онъ не можетъ помирить заслугъ героя съ мыслію о тлѣніи, какъ Братановскій изъ необходимости увѣнчать подвиги добродѣтели вывелъ необходимость нетлѣнія, или безсмертія. Державинъ сыплетъ укоры вольнодумцамъ, не признающимъ надъ собою всевышней власти, думающимъ, что все творитъ слѣпой случай (На безбожниковъ 1804 и Громъ 1807): имъ противополагается мужъ вѣрующій, твердый надеждою на Бога и потому не боящійся грозныхъ временъ. При всемъ религіозномъ настроеніи, Державинъ какъ бы по неволѣ поддавался иногда скептицизму. Духъ сомнѣнія кроется въ нѣкоторыхъ стихахъ оды-элегіи «На смерть кн. Мещерскаго». Онъ слышенъ въ восклицаніи: «о горе намъ, рожденнымъ въ свѣтъ!» Онъ знаетъ, гдѣ персть умершаго, и не знаетъ, гдѣ его душа. Онъ же заставилъ Державина съ такимъ сожалѣніемъ смотрѣть на судьбу человѣка, по поводу смерти Кутузова:

Вотъ генія блестящій вѣкъ!
Гдѣ умъ? гдѣ духъ? гдѣ блескъ и сила?
И что такое человѣкъ,
Когда вся цѣль его—могила,
А сущность—горсть одна земли!

А съ другой стороны, религіозное настроеніе, подъ конецъ жизни Державина, переходитъ въ мистицизмъ. Его одряхлѣвшая поэзія занималась «дивами, непонятными мыслямъ», видѣла повсюду знаменательные символы, имена и числа, и толковала ихъ примѣнительно къ современнымъ событіямъ. Первая половина «Лироэпическаго гимна на прогнаніе Французовъ изъ отечества» (1812) заключаетъ въ себѣ «таинственный глаголъ» о Наполеонѣ и Александрѣ. Что такое Наполеонъ? звѣрь апокалипсическій, седьмиглавый Люциферъ, увѣнчанный десятью рогами: въ его имени содержится число звѣрино—666; семь главъ означаютъ семь королей, имъ поставленныхъ, а десять роговъ—десять подвластныхъ ему народовъ. Агнецъ бѣлорунный представляетъ Александра Благословеннаго, вступившаго на престолъ въ мартѣ мѣсяцѣ, когда солнце находится въ знакѣ овна. Слова пророка Даніила: «возстанетъ Михаилъ, князь великій», отнесены къ Кутузову. Стихотвореніе «Христосъ» (1814), испещренное ссылками на разныя мѣста Св. Писанія и почему-то высоко-цѣнившееся польскимъ

поэтомъ Мицкевичемъ, можетъ быть названо теологическимъ трактатомъ въ стихахъ, а не свободнымъ актомъ творчества.

Тѣ стихотворенія Державина, въ которыхъ преобладаетъ моральный элементъ, дидактизмъ, получили названіе нравственно-философическихъ одъ и считались лучшими его одами, какъ наиболѣе свойственными его таланту и потому самыми характеристичными. Изъ одного примѣчанія къ одѣ: «На умѣренность» (1792), видно, что лирикъ нашъ вообще любилъ соединять поэзію съ нравоученіемъ. «Эпистола И. И. Шувалову» (1777) прямо говоритъ о пользѣ наставленій въ стихотворствѣ:

Согласіе стиховъ безъ истины—Цирцея,
Божественный языкъ на похвалу людямъ,
Безъ наставленья имъ, есть вредный ѳиміамъ.

Въ Запискахъ своихъ Державинъ замѣчаетъ, что духъ его всегда былъ склоненъ къ морали. Дѣйствительно, мораль видна въ самыхъ первыхъ его стихотвореніяхъ (Всемилѣ, 1770, и Нинѣ, 1770). Поэзія, вышній даръ боговъ (сказано въ «Видѣніи Мурзы») должна быть обращена «не къ тлѣнной похвалѣ человѣковъ, а къ поученью ихъ путей». «Разсужденіе о лирической поэзіи» развиваетъ мысль полнѣе: «поэзія есть языкъ боговъ, голосъ истины, лирикъ—герольдъ неба, органъ истины. Величіе, блескъ и слава сего міра проходитъ; но правда пребываетъ и пребудетъ во-вѣки. Посему-то, думаю я, болѣе, а не по чему другому, дошли до насъ оды Пиндара и Горація, что и въ первомъ блещутъ искры богопочтенія и наставленія царямъ, а во второмъ, при сладости жизни, правила любомудрія»: въ разсужденіи чего нравоученіе, кратко, кстати и хорошо сказанное, не только не портитъ высокихъ лирическихъ мыслей, но даже ихъ и украшаетъ». Эти правила заставляютъ Державина искать счастія въ себѣ самомъ, а не въ коловратномъ свѣтѣ, цѣнить болѣе всего миръ совѣсти и тишину доброй жизни: «Блаженъ, кто доволенъ

Въ семъ свѣтѣ жребіемъ своимъ,
Обиленъ, здравъ, покоенъ, воленъ
И счастливъ лишь собой самимъ;
Кто сердце чисто, совѣсть праву
И твердый нравъ хранитъ въ свой вѣкъ,
И всю свою въ томъ ставитъ славу,
Что онъ лишь добрый человѣкъ.

Дѣла и страсти прошлыхъ вѣковъ, изображаемыя исторіею, дѣла и страсти настоящаго времени, извѣданныя поэтомъ въ жизни

придворной и столичной, даютъ ему сильнѣе чувствовать блаженство того, кто, «почивъ въ тихомъ заливѣ совѣсти,

Ума на якорѣ глубокомъ
Сталъ въ челнѣ и спокойнымъ окомъ
На суету мірскую зритъ».

«Жизнь Званская» (1807), изображая идеалъ счастія, всегда носившійся въ душѣ поэта, проникнута элегическимъ чувствомъ, свойственнымъ опытному мужу, который, окончивъ службу и оканчивая поэтическое поприще, удалился въ уединеніе:

«Все суета суетъ!» я, воздыхая, мню;
Но, бросивъ взоръ на блескъ свѣтила полудневна:
«О, коль прекрасенъ міръ! Чтожъ духъ мой бременю?
Творцемъ содержится вселенна....

Да будетъ на землѣ и въ небесахъ Его
Единаго во всемъ вседѣйствующа воля!
Онъ видитъ глубину всю сердца моего,
И строится моя Имъ доля....

Онъ корни помысловъ, Онъ зритъ полетъ всѣхъ мечтъ
И поглумляется безумству человѣковъ;
Тѣхъ освѣщаетъ мракъ, тѣхъ помрачаетъ свѣтъ,
И днешнихъ, и грядущихъ вѣковъ».

Къ дидактическимъ піесамъ, кромѣ того, относятся посланія къ Капнисту и Храповицкому, Похвала сельской жизни и др.

Пріятности жизни и правила любомудрія, которыми, по словамъ Державина, блещутъ Гораціевы оды, были любимыми темами и нашего поэта, почему нравственно-философическія его стихотворенія назывались также «гораціанскими». Даже сочетаніе двухъ тоновъ, важнаго и шутливаго, Мерзляковъ почиталъ свойствомъ заимствованнымъ Державинымъ у римскаго сатирика. Державинъ часто подражалъ ему или переводилъ изъ него (Памятникъ, Капнисту, Похвала сельской жизни, Лебедь, Пиррѣ, Весна и многія другія піесы). Въ посланіи «Рѣшемыслу» (1783) онъ называетъ свою музу «подругою Флакка». «Средь музъ съ Гораціемъ пою», говоритъ онъ въ одѣ: «На умѣренность» (1792). Таже ода прославляетъ завидное состояніе человѣка, выбравшаго златую средину, не восхищаемаго мечтаніемъ благъ и не ужасаемаго тмою бѣдъ. Средняя стезя—самый надежный путь, средственная доля—самый счастливый удѣлъ. Устроить жизнь къ покою, не гоняясь за преходящимъ или ложнымъ счастіемъ, вкушать только тѣ удовольствія, которыя не ведутъ за собою раскаянья: вотъ постоян-

ные совѣты его горацiанской философiи. Эта философiя вовсе не пасмурна: она любитъ веселье и даже не прочь отъ эпикуреизма. «Часы веселья—кратки, а минута скуки—цѣлый вѣкъ» (Стейнбоку, 1806): что же изъ этого слѣдуетъ? надобно умножить число веселыхъ часовъ и уменьшить число скучныхъ минутъ; надобно, если есть возможность, безпрерывно веселиться. Въ посланiи «Къ первому сосѣду» (1780), поэтъ приглашаетъ его пить, ѣсть и веселиться,

Доколь текутъ часы златые
И не приспѣли скорби злыя....
На свѣтѣ жить намъ время срочно.

«Живи и жить давай другимъ»: такъ начинается ода на рожденiе царицы Гремиславы, т. е. Екатерины (1796). Она посвящена Л. А. Нарышкину, извѣстному остроумцу и весельчаку. Державинъ видитъ въ немъ истинно-счастливаго человѣка:

Что нужды мнѣ, кто, все зефиромъ
Съ цвѣтка лишь на цвѣтокъ летя,
Доволенъ былъ собою, міромъ,
Шутилъ, рѣзвился, какъ дитя?
Но если онъ съ столь легкимъ нравомъ
Всегда былъ добрый человѣкъ,
Всегда жилъ весело, пріятно
И не гонялся за мечтой;
Жалѣлъ о тѣхъ, кто жилъ развратно,
Плясалъ и самъ подъ тонъ чужой:
Хвалю тебя,—ты въ смыслѣ здравомъ
Пресчастливо провелъ свой вѣкъ.

По отношенiю къ эпикурейскому взгляду на жизнь замѣчательно стихотвореніе: «Аристиппова баня» (1811). Здѣсь изложено моральное ученiе Сократова ученика, Аристиппа, котораго главное правило состояло въ томъ, что человѣкъ долженъ владѣть удовольствiями, но что удовольствiя не должны владѣть имъ. Кто, услаждая чувства, услаждаетъ съ ними и духъ, тотъ истинно мудръ и счастливъ. Пользованiе благами природы законно; беззаконенъ только излишекъ пользованiя:

Жизнь мудраго—жизнь наслажденья
Всѣмъ тѣмъ, природа что даетъ.
Не спать въ свой вѣкъ,—и съ попеченья
Не чахнуть, коль богатства нѣтъ;
Знать малымъ пробавляться скромно;
Жить съ беззаконными законно;

Чтить доблесть, не любить порокъ;
Со всѣми и всегда ужиться,
Но только съ добрыми дружиться:
Вотъ въ чемъ былъ Аристипповъ толкъ!

Изъ той же мысли, что «человѣкъ родится для жизни и что веселье—его стихія», вытекло сочувствіе Державина къ Анакреону, пѣвцу земныхъ радостей. Другимъ источникомъ служила «влюбчивость» поэта, почему большая часть стихотвореній этого рода—эротическія. Названіе «Анакреонтическія пѣсни», вышедшія отдѣльной книжкой (1804)—не совсѣмъ точное, такъ какъ между ними есть подражанія Соломону (Пѣснь пѣсней), Сафо, Платону, Діонисію Сиракузскому, Горацію, Петраркѣ. Все, что выходило изъ героическаго, нравственно-философическаго или сатирическаго тона, что выражало безпечное воззрѣніе на міръ и похвалу удовольствіямъ, или что по формѣ своей было небольшою, легкою піесою, то Державинъ относилъ къ «золотымъ пѣснямъ Леля» (такъ называлъ онъ подражанія Анакреону). Въ числѣ ихъ помѣщена и ода «На рожденіе въ сѣверѣ порфироднаго отрока». Ясно, что, кромѣ «приличности содержанія», которымъ служитъ особое понятіе о жизни, авторъ принималъ въ расчетъ и внѣшнія отличія стихотвореній, особенно «легкій слогъ». Не зная греческаго языка, онъ пользовался нѣмецкими переложеніями Анакреона, а также и русскимъ его переводомъ Н. Львова (1794). Со времени изданія этого перевода, начинаются собственно анакреонтическія пѣсни Державина. Число ихъ увеличивается въ 1797 г., когда на престолѣ уже не было Фелицы, когда «Задунайскій кончилъ свой вѣкъ, а Суворовъ скрылся тьмою (т. е. жилъ въ деревнѣ), какъ неславный человѣкъ». Переладимъ же струны, говоритъ поэтъ; откажемся пѣть героевъ и начнемъ пѣть любовь (Къ лирѣ, 1797). Къ затишью героическихъ дѣлъ присоединились непріятности по службѣ. Если міръ не жалуетъ тѣхъ, кто идетъ прямою стезей, то нѣтъ надобности предаваться суетѣ и нести бремя должностей (Къ самому себѣ, 1798):

Музамъ, женщинамъ любезенъ
Можетъ пылкій богъ Эротъ.
Стану нынѣ съ нимъ водиться,
Сладко есть, и пить, и спать:
Лучше, лучше мнѣ лѣниться,
Чѣмъ злодѣевъ наживать.

И вотъ Державинъ идетъ по слѣдамъ «тійскаго пѣвца»: онъ хочетъ забавлять свѣтъ и мѣнятъ лиру на балалайку; Пиндомъ

его будетъ Званка (Тишина, 1801). Чѣмъ же «тіисскій пѣвецъ» нравился нашему поэту? Тѣмъ, что онъ чинамъ и богатству предпочиталъ свободу, покой и любовь. «Вѣнецъ безсмертія» (1802), пріобрѣтенный Анакреономъ, увѣнчаетъ и его подражателя: онъ сплетется русскими красавицами, которыя будутъ слушать пѣсни любви у комелька, въ морозъ. На другой годъ по выходѣ изъ службы (1803) Державинъ издалъ анакреонтическія стихотворенія. Въ предисловіи къ нимъ, между прочимъ, сказано: «Въ Аѳинахъ запрещалось упражняться въ издѣвочныхъ сочиненіяхъ только ареопагитамъ; но какъ я уже свободенъ отъ должности, то и осмѣлился предать ихъ тисненію». Здѣсь же объяснены и другія побужденія, заставившія русскаго стихотворца подражать Анакреону, независимо отъ сочувствія къ тому взгляду на жизнь, выраженіемъ котораго служили пѣсни греческаго поэта. «По любви къ отечественному слову», говоритъ Державинъ, «желалъ я показать его изобиліе, гибкость, легкость и вообще способность къ выраженію самыхъ нѣжнѣйшихъ чувствованій, каковыя въ другихъ языкахъ едва ли находятся. Доказательствомъ его изобилія и мягкости служатъ нѣсколько пѣсенъ, въ которыхъ буквы *р* совсѣмъ не употреблено» (Анакреонъ въ собраніи, Желаніе и др.). Но не смотря на достоинства нѣкоторыхъ отдѣльныхъ «пѣсенъ Леля», онѣ не могли выдти удовлетворительными, по отсутствію художественной граціи, которая необходима для стихотвореній этого рода и до которой талантъ Державина, при всей своей силѣ, никогда не могъ возвыситься.

Однимъ изъ главныхъ достоинствъ Державинской лиры служитъ ея стремленіе къ народности, которая выражается и во взглядѣ на предметы, и въ выборѣ коренныхъ русскихъ оборотовъ и реченій. Не только шуточныя стихотворенія, но и «прямыя» оды представляютъ образцы національнаго элемента, допуская простымъ разговорнымъ словамъ и пословицамъ стоять подлѣ возвышенныхъ словъ и книжныхъ фразъ, на что піитика налагала строгое veto. Примѣровъ тому очень много. «Царь-Дѣвица» по содержанію и выраженію близко подходитъ къ памятникамъ народной поэзіи. Въ сатирѣ «На счастіе» также чисто-русскій складъ: счастіе «машетъ волшебною ширинкой», «въ издѣвку» обращаетъ свой взоръ на человѣка, «катаетъ кубаремъ» весь міръ. Цѣлыя строфы наполнены образами, употребительными въ простолюдьѣ, напр.:

Стамбулу бороду ерошишь,
На Таврѣ ѣдешь чехардой,
Задать Стокгольму перцу хочешь,
Берлину фабришь ты усы,

А Темзу въ фижмы наряжаешь,
Хохолъ Варшавѣ раздуваешь,
Коптишь голландцамъ колбасы.

Ни въ сказкахъ складно разсказать,
Ни написать перомъ красиво....

. . . . . Вельможи,
И такъ и сякъ нахмуря рожи,
Тузятъ инова иногда....

И громъ за тридевять земель
Несетъ на лунно государство....

Бывало, подъ чужимъ нарядомъ,
Съ красоткой чернобровой рядомъ....

Безъ латъ и горе-богатырь....

Бояре понадули пузы....

Слети ко мнѣ, мое драгое,
Серебряное, золотое...

Народный элементъ встрѣчается во многихъ другихъ піесахъ: «Крезовъ Эротъ», «Бой», «Къ Эвтерпѣ», «Кружка», «Хоръ сельскихъ дѣвушекъ», «Истуканъ», «Вельможа», и пр. Въ примѣчаніи къ «Волхву Злогору» сказано, что это стихотвореніе взято изъ новгородской миѳологіи. Первая строфа «Зимы» есть подражаніе русской пѣснѣ, по складу стиховъ и отдѣльнымъ выраженіямъ. «Прологъ на рожденіе въ сѣверѣ порфироднаго отрока» (1797) почерпнутъ «изъ древняго варяго-русскаго баснословія; въ театральномъ представленіи «Добрыня» (соч. 1804, нап. 1808) поэтъ воспользовался многими старинными сказочными преданіями. Въ то время, какъ стихотворцы обыкли изображать знаменитыхъ соотечественниковъ по образу древнихъ божествъ и героевъ, Державинъ, для прославленія подвиговъ Суворова, обратился къ народнымъ былинамъ. Русскій полководецъ является у него въ видѣ сказочнаго богатыря, надѣленнаго сверхъестественною силой: тьма отъ его чела, съ посвиста пыль, впереди его—молніи бѣгутъ отъ взоровъ, позади—дубы ложатся грядою. Съ точки зрѣнія народнаго эпоса, нѣтъ гиперболы въ извѣстныхъ стихахъ:

Ступитъ на горы—горы трещатъ;
Ляжетъ на воды—воды кипятъ;
Граду коснется—градъ упадаетъ;
Башни рукою за облакъ бросаетъ.

По отношенію къ народности замѣчательно посланіе «Атаману и войску донскому» (1807), гдѣ, между прочимъ, видно и вліяніе Слова о полку Игоревомъ. Обращаясь къ Платову, поэтъ изображаетъ быстроту и ловкость казаковъ:

Въ травѣ идешь—съ травою ровенъ;
Въ лѣсу—и ровенъ лѣсъ съ главой;
На конь вскокнешь—конь тихъ, не нравенъ,
Но вихремъ мчится подъ тобой;
По камню ль черну змѣемъ чернымъ
Ползешь ты въ ночь—и слѣду нѣтъ;
По влагѣ ль бѣлой гусемъ бѣлымъ
Плывешь ты въ день—лишь струйка слѣдъ;
Орломъ ли въ мглѣ паришь сгущенной—
Стрѣлу сѣчешь ей въ слѣдъ пущенной,
И, брося петли округъ шей,
Фазановъ удишь какъ ершей.

Чтожъ сталъ?—Борза ль коня не стало?
Возьми коверъ свой самолетъ.
Ружейнаго ль снаряду мало?
Махни ширинкой—лѣсъ падетъ, и пр.

И въ анакреонтическія пѣсни Державинъ вводилъ славянскія божества, вмѣсто греческихъ и римскихъ, для показанія, что можемъ и своею миѳологіею украшать нашу поэзію: Лель (богъ любви), Зимстерла (весна), Зничь (май), Лада (богиня красоты), Усладъ (богъ роскоши) являются у него то какъ дѣйствительныя существа, то какъ риторическія прикрасы.

По всѣмъ стихотвореніямъ Державина проходитъ одна мысль, которая сообщаетъ имъ особую цѣнность, независимо отъ ихъ историческаго значенія. Эта мысль—достоинство человѣка, какъ человѣка, въ его отрѣшеніи отъ всѣхъ иныхъ, временныхъ и мѣстныхъ, достоинствъ. Державинъ опредѣляетъ истинную цѣну каждаго лица не тѣми званіями, въ которыхъ оно находилось по волѣ судьбы, а единственно тѣмъ, сохранило ли оно на всякомъ мѣстѣ и во всякое время священное званіе человѣка, неподвластное никакимъ превратностямъ судьбы. Суета суетъ! часто восклицаетъ стихотворецъ: вся наша жизнь—пустое мечтаніе; главное дѣло—быть человѣкомъ, а все прочее тлѣнъ и прахъ. Восклицаніе естественное въ устахъ того, кто и вчужѣ видѣлъ и на себѣ испыталъ непрочность земныхъ благъ вообще, общественныхъ положеній въ частности. Передъ его глазами непрерывно вертѣлось колесо фортуны, представляя тщету величія и славы. Придворная жизнь, блескъ и пышность вельможъ, побѣдныя торжества и роскошные

пиры, всѣ треволненія политическія и общественныя устремляли его мысль отъ шума и грома къ тишинѣ, отъ превратности людской къ тому, что въ людяхъ должно оставаться несокрушимымъ и неприкосновеннымъ. Съ особенною силою возникаетъ эта мысль при какихъ-нибудь разительныхъ ударахъ судьбы: при опалѣ случайнаго лица, при разгромѣ обширныхъ замысловъ, при смерти вельможи, который сарданапаловски наслаждался жизнію, но и кончилъ ее гибельно, какъ Сарданапалъ. Тогда-то Державинъ ищетъ притона и спасенія «въ заливѣ совѣсти», которая должна сказать ему, не потемнился ли въ немъ человѣкъ. Уваженіемъ къ сану человѣка проникнуты всѣ его оды. Привѣтствуя появленіе въ свѣтъ «порфироднаго отрока», онъ даетъ ему совѣтъ «быть на тронѣ человѣкомъ»; изображая Фелицу, заставляетъ ее сказать о себѣ: «я человѣкъ». Чувство человѣчности, сознаніе достоинства человѣка—преобладающій мотивъ поэзіи Державина.

Въ чемъ же заключается это главное достоинство? Гимнъ «истинѣ» (1778) доказываетъ бытіе Бога міромъ физическимъ и духовнымъ существомъ нашимъ. Богъ въ истинѣ, говоритъ Державинъ; истина же является и внутри и внѣ человѣка: внутри какъ совѣсть, внѣ какъ правда. Отъ истины раждается добродѣтель; безъ правды рушатся царства. Слѣдов. истина, или правда (которыя иногда различаются поэтомъ, а иногда сливаются въ одномъ понятіи), и ея плодъ—добродѣтель—составляютъ главное достоинство человѣка, который есть образъ и подобіе Бога. Потому-то слова генія: «будь на тронѣ человѣкъ!» произнесены имъ въ то время, какъ онъ зараждалъ въ царственномъ отрокѣ «добродѣтель». Потому-то и главная обязанность каждаго человѣка—истина, правда. Поэтъ въ особенности долженъ быть глашатаемъ правды (Каннисту, 1797), ея поборникомъ и другомъ, твердымъ щитомъ и сподвижникомъ. Державинъ такъ и понималъ свое призваніе. Какъ поэтъ, онъ съ улыбкой говорилъ царямъ истину, въ шуткахъ возвѣщалъ правду, превозносилъ добродѣтели Фелицы. Такимъ образомъ справедливо сужденіе профессора Шевырева что въ поэзіи Державина выражается «идея правды». Гимномъ правдѣ (или правосудію), безъ которой рушатся царства, служитъ «Введеніе Соломона въ судилище» (1798), сочиненное по случаю введенія императоромъ Павломъ великаго князя Александра въ присутствіе сената. И всѣ другія стихотворенія Державина проникнуты этою идеей; онъ постоянно учитъ одному и тому же: что лишь истина даетъ вѣнцы; что лишь праведника (человѣка, шедшаго стезею правды) святъ кумиръ; что великіе міра тогда велики, когда любятъ правду, и на столько велики, на сколько любятъ правду. Въ «Водопадѣ»

(1791) и «Памятникѣ герою» (1791) начертанъ идеалъ правдиваго, честнаго мужа, рачителя общей пользы, котораго обелискъ крѣпокъ добродѣтелью, котораго сокровища—спокойный духъ и чистая совѣсть, для котораго долгъ—царь, а правда—богъ. Поэтъ и самъ стремится достигнуть идеальнаго совершенства (Мой истуканъ, 1794):

Хочу я *человѣкомъ* быть,
Котораго страстей отрава
Безсильна сердце развратить;
Кого ни мзда не ослѣпляетъ,
Ни санъ, ни месть, ни блескъ порфиръ;
Кого лишь *правда* научаетъ,
Любя себя, любить весь міръ
Любовью мудрой, просвѣщенной,
По *добродѣтели* священной.

Сила лирическаго таланта Державина не подлежитъ сомнѣнію. Онъ одаренъ былъ могучей фантазіей, и потому въ его произведеніяхъ русское стихотворство впервые стало поэзіей. Хотя онъ и ставилъ административную свою дѣятельность на первомъ планѣ, говоря, что пишетъ только въ свободное отъ служебныхъ занятій время, но въ сущности выходило на оборотъ: истиннымъ его призваніемъ и настоящею службой было именно писаніе стиховъ. Такъ онъ и самъ смотрѣлъ на себя, такъ понимали его и другіе. Онъ самъ высказалъ, чѣмъ воздвигъ себѣ «памятникъ», въ чемъ его право на безсмертіе; стихотвореніе: «На смерть графини Румянцевой», сочиненное подъ впечатлѣніемъ непріятностей съ тамбовскимъ намѣстникомъ гр. Гудовичемъ, оканчивается слѣдующими строками:

Меня ничто вредить не можетъ:
Я злобу твердостью сотру;
Враговъ моихъ червь кости сгложетъ,
А я поэтъ—и не умру.

Природный зовъ заставлялъ его посвящать свое время любимому занятію и въ тѣсномъ казарменномъ помѣщеніи, и въ походной жизни, и въ канцелярскомъ быту; не измѣнять поэзіи, не смотря на преслѣдованія его начальника кн. Вяземскаго, на брань и насмѣшки чиновнаго люда. Слова Екатерины: «пусть пишетъ стихи», сказанныя Храповицкому о Державинѣ, послѣ того какъ она осталась имъ недовольна на аудіенціи, даютъ знать, что она цѣнила его болѣе, какъ автора Фелицы и другихъ произведеній, чѣмъ какъ администратора. Даже нѣкоторые изъ близкихъ къ нему

людей отзывались о немъ, какъ о выходящемъ изъ ряду стихотворѣ, но плохомъ губернаторѣ.

Но самородный талантъ Державина не достигъ той степени поэтическаго творчества, на которой оно производитъ художественныя творенія. Причинъ тому надобно искать прежде всего въ самомъ поэтѣ—въ его темпераментѣ, въ качествѣ его духовныхъ способностей и въ образовательномъ цензѣ, а потомъ уже въ дѣйствіи среды, въ которой онъ вращался, и въ общемъ состояніи современной ему эпохи. По собственному сознанію, онъ былъ «горячъ», и потому легко поддавался страстнымъ порывамъ своего пылкаго нрава какъ въ жизни, такъ и въ поэзіи. Съ этой стороны онъ не похожъ на Пушкина, который въ свѣтской жизни нерѣдко выступалъ изъ предѣловъ благоразумія, но въ моменты вдохновенія становился совершенно инымъ человѣкомъ, такъ что его созданія отличаются художественной мѣрой. Державинъ, напротивъ, оставался вѣренъ самому себѣ на всѣхъ путяхъ своей дѣятельности. «Мудрость заключается въ срединѣ крайностей», писалъ онъ въ одномъ письмѣ къ Дмитріеву; но самъ онъ не пріобрѣлъ такой мудрости даже въ поздніе годы: онъ часто впадалъ въ крайности, чѣмъ и объясняется главный недостатокъ его поэзіи — гиперболизмъ. Мы видѣли, что нѣкоторыя гиперболическія представленія могутъ быть оправданы подражаніемъ народному эпосу, но большинство другихъ ничѣмъ инымъ не объясняется, кромѣ природной наклонности поэта къ преувеличеніямъ; примѣровъ тому не мало, особенно въ одѣ на взятіе Варшавы, начиная съ самыхъ первыхъ строкъ.

Пошелъ—и гдѣ тристаты злобы?
Къ чему коснулся—все сразилъ;
Поля и грады стали гробы;
Шагнулъ—и царство покорилъ.

Духовныя способности Державина не находились въ равновѣсіи. Его умъ былъ ниже воображенія, чему и слѣдуетъ главнѣйшимъ образомъ приписать отсутствіе художественной мѣры. Стихотворенія его большею частію говорятъ больше того, сколько было бы нужно сказать для выраженія мысли и потому страдаютъ длинно-той. Иногда піеса двоится по двойственности сюжета: такъ въ «Водопадѣ» (на смерть Потемкина) прославляются и Потемкинъ и Румянцевъ. Иногда поэтическіе образы приводятся въ излишествѣ, недостаточно обдуманные, и подъ часъ не изящные, за неимѣніемъ у автора вполнѣ изощреннаго эстетическаго вкуса. Не только въ поэтическихъ представленіяхъ, но и въ отдѣльныхъ

стихахъ и выраженіяхъ замѣчается нерѣдко отсутствіе художественной обработки, могущей явиться лишь при дружномъ союзѣ воображенія съ разумомъ. Самыя лучшія произведенія Державина не чужды указанныхъ недостатковъ. Въ одѣ «На смерть кн. Мещерскаго» нельзя похвалить такихъ стиховъ, какъ

Зіяетъ время славу *стерть*...
Глотаетъ царства алчна смерть...,

потому что *зіяніе* (раскрытіе рта, зѣва)—непригодное средство для *стиранія* чего нибудь, особенно славы, а *глотаніе царствъ*—непріятная гипербола. Другіе стихи той же піесы:

И *звѣзды* ею (смертью) сокрушатся,
И *солнцы* ею потушатся,
И всѣмъ *мірамъ* она грозитъ,

показываютъ, что поэтъ считалъ *звѣзды*, *солнцы и міры* тремя различными предметами, тогда какъ они суть одно и тоже, — погрѣшность, происшедшая, вѣроятно, отъ незнакомства съ космографіей. Піеса: «Потопленіе» начинается противорѣчіемъ:

Изъ-за облакъ мѣсяцъ *красный*
Всталъ и *смотрится въ рѣку*,
Сквозь туманъ и *мракъ ужасный*
Путникъ ѣдетъ въ челнокѣ.

Красный мѣсяцъ, *отражающійся въ водѣ*, трудно согласить съ *ужаснымъ мракомъ*. Странно представить себѣ и «Сибирь, *наклонившуюся* надъ столами», и океаны, *трясущіеся челами*, и другія подобныя изображенія въ Описаніи Потемкинскаго праздника:

Богатая Сибирь, наклонишись надъ столами,
Разсыпала по нимъ и злато и сребро;
Восточный, западный—сѣдые океаны—
Трясяся челами, держали рѣдкихъ рыбъ, и т. д.

Къ неточнымъ выраженіямъ, совмѣщающимъ несовмѣстимое, и потому мѣшающимъ ясности пониманія или созерцанія, принадлежатъ и слѣдующіе стихи:

Да дѣлъ твоихъ въ потомствѣ *звуки*,
Какъ въ небѣ звѣзды, *возблестятъ*....

Или:

Шепнешь въ-слухъ страннику, въ дали какъ *тихій громъ*.

Короче: въ каждомъ произведеніи Державина видишь превосходныя

частности, чувствуешь несомнѣнное дарованіе поэта и силу его лирическаго взмаха, но вмѣстѣ съ тѣмъ видишь, какъ искреннее, могучее настроеніе духа ниспадаетъ потомъ въ искуственный, риторическій паѳосъ, или замѣняется дидактическимъ элементомъ. Введеніе послѣдняго въ поэзію Державина объясняется его любовью къ гораціанскимъ одамъ и кромѣ того взглядомъ на лирику въ частности и на поэзію вообще. Поэзія, по его ученію, какъ вышній даръ боговъ, должна быть обращена къ поученью людей; лирикъ есть герольдъ неба, органъ истины. При такомъ взглядѣ подъ истиной разумѣлась, конечно, не художественная правда въ выраженіи чувства, а правила любомудрія, нравоученіе, которое онъ считалъ наилучшею приправою стихотворства. Короче, цѣльновыработанное, художественное представленіе идеи рѣдко встрѣтишь въ произведеніяхъ Державина; къ наиболѣе отдѣланнымъ или удавшимся относятся: «Властителямъ и судіямъ», «На кончину графа Орлова», «Памятникъ», «Богъ». Да и нельзя было требовать совершенства формы въ то время, когда еще не различались не только поэтическое отъ художественно-поэтическаго, но и поэзія отъ простаго стихотворства. Батте, съ своимъ принципомъ искусства, какъ механическаго подражанія природѣ, скорѣе могъ вредить непосредственному таланту, чѣмъ приносить ему пользу. Сверхъ того, образованіе нашего лирика было поверхностное. Въ гимназіи, по его собственнымъ словамъ, онъ отличался живостью и воображеніемъ, а не точностью и усидчивостью. Единственно пригодное знаніе, вынесенное имъ изъ школы, состояло въ знакомствѣ съ нѣмецкимъ языкомъ. Хотя Державинъ и старался въ послѣдствіи вознаградить недостатокъ своего ученія, но эти старанія ограничивались чтеніемъ книгъ, безъ разбора, такъ что, безъ нарушенія истины, можно сказать, что онъ навсегда остался самоучкой.

Кромѣ литературнаго недостатка, въ произведеніяхъ Державина есть нравственный изъянъ, какъ результатъ невѣрнаго понятія о нравственности; причины же невѣрности заключались прежде всего въ скудости образованія, потомъ во вліяніи среды, окружавшей поэта, которая не находила ничего унизительнаго въ поступкахъ, осуждаемыхъ точной, хотя и строгой истиной, и вообще въ шаткомъ и легкомысленномъ взглядѣ людей его времени на должное и недолжное. Въ послѣдней строфѣ оды «Рѣшемыслу», т. е. Потемкину (1783), обращаясь къ Музѣ, Державинъ говоритъ:

Конечно, ты своимъ перомъ
Хвалить достоинства лишь знаешь;

но послѣднему стиху противорѣчатъ другія произведенія Державина. «Видѣніе Мурзы», написанное въ одинъ годъ съ «Рѣшемысломъ», говоритъ Фелицѣ:

Довольно золотыхъ кумировъ,
Безъ чувствъ моихъ что пѣсни чли;

значитъ, похвалы расточались иногда людямъ недостойнымъ, невозбуждавшимъ къ себѣ уваженія и любви. Авторъ сознавалъ свои отступленія отъ правды, какъ видно еще изъ его посланія къ Храповицкому (1793):

Ты самъ со временемъ осудишь
Меня *за мнѣтый вниманъ*.

И Храповицкій осудилъ его дружескимъ посланіемъ, въ которомъ между прочимъ говоритъ: «я люблю твои стихотворства, но иногда ты

. . . . . *полы лощишь* (1).
Я твой же стихъ напоминаю
И самъ по истинѣ не знаю,
Зачѣмъ ты такъ, мой другъ, *грѣшишь*.

Достойны громкой славы звуковъ
Пожарскій, Мининъ, Долгоруковъ
И за Дунаемъ храбрый Петръ;
Но Зубовыхъ дѣла не громки,
И спрячь Потемкиныхъ въ потемки:
Какъ пузырей, ихъ свѣтъ вѣтръ ...
И Зубовъ, ставши размундиренъ,
Для всѣхъ россіянъ только смѣхъ

Твоею творческой рукою
И пылкою стиховъ красою
Достойныхъ должно прославлять,
Великихъ, мудрыхъ, справедливыхъ,
Но случаемъ слѣпымъ счастливыхъ
Въ забвеньи вѣчномъ оставлять.

По поводу этихъ стиховъ написано Державинымъ второе, замѣчательное посланіе къ Храповицкому. Оно содержитъ въ себѣ оправданіе или извиненіе «грѣха» современнымъ общественнымъ настроеніемъ, по которому лесть, угодничество и другіе нечистые поступки, какъ сказано выше, не считались унизительными, и кромѣ того выражаетъ взглядъ на отношеніе «слова» къ «дѣлу»,— взглядъ, подтверждающій ту мысль, что авторъ не имѣлъ истиннаго понятія о нравственности:

[1]) Выраженіе Державина въ одѣ «На умѣренность» (1792).

Извини, мой другъ, коль лестно
Я кого гдѣ воспѣвалъ:
Днесь скрывать мнѣ тѣхъ безчестно,
Разъ кого я похвалялъ.
За слова—меня пусть гложетъ,
За дѣла—сатирикъ чтитъ.

Но «слова поэта суть уже его дѣла», справедливо возразилъ Пушкинъ. Это возраженіе послужило Гоголю предметомъ для статьи «о томъ, что такое слово» (1). Здѣсь сказано слѣдующее: «Державинъ слишкомъ повредилъ себѣ тѣмъ, что не сжегъ цѣлой половины своихъ одъ... Опасно шутить писателю со словомъ. Слово гнило да не исходитъ изъ устъ его». Конечно такъ, хотя—замѣтимъ мимоходомъ—самъ Гоголь позволялъ себѣ шутить съ словомъ, по крайней мѣрѣ въ своихъ письмахъ. Но Державинъ добросовѣстно признавалъ свою вину и объяснялъ ее силою общаго положенія: бываютъ времена, въ которыя, говоритъ онъ, «со всею честностью и правотою души, и при всемъ желаніи слѣдовать законамъ, не всегда можно устоять въ правдѣ». Его автохарактеристика: «горячъ и въ правдѣ чортъ», конечно, не согласуется съ истиннымъ благоразуміемъ, которое требуетъ, любя правду и служа ей искренно, все таки оставаться человѣкомъ, а не быть чортомъ; но за то выходками своего горячаго темперамента онъ вредилъ собственно себѣ только, а не другимъ: онъ наживалъ себѣ непріятелей и не пользовался расположеніемъ тѣхъ, отъ кого зависѣла его прочная карьера. Вопросъ лишь въ томъ, дѣйствительно ли было правдой то, что Державинъ считалъ правдой. Отвѣтъ, конечно, будетъ отрицательный, не дающій впрочемъ права бросать въ правдолюба камнемъ, такъ какъ ошибка истекала изъ убѣжденія, хотя и невѣрнаго. За убѣжденія не преслѣдуютъ. А что эти убѣжденія были искренни, ручательствомъ служитъ нравъ Державина: онъ не умѣлъ маскироваться и лукавить; по отзыву С. Р. Воронцова, онъ «нисколько не прикрывалъ лицемѣріемъ того, что онъ дѣлаетъ, и всѣми своими дѣйствіями выставлялъ на показъ свой неуживчивый и бѣшенный характеръ». И прочитавъ «Записки» нашего лирика, несомнѣнно выносишь изъ нихъ то впечатлѣніе, что, при всѣхъ его несовершенствахъ, онъ все же былъ лучше тѣхъ лицъ, которыя въ его воспоминаніяхъ являются передъ читателемъ. По крайней мѣрѣ онъ не былъ способенъ на ухищренія и козни, къ чему многіе и многіе прибѣгали

1) Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями.

какъ къ средству для достиженія своихъ личныхъ, корыстныхъ цѣлей, далѣ которыхъ ничего не хотѣли знать.

Общее значеніе поэзіи Державина давно оцѣнено безпристрастно и вѣрно Бѣлинскимъ: «Поэзія Державина (говоритъ онъ по поводу изданія его сочиненій въ 1843 г.) въ лучшихъ ея проявленіяхъ есть прекрасный памятникъ царствованія Екатерины. Нечего жалѣть, что онъ не былъ поэтомъ-художникомъ; лучше подивиться тѣмъ свѣтозарнымъ проблескамъ поэзіи и художественности, которыми такъ часто и такъ ярко вспыхиваетъ поэзія этого могучаго таланта.... Мы видимъ въ немъ блестящую зарю нашей поэзіи» (1). Вторая оцѣнка сдѣлана академикомъ Гротомъ, біографомъ Державина и издателемъ его произведеній, послѣ всесторонняго и безпристрастнаго разсмотрѣнія его жизни и дѣятельности: «Когда еще не была выработана у насъ простая и легкая разговорная рѣчь, Державинъ заговорилъ новымъ по звучности и складу русскимъ стихомъ; онъ пробуждалъ въ читателѣ возвышенныя чувства и ставилъ передъ ними идеалы въ живыхъ примѣрахъ отечественныхъ героевъ и сановниковъ, напоминая въ яркихъ образахъ святыя истины, вѣчные законы добра и чести» (2).

Родъ Державина (Гавріила Романовича, 1743—1816) происходитъ отъ мурзы Багрима, выѣхавшаго, въ княженіе Василія Темнаго (XV в.), изъ Орды служить на Руси и крещеннаго самимъ княземъ. Сынъ одного изъ потомковъ Багрима, Держава, началъ службу въ Казани. Отецъ нашего поэта служилъ въ разныхъ гарнизонныхъ полкахъ и имѣлъ чинъ полковника. Онъ принадлежалъ къ небогатымъ дворянамъ и жилъ съ женою то въ Казани, то въ деревнѣ, въ 40 верстахъ отъ города. Въ этой-то деревнѣ и родился нашъ поэтъ, а по другому преданію—въ Казани, которую онъ называетъ *«колыбелью* своихъ первоначальныхъ дней» (въ стихотвореніи «Арфа»).

Выучась чтенію у матери и дьячка, семи лѣтъ былъ представленъ въ Оренбургскую губернскую канцелярію на «смотръ», которому, по указу, подвергались дворянскія дѣти этого возраста, и по просьбѣ отца былъ отданъ ему для обученія до 12 лѣтъ, когда слѣдовало являться на второй «смотръ» или экзаменъ недорослямъ. Въ 1752 г. отецъ Державина переселился въ Оренбургъ, куда въ то время ссылали каторжныхъ вмѣсто Сибири, чтобы имѣть достаточное число рабочихъ для городскихъ построекъ. Въ числѣ ссыльныхъ находился нѣмецъ Розе, заведшій школу, куда и отдали Державина. Здѣсь, черезъ два или три года, онъ выучился читать, писать и говорить по нѣмецки. Знаніе нѣмецкаго языка, который тогда считался такою же принадлежностью образованнаго дворянина, какъ позднѣе французскій, дало возможность

---

1) Сочиненія Бѣлинскаго, т. VII.

2) Жизнь Державина (т. VIII-й академическаго изданія его сочиненій).

Державину читать въ подлинникѣ Галлера, Гагедорна, Козегартена, Клейста и другихъ писателей классическаго періода нѣмецкой литературы. Ни французскимъ, ни латинскимъ языкомъ онъ не владѣлъ, такъ что древніе авторы были ему извѣстны только по нѣмецкимъ или русскимъ переводамъ. По смерти отца, мать его, принужденная вести тяжбу съ сосѣдними помѣщиками, захватившими у нея родовую собственность, при тогдашнемъ безпорядочномъ межеваніи земель, испытала много хлопотъ и униженія отъ судей. Печальныя впечатлѣнія этого времени не только запали въ душу ея сына, который, по его словамъ, съ тѣхъ поръ не могъ равнодушно смотрѣть ни на какую справедливость, особенно на притѣсненіе вдовъ и сиротъ, но и нерѣдко выражались въ его произведеніяхъ, наприм. въ Вельможѣ:

А тамъ—вдова стоитъ въ сѣняхъ
И горьки слезы проливаетъ,
Съ груднымъ младенцемъ на рукахъ
Покрова твоего желаетъ.

Ариѳметику и Геометрію, нужныя для экзамена на второмъ смотру, преподавалъ ему ученикъ гарнизонной школы, но какъ учитель (въ родѣ Цыфиркина) самъ плохо зналъ «цыфирь», то и ученикъ его на всю жизнь остался плохимъ математикомъ.

Въ 1759 г., по учрежденіи двухъ казанскихъ гимназій (для дворянъ и для разночинцевъ), Державинъ поступилъ въ первую изъ нихъ, и въ трехлѣтнее пребываніе въ ней выказалъ особенную охоту къ рисованію, музыкѣ и поэзіи. Гимназистовъ, которыхъ чертежи и рисунки представлены были куратору Московскаго университета, И. И. Шувалову, онъ записалъ въ гвардію, и въ 1762 г. Державинъ долженъ былъ явиться въ преображенскій полкъ. Двѣнадцать лѣтъ военной службы составляютъ безотрадный періодъ въ его жизни. Началъ онъ ее солдатомъ, а не съ офицерскаго чина, какъ другіе или по крайней мѣрѣ съ унтеръ-офицера: причина тому—неимѣніе протекторства. Помѣстили его въ казармы съ рядовыми; онъ ходилъ на ученье, стоялъ на караулахъ, отправлялъ на ряду съ солдатами разныя черныя работы. При постоянныхъ ротныхъ и баталіонныхъ ученіяхъ, при неудобствѣ казарменнаго помѣщенія, ему нельзя было и думать о серьезномъ самообразованіи; только по ночамъ читалъ онъ кой-какія книги, да пописывалъ стихи. Люди и обстоятельства, среди которыхъ, во время отпусковъ на родину, пришлось ему жить въ Москвѣ, вовлекли было его въ глубокое нравственное униженіе, но онъ рѣшился наконецъ вырваться изъ этой среды и тѣмъ спасъ себя. На это указываетъ піеса «Раскаяніе»:

. . . . . Я въ роскошахъ забавъ
Испортилъ ужъ мой непорочный нравъ,
Испортилъ, развратилъ, въ тьму скаредствъ погрузился—
Повѣса, мотъ, буянъ, картежникъ очутился.

При назначеніи Бибикова для усмиренія пугачевскаго бунта (1773), Державинъ явился къ нему и просилъ взять его въ «секретную ком-

миссію» для слѣдственныхъ дѣлъ о сообщникахъ Пугачева. Бибиковъ поручилъ ему вести журналъ всей дѣловой переписки по бунту, съ описаніемъ и мѣръ, принимаемыхъ къ его прекращенію. Когда императрица, слѣдуя казанскому дворянству, положившему образовать конный корпусъ, повелѣла взять по рекруту съ каждыхъ двухъ сотъ душъ по своимъ удѣльнымъ имѣніямъ и назвала себя «казанской помѣщицей», Державинъ, отъ лица дворянства, сочинилъ благодарственную рѣчь—«первый опытъ малыхъ своихъ способностей», по его выраженію. Исполняя разныя порученія начальства, онъ провелъ весну и небольшую часть лѣта 1774 и 1775 г. г. въ заволжскихъ колоніяхъ, около Саратова: здѣсь-то частію сочинены, а частію переведены имъ изъ сочиненій Фридриха II нѣсколько одъ при горѣ Читалагаѣ (возвышенномъ холмѣ, противъ колоніи Шафгаузенъ), почему онѣ и названы Читалагайскими» (1774). За службу во все время пугачевщины награжденъ чиномъ коллежскаго совѣтника и тремя стами душъ въ Бѣлоруссіи (1777). Затѣмъ семь лѣтъ (1777—1784) служилъ подъ начальствомъ генералъ-прокурора кн. Вяземскаго, и въ домѣ его познакомился со многими лицами, которые въ послѣдствіи занимали важныя административныя мѣста. Собственно же дружескій кружокъ его состоялъ изъ А. Н. Львова, Капниста и Хемницера, къ коимъ позднѣе присоединились И. Дмитріевъ и Карамзинъ. Съ 1778 сдѣлался онъ постояннымъ сотрудникомъ С.П.бургскаго Вѣстника, издававшагося «обществомъ любителей наукъ»; здѣсь появились: «Пѣсни Петру Великому», «На смерть кн. Мещерскаго», «На рожденіе въ сѣверѣ порфироднаго отрока», «Къ первому сосѣду», «Властителямъ и судьямъ...» Нѣкоторыя изъ помѣщенныхъ піесъ были потомъ перепечатаны въ «Собесѣдникѣ любителей россійскаго слова», основанномъ кн. Дашковой въ 1782 г., и кромѣ того вошли въ него новыя оды: «Фелица», «Благодарность Фелицѣ», «Видѣніе Мурзы», «Рѣшемыслу», «Богъ». Награды, полученныя авторомъ отъ императрицы (за Фелицу), помимо его начальника, были непріятны послѣднему, который къ тому же нисколько не уважалъ литераторовъ, считая ихъ людьми, совершенно негодными для дѣлъ. Отсюда обоюдное недовольство, и Державинъ, вышедъ въ отставку, того же года (1784) былъ назначенъ исправляющимъ должность олонецкаго губернатора. Но здѣсь онъ не прослужилъ и года, потому что не поладилъ съ намѣстникомъ Тутолминымъ. Непріятности его служебнаго положенія выражены въ стихотвореніи: «Уповающему на свою силу». Обозрѣвая губернію, видѣлъ рѣку Суну и водопадъ Кивачъ, описаніемъ котораго начинается «Водопадъ». По возвращеніи въ Петербургъ получилъ мѣсто тамбовскаго губернатора (1785), на которомъ оставался съ 1786-го по конецъ 1788-го. Тамбовъ многимъ одолженъ заботливости Державина объ успѣхахъ образованія и общежитія: онъ открылъ свой домъ для обученія мѣстныхъ жителей, особенно дворянъ, и пригласилъ учителей, устроилъ у себя любительскіе театры, а потомъ городскій театръ, открылъ училища какъ въ самомъ Тамбовѣ, такъ и въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ городахъ, и завелъ типографію. Но и на новомъ мѣстѣ возникли у него непріятности съ намѣстникомъ, гр. Гудовичемъ, кончившіяся тѣмъ что его повелѣно было отдать подъ судъ. Изъ стихотвореній его ко времени тамбовскаго губернаторства относятся: «На смерть гр. Румян-

цевой», и «Осень во время осады Очакова» Отрѣшенный отъ должности, Державинъ пріѣхалъ въ Москву (1789) для суда надъ нимъ сената. Здѣсь онъ написалъ: «Побѣдителю» (Потемкину), «Величество Божіе», «На счастіе». Послѣдняя ода исполнена намековъ на тогдашнія политическія событія, на черты современной общественной жизни и на нѣкоторыхъ представителей высшей администраціи, кромѣ того содержитъ въ себѣ игривое изображеніе дѣятельности Екатерины и автобіографическія данныя. По пріѣздѣ въ Петербургъ того же года, благодаря предстательству Потемкина, Безбородки и Воронцова, былъ милостиво принятъ государыней, которой, по ея словамъ, было «трудно обвинить автора «Фелицы». Но на аудіенціи она спросила его: «не имѣете ли вы въ нравѣ чего-нибудь строптиваго, что ни съ кѣмъ не уживаетесь?отчего разошлись съ Вяземскимъ? отчего не поладили съ Тутолминымъ? какая причина ссоры съ Гудовичемъ?» А потомъ дала о немъ Храповицкому такой отзывъ: «въ третьемъ мѣстѣ не могъ ужиться; надобно искать причины въ себѣ самомъ; пусть пишетъ стихи». Судъ кончился благопріятно: подсудимый былъ оправданъ и велѣно было выдать ему неполученное жалованье и впредь производить до полученія новаго мѣста, котораго, впрочемъ, пришлось ему ждать два года съ половиной. Въ это неслужебное время явились: «Изображеніе Фелицы», «На взятіе Измаила», «Описаніе торжества въ домѣ Потемкина», «Водопадъ». Съ 1791 г. въ теченіи почти двухъ лѣтъ состоялъ при императрицѣ для принятія прошеній, но не умѣлъ угодить ей какъ по неспособности быть уклончивымъ, выражать свои мысли осторожно и прилично, такъ и по своей неловкости и горячности. Принося къ ней цѣлыя кипы бумагъ, онъ обременялъ ее чтеніемъ оныхъ, принималъ безъ разбора прошенія о деньгахъ, «лѣзъ къ ней со всякимъ вздоромъ», какъ она выразилась Храповицкому. Въ 1793 г. назначенъ сенаторомъ. Важнѣйшія стихотворенія, написанныя съ этого времени до воцаренія Павла, суть слѣдующія: «Ласточка» (памяти первой жены), «Мой истуканъ», «Вельможа» (передѣланная изъ оды «На знатность»—одной изъ «Читалагайскихъ одъ»), «На взятіе Варшавы», «Приглашеніе къ обѣду, «На рожденіе царицы Гремиславы» (Л. А. Нарышкину), «На кончину гр. Орлова» (Ѳедора), «Аѳинейскому витязю» (А. Орлову), «Памятникъ». При Павлѣ назначенъ былъ правителемъ канцеляріи совѣта императора, но вскорѣ «за необузданность языка», какъ сказано въ «Запискахъ Болотова», опять отосланъ въ сенатъ; затѣмъ (1800) получилъ званіе президента коммерцъ-коллегіи и въ томъ же году втораго министра при государственномъ казначействѣ и наконецъ государственнаго казначея. Въ 1802 назначенъ министромъ юстиціи, но не расположилъ къ себѣ императора Александра своимъ противодѣйствіемъ новымъ, либеральнымъ идеямъ. Въ вопросѣ о крѣпостномъ правѣ онъ былъ самымъ крайнимъ консерваторомъ и намѣреніе освободить крестьянъ отъ рабства называлъ предразсудкомъ. Въ 1803 г. вовсе уволенъ отъ службы, и на этотъ случай написалъ стихотвореніе «Свобода» (1803). Сошедши съ поприща 42-хъ лѣтней службы, онъ въ остальные годы своей жизни сохранилъ враждебное отношеніе къ эпохѣ Александра I и самъ находился какъ бы въ опалѣ. Притомъ же онъ чувствовалъ приближеніе зимы своей. Не было уже друзей его: [illegible]

Львовъ, Хемницеръ въ гробѣ скрыты;
За Днѣпромъ Капнистъ живетъ;
Вельяминовъ, лиръ любитель (1),
Богатырь, пѣвецъ въ кругу,
Беззаботный свѣта житель,
Согнутъ скорбями въ дугу.

Со времени отставки, поселился въ имѣніи своемъ Званкѣ (Новг. губ.), а зиму проводилъ въ Петербургѣ. Сельскія занятія его описаны въ стихотвореніи «Жизнь званская» (1807). Впрочемъ Державинъ не оставлялъ своихъ любимыхъ занятій. «Привыкши къ безпрестаннымъ трудамъ», говоритъ онъ, «я не могъ быть безъ упражненій, и для того занимался литературою, написалъ нѣсколько лирическихъ сочиненій, которыхъ вышло 4 части (1808) и еще наберется, можетъ быть, одна, сочинилъ трагедіи: «Иродъ и Маріамна», «Евпраксія», «Темный», комическую оперу «Дурочка умнѣе умныхъ», нѣсколько прозаическихъ статей, эпиграммъ и «Разсужденіе о лирической поэзіи». Послѣднее напечатано въ изданіи: «Чтеніе въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова»—литературномъ обществѣ, основанномъ Шишковымъ вмѣстѣ съ Державинымъ, который подчинился вліянію славянофила и такимъ образомъ сдѣлался орудіемъ въ борьбѣ противъ Карамзинской школы (2).

§ 25. Съ именами Ломоносова и Сумарокова критика постоянно соединяла имя Хераскова (Михаила Матвѣевича, 1733 — 1807), образуя какъ бы особый поэтическій тріумвиратъ на томъ основаніи, что каждый изъ нихъ служитъ представителемъ особаго рода поэзіи. Какъ Ломоносовъ былъ первый нашъ лирикъ, а Сумароковъ—установитель нашего театра, такъ отъ Хераскова ведетъ свое начало нашъ искуственный эпосъ: онъ первый далъ намъ героическую поэму—«Россіяду», которая хотя и не ввела пѣвца въ обѣщанный ему «храмъ безсмертія», однакожъ долгое время удерживала за нимъ славу «русскаго Гомера», доказывая тѣмъ, по словамъ одного изъ критиковъ Россіяды, что въ литературѣ «имена» бываютъ болѣе долговѣчны, чѣмъ «творенія», ибо первыя находятся въ устахъ ученыхъ, а послѣднія ни у кого не находятся въ рукахъ.

Будучи эпическимъ твореніемъ, которое должно отражать въ себѣ внутренній характеръ и внѣшній образъ цѣлой эпохи, героическая поэма предполагаетъ какъ въ творцѣ своемъ, такъ и въ своихъ слушателяхъ или читателяхъ, если не вѣру въ дѣйствительное существованіе этой эпохи, то по крайней мѣрѣ не со-

1) Тамбовскій помѣщикъ, писавшій также стихи.

2) Я. Грота: «Жизнь Державина (въ VIII т. академическаго изданія его сочиненій).

всѣмъ порванное согласіе съ ея воззрѣніями, нравами, вообще духовнымъ настроеніемъ. Поэтическое воспроизведеніе эпохи невозможно, если она ничѣмъ уже не напоминаетъ о себѣ ни мысли, ни чувству настоящаго времени. Хотя Иліада и Одиссея явились черезъ нѣсколько вѣковъ по разрушеніи Трои, но въ этотъ долгій промежутокъ греческая жизнь не представляла существенныхъ измѣненій, которымъ она подверглась послѣ персидскихъ войнъ; поэзія воспѣвала гнѣвъ Ахилла и долгія странствованія Улисса въ то время, когда то и другое еще было предметомъ народныхъ бесѣдъ по всей Греціи. Энеида изображаетъ міръ, не похожій на вѣкъ Августа; но интересъ происхожденія того, что̀ сдѣлалось столь обширнымъ и могущественнымъ, живыя преданія, обращавшіяся въ народѣ, могли уничтожить это несходство и связать темную старину съ настоящимъ. Божественная Комедія проникнута духомъ того времени, въ которое она явилась; по отношенію къ понятіямъ и вѣрованіямъ, она есть картина ближайшаго и непосредственнаго быта Италіи. Освобожденный Іерусалимъ отдѣляется большимъ пространствомъ времени отъ того движенія, которымъ было вызвано событіе, воспѣтое Тассомъ; но сущность поэмы—религіозный духъ среднихъ вѣковъ, увѣренность въ величіи и важности крестовыхъ походовъ,—не утратила своего значенія и въ XVI вѣкѣ, по крайней мѣрѣ въ Италіи, какъ средоточіи католицизма. Сверхчувственный міръ, изображенный Мильтономъ, вопросъ о происхожденіи зла, раскрываемый его поэмой, обращали на себя особое вниманіе англичанъ въ срединѣ XVII в., и потому предметъ Потеряннаго Рая былъ предметомъ интереса дѣйствительнаго и современнаго, а не вымышленнаго или потерявшаго всякое значеніе. Подобныхъ отношеній къ предмету Россіяды не существовало ни въ душѣ автора, ни въ душѣ его читателей. Покореніе Казани Грознымъ было «дѣломъ давно минувшихъ дней», которое учащійся узнавалъ изъ отечественной исторіи, но съ которымъ и прощался на школьной скамьѣ. Тотъ народъ, что сложилъ пѣсню «про взятье казанскаго царства», не имѣлъ и понятія о Россіядѣ. Если поэма могла представлять какой-либо интересъ, то не общій, а частный, для извѣстнаго круга публики, не по внутренней связи XVI-го столѣтія съ XVIII-мъ, а по внѣшнему сопоставленію событія, въ ней воспѣваемаго, съ современностью, по особому на него взгляду автора и подобныхъ ему лицъ. Вмѣсто поэтическаго замысла выступили здѣсь искуственныя примѣненія и тенденціи, объясняемыя исторіею тогдашней эпохи, именно восточнымъ вопросомъ, о которомъ говорили и писали открыто какъ въ Россіи, такъ и за границей, и рѣшеніе

котораго предполагалось въ изгнаніи турокъ изъ Европы и возстановленія греческой имперіи. Херасковъ принадлежалъ къ категоріи многихъ образованныхъ людей своего времени, питавшихъ сочувствіе къ Греціи. Еще за восемь лѣтъ до Россіяды, въ описательномъ стихотвореніи: «Чесменскій бой (1771)», исчислилъ онъ причины нашей войны съ турками: бѣдственное положеніе одновѣрныхъ намъ грековъ, разрушеніе церквей, притѣсненія христіанъ мусульманами, тьму невѣжества, покрывшую мѣста, гдѣ нѣкогда сіяло просвѣщеніе. Но, сказалъ онъ въ заключеніи,

> .... близокъ, можетъ быть, приходъ златыхъ вѣковъ,
> И греки изъ своихъ исторгнутся оковъ.

Эта мысль сохранена и въ Россіядѣ. Какъ христіанинъ, какъ патріотъ, какъ ревнитель наукъ, Херасковъ въ поклонникахъ Магомета видѣлъ враговъ истинной вѣры, своего отечества и просвѣщенія. Основнымъ его взглядомъ опредѣлились и выборъ эпическаго сюжета, и самое названіе поэмы, превышающее размѣръ содержанія. Взятіе Казани получило въ глазахъ его особенную важность: оно было торжествомъ креста надъ луною и вмѣстѣ торжествомъ Россіи надъ кровными врагами. Въ «историческомъ предисловіи» къ Россіядѣ читаемъ: «Воспѣвая разрушеніе казанскаго царства, со властію державцевъ ордынскихъ, я имѣлъ въ виду успокоеніе, славу и благоденствіе «всего россійскаго государства», знаменитые подвиги «всего россійскаго воинства», возвращенное благоденствіе не одной особѣ, но «цѣлому государству»... Горе тому россіянину, который не почувствуетъ, сколь сладкую тишину и сколь великую славу пріобрѣло наше отечество отъ разрушенія казанскаго царства!» Отъ Іоанна IV Херасковъ ведетъ начало крутой перемѣны въ Россіи—перехода ея изъ слабости въ крѣпость, изъ уничиженія въ силу, изъ порабощенія въ господство; грозный царь стоитъ въ срединѣ между бѣдственнымъ ея состояніемъ, около трехъ вѣковъ продолжавшимся, и новою, славною ея жизнію. Не одинъ Херасковъ придавалъ такую важность нашей борьбѣ съ татарами. Въ предисловіи къ Морскому уставу (1720), Петръ I освобожденіе Россіи отъ татаръ уподобляетъ «второму крещенію»: «Иванъ Васильевичъ Владимірово вредное дѣло (раздѣленіе Руси на удѣлы) исправилъ и расточенную махину паки въ гору собралъ и, яко новымъ крещеніемъ, силою воинскою христіанство отъ варваровъ (татаръ) свободилъ и утвердилъ, и оныхъ отъ ближняго сосѣдства отогналъ». Сообразно изложенному взгляду, поэма начинается такимъ двустишіемъ:

Пою отъ варваровъ Россію свобожденну,
Попранну власть татаръ и гордость низложенну.

Критика уличала Хераскова въ незнаніи исторіи, такъ какъ Россія освободилась отъ татаръ до Іоанна Грознаго; но дѣло не въ исторической точности, а въ томъ, что, для Хераскова, взятіе Казани было сильнымъ пораженіемъ магометанства, враждебнаго христіанамъ, цивилизаціи и Россіи. Притомъ же давноминувшій фактъ озарился новымъ блескомъ отъ успѣшныхъ дѣйствій Екатерины въ восточномъ вопросѣ, отъ ея побѣдъ надъ турками, подвигавшихъ впередъ замышленное возстановленіе Греціи. Такимъ образомъ событіе XVI в. приняло въ умѣ автора огромные размѣры, какъ по отношенію къ его религіознымъ, патріотическимъ и просвѣщеннымъ стремленіямъ, такъ и по отношенію къ политикѣ Екатеринина вѣка.

«Предисловіе къ Россіядѣ» и «Взглядъ на эпическія поэмы», ей предпосланный, показываютъ, что Херасковъ слѣдовалъ ложно-классической піитикѣ, отъ которой не отступалъ до конца. Давая наставленія стихотворцу, въ піесѣ «Поэтъ (1805),» онъ совѣтуетъ ему читать Гораціево «Посланіе къ Пизонамъ» и «Эпистолу о стихотворствѣ», Сумарокова, а главное—имѣть «всегда на памяти и часто на устахъ» науку о стихотворствѣ Буало. Ложно-классическая теорія эпоса требовала отъ него тѣхъ же принадлежностей, какія находила въ Иліадѣ, Одиссеѣ, Энеидѣ: она требовала важнаго событія, героическихъ характеровъ, обширнаго плана, вмѣщающаго въ себѣ значительное количество предметовъ, разнообразія эпизодовъ, которыми украшается главное дѣйствіе, чудеснаго въ языческомъ или христіанскомъ смыслѣ. Всѣ эти условія выполнены Херасковымъ по-возможности. Предметъ Россіяды (покореніе Казани), событіе само по себѣ важное, еще болѣе возвеличено взглядомъ на него автора. Дѣйствующія лица: самъ Іоаннъ, его сподвижники и противники, отличены необыкновенными качествами и подвигами. Чудесное есть—и языческое, и христіанское: пророческіе сны, явленіе тѣней, небесныя знаменія, чародѣйство и т. п. Нерѣдко вводятся олицетворенія естественныхъ и нравственныхъ предметовъ: зимы, корыстолюбія, стыда и пр. Объемъ поэмы обширенъ: она состоитъ изъ 12 пѣсенъ, какъ и Энеида, которую Херасковъ назвалъ «несравненною», чего не удостоились ни Иліада, ни Одиссея. Соблюдены также и второстепенныя принадлежности: возвѣщеніе избраннаго сюжета, начатое обычнымъ словомъ «пою»; два воззванія: къ духу стихотворства и къ вѣчности; наконецъ экспозиція, дающая знать читателю отношеніе Казани къ Россіи до начала войны.

Вѣрно-поэтическаго воспроизведенія нѣтъ и не могло быть въ Россіядѣ, какъ такой поэмѣ, которая сшита изъ подражаній Иліадѣ, Энеидѣ, Освобожденному Іерусалиму и Генріадѣ, и потому вышла смѣсью разнородныхъ элементовъ, не относящихся ни къ опредѣленной національности, ни къ опредѣленной исторіи. Отсюда всѣ недостатки ея дѣйствія, характеристикъ и чудеснаго. Недостатки дѣйствія: нѣтъ главнаго узла, счастливое разрѣшеніе котораго совершалось бы ходомъ событія; нѣтъ серьезныхъ препятствій, въ борьбѣ съ которыми главное лице могло бы выказать свою силу: зной, голодъ, чары, духи тьмы и другія противодѣйствующія силы не наносятъ дѣятелю вреда и уничтожаются какъ бы сами собою. Недостатокъ въ представленіи характеровъ: Іоаннъ, русскіе князья и защитники Казани являются то въ видѣ греческихъ или троянскихъ героевъ, то въ видѣ крестоносцевъ. Въ Іоаннѣ видишь черты и Энея и Годфреда, въ Курбскомъ—Ринальда, въ Сумбекѣ—Дидоны и Армиды вмѣстѣ. Курбскій говоритъ даже о храненіи рыцарскаго чина; татарскій витязь Гидромиръ наблюдаетъ рыцарскій уставъ; Троекуровъ, словно одинъ изъ воиновъ Иліады, снимаетъ доспѣхи съ убитаго врага; Эдигеръ, слѣдуя іудейскому обычаю, раздираетъ свою одежду и посыпаетъ пепломъ главу. Недостатокъ въ чудесномъ: оно состоитъ или въ холодномъ олицетвореніи понятій, которое служитъ только риторической прикрасой, или въ противосмысленномъ сочетаніи древняго съ новымъ, языческаго съ христіанскимъ. Какъ у Виргилія Анхизъ, въ елисейскихъ поляхъ, показываетъ Энею его потомковъ; какъ у Вольтера св. Людовикъ открываетъ въ сновидѣніи Генриху IV рядъ королей, имѣющихъ за нимъ послѣдовать: такъ и Херасковъ заставляетъ пустынника Вассіана вести Грознаго на гору, въ храмъ добродѣтели, и въ книгѣ судебъ читать ему будущую судьбу Россіи. Обвороженный казанскій лѣсъ есть копія съ такого же лѣса, описаннаго Тассомъ: что въ Освобожденномъ Іерусалимѣ Исменъ, то въ Россіядѣ Нигринъ. Божества, духи, существа аллегорическія являются большею частію въ сновидѣніяхъ и дѣйствуютъ въ пользу той или другой стороны по безотчетному замышленію стихотворца, а вовсе не на основаніи какой-либо опредѣленной системы вѣрованій. Внѣшнее выраженіе Россіяды почти вездѣ искуственно. Отсутствіемъ простаго, естественнаго разсказа авторъ думалъ сообщить поэмѣ эпическое величіе, и сообщилъ ей монотонную высокопарность и надутость. Большая часть описаній сухи и однообразны. Нѣкоторыя изъ нихъ (напр. описанія казанскаго лѣса, зноя, Батыевой могилы, зимы, которую Нигринъ приводитъ изъ

Кавказской горы) удачны по языку. Въ послѣднемъ описаніи замѣчателенъ стихъ, изображающій владычество и суровость стужи:

Тамъ зримы кажутся вѣщаемы слова.

Вообще стихъ Хераскова для своего времени можетъ назваться хорошимъ. Если въ немъ нѣтъ энергіи и полета, то есть плавность и достаточная обработка.

За четыре года до Россіяды, явилась романтическая поэма или повѣсть «Душенька» (1775). Авторъ ея, Богдановичъ (Ипполитъ Ѳедоровичъ 1743—1803), подражалъ Лафонтенову разсказу: «Любовь Психеи и Купидона» (русскій переводъ 1769 г.); Лафонтенъ же подражалъ латинскому писателю Апулею, жившему во II в. по Р. Х. и написавшему романъ: «Превращеніе, или Золотой оселъ» (русскій переводъ, Кострова, 1780—1781).

Основная идея миѳа, знаменующаго стремленіе души (Психеи) къ высочайшему благу—любви (Купидону), первоначально возникла на востокѣ, откуда вошла въ греческія мистеріи. Платоническій философъ Апулей разсказалъ этотъ миѳъ, измѣнивъ его нѣсколько по духу своего времени, въ означенномъ сатирическомъ романѣ, который умно и оригинально изображаетъ недостатки современнаго общества: повсемѣстное суевѣріе, наклонность къ чудесамъ и магіи, обманы жрецовъ, дурную полицію въ римской имперіи. Въ основѣ всѣхъ превращеній «Золотаго осла» лежитъ идея души, погрязшей въ чувственности, матеріи, и потомъ, посвященіемъ въ таинства, очищенной и преображенной. Исторія Психеи скрываетъ, подъ покрываломъ вымысла, то ученіе, которое представлялось въ символическихъ обрядахъ таинствъ. Она есть образъ души, которая изъ горнила страданій выходитъ свѣтлою, причастною высшаго блаженства. Кромѣ того, въ ней являются мистеріи собственно-эротическія: душа женщины (Психея), утративъ свою невинность, долженствовала, какъ невольница любви (Венеры), пройти рядъ суровыхъ испытаній, чтобы стать достойною невѣстой небеснаго жениха Эрота (Купидона). Такимъ образомъ въ Апулеевомъ разсказѣ аллегорически представлены и очищеніе души вообще, и очищеніе души женской въ особенности.

Лафонтенъ отнесся къ своему оригиналу свободно: онъ заимствовалъ у Апулея матерію и ходъ басни, но измѣнилъ обстоятельства сообразно вкусу времени и своему собственному. Современный же вкусъ, по словамъ Лафонтена, стремился «къ шуткѣ и любезничанью» (se portait au galant et à la plaisanterie). Един-

ственною его цѣлью было нравиться читателямъ; а для этого слѣдовало, отъ начала до конца, шутить и любезничать. На миѳологію смотрѣлъ онъ, какъ на сплетеніе басенъ, «способныхъ только забавлять дѣтей». Миѳъ, это своего рода поэтическое созданіе, воплощающее религіозную идею въ извѣстную форму, не возбуждаетъ его сочувствія. Лафонтенъ смѣется надъ идеей, потому что въ миѳологическомъ чудесномъ видитъ дѣтскую забаву; а форма не плѣняетъ его на столько, чтобы онъ могъ питать къ ней артистическое уваженіе. Отсюда понятно значеніе Лафонтеновой повѣсти. Существенный недостатокъ ея—легкомысленный взглядъ на миѳологію, искаженіе классической красоты. Достоинствъ же надобно искать внѣ художественнаго воспроизведенія миѳа, т. е. въ предметахъ второстепенныхъ и постороннихъ. Сюда относятся: остроуміе, угождавшее тогдашнему вкусу публики, и поэтическое, хотя и не въ греческомъ духѣ, изображеніе нѣкоторыхъ частей вымысла, каковы, напримѣръ, плаваніе Венеры, портреты Купидона и Психеи. Иногда, увлекаясь красотами подлинника, Лафонтенъ какъ бы забывалъ свою задачу—смѣшить и забавлять читателей, и рисовалъ граціозныя картины, на которыя нельзя смотрѣть безъ удовольствія.

Значеніемъ Лафонтеновой повѣсти опредѣляется и значеніе «Душеньки», въ которой, сверхъ того, есть нѣкоторыя особыя отличія. Богдановичъ взялъ у Лафонтена и понятіе о миѳологіи, и невѣрное представленіе античныхъ сюжетовъ: какъ у французскаго баснописца Психея вышла француженкой, такъ у нашего автора она обратилась въ русскую дѣвицу. У Лафонтена также заимствованы и цѣль—угождать направленію современнаго вкуса, который «стремился къ любезностямъ и шуткѣ», и весь составъ сказки, отъ появленія на сцену Психеи до ея брака съ Амуромъ. Но Лафонтенъ, замѣтили мы, красоту древняго искусства замѣнялъ въ иныхъ мѣстахъ изображеніями въ духѣ искусства псевдо-классическаго, у которыхъ есть своя, условная, красота; угодничество современному вкусу не доводило его до пренебреженія изящнымъ вообще; въ остроумномъ разскащикѣ нерѣдко сказывался поэтъ. Напротивъ, Богдановичъ совершенно поддался шуткѣ, такъ что его «Душенька», если прилагать къ ней строгія требованія художественной критики, вышла какъ бы комической пародіей миѳа, въ которомъ нѣтъ ничего комическаго, Психеей, «вывороченной на изнанку», тогда какъ Апулеевъ разсказъ о судьбѣ царской дочери, прослывшей за красоту свою второю Венерой, трогателенъ и граціозенъ. Если же разсматривать «Душеньку» только по отношенію къ непосредственному образцу ея, т. е. къ Лафонтеновой

повѣсти, то и съ этой стороны критика окажется для нея невыгодною, по двумъ причинамъ: во-первыхъ, задавшись желаніемъ смѣшить читателей, Богдановичъ умышленно искажалъ каждый изящный образъ прибавкой какихъ-нибудь неизящныхъ подробностей; во вторыхъ, не умѣя передать подлинникъ сжатою и точною стихотворною рѣчью, онъ распространялъ его совершенно лишними чертами, отъ чего поэма вышла по объему больше Лафонтенова разсказа, если исключить изъ послѣдняго всѣ вставки, не принадлежащія собственно къ исторіи Купидона и Психеи. Для потвержденія этихъ словъ, достаточно сличить описаніе морскаго плаванія Венеры у обоихъ стихотворцевъ. Богдановичъ не ограничился однимъ жемчугомъ, посвященнымъ Венерѣ: онъ заставилъ Тритона «тащить» всѣ морскія сокровища; другому далъ онъ должность форейтора, который «бранится со встрѣчными» и велитъ имъ сворачивать съ дороги; третій «давитъ» дерзостныхъ чудовищъ; четвертый трубитъ въ коральный рогъ; пятый несетъ на-мѣсто зеркала «отломокъ горъ хрустальныхъ» (у Апулея—просто зеркало, у Лафонтена—un miroir fait de cristal de roche). Чтобъ защитить Венеру отъ солнечныхъ лучей, нашъ авторъ велѣлъ одному изъ тритоновъ «пускать къ-верху водные ключи», а сиренамъ «махать опахаломъ» (у Апулея—тритонъ умѣряетъ жаркіе лучи шелковой сѣткой; у Лафонтена—просто защищаетъ богиню отъ зноя). Уподобленіе зефировъ «пшеничному сѣмени»; выраженія: «пышатъ» въ трудахъ, «свиститъ» любовь на ухо, «дуетъ въ очи и уста», нарушаютъ изящество какъ постановкою неграціозныхъ образовъ, такъ и низведеніемъ серьезняго міра миѳологіи до шутки и смѣхотворства. Наконецъ шумъ, возня и многочисленность Венериной свиты отвѣчаютъ ли тому очарованію, которое долженствовала разливать вокругъ себя воплощенная прелесть, заставившая самого Иракла промѣнять палицу на веретено? Мы говорили о распространеніяхъ, которыя дозволялъ себѣ Богдановичъ, въ ущербъ поэзіи. Условія стихотворной рѣчи (метръ и риѳма) принудили его жертвовать точною мѣрою изображеній. У Лафонтена храмы Венеры «поросли травой»; у Богдановича—«травой и лѣсомъ». Къ «утесамъ, гидрамъ и драконамъ» подлинника, находившимся въ пустынной горѣ, жилищѣ дракона, русское подражаніе прибавило «бугры, пески, рвы, пещеры, глубины, львовъ, мегеръ, церберовъ и дромадеровъ». Въ подлинникѣ «музыка, услаждавшая Психею, была восхитительна, какъ будто бы управляли ею Орфей и Амфіонъ»; въ переложеніи, явилось еще третье лице—Аполлонъ. У Лафонтена: «сновидѣніе представило ей супруга въ

образѣ юноши, пятнадцати или шестнадцати лѣтъ, боговиднаго, прекраснаго, какъ Амуръ»; у Богдановича:

Явилъ супруга ей со всею красотою,
Со стройствомъ, нѣжностью, дородствомъ, бѣлизною,
Съ румянцемъ, краше багреца:
Явилъ подобіе младаго Аполлона
Иль, можно такъ сказать, прекрасна Купидона
Въ восьмнадцать лѣтъ, иль такъ почти,
Что былъ онъ близко двадцати,
И былъ во всей красѣ и славѣ.

Не смотря на свои недостатки, Душенька имѣла чрезвычайный, вполнѣ заслуженный успѣхъ. Понятія о миѳологіи и поэтическомъ творчествѣ стояли при Богдановичѣ на такой степени, что невѣрности поэмы относительно этихъ двухъ предметовъ не только не считались противорѣчіемъ дѣйствительности или возможности, но даже вмѣнялись въ большую заслугу. Для читателей Екатеринина вѣка переложеніе чужаго на родные обычаи и нравы было именно тѣмъ, чего они особенно желали и что имъ нравилось по преимуществу. Безъ пинаровки къ новому не нашли бы они удовольствія въ старомъ. Молодость общества, подобно молодости отдѣльнаго человѣка, выказывается тѣмъ, что оно во всемъ хочетъ видѣть себя и обо всемъ судитъ по себѣ. Душенька въ русскомъ сарафанѣ казалась несравненно милѣе гречанки Психеи. А забавный разсказъ и шутливый тонъ, конечно, цѣнились выше преданій и миѳовъ, въ которыхъ философія XVIII в. видѣла только плоды суевѣрія или выдумки жрецовъ. Кромѣ того, въ Душенькѣ есть положительныя достоинства, которыя сводятся къ одному—освобожденію поэтическаго разсказа отъ условныхъ, стѣснительныхъ формъ и правилъ, наложенныхъ на стихотворство обычаемъ и теоріей. Поэма Богдановича есть первое капитальное произведеніе въ такъ называемой легкой поэзіи, противоположной тому роду, который явился съ одной стороны въ эпическихъ повѣствованіяхъ, а съ другой въ торжественной лирикѣ. «На нашемъ языкѣ нѣтъ подобнаго рода стихотвореній», говоритъ издатель Душеньки, Ржевскій, въ предисловіи къ своему изданію (1783). И поэмы и оды строились на искуственно-возвышенный тонъ. Богдановичъ осмѣиваетъ риѳмотворческую напыщенность, говоря, что на Парнасѣ

. . . . отъ сѣвера бываетъ часто стужа,
И у Кастальскихъ водъ
Нерѣдко замерзалъ народъ.

Царевна чувствовала ужасную скуку, читая тяжеловѣсные стихи; по ея приказу, амуры должны были снова перевести «исправнымъ слогомъ» неудобопонятные переводы «извѣстнѣйшихъ творцовъ». Напротивъ, Душенька сложена «въ простотѣ и вольности». Легкій разсказъ, свободный тонъ пріятно поражали читателей, запуганныхъ надутымъ слогомъ эпиковъ и одописцевъ. Шутливому тону отвѣчало самое стихосложеніе. Вмѣсто александрійскаго стиха, усвоеннаго поэмой и драмой, и четырехстопнаго ямба, ставшаго обычнымъ размѣромъ одъ, Богдановичъ употребилъ вольный стихъ, разнообразный по количеству стопъ и сочетанію рѳмъ, «не безпокоя себя формой строкъ и не строя мѣрныхъ пѣсней». Этотъ разномѣрный стихъ отличался, по тогдашнему времени, рѣдкою чистотою, пріятностью, игривостью. Къ лучшимъ мѣстамъ поэмы, въ этомъ отношеніи, принадлежатъ: комическое изображеніе Сатурна, лирическое обращеніе къ Душенькѣ («Во всѣхъ ты, Душенька, нарядахъ хороша»), рѣчь ея Змѣю-Горынычу, сошествіе въ адъ, и пр. Успѣху повѣсти сильно содѣйствовали вольныя картины, которыя пріятно ласкали фантазію и чувство читателей, совершенно приходясь по вкусу времени, направленному «къ забавѣ и любезностямъ». Отзывъ Ржевскаго въ упомянутомъ предисловіи объясняетъ успѣхъ Душеньки именно этими качествами: «непринужденная вольность стиля, чистота стиховъ, удачный выборъ приличныхъ словъ по роду сей поэмы, а паче изобиліе поэтическихъ воображеній (разумѣется, по тогдашнимъ понятіямъ о поэзіи), мнѣ понравились».

Херасковъ, предки котораго произошли отъ рода валахскихъ бояръ Хереско, родился въ Переяславлѣ (полтав. губ.), воспитывался въ корпусѣ, по выходѣ изъ котораго (1751) сначала поступилъ въ армію, а потомъ (1755) перешелъ въ гражданскую службу—ассесоромъ при конференціи Московскаго университета и завѣдывалъ университетской типографіей. Около него стали группироваться воспитанники университета, имѣвшіе охоту къ словеснымъ наукамъ: Богдановичъ, Фонъ-Визины (двое братьевъ), Карины, Домашневъ, Булгаковъ, П. Потемкинъ... Сюда же примыкали Нарышкины, Ржевскій и другіе нѣсколько старшіе ихъ молодые люди. Всѣ они сотрудничали въ издававшихся Херасковымъ журналахъ: «Полезное увеселеніе» (1760—1761) и Свободные часы (1763). Въ томъ же 1763 г. былъ назначенъ директоромъ университета, а съ 1778 по 1801 занималъ должность куратора. Во время кураторства основалъ благородный пансіонъ при университетѣ (1779) и педагогическую семинарію (для приготовленія учителей, 1779), сдалъ Новикову въ аренду на десять лѣтъ университетскую типографію, книжную лавку и изданіе Московскихъ вѣдомостей, открылъ «собраніе университетскихъ питомцевъ» (1781). Херасковъ пользовался большимъ уваженіемъ современниковъ не только за свое авторство, но и за нрав-

ственныя качества. Благородство характера, искренняя любовь къ просвѣщенію, доброе покровительство даровитымъ молодымъ людямъ, преданнымъ наукѣ и литературѣ, заслужили ему справедливую благодарность Тогдашніе московскіе литераторы рѣдко что выпускали въ печать, не прочитавъ ему предварительно своего сочиненія. Онъ получилъ даже прозвище «старосты россійской литературы» (1).

Богдановичъ род. въ Малороссіи. Въ 1734 г. привезли его въ Москву и опредѣлили въ юстицъ-коллегію юнкеромъ. Первыя его стихотворенія, написанныя на 15-мъ году отъ роду, обратили на него вниманіе Мелиссино, директора москов. университета, и Хераскова. По совѣту послѣдняго, онъ записался въ университетъ вольнымъ слушателемъ. Съ этого времени онъ пользовался особымъ покровительствомъ творца «Россіяды», который помѣстилъ его въ своемъ домѣ, далъ направленіе первымъ его литературнымъ трудамъ и опредѣлилъ надзирателемъ надъ университетскими классами. Кн. Е. Р. Дашкова, знавшая Богдановича по стихотвореніямъ, которыя печатались въ «Полезномъ Увеселеніи», «Свободныхъ часахъ» и «Невинномъ упражненіи» (1763), доставила ему мѣсто переводчика въ иностранной коллегіи (1763). Чрезъ нѣсколько лѣтъ онъ былъ опредѣленъ секретаремъ посольства при саксонскомъ дворѣ и отправился съ министромъ, кн. Бѣлосельскимъ, въ Дрезденъ. Знаменитая картинная галерея этого города, безъ сомнѣнія, не осталась безъ вліянія на нѣкоторыя сцены и картины Душеньки. По возвращеніи въ отечество (1768), Богдановичъ, не оставляя службы, посвятилъ себя литературѣ. Вышедъ въ отставку (1795), уѣхалъ къ роднымъ въ харьковскую губ. и ум. въ Курскѣ (2).

§ 26. Переходимъ къ обзору поэтическихъ произведеній по родамъ ихъ, начиная съ лирики. Лирическая поэзія со времени Ломоносова быстро возрастала въ количественномъ отношеніи, не представляя важныхъ перемѣнъ въ своемъ характерѣ до появленія Державина. Между разными ея видами первенствовала ода, особенно похвальная. Восьмнадцатый вѣкъ былъ цвѣтущимъ періодомъ ея европейскаго развитія; но когда въ западной Европѣ она стала уступать господство другимъ формамъ лирики, у насъ она еще не выходила изъ моды. Безъ одъ не появлялся ни одинъ журналъ того времени. Роспись отдѣльнымъ ихъ изданіямъ занимаетъ большое мѣсто въ каталогахъ. Кромѣ того, ихъ много напечатано въ собраніяхъ сочиненій нашихъ авторовъ. Какое бы ни было спеціальное дарованіе русскаго стихотворца, но оно непремѣнно чинило набѣги на область торжественной лирики. Безъ одъ оставался въ его сочиненіяхъ замѣтный пробѣлъ, который онъ

---

1) Черты частной жизни Хераскова (Москвит. 1850, № 4); Краткая біографія и списокъ его сочиненій, М. Лонгинова (Рус. Архивъ 1873); Разсказы о немъ, Ю. Бартенева (ib. 1879, кн. 3).

2) О Богдановичѣ и его сочиненіяхъ, Карамзина (въ 10 № Вѣст. Евр. 1803 г.); Автобіографія, напечатанная г-мъ Геннади въ 4 № Отеч. Зап. 1853).

старался наполнить, какъ бы охраняя славу своего имени. Онъ былъ къ тому побуждаемъ не однимъ желаніемъ заявить универсальность своей дѣятельности, но и почетнымъ значеніемъ оды, которою, по словамъ Буало, поэтъ поддерживаетъ общеніе съ богами.

Въ литературѣ подражательной, гдѣ трудный процессъ органическаго зарожденія и развитія весьма часто замѣняется простымъ накопленіемъ фактовъ, исторія того или другаго рода словесныхъ произведеній представляетъ особыя явленія. Что легко перенесено извнѣ, не встрѣчая противодѣйствій внутри, то легко и распространяется, но, распространяясь, поддается скорому оскудѣнію, или даже искаженію. Первая прививка заимствованнаго отдѣляется небольшимъ періодомъ времени отъ ея крайностей; едва явятся удачные опыты подражаній, какъ уже надобно бояться ихъ вырожденія въ каррикатуру; по слѣдамъ увлеченій и пристрастія идетъ сатира, которая смѣется надъ тѣмъ, чему недавно работали. Такъ случилось и съ нашею ложно-классической одой. Въ то самое время, какъ являлись оды Ломоносова, Сумароковъ писалъ уже на нихъ пародіи, подъ именемъ «вздорныхъ» одъ. Начиная съ этихъ пародій и до сатиры И. Дмитріева «Чужой толкъ» (1795), пиндарическая лирика служила постоянною цѣлью насмѣшекъ, которыя были направлены на три предмета: на самый характеръ лирики, искуственной и однообразной, на бездарность пѣснопѣвцевъ и на злоупотребленіе поэтическаго вида, которое обращало каждый случай, важный и неважный, въ поводъ къ стихотворному славленію. Понятно, какъ должны были смотрѣть на оду сатирическіе журналы (1769—74 г.). Простому ихъ вкусу не могъ нравиться «громкій и высокій бредъ, въ которомъ стихотворъ лѣзъ на облака». Этими словами опредѣляетъ лироманію «Парнасскій Щепетильникъ», поставившій главною своею цѣлью осмѣивать бездарныхъ пѣвцовъ. Стихотвореніе: «Мысли» (въ «Вечерахъ»), даетъ ироническіе совѣты непризваннымъ послѣдователямъ Ломоносова, идущимъ вопреки природѣ: одописцы должны стараться о наборѣ стиховъ, которыхъ не понималъ бы никто, которые «гремѣли бы безъ разума». О замашкѣ рнемачей становить вселенную вверхъ дномъ въ минуты ихъ восторга, взятаго на прокатъ, говоритъ «Посланіе Княжнина къ кн. Дашковой». Его стихотвореніе, вѣроятно, переводное: «Отъ дяди стихотворца Рнемоскрипа», есть одна изъ лучшихъ сатиръ, напоминающая «Посланіе Попа къ доктору Арбутноту» (переводъ И. Дмитріева) и достойная стать рядомъ съ «Чужимъ толкомъ»:

Хоть скучный Риѳмоскрипъ, возы навьюча строфъ,
Его терпѣнію (1) сто тысячъ одъ подноситъ,
Онъ плодородіе его—хвалой навозитъ;
И, сердцемъ дань платя препакостнымъ стихамъ,
Хотя исподтишка въ кулакъ зѣваетъ самъ,
Но восхищается онъ явно каждой строчкой,
И всѣмъ любуется—и запятой, и точкой.
«Куда», онъ говоритъ, «какъ это все умно»!
Инымъ покажется запутано, темно;
Но то и хорошо: одни лишь низки слоги
Понятны всякому; а кто, равно какъ боги,
Высоко говоря, на крыліяхъ паритъ,
Тотъ долженъ не понять и самъ, что говоритъ.
То честь ли, коль творца такъ мало почитаютъ,
Что безъ разбора всѣ его стихи читаютъ,
Что приступъ всякому свободный, легкій къ нимъ,
Что чернь безчеститъ ихъ понятіемъ своимъ?.....

Крыловъ (баснописецъ) къ безсмыслію одъ присоединяетъ ихъ дерзкую лживость. Онъ выставляетъ безнравственный поступокъ стихотворца, который, на перекоръ истинѣ, отводитъ непремѣнныя квартиры добродѣтелямъ тамъ, куда онѣ заглянуть боятся, и ставитъ престолъ разуму въ такой головѣ, къ которой свищетъ сквозной вѣтеръ (повѣсть Каибъ, 1792). «Чужой толкъ» можно назвать панихидою громкой и пухлой одѣ. Не всѣ, конечно, оды подвергались осмѣянію, а только тѣ, въ которыхъ были презрѣны «и умъ простой, и чистый смыслъ», и которые спокойно лежали на книжныхъ полкахъ, «не оскверняемые дерзкою рукою читателей». Осуждая плодовитую бездарность, сатирики дѣлали оговорку въ избѣжаніе превратныхъ сужденій. При одномъ стихѣ «Чужаго толка», авторъ замѣчаетъ, что этотъ стихъ не можетъ относиться къ произведеніямъ Петрова, Хераскова, Державина. Приговоръ надъ одописцами, или одохватами, какъ ихъ тогда называли, не исключалъ похвалы, иногда заслуженной, а иногда и превышавшей заслуги, тѣмъ стихотворцамъ, которые продолжали дѣло Ломоносова. На пространствѣ между нимъ и тою перемѣною, которая произведена въ нашей лирикѣ Державинымъ, стоятъ Петровъ и Костровъ.

Если въ сочиненіяхъ Петрова обращать вниманіе только на его торжественныя оды, то къ нему справедливо прилагается толкъ старика, въ указанной сатирѣ Дмитріева. Онѣ страдаютъ напыщенностью и холодностью. Риторство заступаетъ въ нихъ мѣсто

1) Терпѣнію человѣка, хвалящаго всѣхъ все, въ томъ числѣ и оды.

поэтическаго одушевленія. «Опытъ историческаго словаря (1772), Новикова, имѣлъ право отозваться неблагопріятно о Петровѣ, даже послѣ того, какъ онъ написалъ прославленную оду «На побѣду россійскаго флота надъ турецкимъ, при Чесмѣ» (1770). «Въ сочиненіяхъ своихъ», говоритъ Словарь, «Петровъ напрягается идти по слѣдамъ россійскаго лирика (Ломоносова); и хотя нѣкоторые и называютъ уже его вторымъ Ломоносовымъ, но для сего сравненія надлежитъ ожидать важнаго какого-нибудь сочиненія и послѣ того заключительно сказать, будетъ ли онъ второй Ломоносовъ, или останется только Петровымъ и будетъ имѣть честь слыть подражателемъ Ломоносова». Не оды, которыя недостатокъ лиризма старались замѣнить искуственнымъ напряженіемъ и обиліемъ славянскихъ словъ, а посланія выказываютъ талантъ Петрова. Въ посланіяхъ онъ развязнѣе излагалъ свой образъ мыслей и его слогъ менѣе черствъ и тяжелъ. Одни изъ нихъ дидактическаго рода, другія относятся къ сатирамъ. На содержаніи первыхъ замѣтно вліяніе англійской литературы. Петровъ, воспитанникъ московской духовной академіи, былъ отправленъ (1770) Екатериною II въ Англію для образованія, гдѣ и прожилъ нѣсколько лѣтъ. Здѣсь онъ познакомился съ сочиненіями англійскихъ поэтовъ и ученыхъ. Особенно нравился ему Адиссонъ, какъ авторъ трагедіи «Катонъ». Въ посланіи къ Силову, сотоварищу по заграничной жизни, Петровъ, желая, чтобы «лучъ британскихъ умовъ озарилъ росскую грудь», упоминаетъ и о Катонѣ, монологи котораго, будучи выраженіемъ стоицизма, заучивались наизусть любителями нравственной философіи:

Межъ сладкихъ твоего глаголовъ Адиссона,
Межъ истинъ грознаго добротою Катона,
Дай мѣсто симъ строкамъ....

Есть современное свидѣтельство о вліяніи англійской науки и словесности на Петрова. Изъ него мы узнаемъ, что «разговоръ Петрова былъ свободенъ безъ разборчивости; что лѣтъ двѣнадцать назадъ толковалъ онъ катихизисъ, а нынѣ, кажется, способнѣе толковать Лукреція; что по его образу мыслить и чувствовать замѣтно, что онъ жилъ въ Англіи». А онъ жилъ тамъ въ то время, когда Локкова философія уже возъимѣла полное дѣйствіе на умы, когда деизмъ совершилъ кругъ своего развитія и шотландская школа философовъ утвердила систему новой нравственной философіи. Хотя тоже свидѣтельство думаетъ, что Петровъ приносилъ чувствительность въ жертву разуму, т. е. что преобладающій элементъ его лирики — рефлексія; однакожъ его посланія къ Потем-

кину отличаются отъ посланій другихъ стихотворцевъ къ меценатамъ искренней привязанностью и дружескимъ тономъ: въ нихъ нѣтъ ни раболѣпства, ни холодной торжественности. Петровъ называетъ его «своимъ другомъ», хвалитъ въ немъ доступнаго вельможу, любителя литературы и поэзіи, находившаго удовольствіе бесѣдовать съ нимъ о важныхъ предметахъ:

Ты пренья велъ со мной о промыслѣ и рокѣ,
О смерти, бытіи и цѣломъ міра токѣ.

Неизвѣстно, когда и по какому случаю Петровъ сблизился съ Потемкинымъ. Вѣроятно, это было вскорѣ по выходѣ послѣдняго изъ московскаго университета. Потемкину онъ былъ обязанъ мѣстомъ кабинетнаго переводчика и чтеца Государыни (1769), почему въ письмѣ къ ней изъ Лондона (1774) говоритъ: «я имѣлъ честь нѣкогда слыть карманнымъ вашего величества стихотворцемъ». Сатирическій талантъ Петрова виденъ въ посланіи его «Къ...., изъ Лондона», составляющемъ какъ бы отвѣтъ на отзывъ «Историческаго словаря». Здѣсь остроумно осмѣяны метроманія и восхваленіе стихотворцевъ пріятелями или невѣждами-патронами. Нѣкоторыя мѣста направлены противъ Новикова, какъ издателя Словаря, противъ Сумарокова, не терпѣвшаго чужихъ успѣховъ въ литературѣ и, вѣроятно, доставившаго въ Словарь мнѣніе о Петровѣ, и противъ Аблесимова, также писавшаго критики на современныя произведенія поэзіи. Другая сатира Петрова: «Приключеніе Густава III, короля шведскаго» (1788), любопытная, какъ выраженіе тогдашнихъ чувствъ по поводу войны съ шведами, не представляетъ ни поэтическаго, ни стихотворнаго достоинства: слогъ ея неуклюжъ, остроуміе натянуто.

Въ первыхъ лирическихъ стихотвореніяхъ (до 1780 г.), Костровъ слѣдовалъ Ломоносову, подражая главнымъ отличіямъ его торжественныхъ одъ. Съ появленія «Фелицы», Костровъ отступилъ отъ напряженно-риторическаго тона лирики и началъ думать о болѣе простомъ и естественномъ выраженіи своихъ чувствъ. Измѣнилась самая внѣшность его піесъ: четырехъ-стопный ямбъ, укрѣпленный Ломоносовымъ за одой, уступилъ мѣсто другимъ стихотворнымъ метрамъ. Въ послѣдствіи, Костровъ даже написалъ сатиру на громкія, парящія оды, хотя и продолжалъ сочинять ихъ на разные случаи отъ имени московскаго университета, будучи его привилегированнымъ, оффиціальнымъ поэтомъ. Нѣкоторыя особенности его стихотвореній, сравнительно съ однородными стихотвореніями Ломоносова, Сумарокова и Петрова, объясняются вліяніемъ переводовъ, которыми онъ занимался. Апулеевъ романъ и пѣсни

Оссіана сообщили имъ элементъ нѣжности; среди ихъ громкоторжественныхъ тоновъ слышны порою идиллическіе или эротическіе мотивы; наряду съ величественными образами Юпитера, Нептуна, Марса, Минервы являются образы другихъ языческихъ божествъ: Венеры, Зефировъ, Амура, Грацій, Нимфъ, Нереидъ и т. п. Такъ «Эпистола къ Суворову, на взятіе Измаила», подлѣ грознаго бога войны ставитъ Зефировъ и Венеру; такъ и въ «Письмѣ къ Державину», Нимфы внимаютъ стихамъ «Фелицы»: онѣ вышли изъ Невы, «имѣя волосы, украшенные кораллами, и нѣжно колеблясь поверхъ зыбей». Подражаніе Апулеевой Психеѣ или Душенькѣ Богдановича наиболѣе замѣтно въ эклогѣ «Три граціи» (въ день рожденія в. к. Александры Павловны), въ идилліи «Каллидоръ» (въ именины И. И. Шувалова) и въ эротическихъ піесахъ. Въ похвалахъ отъ земли, произносимыхъ Евфросиной, читатель узнаетъ описаніе Душенькина сада, а похвала отъ лица моря, произнесенная другой граціей (Таліей), есть не что иное, какъ измѣненное описаніе морской поѣздки Венеры. Гораздо слабѣе подражаніе Оссіану; оно сказывается въ двухъ-трехъ мѣстахъ, не болѣе: въ уподобленіи россіянъ высокому холму, которое принадлежитъ къ частымъ мотивамъ Оссіанова эпоса, и въ обращеніи къ солнцу (Ода на открытіе губерніи въ Москвѣ, 1782), заимствованномъ изъ пѣсни барда Уллина по возвращеніи Фингала съ брани.

Непосредственное вліяніе англійской науки видно также на Михаилѣ Муравьевѣ (1757—1807), литераторѣ, получившемъ основательное и многостороннее образованіе. Знаніе древнихъ и новыхъ языковъ (греч., лат., франц., нѣм., англ. и итал.) доставило ему возможность читать въ подлинникахъ классическія произведенія ученыхъ и поэтовъ, переводить Горація и Виргилія и подражать имъ. По назначенію императрицы Екатерины II, онъ преподавалъ ея внукамъ, великимъ князьямъ Александру и Константину, русскую словесность, русскую исторію и нравственную философію. Содержаніе его уроковъ по этимъ предметамъ кратко изложено въ небольшихъ статьяхъ, изданныхъ подъ заглавіемъ: «Опыты исторіи, письменъ и нравоученія» (1796). Въ руководство къ послѣдней наукѣ, Муравьевъ принялъ труды шотландскихъ философовъ: Адама Смита, Гютчесона, Фергюсона, Рида, Лорда и Кемса. Наиболѣе ссылается онъ на «Теорію нравственныхъ чувствованій», Смита, который выводитъ все ихъ многоразличіе изъ одного начала—симпатіи, соединяющей насъ съ обществомъ и человѣчествомъ. За тѣмъ онъ пользовался изслѣдованіями Гютчесона «о происхожденіи идеи красоты и добродѣтели», доказавшими

существованіе врожденнаго нравственнаго чувства, которому также свойственно различать добродѣтель, какъ глазу свѣтъ и краски. «Есть красота физическая, поражающая чувства наши въ твореніяхъ природы и искусствъ; есть и красота нравственная, ощутительная одному разумѣнію нашему, въ нравахъ, въ поступкахъ людей, въ ихъ чувствованіяхъ и словахъ... Не могутъ намъ нравиться недостатки тѣлесные, дурное обращеніе, глупость отвратительная; равно порокъ внушаетъ ненависть». Лордъ Шефтсбюри сообщилъ Муравьеву раздѣленіе страстей на «корыстолюбивыя», имѣющія въ виду частное благо, и доброжелательныя которыми мы «переносимся въ состояніе другихъ и присвояемъ себѣ счастіе ближняго», равно какъ и оправданіе первыхъ, если только онѣ «не побуждаютъ пріобрѣтать частнаго блага посредствомъ общаго». У того же писателя заимствовано оптимистическое воззрѣніе на міръ: «самое зло, которое приключается намъ частно, ежели оно обращается во благо цѣлой, нами необъемлемой системы существованія, не заслуживаетъ именованія зла и не прекословитъ благости Вышняго Существа». Понятія о добродѣтели, какъ высочайшемъ благѣ, о согласіи страстей съ разумомъ, о повсемѣстности счастія, разлитаго по всей природѣ, перешли въ сочиненія Муравьева изъ «Опыта о человѣкѣ».

Эти основы, или «черты», нравоученія отразились на чисто-литературныхъ трудахъ Муравьева. Чему училъ онъ въ своихъ урокахъ, то самое встрѣчается въ его стихахъ и прозѣ. Слѣдуя Смиту, онъ самою благородною независимостію называетъ «независимость отъ внѣшнихъ случаевъ и отъ внутреннихъ колебаній и страстей»; слѣдуя Попу, полагаетъ верховное счастіе въ добродѣтели, а главное достоинство добродѣтельнаго человѣка во владычествѣ надъ самимъ собою. Нравственное одобреніе, т. е. одобреніе совѣсти, ставитъ онъ выше всѣхъ возможныхъ наградъ, и потому требуетъ, чтобы отъ вниманія человѣка ни на одну минуту не укрывался его «внутренній человѣкъ, сей полубогъ, живущій въ груди его», чтобы «очами сего величественнаго обитателя онъ взиралъ на все, до него касающееся». Нѣкоторые уроки Муравьева, освобождаясь отъ догматизма, принимали тонъ горацiанскаго посланія или горацiанской оды. Таковы статьи: «о блаженствѣ» и «о владычествѣ надъ самимъ собою».

«Сочиненія Муравьева, говоритъ Карамзинъ, «изображаютъ прекрасную, нѣжную душу его, исполненную любви къ общему благу. Каковъ онъ былъ въ мысляхъ и чувствованіяхъ, таковъ и въ дѣлахъ. Страсть къ ученію равнялась въ немъ съ страстію къ добродѣтели». Не всѣ знали и знаютъ его частную жизнь, но всѣмъ

образованнымъ Русскимъ должны быть извѣстны его общественныя, гражданскія заслуги. Императоръ Александръ I, по вступленіи на престолъ, приблизилъ къ себѣ своего бывшаго наставника. Состоя (1801) при особѣ государя у принятія прошеній, подаваемыхъ на высочайшее имя, Муравьевъ имѣлъ возможность выказывать постоянно одушевлявшую его любовь къ ближнимъ. Исторія народнаго просвѣщенія съ благодарностью отмѣчаетъ его дѣятельность, какъ товарища министра (1803), а въ исторіи московскаго университета онъ навсегда останется памятнымъ, какъ его попечитель, управленіе котораго дало новую жизнь этому учебному учрежденію. Ходатайству Муравьева Карамзинъ былъ обязанъ званіемъ историографа, которое позволило ему заняться «дѣломъ, славнымъ для самого автора и не безславнымъ для Россіи». Гдѣ предстояла надобность трудиться для успѣховъ искусствъ и наукъ, драгоцѣнныхъ его сердцу, тамъ онъ почиталъ трудъ своимъ долгомъ, наградой и счастіемъ. Онъ былъ, употребляя его выраженіе, «всегда и вездѣ готовъ на пользу общую».

Костровъ (Ермилъ Ивановичъ, † 1796), сынъ государственнаго крестьянина вятской губ., учился сначала въ вятской семинаріи, потомъ въ московской духовной академіи, наконецъ въ московскомъ университетѣ, гдѣ получилъ степень баккалавра. Кромѣ стихотвореній на замѣчательныя событія, извѣстенъ какъ переводчикъ восьми съ половиною пѣсенъ Иліады (александрійскими стихами), Апулеева романа: «Превращеніе, или золотой оселъ», и гальскихъ стихотвореній: «Оссіанъ, сынъ Фингаловъ, бардъ III вѣка» (Моя статья о сочиненіяхъ Кострова и Аблесимова, въ Отеч. Зап. 1851, № 9; «Костровъ», въ Филологическихъ Запискахъ 1876 г.).

Петровъ (Василій Петровичъ) обучался въ московской духовной академіи, гдѣ, по окончаніи курса, былъ преподавателемъ. Рекомендація Потемкина, товарища его по ученью, доставила ему въ 1769 г., мѣсто кабинетнаго переводчика и чтеца государыни. Потомъ былъ отправленъ въ Англію для образованія. По возвращеніи въ Петербургъ, опредѣленъ придворнымъ библіотекаремъ. Вышелъ въ отставку 1780 г. Сочиненія его изданы въ 1811 г.—Сатирическое его стихотвореніе: «Приключеніе Густава III, короля шведскаго, 1788 г. іюля 6», нап. въ Рус. Старинѣ 1878 г., т. 23.

М. Н. Муравьевъ род. въ Вологдѣ, воспитывался въ москов. университетѣ, гдѣ слушалъ лекціи философіи у Барсова и Шадена; признательность имъ выражена въ «Посланіи къ И. П. Тургеневу, товарищу его по ученію и другу. По окончаніи курса, служилъ въ гвардіи. Въ 1785 г. поступилъ въ число воспитателей при в. к. Александрѣ Павловичѣ и Константинѣ Павловичѣ. Въ 1800 г. назначенъ сенаторомъ, а въ 1801 состоялъ при императорѣ Александрѣ I у принятія прошеній, подаваемыхъ на высочайшее имя. Въ 1803 г. назначенъ товарищемъ министра народнаго просвѣщенія и попечителемъ московскаго университета, въ како-

вомъ званіи и находился до самой смерти. Изданія его сочиненій, въ 2 ч. (1819, 1847, 1856).

Капнистъ (Василій Васильевичъ 1757—1824) род. въ имѣніи отца своего—деревнѣ Обуховкѣ (полтав. губ. миргородскаго уѣзда), которую изобразилъ въ особомъ стихотвореніи, подражая Горацію (кн. II, ода 18). Начальное воспитаніе получилъ дома, при чемъ хорошо ознакомился съ франц. языкомъ. Затѣмъ отвезенъ въ Петербургъ и помѣщенъ въ школу измайловскаго полка. Въ послѣдствіи перешелъ въ статскую службу (въ почтовомъ департаментѣ подъ начальствомъ Безбородки), но скоро вышелъ въ отставку и поселился въ деревнѣ. Капнистъ былъ знакомъ съ древними языками и любилъ особенно Горація. Замѣчательно его мнѣніе о способѣ переводить Гомера на рус. языкъ. Лирическія его стихотворенія (изданіе 1806) содержатъ въ себѣ оды духовныя, торжественныя, нравоучительныя, элегическія, гораціанскія и анакреонтическія. Но онъ болѣе извѣстенъ какъ авторъ комедіи Ябеда, чѣмъ какъ лирикъ. Собраніе его сочиненій издано Смирдинымъ (1849).

§ 27. Репертуаръ нашего театра, до семидесятыхъ годовъ, держался преимущественно на трагедіяхъ Сумарокова, комедіяхъ Мольера и другихъ піесахъ того же направленія, частію переводныхъ, частію принаровленныхъ къ русскимъ нравамъ. Подрывъ довѣрія къ ложно-классической системѣ, въ теоріи или на практикѣ, былъ бы сочтенъ за явный признакъ безвкусія. Петербургская сцена въ особенности хранила вѣрность преданіямъ французской Мельпомены. Сумароковъ, и до переѣзда своего въ Москву, и послѣ переѣзда, ревниво отстаивалъ неприкосновенность героической трагедіи, взирая на себя, какъ на присяжнаго ея цѣнителя и стража. Онъ могъ величаться этимъ дѣломъ, общимъ для него и для Вольтера, которому, подъ конецъ жизни, пришлось также обличать упадокъ драматической поэзіи во Франціи. Слова нашего сатирика: «ужели Москва повѣритъ болѣе подьячему, нежели г. Вольтеру и мнѣ?» имѣли значеніе, при всей ихъ комичности: они показывали однородность литературныхъ явленій въ двухъ разныхъ странахъ. Но это однообразіе театральнаго репертуара начинаетъ, со второй половины прошлаго вѣка, оживляться притокомъ свѣжихъ элементовъ. Трагедіи и комедіи французскаго покроя, владѣвшія до того времени исключительнымъ вниманіемъ публики, встрѣчаютъ протововѣсіе въ драмахъ инаго содержанія и иной формы. Новыя піесы переводятся и сочиняются большею частію въ Москвѣ; московская сцена охотно оказываетъ имъ радушный пріемъ, къ крайнему неудовольствію тѣхъ любителей театра, для которыхъ Расинъ и Мольеръ были единственными образцами. Восполняя односторонность прежняго направленія, давая бо́льшій просторъ сценическому искуству, новыя піесы содѣйствовали успѣ-

хамъ нашего театра и кромѣ того представляютъ извѣстный интересъ въ исторіи нашихъ эстетическихъ понятій.

Прежнее направленіе драмы поддерживалось столько же переводами, сколько подражаніями и оригинальными сочиненіями. Въ теченіе семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ перешли въ нашу литературу почти всѣ главнѣйшія піесы Корнеля, Расина, Вольтера, Мольера. Нѣкоторыя изъ нихъ были переводимы два и три раза; многія достигали втораго изданія. Княжнину (1742—1791) приписываютъ переложеніе бѣлыми стихами трагедій Корнеля: **Сидъ, Смерть Помпея** и Цинна. Въ исторіи нашей драмы онъ слѣдуетъ непосредственно за Сумароковымъ, какъ его преемникъ. Въ трагедіяхъ своихъ: Дидона (1769), Владиміръ и Ярополкъ (1772), Рославъ (1784), Титово милосердіе (1785), Софонисба (1786), Владисанъ (1786) и Вадимъ (1789), онъ слѣдовалъ трагической системѣ французовъ. Ни въ содержаніи, ни въ формѣ ихъ нѣтъ того, что́ исторія поэтическихъ родовъ считаетъ существеннымъ успѣхомъ или по крайней мѣрѣ замѣчательнымъ видоизмѣненіемъ. Княжнинъ уступалъ своему предшественнику въ трагическомъ дарованіи, необходимомъ для самобытной дѣятельности какого бы то ни было размѣра. Пушкинъ былъ правъ, назвавъ его «переимчивымъ». За исключеніемъ Рослава и Вадима, въ каждой піесѣ его очевидно подраженіе, которое иногда малымъ чѣмъ отличалось отъ перевода и доходило «до неправеднаго присвоенія чужой собственности»: такъ образцами «Дидоны, служили «Оставленная Дидона», Метастазія, и «Дидона», Лефрана-Помпиньяна; въ «Ярополкѣ и Владимірѣ» скопирована Расинова «Андромаха»; «Софонисба» заимствована у Триссино и Вольтера, изъ піесъ того же названія; «Владисанъ» повторяетъ Вольтерову «Меропу». О «Титовомъ милосердіи» говорить нечего: оно почти цѣликомъ принадлежитъ Метастазію. Трагедіи Княжнина отличаются отъ трагедій Сумарокова несущественными, внѣшними свойствами, которыхъ, однакожъ, не слѣдуетъ называть дѣйствительными преимуществами. Первое изъ этихъ отличій относится къ выраженію: Княжнинъ превосходитъ Сумарокова чистотою языка и болѣе складнымъ строеніемъ стиха, но за то въ его діалогѣ нѣтъ движенія, которое замѣтно у Сумарокова. Шумные монологи Княжнина поражаютъ читателя съ перваго раза, но не оставляютъ за собою внутренняго отголоска: это не драматизмъ, а реторика. Новостью у Княжнина былъ также сюжетъ Рослава, «гдѣ не обыкновенная страсть любви, которая на россійскихъ театрахъ только одна была представляема, но страсть великихъ душъ, любовь къ отечеству, изображена»; но эта новость касается перемѣны въ выборѣ трагической страсти, а

не эстетическаго выполненія. По выполненію, Рославъ вышелъ такимъ же сверхъестественнымъ чудомъ героизма, какъ Димитрій Самозванецъ сверхъестественнымъ чудомъ зла. Важнѣйшимъ отличіемъ трагедій Княжнина служитъ, какъ намъ кажется, внушенное ему Корнелемъ стремленіе изображать качества «великихъ душъ». Долгу, которымъ заявляется гражданское величіе, отдаетъ онъ преимущество надъ любовью, въ которой женская натура выказываетъ свое торжество. Рославъ говоритъ:

Тиранка слабыхъ душъ, любовь—раба героя.
Коль счастья съ должностью не можно согласить,
Тогда пороченъ тотъ, кто хочетъ счастливъ быть.

Сципіонъ, олицетвореніе суроваго Рима, безжалостно объявляетъ Массиниссѣ (въ траг. Софонисба):

Священной должности я твердый исполнитель,
Для сей я должности и твой теперь мучитель.

Свадель, вельможа Ярополка, облеченъ «жестокостью благонравія». Онъ положилъ влечь братьевъ-соперниковъ «отъ стыда къ славѣ», т. е. «отъ страсти къ должности». Онъ не измѣнитъ своимъ правиламъ, хотя бы отъ того рушился міръ. Человѣческая личность важна для него на столько, на сколько она способна къ героизму. Задумавъ исцѣлить Владиміра отъ злой страсти, онъ радостно восклицаетъ:

Исчезнетъ человѣкъ—останется герой!

Но величественное выражается въ трагедіяхъ Княжнина не столько дѣлами, сколько словами, и въ этихъ словахъ больше пышности и грома, чѣмъ истинной, душевной силы. Мерзляковъ, въ разборѣ Рослава, справедливо замѣтилъ, что этотъ герой, какъ молотомъ, поражаетъ датскаго короля Христіерна громкими изреченіями, заимствованными у Корнеля, Расина и Вольтера (въ III явленіи 3-го дѣйствія).

По отношенію къ эпохѣ, трагедіи Княжнина стоятъ на ряду съ лучшими произведеніями современной имъ литературы. Въ нихъ разсѣяны здравыя понятія о человѣколюбіи, гражданскомъ долгѣ, истинной чести, высокомъ патріотизмѣ, составлявшія, такъ сказать, нравственный катихизисъ каждаго, кто причислялъ себя къ русскимъ европейцамъ XVIII в. Разговоры дѣйствующихъ лицъ выражаютъ благородный образъ мыслей автора, его безупречное служеніе музамъ:

Однѣ заслуги чтя, моя не подла муза;
Бѣжа порочнаго со лестію союза,
Въ терпѣніи своемъ несчастна, но тверда,
Не приносила жертвъ фортунѣ никогда.

Княжнинъ, говоря его словами, измѣрялъ заслуги «не по восторгу, а по уму», и оттого похвалы имъ «исполнены у него правды, а не мечты». Эту правдивую, умную похвалу видимъ въ «Титовомъ милосердіи», гдѣ римскій императоръ нерѣдко заступаетъ мѣсто русской царицы. Современные зрители такъ и понимали его дѣла и рѣчи. Они имѣли право ссылаться на кроткія мѣры «Наказа» противъ преступленій, когда слушали монологи о прощеніи порочному человѣку, сознавшему свои пороки, или о презрѣніи къ клеветникамъ, которые желали ложными слухами возставить Римъ противъ его владыки, или о томъ, что «нерѣдко въ строгости законы суть неправы». На дары, собранные отъ подвластныхъ народовъ, римляне хотѣли воздвигнуть Титу храмъ; сенатъ предложилъ ему имя отца отечества. Титъ не принялъ священнаго титла, довольный тѣмъ, что заслужилъ его, а дары велѣлъ раздать пострадавшимъ отъ изверженій Везувія. Прекрасный стихъ его:

Да будетъ храмъ мой—Римъ, алтарь—сердца гражданъ,

могъ быть примѣняемъ къ сходственнымъ событіямъ въ царствованіи Екатерины: она также отклонила отъ себя титулы «великой, премудрой и матери отечества», поднесенные ей общимъ собраніемъ депутатовъ (1767), замѣтивъ, въ отвѣтной рѣчи, что почитаетъ за долгъ свой любить врученныхъ ей Богомъ поддапныхъ и что быть отъ нихъ любимою есть ея желаніе; она же опредѣлила (1780) внести въ приказъ общественнаго призрѣнія, на полезныя дѣла, тѣ деньги, которыя собрало дворянство петербургской губерніи, желавшее устроить торжественную ей встрѣчу по возвращеніи ея изъ поѣздки въ Бѣлоруссію.

Какъ человѣкъ образованный, искренно любившій словесность, какъ секретарь Бецкаго по управленію воспитательными учрежденіями, Княжнинъ былъ вполнѣ и открыто преданъ гуманнымъ идеямъ своего времени: поэтому въ его сочиненіяхъ нерѣдко встрѣчаемъ то самое, что намъ уже знакомо изъ другихъ авторовъ. Такъ «Рѣчь, произнесенная имъ въ академіи художествъ при первомъ выпускѣ ея питомцевъ (1779)», говоритъ о важности новаго воспитанія, которымъ «упадшее человѣчество возводится на степень человѣчества», о вредѣ разума безъ благонравія, этого «украшенія народовъ», о намѣреніи создать въ Россіи среднее

сословіе,—невиданную у насъ дотолѣ степень гражданства». «Посланіе къ питомцамъ свободныхъ художествъ (1783)», признавая необходимость просвѣщенія для художника, который «безъ наукъ равенъ ремесленнику», въ тоже время положительно утверждаетъ, что «исправленные нравы важнѣе наукъ», что «прежде всякихъ талантовъ намъ нуженъ человѣкъ». Въ эпоху литературной дѣятельности Княжнина, настроеніе умовъ или, выражаясь языкомъ тогдашняго времени, «умоположеніе» писателей было одинаковое. Каждый изъ нихъ старался, въ той или другой формѣ, заявить свои начала и тенденціи. Трагедія служила однимъ изъ лучшихъ къ тому средствъ: ея сюжеты сильнѣе дѣйствовали на воображеніе; ея стихи прочнѣе удерживались памятью. Вольтеръ давно уже показалъ, какъ можно сцену обратить въ трибуну и заставить трагическое чувство служить не искусству, а цѣлямъ, ему постороннимъ и отъ него не зависящимъ. Примѣръ его нашелъ подражателей въ Сумароковѣ, Княжнинѣ и другихъ, менѣе талантливыхъ авторахъ. Въ числѣ послѣднихъ долженъ быть упомянутъ Николевъ (1758—1815). Москва видѣла въ немъ опаснаго соперника Княжнину. Особенный шумъ произвела его трагедія «Сорена (1785)», благодаря сильнымъ стихамъ (des vers à retenir), написаннымъ въ духѣ Вольтерова «Брута».

Въ комедіяхъ Княжнина много остроумія и соли; они приправлены къ русской жизни, хотя и не могутъ назваться оригинальными; нѣкоторыя ихъ лица знакомятъ насъ съ современными нравами. По этимъ качествамъ, двѣ главныя его комедіи: «Хвастунъ (1786)» и «Чудаки (соч. 1790, нап. 1793)», долго держались на сценѣ и дали поводъ къ подражаніямъ, изъ которыхъ упомянемъ о «Новыхъ чудакахъ (1798)», кн. Алексѣя Голицына.

Сюжетъ «Хвастуна» заимствованъ изъ комедіи де-Брюйе: «L'important de cour». Идея комедіи—тщеславіе, стараніе «казаться, а не быть», стремленіе завѣрить другихъ въ своей знатности, въ величіи общественнаго положенія, въ силѣ вліянія на дѣла и людей. Средство, для того употребляемое—ложь, хвастовство, отъ чего піеса и получила названіе: Верхолетъ (хвастунъ) хвалится своимъ значеніемъ при дворѣ, множествомъ должностей, имъ занимаемыхъ, властью раздавать какія-угодно мѣста, даже сенаторскія, перепиской съ королями. Цѣль хвастовства—жениться на дочери богатой и глупой госпожи Чванкиной, легко идущей на приманку тщеславія, какъ видно по ея фамиліи. Затѣямъ Хвастуна полагаетъ конецъ полиція: благочинный уничтожаетъ его мнимое графство, открываетъ всѣмъ глаза и сажаетъ обманщика въ сми-

рительный домъ. Служанка Марина заключаемъ піесу нравственнымъ урокомъ:

Чтобъ глупо не упасть и чтобъ не осрамиться,
Такъ лучше не въ свои намъ сани не садиться.

Въ комедіи есть нѣкоторыя вѣрныя черты современныхъ нравовъ. Запуганная Верхолетомъ, Чванкина боится признать Честона Честономъ, хотя и знаетъ его какъ самое-себя:

Такъ чтожъ, что ты Честонъ? хоть знаю, да не вѣрю.

Ея увѣренность, что «тотъ вѣчно не вздыхаетъ и постоянно веселъ, кто не глядѣлъ въ книги»; ея совѣты дочери, что «долженъ завсегда чинъ чина почитать», и потому въ сердцѣ молодой дѣвушки,

Чтобъ не подвергнуться законовъ строгихъ штрафу,
Такъ долженъ уступить дворянчикъ мѣсто графу;

досада Простодума на Честона, который не вѣритъ знатности Простодума и котораго за то называетъ «сущимъ атеистомъ», принадлежатъ къ комическимъ сценамъ и выходкамъ и не остались безъ подражанія. Для чего Простодуму (дядѣ Верхолета) хочется сенаторскихъ креселъ? Что побуждаетъ его занять ту должность,

Въ которой, дѣйствуя, онъ только что вредитъ;
Не дѣйствуя, смѣшонъ, за то, что пнемъ сидитъ?

Конечно, не жажда полезной дѣятельности, а мелкое желаніе задать страху сосѣдямъ-помѣщикамъ, удивить ихъ своимъ вельможествомъ:

Когда у насъ о томъ услышатъ въ деревняхъ,
Всплеснувъ руками, всѣ дворяне скажутъ: ахъ!
Которые себѣ въ богатствѣ мѣръ не ставятъ,
Которые меня своею спесью давятъ,
Увидя пыхи тамъ вельможески мои,
Опустятъ крылышки, какъ мокры воробьи....
Я также ихъ пожму во время сенаторства
И покажу мои имъ разныя проворства.
Покрѣпче буду ихъ держать въ моихъ рукахъ
И, какъ на собственныхъ, на ихъ косить лугахъ.

Такъ точно въ комедіи «Ревизоръ» городничему хочется «влѣзть въ генералы», чтобы имѣть удовольствіе обѣдать вмѣстѣ съ губернаторомъ и безъ задержки получать почтовыхъ лошадей.

Покровительство Верхолета обходится дядѣ не дешево: послѣдній предлагаетъ ему три тысячи рублей, которые скопилъ

> Не хлѣбомъ, не скотомъ, не выводомъ телятокъ,
> Но кстати въ рекруты торгуючи людьми.

Любопытны прошенія, поданныя Верхолету (дѣйствіе II, явленіе 4): въ одномъ представленъ сочинитель похвальныхъ одъ, начертанный и Крыловымъ въ повѣсти «Кашбъ», и Клушинымъ въ «Портретахъ», подъ именемъ Одохвата (Зритель, 1792); въ другомъ является Мерсье де ла Ривьеръ, приглашенный Екатериною въ Россію (1775) для совѣтовъ по законодательству, но по своимъ проэктамъ, самолюбію и тщеславію оказавшійся смѣшнымъ, почему и былъ выведенъ въ пьесѣ: «Управляловъ», написанной графомъ Кобенцелемъ, австрійскимъ посланникомъ при нашемъ дворѣ. На подобныхъ искателей фортуны указываетъ также статья Зрителя: «Передняя знатнаго барина».

Вторая комедія Княжнина имѣетъ много общаго съ «Страннымъ человѣкомъ (L'homme singulier)», Детуша, но отличается отъ французской піесы тѣмъ, что выставляетъ не одного чудака, а цѣлую галерею чудаковъ, почему и заключена такими стихами:

> ....Всякій, много ли иль мало, но чудакъ,
> И глупость, предстоя при каждаго рожденьѣ,
> Намъ всѣмъ дурачиться даетъ благословенье.

«Чудаки» собственно не комедія, т. е. не органическое развитіе единаго комическаго дѣйствія, а собраніе характеровъ или портретовъ, съ которыми зритель знакомится въ отдѣльныхъ сценахъ, не представляющихъ внутренней необходимости и связи. Первый между ними — Лентягинъ, сынъ купца, недавно вышедшій въ дворянство, владѣлецъ «несмѣтнаго богатства». Онъ пріѣхалъ изъ провинціи въ столицу для пріисканія достойнаго жениха своей дочери Улинькѣ. Подражая Детушу, Княжнинъ сдѣлалъ Лентягина философомъ, ведущимъ жизнь по-своему, совершенно иначе, чѣмъ всѣ другіе. Какъ у Детуша «Странный человѣкъ» называетъ своего слугу «monsieur», обнимаетъ его и сажаетъ съ собой рядомъ, одѣвается по старомодному, уѣзжаетъ въ деревню на зиму, когда всѣ съѣзжаются въ городъ, и остается въ городѣ въ то время, когда всѣ живутъ на дачахъ, не провожаетъ никогда своихъ гостей, находя вѣжливость пустымъ обычаемъ, среди столицы ведетъ отшельническую жизнь и не хочетъ посылать за нотаріусомъ для подписанія контракта, безъ котораго не можетъ обойтись дѣло: такъ и у Княжнина Лентягинъ смѣется надъ всѣми

общественными условіями и обычаями, не хочетъ писать рядной, говоритъ слугѣ своему (Пролазу) «вы» вмѣсто «ты», называетъ его другомъ и наконецъ простираетъ свою любовь къ нему до того, что хочетъ не только передать ему все свое имѣніе, но даже и выдать за него свою единственную дочь—хотя не прошло еще и одного дня, какъ Пролазъ нанялся къ нему въ услуженіе. Ясно, что странности Лентягина изъ рукъ вонъ и становятся дикими, чудовищными каррикатурами. Онѣ не могутъ быть оправданы никакими побужденіями — ни умственными, ни нравственными. Его «философствованіе по своему» есть просто самодурство. Лентягина, тревожимая бѣсомъ тщеславія — другой экземпляръ Чванкиной, только поумнѣе: у ней, по словамъ ея мужа, «лихорадка спеси и знатности». Вѣтромахъ, одинъ изъ претендентовъ на руку Улиньки—хвастунъ и петиметръ, помѣшанный на чванствѣ своею знатною породой и на галломаніи. Другой искатель Улинькиной руки, Пріятъ, представляетъ пасторальный сентиментализмъ. Онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ юношей, которые, начитавшись идиллій и романовъ, мечтали устроить себя по образу аркадскихъ пастушковъ. Вотъ его портретъ:

Во фракѣ мердоа и въ розовомъ платочкѣ,
По вечерамъ одинъ задумчивъ и смущенъ,
Такъ томенъ и унылъ, какъ будто селадонъ,
По рощамъ и лугамъ съ овечками гуляетъ,
Иль подъ окномъ моимъ по холодку пылаетъ.

Разговоръ Пріята—«чепуха сладкихъ словъ»; его желаніе—«вздыхать у ногъ своей возлюбленной

На мягенькихъ лугахъ между цвѣтовъ у рѣчки,
Пасутся издали невинны гдѣ овечки».

Имя «Семенъ» кажется ему жесткимъ, почему онъ и не рѣшается принять его даже на время, даже для собственной пользы:

Не лучшель Филимонъ, иль Тирсисъ, или Арсамъ,
Или хотя Аркасъ?

Буколическая чувствительность вычитывалась нашими юношами и дѣвицами изъ эклогъ и романовъ, которыхъ, до появленія «Чудаковъ», уже достаточно было въ нашей литературѣ.—Оригинальная комическая опера: «Несчастіе отъ кареты (1779)», имѣла большой успѣхъ, какъ по сюжету, такъ по веселости и комизму. Княжнинъ представилъ въ ней роскошь и мотовство знатныхъ боляръ, ихъ пристрастіе къ парижскимъ модамъ и французскому языку въ лицѣ

господина Фирюлина и его супруги. Фирюлину понадобилась къ празднику новая карета, вывезенная изъ Парижа, и по этому случаю онъ пишетъ прикащику: «О ты, котораго глупымъ и варварскимъ именемъ Клементія донынѣ безчестили! изъ особливой моей къ тебѣ милости за то, что ты большую часть крестьянъ одѣлъ по французски, жалую тебя Клеманомъ.... Ты мнѣ писалъ, что хлѣбъ не родился: это дѣло не мое, и я не виноватъ, что и земля у насъ хуже французской. Я тебѣ приказываю и прошу, не погуби меня; найди, гдѣ хочешь, денегъ. Теперь уже ты Клеманъ и носишь, по моей сеньерской милости, платье французскаго бальи. И такъ должно быть тебѣ умнѣе и проворнѣе. Мало ли есть способовъ достать денегъ! Напримѣръ, нѣтъ ли у васъ на продажу годныхъ людей въ рекруты? Нахватай ихъ и продай». Исполняя господскую волю, прикащикъ схватилъ самаго рослаго парня, Лукьяна, влюбленнаго въ Анюту. «Самъ виноватъ!» говоритъ бѣднягѣ барскій шутъ: «ты выросъ такъ, что можно на тебя купить около трети кареты; не выростать было такъ дорого». Но, посмѣясь надъ ростомъ Лукьяна, шутъ спасаетъ его отъ бѣды. Онъ выучилъ и его и Анюту двумъ-тремъ французскимъ словамъ. Фирюлины, пріѣхавъ въ деревню, восхитились такою рѣдкостью. «Parbleu!» говоритъ Фирюлинъ: «я этому бъ не повѣрилъ, чтобы и русскіе люди могли такъ нѣжно любить. Я внѣ себя отъ удивленія! Да не во Франціи ль я? Что онъ чувствуетъ любовь, тому не такъ дивлюсь,—но онъ говоритъ по французски!» Такимъ образомъ, по замѣчанію шута, «два французскія слова вытащили жалость, оставленную во Франціи». Лукьяна не только не продаютъ въ рекруты, но женятъ на Анютѣ и берутъ въ камердинеры. А карета? «Развѣ вы изволили отдумать карету покупать?» спрашиваетъ прикащикъ своего барина. «Нѣтъ», отвѣчаетъ баринъ, «но у меня еще много людей и безъ него».

Переходимъ къ новымъ явленіямъ театральнаго репертуара. Между ними первое мѣсто занимаетъ такъ называемая мѣщанская трагедія». Этотъ видъ драмы, почти одновременно возникшій въ Англіи и Франціи, былъ естественнымъ слѣдствіемъ перемѣны, произведенной въ гражданскомъ быту этихъ странъ упадкомъ феодализма и возвышеніемъ средняго сословія. Ни романтическія повѣсти, ни греческій котурнъ не плѣняли уже болѣе того общества, основами котораго сдѣлалось развитіе личности, благосостояніе всѣхъ и каждаго, нравственное достоинство частной жизни, и для котораго страданія и радости окружающей среды, маловажные, но тѣмъ не менѣе законные случаи повседневности представляли больше интереса, чѣмъ приключенія грековъ и римлянъ. Непо-

средственнымъ выраженіемъ этого прозаическаго, но честнаго образа мыслей и поступковъ, этого мѣщанства, добившагося своихъ правъ и отличнаго по своему характеру и жизни отъ феодаловъ, этой степенности домашняго быта, смѣнившей распущенность великосвѣтскихъ нравовъ, служили съ одной стороны изданія Стиля и Аддисона, а съ другой тѣсно съ ними связанные семейные романы. Тоже самое моральное направленіе стало предметомъ и трагедіи, которая, будучи занята новымъ сословіемъ, а не дворомъ и аристократизмомъ, получила названіе мѣщанской. Она поставила себѣ цѣлью содѣйствовать нравственному облагороженію зрителей и съ перваго же раза объявила открытую вражду законамъ и условіямъ ложно-классицизма. Лилло, авторъ первой мѣщанской трагедіи: «Георгъ Барнвель или лондонскій купецъ (1731)», десятью годами опередившей Ричардсонову «Памелу (1740)» и имѣвшей чрезвычайный успѣхъ, писалъ прозой не потому только, что этотъ видъ рѣчи свойственнѣе сюжету его піесъ, но и потому, что французскіе трагики пренебрегали прозой; онъ часто мѣнялъ время и мѣсто дѣйствія не потому только, что того требовало дѣйствіе, но и вопреки правилу о знаменитыхъ трехъ единствахъ. За Лилло слѣдовали Муръ, авторъ «Игрока (1753)», и Кумберландъ, авторъ трехъ піесъ: «Братья», «Американецъ» и «Жидъ». Хотя всѣ эти трогательныя піесы лишены глубокой художественной идеи; хотя сожалѣніе, ими производимое, не одно и тоже съ чувствомъ трагическаго состраданія; хотя недостатокъ идеальнаго представленія есть такая же ихъ односторонность, какъ недостатокъ истины есть односторонность французской драмы: но тѣмъ не менѣе онѣ принадлежатъ къ замѣчательнымъ фактамъ въ развитіи драмы, какъ одинъ изъ его моментовъ. Выбравъ своимъ предметомъ среднее сословіе, бывшее до того времени добычею сатирическаго глумленія, мѣщанская трагедія отвела ему въ поэзіи такое же почтенное мѣсто, какимъ оно начало пользоваться въ обществѣ; сообщивъ своимъ представленіямъ нравоучительный характеръ, она противодѣйствовала скандалу тѣхъ піесъ, которыя при послѣднихъ Стюартахъ служили зеркаломъ вольныхъ нравовъ; пренебрегши въ своей постройкѣ правилами и преданіями лжеклассицизма, обратила театръ къ народности, забытой литераторами.

Одинаковыя причины произвели и одинаковыя слѣдствія на театрѣ французскомъ, который не могъ уже отвѣчать новымъ потребностямъ. Прежде рѣзкимъ различіемъ родовъ и лицъ, трагическихъ, или комическихъ, выборомъ сюжетовъ, составомъ дѣйствія, онъ въ точности изображалъ то отборное, изящное общество, гдѣ аристократія задавала тонъ и направляла вкусъ. Но когда

дворянство начало грубѣть и падать, а среднее сословіе сознавать свою силу и возвышаться; когда общественные классы сблизились по образованію: тогда и въ драмѣ, какъ такомъ родѣ поэзіи, который по преимуществу выражаетъ общество, должны были произойти перемѣны. Героическая трагедія держалась еще авторитетомъ Вольтера. Онъ и послѣ него Дюси старались сдѣлать въ ней нѣкоторыя преобразованія, не сомнѣваясь однакожъ въ ея превосходствѣ и долговѣчности. Но рядомъ съ этими попытками Вольтера возникаетъ драма инаго содержанія и иной формы. По содержанію, она выводитъ на сцену мѣщанство; по формѣ, расширяетъ узкія рамки классицизма и стремится къ естественности изображеній, къ живописи подробностей. Мариво, Детушъ и Лашоссе положили основаніе этому новому роду драмы, подъ именемъ «слезной комедіи» или семейной трагедіи, такъ какъ она изображала частную жизнь съ ясно выступающею моральною тенденціей—трогать и улучшать. Внутренняя связь между «слезной комедіей» и «мѣщанской трагедіей» объясняется какъ однородностью общественныхъ явленій въ Англіи и Франціи, такъ частію и подражаніемъ. Многія произведенія англійской словесности были переведены на франйузскій языкъ; французскіе литераторы (Прево и Детушъ) посѣтили Англію; по примѣру Аддисонова Зрителя, Мариво издавалъ «Французскій Зритель». Теорія новаго вида драматической поэзіи изложена Дидро. Между двумя, строго разграниченными родами, трагедіей и комедіей, онъ вводитъ средній, соотвѣтствующій особенному настроенію духа, среднему между радостью и скорбію. Сюда онъ относитъ трогательную, или слезную, комедію и мѣщанскую трагедію. Теорію свою Дидро подкрѣпилъ двумя піесами: «Побочный сынъ (1757)» и «Отецъ семейства (1758)». За нимъ слѣдовали Седенъ, Бомарше и Себастіанъ Мерсье. Бомарше написалъ «Евгенію (1767)» и «Мать преступницу». Въ предисловіи къ первой піесѣ изложена имъ теорія серьезной драмы, занимающей средину между героической трагедіей и шутливой комедіей. Здѣсь въ первый разъ слезная комедія названа «драмой»: названіе это и сохранилось въ піитическомъ словарѣ для означенія третьяго рода драматической поэзіи. Лессингъ, усвоивъ взгляды Дидро, возвелъ мѣщанскую трагедію на высоту художественнаго созданія: его «Минна фонъ Барнгельмъ (1767)» и «Эмилія Галотти (1772)» имѣютъ идеальную, общечеловѣческую подкладку. Въ послѣдствіи Ифландъ, Шрёдеръ и Коцебу обогатили нѣмецкій репертуаръ множествомъ трогательныхъ піесъ, не отличающихся ни глубиною содержанія, ни поэтическимъ достоинствомъ.

Время появленія мѣщанскихъ драмъ въ нашей литературѣ совпадаетъ также со временемъ періодическихъ изданій 1769—74 г. Еще до этой эпохи были переведены: «Лондонскій купецъ, или приключенія Георга Барневеля» (1764), Детушева «Притворная Агнеса» (1764), Дидро «Чадолюбивый отецъ», т. е. «Père de famille» (1765), и «Побочный сынъ». Переводъ «Евгеніи», Бомарше, напечатанъ въ 1770 г. Французская передѣлка піесы Мура: «Игрокъ», подъ заглавіемъ «Беверлей, взятымъ отъ имени главнаго лица, явилась у насъ въ переводѣ актера Дмитревскаго (1773). За послѣднее тридцатилѣтіе прошлаго вѣка въ литературу нашу перешли и другія драмы вышеуказанныхъ писателей: Мариво—«Игра любви и случая»(1769) и «Вторично вкравшаяся любовь» (1773); Седена—«Deserteur», въ двухъ переводахъ («Бѣглецъ», 1781, и «Бѣглый солдатъ», 1793); Мерсье—«Женневаль, или французскій Барневель» (1778), «Ложный другъ» (1779), »Бѣглецъ» (1784), «Уксусникъ» (1785), «Судья» (1788), «Зоа» (1789) и «Наталія» (1794); Лессинга—Сара Сампсонъ» и «Эмилія Галотти», въ двухъ переводахъ (1784 и 1788), изъ которыхъ второй принадлежитъ Карамзину. За переводами слѣдовали подражанія и оригинальныя піесы въ томъ же родѣ. «Адская почта» отозвалась съ похвалою о театральныхъ сочиненіяхъ Н. (можетъ быть Семена Нарышкина, автора комедіи «Истинное дружество»), написанныхъ во вкусѣ Дидро. Комедія Веревкина «Такъ и должно» (1773), расчитывала больше на трогательный эффектъ, чѣмъ на комическій, какъ объяснилъ самъ авторъ въ ея посвященіи. Между сочиненіями Хераскова есть двѣ слезныя драмы: «Другъ несчастныхъ» (1774) и «Гонимые» (1775). Къ 1776 г. относится мѣщанская трагедія: «Человѣколюбіе, или картина бѣдности». Сюжетъ другой мѣщанской трагедіи, подъ названіемъ «Бѣдство, произведенное страстію» (1781), заимствованъ изъ повѣсти Арно: «Адельсонъ и Сальвини». Въ драмѣ «Друзья соперники» (1782), по словамъ «Драматическаго Словаря», «добродѣтель, благодарность, дружба и любовь представлены блестящими, а лицемѣрство и злоба гнусными.»

При нѣкоторомъ сходствѣ въ исторіи мѣщанской драмы на нашей сценѣ съ ея исторіей въ Англіи и Франціи, нельзя объяснять его тѣми самыми обстоятельствами, какія имѣли мѣсто на западѣ. Тамъ она была дѣйствительнымъ выраженіемъ перемѣны, происшедшей въ положеніи общественныхъ классовъ; у насъ такой перемѣны не существовало. Дворянство, какъ и прежде, стояло у насъ во главѣ образованности; о созданіи «третьяго чина» начали только думать, какъ намъ извѣстно изъ разсужденій Екатерины и

Бецкаго и нѣкоторыхъ принятыхъ къ тому мѣръ. Объясняя успѣхъ «Живописца» тѣмъ, что онъ пришелся на вкусъ нашихъ «мѣщанъ», Новиковъ разумѣлъ подъ этимъ словомъ не среднее сословіе (въ смыслѣ tiers-état), а среднюю и низшую степени грамотныхъ людей. Появленіе мѣщанскихъ, или гражданскихъ, трагедій въ нашей литературѣ и благосклонный пріемъ ихъ публикою имѣли однакожъ свои основанія, между которыми подражательность занимала, конечно, важное мѣсто. Успѣхъ какихъ-либо піесъ во Франціи служилъ уже достаточнымъ поводомъ и для нашего къ нимъ вниманія. Черезъ три года послѣ того, какъ «Евгенія» была представлена на парижской сценѣ, она переводится и разыгрывается въ Москвѣ. Однообразіе въ содержаніи и формѣ классической трагедіи также заставило зрителей желать смѣны ея другимъ видомъ драмы, болѣе простымъ и естественнымъ. Елагинъ справедливо писалъ Сумарокову, что, давая однѣ его трагедіи, онъ боится наскучить публикѣ. Само собою разумѣется, что и гуманныя начала XVIII в. не остались безъ замѣтнаго вліянія на успѣхъ нашей мѣщанской драмы, которая имѣетъ своимъ предметомъ жизнь и нравы большинства, а не подвиги немногихъ героевъ. Русская публика чувствовала то самое, что говорилъ Лессингъ въ предисловіи къ одной изъ своихъ піесъ: «несчастія близкихъ къ намъ людей сильнѣе дѣйствуютъ на душу; имена полубоговъ и царей сообщаютъ піесѣ блескъ и величіе, но не производятъ такого трогательнаго впечатлѣнія». Переводчикъ «Побочнаго сына»(1788) обратился къ читателю съ такими словами: «Неужели несчастія однихъ токмо знатныхъ людей, героевъ, завоевателей имперій, или разорителей многихъ народовъ, заслуживаютъ общую чувствительность, а участь прочихъ добрыхъ людей нашего вниманія недостойна и никакихъ впечатлѣній въ насъ произвести не можетъ? Предразсужденіе управляетъ нравами. Но не должно ли, чтобы разумъ когда нибудь хотя слегка просвѣщалъ оные?» Замѣчательно, что мѣщанскія драмы пользовались особеннымъ успѣхомъ въ Москвѣ, гдѣ больше того сорта людей, которыхъ Новиковъ назвалъ мѣщанами; онѣ, по словамъ Сумарокова, «вползли уже въ этотъ городъ, не смѣя появиться въ Петербургѣ.»

Какъ во Франціи Вольтеръ поддерживалъ классическую трагедію, такъ у насъ Сумароковъ принялъ подъ свою защиту «Мольеровъ и Расиновъ вкусъ». Въ предисловіи къ «Димитрію Самозванцу», онъ честитъ слезныя комедіи «пакостнымъ родомъ», а сочувствіе къ нимъ москвичей «скареднымъ вкусомъ, не принадлежащимъ вѣку великія Екатерины». Раздраженный успѣхомъ новыхъ піесъ, онъ, въ письмѣ къ Вольтеру, излилъ свою жалобу на упадокъ русской

Мельпомены и Таліи. Отвѣтъ Вольтера (1769 г.) повторяетъ прежнее его мнѣніе о мѣщанской драмѣ, какъ о незаконномъ выродкѣ поэзіи: «ces pièces batardes ne sont ni tragédies, ni comédies; quand on n'a point de chevaux, on est trop heureux de se faire traîner par des mulets». Получивъ такое сильное подкрѣпленіе, Сумароковъ, въ томъ же предисловіи, напалъ и на переводчика Евгенія, и на посѣтителей театра за рукоплесканіе актерамъ. Онъ говоритъ: «сіе рукоплесканіе переводчикъ оныя драмы, какой-то подъячій, до небесъ возноситъ, сплетая зрителямъ похвалу и утверждая вкусъ ихъ. Подъячій сталъ судіею Парнаса и утвердителемъ вкуса московской публики! Конечно, скоро преставленіе свѣта будетъ. Но не ужели Москва болѣе повѣритъ подъячему, нежели г. Вольтеру и мнѣ? и не ужели вкусъ жителей московскихъ сходнѣе со вкусомъ сего подъячаго?.. А ежели ни г. Вольтеру, ни мнѣ никто въ этомъ повѣрить не хочетъ, такъ я похвалю и такой вкусъ, когда щи съ сахаромъ кушать будутъ, чай пити съ солью, кофе съ чеснокомъ, и съ молебномъ совокупятъ панихиду. Между Таліи и Мельпомены различіе таково, каково между дня и ночи, между жара и стужи, и какая между разумными зрителями драмы и между безумными. Не по количеству голосовъ, но по качеству утверждается достоинство вещи; а качество имѣетъ основаніе на истинѣ:

Достойной похвалы невѣжи не умалятъ;
А то не похвала, когда невѣжи хвалятъ».

Не смотря на угрозы именемъ Вольтера и насмѣшки, Москва продолжала восхищаться мѣщанскими драмами. Антагонизмъ между столичными театрами, изъ которыхъ на одномъ еще господствовала классическая драма, а на другой «вползли новыя скаредныя піесы», отразился въ журналахъ. Такъ, напримѣръ, московская публика любила представленія Эмиліи Галотти. Разборъ ея, написанный, вѣроятно, самимъ переводчикомъ (Карамзинымъ) и помѣщенный въ первомъ году издававшагося имъ Московскаго журнала (1791), показываетъ въ критикѣ живое чувство истины, здравыя эстетическія понятія. Не таковы были понятія «С.Петербургскаго Меркурія». Къ переводу Вольтерова «разсужденія объ англійской трагедіи», въ томъ мѣстѣ, гдѣ піесы Шекспира названы чудообразными игрищами, Клушинъ дѣлаетъ слѣдующую замѣтку: «что же бы сказалъ г. Вольтеръ о многихъ нѣмецкихъ драматическихъ твореніяхъ, сихъ безобразныхъ выродкахъ литературы, въ которыхъ нѣтъ никакихъ правилъ, даже самаго важнѣйшаго—единства дѣйствія? Чтобы сказалъ онъ о сихъ удивительныхъ піесахъ,

которыя суть ни трагедіи, ни комедіи, гдѣ смѣшанъ плачъ съ смѣхомъ безъ всякой нужды; гдѣ эпизоды затмеваютъ самое дѣйствіе; гдѣ разговоры пустые и слабые, дѣйствующія лица карикатурныя; гдѣ все обезображиваетъ вкусъ и правила? О піесахъ, каковы суть: Разбойники (Шиллера, пер. 1793), Сара Сампсонъ, Эмилія Галотти, Ненависть къ людямъ и раскаяніе (Коцебу, пер. 1792), и пр. и пр.? Ежели не болѣе, то, конечно, тоже, что говоритъ Горацій въ посланіи къ Пизонамъ. И есть люди, которые предпочитаютъ нѣмецкія драмы французскимъ! Отъ чего же? Отъ того только, что, читая послѣднія, не понимаютъ, какимъ образомъ играть ихъ. Что думать о сихъ знатокахъ? Или что они не знаютъ правилъ театральныхъ, какъ и того, что̀ значитъ самая драма, или слѣпое имѣютъ пристрастіе къ нѣмцамъ».

Постепенное освобожденіе русскаго театра отъ стѣснительныхъ правилъ лжеклассицизма могло совершаться не однѣми слезными комедіями, которыя, за исключеніемъ піесъ Лессинга, страдаютъ скудостью поэтическаго достоинства. Были и другія средства для того, чтобы обнаружить односторонность французскаго вліянія. Наилучшее между ними состояло въ знакомствѣ нашей литературы съ первоклассными драматургами Англіи и Германіи. Выше былъ упомянутъ переводъ «Разбойниковъ» Шиллера, но за нѣсколько лѣтъ до этого мы уже имѣли переводы изъ Гете и Шекспира, котораго называли Шакеспеаромъ, Шекеспиромъ и даже Чекспиромъ. Переводъ драмы Гете «Клавиго» нап. въ 1780 г.; одна трагедія Шекспира: «Жизнь и смерть Ричарда III, короля англійскаго» переведена была въ Нижнемъ-Новгородѣ 1783 (нап. 1787), а другая: «Юлій Цесарь», въ Москвѣ, Карамзинымъ, 1786 (нап. 1787). Кромѣ «Евгеніи», въ 1787 представлена была другая, знаменитая піеса Бомарше: «Фигарова женитьба». Самая попытка уклониться отъ господствующаго вкуса и находить драматическія красоты въ «чудообразныхъ игрищахъ» того трагика, котораго Вольтеръ называлъ «дикаремъ», требовала извѣстнаго мужества. Тѣмъ болѣе чести литераторамъ, которые рѣшились плыть противъ общаго теченія, переводя Шекспира, или подражая ему, или разъясняя художественное значеніе его піесъ. Труды ихъ имѣли свою долю вліянія и на успѣхъ нашей сцены, и на очищеніе нашихъ эстетическихъ понятій отъ исключительно-французской теоріи. Мы уже знаемъ, что Шекспиръ былъ извѣстенъ Сумарокову въ псевдоклассическихъ передѣлкахъ; что одинъ монологъ Самозванца есть подражаніе монологу Ричарда III; что комедія Екатерины: «Вотъ каково имѣть корзину и бѣлье!» заимствована изъ Шекспировыхъ «Виндзорскихъ кумушекъ»; что «Историческое представленіе изъ

*

жизни Рюрика» и «Начальное управленіе Олега» написаны ею, въ подражаніе Шекспиру, » безъ сохраненія обыкновенныхъ правилъ». Въ сужденіяхъ своихъ о достоинствахъ и недостаткахъ англійскаго трагика журналы наши раздѣлились на два противные лагеря. Большинство критиковъ вторило Вольтерову о немъ приговору, изложенному Карамзинымъ въ предисловіи къ переводу Юлія Цесаря, а именно: что Шекспиръ писалъ безъ правилъ; что творенія его суть и трагедіи и комедіи вмѣстѣ, или траги-коми-лирико-пастушьи фарсы безъ плана, безъ связи въ сценахъ, безъ единствъ, непріятная смѣсь высокаго и низкаго, трогательнаго и смѣшнаго, истинной и ложной остроты, забавнаго и безсмысленнаго; что они исполнены такихъ мыслей, которыя достойны мудреца, и притомъ такого вздора, который только шута достоинъ; что въ нихъ рядомъ съ картинами, которыя принесли бы честь самому Гомеру, являются и каррикатуры, которыхъ устыдился бы и самъ Скарронъ. Адская Почта хотя и признаетъ въ Шекспирѣ «высокомысліе, остроуміе и ученость», но въ то же время находитъ, что онъ былъ «упрямъ и не хорошаго вкуса»: «въ его трагедіяхъ», говоритъ она, «характеры людей безъ разбору описаны и перемѣшаны; въ его Юліи Кесарѣ шутки, римскимъ грубымъ художникамъ приличныя, введены въ важнѣйшую сцену Брута и Кассія». Гораздо непочтительнѣе обошелся съ Шекспиромъ «Зритель (1792)». По поводу споровъ, завязанныхъ статьею «о театрѣ и о свойствѣ россійскихъ душъ», авторъ этой статьи, Плавильщиковъ, возражая своему антагонисту, говоритъ: «А для героевъ вы хотите, чтобъ родился у насъ Чексперъ?... Вотъ изряднаго нашли вы опредѣлителя вкуса! и видно вы, его начитавшись, заключаете вкусъ въ тѣсные предѣлы рынковъ и кабаковъ». Когда съ такими взглядами на драму и великаго ея представителя мы сравнимъ предисловіе Карамзина къ переводу Юлія Цесаря и нѣкоторыя мѣста его путевыхъ писемъ, подъ 1790 г., то ясно увидимъ, на сколько онъ, двадцатилѣтній юноша, стоялъ выше современныхъ ему цѣнителей изящнаго по уму, образованію и эстетическому вкусу. Мнѣніе его о сущности трагедіи, основанное на знакомствѣ съ литературами нѣмецкой и англійской, не поколебалось ни отъ авторитета Вольтера, ни отъ общаго стремленія къ французскому классицизму. Восторженное сочувствіе его къ первому трагику выражено также въ стихотвореніи «Поэзія» (1787):

Шекспиръ, натуры другъ! кто лучше твоего
Позналъ сердца людей? Чья кисть съ такимъ искусствомъ
Живописала ихъ? Во глубинѣ души
Нашелъ ты ключъ къ великимъ тайнамъ рока,

И свѣтомъ своего безсмертнаго ума,
Какъ солнцемъ, озарилъ пути ночные жизни.

Стремленіе къ самобытности было третьимъ новымъ явленіемъ въ исторіи нашей драмы Екатеринина вѣка. Хотя оно больше высказывалось теоретически, чѣмъ осуществлялось на дѣлѣ, однакожъ самое недовольство театромъ, который держался переводами и подражаніями, служило добрымъ знакомъ, обнаруживая сознаніе литературной односторонности и заявляя требованія болѣе развитаго вкуса. Честь перваго мнѣнія о необходимости народнаго элемента въ драмѣ принадлежитъ Владиміру Лукину. Предисловія къ его сочиненіямъ и переводамъ (2 ч., 1765) содержатъ въ себѣ критику современной комедіи, какъ такой, которая цѣликомъ переноситъ чуждые нравы на руссвую сцену. Не допуская подражанія иностраннымъ піесамъ, онъ допускаетъ ихъ передѣлку на слѣдующемъ основаніи: «Подражать и передѣлывать—великая разница. Подражать значитъ брать или характеръ, или нѣкоторую часть содержанія, или нѣчто весьма малое и отдѣленное и такъ нѣсколько заимствовать; а передѣлывать значитъ нѣчто включить или исключить, а прочее, т. е. главное, оставить и склонять на наши нравы». Ясно, что критикъ подъ передѣлкой понимаетъ склоненіе нерусской піесы на русскіе нравы, т. е. внесеніе въ нее національнаго элемента. Въ передѣлкѣ онъ видитъ успѣхъ комедіи, которой, по тогдашнимъ понятіямъ, вмѣнялось въ обязанность имѣть моральную цѣль; а этого она могла достигнуть не иначе, какъ представляя знакомые зрителямъ характеры, имена, костюмы, рѣчь. «Мнѣ всегда несвойственно казалось», говоритъ Лукинъ, «слышать чужестранныя реченія въ такихъ сочиненіяхъ, которыя долженствуютъ изображеніемъ нашихъ нравовъ исправлять не только общіе всего свѣта, но болѣе участные нашего народа пороки; и неоднократно слыхалъ я отъ нѣкоторыхъ зрителей, что не только ихъ разсудку, но и слуху противно бываетъ, ежели лица, хотя по нѣскольку на наши нравы походящія, называются въ представленіи Клитандромъ, Дорантомъ, Цитадиною и Кладиною и говорятъ рѣчи, не наше поведеніе знаменующія. Негодованіе сихъ зрителей давно почиталъ я правильнымъ... Многіе зрители отъ комедіи въ чужихъ нравахъ не получаютъ никакого поправленія: они мыслятъ, что не ихъ, а чужестранцевъ осмѣиваютъ; да и то имъ примѣтно, что осмѣиваемые образцы не только несвойственно нашимъ нравамъ изъясняются, но и одѣты въ незнакомыя имъ одежды... Всякій невычищенный, т. е. на нравы того народа, предъ коимъ онъ представляется, несклоненный въ драмѣ образецъ покажется на театрѣ не что иное, какъ

смѣсью, иногда русской, иногда французской, а иногда обоихъ сихъ народовъ характеры вдругъ въ себѣ имѣющей». Средствомъ для избѣжанія этого недостатка Лукинъ почитаетъ передѣлку, при которой «надлежитъ не столько красоту и силу чужестраннаго писателя показывать, сколько исправлять пороки». Отъ общаго взгляда онъ переходитъ къ частнымъ примѣрамъ, «не наше поведеніе знаменующимъ», отыскивая ихъ въ русскихъ драмахъ. Онъ удивляется рѣшимости комика ввести въ свою піесу нотаріуса или подъячаго, для заключенія брачнаго контракта, вовсе намъ неизвѣстнаго: «нотаріусъ у насъ только векселя протестуетъ, а подъячій только по должности своей дѣла въ томъ приказѣ исправляетъ, откуда даютъ ему жалованье». Требуя отъ русской комедіи чего-нибудь «русскаго», Лукинъ разумѣлъ подъ этимъ словомъ «народное» не только въ обширномъ его смыслѣ, обнимающемъ всѣ классы народа, но и въ тѣсномъ, относящемся къ одному только его классу—простонародію. Въ слѣдствіе этого онъ перевелъ заглавіе французской піесы: «Le bijoutier» словомъ «щепетильникъ», и въ предисловіи объяснилъ тому причину: «не взирая на то, что подвергнуся хулѣ несмѣтному числу мнимыхъ въ нашемъ языкѣ знатоковъ, взялъ я къ тому старинное слово «щепетильникъ», потому что всѣ наши купцы, торгующіе перстнями, серьгами, кольцами, запонками и прочимъ мелочнымъ товаромъ, называются «щепетильниками». По той же причинѣ, въ «Щепетильникѣ» выведены лишнія противъ оригинальной піесы лица—простые работники изъ Галича (костромской губ.), говорящіе своимъ мѣстнымъ нарѣчіемъ. Чтоже касается до собственныхъ сочиненій Лукина, которыми слѣдовало бы подкрѣплять теорію, то они служатъ новымъ доказательствомъ давнишней истины, что критика гораздо легче творчества. Для творчества нуженъ талантъ, а его-то и не имѣлъ критикъ современной комедіи. Піесы его, заимствованныя изъ Реньяра, Кампистрона и Буасси, хотя и переложены на русскіе нравы, но выказываютъ очень мало истиннаго комизма и народности. Лучшая его комедія: «Мотъ, любовью исправленный», заключала бы въ себѣ, по справедливому отзыву кн. Вяземскаго, довольно занимательности и движенія, если бы все происходило въ дѣйствіи, а не въ разсказахъ, и еслибъ она была искуснѣе построена. Впрочемъ, и имѣя талантъ, Лукинъ едва ли бы произвелъ что-либо замѣчательное. Тотъ способъ, которымъ онъ думалъ устремить нашу комедію къ самобытности и народности, не предлагалъ ручательствъ въ успѣхѣ. Передѣлка или подражаніе, какъ тонко ни разграничивай эти дѣйствія, не приведутъ ни къ чему положительному, какъ въ поэтическомъ достоинствѣ драмы,

такъ и въ національномъ ея значеніи. Намъ извѣстно, что значитъ «склонять» чужіе нравы на отечественные: въ результатѣ «склоненія» выходитъ дѣйствительная смѣсь, которую и Русскій и не-Русскій откажутся принять на свой счетъ. Такимъ образомъ за Лукинымъ остается только заслуга критика: онъ первый вооружился противъ ложнаго направленія современной комедіи и первый заявилъ необходимость народнаго элемента въ русской драмѣ.

Хотя Лукинъ и не пользовался благосклонностію журналовъ 1769—74 г., однакожъ нѣкоторые изъ нихъ раздѣляли его взгляды на отечественный театръ. Самая задача «Всякой всячины»—«говорить Русскимъ о Русскихъ, а не представлять имъ умоначертаній чужестранныхъ, коихъ они не знаютъ»—обязывала издателя быть послѣдовательнымъ. «Я думаю», говоритъ онъ въ концѣ своего изданія, «что не въ однѣхъ книгахъ должно держаться сего правила, но и въ позорищахъ: ибо маркизъ на русскомъ театрѣ уши деретъ, а ко свадебному контракту тетушка моя и смысла не привязываетъ. Она хочетъ видѣть то, что ее ежечасно окружаетъ и чѣмъ она привыкла забавляться; незнакомые же гости не столь забавны, какъ знакомые. Я нахожу вкусъ тетушкинъ со здравымъ разсудкомъ схожій, и для того съ нею согласенъ». «Кошелекъ» также утверждалъ, что Детушевы и другія комедіи мало принесутъ намъ пользы, и что на театрѣ народномъ должны быть разыгрываемы такія піесы, которыя главною своею цѣлью имѣли бы народную забаву. По поводу вопроса о народномъ театрѣ, въ Зрителѣ (1792) завязалась интересная полемика между Плавильщиковымъ, сочинившимъ статью: «Нѣчто о врожденномъ свойствѣ душъ россійскихъ», и неизвѣстнымъ авторомъ «Письма къ издателямъ изъ Орла». Плавильщиковъ осуждаетъ распространенное въ обществѣ мнѣніе, будто у насъ, Русскихъ, нѣтъ ничего собственнаго и будто мы не что иное, какъ переимчивыя обезьяны, живущія чужимъ умомъ. Выхваляя особенныя качества соотечественниковъ, доказывая ихъ способность ко всѣмъ родамъ дѣятельности, онъ преимущественно останавливается на театрѣ: критикуетъ иностранный вкусъ на нашей сценѣ и порицаетъ тѣхъ драматическихъ писателей, которые берутъ сюжеты для своихъ піесъ не изъ родной исторіи, а изъ исторіи грековъ и римлянъ, не изъ среды своего народа, а изъ жизни другихъ націй. Мысль справедливая, но Плавильщиковъ не умѣлъ провести ее надлежащимъ образомъ. Въ патріотическомъ усердіи своемъ онъ зашелъ слишкомъ далеко, выдумывая «небывалыя достоинства» у себя дома и не умѣя быть справедливымъ къ истинно-хорошему

вчужѣ. Онъ, говоря словами «Письма», содержащаго въ себѣ умную, хотя и одностороннюю критику пристрастныхъ и голословныхъ сужденій, «слѣпилъ свой панегирикъ изъ малыхъ мыслей и большихъ словъ». «Я согласенъ», замѣчаетъ авторъ «Письма», «что Козьма Мининъ и князь Пожарскій могутъ со временемъ украшать россійскую Мельпомену; но, не во гнѣвъ вамъ, мнѣ также пріятно видѣть «тающую Дидону и бѣснующагося Ярба». Когда у насъ выдумаютъ басни, похожія на Гомерову Иліаду и Виргиліеву Энеиду, тогда будьте увѣрены, что чрезъ 2000 лѣтъ на театрахъ цѣлаго свѣта станутъ читать наши поэмы и представлять нашихъ героевъ въ трагедіяхъ.... Желаніе видѣть своихъ предковъ, подающихъ примѣры мужества, великодушія и пр., есть общее самолюбіе всѣхъ народовъ, и оно имѣетъ свои похвальныя стороны. Но запрещать чужимъ героямъ нравиться на нашей сценѣ, когда мы еще не имѣемъ ни сочинителей трагическихъ, ни актеровъ,—такого самовластія нигдѣ не видано, кромѣ папской инквизиціи. Изъ милости позвольте намъ восхищаться сладкою нѣжностію Расина, мужественною высотою Корнеля и многоразличнымъ блескомъ Вольтера; и пока Козьма Мининъ не заставитъ насъ плакать, не запрещайте намъ ходить въ представленія Федры, Аѳаліи, Ифигеніи, Сида, Гораціевъ, Цинны, Магомета, Заиры, Кесаря, а иногда и Титова милосердія.... Вы меня мучите вопросами: «для чего не создать въ Россіи на театрѣ вкуса, приличнаго нашему свойству?» Я у васъ спрашиваю: для чего бы не построить домъ безъ работниковъ и безъ припасовъ? Вы сами признаетесь, что мы съ вами плохіе работники и что господа «Зрители» печатаютъ насъ развѣ изъ одного снисхожденія или для наполненія листовъ своихъ. Припасовъ много, но и тѣ не годятся для составленія, по желанію вашему, россійскаго вкуса. Зрѣлище есть картина большаго свѣта, сельской жизни или любопытныхъ приключеній древнихъ героевъ. Большой свѣтъ у насъ больше иностранный, нежели русскій; сельскіе жители наши коптятся въ дыму, и надобно быть страшнымъ охотникомъ до романовъ, чтобы недостатки природы дополнить силою воображенія и сплести шалашъ какому нибудь Ивану изъ миртъ и розовыхъ кустовъ. И такъ намъ остается только общество героевъ. Но между тѣмъ, пока не родится у насъ Шакеспиръ, который бы расширилъ и опредѣлилъ границы россійскаго вкуса, вы сами разберите, въ какихъ тѣсныхъ предѣлахъ будетъ оный заключаться: на площадяхъ, на рынкахъ и въ кабакахъ». Справедливость требованій народнаго театра была подтверждена и публикой и драматическими писателями. Публика встрѣчала съ особеннымъ удовольствіемъ тѣ піесы, которыя въ

дѣйствіи, характерахъ или другихъ, менѣе важныхъ принадлежностяхъ представляли что-либо національное; писатели, принаравливаясь къ ея вкусу, стали, подобно Лукину, перекладывать иностранныя драмы на отечественные нравы или брать сюжеты прямо изъ отечественной жизни. Такъ были переложены комедіи: «Выборъ по разуму (1773)» и «Виндзорскія кумушки (1786). Переводчикъ польской передѣлки Детушева «Мота или расточителя (1778)» «вмѣстилъ» въ свой переводъ русскія пословицы. Комическія оперы служили переходомъ отъ подражаній или передѣлокъ къ собственно русскимъ піесамъ. Въ 1772 г. явились на сценѣ: «Анюта», Михайлы Попова, и «Любовникъ-колдунъ» (нап. 1774); послѣдняя возбудила сочувствіе публики голосами русскихъ пѣсенъ. Матинскій, крѣпостной человѣкъ гр. Ягужинскаго, путешествовавшій по Италіи, сочинилъ двѣ ком. оперы: «Перерожденіе» (пред. 1777, нап. 1779) и «Гостиный дворъ» (нап. 1792). Опасаясь, что публикѣ, привыкшей къ комедіямъ Мольера и Сумарокова, не понравятся «забавныя зрѣлища» другаго рода, въ которыхъ выводится болѣе простая и близкая къ намъ жизнь, дирекція московскаго театра рѣшилась дать «Перерожденіе» не прежде, какъ испросивъ дозволенія у зрителей сочиненнымъ на этотъ случай разговоромъ между «большою» (т. е. высокою, серьезною) комедіею и комическою оперою. Представленіе «Гостинаго двора», по словамъ «Драматическаго словаря (1787)», доставило содержателю вольнаго театра больше прибытка, чѣмъ какая-либо другая піеса. Эта опера понравилась публикѣ «спектаклемъ подъяческой свадьбы въ древнихъ россійскихъ нравахъ», характеромъ жениха-подъячаго и его пѣснью:

Ахъ, что нынѣ за время!
Взятокъ брать не велятъ.

«Несчастіе отъ кареты», Княжнина, относится также къ попыткамъ оживить русскую драму содержаніемъ, взятымъ изъ русскаго простонароднаго быта. Хотя писатели наши, мало знакомые съ низшимъ сословіемъ, большею частію надѣляли его несвойственнымъ ему образомъ мыслей, чувствъ и рѣчи, въ которомъ безъ особеннаго труда узнавалъ себя образованный классъ; но одно уже намѣреніе выдти изъ подъ началъ французскаго вкуса заслуживаетъ похвалу. Чрезвычайный успѣхъ имѣла ком. опера: «Мельникъ, колдунъ, обманщикъ и сватъ (1779)», сочиненная Аблесимовымъ (1742 — 1783). Ее играли сряду 27 разъ, и театръ всегда былъ полонъ. Успѣхъ объясняется тѣмъ, что въ содержаніи «Мельника» дѣйствительно есть національный элементъ; его пѣсни и

куплеты, русскіе по складу и напѣвамъ, перешли даже на улицу. Мельникъ вызвалъ нѣсколько подражаній: «Розана и Любимъ (1781)», Николева, гдѣ зрителямъ особенно нравилась роль Семена Лѣсника; «Судьба деревенская (1772)», Прокудина-Горскаго, написанная въ сельскихъ нравахъ; «Сбитеньщикъ (1783)», Княжнина, съ двумя аріями: «Все на свѣтѣ можно» и «Счастье строитъ все на свѣтѣ», бывшими въ большой модѣ; «Колдунъ, ворожея и сваха (1786)», Юкина. Въ 1793 г. Плавильщиковъ написалъ комедію: «Мельникъ и Сбитеньщикъ, соперники», въ которой принимаетъ сторону «Мельника», находя въ піесѣ Аблесимова больше своего, роднаго, чѣмъ въ пьесѣ Княжнина, подражавшаго Мольеровой «Школѣ мужей». Другая его піеса «Бобыль (1792)» пользовалась большою извѣстностью, благодаря сюжету и положеніямъ, взятымъ изъ простонароднаго быта. Кн. Д. Горчаковъ написалъ двѣ ком. оперы: «Счастливая тоня (1786)» и «Баба-Яга (1788)», которыя, вмѣстѣ съ третьей его піесой: «Калифъ на часъ (1786)», долго держались на сценѣ. Говоря о стремленіи нашего театра къ народности, нельзя пройти молчаніемъ піесы Екатерины, «составленныя по русскимъ сказкамъ и пѣснямъ», или имѣвшія цѣлію изобразить крестьянскій бытъ. Таковы комическія оперы: «Февей (1786)», «Новогородскій богатырь Боеславичъ (1786)», «Храбрый и смѣлый витязь Архидѣичъ (1786)», «Горе-богатырь Косометовичъ (1788)» и «Ѳедулъ съ дѣтьми (1790)». Въ послѣдней, пѣсня Дуняши: «Во селѣ, селѣ Покровскомъ», сдѣлалась общеизвѣстною. Кромѣ того, въ 3-мъ дѣйствіи «Начальнаго управленія Олега» представлена старинная свадьба и введены народныя свадебныя пѣсни и обряды. Сочиненіемъ этихъ піесъ Екатерина обнаружила свою любовь и уваженіе къ родной старинѣ и къ простонародному «умоначертанію», равно какъ отступленіемъ отъ «обыкновенныхъ ѳеатральныхъ правилъ», въ подражаніе Шекспиру, она заявила литературную терпимость, рѣдкую въ то время. Для представленія піесъ, которыя приходились на вкусъ «мѣщанъ», былъ даже открытъ въ Петербургѣ особый, народный театръ (1765), существовавшій впрочемъ недолго. Простой народъ посѣщалъ его съ большою охотою платя 50 коп. за мѣсто. Актеры-охотники изъ подъячихъ, мастеровыхъ, наборщиковъ, фабричныхъ и т. п. давали здѣсь: «Генриха и Перниллу», ком. Гольберга, пер. Андрея Нартова (пред. 1760, нап. 1764); «Лекаря по неволѣ», Мольера; «Скупаго», его же, пер. Ивана Кропотова (пред. 1757); «Новопріѣзжихъ», ком. Леграна, пер. Александра Волкова (пред. 1759); «Чадолюбіе», оригинальную комедію того же автора; «Привидѣніе съ барабаномъ или пророчествующій женатый», пер.

Андрея Нартова (пред. 1759, нап. 1764), и «Щепетильникъ», Лукина.

Нѣкоторыя переводныя піесы выдавались за оригинальныя, на что нападалъ Чулковъ, въ своемъ журналѣ: «И то и се»; другія, заимствованныя изъ иностранной литературы, «склонялись» на русскіе нравы; третьи были дѣйствительно русскія сочиненія. Изъ всего этого значительнаго количества драмъ немногія возвышаются надъ общимъ уровнемъ посредственности. Таковы комедіи Веревкина, Ефимьева, Клушина, Капниста и Судовщикова.

Въ комедіи Веревкина (1732 –1795): «Такъ и должно», самъ авторъ цѣнилъ больше драматическій ея интересъ, чѣмъ комическій. Онъ хотѣлъ представить «отличныя дѣйствія добродѣтели, которыя, не только въ жизни встрѣчаемыя, но и въ книгахъ описанныя, приводятъ насъ въ восторгъ и нерѣдко извлекаютъ слезы». Поэтому дѣйствующія лица дѣлятся у него на двѣ категоріи: трогательныя и забавныя. Къ первымъ относятся двое Доблестиныхъ: дядя и племянникъ; ко вторымъ: Афросинья Сысоевна, уѣздная дворянка, страшно недовольная настоящимъ временемъ, въ которомъ видитъ только мотовъ, безбожниковъ и «фармазоновъ»; домовый дуракъ ея Фока; Урывай Алтынниковъ, съ приписью подъячій; воевода Протазанъ Безсчетный, зѣвающій и засыпающій въ судѣ при чтеніи дѣлъ. Сцены, когда молодой Доблестинъ узнаетъ въ колодникѣ-нищемъ своего дядю и потомъ требуетъ его освобожденія изъ тюрьмы, въ которую онъ былъ посаженъ по одному подозрѣнію, написаны во вкусѣ Дидро. По теоріи этого философа, любившаго въ своихъ драмахъ разсуждать о любви, добродѣтели, правахъ человѣчества и другихъ предметахъ, Веревкинъ также далъ мѣсто нѣсколькимъ декламаторскимъ тирадамъ. Лучшая часть піесы именно та, которую авторъ цѣнилъ меньше. Лица дворянки, воеводы и подъячаго доказываютъ несомнѣнный комическій талантъ, наблюдательность и умѣнье находить меткую, свободную отъ книжныхъ формъ, живую рѣчь для каждаго характера.

Комедія Ефимьева (1768—1804): «Преступникъ отъ игры, или братомъ проданная сестра» (1788), принадлежитъ также къ «слезнымъ», какъ видно по самому названію. Главное лице піесы—молодой офицеръ Безразсудовъ, предавшійся игрѣ. Проигравъ все имущество, онъ рѣшился продать свою сестру Прелесту, выдавъ ее за крѣпостную дѣвку. Но это преступленіе осталось безъ трагическихъ послѣдствій: покупщикъ нашелся въ Честонѣ, влюбленномъ въ Прелесту, на которой онъ женится, уничтоживъ купчую и заплативъ долги Безразсудова. Примѣръ игрока-преступника ставится на видъ всѣмъ игрокамъ, какъ нравоучительный выводъ ко-

медіи. Послѣдніе стихи показываютъ, что піеса легко могла бы кончиться неутѣшительной развязкой:

Плоха матерія преступниковъ закона!
Не всякій попадетъ на нашего Честона.

Все достоинство комедіи Ефимьева состоитъ въ немногихъ сценахъ, частію трогательныхъ, частію комическихъ, въ извѣстной долѣ остроумія и въ удачныхъ стихахъ.

Въ «Примѣчаніи» на комедію Клушина († 1804): «Смѣхъ и горе (1793)», Крыловъ, соредакторъ автора по изданію С.п.-бургскаго Меркурія, основательно высказалъ достоинства и недостатки его піесы, принятой публикою съ большимъ одобреніемъ. Къ достоинствамъ отнесены: изображеніе нѣкоторыхъ характеровъ (Вздоровой—пожилой кокетки, Вѣтрона—моднаго повѣсы), хорошіе стихи, остроумная и ѣдкая сатира. Главный недостатокъ заключается въ томъ, что «сатира не соединена съ дѣйствіемъ». Цѣль піесы—осмѣять порокъ двумя противоположными способами: смѣхомъ и плачемъ, почему и выведены Хохоталкинъ и Плаксинъ. Но эти лица, имѣющія значеніе Демокрита и Гераклита, являются передъ зрителями для того только, чтобы выставить различныя точки зрѣнія на одни и тѣже предметы; они говорятъ, а не дѣйствуютъ; они сатирики, а не характеры; ихъ можно уволить изъ піесы, какъ лица эпизодическія, выходящія на сцену и сходящія со сцены безъ участія въ дѣйствіи.

«Ябеда» (пред. 1796, нап. 1798), комедія Капниста (1757—1824), достойна стоять въ одномъ ряду съ «Недорослемъ». Она принадлежитъ къ числу тѣхъ комедій, которыя, по важности своего содержанія, носятъ названіе «общественныхъ», обличающихъ господствующій недостатокъ цѣлаго общества или какого-либо его сословія въ извѣстную эпоху. Чѣмъ вреднѣе порокъ дѣйствуетъ на нравы и чѣмъ обширнѣе его вліяніе, тѣмъ болѣе возвышается значаніе піесы, отдающей его на судъ и посмѣянье свѣта. У строптивыхъ людей разные нравы, говоритъ Капнистъ въ посвященіи піесы императору Павлу: иному не страшна казнь, но онъ боится злой славы; и потому, желая обезславить мздоимство и ябеду, онъ написалъ комедію, въ которой изображено то и другое. Что въ очеркахъ и отрывкахъ разсѣяно по сатирамъ Кантемира, по сочиненіямъ Сумарокова и журналамъ 1769—74 г. г., то въ Ябедѣ образуетъ цѣльную картину, нарисованную яркою кистью. Двоякій предметъ узнается какъ изъ посвященія, такъ и изъ первой сцены перваго акта. Лице злаго ябедника Праволова, подкупность, плутовство и грабительство чиновниковъ метко описаны

повытчикомъ Добровымъ, единственно честнымъ человѣкомъ изъ всѣхъ членовъ гражданской палаты, въ его разговорѣ съ полковникомъ Прямиковымъ. Нѣкоторыя характеристики сдѣлались типическими поговорками, наприм.:

..... Гражданскій предсѣдатель
Есть сущій истины Іуда и предатель.—
..... Прокуроръ,
Чтобъ въ риѳму мнѣ сказать—существеннѣйшій воръ.
Вотъ прямо въ точности всевидящее око:
Гдѣ плохо что лежитъ, тамъ зетитъ онъ далеко.—
А о секретарѣ, дуракъ, кто слово тратитъ:
Хоть голъ будь какъ ладонь, онъ что-нибудь да схватитъ.—

Соотвѣтственно двумъ предметамъ піесы, и нравственный выводъ ея относится во-первыхъ къ ябедѣ, а потомъ къ лихоимству. «Что ни говори, а дѣло плоховато»! восклицаетъ предсѣдатель Кривосудовъ, попавшій въ уголовную вмѣстѣ съ прокуроромъ Хватайко, секретаремъ Кохтинымъ и другими членами палаты. Это плоховатое дѣло произошло, по объясненію служанки, отъ того, что ея «господинъ «жилъ ябедой и тѣмъ, что взято, то свято». Сюжетъ «Ябеды», по обычаю французскихъ комедій, не обходится безъ любви и свадьбы. Есть и неизбѣжная Софья, дочь Кривосудова, въ которую влюбленъ Прямиковъ, но которую хотятъ выдать за Праволова. Сцена пирушки у предсѣдателя, по случаю именинъ его жены и сговора дочери, превосходно выставляетъ безцеремонное обращеніе чиновниковъ съ законами: не стѣсняясь ни чѣмъ, служители Ѳемиды цинически высказываютъ свой образъ мыслей и дѣлъ. Особенно славилась пѣсня прокурора:

Бери, большой тутъ нѣтъ науки;
Бери, что только можно взять:
На чтожъ привѣшены намъ руки,
Какъ не на то, чтобъ брать?

Комедія оканчивается торжествомъ правды и наказаніемъ порока. сенатъ, узнавъ продѣлки Праволова, предписалъ посадить его въ тюрьму, а членовъ палаты предать суду; Прямиковъ является въ минуту невзгоды, упавшей на отца Софьи, и предлагаетъ ей свою руку: предложеніе, конечно, принято съ радостью. Но какъ дѣйствительность часто идетъ на перекоръ моральнымъ тенденціямъ комика, то и здѣсь довѣріе къ удовлетворительной, по видимому, развязкѣ подрывается замѣчаніемъ служанки, которая говоритъ Доброву:

Авось-либо и все намъ съ рукъ сойдетъ слегка;

Добровъ отвѣчаетъ:

Впрямь: моетъ, говорятъ, вѣдь руку-де рука;
А съ уголовною гражданская палата,
Ей, ей, частехонько живетъ за панибрата.
Не то, при торжествѣ уже какомъ ни есть,
Подъ милостивый васъ поддвинутъ манифестъ.

Успѣхъ «Ябеды» былъ чрезвычайный. Публика принимала ее съ шумными рукоплесканіями; но тѣ изъ зрителей, къ которымъ относились слова Доброва:

..... законы святы,
Но исполнители—лихіе супостаты,

были въ такой же степени ею недовольны. Язвительная сатира, живые, схваченные съ натуры характеры, сильные стихи долго удерживали эту комедію на сценѣ и сохраняютъ за ней и теперь право называться однимъ изъ лучшихъ произведеній нашей драматической литературы.

Комедія Судовщикова: «Неслыханное диво, или честный секретарь», по своему предмету имѣетъ сходство съ «Ябедой». Она представляетъ лихоимство въ лицѣ предсѣдателя Кривосудова и честное, правдивое служеніе законамъ въ лицѣ секретаря Правдина. До появленія своего въ печати (1802), она долгое время ходила въ рукописи. Нѣкоторое вліяніе на нее «Ябеды» доказывается самыми именами лицъ: Кривосудовъ, Прямиковъ; квартальный Крючкострой, удачно начертанный, занимаетъ мѣсто Праволова, Правдинъ—Доброва, Милена (дочь Кривосудова)—Софьи. Стихи гладки и по мѣстамъ исполнены сатирическихъ выходокъ.

Княжнинъ (Яковъ Борисовичъ) род. въ Псковѣ. До 15-ти лѣтъ учился дома. Въ 1757 привезли его въ Петербургъ и отдали къ профессору Ак. Н., Модераху; здѣсь онъ узналъ франц., нѣм. и итал. языки. Окончивъ ученіе, началъ служить въ иностранной коллегіи, а потомъ въ канцеляріи о строеніи домовъ и садовъ. Затѣмъ перешелъ въ военную службу, къ фельдмаршалу К. Г. Разумовскому. Трагедія Дидона (1769) сдѣлала его извѣстнымъ публикѣ. Того же года поѣхалъ въ Москву, представилъ свою піесу Сумарокову и женился на его дочери Екатеринѣ, также писавшей стихи. Разстройство имѣнія и какія-то другія непріятныя обстоятельства «растерзали его чувствительную душу», по словамъ одной біографіи: онъ вышелъ въ отставку (1772), уединился въ семействѣ и предался исключительно литературѣ. Къ этому-то времени относятся его переводы, которыми онъ занимался по заказу стихотворцевъ и которые служили ему пособіемъ при разстроенныхъ дѣлахъ. Въ 1779 г. онъ снова вступилъ въ службу секретаремъ къ Бецкому и кромѣ того преподавалъ въ кадетскомъ корпусѣ русскую словесность (Краткое начертаніе жизни Княжнина, при 3-мъ изд. его сочиненій, 1817; Словарь свѣт. писателей, Евгенія; статьи В. Стоюнина:

«Я. Б. Княжнинъ», въ 5, 6 и 7 №№ Библ. для чтенія 1850; мои статьи о сочиненіяхъ Княжнина въ 4, 8 и 12 № От. Зап. 1850; Княжнинъ и трагедія его «Вадимъ», М. Лонгинова, въ 4 № Рус. Вѣст. 1860; Еще о Княжнинѣ и трагедіи его Вадимъ, В. Стоюнина, въ 10 № Рус. В. 1860; «Матеріалы для полнаго собранія сочиненій Княжнина», М. Лонгинова, въ 11 и 12 №№ Рус. Архива 1866).

Лукинъ (Владиміръ Игнатьевичъ) служилъ секретаремъ при И. П. Елагинѣ, кабинетъ-министрѣ Екатерины II. Въ біографіи Фонъ-Визина мы уже видѣли, что между нимъ и Лукинымъ были самыя непріятныя отношенія. Другіе писатели также не любили Лукина, почему онъ и комедіи его часто подвергались нападкамъ въ журналахъ, особенно въ «Трутнѣ» и «Всякой Всячинѣ, которую издавалъ Козицкій, пріятель Сумарокова. Причины такого нерасположенія надобно искать частію въ характерѣ Лукина, вѣроятно тяжеломъ и неуживчивомъ, частію и въ томъ, что онъ выражалъ свои мнѣнія прямо и рѣзко, не стѣсняясь литературными авторитетами, къ числу которыхъ принадлежалъ Сумароковъ. Главная изъ его піесъ—«Мотъ, любовію исправленный» (представлена 1765). Она написана въ назиданіе тѣмъ, кто въ молодости предается игрѣ, какъ это случилось съ самимъ авторомъ, и имѣла большой успѣхъ. Другія, подражательныя комеліи: «Пустомѣля» и «Щепетильникъ (о Лукинѣ, статьи А. Пыпина въ 8 и 9 №№ От. Зап. 1853).

Аблесимовъ (Александръ Онисимовичъ) служилъ сначала въ лейбъ-компанской канцеляріи при Сумароковѣ, сочиненія котораго часто переписывалъ на бѣло, что и возбудило въ немъ склонность къ стихотворству. Потомъ опредѣлился въ коммиссію проэкта новаго уложенія, а отсюда перешелъ въ военную службу, адъютантомъ къ генералу Сухотину, дослужился до капитанскаго чина и былъ экзекуторомъ при московской управѣ благочинія. Умеръ въ величайшей бѣдности, употребляя получаемое жалованье на воспитаніе единственной дочери. Сочиненія его: нѣсколько стихотвореній въ «Трудолюбивой Пчелѣ» (1759); Сказки въ стихахъ (1769); Стихотворенія и прозаическія статьи въ Трутнѣ (1769—70); «Подъяческая пирушка», ком. въ 5 д. (не нап.) Мельникъ, колдунъ, обманщикъ и сватъ (предст. 1779); «Походъ съ непремѣнныхъ квартиръ» (не нап. и не дошла до насъ, хотя часто была играна); Счастье по жеребью, оп. въ 1 д. (1780); «Странники», діалогъ на открытіе москов. петровскаго театра (1780); Разскащикъ забавныхъ басенъ, стихами и прозою (1781). Аблесимовъ, по отзыву современниковъ его, былъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ русскихъ писателей, которые вполнѣ понимали характеръ своего народа и сильно содѣйствовали его развлеченію. Въ другихъ комическихъ операхъ (Управителѣ, Несчастіи отъ кареты и т. п.) много заимствованнаго; Аблесимовъ не могъ заимствовать, потому что не зналъ ни одного языка, кромѣ роднаго.

Веревкинъ (Михаилъ Ивановичъ) воспитывался въ Сухопутномъ корпусѣ, откуда поступилъ въ военную службу (1742 г.). При открытіи Московскаго университета (1756) опредѣленъ въ него ассессоромъ, а въ 1758 г. директоромъ казанской гимназіи. Исполненіемъ своихъ педагогическихъ обязанностей онъ оправдалъ выборъ начальства: заботился объ успѣхахъ учащихся, пріискивалъ годныхъ учителей и

хлопоталъ о пріобрѣтеніи учебныхъ пособій, старался возбудить въ гимназистахъ любовь къ чтенію, заставлялъ ихъ выучивать наизусть сочиняемыя преподавателями на разныхъ языкахъ рѣчи, представлять трагедіи Сумарокова, танцовать и фехтовать. По доносу учителей на разные безпорядки, Шуваловъ (кураторъ москов. университета) отставилъ его отъ директорства (1761). Въ 1763 г. состоялъ при Кабинетѣ у перевода иностранныхъ книгъ на рус. языкъ, а во время пугачевскаго бунта—директоромъ походной канцеляріи гр. П. И. Панина. Послѣ того служилъ еще въ разныхъ мѣстахъ по гражданскому вѣдомству; вышелъ въ отставку 1781 г. Веревкинъ былъ уменъ и остеръ, считался очень образованнымъ человѣкомъ для своего времени и обращалъ на себя вниманіе, какъ литераторъ. Онъ отличался способностью блистать въ обществѣ разговоромъ. «Когда онъ пріѣзжалъ въ Петербургъ (говоритъ кн. Вяземскій), то, съ шести часовъ утра, прихожая его наполнялась присланными съ приглашеніями на обѣдъ, вечеръ; хозяева сзывали гостей «на Веревкина». Отправляясь на вечеринку или обѣдъ «говорить», онъ спрашивалъ у товарищей своихъ: «какъ хотите — заставить ли мнѣ сегодня слушателей моихъ плакать, или смѣяться?» И съ общаго назначенія то морилъ со смѣху, то приводилъ въ слезы». — Веревкинъ отличался замѣчательнымъ трудолюбіемъ. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ плодовитыхъ переводчиковъ и сочинителей. Главнѣйшій переводъ его: Исторія о странствіяхъ вообще, сокращенная Лагарпомъ изъ Исторіи Прево, 22 ч. (1782—87). Онъ имѣлъ даже намѣреніе перевести всю французскую Энциклопедію (Дидро). Кромѣ «Такъ и должно», онъ написалъ еще комедіи: Именинники (1774) и Точь въ точь (1785) («М. И. Веревкинъ», Рус. Бесѣда 1860, № 1).

§ 28. Кромѣ героическаго эпоса, мы имѣли пародіи на него или эпосъ комическій, который можетъ быть двоякаго рода: или маловажный предметъ воспѣвается тономъ какого-либо важнаго эпическаго произведенія; или послѣднее представляется въ противоположномъ, т. е. смѣшномъ видѣ, «выворачивается на изнанку». Образцы того и другаго представляютъ «Энеида», вывороченная на изнанку Осиповымъ и Котельницкимъ (1791—1808); «перелицованная» на малорусскій языкъ Котляревскимъ (1789); «Похищеніе Прозерпины», Котельницкаго (1795); поэмы Майкова: «Игрокъ ломбера» (1763) и «Елисей, или раздраженный Вакхъ» (1769). Эпосъ-пародія, или такъ называемая ирои-комическая поэма (ироническая по тону и внѣшней формѣ, комическая по содержанію), тогда только становится достойнымъ памятникомъ поэзіи, когда движется въ средѣ глубокой сатиры или свободнаго юмора; иначе она служитъ простою забавой, какъ смѣхотворная повѣсть, которая своею цѣлью не выкупаетъ посягательства на красоту художественнаго созданія. Но и въ послѣднемъ случаѣ комическій эпосъ можетъ имѣть зна-

ченіе, если онъ осмѣиваетъ господство ложнаго литературнаго вкуса, или даетъ таланту, надъ которымъ тяготѣетъ враждебное ему вліяніе, способъ вырваться на просторъ и заявить свою оригинальность, или, наконецъ, героевъ и событія чуждаго міра замѣщаетъ дѣлами и лицами, хотя и мелкаго разбора, но домашними, интересными для насъ, какъ наша собственность. Сочиненія Майкова (1728—1778) доказываютъ, какъ много выигрываетъ дарованіе, отрѣшаясь отъ предвзятой теоріи и сознавая свойственную ему дѣятельность. Въ одѣ «на вкусъ», онъ восхваляетъ Сумарокова, какъ высшій образецъ его, и хочетъ летѣть за нимъ во-слѣдъ; а между тѣмъ своею извѣстностью одолженъ стихотвореніямъ, которыя написаны вовсе не въ Сумароковскомъ вкусѣ. Не зная ни одного иностраннаго языка, онъ переложилъ «съ россійской прозы въ стихи» Вольтерову Меропу и, вѣроятно, подобнымъ же образомъ «перевелъ» стихами «Овидіевы превращенія» и «Военную науку» Фридриха II; сочинилъ, въ ложно классическомъ вкусѣ, трагедіи: «Агріопу» и «Ѳемисту и Іеронима»; писалъ оды, басни и другія стихотворенія. Но изъ всего, имъ написаннаго, исторія словесности отличаетъ только его комическія поэмы, въ которыхъ онъ обнаружилъ талантъ, остроуміе, искреннюю веселость, наблюдательность. По своей оригинальности онѣ стоятъ въ сторонѣ отъ обычной манеры современныхъ пѣснопѣвцевъ, умѣвшихъ «хитро ломать естество», какъ выразился Майковъ. «Игрокъ Ломбера» есть шутливый разсказъ сновидѣнія, представившаго всѣ перипетіи карточной игры; чудесное состоитъ въ олицетвореніи старшихъ картъ.— Герой другой поэмы: «Елисей или Раздраженный Вакхъ» — ямщикъ изъ Зимогорья. Вакхъ, въ гнѣвѣ на откупщиковъ за дороговизну вина, выбираетъ его орудіемъ своего мщенія. Мститель вводится Силеномъ въ домъ одного откупщика, оскорбляетъ честь его жены, опустошаетъ погребъ и потомъ начинаетъ разорять другихъ откупщиковъ; но такая дерзость прогнѣвляетъ Зевса, который собираетъ совѣтъ боговъ и по суду его Елисей отдается въ солдаты. Въ поэмѣ выступаетъ на сцену русское простонародье; всѣ ея дѣйствія пародируютъ дѣйствія серьезнаго эпоса: валдайцы и зимогорцы, подобно грекамъ и троянамъ, образуютъ два воинства; кулачные бои и драки первыхъ соотвѣтствуютъ битвамъ вторыхъ; они дерутся за сѣнокосъ, какъ будто за Трою или за тѣло Патрокла; гнѣвъ Елисея есть своего рода Ахилловъ гнѣвъ; похожденія его въ Калинкиномъ домѣ, связь съ тамошней начальницей и тайный выходъ оттуда напоминаетъ пребываніе Энея у Дидоны; какъ Эней повѣствуетъ карѳагенской царицѣ свою про-

шедшую судьбу, такъ Елисей разсказываетъ начальницѣ прядильнаго дома о борьбѣ зимогорцевъ съ валдайцами. И во всемъ составѣ поэмы видно соблюденіе ложно-классическихъ правилъ и пріемовъ: она начинается словомъ «пою» и обращеніемъ къ лирѣ и Скаррону (образцу Майкова, автору «Энеиды, вывороченной на изнанку»). Современникамъ нравилась такая вѣрность ложно-классическимъ требованіямъ отъ комическаго эпоса; они хвалили «Елисея», какъ первую правильную у насъ шутливую поэму. Но, разумѣется, не въ этомъ главное достоинство забавной пародіи: она, какъ проявленіе своеобразнаго таланта, есть протестъ противъ односторонней торжественности искуственной поэзіи. Если уже переложеніе чужаго на родные обычаи и нравы привлекало сочувствіе читателей, то Майковъ пошелъ дальше: онъ почерпалъ матеріалъ для своихъ произведеній непосредственно изъ русской жизни, почему и былъ любимымъ въ свое время писателемъ; его читали люди не одного высшаго общества, но и «средняго рода», что и служитъ лучшимъ доказательствомъ его дѣйствительной популярности, какою немногіе пользовались въ XVIII вѣкѣ (1).

Изъ разныхъ видовъ повѣстей и романовъ явились у насъ прежде всего философско-политическіе, имѣвшіе цѣлію служить руководствомъ въ наукѣ правленія. Прототипомъ ихъ былъ «Телемакъ», Фенелона, котораго первое изданіе вышло у насъ въ 1747, хотя ему предшествовали рукописные переводы. Тредьяковскій переложилъ его гексаметрами, подъ названіемъ «Тилемахиды» (1766); но еще прежде того (1751) онъ познакомилъ насъ съ «Аргенидой» (2), Іоанна Барклая, политическимъ романомъ, содержащимъ въ себѣ аллегорическое изображеніе состоянія Франціи и другихъ западныхъ государствъ въ эпоху лиги. Успѣхъ «Телемака» вызвалъ множество подражаній Фенелону, изъ коихъ укажемъ слѣдующія: «Жизнь Сноа, царя египетскаго», аббата Террасона, переводъ фонъ-Визина (1762—68), «Велисарій» Мармонтеля и «Нума Помпилій», Флоріана, также переведенные на русскій языкъ (первый былъ переводимъ нѣсколько разъ, и въ томъ числѣ «разными знатными особами на Волгѣ», сопровождавшими Екатерину II во время ея путешествія въ Казань, напр. 1768 г.; второй—1788).

---

1) «О жизни и сочиненіяхъ В. И. Майкова», Л. Майкова (Сочиненія и переводы В. И. Майкова, въ изданіи Глазунова: Русскіе писатели XVIII и XIX ст., подъ Редакціей П. Ефремова).

2) Имя вымышленной сицилійской царицы, подъ которой, какъ полагали, разумѣлась Франція или династія Валуа.

Подражателемъ романовъ этого рода явился Херасковъ. Ему принадлежатъ: Нума, или процвѣтающій Римъ (1768), Кадмъ и Гармонія (1786), Полидоръ, сынъ Кадма и Гармоніи (1794), Царь, или спасенный Новгородъ (1800). При всей своей безцвѣтности и длинноте, они не чужды указаній на тѣ предметы, которые, въ періодъ двухъ царствованій (Екатерины и Павла), интересовали вниманіе образованнаго класса. Текущія событія не только служили поводомъ къ ихъ появленію, но и отразились въ нихъ извѣстнымъ образомъ и въ извѣстной степени.

«Нума, или процвѣтающій Римъ», изображаетъ, въ лицѣ римскаго царя, Екатерину II, правленіе которой составляетъ второй періодъ въ исторіи новой, или петровской, цивилизаціи, какъ сказано въ эпилогѣ къ этому эпическому повѣствованію. Всѣ дѣйствія Нумы касательно воспитанія, законодательства и другихъ предметовъ внутренняго устройства вытекаютъ изъ началъ истины, добродѣтели и правосудія, бывшихъ лозунгомъ XVIII вѣка; почему Херасковъ и заключаетъ свое сочиненіе такими словами: «Можно теперь сказать съ божественнымъ Платономъ: счастливы тѣ народы, у которыхъ философъ государемъ бываетъ, или государь философомъ сдѣлается». Какъ «Нума» относится къ началу царствованія Екатерины II, такъ «Полидоръ» (1794) касается событій, занимавшихъ правителей и общество въ послѣдніе годы ея жизни. Хотя повѣствованіе о сынѣ Кадма и Гармоніи есть по преимуществу нравоучительное, доказывающее возможность изъ каждаго добра и зла извлекать пользу, однакожъ въ немъ высказываются не одни нравственныя, но и политическія мнѣнія автора. Многія мѣста представляютъ государственный переворотъ, совершившійся во Франціи. Представленіе особенно ясно въ третьей главѣ, описывающей посѣщеніе Полидоромъ какого-то острова Терзита на Атлантическомъ океанѣ. Въ жителяхъ этого острова (соименника «презрительному Терзиту» Иліады) является народъ, зараженный вольнодумствомъ, жаждою свободы и равенства, разрушившій всѣ прежнія основы общества. Полидоръ рѣшается возстановить и дѣйствительно возстановляетъ порядокъ у терзитянъ, доказывая право своего вмѣшательства тѣмъ, что «народы, сами собою управляющіе, больше пекутся о частномъ своемъ благѣ, а цари, правящіе государствами, обязаны пещись о благѣ всего свѣта». «Царь, или спасенный Новгородъ», изображаетъ двѣ картины: въ одной представлены «ужасъ безначалія, бѣшенство мнимой свободы и безумное алканіе равенства»; въ другой—счастіе государствъ и народовъ. По цѣли и направленію эта стихотворная

повѣсть тѣсно связана съ «Полидоромъ». Оба сочиненія написаны подъ вліяніемъ идей и намѣреній, которыми руководствовалась тогдашняя политика европейскихъ державъ. Какъ Полидоръ усмиряетъ терзитянъ, а Рюрикъ новгородцевъ, такъ цари должны возстановить порядокъ въ взволнованной Франціи. Этотъ долгъ, по убѣжденію Хераскова, въ особенности лежалъ на императорѣ Павлѣ, которому повѣсть посвящена и въ которомъ она видитъ укротителя революціи, возстановителя престоловъ, какъ бы новаго Полидора, давшаго государственное устройство терзитянамъ:

Когда я Рюрика и Гостомысла пѣлъ,
Тебя въ душѣ моей и въ мысляхъ я имѣлъ:
Ты также, какъ они, престоломъ обладаешь,
Чертогъ народнаго блаженства созидаешь.....
Но паче ихъ сердца, Монархъ, увеселяешь,
Что громомъ зло разишь, престолы возставляешь.

Изъ романовъ моральнаго направленія пользовались большою извѣстностью произведенія аббата Прево (Prevost d'Exiles): «Приключенія маркиза Г.... или жизнь благороднаго человѣка, оставившаго свѣтъ», переводъ И. Елагина и В. Лукина (1756—1765); «Философъ Англинской или житіе Клевеланда побочнаго сына Кромвелева, самимъ имъ писанное» (1760—1767); «Настоятель Килеринской» (1765—1781). Они пришлись по вкусу нашихъ переводчиковъ, которые отъ вымышленныхъ повѣствованій требовали не забавы только, но и пользы. Беллетристика должна была, по тогдашнему взгляду, и научать и поучать, сообщая нужныя знанія, внушая правила доброй нравственности. Кромѣ моральнаго урока, выводимаго изъ судьбы героинь и героевъ, читатель выслушивалъ назидательныя размышленія и правила, которыя почитались самой здоровой приправою книги: такъ «Настоятель Килеринской» (Doyen de Killerine) названъ «*нравоучительною* повѣстью, снабженной всѣмъ тѣмъ, что можетъ учинить чтеніе ея полезнымъ и пріятнымъ». А какъ торжество добродѣтели и наказаніе порока всего лучше могутъ выказаться въ превратностяхъ человѣческой жизни, то содержаніемъ романа обыкновенно служили разнообразныя приключенія или похожденія. Выборъ такого сюжета представлялъ удобство и потому еще, что, заставляя героя странствовать въ разныхъ краяхъ, романистъ достигалъ и второй своей цѣли—удовлетворялъ любознательности читателя описаніемъ государствъ и народовъ. Форма изложенія — всегда почти разсказъ самого лица, отъ чего такіе романы могутъ быть причислены къ мемуарамъ: «Приключенія маркиза Г....» въ подлинникѣ называются: «*Memoires* de Marquis***

ou aventures d'un homme de qualité qui s'est retiré du monde»; «Настоятель Килеринской» сочиненъ также «изъ *записокъ* одной знатной ирландской фамиліи». Означенные романы Прево заслужили похвалу современныхъ французскихъ критиковъ: одни хвалили его за разнообразіе вымышленныхъ похожденій и картинъ, за пламенное изображеніе страстей; другіе за то, что онъ исполнилъ прямую обязанность романиста, ибо «въ романахъ, какъ и въ драмахъ, порокъ долженъ быть всегда наказанъ, а добродѣтель всегда награждена». У насъ они читались также съ большимъ удовольствіемъ. «Приключенія маркиза Г***» имѣли три изданія; дѣйствующее лице обратилось въ маркиза «Глаголя», по прежнему обычаю называть буквы славянскими ихъ именами. Какъ этотъ романъ, такъ и «Житіе Клевеланда» обращались даже въ низшемъ кругу грамотныхъ людей: въ комедіи Крылова «Урокъ дочкамъ» слуга Семенъ присвоиваетъ имя маркиза Глаголя, по совѣту горничной Даши, видно читавшей романъ, а въ комедіи «О время» Ханжахина обзываетъ свою горничную басурманкой за то, что она иногда читаетъ Клевеланда. Переводчики наши смотрѣли на эти романы, какъ на поучительное чтеніе и ожидали отъ нихъ пользы для нравственнаго чувства. Предисловіе къ Клевеланду объясняетъ ее такимъ образомъ: въ романахъ «изображаются нравы человѣческіе, добродѣтели ихъ и немощи; показываются отъ разныхъ пороковъ разныя бѣдствія въ примѣрахъ, то причиняющихъ ужасъ, то соболѣзнованіе и слезы извлекающихъ; и между цѣпью напострожайшимъ порядкомъ совокупленныхъ приключеній наставленія къ добродѣтели полагаются». И читатели сознавали доброе вліяніе романическаго чтенія. По крайней мѣрѣ, такъ думали Карамзинъ и Дмитріевъ. Первый говоритъ: «герои и героини, не смотря на многочисленныя искушенія рока, остаются добродѣтельными, всѣ злодѣи описываются самыми черными красками; первые наконецъ торжествуютъ, послѣдніе, какъ прахъ, исчезаютъ». Второй съ похвалою отзывается о маркизѣ Глаголѣ и Клевеландѣ: «они возвышали мою душу, были антидотомъ противу всего низкаго и порочнаго».

Разсказы о приключеніяхъ явились у насъ изъ подражанія господствовавшей въ иностранныхъ романахъ модѣ водить читателя, какъ говорится, за тридевять земель въ тридесятое царство. Къ такимъ разсказамъ принадлежатъ сочиненія Ѳедора Эмина (1735—1770), издателя «Адской почты». Его собственная жизнь была своего рода романомъ. Родомъ полякъ, Эминъ долго странствовалъ по свѣту. Въ Турціи, по какому-то несчастному съ нимъ приключенію, онъ былъ вынужденъ принять магометанство и поступить

въ янычары. Успѣвъ тайно отплыть изъ Константинополя въ Лондонъ, явился къ русскому посланнику кн. Голицыну и перешелъ въ православіе. По прибытіи въ Петербургъ (1761) былъ учителемъ въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ и переводчикомъ сначала въ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ, а потомъ въ Кабинетѣ. «Спадши съ колесницы фортуны и охромѣвши въ счастіи», Эминъ «началъ подпираться перомъ своимъ», т. е. сочинять и переводить. Не смотря на разнорѣчивость его показаній о себѣ самомъ, несомнѣнно то, что онъ былъ человѣкъ съ дарованіями и начитанный, зналъ нѣсколько языковъ, легко и скоро выучился русскому, видѣлъ на своемъ вѣку многое, и романы его читались охотно, равно какъ сатирическій журналъ «Адская почта» и назидательная книга «Путь ко спасенію». Лучшій романъ Эмина—«Непостоянная фортуна или похожденіе Мирамонда», имѣвшій три изданія (первое 1763) и посвященный графу Г. Г. Орлову, котораго авторъ называетъ своимъ «спасителемъ, благоволившимъ отогнать отъ очей его непросвѣтимый мракъ противнаго магометанскаго закона и озарить ихъ божественнымъ свѣтомъ евангельскія истины». Романъ исполненъ хитросплетенныхъ злоключеній, приличныхъ «свѣтозрителю», какимъ былъ самъ Эминъ, девять лѣтъ проведшій въ странствованіяхъ. Главное лице романа—Мирамондъ, сынъ министра турецкаго султана, отправленный отцемъ въ чужія государства для изученія политики, подъ надзоромъ ментора Азыза и въ товариществѣ съ Феридатомъ, подъ именемъ котораго авторъ представилъ себя самого: «сія книжица истинныя Мирамондовы приключенія и мое несчастное похожденіе въ себѣ заключаетъ». Цѣль сочиненія двоякая, согласно тому, что сказано о романахъ этого рода: во первыхъ—«описанныя здѣсь страны, по которымъ чрезъ нѣсколько лѣтъ носилъ меня рокъ, къ совершенству достигающихъ (читателей) любопытство удовольствовать могутъ»; во вторыхъ—«сплетенныя приключенія, здѣсь изображенныя, того къ добродѣтели привѣтствуютъ (привлекаютъ), кто съ точнымъ разсужденіемъ околичности оныхъ разбирать станетъ».—«То правда», говоритъ въ другомъ мѣстѣ авторъ, «что многія здѣсь сыщутся мыслями моими сплетенныя приключенія; однако ни одно изъ нихъ безъ намѣренія не написано, и каждое изображаетъ въ себѣ нѣчто или удовольствіе тебѣ (читателю) приносящее, или совѣсти твоей полезное». Обращеніе къ читателю, въ концѣ романа, выказываетъ искреннее элегическое чувство, заставляющее вѣрить предположенію, что въ судьбѣ Феридата Эминъ описалъ приключенія своей жизни:

Если Феридатовы злосчастія какого-либо соболѣзнованія достойны, то онъ (*сочинитель*) тебя униженно проситъ, чтобы ты разсуждать изволилъ съ сожалѣніемъ о его горестныхъ злоключеніяхъ Знай то, что онъ и нынѣ въ мысляхъ своихъ часто бываетъ несчастенъ, стенаетъ и воздыхаетъ, воспоминая о минувшемъ, трепещетъ и ужасается, размышляя о непзвѣстности предбудущаго. Философія злосчастному и многими язвами сердце зараженное имѣющему не въ пользу бываетъ, потому что чѣмъ наше сердце съ младолѣтства паполено, то не скоро изъ онаго истребить возможно. Прошу и увѣщаваю тебя, имѣй сожалѣніе о бѣдныхъ, ибо предвидѣть того не можешь, что завтра съ тобой статься можетъ; мы всѣ перемѣнамъ подвержены, постоянности ни въ чемъ нѣтъ, и если сегодня нашъ ближній утопаетъ въ бѣдствіи, то завтра и мы оному подлежать можемъ. Ни достоинство, ни богатство—никого отъ злосчастія искупить не можетъ; и хотя я всякому желаю совершеннаго благополучія, однако самъ разсуди, благосклонный читатель, могутъ ли человѣческія желанія перемѣнить опредѣленія Всевышней власти. И такъ самъ собою старайся заслужить себѣ благополучіе, а о томъ не позабывай, что коль трудно сухощавому быть толстымъ, толь легко толстому похудѣть.

И независимо отъ сходства своего положенія съ положеніемъ дѣйствующаго лица въ романѣ, Эминъ любилъ не забывать себя и при случаѣ являться передъ читателемъ съ какою-нибудь выходкой, иногда элегической, а иногда юмористической. Такъ, напримѣръ, сказавъ, что Мирамондъ началъ умствовать послѣ утраты своего благополучія, онъ прибавляетъ: «и я, хотя межъ умныхъ себя поставить не могу, однако какъ бѣдность меня прижала, принялся къ сему моему сочиненію, началъ разсуждать философически, въ разныхъ переводахъ и чтеніи разныхъ книгъ на разныхъ языкахъ упражняться и быть доволенъ малымъ, когда большаго нѣтъ».

Изъ романовъ, относящихся къ одному роду съ сочиненіями Эмина, заслуживаетъ вниманія «Несчастный Никаноръ, или приключеніе жизни россійскаго дворянина Н***» (1), хотя и справедлива замѣтка Карамзина, что онъ, по литературному достоинству, принадлежитъ къ самымъ посредственнымъ. У «Никанора» былъ свой, и не малый, кругъ читателей, находившихъ повѣсть автора чувствительною и занимательною, и ея дѣйствіе большею частію совершается въ предѣлахъ отечества, а не въ Азіи и Африкѣ. Кромѣ того, приключенія злосчастнаго россійскаго дворянина не сплошной вымыселъ: это ясно по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, дѣйствительно бывшимъ, и по нѣкоторымъ лицамъ, дѣйствительно

1) Первое изданіе въ одной части (1775), второе въ 2 ч. (1787), третья часть—1789 г.

существовавшимъ, даже историческимъ. Здѣсь говорится о генералъ-фельдцейхмейстерѣ князѣ Рѣпнинѣ (Васильѣ Аникитичѣ, умершемъ 1748 г.), объ Ильѣ Александровичѣ Бибиковѣ (отцѣ Александра Ильича, извѣстнаго по дѣйствіямъ противъ Пугачева) и Иванѣ Ивановичѣ Свѣчинѣ, изъ которыхъ Бибиковъ былъ полковымъ командиромъ Никанора, а Свѣчинъ его двоюроднымъ братомъ, о смоленскомъ губернаторѣ Аршеневскомъ, о московскомъ докторѣ Кондоиди, о посѣщеніи Москвы дворомъ и пр. Трудно допустить, чтобы авторъ рѣшился съ такою точностью обозначать имена и фамиліи лицъ, безъ всякаго ихъ отношенія къ судьбѣ своего героя. Эта судьба сплетена изъ разныхъ несчастій. Единственный сынъ богатаго помѣщика, владѣвшаго четырьмя стами душъ въ одной изъ низовыхъ губерній, Никаноръ, на восьмомъ году возраста, поступилъ въ инженерный корпусъ, откуда выпущенъ кондукторомъ. Вскорѣ по выпускѣ онъ былъ командированъ изъ Петербурга въ Цесарію (точнѣе во Франконію), по случаю нашего вмѣшательства въ вопросъ объ австрійскомъ наслѣдствѣ, на основаніи оборонительнаго договора съ Англіею, коимъ Императрица Елисавета положила оказать помощь Маріи Терезіи въ ея войнѣ съ французами. Слѣдовательно, дѣйствіе романа открывается въ 1747 г. Съ прибытія Никанора въ Ригу, начались его злоключенія, о которыхъ онъ въ послѣдствіи разсказываетъ по вечерамъ какой-то княгинѣ. Вся жизнь его проходила въ любви. Одна страсть смѣнялась другою, но не изъ прихоти или вѣтренности, а по какой-то горемычной долѣ, словно на роду ему написанной. Онъ не имѣлъ и тѣни сходства съ Донъ-Жуаномъ или Фоблазомъ; напротивъ, онъ былъ человѣкъ мирнаго нрава, тихаго обхожденія, искательный, довѣрчивый, готовый на послуги и угожденія. До какой степени простиралась его безотвѣтность, можно судить по словамъ жены его: «мнѣ кажется (закричала на него она однажды), если кто съ тебя не только рубашку сниметъ, но и кожу сдеретъ, ты и тогда огорченъ не будешь». Обращеніе его съ прекраснымъ поломъ отличалось особеннымъ нѣжносердечіемъ. Даже на старости лѣтъ онъ всѣми силами старался служить дамамъ со всякимъ усердіемъ и почитаніемъ: «игралъ съ ними въ маленькую игру, для препровожденія времени, въ кадриль и въ ломберъ; употреблялъ всякія пристойныя шутки; пѣлъ и сочинялъ пѣсни и всякіе увеселительные стишки; смотрѣлъ имъ на руки, будто-бы ученъ онъ былъ хиромантіи и въ издѣвкахъ обнадеживалъ каждую изъ нихъ особливымъ благополучіемъ; сказывалъ имъ сказки и исторіи; на святкахъ производилъ съ ними всякія игры и гаданія; въ маскарадахъ одѣвался въ женское платье; словомъ ска-

зать, все то дѣлалъ, что въ угодность имъ служило». Кромѣ пѣсенъ и увеселительныхъ стишковъ, Никаноръ сочинялъ оды и подносилъ ихъ Екатеринѣ II: одна изъ нихъ, написанная вскорѣ по вступленіи Императрицы на престолъ, помѣщена въ самомъ романѣ. За то «благородныя женщины и дѣвицы города», въ которомъ Никаноръ пріютился, «такъ его принимали, какъ будто бы своего ближняго, но притомъ недостаточнаго родственника; и всякая старалась чѣмъ нибудь по бѣдности его наградить; и столько много они его любили, что всегда желали имѣть его при себѣ въ своей компаніи». У Никанора и не лежало сердце къ мужской компаніи; въ теченіи цѣлаго романа онъ постоянно обращается въ кругу прекраснаго пола, хотя отъ него-то и сдѣлался «несчастнымъ». Несчастія свои приписываетъ онъ не самому себѣ, а «горестному сложенію смертныхъ». Виновенъ ли я состою тѣмъ», восклицаетъ онъ однажды, «что *вложено въ меня слабое, необоронительное сердце»?* И вотъ слабосердечіе завлекаетъ Никанора изъ одной напасти въ другую. Ради любви—единственнаго своего времепровожденія—онъ даже рѣшался на безнравственные поступки, въ которыхъ потомъ раскаявался: обманулъ отца ложнымъ паспортомъ, будто бы выданнымъ ему отъ полковаго командира; хотѣлъ увезти съ собой въ армію чужую крѣпостную дѣвку; вмѣсто того, чтобы отправиться къ мѣсту своего назначенія, пробирался за границу. Послѣ нѣсколькихъ романическихъ похожденій—любви къ двумъ, находившимся у него въ услуженіи дѣвушкамъ, которымъ онъ предлагалъ свою руку, но которыя отказали ему не потому, чтобъ сами не чувствовали къ нему привязанности, а потому, что считали себя недостойными такой чести,—Никаноръ наконецъ женился и имѣлъ двухъ дѣтей, вымышленныя имена которыхъ (Огорчена и Правосудъ) портятъ достовѣрную обстановку повѣсти. Но жена бросила его, какъ только онъ лишился имѣнія «обманомъ своей тетки», а дочь, служившая ему отрадой, умерла. И остался онъ одинъ одинешенекъ, безъ семейства и имѣнія, доживать свой вѣкъ, въ отдаленномъ отъ столицы городѣ, у какого-то добраго человѣка, разсказывая знакомымъ свои приключенія и выводя изъ нихъ такую мораль: «теперь-то я нахожу себя благополучнымъ, когда далече отъ благополучія моего я самъ отдалился; теперь считаю я себя богатымъ, когда всего моего имѣнія безъ остатку лишился; теперь я признаю себя счастливымъ, когда всѣ мои злоключенія и печали удары свои на мнѣ уже совершили; теперь могу назвать остатки дней моихъ, препровождаемые въ здѣшнемъ городѣ, златымъ я вѣкомъ, когда ни о чемъ

уже больше попеченія не имѣю; теперь ничто меня не безпокоитъ и ничто не трогаетъ». Чтобы дать понятіе о языкѣ и характерѣ разсказа, приводимъ изъ него небольшой отрывокъ:

И я взялъ смѣлость подойти къ Елеонорѣ (такъ имя той дворянской дочери); она, съ великою ласкою поцѣловавъ меня въ високъ, подала мнѣ свою руку; я, принявъ ее, послѣдовалъ предъидущимъ. И какъ вошли мы въ садъ, тогда капитанъ-поручикъ пошелъ передъ нами съ хозяиномъ, ведучи хозяйку за руку; а позади ихъ велъ я Елеонору; а за нами слѣдовали товарищъ мой Алексѣй Е. съ племянникомъ хозяйскимъ. И каждые, шедши изъ насъ своею партіею, особливые имѣли разговоры: капитанъ-поручикъ разговаривалъ съ хозяиномъ и съ хозяйкою о расположеніи мѣста того сада; а Алексѣй Е. съ племянникомъ хозяйскимъ вошли въ разговоръ о военныхъ дѣлахъ и наукахъ; а мы съ Елеонорою продолжали рѣчь о нѣжной пріятности случившагося тогда воздуха. И такъ шли мы проспектомъ прямо къ одной галереи; но Елеонора сказала мнѣ, чтобъ я пошелъ съ нею въ лѣвую сторону въ куртину того сада, гдѣ можетъ она нарвать хорошихъ яблокъ. Я весьма охотно повелѣніямъ ея повиновался. И какъ вошли мы съ нею въ ту куртину, тогда Елеонора, сорвавъ хорошее яблоко и вынувъ изъ кармана складной ножичекъ, копмъ, разрѣзавъ оное, поднесла ко мнѣ и просила меня, чтобъ я отвѣдалъ, каковы яблоки въ ихъ саду. Я, съ великимъ удовольствіемъ принявши, съѣлъ яблоко и сказалъ ей: я въ жизнь мою, милостивая государыня, нигдѣ и никогда такихъ пріятнаго вкуса яблокъ еще не ѣдалъ. Ахъ, господинъ Никаноръ! сказала она, чрезвычайная похвала составляетъ опорочиваніе. Клянусь вамъ въ томъ, милостивая государыня, сказалъ я, что не лестно объ ономъ я вамъ докладываю; да и какой бы притомъ ни былъ хотя изъ всѣхъ родовъ лучшій фруктъ, то оной такъ вкусенъ и пріятенъ для меня быть не можетъ, какъ это яблоко, котораго сладость не только гортань, но и сердце ощущаетъ. А! сказала Елеонора: такъ вы, можетъ быть, иначе разумѣете вкусъ этого яблока, для того что оно сорвано съ моей любимой яблони и что я вамъ сдѣлала почтеніе поднесла его изъ своихъ рукъ; я бъ желала, чтобъ вы навсегда съ таковымъ вкусомъ наслаждались плодомъ моей любимой яблони. Счастливъ бы я назваться могъ, милостивая государыня, сказалъ я, еслибъ я удостоенъ былъ именоваться садовникомъ родителя вашего сада: я бъ вашу любимую яблонь не только хранилъ, но и обожалъ бы навсегда.

Въ прибавленіе къ Никанору замѣтимъ, что наша литература XVIII вѣка знаетъ еще другаго россійскаго дворянина, бывшаго, въ удивительныхъ превратностяхъ своей жизни, «то сыномъ счастія, то несчастію преданнымъ рабомъ». Описаніе этихъ перемѣнъ, имъ самимъ сочиненное на испанскомъ языкѣ (?), перевели потомъ на нѣмецкій, а съ нѣмецкаго на русскій, подъ заглавіемъ:

«Странныя приключенія Димитрія Магушкина (1), россійскаго дворянина» (2 ч., 1796). Разсказъ начинается торжественнымъ образомъ, *ab ovo*—со дня рожденія героя: «Пространное и отдаленнымъ народамъ долгое время бывшее неизвѣстнымъ россійское государство произвело родъ мой со многими другими изъ нѣдръ южной своей части: городъ Воронежъ, наименованіе свое имѣющій отъ рѣки того же имени, орошающей его, есть отечество моихъ родителей». Могушкинъ явился на свѣтъ 1667 г., «въ то самое время, когда благородная наша нація праздновала маслянницу предъ великимъ постомъ». Отецъ его, боярин Василій Никоновичъ, воронежскій губернаторъ (?), пользовался отъ царя Алексѣя Михайловича великою знатностью и милостью, за свои заслуги. При Ѳедорѣ же Алексѣевичѣ, онъ, по завистливымъ наговорамъ, былъ отрѣшенъ отъ должности; однакожъ ему дали въ команду полкъ, съ которымъ онъ отличился въ сраженіи съ турками подъ Чигиринымъ (1678), что и доставило ему знатное мѣсто въ этомъ городѣ. Приключенія молодаго Могушкина дѣйствительно странны. Въ самый день крестинъ, когда и господа и прислуга перепились на радости, загорѣлся домъ: родильница съ трудомъ была спасена, а кормилица, испугавшись медвѣдя, котораго держали забавы ради и который сорвался съ цѣпи въ общей суматохѣ, бросила новорожденнаго на дворѣ, гдѣ поднялъ его какой-то литовскій служитель и принесъ къ хозяину своему, тоже литвину, жившему въ пригородной слободѣ. Такимъ образомъ, изъ боярскаго и губернаторскаго сына Могушкинъ сдѣлался сыномъ крестьянина. Съ тѣхъ поръ судьба играла имъ какъ мячикомъ. Подвергая его диковиннымъ случайностямъ, бросая его изъ одного мѣста въ другое, она забросила его наконецъ въ Испанію. Отсюда онъ прибылъ въ Венецію, поступилъ на службу Венеціанской республикѣ и «донынѣ тамъ находится». Самымъ важнымъ фактомъ въ жизни Могушкина было его троеженство, чему онъ самъ несказанно дивился и что главнѣйшимъ образомъ понудило его написать свои мемуары. Впрочемъ, казусное дѣло не имѣло такихъ горькихъ послѣдствій, какъ въ баснѣ Крылова «Троеженецъ». Напротивъ, герой нашъ благополучно устроился, не смотря на то, что всѣ три его супруги сошлись у него въ одно время. Двухъ онъ оставилъ при себѣ: Лумиллу, первую по счету и старшую лѣтами, въ видѣ матери, а Мумеху, какъ супругу; третью же, Амазиру, съ ея согласія, уступилъ своему пріятелю, который былъ влюбленъ

1) Такъ стоитъ въ заглавіи, но въ самомъ разсказѣ онъ называется Могушкинымъ.

въ нее. Все это не невозможно, при всей своей странности. Но сомнѣніе въ томъ, что имени Могушкина нѣтъ между воронежскими воеводами ни въ статьѣ митрополита Евгенія: «Воронежъ» (Словарь Географическій Россійскаго Государства, Щекатова), ни въ «Разрядныхъ книгахъ», ни въ указателяхъ къ «Актамъ», ни даже въ «Древнихъ грамотахъ и другихъ письменныхъ памятникахъ, касающихся Воронежской губерніи» (собранныхъ Второвымъ и Александровымъ-Дальникомъ). Значитъ, герой-авторъ вывелъ себя подъ вымышленнымъ именемъ, имѣя на то свои причины, и всю историческую и топографическую обстановку разсказа—событія и ихъ годы, города: Чигиринъ и Воронежъ, рѣки: Донецъ и Оскулъ (Осколъ) и проч., придумалъ только въ интересахъ достовѣрности. Не думаю также, чтобы сочиненіе принадлежало русскому перу и выдано за переводъ для какого-нибудь «прикрытія», какъ говорилось прежде. Русскій не назвалъ бы воеводу губернаторомъ, а Чигиринъ—Чехриномъ, если только не предполагать, что переводчикъ, по незнанію русской исторіи и географіи, оставилъ эти слова въ томъ видѣ, въ какомъ они, быть можетъ, находятся въ подлинникѣ. Принимая въ соображеніе, что между приключеніями описываются частыя набѣги татаръ и ихъ стычки съ русскими, что дѣйствіе долгое время происходитъ въ Литвѣ и Польшѣ, и что въ разсказѣ попадаются латинскія изреченія, нельзя ли «Странныя приключенія Могушкина» почитать произведеніемъ польской литературы?

Охотники до соблазнительнаго чтенія, не знавшіе французскаго языка, могли у насъ читать переводы нѣкоторыхъ романовъ временъ Лудовика XV и революціи. Важнѣйшій между ними, «Фоблазъ», имѣлъ два перевода: петербургскій (Приключенія Шевалье де Фоблаза, 1792—96) и московскій (Жизнь и приключенія кавалера Фоблаза, 1793). Второе его изданіе, равно какъ переводъ другаго романа того же автора (Луве де Кувре): «Емилія Вармонтъ или разводъ по нуждѣ», относятся къ началу нынѣшняго столѣтія (1805). Не то дурно, что авторъ изображалъ безнравственныя явленія жизни: эпохи герцога орлеанскаго и Дюбарри не походили на вѣкъ невинности; литература есть зеркало общества, и, конечно, «не зеркало виновато, если рожа крива». Дурно то, что безнравственныя явленія изображены сочувственно, какъ идеалъ. Наши сочинители романовъ—надобно отдать имъ справедливость — не заражались такимъ недостойнымъ сочувствіемъ: ихъ отношеніе къ порочному чуждо французской легкомысленности; они смотрѣли на него глазами гнѣвной сатиры или, по крайней мѣрѣ, съ комической точки зрѣнія. Для примѣра укажемъ оригинальную повѣсть М. Чулкова,

остановившуюся на первой части: «Пригожая повариха или похожденіе развратной женщины» (1770) (1). Въ свое время она имѣла большой успѣхъ; кромѣ того, ея заглавіе связано съ анекдотомъ о Суворовѣ (2). Слово «развратная» показываетъ, что авторъ не выдаетъ кривду за плѣнительное дѣло, а указываетъ ея прямое свойство. Конечно, въ разсказѣ своихъ веселыхъ и пикантныхъ приключеній, героиня не отличается стыдливостью и не щадитъ стыдливости читателей; откровенность ея иногда безцеремонна; иногда и совѣсть не зазираетъ ее по той причинѣ, что «есть на свѣтѣ люди гораздо ея отважнѣе, которые въ одну минуту надѣлаютъ больше худаго, нежели она надѣлала въ три дня»; ея мнѣнія о себѣ самой отзываются съ одной стороны равнодушіемъ къ тому образу жизни, который она вела, а съ другой сомнѣніемъ въ лучшемъ качествѣ людей вообще, какъ будто разрѣшающимъ ея грѣхи; по временамъ она играетъ своими сужденіями, говоря, напримѣръ, что если бы «непостоянство и роскошь не побѣждали порочныхъ женщинъ, то онѣ были бы добродѣтельнѣе ростовщика и скупаго»: однакожъ, при всемъ этомъ, она не тщеславится своими продѣлками, принимая ихъ за продѣлки; безъ утайки причисляетъ себя къ порочнымъ женщинамъ; въ своихъ бѣдахъ видитъ послѣдствіе своего поведенія, которое по малой мѣрѣ, иронически называетъ не совсѣмъ изряднымъ; и виня людей, сбивающихъ ближняго съ пути и потомъ не въ мѣру взыскательныхъ къ ближнему, она, въ то же время, не оправдываетъ и себя, согласно съ пословицей: «неправъ медвѣдь, что корову съѣлъ, неправа и корова, что въ лѣсъ забрела». Морально-обличительный элементъ повѣсти выражается большею частію въ подобныхъ пословицахъ, которыми авторъ, по любви своей къ нимъ, пересыпалъ разсказъ пригожей поварихи.

Прямѣе и строже отнесся къ общественной безнравственности А. Измайловъ въ романѣ: «Евгеній или пагубныя слѣдствія дурнаго воспитанія и сообщества» (2 ч., 1799—1801). Это — сатира на легкомысленную, полную недостойныхъ явленій жизнь нѣкоторыхъ помѣщиковъ. Она замѣчательно-вѣрно представляетъ бытовую сторону нашего полуобразованнаго общества во второй поло-

---

1) Содержаніе этого романа изложено г. Лонгиновымъ въ его «Библіографическихъ запискахъ» (Современникъ 1856, № 6).

2) Однажды гр. Растопчинъ желалъ узнать мнѣніе Суворова о знаменитыхъ воинахъ и военныхъ книгахъ. Суворовъ перечислялъ всѣхъ извѣстныхъ полководцевъ и писателей, и при каждомъ имени крестился. Наконецъ, сказавъ Растопчину на ухо: «Юлій Кесарь, Аннибалъ, Бонапарте, Домашній лечебникъ, Пригожая повариха», заговорилъ о химіи.

винѣ прошлаго вѣка. Всѣ ея лица ясно выказываютъ себя не только своими поступками, но даже фамиліями: Негодяевъ, Развратинъ, Вѣтровы, Лицемѣркина, Подлянковы, гувернеръ Pendard (бездѣльникъ), гувернантка Sans-pudeur (безстыдная). Молодые еще хуже старыхъ. Родители какъ бы по завѣщанію передали дѣтямъ всѣ качества негодной своей натуры, которыя потомъ усилены и закрѣплены негоднымъ воспитаніемъ. Хорошаго не найдешь въ нихъ и съ фонаремъ. Единственная ихъ забота состоитъ въ томъ, чтобы удовлетворять животно-эгоистическимъ наклонностямъ. При выборѣ къ тому средствъ они не задумываются нисколько: все хорошо, что ведетъ къ цѣлямъ. А этихъ цѣлей не мало: успѣхи свѣтскаго волокитства и чувственныхъ наслажденій, состояніе на службѣ съ увольненіемъ себя отъ всякихъ служебныхъ обязанностей, легкое добываніе денегъ на мотовство, возліянія Бахусу, возмутительное обращеніе съ крестьянами и прислугой. Нѣтъ ни религіознаго чувства, ни понятія о долгѣ, ни патріотизма, ни истиннаго самолюбія; ни гражданской и семейной чести, ни любви и почтенія къ родителямъ, которые приходятъ на память лишь въ то время, когда необходимо выпросить у нихъ денегъ, нажитыхъ безъ труда, обманомъ или беззаконнымъ ростовщичествомъ. Подобное скопленіе отвратительныхъ личностей и дѣлъ въ небольшомъ романѣ, конечно, вредитъ его достоинству, какъ преднамѣренная односторонность; но каждая личность и каждое дѣло, взятыя порознь, не противорѣчатъ ни психологической возможности, ни исторической правдѣ. Герой романа, Евгеній Негодяевъ, немногимъ умнѣе Иванушки (въ комедіи «Бригадиръ») и многимъ хуже его въ нравственномъ отношеніи: въ немъ изъ подъ внѣшней цивилизаціи постоянно пробиваются грубыя, безсердечныя черты Скотинина и Митрофана. Сынъ бригадира просто смѣшонъ, а Евгеній отвратителенъ съ самаго дѣтства. Наперсникъ Негодяева, Развратинъ, умѣлъ съ несказаннымъ искусствомъ жить на счетъ другихъ и принадлежалъ къ числу вольтеріанцевъ: «онъ не наблюдалъ ни естественнаго закона, ни христіанскаго, хвасталъ какъ педантъ, пилъ какъ ремесленникъ, игралъ на биліардѣ какъ маркеръ и злословилъ какъ богомолка». Исторія его разсказана не безъ искусства. Однимъ словомъ, повѣсть отличается чувствомъ дѣйствительности, которое должно быть поставлено въ заслугу автору, тѣмъ болѣе, что онъ писалъ ее, имѣя только восьмнадцать лѣтъ отъ роду (1) и въ эпоху увлеченія Бѣдною Лизой. Са-

1) Самъ Измайловъ говоритъ:

Восьмнадцати, не больше, лѣтъ
Урода этого я произвелъ на свѣтъ.

тирическое дарованіе взяло у него верхъ надъ приманками сентиментализма. Правда и то, что онъ имѣлъ передъ собою хорошіе образцы — сатирическіе журналы 1769—74 гг. Многія характеристики лицъ, равно какъ и многія картины домашняго и свѣтскаго быта живо напоминаютъ статьи Всякой всячины, Трутня, Живописца. Такова, напримѣръ, переписка Евгенія съ родителями, видимо внушенная письмами отца, матери и дяди Фалалея Трифоновича. Кромѣ того, въ романѣ Измайлова выказалась особенность его пера — цинизмъ изображенія и выраженія, заслужившій ему имя русскаго Теньера № 1, которое онъ принималъ охотно, съ сознаніемъ своего отличительнаго достоинства, и которое въ самомъ дѣлѣ было достоинствомъ. Авторъ находилъ удовольствіе подбирать такія слова и краски, которыя отвѣчаютъ изображаемымъ предметамъ и событіямъ. Безцеремонность и наивная грубость послѣднихъ отражаются на слогѣ и рисовкѣ ихъ повѣствователя. Будучи сатирой, «Евгеній» въ тоже время принадлежитъ къ отдѣлу нравоучительныхъ романовъ: онъ имѣетъ цѣлію, какъ говоритъ заглавіе, показать «пагубныя слѣдствія дурнаго воспитанія и сообщества». Авторъ надѣялся, что книга его можетъ быть не только пріятна, но и полезна, т. е. что иные родители, прочитавъ ее, приложатъ рачительнѣйшее стараніе о воспитаніи своихъ дѣтей. Послѣдняя глава играетъ роль Немезиды: всѣ лица несутъ заслуженную кару. Самъ Негодяевъ вошелъ въ неоплатные долги, былъ посаженъ, по просьбѣ заимодавцевъ, въ магистратъ, занемогъ тамъ горячкою и умеръ на 24-мъ году отъ рожденія; Вѣтровы продали половину своихъ крестьянъ и вмѣстѣ съ кредитомъ потеряли названіе «хорошо живущихъ людей»; дочь ихъ, увезенная Распутинымъ и потомъ брошенная имъ, сокрыла въ рѣкѣ свой стыдъ; Распутинъ занемогъ въ то самое время, какъ хотѣлъ жениться на другой дѣвушкѣ, и похороненъ въ тотъ день, въ который думалъ праздновать свадьбу; у Лицемѣркиной тысячи съ тридцать пропало на должникахъ, да тысячъ съ двадцать укралъ у нея неблагодарный слуга Степка и бѣжалъ съ ними невѣдомо куда; у Тысящникова, мучителя своихъ крестьянъ, пожаръ истребилъ весь хлѣбъ; monsieur Pendard (Евгеніинъ учитель) добываетъ серебро и золото изъ перчинскихъ рудниковъ; madame Sans pudeur попалась на какую-то суконную фабрику, гдѣ и прядетъ шерсть весьма искусно. Короче, порокъ наказанъ, и если добродѣтель не торжествуетъ, то потому единственно, что добродѣтельныхъ въ романѣ нѣтъ.

Современники Сумарокова особенно уважали его басни, видя въ нихъ «сокровище россійскаго Парнасса». Восторженные хвалители

подносили ему двойной вѣнецъ—Расина и Лафонтена. Если онъ не превзошелъ французскаго баснописца, говорили они, то, безъ сомнѣнія, сравнялся съ нимъ. Но изъ множества притчъ, переведенныхъ и сочиненныхъ Сумароковымъ, хороши именно тѣ, которыя ни по формѣ, ни по содержанію не имѣютъ ничего общаго съ баснями, и дурны большею частію тѣ, которыя относятся къ разряду басенъ. Сумароковъ былъ сатирикъ: сатирическое направленіе и составляетъ особенность и вмѣстѣ достоинство нѣкоторыхъ его притчъ, или другихъ стихотвореній, неизвѣстно почему помѣщенныхъ между притчами. Впечатлительный авторъ съ трудомъ покорялся условіямъ посредственнаго представленія жизни. Ему не доставало самообладанія, нужнаго для того, чтобы отъ начала до конца выдержать аллегорію. Онъ нетерпѣливо отбрасывалъ покровъ ея, и уже прямо, а не иносказательно, выговаривалъ, что у него было на сердцѣ. Поэтому въ притчахъ его много открытыхъ указаній на современные нравы, случаи, даже лица. Само собою разумѣется, что при такой откровенности нравоученіе, разоблачающее смыслъ баснеинаго разсказа, становилось совершенно безполезнымъ. Съ этой-то точки зрѣнія, Карамзинъ почиталъ басни Сумарокова лучшимъ его твореніемъ: онѣ нравились ему «рѣзкою сатирой, сильными, безпощадно-язвительными стихами».

Не съ Сумарокова, а съ Хемницера (1744—1784) слѣдуетъ вести начало нашей искуственной басни. Басни его дѣлятся на переводныя и оригинальныя. Зная нѣмецкій языкъ, онъ переводилъ не Лафонтена только, но и Геллерта, который въ своихъ басняхъ былъ тѣмъ же, чѣмъ и на каѳедрѣ—профессоромъ морали: нравоученіе сильно выступаетъ впередъ, занимая иногда цѣлую, даже большую половину басни. Хемницеръ умѣлъ избѣгать этого недостатка. Понимая, что длинная мораль рѣдко бываетъ хороша и что авторъ обязанъ предоставлять иные выводы собственной догадкѣ читателей, онъ частію опускалъ, частію сокращалъ многорѣчивыя нравоученія Геллерта. Простота изложенія, и замысловатая, подъ часъ очень злая, наивность, при всей кажущейся безхитростности, служатъ главными отличіями его басенъ. И онъ самъ, и друзья его сознавали эти отличія. Въ посвященіи своихъ басенъ Дьяковой (сестрѣ второй жены Державина), онъ проситъ ее извинить «простой» ихъ слогъ. Слово «простой» относится не къ одному слогу, но и къ изобрѣтенію, составу и изложенію каждой басни. Надпись къ портрету баснописца говоритъ о не простотѣ, какъ главномъ его качествѣ:

Въ природѣ, въ простотѣ онъ истину искалъ;
Какъ видѣлъ, такъ ее списалъ.

Басни Хемницера служатъ вѣрнымъ отраженіемъ его характера и жизни: вотъ въ чемъ ихъ несомнѣнное достоинство. Хемницеръ, сколько намъ извѣстно изъ его біографіи, постоянно находился въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Честный, добросовѣстный, правдивый, онъ чувствовалъ цѣну своего ума и образованія, но, по врожденной ему простотѣ и скромности, никогда не выставлялъ ихъ на-показъ ни начальству, ни публикѣ, ни даже друзьямъ. По смерти отца, онъ остался съ матерью и двумя сестрами, которыхъ долженъ былъ содержать своимъ трудомъ. Но трудъ человѣка, дѣлающаго свое дѣло безъ шума и блеска, а единственно по чувству долга или по внутреннему призванію, рѣдко получаетъ достойное вознагражденіе. Такъ было и съ Хемницеромъ. Онъ очень хорошо зналъ, какъ легко живется на свѣтѣ глупцу или богачу, и какъ трудно пробивать себѣ дорогу умнымъ бѣднякамъ, которыхъ все имущество, и наслѣдственное и благопріобрѣтенное, состоитъ въ нравственныхъ качествахъ, да въ образованности. Это горькое знаніе выражено его баснями. Существенное ихъ содержаніе сводится къ двумъ мыслямъ: печальной долѣ ума и бѣдности, привольному житью богатства и глупости. Нравоученіе «Умирающаго отца» безъ оговорокъ утверждаетъ, что о глупцѣ нечего заботиться:

Дуракъ ужъ, вѣрно, сыщетъ средство
Счастливымъ въ свѣтѣ быть.

Элегическій мотивъ басни: «Пожилой гадатель», показываетъ, что сочинитель ея имѣлъ въ виду свое личное дѣло. Молодой человѣкъ пожелалъ узнать, какова будетъ его жизнь—счастливая или злосчастная; онъ призвалъ гадателя:

Гадатель былъ старикъ и строго честь любилъ,
Онъ зналъ людей и въ свѣтѣ жилъ,
Дѣтинѣ этому печально отвѣчаетъ:
Немного жизнь твоя добра предвозвѣщаетъ;
Ты къ счастью, кажется, на свѣтѣ не рожденъ:
Ты честенъ, другъ, да ты жъ уменъ.

Послѣдніе четыре стиха, опущенные при новомъ изданіи басенъ, содержатъ въ себѣ отвѣтъ старику:

Печальный прорекатель!
Какой стоическій урокъ!
Но къ счастію, что ты гадатель,
А не пророкъ.

Напрасное утѣшеніе! Молодой человѣкъ ошибся: старикъ былъ не пророкъ, а угадчикъ. Печальное гаданье повторяется на разные лады

въ баснях, указывая то блаженство глупости, то невзгоды и бѣдствія ума, честности, правды, трудовой жизни. Въ другой разъ, вѣроятно, тотъ же самый «дѣтина» спросилъ старика о средствахъ сдѣлаться знатнымъ (Совѣтъ старика). Будь храбръ, мой другъ, отвѣчалъ ему старикъ, отложи покой и забавы, трудомъ пріобрѣтай себѣ честь и славу, отличайся отъ другихъ глубокимъ знаніемъ.—Какъ это трудно! нѣтъ ли другихъ, болѣе легкихъ способовъ войти въ чины и почести?—

Ужъ легче нѣтъ того, какъ дуракомъ прожить.

Басня: «Богачъ и бѣднякъ» также построена на элегическій тонъ, вызванный неправымъ почетомъ богатству и столь же неправымъ презрѣніемъ къ бѣдности, поклоненіемъ мѣшку, набитому деньгами, а не внутреннимъ достоинствамъ человѣка. Но если свѣтъ не цѣнитъ послѣднихъ, то Хемницеръ зналъ ихъ самостоятельную, независимую отъ свѣтскихъ сужденій цѣнность. Умъ и глупость, невѣжество и образованіе часто противополагается въ его басняхъ. Исторія «мѣщанина въ баронствѣ» (Баронъ, изъ Геллерта) доказываетъ ничтожность богатства безъ образованія. Нравоученіе басни «Попугай» считаетъ бѣдою для умнаго человѣка попасться въ домъ невѣжды. Скромная работница, Пчела, уподобляется наукѣ, а Курица, носящаяся съ своимъ яйцомъ, хвастливому невѣждѣ (Пчела и курица). Этотъ умъ, которымъ такъ дорожитъ баснописецъ, не долженъ, по его мнѣнію, заходить за разумъ. Простой по нраву и образу жизни, простой въ своемъ авторствѣ, Хемницеръ любилъ тоже качество въ сужденіяхъ и въ наукѣ. Здравомысліе предпочиталъ онъ умствованію, пріемы безхитростнаго мышленія діалектическимъ тонкостямъ. Басня «Метафизикъ» есть сатира противъ тѣхъ школьныхъ врале́й,

Которые съ ума нэ разъ людей сводили,
Неистолкуемымъ давая толкъ вещамъ.

Въ другой баснѣ (Буквы) являются «ученые отцы», любящіе въ самыхъ незначительныхъ словахъ открывать тайный смыслъ: такое направленіе учености басня называетъ сумасбродствомъ, доводящимъ и другихъ до безумія. «Лисица и сорока» замѣчаетъ, что у людей

Чѣмъ кто глупѣе,
Тѣмъ въ доказательствахъ сильнѣе.

«Ереси и спорныя слова, разсѣянныя въ законахъ», погубили множество народа, по словамъ басни «Слѣпцы». Кто скроменъ въ мыс-

ляхъ и желаніяхъ, тотъ не заносится высоко, а любитъ осторожно ступать по землѣ, «ловить, что сыщется подъ ногами, а не то, что летаетъ надъ головой» (Собака и муха). Хитроуміе ведетъ къ заблужденіямъ: умствуя, мы зовемъ счастіе несчастіемъ и клянемъ истинное благо, почитая его зломъ (Крестьянинъ съ ношею). И потому-то именно, что Хемницеръ смотрѣлъ себѣ подъ ноги, онъ лучше хитроумныхъ видѣлъ людскія злоупотребленія и неправду, особенно неправду на службѣ. Басня «Воинъ» представляетъ честнаго служиваго, обойденнаго наградой, но не напоминающаго о томъ начальству. Пускай, говоритъ онъ, лучше мнѣ скажутъ,

За что креста я не прошу,
А не за что я крестъ ношу.

«Часовая стрѣлка» показываетъ искусство нѣкоторыхъ особъ получать отличія за труды подчиненныхъ: какъ «иной дѣлецъ чужими чванится дѣлами». «Оплошалая Лисица» есть образъ тѣхъ людей, которые, вѣря пословицѣ: «отъ добра добра не ищутъ», не запасаются на всякій случай двумя тремя служебными мѣстечками:

Сталъ новый командиръ изъ мѣста выжимать:
Другое есть, куда пристать.
Хоть впрочемъ иногда случится,
Гдѣ статскій чинъ сидѣлъ, военный очутится;
Да дѣло здѣсь о томъ: когда пришла бѣда,
Что надобно бѣжать,—такъ было бы куда.

Дополнимъ наши указанія еще двумя баснями: «Великанъ и карлики» и «Паукъ и мухи». Гдѣ карлики не находили дна, тамъ великанъ перешелъ рѣку въ бродъ; такъ и въ дѣлахъ: иному океанъ—лужица, а иному и лужица—океанъ. Ту паутину, въ которую мушиная мелочь попадается сплошь и рядомъ, большая муха легко прорываетъ:

А это и съ людьми бываетъ,
Что маленькимъ, куда
Ни обернись, бѣда.
Воръ, напримѣръ, большой, хоть въ кражѣ попадется,
Выходитъ правъ изъ подъ суда;
А маленькій наказанъ остается.

Какъ же искоренять безпорядки и злоупотребленія? Хемницеръ оставляетъ этотъ вопросъ безъ отвѣта. Онъ знаетъ только, что ихъ не искоренишь тѣмъ способомъ, который всегда почти употребляется, т. е. начиная сметать соръ съ нижнихъ ступеней лѣстницы (басня «Лѣстница»):

*

На что бы походило,
Когда бъ въ правленіи, въ какомъ бы то ни было,
Не съ вышнихъ степеней, а съ нижнихъ начинать
Порядокъ наблюдать?

Ясному отраженію личности автора въ его сочиненіяхъ, полныхъ отношеній къ его жизни семейной и служебной, мы частію приписываемъ боязнь Хемницера выпустить въ свѣтъ свои басни. Излишняя совѣстливость мѣшала ему выставлять передъ публикой свою собственную личность, которою онъ, по скромности и простотѣ, мало занимался, всенародно исповѣдовать свои чувства и мысли, дѣлиться съ читателемъ наблюденіями и намеками, изъ которыхъ иные, какъ онъ самъ говорилъ друзьямъ, будутъ, кромѣ того, приняты въ дурную сторону и могутъ повредить его службѣ. Хемницеръ всегда твердилъ своимъ баснямъ «жить правдою и говорить правду»: какъ же было имъ явиться въ общество, которое и жило и говорило иначе? какъ, напримѣръ, Бѣднякъ, извѣдавшій на опытѣ неправое презрѣніе къ бѣдности, рѣшился бы еще дать ей въ спутницы суровую правду? «Посвященіе» раскрываетъ эти личныя опасенія Хемницера, который не только писалъ басни, но и часто описывалъ въ нихъ себя самого. Вмѣшательство личности сообщило имъ извѣстную задушевность, такъ что иныя изъ нихъ могутъ быть названы баснями-элегіями, но вмѣстѣ и пугало автора, не желавшаго сдѣлаться предметомъ толковъ и догадокъ. Потому-то, склонясь на просьбу Львова и Капниста напечатать сочиненія, онъ скрылъ свое имя и взялъ съ друзей слово не выдавать его.

Майковъ (Василій Ивановичъ) провелъ свое дѣтство въ отцовскомъ помѣстьѣ, близъ Ярославля. Отецъ его былъ друженъ съ ярославскимъ воеводою Мусинымъ-Пушкинымъ и вмѣстѣ съ нимъ покровительствовалъ театральнымъ начинаніямъ Ѳ. Г. Волкова. Образованіе молодой Майковъ получилъ ограниченное: онъ не зналъ ни одного иностраннаго языка. Но отсутствіе гувернеровъ, домашнее обученіе по церковнымъ книгамъ и самая семейная обстановка имѣли для него большую выгоду: они дали его природнымъ дарованіямъ возможность развиться лицемъ къ лицу и въ сочувствіи съ русскою дѣйствительностью и простонароднымъ бытомъ, слѣды чего и отразились въ его произведеніяхъ. Службу Майковъ началъ (1747) въ Семеновскомъ полку, а вышелъ въ отставку 1761 г. Въ теченіи ея, онъ познакомился съ нѣкоторыми представителями просвѣщенной петербургской молодежи: Сумароковымъ, Елагинымъ, Мелиссино, и сблизился съ своими земляками, актерами Волковымъ и Дмитревскимъ, которые помогали ему своими совѣтами. По выходѣ въ отставку поселился въ Москвѣ, гдѣ занялъ должность товарища губернатора (1766). Первыя печатныя его произведенія появились 1762 и 1763 г.г. въ журналахъ

Хераскова: «Полезное увеселеніе» и «Свободные часы»; поэма «Игрокъ Ломбера» (1763) всего болѣе содѣйствовала его извѣстности. Переселился въ Петербургъ 1768 г. и занялъ мѣсто прокурора военной коллегіи (1770). Въ 1771 г. вышла въ свѣтъ поэма «Елисей или Раздраженный Вакхъ», ходившая прежде въ рукописяхъ и имѣвшая большой успѣхъ между современными писателями. Въ 1775 г. оставилъ Петербургъ и поселился въ Москвѣ. Такъ какъ должность его (члена въ конторѣ оружейной палаты) была не обременительна, то онъ полнѣе отдался литературнымъ занятіямъ. Онъ вступилъ въ среду масоновъ, и съ 1777 г. стихотворенія его, помѣщенныя въ изданіи Новикова «Утренній свѣтъ», выражаютъ нравственное ученіе масонства (*Л. Майкова: О жизни и сочиненіяхъ В. И. Майкова*).

Иванъ Ивановичъ Хемницеръ, или Хемнитцеръ, какъ онъ самъ писалъ свою фамилію отъ города Хемница (Chemnitz — въ Саксоніи), по происхожденію былъ нѣмецъ. Отецъ его, въ царствованіе Петра Великаго выѣхавшій въ Россію, занималъ, въ 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія, должность военнаго штабъ-лѣкаря и проживалъ въ астраханской губерніи. Здѣсь, въ Енотаевской крѣпости (нынѣ Енотавскъ) родился нашъ баснописецъ (1745 г.). Начальное образованіе получилъ дома, а потомъ учился въ Астрахани у лютеранскаго пастора и одного инженернаго офицера: послѣдній преподавалъ ему ариѳметику и геометрію. По переѣздѣ отца въ Петербургъ (1755) былъ помѣщенъ къ учителю латинскаго языка при врачебномъ училищѣ (въ послѣдствіи медико-хирургическій институтъ). Отецъ готовилъ его къ медицинскому поприщу, но подготовка не привела къ цѣли: молодой Хемницеръ, задумавъ искать счастія въ военной службѣ, поступилъ въ солдаты Ютенбургскаго полка, былъ въ походахъ въ семилѣтнюю войну, состоялъ нѣкоторое время адъютантомъ при генералахъ: Остерманѣ и князѣ Голицынѣ, и выпущенъ въ отставку поручикомъ, послѣ двѣнадцатилѣтней службы (1757—1769). Служба эта также мало удовлетворила Хемницера, какъ и занятіе медициной, такъ что въ послѣдствіи онъ сравнивалъ военное поприще съ анатомическимъ театромъ, отъ котораго бѣжалъ. Изъ арміи перешелъ въ горное вѣдомство, которымъ управлялъ тогда Соймоновъ: мѣстомъ этимъ онъ одолженъ своему другу, А. Н. Львову, родственнику его начальника. Собственная охота, вліяніе друзей (особенно Львова), а частію и нужда побудили Хемницера заняться литературой. Онъ началъ серьезно изучать русскій языкъ (съ дѣтства говорилъ онъ дома по нѣмецки, и до зрѣлаго возраста писалъ еще нѣмецкіе стихи). Въ 1770 г. напечатано было первое его стихотвореніе—плохая ода на взятіе турецкой крѣпости Журжи. Около 1774 г. явился переводъ героиды Дора (Dorat): «Письмо Барнвеля къ Труману изъ темницы». Съ учрежденіемъ при горномъ училищѣ ученаго собранія (1774), въ число его членовъ назначенъ и Хемницеръ. Въ 1776 г. ѣздилъ за границу съ Соймоновымъ. Около года употребили они на посѣщеніе Германіи, Голландіи и Франціи. По возвращеніи съ новымъ жаромъ предался научнымъ и литературнымъ занятіямъ: къ первымъ относятся переводы съ нѣмецкаго нѣсколькихъ сочиненій по минералогіи; ко вторымъ—басни и сказки, вышедшія первымъ изданіемъ въ 1779 г. По выходѣ Соймонова въ отставку, онъ тоже покинулъ службу (1781) при горномъ корпусѣ, но, не имѣя ни-

какого состоянія, долженъ былъ искать новой. При помощи Львова, служившаго подъ начальствомъ гр. Безбородки, онъ получилъ мѣсто генеральнаго консула въ Смирнѣ, куда и отправился въ 1782 г. Разлука съ родиной и съ друзьями, рѣзкая перемѣна климата и тяжелые труды быстро разстроили его здоровье: онъ умеръ на 40-мъ году жизни (1784); тѣло его было перевезено въ Россію и погребено въ Николаевѣ (*Я. К. Грота: Сочиненія и письма Хемницера, 1873*).

§ 29. Говоря о Сумароковѣ, мы замѣтили, что при всей подражательности нашихъ авторовъ иностраннымъ литературамъ, въ особенности французской, все же ихъ произведенія, такъ или иначе, отражаютъ въ себѣ родную жизнь. Отраженіе имѣло различныя степени. Были такія произведенія, которыя напоминали русскій міръ только русскими именами дѣйствующихъ лицъ. За этимъ, самымъ бѣднымъ проявленіемъ народнаго элемента слѣдовало такъ называемое переложеніе заимствованнаго на отечественные нравы. Но подобныя передѣлки очень часто выходили неудачными, такъ какъ въ нихъ совмѣщалось несовмѣстимое: на ряду съ тѣмъ, что у насъ есть или было, оказывалось многое совершенно намъ чуждое; смѣсь двухъ разнородныхъ элементовъ бросалась въ глаза читателю и непріятно поражала его чувство истины. Далѣе идутъ представители стремленій къ дѣйствительности, почерпавшіе матеріалъ для своихъ сочиненій непосредственно изъ русской жизни и съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ знакомившіе соотечественниковъ съ ея явленіями. Эти лица намъ извѣстны: Фонъ-Визинъ, Капнистъ (въ Ябедѣ), Майковъ, Аблесимовъ, издатели сатирическихъ журналовъ времени Екатерины и другіе, о которыхъ скажется ниже. Они, хотя частію своей авторской дѣятельности, прокладываютъ путь къ литературѣ народной, въ обширномъ смыслѣ послѣдняго слова, и относятся къ литературѣ народной въ тѣсномъ смыслѣ (т. е. къ простонародной) иначе, чѣмъ большинство людей образованныхъ.

Какъ же относилось большинство этихъ людей къ народной словесности и народнымъ книгамъ, составлявшимъ любимое чтеніе средняго и низшаго общественныхъ классовъ?

Если въ древней Руси народная словесность возбуждала недовольство духовныхъ лицъ, которыя не могли примирить ея двоевѣрія съ догматами вѣры и церковными требованіями, то въ Россіи новой она долгое время оставалася въ загонѣ у литераторовъ и ученыхъ, потому что своимъ содержаніемъ разногласила съ началами науки и цивилизаціи, а своею формой не подходила подъ условія литературной теоріи. Прежде осужденіе народной поэзіи произносилось отъ имени религіозныхъ истинъ;

послѣ она осуждается съ высоты научныхъ и нравственныхъ интересовъ. Народныя книги, народныя пѣсни и сказки заключали въ себѣ предразсудки и ложныя понятія или съ сочувствіемъ изображали обычаи старины: просвѣщенные люди Екатерининa времени, почитая ихъ съ этой стороны опасными для разумныхъ идей, для началъ новой гражданственности, и будучи не въ состояніи оцѣнить ихъ поэтическое, самостоятельное, нераздѣльно связанное съ исторіей и духомъ народа значеніе, часто относились къ нимъ съ пренебреженіемъ и сатирой. Сумароковъ нападалъ на нихъ съ точки зрѣнія стилистической. Бова Королевичъ, Петръ Златые-Ключи заслужили его гнѣвъ тѣмъ, что написаны «неисправнымъ слогомъ» (эпистола о русскомъ языкѣ). Журналъ «И то и се» иронически называетъ произведенія лубочной литературы «весьма славными сочиненіями, подъ которыми господа авторы для вѣчной и безсмертной себѣ славы не ставили своихъ именъ». Впрочемъ, не всѣ раздѣляли такое гордое мнѣніе о народной словесности. Императрица Екатерина любила пословицы и сдѣлала изъ нихъ выборъ съ педагогическою цѣлью. Нѣсколько ея драмъ написано на пословицы, которыя и служатъ заглавіями піесъ, и заканчиваютъ ихъ, какъ моральные выводы. По ея порученію, Богдановичъ составилъ сборникъ русскихъ пословицъ, распредѣливъ ихъ на отдѣлы по нравственному смыслу и, кромѣ того, дозволивъ себѣ своевольное съ ними обращеніе. Взглядъ собирателя на пословицы изложенъ въ предисловіи: «до введенія письменъ, онѣ служили изустнымъ преданіемъ законовъ; въ послѣдствіи, народный разумъ распространилъ ихъ на всѣ части благонравія и благоповеденія». По этой причинѣ, Богдановичъ расположилъ пословицы по различію пороковъ и добродѣтелей, по статьямъ хорошаго и дурнаго поведенія, не замѣчая, что понятіе объ одномъ моральномъ направленіи чрезвычайно сузило кругъ народной мудрости, выражаемой въ пословицахъ. Но важнѣйшая ошибка Богдановича—измѣненіе ихъ текста. Онъ переложилъ ихъ въ стихи, увѣренный, что поступаетъ разсудительно, что будто въ первобытномъ своемъ реченіи «всѣ пословицы составлены были правильными стихами: ямбомъ, хореемъ или дактилемъ, хотя не вездѣ снабжены богатыми риѳмами; въ послѣдствіи, переходя изъ устъ въ уста, чрезъ долгое теченіе временъ онѣ долженствовали естественнымъ образомъ претерпѣть много измѣненій и поврежденій». И подъ вліяніемъ такого взгляда, Богдановичъ измѣнялъ почти каждую пословицу, чтобы облечь ее въ стихотворную форму, а стихи надѣлить богатою риѳмой. Приводимъ примѣры подобныхъ измѣненій. Вмѣсто пословицъ: «Богъ не выдастъ, свинья не

съѣстъ», «живой живое и думаетъ», «сытый голоднаго не разумѣетъ», «въ семьѣ не безъ урода», «и на старуху бываетъ проруха», читаемъ:

Какъ Богъ не дастъ,
Свинья не съястъ.

Живой живое размышляетъ
И вѣкъ, какъ лучше, пробавляетъ.

Сытый голоднаго не разумѣетъ,
Когда, какъ безъ хлѣба, голодный колѣетъ.

Отъ рыцарскаго рода
Въ роднѣ не безъ урода.

Бываетъ грѣхъ и на старуху;
Впадаетъ-скать и дѣдъ въ проруху.

Не нужно говорить, что подобныя перемѣны тождественны искаженію. Обстоятельствомъ, облегчающимъ проступокъ Богдановича, можетъ служить то, что въ его время даже первоклассные умы не совсѣмъ понимали сущность народной поэзіи. Фонъ-Визинъ, въ «Письмѣ къ Козодавлеву о планѣ россійскаго словаря», всѣ пословицы, гдѣ есть Сенюшки и Фили, называетъ весьма низкими умомъ и выраженіемъ, и желаетъ, чтобъ онѣ вовсе были забыты. Мудрено ли, что и Богдановичъ долженъ былъ извиняться передъ публикой за имена Ѳомы, Кузьмы, Вавилы и тому подобныя, «подъ которыми осмѣяны пороки и которыя могутъ показаться досадительны» своимъ тезкамъ? Иначе отнесся къ творческой фантазіи народа Н. Львовъ въ предисловіи къ «Собранію» русскихъ пѣсенъ, положенныхъ на музыку Прачемъ (1790). Вмѣсто того, чтобы въ безъискуственной поэзіи видѣть «лепетъ младенца» (какъ тогда любили выражаться), недостойный занимать человѣка образованнаго, онъ, напротивъ, ставитъ ее предметомъ серьезнаго изученія и ожидаетъ отъ него полезныхъ результатовъ. Львовъ понималъ, что народъ-младенецъ не одно и тоже съ младенцемъ-человѣкомъ; что въ жизни перваго, какъ бы она ни была молода, уже существуютъ преданія, вѣрованія, убѣжденія, находящія свое полное отраженіе въ поэзіи. Онъ справедливо хвалитъ мелодію нашихъ пѣсенъ, надѣясь, что композиторы воспользуются ихъ мотивами для оперъ и тѣмъ доставятъ любителямъ музыки новыя пріятности. Собраніе пѣсенъ будетъ весьма пригодно и для философа: по характеру народнаго пѣнія онъ можетъ заключать о характерѣ самого народа. Русскій человѣкъ не имѣетъ причины бояться

этихъ заключеній, подтверждаемыхъ исторіей: минорные тоны протяжныхъ пѣсенъ доказываютъ нѣжность, чувствительность и то расположеніе духа къ меланхоліи, которое производитъ великихъ людей и во всѣхъ родахъ дѣятельности. Столько же и выгоднымъ окажется для насъ и содержаніе пѣсенъ; онѣ обнаружатъ доблестныя качества: привязанность и почтеніе къ родителямъ, тѣсный союзъ родства между братьями и сестрами, неутѣшную горесть дѣвицы о потерѣ милаго друга. Авторъ предисловія отдаетъ преимущество русскимъ пѣснямъ и относительно ихъ стопосложенія, такъ какъ онѣ представляютъ многоразличные по роду и мѣрѣ стихи. Львовъ замѣчаетъ въ этихъ стихахъ правильность просодіи, согласіе ея съ музыкой, пріятную для слуха плавность, частыя, но естественныя отдохновенія для голоса. Конечно, въ этомъ лестномъ для русскихъ пѣсенъ мнѣніи нѣтъ еще истинно-научнаго взгляда, который и не могъ имѣть мѣста при маломъ знакомствѣ съ существенными отличіями народнаго творчества, но по крайней мѣрѣ оно выказываетъ сочувствіе образованнаго литератора къ поэтической старинѣ. Изъ сочиненій Львова извѣстны: «Добрыня, богатырская пѣсня» и «Ботаническое путешествіе на Дудерову гору». Первое написано старинным тоническимъ размѣромъ; въ немъ есть неподдѣльное остроуміе и счастливые стихи. Такъ напр. русскій духъ. изгнанный изъ образованнаго общества, говоритъ:

Поклонился я приворотникамъ,
Поселился жить въ чистомъ воздухѣ
Посреди поля съ православными.
Я прижалъ къ сердцу землю русскую
И ношу ее припѣваючи;
Позовутъ меня—я откликнуся,
Оглянусь, но .. незнакомъ никто
Ни одеждою, ни поступками.

Или другое мѣсто, гдѣ авторъ требуетъ богатыря чисто-русской породы, а не выходца изъ чужой стороны:

Дайте русскаго мнѣ витязя!
Я Бову королевича
Не хочу пѣть; не Русскій онъ:
Онъ изъ города Антона,
Сынъ какого-то Гвидона,
Макароннаго царя;
О пустомъ не говоря,
Хлѣбъ ему нашъ полюбился,

Такъ онъ къ намъ переселился
И давно въ Москвѣ учился
Щи варить и хлѣбы печь;
Тутъ онъ взялъ и русску рѣчь.

Въ сочиненіяхъ Львова постоянно отражается сочувствіе къ крестьянскому быту и къ народности. Его разговоръ съ крестьяниномъ, какъ строить изъ земли избу, есть твореніе неоцѣненное по словамъ его біографа (Ѳ. Львова). Шутливое «путешествіе на Дудерову гору» написано частью прозой, частью стихами, въ подражаніе путешествію, которое сочинили сообща Башомонъ и Шапель, славившійся піесами въ легкомъ родѣ поэзіи, критическимъ вкусомъ и эпикурейскимъ нравомъ: потому-то и Львовъ, какъ знатокъ многихъ искусствъ (поэзіи, живописи, музыки, особенно архитектуры), въ кругу своихъ друзей-литераторовъ былъ прозванъ «новымъ Шапелемъ».

Памятники народной повѣствовательной литературы XVII-го и первой половины XVIII в. не были забыты и въ царствованіе Екатерины. Составляя нѣкогда достояніе не одного простонародья, но и высшаго класса общества, они, съ теченіемъ времени, спустились въ низшій и средній слои, которыхъ понятія приходились въ уровень съ ихъ содержаніемъ и формой. О нихъ-то сказалъ Новиковъ, что они не заслуживаютъ никакого уваженія просвѣщенныхъ людей и читаются одними только мѣщанами. Новыя изданія этихъ «мѣщанскихъ» повѣстей доказывали живую въ нихъ потребность и значительную массу ихъ читателей. Кромѣ печатныхъ книгъ, ходили по рукамъ ихъ списки. Въ журналѣ «И то, и се» говорится о подъячемъ, который, по прекращеніи приказной службы, кормился переписываніемъ «Бовы-Королевича, Петра златыхъ-ключей, Еруслана Лазаревича, Франца Венеціанина, Геріона, Евдона и Берѳы, Арсаса и Размѣра, Россійскаго дворянина Александра, Фрола Скобѣева и прочихъ полезныхъ исторій, продававшихся на рынкѣ». Между новыми народными книгами этого времени особенною популярностью пользовались переведенныя съ польскаго «Похожденія новаго увеселительнаго шута и великаго въ дѣлахъ любовныхъ плута Совѣстдрала, большаго носа» (1788). Въ искаженномъ словѣ «Совѣстдралъ» трудно открыть первоначальный его видъ: «совино зеркало» (Eulenspiegel), сокращенно «сове зрцадло». Названіе это объясняется пословицей: «человѣку также трудно замѣчать свои собственные недостатки, какъ совѣ видѣть въ зеркалѣ свое безобразіе». Книга одолжена своимъ происхожденіемъ Германіи, гдѣ была напечатана въ XV в. и съ того времени сдѣлалась характеристическимъ образцомъ народнаго остроумія. Впро-

чемъ, важнѣйшія проказы и шутки Совѣстдрала принадлежали собственно не ему, а героямъ другихъ народныхъ повѣстей, откуда и перенесены на его личность. Кромѣ того многія его забавныя выходки и рѣчи составляли наслѣдственное достояніе сословій и ремесленныхъ цеховъ. Возникшая съ самимъ ремесломъ, повторявшаяся въ многоразличныхъ видахъ, прошедшая чрезъ нѣсколько поколѣній, вся эта игра народнаго остроумія и юмора дала книгѣ о Совѣстдралѣ свою сущность, свою несомнѣнную комическую силу, свою почтенную долговѣчность, какими рѣдко могутъ хвалиться остроумныя произведенія отдѣльныхъ лицъ. Къ народнымъ книгамъ относится также «Письмовникъ», Николая Курганова, содержащій въ себѣ науку россійскаго языка со многимъ присовокупленіемъ разнаго учебнаго и полезнаго веществословія (1769).» Это своего рода энциклопедическій сборникъ, основнымъ фондомъ котораго служитъ грамматика, такъ какъ преждеизданное руководство къ этой наукѣ не удовлетворяло составителя, желавшаго преподавать ее своимъ дѣтямъ; все же остальное содержаніе, какъ учебное (научное), такъ и полезно-забавное, размѣщено въ восьми особыхъ «присовокупленіяхъ». Сюда входятъ пословицы, загадки, краткія замысловатыя повѣсти, достопамятныя рѣчи, хорошія мнѣнія, поучительные разговоры, стихотворенія, разноязычный словарь, всеобщій чертежъ наукъ и художествъ (исторія священная и свѣтская, исторія естественная, размышленія о физикѣ, о системѣ міра и многое другое). «Письмовникъ» соотвѣтствуетъ древне-русскому сборнику «Пчела», съ тѣмъ различіемъ, что содержаніе его многостороннѣе и объемъ обширнѣе. Апоѳегмы, замѣнившія въ XVII вѣкѣ «Пчелу», составляютъ въ сборникѣ Курганова только половину одного (третьяго) присовокупленія; другая половина заключаетъ въ себѣ правила Эпиктетовой морали съ толкованіемъ. Вѣдая, что различность веселитъ, обогащаетъ мысли и просвѣщаетъ разумъ, Кургановъ наполнилъ свою книгу множествомъ «благопристойныхъ вещей», пріятныхъ и полезныхъ людямъ всѣхъ званій:

> Духовный ли, мірской ли ты? прилежно се читай:
> Все найдешь здѣсь—тотъ и другой, но разумѣть смекай.

Въ умѣньѣ смекать читатель подражаетъ хитрости пчелъ, которыя и съ ядовитыхъ цвѣтовъ берутъ медъ.

Произведенія повѣствовательной литературы XVII в. не только сохраняли свою роль для низшихъ классовъ народа, но и возбуждали дѣятельность нѣкоторыхъ писателей. Старый литературный запасъ обновлялся подъ перомъ ихъ, принимая въ свое

содержаніе новыя подробности и получал иную, болѣе облагороженную форму. Эта полезная дѣятельность приходилась, по выраженію Новикова, на вкусъ простосердечныхъ людей средняго класса. Такъ, напримѣръ, исторія о Фролѣ Скобѣевѣ передѣлана была Иваномъ Новиковымъ въ изданной имъ книгѣ: «Похожденіе Ивана Гостинаго сына и другія повѣсти и сказки» (1785—86). Исторія получила здѣсь другое названіе: «Новгородскихъ дѣвушекъ святочной вечеръ съигранный въ Москвѣ свадебнымъ». Кромѣ того она разсказана съ нѣкоторыми перемѣнами и бо́льшими подробностями, и въ новомъ своемъ видѣ представляетъ любопытныя черты стараго московскаго быта. Изложеніе въ иныхъ мѣстахъ гораздо рѣзче, нежели въ оригиналѣ. Дѣйствующимъ лицамъ даны другія имена; характеры ихъ болѣе развиты. Изъ ловкаго приказнаго, какимъ былъ Фролъ Скобѣевъ, вышелъ плутъ Селуянъ Сальниковъ. Издатели сатирическихъ журналовъ (1760—74) также имѣли въ виду народное чтеніе. Мы знаемъ, чему Новиковъ приписывалъ успѣхъ своего Живописца. Особенное трудолюбіе выказано по этому поводу Михаиломъ Чулковымъ, издателемъ журналовъ: «И то и се» и «Парнасскаго Щепетильника». Во многихъ сочиненіяхъ своихъ онъ описываетъ старину, или собираетъ памятники народной поэзіи, или самъ ихъ пересказываетъ. Таковы: «Собраніе разныхъ пѣсенъ» (4 ч., 1780); «Русскія сказки о славныхъ богатыряхъ» (10 ч., 1780); «Абевега русскихъ суевѣрій» (1782); «Пересмѣшникъ, или славенскія сказки» (5 ч., 1783); «Вечерніе часы или древнія сказки славянъ древлянскихъ» (3 ч., 1787—88).

Львовъ (Николай Александровичъ, † 1803) не получилъ основательнаго образованія, но, чрезвычайно даровитый и любознательный, одолженъ своимъ развитіемъ собственно себѣ. Онъ много читалъ; служба въ иностранной коллегіи доставила ему возможность побывать, по дипломатическимъ дѣламъ, въ Германіи, Франціи, Италіи и Испаніи. Эти поѣздки обогатили его дѣятельный умъ многоразличными знаніями. Главное вниманіе обращалъ онъ на произведенія искусствъ (живописи, архитектуры, музыки) и умѣлъ цѣнить ихъ, какъ знатокъ. Обыкновенное его общество составляли Державинъ, Хемницеръ, Капнистъ, Елагинъ, Храповицкій, А. Хвостовъ. Первые двое были много одолжены его умнымъ совѣтамъ: благодаря ему, Державинъ настраивалъ свою лиру на болѣе естественный и простой тонъ; Хемницеръ (говорится въ одной біографіи Львова) не пускалъ ни одной своей басни въ свѣтъ, не прося объ ея пропускѣ Львова, который или снабжалъ таковымъ проѣзжую, или отказывалъ въ ономъ». Право совѣтника и руководителя въ кругу друзей давалъ ему вѣрный и замѣчательно развитый вкусъ.

Чулковъ (Михаилъ Дмитріевичъ, †1793) обучался въ московскомъ университетѣ, а потомъ служилъ секретаремъ въ сенатѣ. Не смотря на поверхностное образованіе и служебныя обязанности, онъ, по особенной любви къ литературѣ, много потрудился на пользу народнаго чтенія. Труды его, какъ издателя двухъ журналовъ («И то, и се», «Парнасскій Щепетильникъ»), какъ собирателя русскихъ народныхъ пѣсенъ, сказокъ и повѣрій, заслуживаютъ полнаго вниманія.

Кургановъ (Николай Гавриловичъ, 1726—1796), сынъ унтеръ-офицера, обучался сначала въ Навигацкой школѣ (въ Москвѣ), а потомъ въ Морской Академіи (въ Спб.). По окончаніи курса, произведенъ въ подмастерья математическихъ и навигацкихъ наукъ, далѣе переименованъ въ учителя, черезъ нѣсколько лѣтъ былъ профессоромъ, и наконецъ инспекторомъ, въ которой должности и оставался до самой смерти. Около 50 лѣтъ занимаясь преподаваніемъ въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ, Кургановъ частію сочинилъ и частію перевелъ цѣлую математическую морскую учебную энциклопедію.

§ 30. Переводная литература Екатеринина времени оказала несомнѣнное вліяніе и на образованіе, и на литературу. Извѣстнѣйшія творенія всѣхъ почти древнихъ и новыхъ авторовъ перешли къ намъ во второй половинѣ прошлаго вѣка. При академіи наукъ учреждено было особое собраніе, подъ названіемъ «переводнаго департамента» (1767), которому отпускалось ежегодно по 5000 руб. для уплаты переводчикамъ. Занятія его продолжались до основанія Россійской Академіи (1783). Упраздненный въ это время, онъ былъ потомъ возобновленъ стараніями академика Протасова (1790). Главное мѣсто между переводами занимаютъ сочиненія французскихъ писателей XVIII и нѣкоторыхъ англійскихъ XVII—XVIII в. Особеннымъ преимуществомъ пользовался Вольтеръ; за нимъ слѣдуютъ: д'Аржансъ, Вольней, Гельвецій, Гоббесъ, Даламберъ, Дидро, Локкъ, Рейналь, Ж. Ж. Руссо, Фридрихъ II и пр. Что сочиненія Вольтера были значительно распространены въ русской публикѣ, это доказывается неоднократными ихъ изданіями. Его читали не одни Русскіе высшаго общества, хорошо знакомые съ французскою литературой, но и тѣ, которые не знали французскаго языка и которымъ слѣдовательно необходимы были переводы. Имя его, съ прибавкою слова «господинъ», произносилось на русскій ладъ: «господинъ Вольтеръ». Начитавшіеся Вольтера слыли «волтеріанцами». Еще въ первой четверти нынѣшняго вѣка легко было встрѣтить многихъ «волтеріанцевъ» не только между аристократами, но и въ среднемъ классѣ, между помѣщиками и чиновниками. Главнымъ пунктомъ ихъ образа мыслей были не столько политическія, сколько религіозныя понятія, склонявшіяся къ деизму. Этимъ и объясняются слова одного изъ русскихъ ни-

сателей, который самъ заплатилъ дань французской философіи: «отступники откровенной религіи дѣлали доселѣ болѣе вреда въ Россіи, нежели непризнаватели бытія Божія—атеисты; таковыхъ у насъ мало». Разговоръ Фонъ-Визина съ Тепловымъ различаетъ два класса тогдашнихъ русскихъ скептиковъ: одни — глупцы и невѣжды, которые считали предразсудкомъ все, чего ихъ слабый разсудокъ былъ понять не въ силахъ; другіе—умствователи, старавшіеся доказать доводами справедливость своихъ мнѣній. На скептицизмѣ, какъ видно изъ того же разговора, сходились крайности нашего общества: съ одного конца унтеръ-офицеры гвардіи, а съ другаго—синодальный оберъ-прокуроръ (Признаніе въ дѣлахъ моихъ и помышленіяхъ). Если не безвѣріе, то кощунство было въ модѣ, какъ плодъ легкомысленнаго обращенія съ важнѣйшими предметами ума и чувства. Этой модѣ послужилъ и Фонъ-Визинъ «Посланіемъ къ слугамъ своимъ», въ чемъ послѣ искренно раскаявался. Біографія Ушакова, написанная Радищевымъ (1789), даетъ понятіе о томъ, какъ сильно подѣйствовала книга Гельвеція «о разумѣ» на русскую молодежь, обучавшуюся за границей. Переводчики наши нерѣдко обращались къ Энциклопедіи Даламбера и Дидро: многія статьи ея или отдѣльно изданы, или помѣщены въ журналахъ. Веревкинъ даже сбирался перевести ее всю. Кромѣ того, есть выбранныя мѣста изъ сочиненій французскихъ философовъ. Эти сборники получали названіе «духа» такого-то писатели (Духъ Вольтера, Духъ Гельвеція, Духъ Руссо, и пр.). Не говоримъ о множествѣ переводовъ, разсѣянныхъ по журналамъ, гдѣ иногда не означалось имени подлинника.

О значеніи русской переводной литературы во второй половинѣ прошлаго столѣтія можно судить по слѣдующему списку авторовъ, которыхъ сочиненія, вполнѣ или частію, явились у насъ въ первый разъ или въ новыхъ переводахъ: Авлъ Геллій, Бернарденъ де Сенъ-Пьеръ, Боннетъ, Бюффонъ, Верто, Геснеръ, Гольбергъ, Гольдони, Гольдсмитъ, Гуго Гроцій, Демосѳенъ, Джонсонъ, Діодоръ Сицилійскій, Эразмъ Ротердамскій, Исократъ, Кондильякъ, Конфуцій, Крамеръ, Кребильонъ, Ксенофонтъ, аббатъ де Лапортъ, Лесажъ, Линней, Лукіанъ, Мабли, Маллетъ, Мармонтель, Мейснеръ, Миллотъ, Монертюи, Овидій, Оксенштирнъ, Павсаній, Пеннъ (Вильгельмъ), Пиронъ, Плиній младшій, аббатъ Прево, Рабеперъ, Реньяръ, Ричардсонъ, Робертсонъ, Саллюстій, Светоній, Свифтъ, Сенека, Скарронъ, Стернъ, Тацитъ, Теренцій, Фенелонъ, Фильдингъ, Флешье, Флоріанъ, докторъ Циммерманъ, Цицеронъ, Юмъ, Юнгъ... Къ этому списку слѣдуетъ еще прибавить сочиненія, указанныя выше при исторіи поэтическихъ родовъ или при изложе-

ніи дѣятельности нашихъ литераторовъ. Переводы нѣкоторыхъ книгъ были сдѣланы по повелѣнію императрицы; таковы: «Политическія наставленія Бильфельда» (1768—1775) и «Истолкованія англійскихъ законовъ Блакстона» (1780—1782). Переводомъ первой книги занимался профессоръ Барсовъ, вмѣстѣ съ кн. Ѳедоромъ Шаховскимъ, подъ наблюденіемъ московскаго университета; переводомъ второй—профессоръ того же университета Десницкій. Блакстонъ впервые знакомилъ русскую публику съ образомъ правленія того народа, которому Екатерина оказывала «несуетное предпочтеніе» и уваженіемъ котораго «дорожила во всю свою жизнь», какъ она сама говоритъ въ письмѣ къ доктору Циммерману (автору знаменитой нѣкогда книги «объ уединеніи»), писанномъ въ то время, когда Густавъ III началъ войну съ Россіей и когда посланникъ его при французскомъ дворѣ, Сталь, склонялъ и Англію на сторону своего короля (1791). Истолкователь государственнаго быта англичанъ пользовался должнымъ уваженіемъ нашихъ ученыхъ правовѣдовъ и вообще людей мыслящихъ. Одинъ изъ нихъ замѣчаетъ, что «не худо бы русскимъ судьямъ имѣть Блакстона и заглядывать въ него чаще, нежели въ мѣсяцесловъ».

Само собою разумѣется, что вольномысліе французскихъ философовъ не могло у насъ остаться безъ отпора, который прежде всего находимъ въ сочиненіяхъ духовенства. Орудіемъ православнаго богословія пастыри русской церкви обличали все несогласное съ догматами вѣры. Началамъ деизма они противополагали истину откровенной религіи, законамъ естества—пути провидѣнія, матеріалистическому взгляду на мораль, приводимую въ движеніе единственно эгоизмомъ—строгость христіанской морали, основанной на самоотреченіи. Платонъ, митрополитъ московскій, въ нѣкоторыхъ проповѣдяхъ своихъ доказываетъ необходимость искупленія, которое не признавали натуралисты; разсуждаетъ объ управленіи міра Творцемъ, который можетъ измѣнять естественное теченіе природы; опровергаетъ доводы людей, не признававшихъ безсмертія. Другой проповѣдникъ, Анастасій Братановскій, въ надгробныхъ словахъ Бецкому (1795) и Шувалову (1797), изъ недостаточности земныхъ наградъ добродѣтели выводитъ заключеніе, что эти награды предоставлено ей вкушать въ будущемъ вѣкѣ. Доказывая свою тему, онъ въ тоже время отвергаетъ противоположныя ей понятія; догматизмъ идетъ у него рядомъ съ полемикой, весьма понятной при тогдашнемъ вліяніи энциклопедизма. Тотъ же духовный писатель, съ цѣлію подорвать ученіе философовъ XVIII в., перевелъ съ французскаго двѣ книги: «Предохраненіе отъ безвѣрія и нечестія» (1794) и «Истинный Мессія, или

доказательство о божественномъ пришествіи въ міръ І. Х. и Его божествѣ» (1801). Изъ прочихъ переводовъ и сочиненій укажемъ на слѣдующіе: «Безсмертіе души, основательно противъ безбожниковъ и скептиковъ доказанное» (1779); «Посрамленный безбожникъ и натуралистъ» (1787); «Торжество вѣры надъ невѣрующими и вольномыслящими» (1792), и пр. Свѣтская литература вступала также въ борьбу съ энциклопедистами. Хотя сатирическіе журналы 1769—74 г. часто помѣщали на своихъ страницахъ переводы Вольтеровыхъ сочиненій, но въ тоже время и не щадили ихъ, если они легкомысленно и враждебно относились къ тѣмъ предметамъ, которые русскій человѣкъ привыкъ почитать какъ святую истину. Такъ нѣкоторыя статьи «Адской Почты» направлены противъ Вольтера. Объ анти-философическомъ духѣ изданій Новикова, во вторую половину его дѣятельности, будетъ сказано дальше. Въ «Недорослѣ», Стародумъ совѣтуетъ своей племянницѣ читать Фенелона, а не нынѣшнихъ мудрецовъ, которые, уничтожая предразсудки, воротятъ съ корнемъ и добродѣтель. Такъ какъ Вольтеръ былъ наибольшею силой между философами XVIII в., главнымъ представителемъ ихъ ученія, то неудивительно встрѣтить переводныя книги, подъ слѣдующими заглавіями: «Вольтеръ обнаженный» (1787), «Вольтеръ изобличенный» (1792), «Вольтеровы заблужденія» (1793). Государственный переворотъ во Франціи далъ поводъ и правительству строже наблюдать за распространеніемъ сочиненій, которые до того времени могли свободно обращаться къ публикѣ: такъ въ 1789 г., извѣстясь, что въ Москвѣ задумали перевести всѣ сочиненія Вольтера, императрица повелѣла не печатать перевода безъ цензуры и апробаціи митрополита Платона (Письмо Екатерины къ Еропкину, 23 сентября 1789 г.).

Другимъ средствомъ къ изученію европейской науки и литературы служила посылка молодыхъ людей за границу. Многіе изъ нихъ довершали свое образованіе въ иностранныхъ университетахъ, которые славою своихъ лекцій привлекали юношество со всѣхъ концевъ Европы: профессоры Третьяковъ и Десницкій въ Гласговѣ, Аѳонинъ и Карамышевъ въ Упсалѣ подъ руководствомъ знаменитаго Линнея, Веніаминовъ и Зыбелинъ въ Кенигсбергѣ, а потомъ въ Лейденѣ. В. Петровъ и Силовъ, какъ мы уже знаемъ, обучались въ Англіи. Между студентами кильскаго университета находилось нѣсколько русскихъ еще при Елисаветѣ. Въ началѣ царствованія императрицы Екатерины (1766 г.) поступили туда кн. Александръ Борисовичъ Куракинъ и Алексѣй Григорьевичъ Тепловъ, сынъ Григорья Николаевича, статсъ-

секретаря и автора многихъ сочиненій. Въ тридцатилѣтній періодъ времени (1750—1780) Русскіе чаще, нежели прежде или послѣ того, посѣщали университетъ лейпцигскій, наиболѣе тогда славившійся. Тамъ воспитывался гр. Владиміръ Григорьевичъ Орловъ, младшій братъ извѣстныхъ въ нашей исторіи Орловыхъ—Григорія и Алексѣя (Чесменскаго). По возвращеніи его въ отечество (1766), опредѣлено было послать въ Лейпцигъ двѣнадцать молодыхъ людей для изученія правъ. Между ними замѣчательны: Ѳедоръ Ушаковъ, Алексѣй Кутузовъ и Александръ Радищевъ. Всѣ трое принадлежали къ даровитымъ, любознательнымъ и благонамѣреннымъ молодымъ людямъ и всѣ трое были жертвами несчастныхъ обстоятельствъ, частію созданныхъ судьбою, а частію накликанныхъ ими самими. Ушаковъ (Ѳедоръ Васильевичъ), воспитанникъ статсъ-секретаря Теплова, служилъ при немъ секретаремъ до поѣздки въ Лейпцигскій университетъ. Здѣсь онъ готовилъ диссертацію «о смертной казни», но не успѣлъ ее кончить по болѣзни и умеръ въ 1768 г. (1). Кутузовъ (Алексѣй Михайловичъ) извѣстенъ въ литературѣ переводомъ первыхъ десяти пѣсенъ Мессіады (1785—87). По возвращеніи изъ Лейпцига, онъ поступилъ въ общество масоновъ и былъ отправленъ (1787) изъ Москвы въ Берлинъ, къ тамошней братіи, для изученія алхиміи. Письма его къ Лопухину и кн. Трубецкому (2) выказываютъ мистико-меланхолическое настроеніе духа. Умеръ въ Берлинѣ. Радищевъ (Александръ Николаевичъ, 1749 — 1802) воспитывался въ пажескомъ корпусѣ и въ 1766 былъ отправленъ въ лейпцигскій университетъ; по возвращеніи (1771) служилъ въ разныхъ вѣдомствахъ и наконецъ занялъ мѣсто совѣтника при с.п.бургской таможнѣ. Службу свою, по отзыву Безбородки, исправлялъ безкорыстно. Графы Воронцовы (Александръ Романовичъ и Семенъ Романовичъ) оказывали ему особенное расположеніе. Вообще онъ обращалъ на себя вниманіе, какъ человѣкъ умный, мыслящій и начитанный. Причиною его несчастія послужило изданное имъ сочиненіе: «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву (1790)». Оно возбудило гнѣвъ Екатерины II и сочинитель по суду сената, былъ сосланъ въ Илимскій острогъ (3). Освобожденный императоромъ Павломъ, жилъ въ своемъ имѣніи до вступле-

1) Радищевъ написалъ его біографію (Житіе Ѳ. В. Ушакова, съ пріобщеніемъ нѣкоторыхъ его сочиненій, 1789).

2) Рус. Старина, т. IX (въ ст. Русскіе вольнодумцы въ царствованіе Екатерины II).

3) Теперь заштатный городъ въ Киренскомъ уѣздѣ Иркутской губ.

нія на престолъ Александра I, который вызвалъ его въ столицу, возвратилъ чины, орденъ, дворянское достоинство и помѣстилъ въ коммиссію для составленія законовъ. Здѣсь Радищевъ трудился надъ проэктомъ гражданскаго уложенія. Взволнованный размолвкою съ гр. Завадовскимъ, предсѣдателемъ коммиссіи, онъ заболѣлъ и въ припадкѣ ипохондріи выпилъ стаканъ крѣпкой водки, отъ которой и умеръ на 53-мъ году отъ рожденія.

Въ книгѣ своей Радищевъ указалъ темныя стороны современной ему дѣйствительности и предложилъ нѣсколько проэктовъ, которые, по его мнѣнію, могли вести къ улучшенію неудовлетворительнаго общественнаго состоянія. Главный изъ этихъ проэктовъ имѣетъ предметомъ отмѣну крѣпостнаго права. Историкъ Россіи, безъ сомнѣнія, воздастъ справедливую похвалу филантропіи и гражданскому мужеству автора, который не только доказывалъ вредъ рабства въ нравственномъ отношеніи, но и предложилъ мѣры постепеннаго освобожденія крестьянъ. Сущность этихъ мѣръ состоитъ въ слѣдующемъ: изъ двухъ видовъ крѣпостнаго состоянія—сельскаго (собственно крестьянъ) и домашняго (дворовыхъ)—надобно сначала упразднить второй, запрещая брать во дворъ поселянъ и всѣхъ по деревнямъ написанныхъ въ ревизіи; участокъ земли, обработываемый крестьяниномъ, обратить въ его собственность; даровать ему гражданскія права; дозволить пріобрѣтать какъ недвижимое имѣніе (т. е. землю), такъ и вольность, платя господину извѣстную сумму за отпускную; судъ надъ нимъ, въ случаѣ его распри съ другими земледѣльцами, производить равными (на мірской сходкѣ); возбранить произвольное наказаніе безъ суда. Нельзя не отнестись съ полнымъ сочувствіемъ къ такой реформѣ, которая, по волѣ нашего Монарха, окончательно совершена положеніемъ 19 февраля 1861 г. Мысль Радищева получаетъ еще бо́льшую цѣнность, если припомнить, съ какою осторожностью подходилъ къ рѣшенію того же вопроса Руссо. Авторъ «Общественнаго договора» и «Началъ неравенства между людьми» пугался спѣшности ея осуществленія, которое—какъ ему было хорошо извѣстно — не одно и тоже съ изложеніемъ ея на бумагѣ. «Освобожденіе крестьянъ», говоритъ онъ въ одномъ изъ небольшихъ своихъ сочиненій, «есть дѣло прекрасное и великое, но вмѣстѣ смѣлое и опасное. Надо приступать къ нему не кое-какъ, а съ предосторожностями, между которыми главнѣйшая состоитъ въ томъ, чтобы людей, назначаемыхъ къ освобожденію, сдѣлать достойными свободы и способными ею пользоваться. Позаботьтесь прежде всего объ этомъ; не освобождайте ихъ тѣла, прежде нежели освободите ихъ душу: безъ этого предваритель-

наго акта, ваша операція будетъ имѣть дурной исходъ». Но въ книгѣ Радищева есть другая сторона, говорящая не въ ея пользу и не въ пользу авторской серьезности. Подобно многимъ, увлекшимся идеями европейской цивилизаціи, онъ думалъ только о выраженіи того, что вычиталъ изъ книгъ, не принимая въ соображеніе строя жизни, выработаннаго исторіей, которую не сломишь ни разсужденіями, какъ бы они ни были справедливы, ни заявленіемъ желаній, какъ бы они ни были благонамѣренны. Прочесть книгу Гельвеція не значитъ еще сдѣлаться философомъ, равно какъ прочесть книгу Рейналя не значитъ еще сдѣлаться политикомъ. Легко вращаться въ сферѣ общаго и отвлеченнаго; главное и самое трудное дѣло въ томъ, какъ общее воплотить въ частномъ, отвлеченное перевести въ практическое. О возможности примѣненія теоріи къ практикѣ Радищевъ не подумалъ: онъ какъ будто не зналъ или не хотѣлъ знать тѣхъ препятствій, которыя представятъ ему тогдашнее умоначертаніе общества, характеръ народнаго быта, сущность государственнаго устройства. Поэтому естественъ вопросъ: съ какою цѣлію издалъ онъ свою книгу и чего надѣялся достигнуть ею? Покровители и друзья его справедливо отрицали при этомъ какой-либо злой умыселъ, но также справедливо называли его поступокъ проступкомъ, который объясняли необдуманностью, легкомысліемъ, непредвидѣніемъ имѣющихъ быть за то послѣдствій и частію тщеславіемъ. На послѣдній поводъ самъ Радищевъ напираетъ въ отвѣтахъ на предложенные ему вопросы: «главное мое намѣреніе въ сочиненіи сей книги состояло въ томъ, чтобы прослыть писателемъ и заслужить въ публикѣ гораздо лучшую репутацію, нежели какъ обо мнѣ до того думали». Кромѣ того сознается онъ въ «смѣломъ и дерзновенномъ выраженіи», заявляя, впрочемъ, открыто, что сердце его непорочно, совѣсть не упрекаетъ его и разумъ свободенъ отъ злоумышленности.—Переходя къ другимъ мнѣніямъ книги, видимъ въ нихъ, во первыхъ, слѣды ученія Гельвеція, который единственнымъ двигателемъ нашей дѣятельности ставилъ эгоизмъ; далѣе, въ сужденіяхъ о естественномъ правѣ человѣка и объ его правахъ въ обществѣ, видно вліяніе Руссо. Радищевъ смѣется надъ масонами, или мартинистами; равно не принадлежалъ онъ ни къ атеистамъ, ни къ деистамъ, замѣчая, что послѣдніе причинили болѣе вреда, чѣмъ «непризватели бытія Божія, которыхъ у насъ мало»; онъ подражалъ многимъ авторамъ, но въ этой подражательности не пристроился ни къ одной системѣ; короче, въ книгѣ его—смѣшеніе доктринъ, или, скорѣе, вычитанныхъ мыслей разнаго значенія и характера, что и слѣдовало ожидать отъ человѣка, получив-

шаго хотя и заграничное, но не солидное образованіе. Поэтому нельзя не согласиться съ отзывомъ Пушкина, не смотря на его строгость: «Въ Радищевѣ отразилась вся французская философія его вѣка: скептицизмъ Вольтера, филантропія Руссо, политическій цинизмъ Дидро и Рейналя; но все въ нескладномъ видѣ, какъ всѣ предметы криво отражаются въ кривомъ зеркалѣ. Онъ есть истинный представитель полупросвѣщенія. Невѣжественное отношеніе ко всему прошедшему, слабоумное изумленіе передъ своимъ вѣкомъ, слѣпое пристрастіе къ новизнѣ, частныя, поверхностныя свѣдѣнія, на-обумъ приноровленныя ко всему—вотъ что мы видимъ въ Радищевѣ. Книга его есть очень посредственное произведеніе». Что касается до формы «Путешестія», то авторъ за образецъ ея выбралъ «Сентиментальное путешествіе Стерна». Изложеніе чрезвычайно утомительно какъ въ сатирѣ, такъ еще болѣе въ сентиментально-риторскихъ мѣстахъ; многорѣчивость способна вывести изъ терпѣнія самаго терпѣливаго читателя; слогъ неустроенный, варварскій. Послѣдній пунктъ служитъ, между прочимъ, сильнымъ возраженіемъ на то мнѣніе, что половина писемъ въ «Адской Почтѣ» принадлежитъ перу Радищева. Эти письма написаны не дурнымъ языкомъ. Не могло же одно и тоже лице почти въ одно и тоже время, выражаться двумя различными стилями—довольно хорошимъ и очень нехорошимъ (1).

§ 31. Правильное соотношеніе двухъ предметовъ: народнаго самопознанія съ одной стороны и усвоенія того, что выработано духовными усиліями всего человѣчества съ другой, и составляетъ задачу истинной образованности. Эта задача вытекаетъ изъ понятія о народѣ, который, будучи самостоятельнымъ общественнымъ тѣломъ, живя собственною, индивидуальною жизнію, есть въ тоже время и необходимый членъ всенародной семьи. Въ его историческомъ развитіи дѣйствуютъ двѣ стихіи: національная и общечеловѣческая. Первая стихія образуетъ его личность, называемую народностью, по которой онъ отличается отъ другихъ народовъ и есть именно такой-то народъ, а не какой-либо другой; вторая ставитъ его въ общеніе со всѣми прочими націями, дѣлаетъ его необходимымъ звеномъ въ цѣпи всего человѣчества. Обѣ стихіи народнаго развитія остроумно уподобляютъ силамъ центробѣжной и центростремительной, дѣйствующимъ въ небесной сферѣ. Сила

---

1) «Александръ Радищевъ», Пушкина (Сочиненія, изд. Исакова, т. V); «А.Н. Радищевъ», Корсунова (Рус. Вѣст. 1858, т. XVIII); Подлинные документы, относящіеся къ дѣлу Радищева (Чтенія въ Общ. ист. и древ. рос., 1865, кн. 3); «Радищевъ и его книга», М. Лонгинова (Рус. Арх. 1868).

центробѣжная (національная) охраняетъ особное существованіе народа, удерживаетъ за нимъ его личность и самостоятельность; сила центростремительная (общечеловѣческая) влечетъ народъ къ единенію съ другими народами, не дозволяя ему совершать свою исторію въ отрѣшенной отъ нихъ области, жить исключительною, въ себѣ самой замкнутою жизнію. Какъ отъ правильнаго соотношенія силъ, въ жизни солнечной системы, зависитъ невозмущаемое теченіе планетъ: такъ отъ правильнаго соотношенія стихій въ жизни народа зависитъ его невозмущаемое развитіе. Господство или перевѣсъ одной какой-либо стихіи мѣшаетъ нормальному устройству народной судьбы. Если бы народъ подчинился дѣйствію національности, нераздѣльному и единственному, онъ осудилъ бы себя на китайскую неподвижность; если бы онъ могъ отречься отъ своихъ національныхъ отличій и жить единственно иноземнымъ вліяніемъ,—онъ представилъ бы примѣръ чудовищнаго космополитизма, который и въ отдѣльныхъ личностяхъ возмутителенъ для каждаго живаго человѣка. Цѣльное, гармоническое развитіе народа состоитъ въ возведеніи присущихъ ему началъ на степень общечеловѣческихъ; оно тогда только возможно, когда народъ, оставаясь вполнѣ самостоятельнымъ, усвоиваетъ духовныя пріобрѣтенія другихъ націй и въ свою очередь самъ становится участникомъ общечеловѣческаго развитія.

Осуществленіе этой формулы требуетъ длиннаго ряда вѣковъ. Прежде чѣмъ стать на чреду народовъ историческихъ, имѣющихъ всемірное значеніе, народъ проживаетъ нѣсколько послѣдовательныхъ періодовъ: періодъ исключительной національности, заботливо сторонящейся отъ всего чуждаго; періодъ сближенія съ другими народами, подражательности иноземному, которая весьма часто не знаетъ мѣры заимствованій и упускаетъ изъ виду свое собственное; наконецъ періодъ разумной самостоятельности, когда обѣ силы, національная и общечеловѣческая, приходятъ въ должное равновѣсіе, сохраняя свои законныя права и дѣйствіе.

Восемь столѣтій съ половиною Россія пребывала въ первомъ періодѣ и была выведена изъ него реформой Петра. Чѣмъ дольше общество жило особнякомъ, безъ рѣшительнаго сближенія съ другими народами, хотя и чувствуя потребности иной, болѣе просторной жизни, но только частными преобразованіями удовлетворяя этимъ потребностямъ, тѣмъ сильнѣе въ немъ боязнь потерять родную почву развитія, тѣмъ недовѣрчивѣе встрѣчаетъ оно новые порядки, наступающіе со времени втораго періода, и тѣмъ упорнѣе готово отвергать ихъ. Противодѣйствіе можетъ быть заявляемо двоякимъ образомъ: дѣломъ и мыслію. Противодѣйствіе дѣломъ

выражается въ приверженности быта къ исключительно-національному строю жизни; противодѣйствіе мыслію—въ особомъ ученіи, которое стремится къ національному, самостоятельному, боясь искаженія существенныхъ особенностей народа отъ потока чужеземныхъ вліяній, быстро разливающагося въ періодъ подражательности. Такое ученіе означено у насъ неточнымъ, позднѣе составленнымъ именемъ «славянофильства», т. е. любви къ славянамъ вообще, которая включаетъ въ себѣ любовь къ русскимъ славянамъ въ особенности. Направленіе, противоположное славянофильству, называлось «европеизмомъ», такъ какъ жизнь европейскихъ народовъ, сложившаяся изъ элементовъ древняго (греко-римскаго) и новаго (христіанскаго) міра, сдѣлалась источникомъ и образцомъ для общечеловѣческаго развитія. Слова: «европейцы» и «славянофилы», замѣнялись позднѣе словами: «западники» и «восточники» по той причинѣ, что Россія, по своему географическому положенію въ старомъ свѣтѣ, служитъ какъ бы звеномъ, соединяющимъ его западную и восточную половины. При Петрѣ I-мъ и въ ближайшее за нимъ время, когда нѣмцы были нашими учителями, слово «нѣмецъ» имѣло такое же значеніе какъ и слово «европеецъ», или «западникъ». Если славянофилы ищутъ самостоятельнаго, на коренныхъ началахъ русской природы основаннаго развитія, то западники видятъ идеалъ народнаго развитія въ началахъ европейской образованности, проходящей по всей исторіи запада и вполнѣ удовлетворительной для высшихъ требованій просвѣщенія. Карамзинъ обозначилъ крайность западничества, сказавъ, что главное дѣло быть не славянами, а людьми, что все національное ничто предъ человѣческимъ. Славянофильство противополагало тому другую крайность, утверждая, что западъ одряхлѣлъ въ жизни, мышленіи и образованности, что надобно одухотворить его инымъ, новымъ началомъ, подобно тому, какъ греко-римскій міръ, изжившій свое развитіе, былъ одухотворенъ началомъ германскимъ.

Вопросъ о народной самобытности пріобрѣталъ у насъ особое значеніе и силу каждый разъ, когда совершались важныя внутреннія реформы или завязывалась серьезная борьба съ Европою. Въ первомъ случаѣ, стремленіе къ западнымъ идеямъ и учрежденіямъ, которыя, со времени Петра, сдѣлались нашимъ идеаломъ, вызывало реакцію. Славянофильство являлось съ сомнѣніями и запросами, направлявшими общественную мысль въ противную сторону: это усвоеніе чуждой образованности согласно ли съ природой русскаго человѣка и его дѣйствительными нуждами? нѣтъ ли въ нашемъ прошломъ и настоящемъ какихъ-либо элементовъ, неизвѣданныхъ или забытыхъ, которыми возможно улучшить

прежній строй общества безъ всякой посторонней помощи? Сами дѣятели и защитники европейской цивилизаціи отступали иногда отъ своего собственнаго дѣла при видѣ тѣхъ крайностей, въ которыя она ударялась. Изъ нововводителей они обращались въ стародумовъ, перенося свой идеалъ въ періодъ русской жизни, болѣе или менѣе отдаленный отъ современности. Такъ для Стародума, въ ком. «Недоросль», этимъ идеаломъ служитъ эпоха Петра, противополагаемая состоянію русскаго общества при Екатеринѣ. Въ эпоху международной непріязни, славянофильскія мнѣнія возбуждались и руководились патріотизмомъ. Народная гордость отвергала всякій союзъ съ народомъ-врагомъ и не хотѣла быть ему одолженной никакими дарами, ни матеріальными, ни умственными. У себя дома она искала способовъ для всѣхъ видовъ преуспѣянія. Противные тому взгляды осуждались не просто какъ ложное направленіе мысли, но и какъ измѣна отчизнѣ, что́ весьма понятно при общемъ патріотическомъ воодушевленіи. Примѣръ такого явленія увидимъ въ русской литературѣ 1812 года.

Пока реформа не ввела Россію въ среду европейской цивилизаціи, до тѣхъ поръ не было у насъ мѣста означеннымъ воззрѣніямъ. Они могли возникнуть только при выходѣ ея изъ періода исключительной національности. Славянофильство и западничество порождены Петромъ. Впрочемъ, сходственныя съ ними, если не однородныя имъ, явленія представляла и до-петровская Русь. И тогда встрѣча съ чужеземными обычаями или чужеземною наукой тревожила ревнителей чисто-русской жизни и мысли. Исторія Максима Грека показываетъ, какъ большинство книжныхъ людей отвосилось къ исправленію перевода богослужебныхъ книгъ: ученый инокъ былъ заподозрѣнъ въ неправославіи. Симеонъ Полоцкій казался въ Москвѣ опаснымъ нововводителемъ. Въ XVII в., каждый русскій, умѣвшій читать латинскія книги и говорить по-польски, и кромѣ того усвоившій нѣкоторые польскіе обычаи, могъ возбуждать опасенія въ тѣхъ лицахъ, для которыхъ византійская ученость служила единственнымъ кормиломъ, исключавшимъ всякія другія руководства. Эта исключительность, отвѣчая позднѣйшему славянофильству, давала противнымъ ей взглядамъ названія бусурманства, иновѣрія, ереси и т. п.

Начиная съ Петровой реформы, въ исторіи славянофильства различается нѣсколько степеней или періодовъ. Выступая подъ тѣмъ или другимъ знаменемъ, оно обозначалось тѣмъ или другимъ именемъ. При Петрѣ оно имѣло религіозную подкладку, чѣмъ доказывало свою связь съ древне-русскою нетерпимостью всего чужеземнаго: сторонники преобразованій обвинялись въ иновѣріи и ере-

тичествѣ, а сторонники до-петровской Руси въ лицемѣріи, формализмѣ и старовѣрствѣ. Въ царствованіе Елисаветы, славянофильскія тенденціи приняли патріотическій характеръ, возбужденныя рѣчью академика Миллера «о происхожденіи народа и имени Руссовъ», въ которой развивалось мнѣніе Байера, что варяго-русь—народъ скандинавскаго племени. Особыя обстоятельства сообщили научному предмету политическую важность. Взаимныя отношенія Швеціи и Россіи не могли быть искренно-дружелюбными, не смотря на вѣчный миръ, заключенный въ Або (1743): Швеція не могла забыть, чего она лишилась въ сѣверную войну, а Россія съ своей стороны понимала, что ея бывшая соперница не откажется и впредь отъ соперничества, въ надеждѣ возвратить потерянное и вновь занять мѣсто первоклассной державы. Доказывать, при такомъ характерѣ между-народныхъ отношеній, что Рюрикъ и его братья были одного племени съ нашими врагами, шведами, значило оскорблять народное самолюбіе. Рѣшеніе вопроса о способѣ водворенія варяго-руссовъ было также неблагопріятно русскому чувству. Допустивъ, что они, будучи призваны только на время для защиты границъ отъ норманскихъ нашествій, утвердили свое господство надъ славянами, должно было согласиться, что славяне не могли сами ни отразить враговъ, ни вытѣснить чужеземцевъ послѣ оказанной имъ помощи. Изъ гипотезы о добровольномъ подчиненіи славянъ варяго-руссамъ вытекало слѣдствіе, что предки наши неспособны были къ самоуправленію, что не они сами начали свою государственную исторію, что въ странѣ ихъ, богатой и обильной, установленъ порядокъ внѣшнею силою. Позднѣе, наука истолковала выгоднымъ для насъ образомъ тотъ самый фактъ, который смущалъ русскихъ ученыхъ XVIII в.: въ добровольномъ призваніи варяго-руссовъ она увидѣла самое счастливое преимущество нашей исторіи и ея существенное отличіе отъ исторіи другихъ государствъ, основанныхъ путемъ завоеванія, которое положило вражду между побѣжденными и побѣдителями. Но при Елисаветѣ подобныя воззрѣнія еще не имѣли мѣста. Русская партія академиковъ съ ея представителемъ, Ломоносовымъ, не могла относиться равнодушно къ мнѣніямъ нѣмецкихъ академиковъ. Упомянутая рѣчь казалась ему предосудительною для русскаго имени, а ея автора почиталъ онъ зложелателемъ, «высматривающимъ одни темныя пятна на одеждѣ россійскаго тѣла». Чувству патріотизма одолжены своимъ появленіемъ историческіе труды Ломоносова и Тредьяковскаго: первый приравниваетъ русскую исторію исторіи римской; второй доказываетъ

первоначаліе Россовъ и славянскаго языка предъ тевтоническимъ; и оба предлагаютъ ученіе о славянскомъ происхожденіи Руси.

Изъ вопроса Фонъ-Визина Собесѣднику: «какъ истребить два сопротивные и вредные предразсудки: первый—будто у насъ все дурно, а въ чужихъ краяхъ все хорошо; второй—будто въ чужихъ краяхъ все дурно, а у насъ все хорошо?» видимъ, что славянофильство и западничество не только существовали у насъ во второй половинѣ XVIII в., но и доходили до предразсудковъ. Сатирическіе журналы (1769—74) старались избѣгать такихъ крайнихъ воззрѣній. Задача объ отношеніяхъ народнаго къ общечеловѣческому должна была рѣшаться, по ихъ мнѣнію, путемъ эклектическимъ, т. е. заимствованіемъ хорошаго отвсюду, гдѣ бы оно ни встрѣчалось, и сочетаніемъ его съ собственнымъ хорошимъ. Такъ, напримѣръ, редакторъ «Всякой Всячины» замѣчаетъ, по поводу одной статьи, что «еслибы къ французскому кафтану прибавить, что у него недостаетъ, или у русскаго платья убавить все лишнее, то можно бы составить одежду, приличную климату и согласную съ здравымъ разсудкомъ». Но что такое хорошее въ сферѣ народнаго развитія? чѣмъ и какъ оно опредѣляется? опредѣляется ли оно независимо отъ органическихъ особенностей народа, или подъ условіемъ этихъ особенностей? Другой примѣръ беремъ изъ «Письма Люборусова» (Трудолюбивый Муравей), содержащаго въ себѣ, между прочимъ, такія строки: «говорю я по-русски, а другихъ языковъ хотя нѣсколько разумѣю, но говорить на оныхъ не могу, да и не хочу, ибо кажется мнѣ, будто они противъ нашего недостаточны, да и расположеніе ихъ чудно». Но еслибы народы разсуждали подобно автору письма, то не одному изъ нихъ пришлось бы отказаться отъ своего роднаго языка за его бѣдность и «чудное расположеніе». На самомъ дѣлѣ этого никогда не бываетъ и быть не можетъ: значитъ, есть иная мѣра такъ называемому хорошему, когда говорится о народной организаціи. Означенные журналы захватывали предметъ не глубоко: они думали успокоиться на внѣшнемъ сопоставленіи національнаго съ чужеземнымъ, на механическомъ прилаживаніи одного къ другому, какъ будто народъ машина, изъ которой можно вынуть непригодныя части (наприм.: языкъ, складъ ума и пр.) и замѣнить ихъ болѣе совершенными. Заслуга ихъ не въ рѣшеніи вопроса и даже не въ постановкѣ его, а въ избѣжаніи предразсудковъ, указанныхъ Фонъ-Визинымъ. Славянофильство являлось въ нихъ подъ формой преслѣдованія чужеманіи, особенно французоманіи. Ревнители прогрессивныхъ мѣръ Екатерины, они не щадили темныхъ сторонъ русскаго быта, завѣщанныхъ до-петровской стариной, но вмѣстѣ съ тѣмъ не ща-

дили и тѣхъ, какія возникли по слѣпому пристрастію къ иноземнымъ обычаямъ. Нападая на поверхностный европеизмъ и неразборчивость при выборѣ гувернеровъ, они въ тоже время относились съ чувствомъ полнаго уваженія къ европейской наукѣ и ея представителямъ. Нѣкоторые между ними, напр. Кошелекъ, преимущественно обличали пристрастіе русскихъ къ Франціи Въ немъ помѣщено ироническое письмо какого-то защитника французскихъ нравовъ. Упомянутое же письмо Люборуссова непронически защищаетъ народность, хваля русскаго человѣка, русскія кушанья, русскую одежду и русскій языкъ.

Патріотическая основа славянофильства Екатеринина времени выказалась по поводу сочиненій о Россіи, написанныхъ иностранцами и имѣвшихъ предметомъ ея исторію или современное ея состояніе. Въ 1761 году, аббатъ Шаппъ (Chappe d'Auteroche), членъ парижской академіи наукъ, былъ отправленъ въ Сибирь, чтобы наблюдать прохожденіе Венеры передъ солнцемъ. Записки его путешествія и ученыхъ наблюденій изданы въ 1768 г. (Voyage en Sybérie). Онѣ описываютъ наши нравы, обычаи, образъ нашего правленія и частію касаются нашей исторіи—описаніе невѣрное, одностороннее и легкомысленное, такъ какъ путешественникъ рѣшительно судитъ и рядитъ о томъ, чего не могъ осмотрѣть порядочно въ торопливой поѣздкѣ своей отъ Петербурга до Москвы. Національные предразсудки мѣшали ему находить что-либо хорошее въ той странѣ, которая такъ не похожа на его отечество и которую почиталъ онъ варварскою. Книга его подверглась осужденію со стороны Гримма и Дидро, но болѣе серьезная критика ея содержанія, приписываемая Екатеринѣ II, издана въ Амстердамѣ, подъ заглавіемъ: «Antidote, ou examen du mauvais livre, superbement imprimé, intitulé: Voyage en Sybérie» (1771). Эта критика, опровергая невѣрныя показанія аббата, раскрываетъ съ тѣмъ вмѣстѣ недостатки французскаго общества. Главная мысль ея состоитъ въ томъ, что современная Франція, подъ скипетромъ Людовика XV, не имѣетъ права гордиться передъ современной Россіей, управляемой творцемъ Наказа. Въ перепискѣ своей съ Вольтеромъ (1763 — 1777), Екатерина также беретъ на себя защиту своего отечества. Она часто останавливаетъ опрометчивыя понятія философа, который легкомысленно относился о государственныхъ учрежденіяхъ и вѣковыхъ обычаяхъ русскаго народа, думая, что то и другое удобно преобразовывается или даже уничтожается книжными идеями и административными мѣрами. О чемъ бы ни заводили рѣчь его письма—объ изгнаніи турокъ изъ Европы, о церковныхъ дѣлахъ или о законахъ, составляемыхъ

въ духѣ Наказа — вездѣ видишь незнаніе мѣстныхъ условій исторіи, настоящаго положенія страны, которой онъ рѣшился подавать совѣты изъ своей фернейской обители. Императрица, которую онъ постоянно уподоблялъ миѳологическимъ божествамъ и древнимъ героинямъ, сдержанно отвѣчала на его нетерпѣливые запросы объ успѣхахъ русской цивилизаціи, видя въ нихъ любопытство кабинетнаго человѣка, соединенное съ поверхностнымъ пониманіемъ самыхъ важныхъ и трудныхъ предметовъ. Между прочимъ, онъ часто освѣдомлялся о ходѣ законодательныхъ работъ, понуждая торопиться ихъ окончаніемъ. Екатерина писала ему на это изъ Казани (1767): «Подумайте только, что эти законы должны служить и для Европы и для Азіи: какое различіе климата, жителей, привычекъ, понятій! Я теперь въ Азіи и вижу все своими глазами. Въ Казани двадцать разныхъ народовъ, одинъ на другаго не похожихъ. Однакожъ необходимо сшить каждому пригодное платье. Легко положить общія начала; но частности? подробности? И какія подробности? Вѣдь это цѣлый, особый міръ: надобно его создать, сплотить, охранять». Переписка иногда касалась сравненія Россіи съ Франціей: въ такихъ случаяхъ, Екатерина постоянно доказывала, что послѣдняя страна, при всемъ своемъ просвѣщеніи, не можетъ служить безотносительнымъ примѣромъ для первой, хотя только что начавшей просвѣщаться.

Какъ въ критикѣ на путевыя записки Шаппа отстаивается настоящее Россіи, такъ въ «Запискахъ касательно россійской исторіи» отстаивается ея прошедшее. Занимаясь ими, Екатерина имѣла въ виду—изображеніемъ древнихъ доблестей и судебъ русскаго народа уронить клеветы, взведенныя на него иностранными писателями. Съ этою цѣлію всѣ факты освѣщаются выгоднымъ для нихъ свѣтомъ и во всемъ сочиненіи господствуетъ мысль о древности и великомъ значеніи славянъ и русскихъ, о важности ихъ языка и исторіи. При такомъ преднамѣренномъ освѣщеніи нельзя, конечно, соблюсти исторической истины: многія событія и лица получили не тотъ видъ, какой они имѣли въ дѣйствительности. Но въ Запискахъ своихъ авторъ преимущественно думалъ о выполненіи своей задачи: каково бы ни было ихъ достоинство, говоритъ онъ, по крайней мѣрѣ «ни нація, ни государство въ нихъ не унижены». Надобно было показать, что у русскаго народа нѣтъ причинъ краснѣть передъ другими націями за свою прошлую жизнь. Эта мысль опредѣленно выражена въ предисловіи къ Запискамъ: «если сравнить какую-нибудь эпоху русской исторіи съ одновременными ей событіями въ Европѣ, то безпристрастный читатель усмотритъ, что родъ человѣческій вездѣ одинакія имѣлъ

страсти, желанія, намѣренія и къ достиженію употреблялъ нерѣдко одинакіе способы».

Самымъ рѣшительнымъ выраженіемъ превосходства Россіи надъ другими странами служатъ заграничныя письма Фонъ-Визина. Здѣсь онъ заплатилъ богатую дань тому самому предразсудку, о которомъ позднѣе говорилъ въ 20-мъ вопросѣ Екатеринѣ, т. е. мнѣнію, «будто въ чужихъ краяхъ все дурно». Фонъ-Визинъ недоволенъ почти ничѣмъ, что видѣлъ во Франціи, Германіи, Италіи, и почти всегда свое родное ставитъ выше чужеземнаго. «Если кто изъ молодыхъ моихъ согражданъ, имѣющій здравый разсудокъ (пишетъ онъ къ гр. П. И. Панину, изъ Франціи, 1777—78 г.), вознегодуетъ, видя въ Россіи злоупотребленія и неустройства, и начнетъ въ сердцѣ своемъ отъ нея отчуждаться, то, для обращенія его въ должную любовь къ отечеству, нѣтъ вѣрнѣе способа, какъ скорѣе послать его во Францію. Здѣсь, конечно, узнаетъ онъ самымъ опытомъ очень скоро, что люди вездѣ люди, что прямо умный и достойный человѣкъ вездѣ рѣдокъ, и что въ нашемъ отечествѣ, какъ ни плохо иногда въ немъ бываетъ, можно быть столько же счастливу, сколько и во всякой другой землѣ, если совѣсть спокойна и разумъ правитъ воображеніемъ, а не воображеніе разумомъ». Впечатлѣніе, произведенное на Фонъ-Визина Германіею, также невыгодно, какъ видно изъ его писемъ къ сестрѣ: «здѣсь во всемъ генерально хуже нашего; люди, лошади, земля, изобиліе въ нужныхъ съѣстныхъ припасахъ,—словомъ, у насъ все лучше, и мы больше люди, нежели нѣмцы; это удостовѣреніе вкоренилось въ душѣ моей, ктобъ что ни изволилъ говорить». Еще болѣе нерасположенъ путешественникъ къ италіянцамъ. Во Флоренціи, говоритъ онъ, образъ жизни италіянскій, т. е. «весьма много свинства»: полы каменные и грязные; бѣлье мерзкое; хлѣбъ, какого у насъ не ѣдятъ и нищіе; чистая ихъ вода то, что у насъ помои. И сады на сѣверѣ лучше; петербургскія оперы не хуже италіянскихъ; что же касается до Рима, то это земной адъ для человѣчества». Короче, вояжъ доказалъ Фонъ-Визину истину пословицы: славны бубны за горами. Мнѣніе, вынесенное имъ изъ знакомства съ Европою, служитъ переходомъ отъ люборуссовъ Екатеринина времени къ исторіи славянофильства въ сороковыхъ годахъ нашего столѣтія: «Если здѣсь прежде насъ начали жить, то, по крайней мѣрѣ, мы, начиная жить, можемъ дать себѣ такую форму, какую хотимъ, и избѣгнуть тѣхъ неудобствъ и золъ, которыя здѣсь вкоренились. Nous commençons et ils finissent. Я думаю, что тотъ, кто родится, посчастливѣе того, кто умираетъ».

Упомянутыя статьи «Зрителя»: «Нѣчто о врожденномъ свойствѣ

душъ россійскихъ» и «Письмо къ издателямъ изъ Орла», показываютъ примѣръ столкновенія между двумя взглядами. Обѣ онѣ внушены патріотизмомъ, хотя и направлены въ разныя стороны. Авторъ первой статьи, Плавильщиковъ, на столько же превозноситъ соотечественниковъ, на сколько понижаетъ иностранцевъ. «Письмо» находитъ, что самовосхваленіе даетъ поводъ къ ложнымъ понятіямъ о нашихъ достоинствахъ и недостаткахъ. «Вы не прочь отъ романовъ», замѣчаетъ неизвѣстный его сочинитель, «когда увѣряете насъ, какъ будто китайцевъ, что въ Россіи не слыхать про бѣглаго солдата. Или нельзя хвалить свое отечество, не сплетая чудесъ въ его славу? Скоро вы станете божиться, что въ цѣлой Россіи нѣтъ ни плутовъ, ни дураковъ... Нѣкоторые листомарателн, думая тѣмъ угодить своему отечеству, наперерывъ выхваляютъ его просвѣщеніе, и въ глазахъ нашихъ, среди Россіи, составляютъ нелѣпые романы, которые называютъ ободреніемъ россійскихъ дарованій. Прекрасное средство ободрять науки, говоря, что намъ не нужно болѣе учиться! Не лучше ли, изъ любви къ соотечественникамъ, показывать имъ ихъ недостатки и, устыжая ихъ томную сонливость, воспламенить желаніе углубляться въ науки, дабы слава нашего непритворнаго просвѣщенія сравнилась съ славою россійскаго оружія».

Въ вышеприведенныхъ заявленіяхъ славянофильства мы не встрѣчаемъ того, что позднѣе сдѣлалось главнымъ пунктомъ его ученія. Откуда ни поднимались голоса противъ иноземнаго вліянія, всѣ они выражаютъ глубокое уваженіе къ Петру и признаютъ необходимость его реформы. Никому не приходила мысль о несовмѣстности русскаго развитія съ общеевропейскимъ просвѣщеніемъ. Напротивъ, Петръ, какъ и прежде, оставался божествомъ Россіи, и Европа все также должна была служить намъ образцемъ. Сомнѣніе въ непогрѣшимости Петровыхъ дѣлъ началось съ того времени, когда славянофильство выступило подъ знаменемъ нравственности, какъ реакція такимъ явленіямъ общественной и частной жизни въ XVIII вѣкѣ, которыя возникли и развились при односторонней наклонности къ чужому. Вольность нравовъ, нарожденная поверхностнымъ европеизмомъ, была новымъ невѣжествомъ, противъ котораго слѣдовало также вести войну, какъ прежде вели войну съ невѣжествомъ старымъ, до-петровскимъ. Эта старина сдѣлалась безопасною для преуспѣянія на томъ пути, по которому преобразователь повелъ Россію. Не было уже никакой возможности отречься намъ отъ Европы и снова жить исключительно-національною жизнью. Но опасность угрожала съ другой, противоположной стороны—со стороны крайняго увлеченія иноземнымъ и

пренебреженія отечественнымъ. И потому, замѣчая упадокъ нравственности, стали обращать благопріятные взоры на старину и пользоваться ею какъ орудіемъ въ борьбѣ съ новымъ врагомъ. Добрыя качества предковъ выставлялись въ примѣръ и укоръ ихъ потомкамъ. Недовольство современнымъ направленіемъ общества и примиреніе съ до-петровскою стариною и составляютъ основный взглядъ новаго вида славянофильства. Взявъ на себя цензуру общественной и частной нравственности, славянофилы приписывали ея упадокъ преимущественно вліянію Франціи: поэтому французскій образъ жизни и французская философія служатъ главными предметами ихъ обличеній. Но какъ это вліяніе было дальнѣйшимъ послѣдствіемъ нашего перваго знакомства съ Европой, то отвѣтственность за новое зло, не имѣвшее мѣста въ древней Руси, должна была падать частію и на реформу: отсюда нѣкоторый поворотъ во мнѣніи о Петрѣ. Если не осужденіе его дѣйствій, то указаніе ихъ односторонности встрѣчаемъ еще въ докладахъ Бецкаго. Хотя «Наказъ» и думаетъ, что Петръ I, вводя нравы и обычаи европейскіе въ европейскомъ народѣ, нашелъ такія удобности, какихъ онъ и самъ не ожидалъ», т. е. что его преобразованія «сходствовали съ климатомъ»; но этотъ взглядъ принадлежитъ не «Наказу», а Монтескье, который большое участіе въ народоустройствѣ приписывалъ климату. Екатерина измѣнила потомъ свое понятіе, какъ это видно изъ ея разговора съ Густавомъ III объ опасности поспѣшныхъ или преждевременныхъ реформъ, равно какъ изъ ея письма къ Мордвинову (1790), касательно предложенія французскаго эмигранта, Сенака де-Мельяна, написать русскую исторію XVIII в. Письмо требуетъ, чтобы эмигрантъ отрекся отъ предубѣжденій противъ Россіи, свойственныхъ большей части иностранныхъ писателей—все видѣть съ дурной стороны, не обращая вниманія на происходившее въ тоже время въ другихъ государствахъ, и утверждать, «что Россія до Петра I-го не имѣла ни законовъ, ни устройства, между тѣмъ какъ существовало совсѣмъ тому противное». Въ Запискахъ кн. Дашковой помѣщенъ любопытный разговоръ ея съ австрійскимъ министромъ Кауницемъ о значеніи Петровыхъ преобразованій. Министръ называлъ преобразователя творцемъ Россіи. Княгиня отвергала это мнѣніе, приписывая его предразсудкамъ и невѣжеству иностранныхъ писателей, которые, восхваляя Петра, хвалили самихъ себя, такъ какъ онъ вызвалъ въ Россію множество иностранцевъ и съ ихъ помощію совершилъ свое «мнимое твореніе». Главная ошибка его, по словамъ княгини, состояла въ томъ, что онъ не хотѣлъ цѣнить достопочтенныхъ качествъ нашихъ пред-

ковъ и оригинальность ихъ характера исказилъ введеніемъ чуждыхъ нравовъ и обычаевъ, которые такъ высоко ставилъ надъ коренными русскими обычаями и нравами. Этотъ возвратъ къ древне-русской жизни, это сочувствіе къ простотѣ и степенности нашихъ до-петровскихъ предковъ всегда противополагались той вольности въ мысляхъ и нравахъ, которая тщеславно выставляла себя на-показъ въ XVIII в. Новиковъ, издатель Древней Россійской Вивліоѳики, въ предисловіи къ ней (1773), благодаритъ Бога за то, что «не всѣ еще у насъ заражены Франціею, но что есть много такихъ, которые съ великимъ любопытствомъ будутъ читать описанія нѣкоторыхъ обрядовъ, въ сожитіи предковъ нашихъ употреблявшихся, съ неменьшимъ удовольствіемъ увидятъ нѣкое начертаніе нравовъ ихъ и обычаевъ и съ восхищеніемъ познаютъ великость духа ихъ, украшеннаго простотою».... Затѣмъ предисловіе отзывается такимъ образомъ о русскихъ галломанахъ: «напоенные сенскимъ воздухомъ сограждане наши станутъ, можетъ быть, пересмѣхать суевѣріе и простоту или по ихъ глупость нашихъ прапрадѣдовъ; но одни ли россіяне подвержены были суевѣрію? Пусть припомнятъ господа наши полу-французы день св. Варѳоломея: тогда не должно будетъ удивляться, что у насъ нѣкоторые частные люди отъ суевѣрія пострадали. Но я прекращу сіе, дабы не навлечь на себя гнѣва отъ сихъ подражателей клеветъ А. де Ш.» (т. е. аббата Шаппа). Отъ полу-французовъ Новиковъ обращается къ любителю россійскихъ древностей, прося его не смотрѣть на молодыхъ кощуновъ, которые и самыя добродѣтели предковъ своихъ пересмѣхаютъ и презираютъ. Тѣже воззрѣнія стала раздѣлять и литература. Въ нѣкоторыхъ ея произведеніяхъ изображается патріархальность того племени, къ которому принадлежатъ русскіе. Драма Богдановича «Славяне» привела Александра Македонскаго къ этому народу, заставила его полюбить Доброславу, дочь воеводы города Славенска, восхищаться простодушіемъ добрыхъ людей, еще не вышедшихъ изъ эпическаго періода народной жизни, и отдавать имъ преимущество предъ аѳинянами, у которыхъ съ утонченною цивилизаціей явились и ея злыя послѣдствія. Знаменитый завоеватель говоритъ Парменіону: «По нравамъ грековъ не должно судить о всѣхъ прочихъ. Посмотри на славянъ: добронравіе, простота и вѣрность между ними предупреждаютъ повелѣнія. Природа, кажется, ошиблась, произведши въ Греціи Аристидовъ и Сократовъ; здѣсь бы они гонимы не были». Въ другомъ мѣстѣ, послѣ разговора съ огородницей Потапьевной, доброй и легковѣрной, Александръ высказываетъ снова свое славянофильство: «Вотъ какъ простымъ и добрымъ лю-

дямъ вздорными разсказами набиваютъ головы! Простодушная огородница говоритъ, что слышала; однако ея невѣдѣніе нравится мнѣ лучше, нежели высокій разумъ, во зло употребляемый. О, какъ далеки правами отъ славянъ аѳиняне! Другъ мой, Парменіонъ, много ошибается, почитая аѳинянъ своими добрыми учителями. Со всею своею премудростью, Аѳиняне недовольны, безпокойны и всегда несчастій опасаются. Славяне, въ счастливой простотѣ своей, не разумнѣе ли мудрецовъ, которые любятъ часто химерамъ слѣдовать? Пускай аѳиняне, какъ хотятъ, толкуютъ: я ставлю простоту и добронравіе выше аѳинской премудрости». Понятно, что вмѣсто словъ: «аѳиняне», «аѳинскій», надобно читать: «французы», французскій», и что Парменіонъ на столько же западникъ, на сколько Александръ—славянофилъ.

Славянофильство, исходящее изъ нравственнаго начала, отчетливѣе раскрыто тремя сочиненіями: «О поврежденіи нравовъ въ Россіи», кн. Щербатова; «Примѣчанія на Русскую исторію Леклерка», Болтина; «Мысли о Россіи, или нѣкоторыя замѣчанія о гражданскомъ и нравственномъ состояніи Русскихъ до царствованія Петра Великаго», неизвѣстнаго автора.

Въ сочиненіи своемъ, имѣющемъ характеръ мемуаровъ, кн. Щербатовъ (1733—1790), историкъ и публицистъ, признаетъ, что мы въ людкости и нѣкоторыхъ предметахъ оказали удивительные успѣхи, и «исполинскими шагами шествовали къ поправленію нашихъ внѣшностей, но тогда же гораздо съ вящщей скоростію бѣжали къ поврежденію нашихъ нравовъ». Сѣтуя на упадокъ общественной и семейной нравственности, онъ указываетъ его причины и исторію, отъ самаго начала печальнаго явленія до «настоящей (современной) развратности». Главными причинами зла онъ почитаетъ сластолюбіе и ослабленное значеніе родовой знати. Отъ сластолюбія, подъ которымъ разумѣется все то, что питаетъ чувственную сторону человѣческой природы, произошла роскошь въ убранствѣ домовъ, одеждѣ, экипажахъ, столѣ. Разрушенное же мѣстничество, не замѣненное никакимъ новымъ правомъ для знатныхъ родовъ, «истребило мысли благородной гордости въ дворянахъ; ибо стали не роды почтенны, но чины, и заслуги, и выслуги, и тако каждый сталъ добиваться чиновъ; а не всякому удается прямыя услуги учинить, то за недостаткомъ заслугъ стали стараться выслуживаться, всякими образами льстя и угождая». Первому источнику зла, сластолюбію, кн. Щербатовъ противополагаетъ незатѣйливую, простую жизнь до-петровской Руси; а второму источнику—признанію личныхъ заслугъ и способностей единственнымъ правомъ на участіе въ государственной дѣятельности—

прежнее начало, т. е. раздачу мѣстъ и чиновъ по рожденію. Когда же зародилось поврежденіе нравовъ, дошедшее до «настоящей развратности»? Оно было слѣдствіемъ реформы, хотя и явилось помимо воли Петра. Потому-то исчисленіе успѣховъ нашихъ по разнымъ отраслямъ государственнаго устройства при Петрѣ кн. Щербатовъ заключаетъ слѣдующими словами: «но тогда же искренняя привязанность къ вѣрѣ стала исчезать, твердость уменьшилась, уступая мѣсто нагло стремящейся лести, роскошь и сластолюбіе положили основаніе своей власти, а симъ побужденіемъ и корыстолюбіе къ разрушенію законовъ и ко вреду гражданъ начало проникать въ судебныя мѣста». Впрочемъ кн. Щербатовъ былъ убѣжденъ въ необходимости преобразованій, и осуждалъ только крутыя мѣры, посредствомъ которыхъ они были совершаемы, да недостатокъ уваженія къ преданіямъ старины.

«Исторія древней и новой Россіи», французскаго медика Леклерка, вышедшая въ Парижѣ на франц. языкѣ (6 т., 1783—94), дала Болтину поводъ написать «Примѣчанія» на первые ея томы (1788). Цѣль «Примѣчаній»—защищеніе правды и отечества. Изъ любви къ тому и другому Болтинъ принялся за перо, «чтобъ уличить и устыдить» иностраннаго писателя, въ сочиненіи котораго нашелъ онъ «ложь, клевету, пристрастіе, наглость, нелѣпость разсужденій, пустоту доводовъ, безчисленныя и грубыя во всѣхъ родахъ ошибки». Мнѣнія русскаго критика, отвергая все, служащее къ нареканію чести и славы нашего отечества, выражаютъ яснымъ образомъ его понятія о реформѣ и объ отношеніи древней Россіи къ новой. Въ торопливомъ сближеніи нашемъ съ Европою онъ видитъ вредную ошибку, требующую исправленія. Упадокъ нравственности есть для него очевидный фактъ, который ведетъ свое начало съ того времени, какъ юношество стали посылать въ чужіе края и ввѣрять его воспитаніе чужестранцамъ. Новую образованность людей своего времени онъ прямо называетъ мнимымъ просвѣщеніемъ. Неразумному ходу отечественной жизни, ея внѣшнему европеизму, производящему французо-русскихъ петиметровъ, «Примѣчанія» постоянно противополагаютъ древне-русскій бытъ съ его строгими правилами, здравымъ взглядомъ на вещи, твердымъ, хотя и медленнымъ, поступаніемъ впередъ. Основный образъ мыслей Болтина высказанъ въ замѣткѣ на слѣдующее мѣсто изъ исторіи Леклерка: «чтобъ познанія другихъ народовъ, ихъ науки и ихъ художества не могли проникнуть въ Россію, запрещено было (до Петра) ученымъ другихъ племенъ въѣзжать въ нее, а Русскимъ ѣздить къ нимъ для просвѣщенія своего». Критикъ нашъ отвѣчаетъ, что для заграничныхъ путешествій требовались зрѣлый

разумъ и твердость въ вѣрѣ и нравахъ: «Людямъ молодымъ, ненадежнаго ума и поведенія, не дозволяемъ былъ выѣздъ, изъ мудрыя предосторожности, чтобъ не заразить ихъ вредными новостями. Сіе самое послѣ сбылося. Съ тѣхъ поръ, какъ юношество свое стали мы посылать въ чужіе краи и воспитаніе ихъ ввѣрять чужестранцамъ, нравы наши совсѣмъ перемѣнилися; съ мнимымъ просвѣщеніемъ насадилися въ сердцахъ нашихъ новыя предубѣжденія, новыя страсти, слабости, прихоти, кои предкамъ нашимъ были неизвѣстны: погасла въ насъ любовь къ отечеству, истребилася привязанность къ отеческой вѣрѣ, обычаямъ, и пр. И такъ мы старое позабыли, а новаго не переняли, и, ставъ не похожими на себя, не сдѣлалися тѣмъ, чѣмъ быть желали. Сіе все произошло отъ торопливости и нетерпѣнія: захотѣли сдѣлать то въ нѣсколько лѣтъ, на что потребны вѣки; начали строить зданіе нашего просвѣщенія на пескѣ, не сдѣлавъ прежде надежнаго ему основанія. Петръ Великій думалъ, что для просвѣщенія дворянства довольно будетъ заставить ихъ путешествовать по иностраннымъ государствамъ; но опытъ оправдалъ стариковъ нашихъ мнѣніе, что вмѣсто ожиданной пользы вышелъ изъ того вредъ. Большая часть изъ посланныхъ имъ возвратилися не просвѣщеннѣе, не умнѣе, но порочнѣе и смѣшнѣе, нежели были. Тогда позналъ Петръ Великій, что надобно начать хорошимъ воспитаніемъ, а кончить путешествіемъ, чтобъ видѣть желаемый плодъ. Нынѣ предпріемлются ко исправленію поврежденнаго благопріятнѣйшія средства». Сравнивая старое съ новымъ, историческая критика Болтина большею частію склоняетъ вѣсы свои на сторону перваго. При замѣткѣ французскаго автора, что Уложеніе Алексѣя Михайловича даетъ тиранскую власть мужу надъ женой, Болтинъ описываетъ современный бытъ въ Россіи и доказываетъ, что, благодаря новому образу жизни, мужъ сталъ рабомъ жены. Невыгодный отзывъ о русскомъ языкѣ, будто бы недостаточномъ для выраженія мыслей, потому что сами Русскіе употребляютъ въ разговорѣ иностранныя слова, Болтинъ объясняетъ истиннымъ толкованіемъ факта, подмѣченнаго, но непонятаго Леклеркомъ: «Въ царствованіе Елисаветы введено было въ языкъ русскій множество словъ французскихъ, не по нуждѣ, а по буйственному пристрастію ко всему, что называется французскимъ, но лѣтъ съ двадцать странный сей вкусъ началъ выходить изъ употребленія. Не взирая, однакожъ, на всеобщее осмѣяніе и укоризну, довольно еще осталося такихъ, кои, будучи воспитаны въ рукахъ французскихъ и научась отъ нихъ отъ юности все русское презирать, не стараются или не хотятъ узнать природнаго своего языка, и по не-

обходимости, не умѣя на немъ объясняться, мѣшаютъ въ разговорѣ своемъ половину словъ иностранныхъ... Можетъ быть, г. Леклерку случилося такихъ французо-русскихъ пятиметровъ слышать разговаривающихъ между собою, а по ихъ разговорамъ заключилъ, что и всѣ такимъ же страннымъ языкомъ говорятъ, какъ они»... Главная мысль, проводимая Болтинымъ, видна и въ примѣчаніяхъ его ко 2-му изд. «Историческаго представленія изъ жизни Рюрика». По поводу словъ одного изъ дѣйствующихъ лицъ: «прилично въ семъ случаѣ начать дѣло приношеніемъ жертвы богамъ», Болтинъ хвалитъ обычай нашихъ предковъ—призывать Бога на помощь въ каждомъ случаѣ, а затѣмъ переходитъ къ новому времени: «недавно сей обычай, посредствомъ французскаго воспитанія, между благородныхъ людей началъ истребляться, или, лучше сказать, истребился, но между невѣжественныя черни и поднесь существуетъ: они всякое дѣло начинаютъ молитвою и возложеніемъ на себя знаменія крестнаго; а просвѣщенные люди, видя ихъ то дѣлающихъ, съ презрѣніемъ надъ ними смѣются, для того что у французовъ то не въ обычаѣ».

«Мысли о Россіи» написаны около 1791 или 1792 г., въ чужихъ краяхъ, на французскомъ языкѣ, для нѣкоторыхъ знатныхъ особъ, которыя часто спрашивали автора объ его отечествѣ. Имя его неизвѣстно. Статья, къ сожалѣнію не конченная, содержитъ въ себѣ немногія о немъ извѣстія: онъ занималъ должности, оставлявшія ему мало свободнаго времени; жилъ за границей для излеченія болѣзни; надѣялся получить отсрочку своему отпуску и въ Вѣнѣ снова заняться воспоминаніями о Россіи; наставникомъ его былъ Иннокентій, архіепископъ рижскій и псковскій. Цѣль статьи—сравненіе древней Россіи съ новою. Авторъ открыто выражаетъ сочувствіе къ до-петровскому быту, основанное на томъ, что «до Петра русскій народъ былъ единообразенъ въ своихъ обычаяхъ, твердъ въ правилахъ, благоразуменъ, прозорливъ и осмотрителенъ въ своихъ дѣйствіяхъ; наслажденія его состояли въ простыхъ произведеніяхъ здраваго смысла; незнакомы были ему изступленія и мечты распаленнаго воображенія, равно какъ и его очарованія; никто не выказывалъ себя знающимъ то, чего не вѣдалъ, и всѣ довольны были тѣмъ, что знали; промышленноста ограничивалась предѣлами родной страны, и Русскіе не желали наслажденій искуственныхъ и удовольствій иноземныхъ; народъ имѣлъ собственный характеръ, суровый, можетъ быть, для нашего вѣка, но характеръ прямой и честный, умѣвшій чувствовать свое достоинство». Въ Алексѣѣ Михайловичѣ статья видитъ идеалъ государя мудраго, кроткаго, благочестиваго и бодраго въ трудахъ.

*

Онъ управлялъ царствомъ безъ шуму и тщеславія и «первый въ Россіи созвалъ государственныхъ чиновъ». Его Уложеніе, написанное кратко, просто и общепонятно, доказываетъ «доброту» всего общественнаго состава. Во всѣхъ изделхъ узаконеній онъ совѣтовался чрезъ мудрыхъ своихъ бояръ на Красной московской площади съ духомъ народа. Каждый день доносили ему, что̀ замѣчательное было говорено на площади и какъ народъ о томъ думаетъ. Онъ умѣлъ направлять умы къ полезнымъ цѣлямъ, одобрять добрыхъ и возвращать заблудшихъ къ духу общественному, котораго зналъ цѣну и важность. Сынъ его Ѳеодоръ наслѣдовалъ тѣже чувства, тоже вниманіе къ единообразности обычаевъ, тоже раченіе образовать, поощрять, исправлять, совершенствовать духъ народа и возвышать моральную его натуру чрезъ добросовѣстное поведеніе вельможъ и свое собственное. До конца его царствованія Россія была спокойна и счастлива. Съ реформы начался, по мнѣнію автора, совершенно другой порядокъ. Хотя онъ и признаетъ въ дѣлахъ Петра «творческое подражаніе», но думаетъ, что еслибы всѣ его преемники были подражателями, то Русскіе стали бы обезьянами. Направлять умъ народа къ иноземнымъ нуждамъ значитъ засѣвать въ немъ сѣмена порока, портить его, дѣлать несчастнымъ. Охотники до преувеличеній, часто говорящіе о томъ, что имъ вовсе неизвѣстно, французскіе писатели назвали Петра творцемъ Россіи, а между тѣмъ забыли древнюю пословицу: «ex nihilo nihil»; одинъ только всемогущій Творецъ могъ все произвести единымъ словомъ. Таково свойство ума человѣческаго! замѣчаетъ авторъ: быстрое движеніе и смѣлые порывы болѣе поражаютъ его, нежели ходъ спокойный и ровный; государи, которые съ кроткимъ благоразуміемъ управляютъ ходомъ великихъ и маловажныхъ случаевъ, нечувствительно предуготовляютъ событія, доставляющія намъ тихія, но продолжительныя наслажденія,—такіе государи дѣлаютъ менѣе впечатлѣнія на историковъ, нежели грозные исполины судорожными движеніями вводимыхъ новостей,—исполины, двигающіе вдругъ цѣлыми массами. И въ сочувствіи своемъ, и въ недовольствѣ авторъ, одинаково съ кн. Щербатовымъ, руководствуется началомъ естественнаго и нравственнаго развитія народа: онъ видитъ, какъ это начало постоянно дѣйствовало въ жизни предковъ нашихъ, и не видитъ его дѣйствія въ жизни современной, изъ чего и заключаетъ о превосходствѣ до-петровской Руси надъ петровскою. Идиллическая похвала правленію, правамъ, обычаямъ, воспитанію при царѣ Алексѣѣ противополагается темной картинѣ тѣхъ же предметовъ въ современной эпохѣ. Разность между нравами просвѣщенныхъ людей нынѣшняго времени и пра-

вами тогдашнихъ Россіянъ, которыхъ господа умники называютъ варварами, убѣдительно показываетъ, до чего довели современнаго человѣка понятія французскихъ философовъ вообще, парижскихъ вольнодумцевъ въ частности. Въ этой философіи скрывается, по словамъ автора, корень зла. Какой же выводъ даютъ всѣ его разсужденія? Если реформа есть важная историческая ошибка, то необходимо ее исправить. Екатерина II то и дѣлала и дѣлаетъ: она знала, что всякое существо, физическое и политическое, цѣнно и долговѣчно по собственной своей натурѣ; что отношенія случайныя, чуждыя этой натурѣ, иногда ослѣпляютъ простой народъ, но никогда не составляютъ сущности общества: напротивъ, они непримѣтно разстроиваютъ натуру и мало по малу вовсе ее разрушаютъ. Собственными только силами растутъ всѣ существа: и Екатерина II обратила націю къ свойственному ей бытію и природнымъ ея силамъ посредствомъ разныхъ установленій и перемѣнъ въ обширной своей имперіи.

Но почти въ то самое время, какъ неизвѣстный авторъ «Мыслей о Россіи» неблагосклонно смотрѣлъ на реформу Петра, возвысился умный голосъ въ защиту преобразованія. Путешествуя по Европѣ, Карамзинъ встрѣтилъ въ парижской академіи надписей и словесности члена ея Левека, семь лѣтъ жившаго въ Петербургѣ (1773—1780), куда онъ былъ вызванъ Екатериною II, по рекомендаціи Дидро, и преподавалъ кадетамъ словесныя науки. Воротясь на родину, Левекъ написалъ Русскую Исторію (8 т., 1782—1783), въ которой не признаетъ за Петромъ геніальности государственнаго дѣятеля на томъ основаніи, что Петръ, желая образовать свою націю, умѣлъ только подражать другимъ народамъ. Карамзинъ опровергаетъ это мнѣніе, которое часто слышалось и отъ Русскихъ. Въ путевыхъ запискахъ своихъ (мая 1790) онъ доводитъ до крайности свой взглядъ на реформу, совершенно несогласный съ предъидущими на нее взглядами: «Путь образованія или просвѣщенія одинъ для народовъ; всѣ они идутъ имъ вслѣдъ другъ за другомъ. Иностранцы были умнѣе Русскихъ: и такъ надлежало отъ нихъ заимствовать, учиться, пользоваться ихъ опытами.... Избирать во всемъ лучшее есть дѣйствіе ума просвѣщеннаго; а Петръ Великій хотѣлъ просвѣтить умъ во всѣхъ отношеніяхъ... Всѣ жалкія іереміады объ измѣненіи русскаго характера, о потерѣ русской нравственной физіогноміи или не что иное какъ шутки, или происходятъ отъ недостатка въ основательномъ размышленіи. Мы не таковы, какъ брадатые предки наши: тѣмъ лучше! Грубость наружная и внутренняя, невѣжество, праздность, скука были ихъ долею и въ самомъ высшемъ состояніи:

для насъ открыты всѣ пути къ утонченію разума и къ благороднымъ душевнымъ удовольствіямъ. Все народное ничто предъ человѣческимъ. Главное дѣло быть людьми, а не славянами. Что хорошо для людей, то не можетъ быть дурно для Русскихъ; и что англичане или нѣмцы изобрѣли для пользы, выгоды человѣка, то мое, ибо я человѣкъ». Въ послѣдствіи Карамзинъ отступилъ отъ этого взгляда, какъ такого, въ которомъ забыты и коренныя отличія народности, и ея историческое развитіе (1).

§ 22. Философія энциклопедистовъ, возбуждая косвенное недовольство людей, порицавшихъ недостатокъ самостоятельнаго развитія Россіи, встрѣтила прямое и рѣшительное противодѣйствіе въ масонскомъ ученіи.

Когда именно явилось у насъ масонство, въ точности неизвѣстно. По иностраннымъ сочиненіямъ о масонствѣ, въ 1731 г. капитанъ Джонъ Филипсъ былъ провинціальнымъ великимъ мастеромъ (гроссмейстеромъ) въ Россіи, а въ 1741-мъ—Яковъ Кейтъ, генералъ русской службы. Первое свидѣтельство о томъ, что наше правительство стало обращать вниманіе на масоновъ, относится къ 1747 г., когда графа Николая Головина, служившаго въ прусскомъ войскѣ волонтеромъ и подозрѣваемаго въ исполненіи порученій Фридриха II при его дипломатическомъ агентѣ въ Петербургѣ, по повелѣнію императрицы допрашивали, кто изъ русскихъ въ масонахъ. Головинъ назвалъ себя и двухъ графовъ Чернышевыхъ (Захара и Ивана). Въ одномъ дѣлѣ съ допросомъ находится показаніе Михайлы Олсуфьева (относящееся къ 1756 г.), которому императрица повелѣла дознать основанія масонской секты и открыть ея членовъ. Масонство, по этому дознанію, есть «ключъ дружелюбія и братства»; между членами его, рядомъ съ знатными фамиліями, стоятъ лица всякаго званія: музыканты, танцовальный учитель, купецъ; большую часть членовъ дало военное сословіе (кн. Михаилъ Щербатовъ, Иванъ Болтинъ, Мелиссино); гроссмейстерскій стулъ занималъ гр. Р. И. Воронцовъ, отецъ княгини Е. Р. Дашковой. Одинъ изъ указанныхъ членовъ, полковникъ Мелиссино имѣлъ въ Петербургѣ (1765) такъ называемый капитулъ и распространялъ свои особенныя мнѣнія, получившія названіе «системы Мелиссино». Въ 1772 г. основана первая русская Великая Ложа, и И. П. Елагинъ назначенъ, отъ великой англійской ложи, провинціальнымъ гроссмейстеромъ въ русской имперіи.

---

1) О значеніи взглядовъ Болтина см. С. Соловьева: «Рус. историки 18-го в.» (Калачова «Архивъ историко-юридич. свѣдѣній о Россіи» т. 2); Сочиненіе Щербатова: «О поврежденіи нравовъ въ Россіи», разобрано проф. Ешевскимъ (Атеней, 1858, № 3); «Мысли о Россіи» нап. въ 1 и 2 №№ Вѣст. Евр. 1807 г.

Система, которой слѣдовали масоны этой ложи въ своихъ работахъ, стала извѣстна подъ именемъ «Елагинской», хотя въ сущности она была англійскою, болѣе другихъ системъ сохранявшею масонство въ его первоначальномъ, чистомъ видѣ. Другія новооткрываемыя ложи вводили систему шведскую. Сильнѣйшее развитіе масонской дѣятельности въ Москвѣ началось съ переѣздомъ въ этотъ городъ, 1779 года, Новикова (1744—1816), который занимаетъ почетное мѣсто не только въ исторіи русскаго масонства, но и въ исторіи русскаго просвѣщенія, какъ его ревнитель. Онъ началъ свое образованіе въ московскомъ университетѣ и въ 1758 г. показанъ въ спискѣ учениковъ, достойныхъ награжденія, но черезъ два года, неизвѣстно почему, исключенъ, вмѣстѣ съ Потемкинымъ и другими семьюдесятью учениками и студентами. Состоя на службѣ въ измайловскомъ полку (1762—1770), онъ, въ 1767—68 г., занимался въ коммисіи о составленіи проэкта новаго уложенія, а потомъ (1769—70) издавалъ «Трутень». Въ отставкѣ предался книжному и журнальному дѣлу. За «Трутнемъ» слѣдовали сатирическіе журналы: «Живописецъ» (1772—73) и «Кошелекъ» (1774), мистическій «Утренній свѣтъ» (1777—78) и «С.п.бургскія ученыя Вѣдомости». Самымъ важнымъ изданіемъ его было десять частей «Древней Россійской Вивліоѳики» (1773—75) (1), матеріалы для которой, равно какъ и денежное пособіе на печатаніе, доставляла сама императрица, приказавъ исторіографу Миллеру сообщать издателю копіи съ хранившихся въ архивѣ описаній посольствъ, разныхъ старинныхъ обрядовъ и пр. Къ другимъ изданіямъ петербургскаго періода жизни Новикова относятся: «Опытъ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ (1772)»— трудъ, исполненный при участіи трагическаго актера Дмитревскаго; «Повѣствователь древностей россійскихъ (1776)»; «Исторія о заточеніи боярина Матвѣева (1776)»; первая часть «Скиѳской Исторіи, Лызлова» (1776) (2). Что касается до масонства, то есть извѣстія, что Новиковъ принятъ въ него 1775 г. и что слѣдующимъ годомъ была основана для него и друзей его ложа Немезида.

Такимъ образомъ, до переѣзда въ Москву Новиковъ уже пріобрѣлъ себѣ извѣстность какъ издатель лучшаго сатирическаго журнала и важнаго для русской исторіи сборника. Переселясь въ Москву, куда за годъ передъ тѣмъ кураторомъ университета былъ назначенъ Херасковъ, онъ взялъ на десятилѣтній откупъ универ-

---

1) Продолженіе ея состоитъ изъ 20 частей.

2) Всѣхъ частей три.

ситетскую типографію. Это десятилѣтіе показываетъ, что̀ можетъ совершить энергическій человѣкъ, когда онъ одушевленъ любовію къ отечеству и безкорыстно дѣйствуетъ отъ имени твердыхъ началъ, имѣя въ виду потребности гражданъ. Безъ надлежащаго ученія, не знавшій ни одного иностраннаго языка, «не читавшій никакихъ школьныхъ философовъ», Новиковъ привлекъ къ себѣ любовь и уваженіе всѣхъ людей, для которыхъ нравственное возвышеніе общества составляло главную задачу цивилизаціи. Цѣлью всѣхъ стремленій его было — распространить образованіе Россіи во всѣхъ сословіяхъ. Его дѣло было подвигомъ, заслужившимъ общественную благодарность и навсегда оставшимся въ нашей исторіи. Важность его заслугъ указаны Карамзинымъ въ запискѣ, представленной императору Александру 1-му, въ 1818 г. Къ счастію для своего дѣла, онъ дружески сошелся съ профессоромъ Шварцемъ, пріѣхавшимъ въ Россію въ 1776 г. († 1784). и поступившимъ въ университетъ профессоромъ нѣмецкаго языка. Труды того и другаго служили взаимнымъ дополненіемъ. Шварцъ имѣлъ значеніе учителя и наставника, а Новиковъ, вмѣстѣ съ другими, распространялъ его воспитательно-образовательныя мысли въ обществѣ посредствомъ изданія книгъ. Основательный педагогъ, проникнутый глубоко-религіозными убѣжденіями, Шварцъ дѣйствовалъ какъ профессоръ: онъ преподавалъ исторію философіи студентамъ педагогической семинаріи, основанной въ 1779 г. и которой онъ былъ ректоромъ, и кромѣ того у себя на дому, по воскресеньямъ, читалъ «для людей всякато рода и званія» лекціи о трехъ родахъ познанія: любопытномъ, пріятномъ и полезномъ. Подъ любопытнымъ познаніемъ разумѣется такое, которое питаетъ разумъ и приноситъ пользу въ жизни, но не есть необходимо для будущаго блаженства; познаніе пріятное, къ которому относятся изящныя искуства, удовлетворяетъ зрѣнію и слуху, и воображеніемъ занимаетъ нашу познавательную способность; познаніе полезное научаетъ насъ истинной любви, молитвѣ, стремленію духа къ высшимъ понятіямъ: его-то человѣкъ долженъ достигать по преимуществу, такъ какъ онъ въ земной своей жизни только путешественникъ, а въ будущей гражданинъ. Мистико-религіозное направленіе лекцій Шварца благотворно дѣйствовало на молодыхъ людей, предохраняя ихъ отъ невѣрія, ставя на мѣсто современнаго легкомыслія твердыя, строгія начала жизни и мышленія. Слушатели съ благодарностію воспоминали своего наставника. «Главное и для тогдашняго времени поразительное явленіе было то (говоритъ одинъ изъ нихъ), съ какою силою простое слово профессора

исторгло изъ рукъ многихъ соблазнительныя и безбожныя книги, въ которыхъ, казалось, тогда весь умъ заключался, замѣнивъ ихъ Библіею. Шварцъ учредилъ «Собраніе университетскихъ питомцевъ» (1781), гдѣ они читали и обсуживали свои собственные литературные опыты. Собраніе имѣло двѣ цѣли: одна «относилась къ просвѣщенію», другая — «къ исправленію порочныхъ склонностей». Для достиженія первой, воспитанники упражнялись въ сочиненіяхъ разнаго рода и переводахъ лучшихъ мѣстъ изъ древнихъ и новыхъ писателей; для достиженія второй, при началѣ каждаго собранія произносились членами рѣчи о какихъ-либо нравственныхъ предметахъ. Въ 1782 г. открыта, при университетѣ, филологическая, или переводческая, семинарія, для переложенія лучшихъ авторовъ и нравоучительныхъ сочиненій на русскій языкъ. Ею также завѣдывалъ Шварцъ. Труды воспитанниковъ университета и двухъ семинарій поступали въ журналы, изданіе которыхъ предназначалось въ пользу бѣдныхъ.

Изъ круга людей, близкихъ къ Новикову и Шварцу, образовалось «Дружеское ученое общество», открытое въ 1782 г. и поставившее своею обязанностью облагороженіе нравовъ и распространеніе полезныхъ знаній. Занятія его изложены въ пригласительной запискѣ къ членамъ, написанной Шварцемъ. Записка предлагаетъ обществу найти полезное занятіе въ свободные отъ гражданскихъ обязанностей часы, по примѣру Сципіона Африканскаго, «мудрѣйшаго и счастливѣйшаго человѣка, который всего менѣе былъ празденъ въ то время, когда освобождался отъ государственныхъ дѣлъ; а умѣть пользоваться досугомъ есть самая трудная вещь, по словамъ одного изъ греческихъ мудрецовъ». Задачею общества должно быть нравственное, взаимною помощью членовъ-друзей производимое возбужденіе къ труду. Особенному вниманію его указаны три предмета: а) печатаніе разнаго рода книгъ, особенно ученыхъ, и разсылка ихъ по училищамъ; б) содѣйствіе къ успѣхамъ тѣхъ наукъ, въ которыхъ Русскіе мало упражнялись: греческаго и латинскаго языковъ, знанія древностей, знанія качествъ и свойствъ вещей въ природѣ, химіи; в) занятія филологическою, или переводческою семинаріей. На открытіи общества присутствовалъ главнокомандующій въ Москвѣ графъ З. Г. Чернышевъ, принадлежавшій къ масонскому ордену, какъ мы видѣли изъ допроса гр. Головину. Архіепископъ Платонъ принялъ его подъ свое покровительство, какъ такое учрежденіе, котораго программа была согласна съ духомъ христіанства. Между членами общества, кромѣ Новикова и Шварца, при-

надлежали къ наиболѣе дѣятельнымъ и вліятельнымъ И. В. Лопухинъ, И. П. Тургеневъ, С. И. Гамалея и двое князей Трубецкихъ. Служа дѣлу образованія и вмѣстѣ съ тѣмъ заботясь объ организаціи масонства въ Россіи, Шварцъ, въ 1781 г., былъ отправленъ за границу для «снисканія истиннаго масонства». Онъ присутствовалъ на Вильгемсбадскомъ конвентѣ (1782), собранномъ съ цѣлію опредѣлить сущность и цѣль ордена и положить конецъ разногласіямъ въ средѣ его устройствомъ одной общей системы. Россія была признана самостоятельною (восьмою) провинціей ордена. Въ Берлинѣ Шварцъ завелъ связи съ тамошними розенкрейцерами, и по возвращеніи распространялъ ихъ ученіе въ Москвѣ. Неудовольствія, возникшія между нимъ и куратором Мелиссино, заставили его выдти изъ университета. Мѣсто Шварца, по смерти его (1784), заступилъ баронъ Шредеръ, вовсе не похожій на своего предшественника нравственными качествами. Съ нимъ-то, въ 1787, отправленъ былъ въ Берлинъ Дружескимъ обществомъ Кутузовъ, сотоварищъ Радищева по образованію, для изученія алхиміи, которая, вмѣстѣ съ теософіей, составляла основный принципъ розенкрейцерства, какъ особой системы масонства.

Еще прежде открытія Дружескаго общества, Новиковъ началъ приводить въ исполненіе его не оглашенные еще планы. Университетская типографія стала наравнѣ съ лучшими европейскими типографіями. Въ три года (1779—82) она выпустила больше книгъ, нежели сколько изъ нея вышло за всѣ прежніе двадцать четыре года ея существованія. Семинаріямъ и другимъ училищамъ было подарено книгъ на 3000 руб. Открыто было нѣсколько книжныхъ лавокъ въ Москвѣ и по губернскимъ и уѣзднымъ городамъ. Стараясь всячески пріохотить публику къ чтенію, Новиковъ первый завелъ вольную (публичную) библіотеку для безденежнаго пользованія книгами. Чтобы знакомить читающій классъ съ мистико-масонскимъ ученіемъ, онъ прибѣгнулъ къ пособію періодическихъ изданій, дѣйствіе которыхъ было извѣдано имъ на опытѣ. Мы знаемъ, что до поступленія въ масонство, Новиковъ служилъ общественной мысли двоякимъ способомъ: сатирой и обнародованіемъ матеріаловъ, касательно русской археологіи, исторіи и географіи. Посвященный въ масоны, Новиковъ принялся за изданіе журналовъ мистическаго направленія. Первымъ изъ нихъ былъ «Утренній свѣтъ», начатый еще въ Петербургѣ (1777), но конченный въ Москвѣ (1780). Изданіе выбрало своимъ предметомъ искоренять вкравшееся вольномысліе, дѣйствовать на «духъ» и «душу», какъ главные элементы тройственнаго человѣческаго состава, предоставивъ «тѣло» портнымъ, которые его укра-

шаютъ, и медикамъ, которые его врачуютъ. Путемъ кроткихъ наставленій оно обязалось вести публику къ самопознанію. Поэтому наставительныя статьи образуютъ преимущественное содержаніе журнала. Почти всѣ онѣ переводныя изъ древнихъ и новыхъ писателей: Платона, Плутарха, Сенеки, Геллерта, Геснера, Юнга, Паскаля и другихъ. Въ числѣ умозрительныхъ предметовъ на первомъ планѣ стоитъ безсмертіе души; съ цѣлію доказать эту истину, напечатаны двѣ статьи: «Жизнь Сократа», побѣдившаго страхъ смерти вѣрою въ безсмертіе, и «Федонъ, или разговоры о безсмертіи души». Программа «Утренняго свѣта», изложенная въ предисловіи, раскрыта еще стихотвореніемъ В. Майкова и правилами мудраго искателя истины, въ «Сновидѣніи Іакова Всегдатута». Благонамѣренность правилъ видна, между прочимъ, изъ нихъ понятія о гражданскихъ обязанностяхъ: «если не можешь быть стражемъ кедровъ ливанскихъ, то будь доволенъ стереженіемъ мха, на стѣнахъ растущаго, ибо не на порученную людямъ должность смотрятъ, но паче на исполненіе оныя». На деньги, собранныя за подписку, основаны были въ Петербургѣ Екатерининское и Александровское училища для бѣдныхъ дѣтей. За «Утреннимъ Свѣтомъ» слѣдовало «Московское изданіе» (1781). Почувствовавъ, что постоянно-серьезное направленіе перваго журнала пугало публику, новый журналъ вознамѣрился удовлетворять какъ тѣхъ, которые скучали высокими матеріями, такъ и тѣхъ, которые ощущаютъ сладость и пользу въ «нравоученіи и высокомысліи». Изъ предисловія къ нему видно, что онъ явился въ свѣтъ съ цѣлію противодѣйствовать ученію энциклопедистовъ: «Причиною предпріятія было состраданіе, которое всякій мыслящій чувствуетъ, слыша, что люди умные, просвѣщенные и почтенные говорятъ надменно и вооружась остроуміемъ о законѣ, ко спасенію рода человѣческаго первыми людьми полученномъ, и взирая на простодушныхъ людей, прилежно внимающихъ умствованію вольномысленныхъ мудрецовъ». Съ особеннымъ вниманіемъ слѣдило изданіе за понятіями матеріалистовъ о нравственности. Оно сторожило русскую публику «отъ тѣхъ высокихъ и вмѣстѣ низкихъ любомудровъ нынѣшняго вѣка, которые прославляютъ истину, состоящую въ послѣдованіи склонностямъ нашимъ, каковы бы они ни были и куда бы ни стремились, говоря, что природа къ тому насъ побуждаетъ и что безумно возлагать оковы на виновницу толикихъ удовольствій и сладости». Борьба съ французской философіей, составлявшая одинъ изъ главныхъ предметовъ масонской дѣятельности, ясно здѣсь выступаетъ. Средства для борьбы—въ распространеніи истиннаго свѣта знаній, такъ какъ невѣріе или безбо-

жіе происходитъ не отъ ученія, а отъ невѣжества. Но ученіе должно идти объ руку съ нравственностью: «если у ученаго злое сердце, то онъ со всею своею ученостью будетъ сущимъ невѣждой, вреднымъ себѣ и обществу. Отъ такихъ-то ученыхъ и возникла вся мерзость на земномъ шарѣ. Чистосердечный мужикъ можетъ лучше воспринимать истину, нежели развращенный звѣздочетъ. Развратъ въ наукахъ происходитъ отъ незнанія источника, изъ котораго онѣ проистекли, и отъ незнанія предмета, куда онѣ текутъ. Науки суть плодъ созрѣвшаго безсмертнаго человѣческаго духа. Если человѣкъ цѣлую жизнь упражняется въ томъ, въ чемъ и животныя, то наука разума не только ему безполезна, но и пагубна. Когда же человѣкъ имѣетъ главною своею цѣлью—совершенство духа, состоящее въ познаніи безсмертныхъ истинъ, то наука разума приноситъ ему пользу». «Вечерняя заря» (1782) служила продолженіемъ «Утреннему свѣту», связанная съ нимъ не одною послѣдовательностью времени, но и послѣдовательностію смысла, на которую указываютъ самыя названія. Вечерняя заря—это слабый свѣтъ нашего разума въ сравненіи съ полдневнымъ свѣтомъ мудрости, которымъ блисталъ праотецъ человѣковъ. Потемненный паденіемъ Адама, человѣческій разумъ достигнетъ прежняго своего состоянія, когда воля въ дѣйствіяхъ, а разумъ въ познаніяхъ, подобно вечерней зарѣ, слѣдующей за солнцемъ, будетъ направлять свое теченіе за великимъ солнцемъ вселенной—Божествомъ. Тремя степенями вечерняя заря души нашей восходитъ до лучезарнаго полдневнаго свѣта: самопознаніемъ, познаніемъ природы и чтеніемъ Священнаго Писанія. Цѣль изданія—выбрать изъ древнихъ и новыхъ писателей лучшія сочиненія по этимъ тремъ сферамъ вѣдѣнія. Такъ какъ во всѣхъ дѣйствіяхъ разумъ предшествуетъ и свѣтитъ, а воля послѣдуетъ и сопровождаетъ, то въ первомъ отдѣлѣ журнала помѣщались «открытія, касающіяся до просвѣщенія разума»; во второмъ—нравоученія для исправленія воли; въ третьемъ—примѣры или исторіи, вмѣстѣ съ другими статьями, между которыми любопытны сатирическія выходки противъ любви русскихъ къ иноземному. Если названіе «Вечерней Зари», сверхъ нравственнаго смысла, означало и время занятій; то новому журналу, какъ ея продолженію, всего приличнѣе имя «Покоящагося Трудолюбца» (1784). Сама природа указала это имя, научая насъ, что въ то время, когда съ дневнымъ шумомъ престанутъ волненія души, утихнутъ бури страстей и прекратится суета мірская, подъ кровомъ тишины человѣкъ становится наиболѣе способенъ къ духовнымъ упражненіямъ. Тогда умъ скорѣе постигаетъ божественныя свойства, удобнѣе проникаетъ въ связь

вещей, открытіе устремляетъ взоры въ малый міръ и приближается къ самопознанію и нравственному совершенству. Такимъ образомъ соединяются два, видимо-противоположные, предмета: покой и трудъ. Покой есть лучшая пора умственныхъ трудовъ. Важнѣйшія статьи журнала проникнуты мистицизмомъ. Таковы: «письмо съ того свѣта къ сыну малыя земли муравью, живущему въ муравейникѣ»; «бесѣда съ самимъ собою», разсуждающая объ устройствѣ внутренняго человѣка; «о любленіи истинной христіанской философіи», которая, какъ всѣмъ доступная, противополагается мудрствованіямъ и изслѣдованіямъ, понятнымъ только гордой учености. Между сатирическими пьесами, особенно замѣчательна «Новая логика», по меткой правдѣ и рѣзкому тону напоминающая лучшія страницы «Живописца»: она исчисляетъ различные аргументы, которыми пользуются люди на перекоръ высшей правдѣ и здравому разуму.

Черезъ два года по открытіи «Дружескаго ученаго общества», оно было преобразовано въ «Типографическую компанію» (1784), цѣлью которой было издавать полезныя книги, большею частію учебныя и мистическія, и продавать ихъ по дешевой цѣнѣ. «Цѣлое море душеспасительныхъ книгъ было противопоставлено адской водѣ вольнодумческихъ и безбожныхъ сочиненій», говоритъ Невзоровъ, излагая въ одномъ письмѣ благотворныя дѣйствія Новиковскаго общества, къ которому принадлежалъ и самъ. Книжная торговля, построенная на разумныхъ и широкихъ основаніяхъ, постоянно занимала Новикова. Онъ справедливо ожидалъ отъ нея двоякой выгоды: распространенія истинъ въ массѣ народа, которыя очистили бы его отъ вредныхъ предразсудковъ и заблужденій, и кромѣ того примѣра нашему купечеству, какъ вести правильно свои дѣла. Указъ о вольныхъ типографіяхъ далъ усиленный ходъ компаніи: она учредила типографію; другія двѣ заведены были Новиковымъ и Лопухинымъ. Московскія Вѣдомости, поступившія въ завѣдываніе Новикова, приняли новый видъ; содержаніе ихъ сдѣлалось интереснѣе и разнообразнѣе, такъ что число подписчиковъ съ шести сотъ возросло черезъ десять лѣтъ до четырехъ тысячъ. При нихъ безденежно выдавалось «Дѣтское чтеніе» (1785—1788), единственный тогда журналъ для дѣтей, бывшій долгое время настольною ихъ книгою, благодаря прекрасному выбору статей. Здѣсь помѣщено нѣсколько переводовъ А. Петрова и его друга, Карамзина, введеннаго въ 1785 г. въ Новиковскій кругъ И. П. Тургеневымъ. Дѣйствія компаніи не ограничивались тѣмъ предметомъ, который означается словомъ «типографическій». Ея просвѣщенная благотворительность была разнообразная и широкая, благодаря

средствамъ, доставленнымъ ей нѣкоторыми ея членами: она заводила училища, больницы и аптеки для бѣдныхъ; покровительствовала молодымъ талантамъ, которые были одолжены ей своимъ образованіемъ и нравственнымъ возвышеніемъ; раздавала, во время неурожая, хлѣбъ бѣднымъ земледѣльцамъ, и т. п.

Правительство обратило вниманіе на дѣятельность Новикова съ 1784 года, когда онъ самовольно перепечаталъ нѣкоторыя изданія Коммиссіи о народныхъ училищахъ и когда въ Прибавленіяхъ къ Московскимъ вѣдомостямъ появилось начало «Исторіи ордена іезуитовъ». Печатаніе этой книги было запрещено. Кромѣ того, не зная въ точности ни причины, ни цѣли, ни предмета тайныхъ собраній, въ которыхъ молчаніе почиталось самонужнѣйшею добродѣтелью, Государыня естественно могла придти къ мысли, что масонское общество не безопасно для спокойствія гражданъ, что оно образуетъ какъ бы государство въ государствѣ. Когда по повелѣнію Маріи Терезіи была закрыта вѣнская ложа и нѣкоторые масоны жаловались на то Фридриху Великому, послѣдній сказалъ имъ: «императрица совершенно права; она не знаетъ, что происходитъ въ ложахъ, и потому не обязана терпѣть ихъ. Я, напротивъ, знаю ложи очень хорошо, и потому не только дозволяю ихъ, но и обязанъ оказывать имъ покровительство и защиту». Отзывъ прусскаго короля объясняетъ нѣкоторымъ образомъ отношеніе императрицы Екатерины къ обществу Новикова. Книги, издаваемыя этимъ обществомъ, казались ей странными по содержанію и формѣ изложенія; она могла думать, что въ нихъ скрывается какой-либо «новый расколъ», что онѣ наполнены «умствованіями, несходными съ простыми и чистыми правилами православія и гражданской должности», и потому повелѣла (1785) главнокомандующему въ Москвѣ, гр. Брюсу (преемнику гр. Чернышева), составить списокъ означенныхъ книгъ, а митрополиту Платону разсмотрѣть ихъ и вмѣстѣ испытать самого Новикова относительно вѣры. Платонъ далъ самый одобрительный о немъ отзывъ, назвавъ его истиннымъ, рѣдкимъ христіаниномъ. Книги же были раздѣлены имъ на три разряда: а) собственно-литературныя, большее и большее распространеніе которыхъ весьма желательно, такъ какъ онѣ содѣйствуютъ образованію; б) мистическія, о которыхъ пастырь не взялся судить, потому что, какъ говоритъ, не понималъ ихъ; в) сочиненія энциклопедистовъ—самыя зловредныя, орудіе разврата добрыхъ нравовъ, подкопъ подъ твердыни святой вѣры. На донесеніе митрополита послѣдовалъ приказъ запретить продажу указанныхъ имъ шести книгъ, которые, однакожъ, принадлежали не къ сочиненіямъ энциклопедистовъ, а къ

масонской литературѣ. Содержателямъ вольныхъ типографій было строжайше подтверждено, чтобы они остерегались издавать книги, «исполненныя странныхъ мудрованій или, лучше сказать, сущихъ заблужденій». Оправданный отзывомъ Платона, Новиковъ принялся съ усиленнымъ рвеніемъ за свою дѣятельность; но въ будущемъ ему суждено было потерпѣть болѣе чувствительныя неудачи и несчастія. Особенныя обстоятельства умножили подозрѣніе къ нему правительства. Они изложены въ запискѣ Карамзина: 1) одинъ изъ мартинистовъ, архитекторъ Баженовъ, писалъ изъ Петербурга къ своимъ московскимъ друзьямъ, что онъ, говоря о масонахъ съ наслѣдникомъ престола (в. к. Павломъ Петровичемъ), удостовѣрился въ его добромъ объ нихъ мнѣніи. Государынѣ вручили это письмо. Она могла думать, что масоны желаютъ преклонить къ себѣ великаго князя. 2) Новиковъ, во время неурожая, роздалъ много хлѣба бѣднымъ земледѣльцамъ: удивлялись его богатству, не зная, что деньги на покупку хлѣба давалъ Новикову Походяшинъ, масонъ, который имѣлъ тысячъ шестьдесятъ дохода и по любви къ благодѣяніямъ въ этотъ годъ разорился. 3) Новиковъ велъ переписку съ прусскими масонами, хотя и не политическую, въ то время, когда нашъ дворъ былъ въ явной непріязни съ берлинскимъ. Четвертое обстоятельство, бывшее неизвѣстнымъ Карамзину, состояло въ томъ, что одинъ изъ членовъ «Дружескаго общества», не поладивъ съ Новиковымъ, умышленно писалъ къ нему изъ за-границы письма, которыя должны были утвердить правительство въ основательности его подозрѣній. Ко всему этому говоритъ Карамзинъ, присоединились французская революція и излишнія опасенія московскаго градоначальника (кн. Прозоровскаго). Они рѣшили судьбу Новикова и его общества. Типографическая компанія закрыта 1791 г.; самъ онъ былъ арестованъ и заключенъ въ крѣпость, имѣніе его конфисковано, мистическія книги сожжены. Главные его товарищи подверглись допросу: двое изъ нихъ (И. П. Тургеневъ и кн. Н. Н. Трубецкой) сосланы на жительство въ деревни, а третій (Лопухинъ) оставленъ въ Москвѣ, ради дряхлаго и больнаго отца своего. Съ восшествіемъ на престолъ Павла I судьба пострадавшихъ измѣнилась. Въ первый же день своего царствованія, онъ освободилъ Новикова изъ четырехлѣтняго заключенія. Трубецкіе и Лопухинъ были пожалованы сенаторами; кромѣ того послѣдній назначенъ статсъ-секретаремъ. Кн. Н. В. Репнинъ, И. С. Плещеевъ сдѣлались самыми близкими ко двору особами. Всѣ эти назначенія оправдали предположенія Екатерины и ея недовольство масонами. О Новиковѣ носились слухи, какъ о будущехъ директорѣ

университета, но они оказались ложными. Главный дѣятель «типографическаго общества» провелъ послѣдніе годы съ другомъ своимъ Гамалеей въ родовомъ имѣніи подъ Москвой. При его дѣтяхъ, во время его заключенія, находилась вдова Шварца, не имѣвшая никакого состоянія.

Внѣшняя, или практическая, дѣятельность Новиковскаго общества вытекала изъ основныхъ началъ мистико-масонскаго ученія. Разъясненіе этихъ началъ составляетъ, какъ мы замѣтили, внутреннюю, или теоретическую дѣятельность того же самого общества. Она обнимаетъ оригинальную и переводную литературу масонства, наибольшее движеніе которой относится къ восьмидесятымъ годамъ. Главное мѣсто принадлежало здѣсь Шварцу, который «былъ истиннымъ орудіемъ Божіимъ исправленія въ Россіи ордена каменьщиковъ». Такъ опредѣляетъ его заслугу Невзоровъ, получившій образованіе въ филологической семинаріи. За Шварцемъ слѣдовали Лопухинъ, И. Тургеневъ и Гамалея — наиболѣе вліятельныя лица, управлявшія, вмѣстѣ съ Новиковымъ, дѣйствіями русскаго масонства. Лопухинъ (1756—1816) имѣлъ «большую директію и переписку по обществу», какъ онъ самъ говоритъ въ своихъ «Запискахъ». Невзоровъ называетъ его однимъ изъ первыхъ драгоцѣнныхъ камней въ коронѣ масонскаго братства: «когда онъ сидѣлъ на стулѣ великаго мастера и говорилъ, тогда истинно сама воплощенная любовь, самъ духъ Христовъ и христіанское откровеніе евангельское устами его исходили». Желая ознакомить публику съ истиннымъ духомъ братства, о которомъ она имѣла превратныя понятія, Лопухинъ сочинилъ «Нравоучительный катихизисъ истинныхъ франмасоновъ», гдѣ въ краткихъ и общихъ чертахъ представлены начала масонской науки и морали. Французскій переводъ этой книжки, принадлежащій перу самого автора, нап. въ Москвѣ 1790 г., а русскій подлинникъ явился послѣ, при другомъ сочиненіи Лопухина: «Духовный рыцарь, или ищущій премудрости» (1791). Третья, наиболѣе извѣстная, книга Лопухина: «Нѣкоторыя черты о внутренней церкви, о единомъ пути истины и о различныхъ путяхъ заблужденія и гибели» (1789), достигла трехъ изданій и переведена на латинскій, французскій и нѣмецкій языки. Знаменитый мистикъ Эккартсгаузенъ называлъ ее драгоцѣннымъ, истинною мудростью наполненнымъ твореніемъ. Третьимъ лицемъ, стоявшимъ у кормила московскаго масонства, былъ Гамалея. Его рѣчи, которыя онъ произносилъ, какъ великій мастеръ стула, и въ особенности его «Письма» (3 книги: первая и вторая 1832, третья 1839) имѣли для масоновъ значеніе какъ бы пастырскихъ посланій.

Оригинальныя сочиненія русскихъ масоновъ составляютъ меньшую часть ихъ библіотеки, сравнительно съ переводами, изданными стараніемъ лицъ, которые находились во главѣ союза. Цѣль изданій, какъ мы знаемъ,—сообщить хотя легкія понятія публикѣ объ истинномъ свободномъ каменьщичествѣ, и чрезъ то разсѣять ложныя, смѣшныя и постыдныя о немъ мнѣнія. Наибольшее число ихъ явилось въ восьмидесятыхъ годахъ, начиная съ 1783 г., т. е. съ указа о вольныхъ типографіяхъ. Въ это время напечатаны слѣдующіе переводы: «Карманная книжка для вольныхъ каменьщиковъ и для тѣхъ, которые не принадлежатъ къ числу оныхъ» (1783); «Хризомандеръ, аллегорическая и сатирическая повѣсть различнаго, весьма важнаго содержанія» (1783); Таинство креста (1783); «Объ истинномъ христіанствѣ, Арндта, пер. И. Тургенева» (1783); «Братскія увѣщанія къ нѣкоторымъ братьямъ Св. К.» (1784); «Химическая псалтирь, Парацельса» (1784). По распоряженію Лопухина, общество задумало, въ довольно большомъ размѣрѣ, изданіе «Магазина свободно-каменьщическаго, содержащаго въ себѣ рѣчи, говоренныя въ собраніяхъ, пѣсни, письма, разговоры и другія разныя краткія писанія, стихами и прозою». Всѣхъ томовъ предназначалось семь, и каждый томъ долженъ былъ состоять изъ трехъ частей; но вышло только двѣ части перваго тома (1784). Мистики: Бемъ, Пордечъ и Сенъ-Мартенъ пользовались особеннымъ сочувствіемъ нашихъ масоновъ, которые смотрѣли на ихъ творенія какъ на догматико-нравственные уставы. Первые переводы Бема, прозваннаго «тевтоническимъ философомъ»(† 1625), явились еще въ концѣ XVII в. на славяно-русскомъ языкѣ. По основательной догадкѣ нѣкоторыхъ, они были сдѣланы послѣдователями Кульмана, сожженнаго въ Москвѣ (1689) по приговору особой коммиссіи. «Предки наши», говоритъ одинъ изъ русскихъ мистиковъ первой четверти нынѣшняго вѣка, «отнюдь не были чужды тѣхъ понятій, кои нынѣ называются новизнами». Молитвы, выбранныя изъ сочиненій Бема и ходившія въ рукописяхъ, были, по преданію, напечатаны Новиковымъ для практическаго употребленія въ масонскомъ обществѣ. Идеи того же мистика лежатъ въ основѣ лекцій Шварца. Письма Гамалеи рекомендуютъ читать рукописные переводы трехъ Бемовыхъ сочиненій: «О тройственной жизни», «О благодатномъ избраніи», Mysterium magnum». При содѣйствіи Новикова и подъ руководствомъ Гамалеи цѣлымъ обществомъ друзей составленъ былъ «Серафимскій цвѣтникъ, или духовный экстрактъ изъ всѣхъ писаній Іакова Бема» (1794), обращавшійся также въ рукописяхъ. Послѣдователи Сенъ-Мартена, «неизвѣстнаго философа» († 1803), получили названіе «мартини-

стовъ» отъ Мерсье, автора сочиненія «Картина Парижа». Русскій переводъ его знаменитой книги: «О заблужденіяхъ и истинѣ», напечатанъ въ 1785 г. Ученіе его состоитъ въ близкомъ родствѣ съ ученіемъ Бема, главнѣйшія сочиненія котораго: «Аврора», «Начала божественной сущности» и «Тройственная жизнь», были имъ переведены на франц. языкъ. Англійскій докторъ и мистикъ Пордечъ († 1698) былъ также бемистъ, изложившій въ «Божественной и истинной метафизикѣ» систему идей своего учителя. Книга эта, переведенная съ нѣмецкаго, нап. у насъ около 1787 г. Чтобы пополнить перечисленіе важнѣйшихъ, такъ сказать «уставныхъ», книгъ масонства, упомянемъ о «Пастырскомъ посланіи къ истиннымъ и справедливымъ свободнымъ каменьщикамъ древней системы», которое напечатано въ 90-хъ годахъ, но котораго рукописи появляются съ 1785 г.

Въ основѣ масонства лежитъ деизмъ. Но деизмъ былъ однимъ изъ первыхъ произведеній того умственнаго движенія, на пути котораго развилась и французская философія XVIII в. Такимъ образомъ два ученія, выросшія на одномъ и томъ же корнѣ, оказались потомъ враждебными другъ другу. Значитъ, или масонство, при дальнѣйшемъ своемъ развитіи, отступило отъ нѣкоторыхъ деистическихъ воззрѣній, или деизмъ, по своей сущности, отвергалъ дальнѣйшія явленія философіи XVIII в., именно: матеріализмъ и атеизмъ. То и другое должно быть допущено при объясненіи означенной вражды. Будучи системою естественной религіи, деизмъ становился въ рѣшительный контрастъ съ тѣми философскими школами, которыя не признавали никакой религіи. Масонъ, выходя изъ начала всемірныхъ, каждому народу присущихъ религіозныхъ вѣрованій, могъ еще находить кой-какія точки соприкосновенія съ Вольтеромъ, какъ деистомъ; но не могъ имѣть ничего общаго съ Гельвеціемъ, Гольбахомъ и имъ подобными. Существованіе атеистовъ казалося ему дѣломъ непостижимымъ. Ихъ нѣтъ и быть не можетъ, говорилъ онъ: встрѣчаются софисты, но нельзя встрѣтить богоотступниковъ. Атеизмъ есть слово безпредметное: слово найдешь въ любомъ лексиконѣ, а предмета, означаемаго этимъ словомъ, не сыщешь нигдѣ. Противодѣйствуя французской философіи XVIII в., масоны естественно находили себѣ союзниковъ въ духовенствѣ: матеріализмъ и атеизмъ были общими ихъ врагами. Но, съ другой стороны, церковь не могла признать и масонства, которое держалось на ученіи деистовъ. Правда, она сильнѣе ратовала противъ энциклопедическихъ книгъ, какъ самыхъ зловредныхъ, которыя «развращаютъ добрые нравы и ухищряются подкапывать твердыни православія»; одна-

кожъ и книги масонскія, во многомъ несогласныя съ христіанской догматикой, должны были возбуждать ея негодованіе.—Ученые, съ своей стороны, возвышали голосъ противъ масонства, которое мало цѣнило «школьную мудрость», находя ее одностороннею и признавая истинными лишь тѣ открытія разума, которыя можно было согласовать съ началами и требованіями мистицизма. Такимъ образомъ въ анти-масонской литературѣ принимали участіе философія XVIII в., православная догматика и наука, въ собственномъ смыслѣ этого слова. Масонское общество не могло возбуждать сочувствія въ послѣдователяхъ той философіи, которая, во имя разума, какъ своего краеугольнаго камня, отвергала все, несовмѣстимое съ его положеніями, которая стремилась къ положительному и естественному, разумѣя подъ «тайною» единственно явленія, еще не поддавшіяся изслѣдованію науки или сужденію здраваго смысла. Мистицизмъ требовалъ цѣльнаго настроенія духа; онъ призывалъ, для преслѣдованія истины, совокупное дѣйствіе мысли и внутренняго чувства, иногда предоставляя послѣднему больше значенія и силы, тогда какъ энциклопедисты руководствовались исключительно разсудкомъ, устраняя чувство отъ всякаго участія въ сферѣ знанія и еще болѣе устраняя возможность какихъ-либо таинственныхъ, недоступныхъ разсудку откровеній. Прочитавъ книгу «о заблужденіяхъ и истинѣ», Вольтеръ писалъ Даламберу (1776): «Je ne crois pas qu'on ait jamais rien imprimé de plus absurde, de plus obscur, de plus fou et de plus sot». Отзывъ совершенно согласный въ духомъ его ученія. Подъ вліяніемъ разсудочно-философскаго образованія, опираясь на общечеловѣческій смыслъ, Екатерина II написала брошюру: «Тайна противо-нелѣпаго общества, открытая непричастнымъ оному» (1780). Брошюра осмѣиваетъ масонство, называя его «нелѣпымъ»; почему противоположное ему общество должно было получить имя «противо-нелѣпаго». Основаніе послѣдняго—здравый умъ, прямое разсужденіе и строгая точность выраженій, которыя въ масонскихъ ложахъ замѣняются химерами, привидѣніями и изступленіями, пустыми, неяснымп и двузначительными рѣчами, своего рода обезьянствомъ, состоящимъ въ необычайныхъ и странныхъ тѣлодвиженіяхъ «Не забывайте никогда», говоритъ предсѣдатель ложи противо-нелѣпаго общества желающему поступить въ число его членовъ, «что здравый разсудокъ препятствуетъ видѣть мечтанія и вдаваться въ небылицы». Комедіи императрицы: «Обманщикъ» (1785), «Обольщенный» (1785 и «Шаманъ сибирскій» (1786), имѣютъ предметомъ мартинизмъ, иллюминатизмъ и другія «новыя заблужденія»,

*

какъ она ихъ назвала въ письмѣ къ Циммерману. Общество иллюминатовъ было основано Вейсгауптомъ, профессоромъ канонического права въ Ингольштадтѣ (въ Баваріи). Начальная цѣль его состояла во взаимной помощи членовъ, безъ различія вѣроисповѣданій; но потомъ оно впало въ мистицизмъ и покушалось пріобрѣсти вліяніе на дѣла общественныя и политическія, чѣмъ и возбудило опасенія баварскаго правительства. Вейсгауптъ долженъ былъ удалиться къ одному изъ послѣдователей своего ученія, герцогу готскому, во владѣніи котораго и кончилъ жизнь (1822). Иллюминаты и мартинисты быстро распространились по Франціи и Германіи. «Говорятъ», писала императрица Циммерману (1786), что Германія наполнена иллюминатами, и это, я думаю, по модѣ, потому что французы восхищаются такими бреднями». Другое письмо ея къ тому же лицу (1787) замѣчаетъ: «нелѣпости стойки; содержащіяся же въ сей пьесѣ (Шаманъ сибирскій) сдѣлались модными. Большая часть нѣмецкихъ принцевъ думаютъ, что слѣпо предаваться всѣмъ симъ фиглярствамъ принадлежитъ къ искусству жить въ свѣтѣ; они ужъ наскучили здравою философіею. Помню, что въ 1740 г. головы, менѣе всего философскія, хотѣли быть философами; по крайней мѣрѣ въ такомъ случаѣ разсудокъ и общій смыслъ не теряли своей силы. Но сіи новыя заблужденія принудили у насъ сдурачиться такимъ людямъ, которые прежде сего не были дураками».

Разсмотримъ содержаніе комедій Екатерины. На что обращена ихъ сатира? Конечно, не на нравственную сторону масонства, которое, съ этой стороны, стояло внѣ насмѣшекъ, такъ какъ его стремленія, одушевленныя высокой филантропіей, достойны были полнаго уваженія, а на обряды, знаки и способъ выраженія. Комедіи имѣютъ въ виду злоупотребленія масонства, крайность его увлеченій или шарлатанизмъ. Онѣ преслѣдуютъ алхимиковъ, теозофовъ и духовидцевъ, которые примыкали къ союзу вольныхъ каменьщиковъ, какъ его особые виды, но которые осуждались разсудительными братьями, видѣвшими въ нихъ вредныя уклоненія отъ чистой сущности и цѣли братства. Пьеса «Обманщикъ» осмѣиваетъ вообще мартинистовъ. Въ лицѣ Калифалкжерстона выведенъ Каліостро, оставившій у насъ много адептовъ, послѣ пребыванія своего въ Петербургѣ и Москвѣ (1779—1780). Калифалкжерстонъ дѣлаетъ золото, бесѣдуетъ съ духами и имѣетъ свиданіе съ умершими, въ томъ числѣ съ Александромъ Македонскимъ. Мартинисты, за свои кривлянія, названы мартышками. Въ «Тайнѣ противо-нелѣпаго общества», на вопросъ: «что такое есть, которое въ просторѣчіи называется обезьянствомъ?» данъ такой отвѣтъ:

«необычайныя и странныя тѣлодвиженія». Стихъ Державина: «мартышки въ воздухѣ явились» (На счастіе), относится также къ мартинистамъ, увѣрявшимъ, что они могутъ видѣть духовъ и бесѣдовать съ ними. Комедія смѣется еще надъ таинственными рѣчами мистиковъ. Разсказывая о людяхъ, съ которыми знается ея господинъ, служанка удивляется ихъ разговору: «когда заговорятъ они между собою, право, мы ничего не разумѣемъ; еслибъ нашъ братъ такъ говорилъ, а не бары, то бы подумать можно было, что бредитъ». Тотъ же предметъ и комедіи «Обольщенный»: въ ней выставлено смѣшное положеніе людей, увлеченныхъ бреднями Каліостро. Отецъ семейства Радотовъ (отъ слова radoter—говорить вздоръ) познакомился съ обществомъ лицъ, которые варятъ золото и алмазы, добываютъ изъ росы металлы, вызываютъ духовъ. Ему свернули голову кабалистическія бредни; для распознанія таинственнаго смысла цыфръ, онъ пригласилъ къ себѣ учителя-еврея. Дочь его также заражена духовидѣніемъ. Вотъ слова матери Радотова: «Что здѣсь ежедневно происходитъ, того глаза мои болѣе терпѣть не могутъ. Иной, ходя, явно бредитъ и вздоръ несетъ; другой шепчетъ, говоритъ будто съ духами; даже и ребятамъ нелѣпую сажаютъ въ голову. Пришла ко мнѣ въ горницу внучка моя, увидѣла—на столѣ передо мною стоитъ стаканъ воды съ цвѣтами; она начала цѣловать листики. Я спросила: на что? Она на то сказала, что на каждомъ листикѣ душокъ обитаетъ! и будто на булавочномъ концѣ нѣсколько тысячъ умѣщается!... Я отъ страха обмерла.... Развращеніе вѣдь это сущее!» О такихъ-то чудодѣяхъ сказалъ Державинъ: «изъ камней золото варишь» (На счастіе). Въ примѣчаніи къ этому стиху говорится, что онъ касается тѣхъ, которые вдались въ алхимію и что одинъ изъ современныхъ царедворцевъ впалъ въ это заблужденіе. Авторъ комедіи не могъ допустить, чтобы дѣла истины и человѣколюбія должно было совершать подъ кровомъ тайны, помимо правительственнаго вѣдома; чтобы честный человѣкъ, желающій добра согражданамъ, шелъ извилистыми и темными путями, а не прямою дорогой, говорилъ и дѣйствовалъ загадочнымъ образомъ, а не открыто. Когда одно изъ дѣйствующихъ лицъ комедіи выставляетъ намѣреніе членовъ общества заводить разныя благотворительныя заведенія, какъ то: школы, больницы и т. п., для чего они стараются привлекать къ себѣ людей богатыхъ,—другое лице возражаетъ на это: «дѣла такого рода на что производить сокровенно, когда благимъ узаконеніемъ открыты всевозможныя у насъ къ такимъ установленіямъ удобства? Всякій изъ нихъ, по своевольному хотѣнію выдумывая, прибавляетъ правила и словечушки, но по-

чему оныя предпочтительны суть издревле принятымъ и славнымъ законодательствамъ, утвержденнымъ для общей и частной пользы, сего никто мнѣ не докажетъ». Обманутый духовидцами, Радотовъ признается, что онъ былъ обольщенъ наружностью тѣхъ, которые непрестанно твердили ему о необходимости быть добродѣтельнымъ. По этому поводу его спрашиваютъ: «не ужъ-то есть добродѣтели болѣе числомъ и выше тѣхъ, коихъ отъ насъ требуетъ издревле установленный у насъ законъ, и не ужъ-то развращенный какой ни есть толкъ замыкаетъ въ себѣ иныя и лучшія добродѣтели?» Заключеніе піесы отдаетъ преимущество здравомыслію передъ разстроеннымъ воображеніемъ: «похвалы приписываютъ однимъ тѣмъ столѣтіямъ, кои не бредомъ, но здравымъ разсудкомъ отъ прочихъ отличались». Основаніемъ третьей комедіи (Шаманъ сибирскій) послужила статья французской энциклопедіи: «теозофы». Комедія изображаетъ простака, поддавшагося шарлатану, подобному Каліостро. Сибирскій Шаманъ владѣлъ необычайнымъ знаніемъ: онъ по лицу узнавалъ характеръ; по степенямъ, изъ которыхъ каждая подлежала особымъ условіямъ, приходилъ въ искренній восторгъ; молчаніемъ достигалъ небытія. Одни величали его мудрецомъ, другіе колдуномъ, потому что «глупость и невѣжество видятъ колдовство тамъ, гдѣ смыслъ обыкновенный ихъ кратокъ находится». На дѣлѣ же оказывается, что онъ великій шарлатанъ: его сажаютъ подъ караулъ за разныя плутовскія продѣлки. Описывая Циммерману путешестіе свое по Тавридѣ, императрица касается и своей комедіи: «Между иманами (въ Бахчисараѣ) есть такіе, кои вертятся до тѣхъ поръ, пока не упадутъ въ обморокъ, и все кричатъ: Алла гюе! Такіе очень близки получить вдохновеніе, а слѣдовательно не очень далеки отъ шамановъ сибирскихъ и нѣмецкихъ». «Но въ свѣтѣ», прибавляетъ тоже письмо, «не одинъ родъ вѣтряныхъ мельницъ въ модѣ, и не одинъ Донъ Кихотъ любитъ ихъ строить, чтобы послѣ сражаться съ ними». Этотъ новый родъ вѣтряныхъ мельницъ—животный магнетизмъ. Поэтому комедіи императрицы, осмѣивая мистиковъ вообще, имѣютъ въ виду и ученіе Месмера; поэтому же статья Циммермана, въ гамбургской газетѣ, противъ страсбургскихъ магнетизеровъ, упоминаетъ о шаманахъ сибирскихъ; потому же самому и Екатерина обратилась къ автору статьи съ такими словами: «ласкаюсь надеждою, что не замедлятъ выписать изъ Страсбурга занимающихся магнетизмомъ и въ тѣ земли, гдѣ показывается столь постоянная склонность къ подобнымъ шарлатанамъ; могу увѣрить напередъ, что они будутъ подешевле и удобнѣе обманутъ, нежели Каліостро съ товарищи». Въ то самое время, какъ написаны ко-

медіи: «Обманщикъ» и «Шаманъ сибирскій», магнетизмъ былъ въ употребленіи въ Петербургѣ: примѣчаніе къ одѣ «На счастіе» свидѣтельствуетъ, что новымъ открытіемъ занималась какая-то г-жа К. и предъ всѣми въ магнетическомъ снѣ говорила разныя прорицанія. Въ одномъ году съ «Шаманомъ сибирскимъ» явилась ком. «Мнимый мудрецъ» (1786). Неизвѣстный авторъ ея также вывелъ на сцену обманщика Хитроума, который забралъ въ свои руки Легковѣра и жену его, учитъ ихъ «самопознанію», вызываетъ духовъ и вставляетъ въ свой разговоръ цѣлыя тирады изъ книги «о заблужденіяхъ и истинѣ». Для отличія отъ другихъ рѣчей, тирады напечатаны курсивомъ. Въ этомъ собственно цѣль и главный интересъ піесы, не имѣющей никакого драматическаго достоинства. Мнимый мудрецъ, т. е. Хитроумъ, съ помощью друга своего Плутцова, хочетъ жениться на племянницѣ Легковѣра, Прелестѣ; но замыселъ ихъ разрушенъ Правомысломъ, который и заканчиваетъ дѣйствіе нравоученіемъ: «Потщимся обуздывать свое воображеніе и не искать проникнуть непроницаемое. Служеніе отечеству, помощь ближнему: вотъ предметы достойные и возвышающіе человѣка. Здравый разсудокъ предпочтителенъ сброду разженнаго воображенія, какъ бы ни облекался онъ въ высокопарныя изреченія». Совѣтъ вполнѣ справедливый, но разумному зрителю не могло, конечно, нравиться доказательство, употребленное авторомъ: какъ будто послѣдователь ложнаго ученія непремѣнно долженъ быть негодяемъ и плутомъ. Сочиненіе Сенъ-Мартена встрѣтило болѣе серьезную критику со стороны общества провинціальныхъ любителей наукъ. Въ Тулѣ, 1790 г., напечатано было «Изслѣдованіе книги о заблужденіяхъ и истинѣ», сочиненное двумя годами раньше (1788). Оно становится на сторонѣ истинъ, добытыхъ наукой, и обличаетъ безплодныя мечтанія Сенъ-Мартена, какъ противныя раціонализму. Точка зрѣнія авторовъ (или автора) указана въ предувѣдомленіи: «Никогда благоразумный и чтущій справедливость примѣчатель не будетъ вмѣсто дѣяній натуры, многократными испытаніями утвержденныхъ, предлагать свои увѣренія, не получившія, такъ сказать, клейма истины, неопровержимыми доказательствами на нихъ наложеннаго... Обладающій справедливымъ ученіемъ ничего безъ вѣрнѣйшихъ объясненій, учинившихся долговременными наблюденіями несомнѣнными и ощутительными, не предлагаетъ: но мечтающій умствователь, гордясь вымышленными своими мудроположеніями, повелѣваетъ читателямъ принимать ихъ за истинныя пружины всего естества, не смотря на то, что существо онаго и текущее обращеніе его не воображеніемъ познаемо быть можетъ, но вопроше-

ніемъ рачительнѣйшаго испытанія натуры, которая отрицаетъ всякое откровеніе въ себѣ пустомысленности, изображающейся суесловіемъ, но обнаруживаетъ себя только тѣмъ, кои прилежаніемъ и трудолюбіемъ тщатся проникнуть въ творенія ея». Степень образованности изслѣдователей доказывается ссылками на мнѣнія ученыхъ по разнымъ предметамъ: они цитуютъ Беля, Локка, Шталя, Невтона, Коперника, Монертюи, Бюффона и многихъ другихъ. Радищевъ служитъ новымъ доказательствомъ того, что французско-философское образованіе не имѣло возможности мириться съ мистицизмомъ. Онъ не приступилъ къ масонству, хотя былъ дружески связанъ съ нѣкоторыми членами Новиковскаго общества. «Бумага семинариста», вмѣстѣ съ выпиской изъ Белева Словаря помѣщенныя въ его «Путешествіи», осмѣиваетъ мистическую литературу. Она содержитъ въ себѣ, между прочимъ, слѣдующія строки: «Открой новѣйшія таинственныя творенія,—возмнишь быти во времена схоластики и словопренія, когда разумъ человѣческій заботился объ изреченіяхъ, не мысля о томъ, былъ ли въ реченіи смыслъ; когда задачею любомудрія почитали и на рѣшеніе изслѣдователей истины отдавали вопросъ, сколько на игольномъ остреѣ можетъ умѣститься душъ». Упомянемъ еще о двухъ книжкахъ: «Масонъ безъ маски» (1784) и «Мопсъ безъ ошейника» (1784). Обѣ онѣ ничего не говорятъ противъ существенныхъ основаній масонства, а касаются только его злоупотребленій или слабостей, которыя могутъ имѣть мѣсто въ наилучшихъ учрежденіяхъ. Первая книжка обличаетъ сластолюбіе, корысть и обманы, вкравшіяся въ ложи, вопреки истинному духу масонства. Авторъ ея называетъ себя бѣглецомъ, покинувшимъ союзъ и снова обратившимся въ профана. Онъ признаетъ добродѣтели масоновъ, но подъ условіемъ, что онѣ не составляютъ исключительнаго ихъ права и достоянія. Въ то же время онъ раскрываетъ и пороки ихъ, которые произведены злоупотребленіемъ таинствъ. Приговоръ его очень строгъ. За исключеніемъ тайныхъ обрядовъ и корыстолюбія предсѣдателей, онъ видитъ въ ложахъ своего рода клубы, въ которые собираются люди всякаго рода и состоянія пить хорошій портеръ и толковать о торговлѣ, вѣрѣ, правительствѣ, наукахъ, художествахъ, словомъ обо всемъ, о чемъ говорить можно. Если вѣрить его словамъ, то союзъ вольныхъ каменьщиковъ поддерживается легкомысліемъ молодыхъ его членовъ и апологіями старыхъ, хотя въ этихъ апологіяхъ столь же много словъ, сколь мало правды. Описавъ, по обѣщанію, «подлинныя таинства» масонскія, экс-масонъ въ заключеніе книги обращается съ просьбой къ бывшимъ своимъ братьямъ—трудиться по прежнему въ созиданіи храма,

т. е. проводить ночи въ питьѣ. «Что же касается до меня, видѣвшаго ихъ работы (говоритъ онъ), то я отстаю отъ нихъ съ великимъ удовольствіемъ и доволенъ буду, если они возвратятъ мнѣ мои деньги, такъ какъ я имъ возвращаю ихъ тайны». «Монсъ безъ ошейника» описываетъ причины основанія ордена Монсовъ и церемоніи, наблюдаемыя въ ихъ ложахъ. Послѣ анаѳемы, произнесенной папою Климентомъ XII на фран-масонство, многіе нѣмецкіе католики, бывшіе его члены, принуждены были сложить съ себя это званіе. Не зная что́ дѣлать и вздыхая по увеселеніямъ, которыя находили въ своихъ собраніяхъ, они задумали учредить особое братство. Установлены были обряды, изобрѣтены знаки и слова. Оставалось выбрать символъ и имя. Такъ какъ вѣрность и любовь служатъ главными принадлежностями масонскаго союза, то члены новаго общества взяли себѣ символомъ собаку и стали называться монсами. Чтобы усыпить ревнивый надзоръ римскаго двора, положено было въ отличіе отъ фран-масоновъ не требовать присяги отъ поступающихъ и допускать въ ложу женщинъ. Затѣмъ книжка переходитъ къ церемоніямъ общества Монсовъ и предлагаетъ нѣсколько вопросовъ изъ его катихизиса. Больше объ ней говорить нечего, какъ о произведеніи пошломъ и бездарномъ.

Духовенство имѣло свои законныя причины отвергать масонскій орденъ, основанный на деизмѣ. Ученіе о естественной религіи, иначе религія разума, какъ бы ни измѣнялся его первоначальный характеръ, не могло быть согласовано съ ученіемъ православной церкви. Поэтому митрополитъ Платонъ, одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ нашихъ пастырей, возставалъ противъ Новиковскаго общества, хотя и имѣлъ доброе мнѣніе о многихъ его членахъ, особенно о Новиковѣ и Лопухинѣ. Вообще дѣйствія Новиковскаго общества, одобряемые одними, возбуждало недовольство въ другихъ. Большинство публики не могло мириться съ таинственностью внутренняго учрежденія ордена, съ его символическою обрядностью, съ его особеннымъ языкомъ. «Мы учились», говоритъ Лопухинъ, «стремясь къ познанію самихъ себя, творенія и Творца». Многимъ это казалось смѣшно; но простолюдинная пословица: «вѣкъ живи, вѣкъ учись», гораздо умнѣе такого смѣха». Конечно, такъ, но притомъ необходимо, чтобы ученіе выступало откровенно съ своею сущностью и цѣлью, чего въ масонствѣ не было. Поэтому нападки на масоновъ начались рано. Еще въ 1765 г. явились стихотворенія: «Изъясненіе проклятаго сборища франкъ-масонскихъ дѣлъ» и «Псалма на обличеніе франкъ-масоновъ» (послѣднее напеч. въ Письмовникѣ Курганова). Между рукописями Царскаго значится

(№ 708) «Отвѣтъ масонамъ», опровергающій двѣ рукописи: «Бѣлый масонъ» и «Защитникъ масонскія секты». Неизвѣстный авторъ отвѣта жалуется, что послѣ Гедеона Криновскаго, писавшаго о франкъ-масонахъ, не слышится болѣе пастырскихъ обличеній этой секты. Масоны, съ своей стороны, иногда находили нужнымъ какъ ознакомить публику съ характеромъ братства, такъ и возражать на обличенія. Въ 1784 г. вышла, переведенная съ нѣмецкаго, «Апологія или защищеніе ордена в. к. (вольныхъ каменьщиковъ). Лопухинъ написалъ: «Нравоучительный катихизисъ истинныхъ франмасоновъ», гдѣ въ краткихъ и общихъ чертахъ представлены начала масонской науки и морали, а потомъ (1791) «Духовный Рыцарь, или ищущій премудрости». Для одной цѣли съ катихизисомъ была сочинена И. Тургеневымъ на франц. языкѣ брошюра: «Кто можетъ быть добрымъ гражданиномъ и подданнымъ вѣрнымъ» (рус. переводъ нап. (1796). Одно изъ главныхъ обвиненій, падавшихъ на масонскій союзъ состояло въ томъ, что онъ образуетъ какъ бы государство въ государствѣ, управляемое своими особенными законами и держащее своихъ членовъ подъ особою властью. Тургеневъ доказываетъ, что истинно-добрымъ гражданиномъ, вѣрнымъ государю и отечеству, можетъ быть только истинный христіанинъ, каковъ и есть каждый масонъ.

Коренной недостатокъ московскаго и вообще русскаго масонства заключался не въ различіи системъ, равно какъ и не въ различномъ числѣ степеней масонскихъ, а въ томъ, что члены его не имѣли точнаго понятія о сущности общества, цѣлью котораго было стремленіе къ достиженію извѣстнаго идеала, именно: единства съ природой и Богомъ посредствомъ нравственнаго самосовершенствованія. Хотя слова Лопухина: «мы упражнялись въ познаніи самихъ себя, твореніи и Творца и имѣли предметомъ — добродѣтель и стараніе, исправляя себя, достигать ея совершенства», нѣсколько даютъ знать объ указанной цѣли, но дѣло въ томъ, что къ главному предмету—совершенствованію, примѣшивались другіе предметы и стремленія, вовсе не относившіеся къ братскому союзу. Важнѣйшіе члены московскаго Дружескаго общества принадлежали къ розенкрейцерамъ: Шварцъ, Новиковъ, Лопухинъ; другіе держались по преимуществу моральнаго начала; третьи, будучи мистиками, въ тоже время напоминали піэтистовъ. Первыхъ плѣняла въ масонствѣ преимущественно чудодѣйственность (теософія, таинства алхиміи, кабалистическіе элементы). Кутузовъ посланъ въ Берлинъ изучать розенкрейцерскую алхимію; въ 1788-мъ г. студенты Невзоровъ и Колокольниковъ отправлены изъ Москвы за границу также для изученія химіи, чтобы потомъ быть лаборан-

тами при орденскихъ работахъ для добыванія золота. Нападая на ученость, предпочитая простодушныхъ людей любомудрамъ, масоны сами пускались въ мудрованія и умствованія, не представлявшія никакого научнаго достоинства, чѣмъ и возбудили противъ себя людей науки. Не признавая авторитетовъ въ мірѣ современнаго знанія, они преклонялись предъ авторитетами средневѣковыми. Отвергая астрономію и химію, вѣрили въ таинства магіи, алхиміи и астрологіи, доискивались какой-то древне-египетской мудрости. Парацельсъ былъ для нихъ выше Лавазье, Бемъ или Пордечъ выше Кеплера или Коперника. Притомъ же притязанія главныхъ двигателей масонства на догматизмъ, умозрѣніе и теоріи были крайне неосновательны по недостатку научной подготовки. Профессоръ Шварцъ составляетъ въ этомъ случаѣ почти единственное исключеніе. Что касается до Новикова и Лопухина, то намъ извѣстенъ отзывъ перваго о самомъ себѣ: «я невѣжда», писалъ онъ Карамзину, «не знающій никакихъ языковъ, не читавшій никакихъ школьныхъ философовъ»; второй называлъ себя «прямымъ самоучкой». Понятно, съ какою недовѣрчивостью и даже гордостью должны были смотрѣть на нихъ люди, понимавшіе цѣну основательнаго, систематическаго ученія. Профессорамъ Шадену и Барсову, независимо отъ ихъ личныхъ побужденій, если и были таковыя, трудно было сойтись съ мистиками, не потому, чтобы они стояли за Вольтера, а потому, что они представляли университетъ и его высшую образованность. Шаденъ не хуже масоновъ ратовалъ противъ энциклопедистовъ, но онъ, конечно, ратовалъ и противъ мистико-масонской догматики, какъ профессоръ философіи, которую читалъ по Вольфу. Въ сочиненіи Лопухина «Духовный Рыцарь» представлены «главные пункты герметической науки, образъ ея святилища, ходъ внутренняго обновленія человѣка и начала самопознанія и глубокой морали». Что такое герметическая наука? Это часть химіи, или точнѣе алхимія, занимавшаяся претвореніемъ однихъ металловъ въ другіе и объяснявшая всѣ естественныя дѣйствія тремя главными факторами—солью, сѣрой и ртутью. Изобрѣтеніе ея приписываютъ Гермесу Трисмегисту, египетскому Меркурію, отъ котораго она и получила свое названіе. Отсюда видно, что Лопухинъ и нѣкоторые другіе члены Новиковскаго общества, кромѣ нравственныхъ тенденцій, въ которыхъ заключалась главная сила и заслуга масоновъ, устремляли свою любознательность на природу и хотѣли выпытывать изъ нея двухъ чудесныхъ откровеній: универсальнаго лѣкарства и философскаго камня, посредствомъ котораго всѣ металлы обращаются въ золото. Не даромъ пригласительная записка Шварца рекомендовала особливому вниманію

«Дружескаго ученаго общества», между прочими предметами его занятій, «знаніе качествъ и свойствъ вещей въ природѣ и употребленіе химіи». Такое отступленіе отъ сущности масонства разъединяло его членовъ и заставило нѣкоторыхъ прибѣгнуть къ письменному осужденію отступниковъ. Въ сочиненіи И. П. Елагина: «Ученіе древняго любомудрія и богомудрія, или наука свободныхъ каменьщиковъ (1785—87)» (1) есть полемическія выходки противъ московскихъ розенкрейцеровъ, и въ особенности противъ Шварца, какъ ихъ устроителя. Неудовольствіе видно и въ письмѣ Невзорова къ члену «Дружескаго общества», Поздѣеву: «мы прежде были члены одного и того же каменьщическаго ордена, хотя по наружности разныхъ степеней, но послѣ и сей союзъ между вами и Иваномъ Владиміровичемъ (Лопухинымъ) пошатнулся». Отъ чего жъ онъ пошатнулся? отъ того, безъ сомнѣнія, что одни братья плѣнялись «герметическою философіей», ожидая отъ нея неимовѣрныхъ благъ для человѣческой жизни, тогда какъ другіе почитали ее несвойственною высокой цѣли масонства, ограничивая его нравоученіемъ и филантропіей. Невзоровъ принадлежалъ къ послѣднимъ. Въ издававшемся имъ журналѣ «Другъ юношества» (1810 г., ноябрь), онъ перевелъ «Разговоръ Натуры, Меркурія и Алхимиста», имѣющій цѣлію осмѣять искателей философскаго камня. Въ предисловіи къ разговору, переводчикъ изложилъ свой взглядъ на всеобщую медицину и химію. Онъ даетъ имъ нравственный толкъ. По мнѣнію его, «истинная всеобщая медицина есть школа христіанская, гдѣ учатъ людей съ помощію Божіею исправлять дурную свою природу, побѣждать страсти, не поддаваться самовольно чувственности, питающейся всякими развратами и тѣмъ самымъ становящейся источникомъ всѣхъ болѣзней, самими нами добываемыхъ, сносить всякія противности и оскорбленія, какимъ-либо образомъ наносимыя нашей тѣлесной природѣ, просить о подкрѣпленіи въ томъ помощи верховнаго врача и владыки, и умѣть при ней употреблять и пользоваться врачетвомъ простымъ, которое можно сыскать и въ большихъ городахъ, и въ малыхъ деревняхъ». Что касается до авторовъ, писавшихъ о химіи, то лучшіе между ними, для извѣстныхъ имъ причинъ, въ сочиненіяхъ своихъ «скрыли аллегорію нравственности человѣческой и подъ видомъ химическихъ операцій разумѣли ходъ и обороты исправленія и совершенствованія человѣческаго духа». Невзоровъ не отвергаетъ естествовѣдѣнія. «Нѣтъ спору», говоритъ онъ, «что натуру должно испытывать

---

1) Рус. Архивъ 1864, № 1.

и познавать для двухъ особливо причинъ: во-первыхъ, чтобы познаніемъ ея открывать и доставлять себѣ способы жить въ мірѣ, въ которомъ мы находимся, и таковымъ образомъ взаимно другъ другу помогать; во-вторыхъ, для созерцанія славы Божія и таинствъ его творенія. Что касается до перваго, то въ публичныхъ школахъ и университетахъ болѣе гораздо стараются знать, нежели то нужно для общежительнаго состоянія. Что касается до втораго, то прежде знать и непрестанно памятовать должно, что въ злохудожную душу не входитъ премудрость; что въ таковомъ случаѣ неоспоримое правило и законъ, Богомъ уставленный, есть тотъ, чтобы познать себя, исправить себя въ духѣ и очистить отъ страстей; иначе, плавая въ морѣ таинствъ, мы будемъ слѣпы. Чтобы созерцать славу Божію и видѣть таинства Его творенія, для сего не нужны великихъ издержекъ стоящія лабораторіи и пышные химическіе снаряды. Иди безъ всего смотрѣть, какъ сѣмя, брошенное въ землю, гніетъ, возраждается, растетъ и дѣлается новымъ сѣменемъ; поди всякій бѣдный съ пастушьимъ посохомъ къ муравью, пчелѣ, бобру и другимъ животнымъ, и смотри, какъ всеобщій промыслительный отецъ всякой твари далъ свой смыслъ и способность свойственнымъ себѣ образомъ пещись о своемъ благосостояніи и пропитаніи; поди ко всякому насѣкомому и смотри, какъ оно родится въ яицѣ, дѣлается червячкомъ, личинкою, получаетъ крылья и въ прекрасномъ видѣ и нарядѣ летаетъ по воздуху. Исправь себя, откинь всѣ злыя склонности, брось гордость, самолюбіе, алчность къ пріобрѣтеніямъ и грубую чувственность и изъ злохудожной души сдѣлай добрую: тогда вся природа явится тебѣ въ новомъ видѣ, и милліоны откроются таинствъ ея, которыя ты, въ противномъ случаѣ, ногами топчешь и не видишь». Вѣрный своей масонской системѣ, Невзоровъ съ неудовольствіемъ встрѣтилъ книгу Плуменека: «Вліяніе истиннаго свободнаго каменьщичества на всеобщее благо государствъ», написанную въ концѣ XVIII в. Русскій переводъ ея нап. 1816 г. Она явилась по поводу сочиненія нѣмецкаго публициста Мозера: «О терпимости свободно-каменьщическихъ сообществъ». Плуменекъ доказываетъ, что масонское братство не только не научаетъ ничему противному религіи, государству, любви къ ближнему и вообще добрымъ нравамъ, но еще много способствуетъ ко всеобщему благоденствію. Онъ разсматриваетъ достохвальную цѣль союза и три существенные предмета его занятій: первый—достигать премудрости, искуства и добродѣтели, второй — угождать Богу, третій — служить ближнему. Первый, обще-масонскій предметъ воспѣвается одною пѣснію при открытіи ложи, помѣщенною во 2-й ч. «Свободно-

каменьщическаго магазина». Хоръ заканчиваетъ куплеты пѣсни словами: премудрость, искусство и добродѣтель. Что же разумѣетъ подъ ними Плуменекъ? Премудрость изображена словами царя Соломона, взятыми изъ книги Премудрости (гл. VII и VIII) и Притчъ (гл. III). На тотъ же священный авторитетъ ссылается и Лопухинъ въ своихъ Запискахъ: «Члены нашего общества упражнялись въ познаніи самого себя, творенія и Творца, по правиламъ той науки, о которой говоритъ Соломонъ въ книгѣ Премудрости (гл. VII, ст. 17—22), содержащимся въ Библіи и въ писаніяхъ мужей, непосредственнымъ откровеніемъ просвѣщенныхъ отъ Бога,—науки, открывающей начала всѣхъ вещей, безъ познанія коихъ натура вещей истинно извѣстна быть не можетъ». Искусство, которому учатъ масоны, состоитъ въ томъ, чтобы по лѣстницѣ тварей восходить къ строителю міра и продолжать безпрерывно идти по пути добродѣтели. А на добродѣтель масоны смотрятъ подобно всѣмъ христіанскимъ мудрецамъ, именно какъ на способность располагать своими дѣйствіями по закону природы. Плуменекъ выразился бы точнѣе, еслибы «христіанскихъ мудрецовъ» замѣстилъ «деистами»; но дѣло здѣсь не въ точности опредѣленія, а въ понятіи автора о масонскомъ искусствѣ. Наибольшая часть его сочиненія посвящена этому предмету. Хотя онъ осуждаетъ златолюбцевъ, но вѣра его въ алхимическія и теургическія таинства высказывается съ достаточной ясностью. Онъ допускаетъ возможность превращать металлы въ золото и признаетъ его величайшую врачебную силу, видя въ немъ коренное основаніе всеобщаго лѣкарства. Онъ положительно говоритъ: «мы (масоны) вовсе не полагаемъ златодѣланія главнымъ предметомъ нашимъ, но взираемъ на него токмо какъ на слѣдствіе ближайшаго познанія натуры, которое бываетъ удѣломъ весьма немногихъ счастливцевъ». Такъ какъ эти неимовѣрныя чаянія совершенно расходились со взглядомъ Невзорова на масонство, то послѣдній представилъ опроверженія на книгу Плуменека въ упомянутомъ письмѣ къ Поздѣеву (1817).

Новиковъ съ большею силою, чѣмъ Лопухинъ и другіе, увлекался противонаучнымъ стремленіемъ, или вѣрнѣе, наклонностію къ средневѣковой наукѣ. Онъ отвергалъ новыя открытія въ астрономіи и химіи, называя ихъ бредомъ, какъ это видно изъ двухъ его писемъ къ Карамзину (1814). «Съ позволенія нашихъ почтенныхъ астрономовъ», говоритъ онъ въ первомъ письмѣ, «они изволятъ бредить, находя болѣе семи планетъ, находя и видя неподвижныя звѣзды и жалуя ихъ въ солнцы. Ни больше, ни меньше семи планетъ быть не можетъ, понеже Богъ ихъ сотворилъ только

семь и наполнилъ ихъ силами, каждой приличными. Неподвижныхъ звѣздъ быть не можетъ, ибо неоспоримая истина: что не имѣетъ движенія, то мертво, понеже жизнь есть движеніе. Они пожаловали и самое солнце въ наплѣнивѣйшую планету бездѣйственную, ибо что не имѣетъ движенія, то не имѣетъ и дѣйствія... Нынѣшніе физики, не довольствуясь четырьмя стихіями, которыхъ Богъ сотворилъ четыре только, а не болѣе, совсѣмъ ихъ разжаловали изъ стихій, за то только, что, по ихъ высокой наукѣ, что̀ можетъ дѣлиться, то не есть стихія. Какая слѣпота и какое нищенское понятіе о стихіяхъ! Однако они наградили насъ почти сотнею стихій. Химики все прежнее отбросили и надѣлили насъ какими-то газами, т. е. пустыми словами, не имѣющими ни значенія, ни силы. И кто можетъ всѣ ихъ бредни исчислить? не письмами, но фоліантами развѣ можно описать оныя». Понятно, какъ долженъ былъ Новиковъ смотрѣть на Лавуазье, доказавшаго, что вода есть тѣло сложное. Открытія знаменитаго химика подрывали прежнее ученіе о стихіяхъ. Понятно также, почему Карамзинъ, при всемъ уваженіи къ Новикову, не могъ одобрять его герметической философіи (1).

§ 33. О двухъ главныхъ проповѣдникахъ царствованіе Екатерины: Платонѣ, митрополитѣ московскомъ (1737—1812), и Анастасіи Братановскомъ, архіепископѣ астраханскомъ (1761—1806), мы имѣли уже поводъ упоминать выше. Нѣкоторыя ссылки на ихъ поученія были сдѣланы въ доказательство того, что эти пастыри даромъ своего краснорѣчія подкрѣпляли просвѣщенные виды правительства и дѣйствовали противъ ученій, отвергаемыхъ православною церковью. Ихъ проповѣдное слово обращалось и на предметы гражданскаго благоустройства, и на предметы общественной мысли, соединяя такимъ образомъ извѣстныя ораторскія достоинства съ достоинствомъ современности. Платонъ славился своими катихизическими бесѣдами еще въ то время, когда былъ учителемъ піитики въ Московской Академіи. Люди всякаго состоянія стекались слушать молодаго катихизатора, пишетъ онъ въ своихъ Запискахъ: нѣкоторые изъ нихъ повергали своихъ дѣтей къ ногамъ учителя, повторяя имъ, чтобъ они его слушали и помнили.

---

1) М. Лонгинова: Новиковъ и московскіе мартинисты (1867); А. Пыпина: Русское масонство въ XVIII в. (В. Евр. 1867, №№ 2—4), Русское масонство до Новикова (ib. 1868, №№ 6 и 7), Хронологическій указатель рус. ложъ, съ 1731 по 1822 (1873); П. Пекарскаго: Дополненія къ исторіи масонства въ Россіи XVIII в. (1869); Сборникъ рус. истор. Общества, т. II; А. Аѳанасьева: Н. И. Новиковъ, біографическій очеркъ (Библ. Записки, 1858, № 5).

Въ проповѣдяхъ его различаютъ два рода: къ одному относятся слова, произнесенныя по поводу важныхъ событій или торжественныхъ дней; къ другому бесѣды и поученія, въ которыхъ предложены правила христіанской жизни или толкованіе православныхъ догматовъ. Въ торжественныхъ словахъ Платона замѣтно стремленіе къ искуственному краснорѣчію; большею частію онѣ настроены на возвышенный тонъ; лучшее между ними, по развитію мысли и красотѣ формы,—рѣчь на коронованіе императора Александра I (1801). Напротивъ, слова поучительныя отличаются простотою. Это качество явилось не безсознательно, а въ слѣдствіе точныхъ понятій проповѣдника о своемъ дѣлѣ. «Признаюсь», говоритъ онъ, «что о витійственномъ и испещренномъ слогѣ я никогда много не заботился. Таковый словами играющій и надменный слогъ можетъ быть для свѣтскихъ сочиненій когда-либо пристоенъ и нуженъ; но на священномъ мѣстѣ, гдѣ устами проповѣдника бесѣдуетъ вѣчная истина, почиталъ я, что оный излишенъ. Проповѣдникъ долженъ бесѣдовать къ людямъ различнаго состоянія и понятія: а потому необходимость требуетъ, дабы духовная бесѣда была всякому удобопонятная, удаляя отъ себя, сколько возможно, то подозрѣніе, что будто проповѣдникъ болѣе ищетъ хвалы слушателей за свое краснорѣчивое слово, нежели ревнуетъ о насажденіи добродѣтели и страха Божія въ сердцахъ слушателевыхъ». Особенно находилъ Платонъ неумѣстнымъ краснорѣчіе, какъ знакъ суетнаго славолюбія, въ изложеніи спорныхъ догматовъ, въ уясненіи истины ея противникамъ: «Витійство полезно, чтобъ истину, всѣми признаваемую, въ краснѣйшемъ и лестнѣйшемъ представить видѣ; но гдѣ надобно оную, ложью побораемую, защитить и доказать, тамъ оно не только есть излишно, но и вредно. Излишно: ибо правды лице само по себѣ прекрасно, безъ всякихъ притворныхъ красокъ. Вредно: ибо даетъ подозрѣніе, что защитникъ истины побѣждаетъ, можетъ быть, не тѣмъ, что истина на его сторонѣ, но что онъ преимуществуетъ только токомъ своихъ словъ и чародѣйствомъ краснорѣчія». Духовныя бесѣды Платона большею частію имѣютъ предметомъ ученіе нравственное. Особенно въ послѣдніе годы своей жизни онъ мало занимался вопросами догматическими. Разсмотрѣвъ поученія одного проповѣдника, онъ далъ о немъ такой отзывъ: «я ничего въ проповѣдяхъ его противнаго не нахожу; только скажите, чтобъ онъ отъ ѳеоретическихъ и догматическихъ мыслей подалѣе себя велъ, чтобъ не заблудить, а болѣе держался нравоученія». Потому-то западные проповѣдники не удовлетворяли Платона: онъ находилъ ихъ краснорѣчіе искуственнымъ, «чешущимъ только слухъ, а не назидающимъ въ хри-

стіанской жизни». Образцами его служили святители греческой церкви, особенно Златоустъ. Кромѣ того подражалъ онъ русскимъ проповѣдникамъ: Гедеону Криновскому и Ѳеофану Прокоповичу. Слово послѣдняго въ день коронаціи Анны Іоанновны оказало вліяніе на упомянутую рѣчь Александру I.

По внѣшней отдѣлкѣ, церковное слово Анастасія Братановскаго выше проповѣдей Платона. Оно представляетъ въ замѣтной степени художественный элементъ; воображеніе и чувство оратора высказываются въ немъ многими мѣстами; слогъ его вообще пріятенъ; въ языкѣ меньше пестрой смѣси церковно-славянскихъ оборотовъ и реченій съ реченіями и оборотами русскими. Но и по содержанію своихъ словъ, Анастасій стоитъ на ряду съ замѣчательными русскими проповѣдниками. Онъ говорилъ о предметахъ, близкихъ современной ему паствѣ; въ особенности же дѣйствовалъ противъ невѣрія, выясняя, доказывая тѣ истины, несомнѣнность которыхъ была колеблема энциклопедистами. Отсюда догматико-полемическій характеръ многихъ его словъ, не исключая даже написанныхъ на извѣстные случаи. Таковы, напримѣръ, лучшія его слова: «на погребеніе Бецкаго» (1795) и «на погребеніе Шувалова» (1797) Оба они имѣютъ много общаго, по содержанію и по формѣ. Темою ихъ служитъ безсмертіе души, которое въ первомъ словѣ доказывается самою смертію добродѣтельнаго, не получающаго достойной награды на землѣ, а во второмъ тою мыслію, что счастіе, иногда сопутствуя добродѣтели въ ея земномъ бытіи, далеко отъ должнаго, совершеннаго воздаянія, предоставленнаго ей Богомъ на небеси.

§ 34. Литературная критика этого времени обращала почти исключительное вниманіе на языкъ и слогъ. Характеръ ея, за весьма немногими исключеніями, чисто стилистическій, ведущій во Францію свое начало отъ Малерба, которому послѣдовали и наши судіи словесныхъ произведеній. Разборъ сочиненій ограничивается указаніемъ ихъ достоинствъ или недостатковъ только по отношенію къ грамматикѣ и риторикѣ. Онъ имѣетъ въ виду замѣтки объ отдѣльныхъ словахъ и выраженіяхъ, въ которыхъ разсматриваетъ правильность, точность, благозвучіе, живописность или противоположныя тому свойства. Другихъ, болѣе серьезныхъ требованій критика не предъявляла: всецѣло занятая стилемъ, она не касалась ни эстетической оцѣнки поэтическихъ твореній, ни историческаго метода при ихъ изученіи. Примѣры подобныхъ критическихъ сужденій рельефно выдаются у Сумарокова, въ разборѣ одъ Ломоносова. Выписавъ два стиха оды въ день вступленія на престолъ Елисаветы (1747):

Возлюбленная тишина,
Блаженство селъ, градовъ ограда,

онъ начинаетъ перебирать отдѣльныя слова и выраженія: «Градовъ ограда» сказать не можно. Можно молвить: «селенія ограда», а не «ограда града»; «градъ» отъ того имя свое имѣетъ, что онъ «огражденъ».—Я не знаю сверхъ того, что за «ограда града» тишина. Я думаю, что «ограда града»—войско и оружіе, а не тишина.—«Городъ» имѣетъ въ родительномъ падежѣ множественнаго числа «городо́въ», а «градъ»—«гра́довъ», а не «градо́въ», для того что въ именительномъ падежѣ множественнаго числа «городъ» имѣетъ «города́», а градъ—гра́ды, а не града́ и не гра́ды.—Стихъ: «межъ льдистыми горами» вызвалъ такое замѣчаніе: «межъ льдистыми» дѣлаетъ выговору великую трудность. Ясно, что критикъ интересуется не художественною техникой стихотворенія во всемъ его составѣ, а подробностями и мелочами. Другая статейка того же критика, подъ громкимъ титуломъ: «Разсмотрѣніе одъ Ломоносова», дѣлитъ ихъ строфы на прекраснѣйшія, прекрасныя, весьма хорошія, хорошія, изрядныя, и т. д., не приводя никакихъ причинъ такому дѣленію, напоминающему отмѣтки старинныхъ учителей чистописанія на школьныхъ тетрадкахъ. Въ иныхъ журналахъ, критика стиля замѣнялась библіографіей, т. е. извѣстіями о вновь выходящихъ книгахъ, съ болѣе или менѣе подробнымъ изложеніемъ ихъ содержанія, или съ голословнымъ восхваленіемъ ихъ красотъ: такъ статья о Россіядѣ, написанная Каницомъ, директоромъ казанской гимназіи, и переведенная въ С.п.бургскомъ Вѣстникѣ излагаетъ содержаніе всѣхъ пѣсенъ поэмы; такъ въ «Академическихъ извѣстіяхъ» (1779—1781), издававшихся П. Богдановичемъ, сказано о той же поэмѣ, что она должна составить въ письменахъ нашихъ славную эпоху, представляя красоты, дотолѣ невѣдомыя; что въ ней есть всѣ роды живописанія: страшное, пріятное, свирѣпое, нѣжное; что авторъ изобразилъ страсти и ихъ противоборство, и наполнилъ свое твореніе превосходными картинами природы. Редакція Собесѣдника почитала критику наилучшимъ средствомъ «къ вычищенію россійскаго слова», почему и просила всѣхъ любителей литературы и публику присылать въ журналъ критическія статьи, обѣщая печатать ихъ безъ малѣйшей перемѣны. На этотъ вызовъ явился «Любословъ» съ замѣтками на первую книжку Собесѣдника и съ «начертаніемъ о россійскихъ сочиненіяхъ и россійскомъ языкѣ»; кромѣ того какой-то корреспондентъ доставилъ въ редакцію «сумнительныя предложенія отъ одного невѣжды», содержащія въ себѣ замѣтки на оду къ Фелицѣ, съ построчными возра-

женіями самого Державина, и на стихотворенія Богдановича, также съ его возраженіями. Во всѣхъ этихъ статьяхъ критика исключительно вращается вокругъ словъ, оборотовъ и грамматическихъ формъ. Ея сужденія не только не тверды, но и произвольны, потому что произносятся на основаніи личнаго вкуса, случайнаго впечатлѣнія и выдуманныхъ, не подкрѣпленныхъ наукою соображеній судящаго. Тоже самое должно сказать и о полемикѣ Фонъ-Визина съ критикомъ, доставившимъ примѣчанія на его «Опытъ россійскаго сословника». Многія повременныя изданія вовсе обходились безъ критики, которая въ то время не составляла существенной ихъ принадлежности. Поэтому «С.п.бургскій Меркурій» замѣчаетъ о русскихъ журналахъ, что въ нихъ мало или и совсѣмъ нѣтъ того, что свойственно журналистикѣ. «Для чего», говоритъ онъ, «не сказать публикѣ о новыхъ произведеніяхъ россійской словесности? для чего не возвѣстить о театрѣ, что̀ на немъ играно и какъ играно?» Критика «С.п.бургскаго Меркурія» служила, по словамъ его издателей, отличительнымъ нововведеніемъ, восполнявшимъ недостатокъ другихъ журналовъ. Впрочемъ, обѣщаніе предисловія знакомить читателей съ произведеніями русской словесности, въ особенности драматической, не было исполнено въ надлежащей мѣрѣ: Меркурій бѣденъ критическими статьями. Лучшая между ними принадлежитъ Крылову: это — разборъ комедіи Клушина «Смѣхъ и горе», заключающій въ себѣ нѣсколько здравыхъ мыслей объ условіяхъ драмы. Осуждая резонерство одного изъ дѣйствующихъ лицъ, Крыловъ проводитъ вѣрное различіе между моралистомъ и драматургомъ: «На театрѣ должно нравоученіе извлекаться изъ дѣйствія. Пусть говоритъ философъ, сколь недостойно питать въ сердцѣ зависть къ счастью ближняго, сколь вредна страсть сія въ общежитіи, сколь пагубна въ сильныхъ людяхъ; пусть истощаетъ всѣ риторическія украшенія, дабы сдѣлать отвратительное изображеніе сей страсти; я буду восхищенъ и тронутъ его краснорѣчіемъ. Но драматическій писатель долженъ мнѣ показать завидливаго, коего риторъ сдѣлалъ описаніе; онъ долженъ придать ему такое дѣйствіе и оттѣнки, которыя бы, безъ помощи его слова, заставили ненавидѣть это лице, а съ нимъ вмѣстѣ и пагубную страсть, въ немъ изображенную. Мольеръ въ своей комедіи, не говоря длинныхъ нравоученій противъ скупости, заставляетъ ненавидѣть Гарпагона и дѣлаетъ его смѣшнымъ; но въ нѣкоторыхъ нашихъ комедіяхъ старики говорятъ преизрядныя и предлинныя нравоученія, охлаждаютъ ими жаръ дѣйствія, и весь успѣхъ производимый ими,—это тотъ, что слушатели желаютъ только скорѣе дождаться счастливой минуты, когда опустятъ запа-

вѣсъ». Что касается до Клушина, то ни въ талантѣ его, ни въ образованіи не было данныхъ, нужныхъ критику. Принадлежащій ему разборъ «Вадима» (Княжнина) есть не что иное, какъ выписка нѣкоторыхъ, особенно эффектныхъ тирадъ; а замѣтки его на стихотвореніе И. Мартынова: «Къ бардамъ», вертятся около отдѣльныхъ словъ и выраженій, какъ бы воскрешая манеру Сумарокова; наприм.: «небосклонъ»—слово вновь произведенное, прекрасное и музыкальное; «хитрый живописецъ»—«хитрый» здѣсь не у мѣста: надобно «искусный», «превосходный», и т. п. Впрочемъ тотъ составилъ бы неточное понятіе о значеніи критики, кто сталъ бы судить о ней только по журналамъ, въ которыхъ она, какъ мы видѣли, иногда и не имѣла мѣста. Для оцѣнки литературныхъ произведеній необходимы природный вкусъ, способность къ анализу, многостороннее образованіе, въ особенности знакомство съ теоріей и исторіей словесности. Рѣдкое соединеніе всѣхъ этихъ данныхъ могло встрѣчаться въ литераторѣ-нежурналистѣ; и на оборотъ, издатель журнала могъ обходиться и безъ ихъ помощи. Болтинъ и Фонъ-Визинъ выказали сильный критическій талантъ, хотя не заправляли никакимъ періодическимъ изданіемъ: «Письмо о планѣ россійскаго словаря», «Примѣчанія на исторію Леклерка», по основательности сужденій и остроумію, сохраняютъ до сихъ поръ извѣстное достоинство. Рядомъ съ ними стоитъ Карамзинъ, отличавшійся вѣрнымъ взглядомъ на произведенія литературы, способностью опредѣлять достоинства и недостатки авторской дѣятельности. Мы приводили его сужденія о Шекспирѣ, объ англійской и нѣмецкой драмѣ сравнительно съ драмой французской,—сужденія, которыми онъ становился впереди своего времени. Прибавимъ къ нимъ его взглядъ на поэзію вообще, выраженный въ предисловіи ко второй книжкѣ «Аонидъ» (1797). Онъ затрогиваетъ два недостатка юныхъ поклонниковъ музъ—высокопарность и слезливость: «Поэзія состоитъ не въ надутомъ описаніи ужасныхъ сценъ натуры, но въ живости мыслей и чувствъ. Если стихотворецъ пишетъ не о томъ, что̀ подлинно занимаетъ его душу; если онъ не рабъ, а тиранъ своего воображенія, заставляя его гоняться за чуждыми, отдаленными, несвойственными ему идеями; если онъ описываетъ не тѣ предметы, которые къ нему близки и собственною силою влекутъ къ себѣ его воображеніе; если онъ принуждаетъ себя или только подражаетъ другому (что все одно): то въ произведеніяхъ его не будетъ никогда живости, истины или той сообразности въ частяхъ, которая составляетъ цѣлое и безъ которой всякое стихотвореніе похоже на странное существо, описанное Гораціемъ въ началѣ Эпистолы къ Пизонамъ. Молодому питомцу музъ лучше изобра-

жать въ стихахъ первыя впечатлѣнія любви, дружбы, нѣжныхъ красотъ природы, нежели разрушеніе міра, всеобщій пожаръ натуры и прочее въ семъ родѣ. Не надобно думать, что одни великіе предметы могутъ воспламенять стихотворца и служить доказательствомъ дарованій его: напротивъ, истинный поэтъ находитъ въ самыхъ обыкновенныхъ вещахъ піитическую сторону; его дѣло наводить на все живыя краски, ко всему привязывать остроумную мысль, нѣжное чувство, или обыкновенную мысль, обыкновенное чувство украшать выраженіемъ, показывать оттѣнки, которые укрываются отъ глазъ другихъ людей, находить непримѣтныя аналогіи, сходства, играть идеями, и, подобно Юпитеру (какъ сказалъ объ немъ мудрецъ Езопъ), иногда «малое дѣлать великимъ», иногда «великое дѣлать малымъ».

§ 35. Выше были разсмотрѣны нѣкоторыя явленія періодической литературы именно: сатирическіе и мистическіе. Дополнимъ обзоръ ея свѣдѣніями о другихъ болѣе замѣчательныхъ журналахъ, къ которымъ относимъ: «С. п. бургскій Вѣстникъ», «Чтеніе для вкуса, разума и чувствованія», «Пріятное и полезное препровожденіе времени», «С. п. бургскій журналъ», «Иппокрена». Всѣ они по преимуществу литературные, хотя, при общемъ направленіи, и различаются нѣкоторыми особенностями. Издателемъ С. п. бургскаго Вѣстника (1778—1781), основаннаго обществомъ любителей наукъ, былъ Брайко. По принятому плану, каждая книжка журнала дѣлилась на два отдѣла: ученый, въ который входили и статьи «для увеселительнаго чтенія», т. е. собственно-литературныя, и политическій, подъ которымъ разумѣлись и внѣшнія и внутреннія извѣстія. Въ первомъ отдѣлѣ помѣщены стихотворенія Державина, стоящія на переходѣ отъ подражательнаго направленія его лирики къ направленію самобытному. Лучшія ученыя статьи касаются наукъ естественныхъ и географіи; изъ другихъ достойны замѣчанія: «о театральныхъ въ Россіи представленіяхъ», Штелина, и «исторія учрежденія патріаршества въ Россіи». Особеннаго вниманія заслуживаетъ критика «Вѣстника». Онъ справедливо оцѣнилъ «Историческое изображеніе Россіи», Богдановича, похваливъ эту компиляцію единственно «за изрядный слогъ и за исправность печатанія», осуждая автора за цвѣты краснорѣчія, которыми онъ исказилъ простыя рѣчи нашихъ предковъ, и выражая ту мысль, что историческія личности должны говорить языкомъ, соотвѣтствующимъ ихъ времени. «Повѣсть о жизни и сочиненіяхъ Сумарокова» чужда односторонности и пристрастія, которыми страдали всѣ почти тогдашніе отзывы о рус-

скомъ Расинѣ и Лафонтенѣ. «Вѣстникъ» указалъ также на достоинства Хемницеровыхъ басенъ, при первомъ ихъ изданіи.

Сохацкій, профессоръ эстетики и древней словесности, издавалъ журналы: «Чтеніе для вкуса, разума и чувствованія» (1791—1793), «Пріятное и полезное препровожденіе времени» (1794 — 1798) и «Ипокрену или утѣхи любословія» (1799—1801). Соредакторомъ его по второму журналу былъ Подшиваловъ. Особенности этихъ изданій опредѣлялись характеромъ образованія и родомъ занятій ихъ издателей. И Сохацкій, воспитанникъ филологической семинаріи, и Подшиваловъ, кончившій курсъ въ университетской гимназіи, находились подъ вліяніемъ Шварца и участвовали въ Покоящемся Трудолюбцѣ. Оба они были хорошо знакомы съ нѣмецкою литературой; оба преподавали словесность: одинъ, какъ профессоръ; другой, какъ учитель въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ. Поэтому означенные журналы содержатъ въ себѣ дѣльныя сочиненія по исторіи и теоріи изящныхъ произведеній. Въ «Чтеніи для вкуса» напечатаны: «опытъ о стихотворствѣ», «о турецкомъ и испанскомъ театрахъ», «о прелести въ произведеніяхъ искусства», по руководству Винкельмана; въ «Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени»: «письмо о россійскомъ стопосложеніи», «греческая поэзія», «исторія римской поэзіи»; въ Ипокренѣ: «о характерѣ эпической поэмы», «о высокости мыслей у священныхъ пѣснопѣвцевъ». Отдѣлъ изящной прозы наполнялся переводами преимущественно изъ нѣмецкихъ авторовъ: Мейснера, Глейма, Морица, Клейста, Виланда, Геллерта, Козегартена, Рамлера, Гагедорна, Галлера, Вейсе, Гедике, Эбергарда, Энгеля и пр. Большая часть этой работы лежала на Подшиваловѣ. Онъ перевелъ Біанку Капелло и другія повѣсти Мейснера. Кромѣ того въ журналахъ Сохацкаго напечатаны переводы Сенъ-Пьеровыхъ романовъ: «Павелъ и Виргинія» и «Индѣйская хижина», сдѣланные супругою Подшивалова. Въ нихъ же помѣщались сочиненія лучшихъ нашихъ писателей того времени: Державина, И. Дмитріева, Нелединскаго-Мелецкаго, кн. И. Долгорукаго, В. Пушкина, Мерзлякова, равно и первые юношескія опыты Нарѣжнаго и Жуковскаго.

Въ 1798 г., Пнинъ, соединясь съ А. Бестужевымъ, издавалъ «С.п.бургскій журналъ». Употребляя современныя названія, первый былъ редакторомъ, а второй издателемъ. Въ журналѣ помѣщено много серьезныхъ статей по законовѣдѣнію, государственному хозяйству и воспитанію; таковы: переводы изъ Духа законовъ, Монтескье, и изъ Разсужденій о политической экономіи, Пьера Верри, современника Беккаріи, и Трактатъ о воспитаніи,

преимущественно военномъ, составленный по Фпліанжери и дополненный примѣчаніями Бестужева. Здѣсь также явились впервые: двѣ книги (вторая не вполнѣ) «Исповѣданія» Фонъ-Визина и его же «Письмо къ гр. П. И. Панину изъ Парижа». Журналъ отличался благороднымъ образомъ мыслей, уваженіемъ къ наукѣ и слову; одна критическая статья его (Письмо къ издателю) умно защищаетъ книгопечатаніе отъ нападковъ тогдашняго обскурантизма, который былъ выраженъ въ книгѣ, переведенной Михаиломъ Антоновскимъ: «Вѣрное лѣкарство отъ предубѣжденія умовъ» (1798). О журналахъ Карамзина будетъ сказано при обзорѣ всей его дѣятельности.

§ 36. Усвоеніе европейской науки и литературы при Екатеринѣ не мѣшало знакомству съ своимъ отечествомъ, основательному изученію своей страны въ ея прошлой жизни и современномъ состояніи. Мѣры, которыми доставлялась возможность всесторонняго изученія русской природы и русскаго народа, принадлежатъ къ важнѣйшимъ событіямъ въ исторіи нашего образованія, равно какъ сочиненія, въ которыхъ изложены результаты этого изученія, составляютъ важнѣйшее пріобрѣтеніе нашей ученой литературы.

Изъ трудовъ Академіи Наукъ особенно замѣчательны ученыя путешествія, совершенныя академиками и имѣвшія цѣлію описаніе Россіи въ отношеніяхъ естественномъ, географическомъ и статистическомъ. Для этого были снаряжены четыре экспедиціи: двѣ астраханскія и двѣ оренбургскія. Первыми распоряжались Самуилъ Гмелинъ и Гильденштедтъ; вторыя, подъ начальствомъ Палласа, состояли изъ Лепехина, Фалька, Георги, Зуева, Рычкова, Озерецковскаго. Экспедиціямъ предписано было производить изслѣдованія и наблюденія относительно всѣхъ замѣчательныхъ предметовъ, показывать выгоды и недостатки разныхъ областей нашего отечества, описывать нравы и обычаи народовъ, изыскивать способы къ улучшенію всѣхъ родовъ промышленности. Путешествія продолжались съ 1768 по 1774 г. Оренбургскія экспедиціи осмотрѣли сѣверную, восточную и западную части Россіи; астраханскія — южную часть ея, съ одной стороны до прилежащихъ персидскихъ областей и самую Персію, съ другой до Кавказа и Грузіи и самыя эти страны. «Путевыя записки», веденныя академиками, содержатъ въ себѣ не только подробное описаніе Россіи, познакомившее съ нею и Русскихъ и Европу, но и обильное число наблюденій и открытій по естественнымъ наукамъ. Кромѣ того, онѣ обогатили русскую ученую терминологію множествомъ словъ, заимствованныхъ изъ мѣстнаго народнаго словаря или составленныхъ въ духѣ того же словаря, и дали примѣръ простаго, чисто-

русскаго изложенія научныхъ предметовъ, особенно естествознанія. Русскіе академики, и въ своихъ книгахъ и въ переводахъ трудовъ нѣмецкихъ академиковъ, еще держались преданія Ломоносова, умѣвшаго находить въ родномъ словѣ достойные матеріалы для передачи свѣдѣній по всѣмъ отраслямъ науки. Къ сожалѣнію, позднѣйшая терминологія болѣе и болѣе теряла изъ виду источники, къ которымъ ей слѣдовало бы обращаться за совѣтомъ и справкой. Вмѣсто того, чтобы вводить въ книжный языкъ тѣ слова, которыя давно существуютъ среди народа, она обогащалась и обновлялась буквальнымъ, варварскимъ переводомъ иностранныхъ реченій или новосоставленными, не менѣе варварскими, реченіями, въ которыхъ не было и тѣни національнаго элемента.

Московскому университету даны средства распространить курсъ ученія и умножить число учащихся. Особое вниманіе обращено было на молодыхъ русскихъ ученыхъ, которые получали образованіе за границею или въ самомъ университетѣ и со временемъ долженствовали замѣстить профессоровъ иностранныхъ. При Елисаветѣ университетъ имѣлъ только двухъ русскихъ профессоровъ: Поповскаго и Барсова; при Екатеринѣ многіе уже воспитанники его съ честію заняли профессорскія каѳедры: Аничковъ, Аѳонинъ, Зыбелинъ, Веніаминовъ, Десницкій, Третьяковъ, Чеботаревъ, Страховъ. Съ 1767 г. введено было преподаваніе лекцій, особенно по каѳедрамъ юридическихъ наукъ, на языкѣ отечественномъ. Какъ въ «Наказѣ» изложены главныя педагогическія правила для согласнаго устройства двухъ родовъ воспитанія: домашняго и общественнаго, такъ и «Способъ ученія» (1771), изданный отъ университета, имѣлъ цѣлію согласить домашнее ученіе съ ученіемъ гимназическимъ, приготовляющимъ къ слушанію профессорскихъ лекцій.

Въ 1783 г. учреждена Россійская Академія. Цѣль этого учрежденія опредѣленно указана въ уставѣ или планѣ: Академія должна имѣть предметомъ очищеніе и обогащеніе русскаго языка; установленіе употребленія словъ; свойственное русскому языку витійство и стихотворство. Для достиженія этого предмета надобно составить русскую грамматику, русскій словарь, риторику и правила стихотворства. Предсѣдателемъ назначена княгиня Дашкова (Екатерина Романовна, 1744—1810), уже занимавшая тогда мѣсто директора Академіи наукъ. Въ рѣчи своей, при открытіи новаго учрежденія, предсѣдательница его расширила предѣлы академическаго устава, говоря, что, вмѣстѣ съ составленіемъ грамматики и словаря, академики должны заняться изученіемъ памятниковъ отечественной исторіи и увѣковѣчить въ произведеніяхъ слова

знаменитыя ея событія какъ минувшаго, такъ и настоящаго времени. Въ число членовъ приглашены были всѣ писатели того времени, составлявшіе украшеніе литературы, извѣстнѣйшіе ученые, преимущественно изъ академиковъ и профессоровъ московскаго университета, наконецъ и представители высшаго круга русскаго образованнаго общества, заявившіе свое сочувствіе къ литературѣ и наукѣ. Благодаря энергической дѣятельности своего предсѣдателя, Россійская Академія, въ тринадцатилѣтній періодъ его управленія (1783—1796), составила и издала «Словопроизводный словарь» (въ 6 томахъ, 1789—1796).

Послѣ императрицы Екатерины, княгиня Дашкова, дочь гр. Романа Ларіоновича Воронцова, безпорно, занимала второе мѣсто между современными ей женщинами по уму и образованію. Воспитывалась она въ домѣ своего дяди, государственнаго канцлера М. И. Воронцова. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ она пристрастилась къ серьезному чтенію; любимыми ея писателями были Бейль, Монтескье, Вольтеръ. Дальнѣйшее образованіе и умственное развитіе Дашковой происходило при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ. Она совершила два путешествія: сначала, для поправленія своего здоровья (1769—72), а потомъ для воспитанія своего сына въ Эдинбургскомъ университетѣ (1775—82). Эти годы она проводила въ избранномъ кругу ученыхъ и писателей: Робертсона и Адама Смита въ Шотландіи, Дидро во Франціи, Вольтера въ Швейцаріи. По смерти Екатерины (1796), она была удалена изъ Петербурга въ одно изъ ея помѣстій. При вступленіи на престолъ Александра I, члены Россійской Академіи обратились къ ней съ просьбой стать во главѣ этого учрежденія, но она, не чувствуя прежнихъ силъ, отклонила предложенную ей честь. Литературная дѣятельность Дашковой состояла въ сотрудничествѣ въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ второй половины XVIII в. и начала XIX-го в. Записки ея изданы на англійскомъ языкѣ въ Лондонѣ. Ея мысли о воспитаніи указаны выше. Въ понятіяхъ своихъ о требованіяхъ умственной и общественной жизни она сходилась съ понятіями Болтина, Щербатова, Новикова, т. е. отдавала предпочтеніе старинному быту въ томъ отношеніи, что *тогдашнее* невѣжество было менѣе вредно теперешней нравственной испорченности: «неуча научить можно скорѣе, нежели развратнаго исправить» (1).

Вскорѣ послѣ назначенія своего директоромъ Академіи наукъ, Дашкова основала (1783) журналъ «Собесѣдникъ Любителей Россій-

1) Исторія Россійской Академіи, М. Сухомлинова, т. I.

скаго слова». Онъ издавался болѣе года, при постоянномъ участіи Екатерины, которая печатала въ немъ свои «Были и Небылицы». Всѣ извѣстные литераторы были его сотрудниками: Державинъ (ода котораго «Фелица» и послужила поводомъ къ основанію «Собесѣдника»), Фонъ-Визинъ, Княжнинъ, Херасковъ, Богдановичъ.—Другое изданіе Академіи Наукъ, подъ названіемъ: «Россійскій ѳеатръ, или полное собраніе всѣхъ россійскихъ ѳеатральныхъ сочиненій» (43 тома, 1789—1794), было задумано также княгиней Дашковой съ цѣлью собрать въ одно цѣлое какъ печатныя, такъ и оставшіяся еще въ рукописяхъ театральныя піесы, и тѣмъ самымъ сохранить ихъ для потомства и вмѣстѣ дать возможность публикѣ прочитать все то, что еще не было напечатано; другая цѣль состояла въ томъ, чтобы сдѣлать болѣе удобнымъ выборъ піесъ для даваемыхъ театральныхъ представленій.

Одной изъ самыхъ важныхъ мѣръ къ распространенію просвѣщенія служилъ указъ 1783 г., дозволяющій заводить во всѣхъ городахъ частныя типографіи и печатать въ нихъ книги на русскомъ и иностранныхъ языкахъ. Въ слѣдствіе этого явилось даже нѣсколько сельскихъ типографій, заведенныхъ помѣщиками-литераторами. Благоразумная, снисходительная цензура, взглядъ на которую выраженъ въ Наказѣ (§ 484), была главною причиною успѣховъ книгопечатанія, давъ возможность возникнуть многимъ періодическимъ изданіямъ. Политическія событія во Франціи заставили частію ослабить, частію прекратить дѣйствіе этихъ просвѣтительныхъ мѣръ. Въ самый годъ смерти императрицы (1796), частныя типографіи были упразднены, ввозъ иностранныхъ книгъ ограниченъ, и въ Петербургѣ, Москвѣ, Ригѣ, Одессѣ и при Радзивиловской таможнѣ учреждены цензуры.

КОНЕЦЪ 2-ГО ОТДѢЛА I-ГО ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Эпоха Петра I.

§§.		Стр.
1.	Мѣры для образованія: заведеніе школъ, учрежденіе Академіи Наукъ. Учебники и переводы иностранныхъ сочиненій. Русскія Вѣдомости. Новая азбука. Возстановленіе театра. Панегирики и хвалебные вирши. Разсужденіе о причинахъ войны съ Карломъ XII. Путешествія гр. Шереметева, П. А. Толстаго, гр. А. А. Матвѣева.	1
2.	Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ.	11
3.	Сторонники и противники реформы	20
4.	Историческіе труды Петрова времени.	22
5.	Посошковъ	24
6.	Драматическія представленія въ Кіевѣ и Москвѣ. «Владиміръ», трагедо-комедія Ѳеофана Прокоповича . . .	28

II. Отъ смерти Петра I до Ломоносова.

7.	Татищевъ	32
8.	Кантемиръ	38
9.	Тредьяковскій	47
10.	Мемуары 1-й половины XVIII в.	56
11.	Дѣятельность Академіи Наукъ.	59

III. Отъ Ломоносова до Карамзина.

12.	Ломоносовъ	60
13.	Сумароковъ	92
14.	Московскій Университетъ. Поповскій и Барсовъ . . .	107

§§.		Стр.
15.	Мемуары времени Императрицы Елисаветы.	111
16.	Путешествіе Барскаго.	113
17.	Духовное ораторство	114
18.	Періодическія изданія.	—
19.	Характеръ литературы въ эпоху Екатерины II. «Наказъ». Педагогическая система Императрицы	119
20.	Педагогическія сочиненія Екатерины II.	126
21.	Ея сатирическія и драматическія произведенія. . . .	131
22.	Фонъ-Визинъ	141
23.	Сатирическіе журналы	161
24.	Державинъ	170
25.	Херасковъ и Богдановичъ	195
26.	Лирика	205
27.	Драма: Княжнинъ. Новыя явленія драмы (мѣщанская трагедія). Знакомство съ англійской драмой. Стремленіе къ самобытной драмѣ (Лукинъ, Аблесимовъ и др.). Веревкинъ, Ефимьевъ, Клушинъ, Капнистъ, Судовщиковъ	213
28.	Эпосъ: комическій эпосъ (В. Майковъ). Повѣсти и романы. Басня (Хемницеръ)	240
29.	Отношеніе литераторовъ къ народной словесности. Стремленіе къ самобытности и народности (Н. Львовъ, Майковъ, Чулковъ). Народныя книги	262
30.	Переводная литература Екатеринина времени. Обличеніе французскаго вольномыслія. Посылка молодыхъ людей за границу. Радищевъ и его книга	269
31.	Исторія двухъ воззрѣній на развитіе народной жизни .	276
32.	Масонство и его литература	294
33.	Проповѣдное слово	319
34.	Литературная критика	321
35.	Періодическія изданія.	325
36.	Россійская Академія. Московскій Университетъ . . .	327